

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск

236

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЗНАК

МОСКВА 2014

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

**Краткие сообщения Института археологии
Вып. 236 2014**

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. Макаров

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

д-р П. Бан, проф. А. Блоене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин,
чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:

д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, к. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
член-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина,
д. и. н. В. Е. Щелинский

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 236 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М. : Языки славянской культуры : Знак, 2014. — 400 с., ил., вклейка.

ISSN 0130-2620

ISBN 978-5-9551-0747-9

УДК 902/904
ББК 63.4

BRIEF COMMUNICATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
Editor-in-chief Academician N. A. MAKAROV

*На задней стороне обложки изображен
фрагмент колокола со сценой «Сошествие во Ад» (Воскресение),
(к ст. Л. А. Беляева)*

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19;
Телефон +7 (499) 126-47-98, Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

ISBN 978-5-9551-0747-9

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2014
© Авторы, 2014
© Языки славянской культуры, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. От редколлегии	9
-----------------------------------	---

КАМЕННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ВЕКА

<i>Леонова Е. В.</i> Предварительные результаты новых исследований пещеры Двойная в Губском ущелье	11
<i>Гей А. Н.</i> Об одной группе энеолитической посуды поселения Мысхако (Восточный холм)	15
<i>Амиров Ш. Н.</i> Об архитектонике и принципах формирования храмового комплекса Телля Хазна I	21
<i>Авилова Л. И.</i> Анатолийские клады металлических изделий (эпоха раннего металла). Анализ состава комплексов	26
<i>Балабина В. И.</i> Особенности контекста культовых предметов, принадлежащих финальному халколитическому горизонту телля Юнаците	33
<i>Волкова Е. В.</i> Социальная организация населения фатьяновской культуры (предварительные итоги)	38
<i>Корневский С. Н.</i> Уточнение колонки радиоуглеродных дат Большого Ипатовского кургана и особенностей символики его конструкции	42
<i>Клещенко А. А.</i> О так называемых успенском и андрюковском этапах металлообработки в эпоху средней бронзы на Северном Кавказе	49
<i>Лунькова Ю. В., Луньков В. Ю.</i> Грунтовые могильники срубной КИО (предварительные результаты)	55
<i>Стефанов В. И., Кузьминых С. В., Ханов С. А.</i> Таборинская миниатюра (к вопросу о конструкции кельтов эпохи бронзы и раннего железа)	61
<i>Двуреченская Н. Д., Двуреченский О. В., Мокроробородов В. В., Рукавишников И. В., Рукавишников Д. В.</i> Маршрутные исследования на юге Узбекистана в 2013 году	69
<i>Ласкин А. Р.</i> О результатах обследования петроглифов Сикачи-Аляна и Шереметьево в 2014 г.	82

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

<i>Яблонский Л. Т.</i> Тридцатый курган могильника Филипповка 1	87
<i>Масленников А. А., Супренков А. А., Ковальчук А. В., Кузина Н. В.</i> Раскопки поселений эллинистического времени в Крымском Приазовье в 2014 г.	90
<i>Скаков А. Ю., Джошуа А. И.</i> Керамика могильника Джантух эпохи раннего железа (Восточная Абхазия)	99
<i>Завьялов В. И., Терехова Н. Н.</i> К вопросу о происхождении железных изделий у племен тагарской культуры	109
<i>Лопатина О. А.</i> Морфология сосудов дьяковской культуры	112
<i>Гавритухин И. О., Седин А. А.</i> Фибулы с городища Никодимово	118

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Чернецов А. В.</i> Восточноевропейское средневековье по данным археологии. Динамика трансформаций и перспективы изучения	129
<i>Коваль В. Ю.</i> Оборонительные сооружения Ростиславля Рязанского в контексте исследований средневековой русской фортификации	134

<i>Моргунов Ю. Ю.</i> К локализации летописного города Горошина.....	139
<i>Леонтьев А. Е.</i> Раскопки на городище у с. Еськи в 1997 г.	144
<i>Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В.</i> Новые исследования в Старой Рязани.....	150
<i>Захаров С. Д., Зозуля С. С.</i> Новые полевые исследования на территории Тимеревского археологического комплекса.....	157
<i>Зайцева И. Е.</i> Поясные наборы из могильника Шекшово в Суздальском Ополе.....	161
<i>Федорина Н. А.</i> Средневековые памятники у села Весь под Суздалем.....	165
<i>Жилина Н. В.</i> Происхождение яруса из очельных дужек в древнерусском головном уборе	171
<i>Кузина И. Н.</i> Торговля стеклянными бусами в Древней Руси: некоторые вопросы отечественной историографии	179
<i>Захаров С. Д.</i> Новые методы полевых исследований и проблемы интерпретации коллекций стеклянных бус	184
<i>Фараджева Н. Н.</i> Нестандартные постройки, исследованные на Троицком раскопе в Новгороде.....	191
<i>Медынцева А. А.</i> Комплекс надписей художников из храма Софии Новгородской (по материалам надписей-граффити XI – начала XII вв.)	198
<i>Седов Вл. В.</i> Каменный саркофаг из новгородского Пантелеймонова монастыря.....	205
<i>Яганов А. В., Энгватова А. В.</i> Археологические находки белокаменного декора и их значение для реконструкции фасадов ярославского Успенского собора рубежа XV–XVI вв.	211
<i>Зеленцова О. В.</i> Новые исследования Подболотьевского могильника	219
<i>Сапрыкина И. А.</i> Предварительные результаты исследования химического состава цветного металла VIII–X вв. из Подболотьевского могильника.....	230
<i>Флёров В. С.</i> К периодизации ниже-донских крепостей Хазарского каганата	235
<i>Кочкаров У. Ю.</i> К развитию ремесла на Хумаринском городище, Карачаево-Черкесия.....	240
<i>Афанасьев Г. Е.</i> Статистическая проверка гипотезы о возведении стен Маяцкого городища методом «тычок-ложок»	244
<i>Глазунова Е. В., Гайдуков П. Г.</i> Новый клад волжско-камских слитков («лепешек») из Болгара.....	252
<i>Стрикалов И. Ю.</i> Гончарный горн XI века из Старой Рязани	263

НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>Беляев Л. А.</i> Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь – памятник культуры Нового времени: вклад 2014 года	272
<i>Глазунова О. Н., Данилов Ю. О.</i> Горн и мастерская XVIII века для производства поливных изразцов в Солодовых палатах Ново-Иерусалимского монастыря	277
<i>Ёлкина И. И.</i> Текстиль из захоронений XVII в. в Воскресенском соборе Ново-Иерусалимского монастыря	281
<i>Олейников О. М.</i> Путевой складень XVIII в. из Великого Новгорода.....	285
<i>Буров В. А.</i> Медные бирки с именами монахов из Соловецкого монастыря	293
<i>Ольховский С. В.</i> Спасательные археологические исследования на судне «Архангел Рафаил» в 2014 г.	297
<i>Хохлов А. Н.</i> Исследования госпитальных массовых захоронений солдат и офицеров Великой армии Наполеона на участке северного обвода «Первого вального укрепления» Кёнигсберга.....	300

МЕТОДЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ДРЕВНОСТЕЙ И ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

<i>Медникова М. Б.</i> Радиологические методы в палеоантропологии и археологии: динамика развития	307
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Энговатова А. В., Медникова М. Б., Радюш О. А., Пилипенко А. С., Шведчикова Т. Ю., Решетова И. К., Васильева Е. Е.</i> Комплексные междисциплинарные исследования на объекте культурного наследия федерального значения «Могила Ермолова Алексея Петровича (1772–1861 гг.)» в г. Орле.....	313
<i>Шведчикова Т. Ю.</i> О факторах сохранности костной ткани в погребениях	320
<i>Добровольская М. В., Клещенко Е. А., Богомолов Е. С., Захаров С. Д.</i> Опыт применения изотопных исследований в изучении погребальных кремаций.....	323
<i>Антипина Е. Е., Яворская Л. В.</i> Реконструкция размеров крупного рогатого скота по остеологическим материалам из средневековых городов и селищ на территории Европейской части России.....	331
<i>Лебедева Е. Ю., Кубанкин Д. А.</i> Уникальные находки редких растений в золотоордынском городе Укеке	339
<i>Соловьёва Л. Н.</i> Результаты определения древесных пород оборонительных сооружений Албазинского острога.....	345
<i>Воронин К. В., Долгих А. В., Мацковский В. В.</i> Сравнительное радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование иконы «Богоматерь Иерусалимская»	349

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ, ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Масленников А. А., Меснянкина С. В.</i> Археологические полевые исследования на территории России в 2014 году (статистика и предварительный анализ)	355
<i>Сорокина И. А.</i> Становление современных норм учета и хранения археологических коллекций в России	361
<i>Лопатин Н. В.</i> О задачах составления справочника терминов культурно-хронологической атрибуции в археологии России.....	365
<i>Смирнов А. С.</i> Формирование социальной базы дореволюционной российской археологии.....	370
<i>Цетлин Ю. Б.</i> Формы сосудов как объект анализа и источник исторической информации.....	374
<i>Гуляев В. И.</i> Ольмеки в доколумбовой Мезоамерике: вождество или государство?.....	378
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	383
ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ	385

CONTENTS

Preface. From the Editorial board.....	9
--	---

STONE AND BRONZE AGES

<i>Leonova Ye. V.</i> Preliminary results of new research of the cave Dvoynaya in the Gubs gorge.....	11
<i>Gey A. N.</i> Concerning certain group of Eneolithic pottery from settlement Myskhako (Eastern hill).....	15
<i>Amirov Sh. N.</i> On architectonics and formation principles of the temple complex at Tell Hazna I.....	21
<i>Avilova L. I.</i> Anatolian hoards of metal objects (Early Metal period). Analysis of complexes' composition.....	26
<i>Balabina V. I.</i> Features of the context of objects of religious purpose from the latest Chalcolithic horizon of Tell Yunatsite.....	33
<i>Volkova Ye. V.</i> Social organization of the Fatyanovo culture people (preliminary results).....	38
<i>Korenevsky S. N.</i> Revision of radiocarbon chronological column of Bolshoy Ipatovo kurgan and symbolic specifics of its construction.....	42
<i>Kleshchenko A. A.</i> On so-called Uspenskoye and Andryukovskaya stages of the Middle Bronze Age metalworking in the North Caucasus.....	49
<i>Lunkova Yu. V., Lunkov V. Yu.</i> Ground cemeteries of timber-grave cultural-historical entity (preliminary results).....	55
<i>Stefanov V. I., Kuzminykh S. V., Khanov S. A.</i> Miniature model from Tabory (on construction of celts of the Bronze and Iron Ages).....	61
<i>Dvurechenskaya N. D., Dvurechensky O. V., Mokrobodov V. V., Rukavishnikova I. V., Rukavishnikov D. V.</i> Route surveys in South Uzbekistan in 2013.....	69
<i>Laskin A. R.</i> On the results of surveys at the rock-art sites of Sikachi-Alyan and Sheremetyevo in 2014.....	82

IRON AGE

<i>Yablonsky L. T.</i> Kurgan No. 30 of cemetery Filippovka 1.....	87
<i>Maslennikov A. A., Suprenkov A. A., Kovalchuk A. V., Kuzina N. V.</i> Excavations of settlements of Hellenistic period on the Crimean coast, Azov Sea region, in 2014.....	90
<i>Skakov A. Yu., Dzhopua A. I.</i> Pottery from cemetery Dzhantukh of the Early Iron Age (Eastern Abkhazia).....	99
<i>Zavyalov V. I., Terekhova N. N.</i> Concerning the origins of iron objects spread used by the Tagar culture tribes.....	109
<i>Lopatina O. A.</i> Morphology of Dyakovo culture vessels.....	112
<i>Gavritukhin I. O., Sedin A. A.</i> Fibulae from fortified settlement Nikodimovo.....	118

MIDDLE AGES

<i>Chernetsov A. V.</i> East European Middle Ages according to the archaeological data. Dynamics of transformations and investigational prospects.....	129
<i>Koval V. Yu.</i> Defensive constructions of Rostislavl Ryazansky in the context of research of medieval Russian fortification.....	134
<i>Morgunov Yu. Yu.</i> Concerning identification of medieval Russian town Goroshin.....	139
<i>Leontyev A. Ye.</i> Excavations of fortified settlement near village Yes'ki in 1997.....	144

CONTENTS

<i>Strikalov I. Yu., Chernetsov A. V.</i> New investigations in Staraya Ryazan.....	150
<i>Zakharov S. D., Zozulya S. S.</i> New field research in the territory of Timerevo archaeological complex.....	157
<i>Zaytseva I. Ye.</i> Belt sets from the cemetery Shekshovo in Suzdal Field Region.....	161
<i>Fedorina A. N.</i> Medieval sites near village Ves' in Suzdal vicinity	165
<i>Zhilina N. V.</i> The origin of relief arch-band in medieval Russian female headdress	171
<i>Kuzina I. N.</i> Trade in glass beads in Medieval Rus: some problems of national historiography	179
<i>Zakharov S. D.</i> New methods of field research and the problems of interpretation of glass beads collections	184
<i>Faradzheva N. N.</i> Unusual constructions investigated in Troitsky excavation area in Novgorod	191
<i>Medyntseva A. A.</i> Complex of artists' inscriptions from St. Sophia of Novgorod (on the graffiti inscriptions of the 11 th – early 12 th cc.).....	198
<i>Sedov V. V.</i> A stone sarcophagus from St. Panteleimon monastery in Novgorod.....	205
<i>Yaganov A. V., Engovatova A. V.</i> Archaeological finds of white limestone decorative details and reconstruction of the façades of the Assumption Cathedral in Yaroslavl at the turn of the 15 th – 16 th cc.....	211
<i>Zelentsova O. V.</i> New research of Podbolotyevo cemetery.....	219
<i>Saprykina I. A.</i> Chemical composition of non-ferrous metal objects of 8 th – 10 th cc. from Podbolotyevo cemetery. Preliminary analytical results.....	230
<i>Flyorov V. S.</i> On periodization of the Lower Don fortresses of Khazarian khanate.....	235
<i>Kochkarov U. Yu.</i> Craft production at the fortified settlement Khumara in Karachay-Cherkessia.....	240
<i>Afanasyev G. Ye.</i> Statistical verification of the hypothesis on constructing defensive walls of Mayatskoye fortified settlement by header-stretcher method.....	244
<i>Glazunova Ye. V., Gaydukov P. G.</i> New hoard of bun-shaped ingots of Volga-Kama type from Bulgar	252
<i>Strikalov I. Yu.</i> Potter's kiln of the 11 th century from Staraya Ryazan	263

MODERN TIMES

<i>Belyaev L. A.</i> The Resurrection monastery in New Jerusalem – a monument of culture of the Modern times: the contribution of 2014.....	272
<i>Glazunova O. N., Danilov Yu. O.</i> XVIII-century kiln and workshop for producing glazed tiles in the Malt House of New Jerusalem monastery.....	277
<i>Elkina I. I.</i> Textiles from XVI-century burials in The Resurrection cathedral of New Jerusalem monastery	281
<i>Oleynikov O. M.</i> Traveler's folding icon of the 18 th c. from Novgorod the Great	285
<i>Burov V. A.</i> Copper tags with monks' names from Solovki monastery	293
<i>Olkhovsky S. V.</i> Rescue archaeological research in 2014 at the shipwreck "Archangel Rafael"	297
<i>Khokhlov A. N.</i> Investigations of mass hospital burials of soldiers and officers of Napoleon's Great army within the northern outline of the First rampart fortification in Konigsberg	300

METHODS OF NATURAL SCIENCES IN RESEARCH OF ARCHAEOLOGICAL
OBJECTS AND PALAEOANTHROPOLOGICAL MATERIALS

<i>Mednikova M. B.</i> Radiological methods in palaeoanthropology and archaeology: development dynamics	307
<i>Engovatova A. V., Mednikova M. B., Radyush O. A., Pilipenko A. S., Shvedchikova T. Yu., Reshetova I. K., Vasilyeva Ye. Ye.</i> Complex interdisciplinary research at the object of cultural heritage of Federal importance "Grave of General Aleksey Petrovich Yermolov (1772–1861).....	313
<i>Shvedchikova T. Yu.</i> On the factors affecting preservation of bone tissue in burials	320

<i>Dobrovolskaya M. V., Kleshchenko Ye. A., Bogomolov Ye. S., Zakharov S. D.</i> An experiment of using isotope investigations in research of cremation burials.....	323
<i>Antipina Ye. Ye., Yavorskaya L. V.</i> Reconstruction of cattle size on the base of osteological material from medieval urban and rural sites in the territory of European Russia	331
<i>Lebedeva Ye. Yu., Kubankin D. A.</i> Unique finds of rare plants in the Golden Horde city of Ukek.....	339
<i>Solovyova L. N.</i> Wood species determination from the fortifications of the Albazin fortress.....	345
<i>Voronin K. V., Dolgikh A. V., Matskovsky V. V.</i> Comparative radiocarbon and dendrochronological dating of the icon “Mother of God, Jerusalem type”.....	349

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF ARCHAEOLOGY,
ORGANIZATION OF FIELD ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS

<i>Maslennikov A. A., Mesnyankina S. V.</i> Field archaeological investigations in the territory of Russia in 2014 (statistics and preliminary analysis).....	355
<i>Sorokina I. A.</i> Formation of modern standards of registration and preservation of archaeological collections in Russia	361
<i>Lopatin N. V.</i> Concerning the tasks of compiling a handbook of terms on cultural-chronological attribution used in Russian archaeology.....	365
<i>Smirnov A. S.</i> Formation of social base of pre-revolutionary Russian archaeology	370
<i>Tsetlin Yu. B.</i> Vessels' shapes as an object of analysis and source of historical information	374
<i>Gulyayev V. I.</i> Olmecs in pre-Columbian Mesoamerica: a chiefdom or a state?	378
ABBREVIATIONS.....	383
COLOUR PLATES.....	385

ПРЕДИСЛОВИЕ. ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предлагаемый вниманию читателей 236-й выпуск КСИА отличается по характеру и подбору материалов от большинства номеров, изданных в последние годы. В нем собраны короткие публикации, представляющие результаты новейших изысканий сотрудников Института археологии РАН по всем основным направлениям тематики Института. Значительная часть этих материалов подготовлена в рамках выполнения текущих плановых научных тем. Выпуск, таким образом, открывает широкую (хотя и далеко не полную) картину научных исследований Института, не в парадном, а в рабочем, черновом виде.

Стоит напомнить, что Краткие сообщения были первоначально задуманы как информационное издание, знакомящее читателей с текущей работой Института, публикующее краткое содержание научных докладов, аннотации выполненных плановых тем, предварительные отчеты об экспедициях, обзоры конференций. Именно такими были первые номера КСИИМК, вышедшие из печати в 1939 г. Этот формат сохранялся в течение почти двух десятилетий, как соответствующий запросам археологического цеха и отвечающий интересам науки. С расширением археологических исследований в нашей стране и развитием Института Краткие сообщения изменились: выпуски стали формироваться по тематическому принципу, объем статей увеличился, основу выпусков стали составлять материалы, представляющие итоговые результаты крупных проектов. Этот подход к формированию КСИА был в полной мере реализован при возобновлении издания в 2001 г. и поддерживается в настоящее время. Очевидно, что сегодня нет оснований для его глобальной ревизии. Тем не менее, редколлегия считает целесообразным периодически готовить выпуски на несколько иной платформе, отдавая предпочтения коротким публикациям, по которым читатель имел бы возможность представить основное содержание новейших проектов, выполняемых в Институте археологии.

В составе выпуска 61 публикация. Статьи группируются по хронологическому и тематическому принципам. Всего в выпуске шесть разделов: Каменный и бронзовый века (12 статей), Железный век (6 статей), Средневековье (22 статьи), Новое время (7 статей), Методы естественных наук в изучении археологических древностей и палеоантропологических материалов (8 статей), Вопросы теории и истории археологии, организация полевых археологических исследований (6 статей).

Географический и хронологический диапазон выпуска чрезвычайно широк: это практически вся территория России от Дальнего Востока до Калининграда, от Кавказа до Севера России, охваченная археологическими

исследованиями. Несколько публикаций посвящены зарубежным археологическим исследованиям. На временной шкале представлены материалы от каменного века до начала XX в.

Большая часть статей посвящена публикации новых материалов, в том числе открытых в ходе проведения полевых работ за последние 1–2 сезона. Ряд сквозных тем разрабатывается на материалах разных эпох. В научный оборот вводятся новые памятники, комплексы и находки, предлагается их интерпретация с точки зрения уточнения хронологии, историко-культурного контекста, этнической принадлежности, связи с эволюцией социальных систем древности.

Тематически выпуск весьма представительен. Весьма объемный блок образуют статьи, в которых рассматриваются древности доисторического периода (каменный, бронзовый, железный века), большая серия публикаций посвящена памятникам Средневековья. Специальный раздел посвящен результатам применения методов естественных наук в исследованиях археологического и в особенности палеоантропологического материала. Тематически новым является выделение специального раздела, посвященного археологии Нового времени. Новым также является раздел по проблемам теории и истории археологической науки и актуальным аспектам организации полевых исследований, с публикацией статистических данных по выдаче разрешений (открытых листов) на проведение полевых работ.

Выпуск позволяет составить представление о проблематике исследований Института археологии РАН, новых методических подходах к анализу и интерпретации археологических древностей, географической широте новейших экспедиционных работ. Впервые публикуются некоторые резонансные археологические находки 2012–2014 гг., отчасти уже знакомые читателям по информации на сайте Института. Статьи, включенные в 236-й выпуск КСИА, раскрывают формирование новых исследовательских интересов и новых направлений в изучении древностей, предполагающих совершенствование приемов археологического источниковедения и более полное использование информационного потенциала тех категорий материалов, которые ранее недооценивались.

КАМЕННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ВЕКА

Е. В. Леонова

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ В ГУБСКОМ УЩЕЛЬЕ

Резюме. В статье представлена краткая информация о результатах исследований последних трех лет многослойного памятника каменного века на Северо-Западном Кавказе пещера Двойная. Дана общая характеристика наиболее раннего культурного слоя пещеры, датированного поздней порой верхнего палеолита. Из этого слоя происходит крупное костяное острие с орнаментом из трех рядов поперечных насечек. находка подробно описана и проиллюстрирована.

Ключевые слова: каменный век, Северо-Западный Кавказ, верхний палеолит, изделия из кости.

Раскопки пещеры Двойная ведутся с 2008 года. Пещера Двойная находится в Губском ущелье (предгорья северного склона Западного Кавказа, Скалистый хребет). В 2006 г. Е. В. Беляевой на левом борту ущелья на высоте 46 м над тальвегом реки Губс (803 м над у. м.) были обнаружены два соседних грота (малый – восточный и большой – западный). На следующий год были заложены разведочные шурфы в центре западного грота и зачистка у его входа. В шурфе под мощным слоем обвала были найдены кремневые артефакты, кости животных и раковины наземных брюхоногих моллюсков *Helix* sp. (Беляева и др., 2009; Леонова, 2011). К настоящему моменту общая площадь вскрытий в большом (западном) гроте пещеры Двойная, включая шурфы и зачистки, составляет примерно 26,5 кв. м, но основная площадь раскопа значительно меньше – около 21 кв. м (Леонова, 2014).

В 2014 году были продолжены исследования на площади раскопа 2008–2013 гг., который был законсервирован. На небольшом участке в западной части раскопа впервые была исследована полная стратиграфическая колонка рыхлых отложений. Обнаружена поверхность скального основания, на которой поселились древнейшие обитатели пещеры. Выявлена следующая стратиграфия (слои описаны сверху вниз): 1 – пачка суглинистых и супесчаных отложений с мелким щебнем, разделенных тонкими углистыми, золистыми, ожелезненными прослойками, общая мощностью до 1 м; 2 – тонкая (до 2 см) прослойка бурого суглинка с единичными расщепленными кремнями, костями и раковинами моллюсков *Helix*; 3 – горизонт обвала, состоящий из крупных угловатых обломков известняка (глыб и щебня),

мощностью до 90 см; 4 – коричневый гумусированный суглинок с большим количеством раковин моллюсков *Helix* и отдельными угольками (10–60 см); 5 – бурый суглинок с щебнем, большим количеством раковин *Helix* и обломками костей (0–30 см); некрупный щебень и разложившийся известняк (десквамационный горизонт?) – 0–20 см; 6 – бурый «рыхлый» суглинок, с тонкими углистыми прослойками, большим количеством раздробленных трубчатых костей и раковинами *Helix* (5–30 см); плотный слой окатанных обломков известняка (средних и крупных валунов) около выхода, в глубине – мелкий щебень, переходящий по мере удаления от входа в тонкую белесую прослойку суглинка (0–20 см); 7 – пачка чередующихся более светлых и более темных серовато-коричневых тонких прослоек суглинков до 40 см; 8 – тонкая прослойка коричневой глины (0–0,5 см); 9 – скальное дно пещеры, представляющее собой растрескавшуюся неровную окатанную поверхность известняка. Слои 4 и 5 ассоциируются с первым культурным слоем (поздний мезолит), слой 6 соответствует второму культурному слою (ранний мезолит), а слой 7 – третьему культурному слою (поздняя пора верхнего палеолита).

Последние три полевых сезона на большей части площади раскопа исследовался третий культурный слой. Материалы этого слоя на основании данных стратиграфии, радиоуглеродного анализа¹, анализа остатков мелких позвоночных, а также сравнительно-типологического анализа каменного инвентаря относятся к поздней поре верхнего палеолита, самому концу эпохи плейстоцена и предварительно датированы временем около 13 тыс. л. н. Как уже отмечалось выше, литологический слой 7 (к. с. 3), отделенный от вышележащего слоя тонким десквамационным горизонтом, представляет собой пачку чередующихся светлых и темных прослоек суглинков (примерно 10–12 прослоек различной мощности – от 1–2 до 5–10 см) и локально простирающимися тонкими углистыми и золистыми прослойками – следами кострищ и выбросов из них. Незначительная мощность, небольшие отличия цвета суглинков, неравномерные перепады поверхности прослоек не позволяют в процессе раскопок четко подразделять в плане толщу третьего культурного слоя на отдельные фации. Слой очень насыщен артефактами и фаунистическими остатками, в слое также зафиксировано несколько десятков (без данных из промывки) волокон древесины. Перерывов в накоплении находок не отмечено. Видимо, эти прослойки отражают различные периоды обитания древних насельников (сезонности, несколько этапов заселения и т. д.). Коллекция каменного инвентаря выглядит гомогенной, по предварительным подсчетам (не все материалы еще обработаны) – около 10 тысяч находок, включая мелкий дебитаж. Представлены все основные категории: орудия для первичного расщепления, продукты первичного расщепления, орудия и их обломки, технологические сколы изготовления орудий. Однако ряд сделанных в ходе раскопок и камеральной обработки наблюдений позволяет заметить некоторые отличия материалов из самой нижней прослойки и вышележащих. Нижняя прослойка представляет собой темно-коричневый суглинок, немного светлеющий только на контакте

¹ Прямых датировок для материалов из слоя пока не получено, наиболее ранняя дата получена для перекрывающего мезолитического слоя 11,8 тыс. л. н.

с подстилающим скальным дном пещеры. Темный цвет этой прослойки может быть связан с несколькими углистыми линзами, зафиксированными на площади раскопа, а также, судя по данным почвенных микробиологического и геохимического анализов², с большим содержанием привнесенной органики. Следы наиболее мощного кострища, представляющего собой несколько переслаивающихся углистых и золистых прослоек, были обнаружены при входе в пещеру, за естественной скальной «ступенькой» в западной части раскопа. К нижней части толщи приурочены два скопления костей крупных копытных млекопитающих, находки более десятка бусин из раковин речных моллюсков *Theodoxus fluviatilis*, а также небольшое скопление (около 10 экз.) раковин наземных моллюсков *Helix* sp. Последние в изобилии найдены в выше лежащих мезолитических слоях, но полностью отсутствуют в верхней части верхнепалеолитического слоя. Различия в кремневом инвентаре пока не прослеживаются, за исключением находки в нижнем горизонте нескольких низких асимметричных треугольников, до этого не встречавшихся не только в материалах из раскопок пещеры Двойная, но и в коллекции соседнего памятника навеса Чыгай, где тоже исследовался культурный слой поздней поры верхнего палеолита (Леонова и др., 2014; Леонова, 2014). При довольно хорошей сохранности кости, изделия из этого материала единичны как в мезолитических, так и в верхнепалеолитическом слое.

В 2014 г. было найдено уникальное для верхнего палеолита Северного Кавказа изделие из кости с орнаментом. Это крупное (11,2 см в длину) веретенообразное, слабо изогнутое острие с тремя рядами ритмичных коротких поперечных насечек) (рис. 1, на вклейке, с. 385). В качестве заготовки, вероятно, была использована трубчатая кость крупного копытного (?) животного. В центральной части острия сохраняется естественные подтреугольное сечение и следы желобка кости-заготовки, на концах орудия компакта сильно срезана (почти до губчатой массы). Поверхность острия блестящая заполированная, со сглаженными продольными следами от работы стругом и/или резцом. Дистальный (более тонкий) конец острия обломан, видны продольные грубые линейные следы подправки на поверхности дистальной части. Проксимальная часть утончена, по периметру имеет, вероятно, преднамеренные выщерблены поверх заполированной поверхности, конец поперечно обрезан. Сечение дистального конца круглое, диаметр по слому – 0,4 мм; проксимального – овальное, 0,55 × 0,7 см; максимально утолщенная часть острия на расстоянии 1/3 длины изделия от проксимального конца имеет подовальное сечение 1,1 × 0,8 см. Три ряда неглубоких поперечных насечек (от 42 до 45 в каждом ряду) нанесены вдоль всего изделия по направлению ребер трех «граней» центральной части. Поперечные нарезки ритмично нанесены вдоль всего изделия, начинаясь на расстоянии 0,6 мм от края проксимального конца (возможно, что еще одна насечка была на 2 мм ближе к краю, но из-за выщерблены на поверхности установить это точно не представляется возможным) и заканчиваются на расстоянии 1, 1,5 и 1,8 см от сломанного дистального конца, в той части, где

---

² Анализы выполнены Е. В. Чернышевой.

видна грубая подработка поверхности. Не исключено, что насечки в этой части были срезаны в результате подправки орудия. Расстояние между насечками от 1,5 до 3 мм, в большинстве случаев шаг равен примерно 2 мм. Длина насечек различная: от 1,5 до 6 мм. Наиболее длинные насечки нанесены в проксимальной части, наиболее короткие – в центральной, наиболее выступающей, части изделия. В центральной части изделия четко видны линейные следы первичной обработки кости, поверх которых уже были нанесены насечки. Край насечек, а также край слома острия и границы желобков – следов подправки дистального конца – заглажены. Вероятнее всего, изначально изделие было значительно длиннее, а после поломки (не исключено, что и проксимальный конец значительно модифицирован) было переделано в подвеску.

Изделия из кости и бивня с рядами ритмично расположенных насечек известны в верхнепалеолитических и мезолитических памятниках Европы, но прямых аналогий и обоснованных интерпретаций этих предметов найти пока не удалось (см., например, *Амирханов и др.*, 2009. С. 221. Рис. 5, 2. Табл. 26, 1; *Фролов*, 1974. Табл. 33; *Gvozdover*, 1995. Fig. 78, 148).

Наиболее близкое по форме изделие из кости, похожее на острие, происходит из раскопок мезолитической стоянки Нижнее Веретье, но опубликован лишь рисунок в одной проекции и нет описания (*Ошибкина*, 2006. Рис. 84, 4).

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Лев С. Ю.*, 2009. Обработанная кость стоянки Зарайск А (технологический и трасологический аспекты) // *Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Бужилова А. П., Бутова Н. Д., Лев С. Ю., Машенко Е. Н.* Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005 / Под ред. Х. А. Амирханова. М.: Палеограф. С. 187–289.
- Беляева Е. В., Александровский А. Л., Леонова Е. В.*, 2009. Новые исследования в бассейне р. Губс (Кубанский Кавказ) // АО 2006 года. М.: ИА РАН. С. 347–348.
- Леонова Е. В.*, 2011. Раскопки памятника каменного века навес Чыгай и археологические исследования на р. Губс в 2007 г. // АО 2007 года. М. С. 291–292.
- Леонова Е. В.*, 2014. Отчет о полевых исследованиях Губской археологической экспедиции ИА РАН пещеры Двойная в Мостовском районе Краснодарского края в 2013 г. (Открытый лист № 752) // Архив ИА РАН. Р-1.
- Леонова Е. В., Антипушина Ж. А., Н. В. Сердюк, Спиридонова Е. А., Тесаков А. С.*, 2014. Культурная адаптация древнего человека и реконструкция среды обитания в предгорьях Северо-Западного Кавказа в конце плейстоцена – начале голоцена (по материалам из раскопок пещеры Двойная и навеса Чыгай) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А. Г. Ситдииков [и др.]. Том IV. Казань: Отечество. С. 347–305.
- Ошибкина С. В.*, 2006. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье / Отв. ред. А. Н. Сорокин. М.: ИА РАН. 322 с.
- Фролов Б. А.*, 1974. Числа в графике палеолита / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. 238 с.
- Gvozdover M.*, 1995. Art of the Mammoth Hunters: The Find from Avdeev / Ed. by P. Bahn. . Oxford: Oxbow Books. 186 p. (Oxbow Monographs; 49.)
- Leonova E. V.*, 2014. Investigation of Mesolithic and Upper Paleolithic multilayer sites in the North-West Caucasus // The Dolni Věstonice Studies. Vol. 20: Mikulov Anthropology Meeting, August 27–29, 2014. Brno: Academy of Science of the Czech Republic, Institute of Archaeology. P. 45–50.

Сведения об авторе

Леонова Елена Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: lenischa@yandex.ru.

Ye. V. Leonova

Preliminary results of new research
of the cave Dvoynaya in the Gubs gorge

Abstract. The publication presents brief information on the results obtained during three seasons of excavations of the multilayer site cave Dvoynaya in the North-Western Caucasus. A general characteristic of the earliest cultural layer is published which falls within the late stage of the Upper Palaeolithic. The most spectacular find originating from this layer is a big bone point ornamented with three rows of incisions. The object is illustrated and described in details.

Key words: Stone Age, North-Western Caucasus, Upper Palaeolithic, bone objects.

About the author

Leonova Yelena V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: lenischa@yandex.ru.

А. Н. Гей

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ ПОСЕЛЕНИЯ МЫСХАКО (ВОСТОЧНЫЙ ХОЛМ)

Резюме. Керамический комплекс энеолитической культуры типа Мешоко, существовавшей на Западном и Центральном Кавказе во 2-й половине V – 1-й четверти IV тыс. до н. э., отличается редким единообразием, что затрудняет определение внутренней хронологии и тенденций развития данной культуры. Главные его характеристики – сочетание горшковидных форм и мисок-чаш, высококачественное лощение, преобладание своеобразной «жемчужной» орнаментации. Выделена группа керамики, имеющей вдавленную и штампованную орнаментацию. Она выглядит чужеродной для Кавказа, но имеет многочисленные и разнообразные аналогии на памятниках степной зоны Нижнего Дона и Северного Причерноморья. В работе рассматривается данная группа керамики с поселения Мысхако (район Новороссийска). Предложены аналогии из стратифицированных поселений более северных территорий (Самсоновское и Раздорское I), на этом основании предполагается относительно поздний возраст Мысхако по сравнению с другими памятниками мешоковской культуры (поселение Свободное).

Ключевые слова: Западный Кавказ, энеолит, поселение Мысхако, мешоковская культура (Мешоко), древняя керамика.

Энеолитическая культура типа Мешоко, существовавшая на Западном и Центральном Кавказе во 2-й половине V – 1-й четверти IV тыс. до н. э., известна исключительно по материалам поселений. Одним из главных показателей принадлежности того или иного конкретного памятника к данной культуре выступает ее керамический комплекс, основную часть которого составляет высококачественная лощеная посуда с характерной рельефной, так называемой «жемчужной» орнаментацией. Вместе с тем компактность и яркое своеобразие такого комплекса служит и определенным препятствием для решения вопросов о формировании, связях и судьбах мешоковской культуры. Сама же керамика изучена далеко не достаточно – в литературе представлены лишь различные по подробности обзоры коллекций отдельных памятников.

В настоящей работе рассматривается небольшая группа фрагментов из нижнего (энеолитического) слоя поселения Мысхако I у г. Новороссийска, заметно выделяющаяся на фоне всей керамической серии и имеющая аналогии за пределами Северного Кавказа. Для более точного понимания ее характера и места в материалах данного памятника приведем краткие сведения обо всем массиве керамики энеолитического слоя. Основаны они на подсчетах, выполненных по материалам из раскопок 1990 г., и имеют несколько условный характер, поскольку производились не по целым формам, а по отдельным фрагментам. Тем не менее, они позволяют составить достаточно адекватное представление о наборе форм и особенностях орнаментации керамики данного памятника.

Практически вся энеолитическая посуда за вычетом специальных форм (цедилок-«дымокуров») разделяется на две морфологические группы. Первая, преобладающая в количественном отношении (около 89% фрагментов венчиков), включает горшки со сферическим туловом, округлым дном и плавно или через внутреннее ребро, но всегда сильно отогнутым наружу сравнительно высоким венчиком. Ко второй относятся также округлодонные полусферические или близкие к этой форме миски-чаши (около 11% венчиков). В группе горшков орнаментальные зоны практически всегда размещаются на плечиках сосуда и только иногда имеют дополнения, спускающиеся ниже, на его бока. Среди орнаментированных экземпляров две трети (66%) украшены горизонтальными зонами из различных по аккуратности и плотности расположения рядов жемчужин, у 19,5% такие же зоны образованы горизонтальными рядами различных вдавлений (наколов, косых тычков, короткого зубчатого штампа, неглубоких ямок и т. д.), у 3% жемчужины и вдавления сочетаются внутри такой зоны. Примерно в 8% случаев горизонтальная зона из жемчужин или вдавлений на плечиках дополняется снизу зигзагом из сдвоенных прочерчено-проглаженных линий или рельефным волнистым валиком. И только на 3,5% орнаментированных фрагментов фиксируются участки композиций, не подпадающих под определение зональных (вертикальные расчлененные валики, вертикальные колонки из жемчужин, сопряженные под разными углами линии или ряды жемчужин).

Наиболее распространенный элемент орнамента – выпуклые жемчужины, выдавленные тупой палочкой изнутри сосуда, после чего образовавшиеся ямки замазаны слоем глины, так что в толще черепка на месте жемчужины остаются цилиндрические замкнутые пустоты. Жемчужины очень разнообразны – мелкие и крупные, плоские или замкнутые сверху и рельефные, редко посаженные или

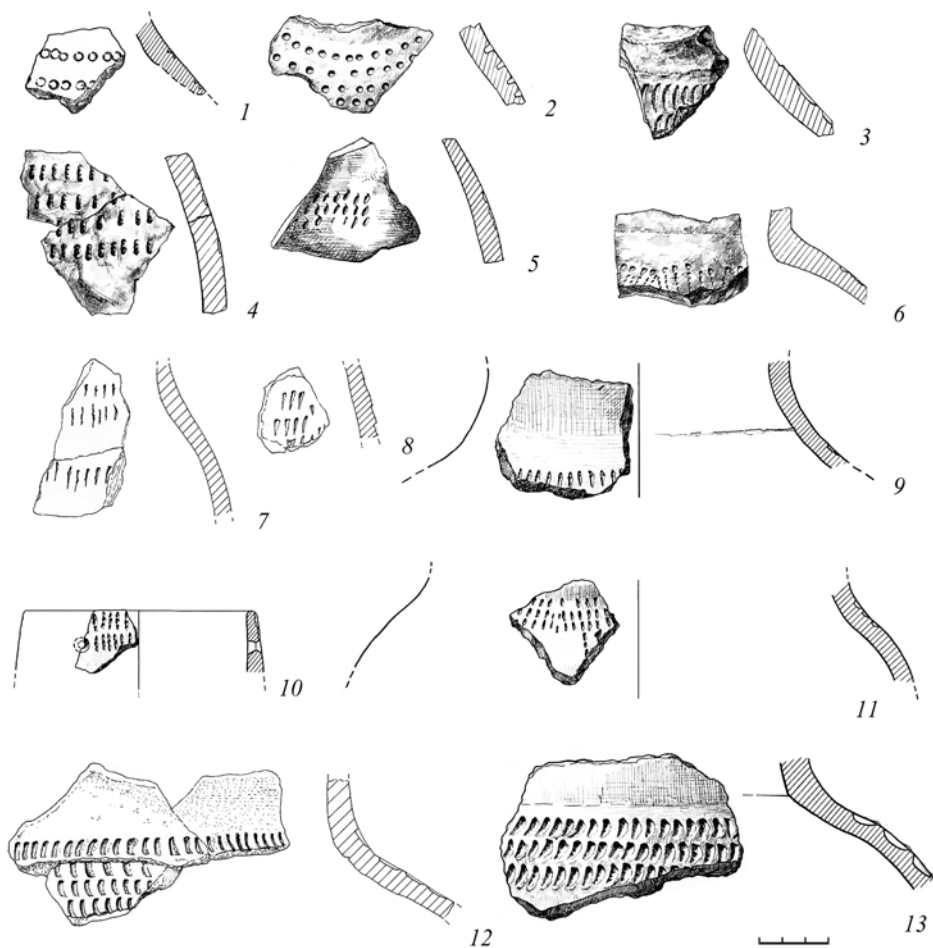
наезжающие одна на другую. Наиболее редкий элемент – рельефные проглаженные валики, чаще всего проходящие волнистой полосой по плечикам, а на нескольких сосудах – вертикальные, спускающиеся от плечика на тулово.

Второе и третье места делают между собой прочерченные линии, образующие обычно спаренный горизонтальный зигзаг и углубленные оттиски и вдавления штампов: короткой двух или трехзубой гребенки, изогнутых скобковидных вдавлений, наклонных отпечатков – тычков, гладких и тонких насечек, «гусенички» или оттисков боковой поверхности стержня с намотанной на него веревочкой, ямочных вдавлений без негативов-жемчужин, оттисков трубочки или полого стебля.

Углубленные или штампованные орнаменты не образуют какой-либо изолированной, четко ограниченной группы – все они (за исключением представленных единичными экземплярами) встречаются не только сами по себе, но и в разнообразных сочетаниях с основными видами: жемчужными, прочерченными или валиковыми композициями. То же самое можно сказать и об их сочетаемости с различными вариантами форм и даже «классов» сосудов. Вдавленные и штампованные элементы узора имеются и на резкопрофилированных горшках, и на горшках с плавной, S-видной профилировкой верхней части, и даже на мисках и чашах, причем как в составе предположительно более архаичной серии тонкостенных сосудов с зеркальным лощением, так и в серии относительно толстостенных и скорее не лощеных, а заглаженных сосудов из верхних горизонтов энеолитического слоя. В большинстве случаев во всех этих группах и подгруппах речь идет не о чистых образцах, а именно об использовании вдавлений и штампов в качестве дополнений к основным элементам в составе единых орнаментальных композиций.

На этом фоне выделяется сравнительно небольшая группа сосудов, украшенных, насколько можно судить по сохранившимся частям и фрагментам, исключительно вдавленными и штампованными узорами. Отличительной чертой ее является плавная S-видная профилировка верхней части горшковидных сосудов и худшее (по сравнению с основным массивом) качество обработки поверхности, а также не совсем обычные вариации цвета поверхности (серо-желтой, буро-коричневой, черной при преобладании оранжевых, коричнево-оранжевых, красноватых и красно-серых тонов в основной серии). Орнаментальные композиции представлены, как правило, горизонтальными зонами оттисков одного вида штампа, в том числе горизонтальными «елочными» узорами (рис. 1; рис. 2, на вклейке, с. 385).

Такие особенности за исключением технологии (она остается единой для всего массива мысхакской энеолитической посуды, что выражается в абсолютном доминировании у всей керамики примесей кварцевой или известковистой дресвы) находят соответствия в керамике энеолитических памятников и культур более северных и северо-западных районов Причерноморья. Речь идет в первую очередь о стратифицированных поселениях Нижнего Дона, где наиболее близкие параллели присутствуют в материалах 5 слоя Самсоновского поселения и, скорее всего, в 4 и нижнем горизонте 5 слоя поселения Раздорское I (Гей, 1983; Кияшко, 1994). В пользу такого сравнения говорят и наблюдения над некоторыми другими категориями находок, например над кремневыми орудиями. Именно в 5 и 4 слоях

Рис. 1. Мысхако I (Восточный холм). Керамика, орнаментированная вдавлениями и различными видами штампов

Самсоновского поселения зафиксированы находки кремневых сверл, являющихся как бы «визитной карточкой» энеолитического слоя Мысхако.

Не менее интересны и более отдаленные аналогии, имеющиеся, с нашей точки зрения, в материалах степной и юга лесостепной зон Украины. Не вдаваясь в детали многолетней и далекой от завершения дискуссии о составе, дефинициях и структуре существовавших тут энеолитических образований, отмечу, что наибольшее число сходжений с мысхаковскими отмечается здесь в керамике нескольких поселений, отнесенных недавно Н. С. Котовой к дереивской и нижнемихайловской культурам. Речь идет о Деревивке, Александрии и нижнем слое Михайловского поселения. Существенно, что на данный момент в керамике

ческих комплексах только этих трех памятников вышеназванных культур отмечено сочетание горшковидных и мискообразных форм (Котова, 2013. С. 104), что совпадает с набором форм Мысхако и других памятников мешоковской культуры. Отражением именно этого направления связей, вероятно, является и единственный на Мысхако фрагмент с шнуровой орнаментацией (рис. 2, 1, на вклейке, с. 385), древнейшая находка такого рода на Кавказе.

Таким образом, в составе керамической коллекции Мысхако выделяется небольшая группа посуды, которая с известной долей условности может быть обозначена как «степная». Это наблюдение не является единичным для памятников мешоковской культуры. Группа «импортной степной» керамики была выделена по материалам поселения Свободное (Нехаев, 1992), близкие к ним образцы имеются и в коллекции с поселения «Замок» (Корневский, 1998).

В этой связи можно отметить два момента. Во-первых, говорить о керамических «импортах» применительно к первобытным (позднепервобытным?) обществам вряд ли правомерно. Керамика тут не предмет торгово-обменных отношений, а скорее показатель тесных контактов и даже сосуществования различных производственных традиций и их носителей в пределах одного памятника. К «степной» группе посуды с Мысхако такое понятие вообще неприменимо, поскольку технологические показатели и для «степной» керамики, и для основного керамического фонда достаточно похожи (примесь дресвы), помимо чего наблюдается и частое взаимосочетание или пересечение «степных» и собственных приемов и в формах, и в орнаментации керамики. Поэтому «степную» группу керамики Мысхако следует понимать только как синкретическую. Появление ее – результат не прямого, а, скорее, опосредованного (через ряд промежуточных хронологических или территориальных звеньев) контакта. Что, в общем, вполне естественно для памятника, отделенного пусть невысокими, но горными хребтами и от степных районов, и от прочих памятников мешоковской культуры.

Второй момент связан с хронологией. «Импортную» степную керамику поселения Свободное А. А. Нехаев сравнивал с материалами 5 и 6 слоев Самсоновского поселения на Дону (Нехаев, 1987. С. 22–24), что вряд ли правомерно. В действительности она выглядит более архаичной и соответствует керамике из 3 слоя Раздорского I поселения (Кияшко, 1994. Рис. 5 на с. 91) и погребений типа Мухин II 5/7 или Семенкин 3/10, имеющей раннеэнеолитические черты с отчетливыми азово-днепровскими реминисценциями. В 5 и 6 слоях Самсоновки и, скорее всего, в слое 4 и нижнем горизонте 5-го слоя Раздорского I поселения (напомню, что на нем нумерация слоев идет снизу вверх) присутствуют аналогии синкретической «степной» группе Мысхако, что вполне естественно, поскольку по целому ряду показателей Мысхако является более поздним памятником, чем Свободное. Таким образом, на данный момент в самых общих чертах может быть обозначена следующая система синхронизации энеолитических поселений Северного Кавказа и Нижнего Дона:

Свободное = слой 3 Раздорского I поселения;

Мысхако = слои 4 и 5 (?) Раздорского I и слой 5 Самсоновского поселений;

Майкопская культура = слои 6 и 7 Раздорского I и Константиновское поселение.

ЛИТЕРАТУРА

- Гей А. Н., 1983. Самсоновское поселение // Древности Дона / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 7–34.
- Кияшко В. Я., 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тыс. до н. э.). Азов: Азовский краеведческий музей. 132 с. (Донские древности; Вып. 3.)
- Корневский С. Н., 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. I. Ставрополь: Наследие. С. 96–147.
- Котова Н. С., 2013. Деревская культура и памятники нижнемихайловского типа // Киев; Харьков: Майдан. 486 с.
- Нехаев А. А., 1987. Закубанье и степь в эпоху раннего металла // Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар. С. 22–24.
- Нехаев А. А., 1992. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. Вып. 1. СПб: Дмитрий Буланин. С. 76–96.

Сведения об авторе

Гей Александр Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: donkuban@mail.ru.

A. N. Gey

Concerning certain group of Eneolithic pottery
from settlement Myskhako (Eastern hill)

Abstract. Pottery of the Eneolithic culture of Meshoko type that existed in the Western and Central Caucasus from 2nd part of the 5th – 1st quarter of the 4th mill. BC is distinguished by striking unity. This fact makes it difficult to investigate the culture's internal chronology and development. Main feature of this pottery complex is combination of pot-like shapes and bowls, high-quality burnishing and boss ornamentation. The present research has revealed a new group of pottery with impressed, incised and stamped decoration, which looks alien for the Caucasus, but has numerous parallels in the steppes of the Lower Don and North Pontic zone. This group of pottery from the settlement Myskhako near Novorossiysk is considered. A series of analogies from stratified settlements situated farther north (Samsonovskoye and Razdorskoye I) is pointed out, which suggests to suppose relatively late chronology of Myskhako, as compared to the other sites of the Meshoko culture (settlement Svobodnoye).

Key words: Western Caucasus, Eneolithic, settlement Myskhako, Meshoko culture, ancient pottery

About the author.

Gey Alexander N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: donkuban@mail.ru.

Ш. Н. Амиров

ОБ АРХИТЕКТОНИКЕ И ПРИНЦИПАХ ФОРМИРОВАНИЯ ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА ТЕЛЛЯ ХАЗНА I

Резюме. Статья посвящена парадигмам и основным принципам возведения храмового комплекса на многослойном поселении Телля Хазна I в Северной Месопотамии (IV – первая треть III тыс. до н. э.), исследованном раскопками Российской экспедиции. Автор приходит к выводу, что факторами, определявшими особенности возведения и функционирования комплекса, были, с одной стороны, географическое положение поселения и характер внешних влияний на Северную Месопотамию, а с другой стороны – морфологические особенности памятника, в частности, процессы формирования культурного слоя, предшествовавшего монументальному строительству на поселении.

Ключевые слова: Северная Месопотамия, храмовый комплекс, поздний халколит, культура Ниневия 5.

Телль Хазна I, как и множество других поселений Северной Месопотамии IV–III тыс. до н. э., функционировало исключительно долго и, по сути, почти непрерывно от начала IV до конца первой трети III тыс. до н. э.

Расположение поселения в южной части Хабурской степи в полосе маргинального неполивного земледелия, где в настоящее время выпадает менее 300 мм годовых осадков, определило исключительную зависимость урожайности региона, а следовательно, и вытекающую из этого социальную активность общины Телля Хазна I от климатических колебаний (Амиров, 2010. С. 29–32). Храмовый комплекс был возведен в конце IV тыс. до н. э. в момент максимальной гумидизации климата и соответственно наличия у общины поселения максимального прибавочного продукта. С начала III тыс. до н. э. в Северной Месопотамии начинается очередной цикл аридизации (Амиров, 2010. С. 36–62; Амиров, 2014. С. 3–17), что приводит к уменьшению урожайности и деградации социальной организации общин на юге Хабурского треугольника. Это находит отражение в архитектурном оформлении поселения Телль Хазна I, когда жилые конструкции занимают центральную часть поселения, перекрывая культовые здания предшествующего времени.

Группа поселений, расположенных в этой полосе дождевания, документирует как синхронное заселение южной части Хабурской степи, так и приблизительно синхронное завершение жизни на этих поселениях. Из археологически исследованных памятников это Телль Кашкашок III (Suleiman, 1996. P. 55, 56; Munchaev, Amirov, 2012. P. 93–116), Телль Фарес аш-Шарки (Forest, Vallet, 2008. P. 191–198). На поселениях этой части Хабурской степи (в отличие от множества других, как правило, расположенных севернее) часто отсутствуют значительные отложения II тыс. до н. э., что делает доступным системное и широкомасштабное исследование архитектуры первого этапа городской революции Джезиры, малодоступное на более крупных поселениях, где слои IV–III тыс. до н. э. достижимы преимущественно в виде зондажей.

Особенностью поселения Телле Хазна I (как и поселения Телль Кашкашок III) является его храмовый характер. Это не означает, что на протяжении всей своей истории поселение представляло собой кульгово-административный центр, тем более что нижние 8 метров культурного слоя в центральной части поселения не исследованы. Это означает, что на определенном этапе развития на поселении по единому централизованному плану возводятся монументальная общественная архитектура. Единый храмовый комплекс функционировал в течение определенного времени, после чего на позднем этапе жизни поселения происходит системное разрушение централизованной организации комплекса, а на самом позднем этапе жизни Телля Хазны I – его полное перерождение в рядовое бытовое поселение.

Сакральный характер сооружений комплекса Телль Хазны I периода его расцвета обусловил их долговременное вторичное использование и исключительную сохранность (*Amirov*, 2008. P. 137–150). Особенность Телль Хазны I – это тот факт, что практически все монументальные общественные здания сохранились на первоначальную высоту. Отказ от принципа нивелировочного разрушения стен вышедших из использования конструкций и система заполнения балластом интерьера помещений обусловила как исключительную сохранность архитектурного комплекса поселения, так и в ряде случаев отсутствие на памятнике общей прямой горизонтальной стратиграфии слоев. Хронологическая последовательность использования сооружений в ряде случаев восстанавливается благодаря нарушению принципов централизованной планировки, когда более поздние сооружения перегораживают улицы и проходы предыдущего периода (*Amirov*, 2008. P. 137–150). В то же время чрезвычайно плотная застройка замкнутой площади поселения определила многократное повторение планов зданий на месте конструкций предшествующего времени. В случае Телль Хазны I стены помещений времени функционирования храмового комплекса использовались в качестве фундаментов для зданий более позднего времени, когда храмовый комплекс уже перестал функционировать. Часто наиболее поздние бытовые сооружения Телль Хазны I повторяют планы нижележащих монументальных общественных конструкций (*Amirov*, 2014. P. 293–304).

Особенность комплекса сооружений культового центра Телля Хазна I состоит также и в том, что это храмовое поселение почти непрерывно существовало на протяжении позднеурукского времени конца IV тыс. до н. э. и северомесопотамской культуры Ниневия 5 первой половины III тыс. до н. э.

С начала III тыс. до н. э. связи Северной Месопотамии и Шумера прерываются. В отличие от урукского времени, когда в Северной Месопотамии строили монументальные храмы, подобные шумерским, в период Ниневия 5 в Джебзире религиозные здания приобретают форму небольших сооружений, напоминающих скорее святилища, нежели храмы предшествующего времени. (см. напр.: *Mallowan*, 1947; *Finet*, 1975. P. 157–174; *Oates*, 1986; *Meijer*, 1988. P. 69–127; *Schwartz*, *Curvers*, 1992. P. 397–419; *Schwartz*, 2000, P. 163–182; *Suleiman*, 1996. P. 55–56; *Emberling*, 2002. P. 82–90; *Matthews*, 2002. P. 186–190).

В целом архитектура поселения отражает все этапы жизни общины Хазны от периода усложнения социальной организации до ее деградации и драматического завершения жизненного цикла.

Слой поселения разделен на 6 стратиграфических подразделений (ярусов или периодов¹), которые подразделяются на более дробные подпериоды. Стратиграфическое членение верхних четырех периодов основано на наблюдениях над архитектурой и распределением массового керамического материала в слое. Два самых ранних нижних яруса из-за ограниченности вскрытой площади выделены только на основании распределения керамики.

В рамках 6-членной периодизации культурного слоя Телль Хазны I храмовый комплекс относится к IV–III периодам. Слои IV периода соответствуют времени возведения архитектурных сооружений комплекса, а слои III периода – времени функционирования храмового комплекса как единой, центрально управляемой системы. Слои II периода документируют вторичное (сакральное и бытовое) использование общественных сооружений предшествующего времени и ограниченное возведение конструкций религиозного назначения. Слои наиболее позднего I периода отражают функционирование поселения как ординарного населенного пункта без выраженных следов культового строительства. Сакральные конструкции предшествующего времени частично используются для ритуальных церемоний.

Наиболее ранний этап жизни поселения относится на основании массовой керамики и керамических импортов к началу IV тыс. до н. э. (приблизительно соответствует «Late Chalcolithic II»). Таким образом, до начала храмового строительства поселение Телль Хазна I функционировало около 600–700 лет. Его площадь составляла около 2 га, мощность культурного слоя в центральной части достигала примерно 8 м (в действительности более, т. к. впоследствии культурный слой был спрессован многотонными циклопическими сооружениями).

Таким образом, поселение, функционировавшее до возведения храмового комплекса, в значительной мере определило как размеры, архитектуру и планировку монументального строительства, так и принцип террасирования поселения, характерный для Телля Хазна I периода Ниневия 5.

Как отмечалось, циклопическое, монументальное строительство храмового комплекса определило планировку участка, которая почти не менялась даже после прекращения функционирования общественных храмовых и бытовых служб. Стратиграфическая последовательность архитектурных сооружений Телль Хазны I позднего периода демонстрирует процесс деградации архитектуры и ухудшения условий жизни общины, связанной, вероятнее всего, с уменьшением общественного продукта.

Структура поселения Телль Хазна I эпохи монументального строительства сформирована из трех концентрических овалов конструкций циклопического характера, расположенных вокруг центральной части поселения один над другим – в виде террас. Ярусно-концентрический характер монументальной застройки был предопределен рельефом уже существовавших культурных отложений, в результате возведение зданий храмового комплекса было подчинено

---

¹ Кроме данных 6 стратиграфических подразделений слоя, на памятнике был выделен наиболее поздний этап жизни поселения III тыс. до н. э., датированный периодом РД 2. В это время поселение использовалось как сезонный лагерь. Особой строительной активности, и соответственно аккумуляции слоя этого времени не отмечено. Этот период получил наименование «Период 0».

геометрической парадигме, заданной в предшествующий период жизни поселения. Здания комплекса возводились на склонах поселения, имевшего форму неправильного конуса, что неизбежно определяло горизонтальную и вертикальную планировку ансамбля.

Внешний овал прослежен в восточной части поселения на длину более 80 м. Он представляет собой обводную стену поселения. Она имела в верхней части ширину около 2 м, ширину основания около 6 м и высоту от основания до сохранившегося верхнего обреза стены около 7 м.

Второй замкнутый овал имеет диаметр около 80 м по линии запад–восток. Он сформирован плотно пристроенными друг к другу массивными сооружениями общественного назначения.

Наконец, третий овал, расположенный в центральной, самой высокой части поселения, имеет диаметр около 40 м по линии запад–восток, он также состоит из массивных конструкций.

Если в момент первоначального функционирования комплекса (III ярус), как и впоследствии, пространство между обводной стеной и сооружениями среднего овала занято маленькими домостроениями бытового характера, то замкнутое пространство внутри овала имеет очевидный общественный и сакральный характер. Выделение в центральной части комплекса дополнительного огороженного пространства свидетельствует об усилении сакральной значимости центрального участка поселения.

Обобщая результаты анализа комплекса монументальных сооружений Телль Хазны I во времени, можно сделать следующие заключения. Во время существования III яруса бытовая жизнь немногочисленной общины (храмового персонала) Телль Хазны I концентрируется в промежутке между обводной стеной поселения и внешним овалом огороженного участка², а общественная жизнь, как религиозная, так и административная (в том числе перераспределение общественного продукта) концентрируется внутри огороженного участка. Во время функционирования II яруса бытовые строения появляются внутри огороженного участка, а ритуально-религиозная активность концентрируется преимущественно внутри перестроенного внутреннего овала, расположенного в центральной части поселения. В течение существования I яруса бытовые домостроения проникают и внутрь центрального огороженного участка, здесь же зафиксированы и отдельные следы ритуально-жертвенной практики, связанные с позднейшим периодом жизни поселения.

ЛИТЕРАТУРА

- Амиров Ш. Н.*, 2010. Хабурская степь Северной Месопотамии в IV– первой половине III тыс. до н. э. М.: Таус. 411 с.
- Амиров Ш. Н.*, 2014. Месопотамско-кавказские связи IV–III тыс. до н. э. в свете климатических флуктуаций // КСИА. Вып. 233. С. 3–17.

---

² С внешней стороны обводной стены в юго-восточном секторе поселения, вероятно, существовали как хозяйственные сооружения, так и домовладения, однако эта часть памятника была исследована недостаточно и только в верхней части культурного слоя.

- Amirov Sh.*, 2008. Towards Understanding Religious Character of Tell Hazna I Oval // Proceedings of 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (Madrid, April 3–8 2006) / Eds.: J. M. Cordoba, M. Molist, M. C. Perez, I. Rubio, S. Martinez. Madrid: Centro Superior de Estudios sobre el Oriente Próximo y Egipto. Vol. I. P. 137–150.
- Amirov Sh. N.*, 2014. The Life and Death of the Tell Hazna I Settlement // Proceedings of 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East / Eds.: P. Bieliński, M. Gawlikowski, R. Koliński, D. Ławecka, A. Sołtysiak, Z. Wygnańska. Warsaw: University of Warsaw. Vol. 1. P. 293–304.
- Emberling G.*, 2002. Political Control in an Early State: The Eye Temple and the Uruk Expansion in Northern Mesopotamia // Of Pots and Plans: papers on the Archaeology and History of Mesopotamia and Syria Presented to David Oates in Honour of His 75th Birthday / Ed. Lamia Al-Gailani Werr [et al.]. London: NABU Publications. P. 82–90.
- Finet A.*, 1975. Les Temples sumériens du Tell Kannas // Syria. 52. P. 157–174.
- Forest J. D., Vallet R.*, 2008. Tell Feres al Sharqi: un site Chalcolithique Récent dans le Khabur (Syrie) // Paléorient. Vol. 34/1. P. 191–198.
- Mallowan M.*, 1947. Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. Vol. 9. P. 1–259.
- Matthews R. J.*, 2002. Seven Shrines of Subartu // Of Pots and Plans: papers on the Archaeology and History of Mesopotamia and Syria Presented to David Oates in Honour of His 75th Birthday / Ed. Lamia Al-Gailani Werr [et al.]. London: NABU Publications. P. 186–190.
- Meijer D. J. W.*, 1988. Tell Hammam: Architecture and Stratigraphy // Hammam et-Turkman I. Report on the University of Amsterdam's 1981–1984 Excavations in Syria / Ed. M. Van Loon. Istanbul: Nederlands Historisch-Archeologisch Instituut te Istanbul. P. 69–127.
- Munchaev R., Amirov Sh.*, 2012. Twin sites: Tell Khazna I and Tell Kashkashok III in the Khabur Valley (Syria) // «L'Heure Immobile» Entre Ciel et Terre. Melanges en l'Honneur d'Antoine Souleiman / Eds.: Ph. Quenet, M. al-Maqdissi Turnhout: Brepols Publishers. P. 93–116. (Subartu; XXXI.)
- Oates D.*, 1986. Different Traditions in Mesopotamian Temple Architecture in the Fourth Millennium B. C. // Colloques internationaux CNRS Préhistoire de la Mesopotamie. Paris: Editions de la Centre National de la Recherche Scientifique. P. 379–383.
- Schwartz G. M.*, 2000. Perspectives on Rural Ideologies: the Tell al-Raqa'i «Temple» // La Djéziré et l'Euphrate syriens de la protohistoire à la fin du second millénaire av. J. C. Tendances dans l'interprétation historique des données nouvelles / Eds.: O. Rouault, M. Wäfler. Turnhout: Brepols Publishers. P. 163–182. (Subartu; VII.)
- Schwartz G. M., Curvers H. H.*, 1992. Tell al-Raqa'i 1989 and 1990: Further Investigations at a Small Rural Site of Early Urban Northern Mesopotamia // AJA. Vol. 96. No. 3. P. 397–419.
- Suleiman A.*, 1996. The Temples at Tell Kashkashok in the Third Millennium BC // The International Colloquium The Syrian Djezireh Cultural Heritage and Interrelations (Deirez-Zor, 22–25 April 1996). Damascus. P. 55–56.

Сведения об авторе

Амиров Шахмардан Назимович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: shahmardan@mail.ru.

Sh. N. Amirov

On architectonics and formation principles
of the temple complex at Tell Hazna I

Abstract. The article is devoted to the paradigms and basic principles of construction of the temple complex at the multilayer settlement Tell Hazna I in Northern Mesopotamia (IV – the first third of the III mill. BC). The site was investigated by Russian archaeological expedition. The author considers factors that determined construction and functioning

of the assemblage and comes to the conclusion that principle ones were its geographic location and specific external actions over North Mesopotamia, and, on the other hand – morphological features of the site, among them formation of the cultural deposit preceding building the monumental temple association at the settlement.

Key words: Northern Mesopotamia, temple complex, Late Chalcolithic, culture Ninevite 5.

About the author

Amirov Shakhmardan N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: shahmardan@mail.ru.

Л. И. Авилова

АНАТОЛИЙСКИЕ КЛАДЫ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ
(ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА).
АНАЛИЗ СОСТАВА КОМПЛЕКСОВ

Резюме. Публикация посвящена изучению металлопроизводства Анатолии в IV–II тыс. до н. э. Анализируется специфический тип памятников – клады металлических изделий. Приводятся динамика поэтапных изменений состава комплексов по признакам набора функциональных категорий изделий и используемых металлов (табл. 1). База данных составляет около 32 тысяч предметов. Материал рассматривается с точки зрения эволюции экономики и социальных отношений.

Ключевые слова: Анатолия, металлопроизводство, энеолит, бронзовый век, клад, экономика.

Введение. Производство и использование металла в древности перспективно рассматривать как фактор эволюции экономики и социального строя в том или ином регионе. В работах историков, посвященных проблемам ближневосточной экономики и основанных на сведениях письменных источников, имеются важные для исследования археологического материала положения о роли социальной системы и культурного контекста в развитии таких специфических черт древней экономики, как ее тесная связь с политической властью, идеологией, системой перераспределения ценностей, ролью храмовых организаций (ИДВ, 1983. С. 144).

Анализ состава кладов, их распределение во времени, набор категорий изделий и металлов представляет интерес с точки зрения динамики внедрения металла и изменения его роли в обществе. Изучение особенностей циркуляции металла имеет прямое отношение к обсуждению проблем реконструкции экономических систем Древнего Востока, в частности – роли «ранних денег», моделей обмена (перераспределение, дарообмен).

В данной работе предложена попытка исследования специфического типа археологических комплексов, отражающего отношение древнего населения к металлу, его практической ценности и символической роли, – кладов, содержащих изделия из металла.

Материалы. К настоящему времени собрана и систематизирована информация покладам эпохи раннего металла с территории Анатолии (Авилова, 2008). Комплексы относятся к периоду от позднего энеолита до позднебронзового века (IV–II тыс. до н. э.).

В базе данных учтено 30 комплексов (энеолит – 1, РБВ – 3, СБВ – 19, ПБВ – 7). Всего учтено 31 905 находок (энеолит – 15, РБВ – 31, СБВ – 31 818, ПБВ – 41).

В данной работе материалы рассматриваются в двух основных аспектах: набор функциональных категорий изделий и набор используемых металлов.

Методика. Автор отдает себе отчет в том, насколько сложна работа с комплексами, которые часто происходят из старых недостаточно документированных раскопок (как, например, открытия Г. Шлимана) или с рынка антиквариата (Соли), о которых мы не можем утверждать, что они являются закрытыми комплексами. Не всегда можно уверенно идентифицировать такие находки именно как клады, не для всех можно провести достоверные подсчеты. Но эти блестящие комплексы давно вошли в научную литературу, стали основой для обсуждения важнейших проблем реконструкции экономического и социального развития ближневосточного общества, и ограничиваться немногочисленными кладами, найденными в ходе профессиональных раскопок (Эскияпар), было бы неверно, поскольку в таком случае источниковая база оказалась бы неправомерно суженной. Поэтому особое внимание при работе с комплексами было обращено на критику источника (датировка, археологический контекст, сохранность, количество изделий, набор категорий). С учетом этих данных проведен морфологический и статистический анализ состава комплексов.

Характеристика клада включает **качественную и количественную** стороны. Учитывается общее количество вещей, набор функциональных категорий изделий и их доля в процентах от общего числа находок. Наиболее значимыми категориями являются орудия/оружие, украшения, металлические сосуды, предметы с выраженной символической функцией, а также слитки и заготовки. Учитывается материал изготовления (медь/бронза, золото, серебро); доля различных металлов также указывается в процентах к общему числу изделий в кладах (табл. 1).

При анализе кладов в их составе выделяется четыре морфолого-функциональные группы находок: а) готовые изделия; б) вещи более или менее стандартизированной формы; в) слитки и заготовки; г) лом металла.

Последние три группы можно рассматривать как предназначенные для обмена или переработки. В одном комплексе могут присутствовать все перечисленные группы предметов (Peyronel, 2010).

Обсуждение. На материалах кладов металлических изделий в рамках длительного периода (IV – начало II тыс. до н. э.) можно проследить динамику в производстве и использовании металлов на территории Анатолии.

Единственный клад позднего энеолита (рубеж V и IV тыс. до н. э.) из поселения Бейджесултан, слой XXXIV, в Юго-Западной Анатолии содержит 15 из-

Таблица 1. Состав анатолийских кладов: материал и категории находок

Хрон.	Памятник, комплекс	Всего предм.	Материал			Орудия/ оружие	Украшения	Сосуды	Символич. предметы	Слитки, заготовки
			бронза	золото	серебро					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
МВ	Бейджесултан 34	15	14 (93%)		1 (7%)	10 (67%)	1 (7%)			4 (26%)
РВВ	Арслангеле VIA	22	22 (100%)		(3 инкруст.)	21 (95%)	1 (5%)			
	Бейджесултан 17	6	6 (100%)			6 (100%)				
	Юсуфели	3	3 (100%)			3 (100%)				
СВВ	Троя II пом. 252	1 284		1284 (100%)			1284 (100%)			
	Троя II клад D	832		832 (100%)			832 (100%)			
	Троя II пом. 206	151		151 (100%)			151 (100%)			
	Троя II-V клад Ha	62		62 (100%)			53 (85%)		9 (15%)	
	Троя II клад F	12		12 (100%)			6 (50%)			6 Au (50%)
	Троя II клад A	27 262	42 (0,02%)	27210 (99,8%)	7	37 (0,01%)	27121 (99,5%)	13	85 (0,04%)	6 Ag, 1 бр.
	Троя II клад J	171		169 (99%)	2 (1%)		105 (61%)		5 (3%)	61 Au (36%)
	Эскияпар	1 765		1531 (87%)	234 (13%)		1757 (99,5%)	7 (0,5%)	1	
	Троя II клад R	8	2 (25%)	6 (75%)			5 (63%)			3 Au (37%)
	Троя II клад L	100		50 (50%)	50 (50%)					100 (100%)
	Махматлар	28	8 (29%)	2 (7%)	18 (64%)	8 (29%)		2 (7%)		18 Ag (64%)

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Троя II клад N	39		2 (5%)	37 (95%)		39 (100%)			
	Троя II клад O	2		2 (100%)			2 (100%)			
	Троя II клад B	3	1 (33%)		2 (67%)			3 (100%)		
	Троя II клад K	5	5 (100%)			3 (60%)	1 (20%)		1 (20%)	
	Троя II клад C	1	1 (100%)			1 (100%)				
	Норшунтепе 7b	15	15 (100%)				15 (100%)			
	Таре пом. 56	6	6 (100%)			6 (100%)				
	Соли	72	72 (100%)			67 (93%)			5 (7%)	
ПБВ	Таре пом. D	13	13 (100%)			12 (92%)		1 (8%)		
	Корулжук	9	9 (100%)			4 (44%)		5 (56%)		
	Орду	8	8 (100%)			8 (100%)				
	Троя VI клад P	5	5 (100%)			5 (100%)				
	Сазакале	3	3 (100%)			3 (100%)				
	Мехчис-зихе	2	2 (100%)			2 (100%)				
	Троя VI клад Hb	1	1 (100%)				1 (100%)			

делий, наряду с предметами повседневного применения представлены стержни-заготовки. Значительное число изделий, присутствие обломанного предмета, стержней без рабочего окончания и единственного для своего времени серебряного украшения свидетельствует о высокой ценности металла и его концентрации в отдельной семейной группе.

В IV тыс. до н. э. (эпоха ранней бронзы) центр культурного и технологического развития Анатолии располагался в ее восточных районах, входивших в сферу влияния урукской цивилизации. Городские поселения Арслантепе, Норшунтепе и другие памятники в бассейне Верхнего Евфрата были центрами металлопроизводства, о чем свидетельствуют остатки производства и клады металлических изделий. Сеть торговых путей соединяла Восточную Анатолию с Сиро-Месопотамией, откуда исходили основные культурные импульсы. Поселения-колонии урукского облика были производителями и поставщиками металла в метрополию (*Мунчаев, 2005*).

Характерная черта урукской эпохи – связь ценных находок с храмовыми комплексами. Использование металлических и иных ценностей контролировалось храмовой администрацией. Орудия использовались по своему прямому назначению, но одновременно играли роль знаков высокого социального ранга пользователей, были формой хранения богатства, предметом обмена, источником металла для переработки. Таким комплексом, связанным с месопотамской моделью храмовой экономики, был клад Арслантепе VIA: состав и нахождение в храмово-административном здании позволяет интерпретировать его как общественное богатство, состоявшее из предметов двойного назначения, которые могли использоваться и как оружие, и как знаки высокого общественного статуса (*Авилова, 2010*).

В эпоху средней бронзы (III тыс. до н. э.) клады металлических вещей достаточно многочисленны. Крупнейшая серия известна из Трои II (Сокровища..., 1996). В нашей БД учтено 13 кладов, содержащих оружие и орудия из бронзы, многочисленные изделия из драгоценных металлов, а также слитки и заготовки из золота и серебра. Клад с поселения Эскияпар состоит исключительно из драгоценных предметов. Клад Махматлар в Центральной Анатолии включает золотые сосуды, бронзовое оружие и 18 слитков серебра.

Анатолийские клады эпохи Трои II содержат сокровища и символы власти правителей городов-государств, а также категории находок, указывающие на высокоразвитое ремесло и обмен: полуфабрикаты, серебряные и золотые слитки разных типов: мелкие бесформенные или оформленные в виде заготовок стандартной формы и веса (стержни, кольца). Такие простейшие по форме предметы стандартного облика, размера и веса были удобны для транспортировки и обменных операций, могли служить ранними эквивалентами ценности (*Авилова, Терехова, 2006*). Судя по имеющимся данным о весе слитков, заготовок и гирь, в Анатолии использовались месопотамские весовые стандарты – серебряный сикль весом ок. 10 г и кратные ему единицы (*Авилова, 2014*).

В III тыс. до н. э. социальное развитие Анатолии достигает уровня развития ранних государств с поселениями городского типа, дворцовыми постройками, могильниками социальной элиты. Индикатором этого прорыва служат богатейшие коллекции металлических изделий, в том числе клады.

В это время центр металлургии и металлообработки смещается с востока в Центральную и Северо-Западную Анатолию. Облик социально-экономического развития Анатолии определяется такими памятниками, как клады Трои II, Эскияпар, Махматлар, а также могильники Аладжахейюк и Хорозтепе. Богатство комплексов, массовое использование драгоценных металлов и мастерство изготовления металлических изделий указывает на чрезвычайно высокий уровень развития металлургии и металлообработки в анатолийских городах-государствах.

В эпоху Трои II (2500–2300 гг. до н. э.) сложилась сеть торговых путей, соединявших Центральную Анатолию с Северо-Западом, западным побережьем и Эгеидой, что нашло свое отражение в разительном сходстве металлических изделий из Трои II, Аладжи и Эскияпара. Сеть торговых связей включала морскую и сухопутную торговлю. Троя II контролировала морские связи с Эгеидой и далее на северо-запад с Фракией. Благодаря выгодному географическому положению город стал местом сосредоточения огромных богатств и центром притяжения квалифицированных ремесленников, которые находили здесь заказчиков и рынок сбыта. Городское поселение Эскияпар в Центральной Анатолии было узловой точкой сухопутной торговли. Оба города являлись резиденциями местных правителей.

В развитии анатолийского металлопроизводства и обмена важную роль играло наличие местных рудных источников. В частности, в середине III тыс. до н. э. происходит интенсивная разработка серебряных руд на южных склонах Тавра (горнорудный район Кестель – *Yener*, 1983). Одновременно широко распространяются оловянные бронзы – новый прогрессивный вид сплава на медной основе. Следы добычи оловосодержащих руд также документированы в районе Кестель (*Yener, Özbal*, 1987).

Кризис системы месопотамско-анатолийских связей в конце III тыс. до н. э., в том числе в области металлопроизводства, стал результатом распада Аккадской державы (2100 до н. э.). Общеанатолийская система торговых связей перестает функционировать, существенную роль в ее распаде сыграл кризис производства и торговли оловом. Производительность анатолийских источников олова оказалась недостаточной для удовлетворения резко возросшего спроса, в результате олово стало предметом импорта. Поток олова в Анатолию шел с востока.

В начале II тыс. до н. э. происходит возрождение торговых связей, при этом роль Западной Анатолии снижается, а основным направлением контактов становятся связи Центральной Анатолии с Месопотамией через систему ассирийских торговых поселений. Основой существования колонии в Кюльтепе II (1974–1836 гг. до н. э.) и Ib (1798–1740 гг. до н. э.) была караванная торговля с Верхней Месопотамией и транзитная торговля с Эламом. Из Анатолии поставляли металлы золото, серебро, бронзовые изделия, из Месопотамии и Элама – олово, ткани и благовония.

Клады позднебронзового века, несмотря на их немногочисленность, рисуют картину перетекания общественной энергии из сферы идеологии в область практического использования металла как предмета торговли. Неслучайно поздние комплексы чрезвычайно редко включают изделия из драгоценных металлов, в их составе доминируют бронзовое оружие и орудия стандартизированных типов (клад Соли).

Итоги. В данной публикации представлена попытка осветить некоторые проблемы металлопроизводства в древнем обществе, прошедшем путь от поздней первобытности до раннегосударственных образований, поскольку именно его продукция служила видимым воплощением и яркой манифестацией важнейших понятий высокого социального статуса, идеологического обоснования власти и связанного с ней материального богатства.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Л. И.*, 2008. Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники исторической мысли. 227 с.
- Авилова Л. И.*, 2010. Золотое веретенец // РА. № 3. С. 37–43.
- Авилова Л. И.*, 2014. Слитки драгоценных металлов из Анатолии и их роль в сложении раннегосударственных образований на Ближнем Востоке (эпоха бронзы) // На пороге цивилизации и государственности (по археологическим и иным источникам): тезисы докладов Всероссийской научной конференции. М.: ИА РАН. С. 9–11.
- Авилова Л. И., Терехова Н. Н.*, 2006. Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху энеолита – бронзового века // КСИА. Вып. 220. С. 14–33.
- ИДВ, 1983. История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия / Ред. И. М. Дьяконов. М.: Наука. 534 с.
- Мунчаев Р. М.*, 2005. Месопотамия, Кавказ и Циркумпонтийская металлургическая провинция // РА. № 4.
- Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. 1996 / Ред. И. А. Данилова М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина: Леонардо Арте. 297 с.
- Peyronel L.*, 2010. Ancient Near Eastern economics. The silver question between methodology and archaeological data // Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. (May, 5th–10th 2008, Sapienza – Università di Roma) / Eds.: P. Matthiae, F. Pinnock, L. Nigro, N. Marchetti, L. Romano. Vol. 1. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 925–948.
- Yener K. A.*, 1983. The production, exchange, and utilization of silver and lead metals in Anatolia // *Anatolica*. No. 10. P. 1–16.
- Yener K. A., Özbal H.*, 1987. Tin in the Turkish Taurus mountains: the Bolkardag mining district // *Antiquity*. Vol. 61. P. 220–226.

Сведения об авторе

Авилова Людмила Ивановна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: aviloval@mail.ru.

L. I. Avilova

Anatolian hoards of metal objects (Early Metal period). Analysis of complexes' composition

Abstract. The paper is focused on the history of metal production and circulation in ancient Anatolia in IV–II mill. BC. Specific type of archaeological complexes is analysed – hoards of metal objects. Structure of their repertory is considered by chronological stages, taking into account proportion of functional categories of artefacts and metal used (Table 1). Statistical analysis of DB (totally around 32 thousand objects) is

presented in relation with economic and social development in one region of the Near East.

Key words: Anatolia, metal production, Eneolithic, Bronze Age, hoard, economy.

About the author

Avilova Lyudmila I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: aviloval@mail.ru.

В. И. Балабина

ОСОБЕННОСТИ КОНТЕКСТА
КУЛЬТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ
ФИНАЛЬНОМУ ХАЛКОЛИТИЧЕСКОМУ
ГОРИЗОНТУ ТЕЛЛЯ ЮНАЦИТЕ

Резюме. Исследования верхнего халколитического горизонта на многослойном поселении Юнаците (Болгария) проводились Болгаро-Российской экспедицией более десяти лет. Вскрыта широкая площадь – треть поселения. Уровень дневной поверхности был достигнут почти на всей площади раскопа. Исследовано 11 сгоревших домов, причем погибший в огне поселок был засыпан слоем грунта, что способствовало сохранности деталей археологического контекста. Проведен анализ распределения мелких культовых предметов. Они были рассеяны по большой площади, однако все их разновидности тяготеют к постройкам. Вне домов оказалось не более трети подобных артефактов.

Ключевые слова: телль Юнаците, халколит, археологический контекст, культовые предметы, антропоморфные и зооморфные изображения, крестовидные идолы, миниатюрные сосуды, стульчики.

В культурном слое раннеземледельческих поселений Центральной и Южной Европы находят множество предположительно культовых поделок из глины и кости. По разным причинам трудно найти какие-либо закономерности их планиграфии, но основные препятствия таким изысканиям – слишком малая сплошная площадь раскопок и недостаточная сохранность дневной поверхности поселений. Особенно это заметно на теллях. Обустройство каждого следующего строительного горизонта (нивелировка, строительство, ямы разного назначения), равно как и процесс обитания на нем, приводят к заметным нарушениям дневной поверхности одного или нескольких предыдущих уровней.

На телле Юнаците верхний халколитический горизонт, разрушенный и сожженный при нападении, через один-два сезона был засыпан толстым слоем грунта, взятого у подножия и с полы (*Киселева и др.*, 2005). Этот горизонт исследовался Болгаро-Российской экспедицией более десяти лет очень широкой

площадью – раскапывалась треть покато́й площадки поселения. Постепенно проявлялись пятна деструкции и более четкие контуры самих построек. Уровень утопанной дневной поверхности был достигнут почти на всей площади раскопа. В ее пределах исследовано 11 сгоревших во время военного конфликта домов, в большинстве которых находились останки людей. Часть их костей в сочленениях была растащена по дневной поверхности поселка¹.

Засыпанность руин слоем грунта толщиной 20–40 см способствовала сохранности многих деталей археологического контекста, поскольку теперь это обстоятельство позволяет уточнить вертикальные привязки разнообразных мелких предметов в контурах построек. Однако плохая сохранность большинства печей и зернохранилищ в этих же домах, указывает на возможные нарушения контекста для любых, особенно мелких, артефактов, выявленных *выше полов* (Балабина, Мишина, 2014. С. 401–406). Такие предметы придется рассматривать как *перемещенные*. Сложности есть и при оценке контекста культовой пластики, зафиксированной вне построек. Под воздействием разных факторов она могла перемещаться по покато́й поверхности телля, долго простоявшей открытой. Когда же площадку засыпали грунтом, взятым *с полы* и *от подножья*, на неё снова оказались привнесены разнообразные мелкие предметы. Поэтому при оценке контекста целесообразно отделить артефакты, зафиксированные вне построек (а) – на дневной поверхности и выше, а также встреченные в контурах построек, но выше полов (б).

В последнем горизонте халколита на Юнаците встречено более 600, преимущественно фрагментированных, культовых предметов из глины и кости – *антропоморфных изображений* (313 экз.), *зооморфных* (107 экз.), *крестовидных идолов* (100 экз.), *миниатюрных сосудов* (100 экз.). Совсем неясных обломков всего 17. Достойны упоминания и несколько обособленные *фаллические предметы* (2 экз.).

Антропоморфные изображения дробятся на ряд совокупностей разного уровня. Среди них *сосуды* – фигуры-флаконы и сосуды в виде стопы (13 экз.), *глиняные статуэтки* – стоящие, сидящие, полые и мелкие фрагменты фигурок разных типов (200 экз.). Отметим также стульчики для статуэток (21 экз.) и костяную пластику (39 экз.)².

Зооморфные изображения включают *чаши-алтарики* (39 экз.), *фигурки четвероногих* (65 экз.), *птиц* (3 экз.). Рассмотрим имеющиеся контекстные характеристики перечисленных групп культовых предметов.

Два небольших антропоморфных флакона без крышек – женская обобщенная фигура с акцентированным животом, стоящая мужская, а также еще несколько обломков крупных антропоморфных сосудов фиксировались в контурах построек (на уровне полов или заметно выше).

¹ Под руинами были расчищены останки разной сохранности, принадлежащие 47 индивидам. Четверть этой малой популяции составляли дети, подростки единичны, людей в возрасте 20–24 лет не оказалось. Все мужчины и женщины были «зрелого» и «пожилого» возраста (Балабина, Мишина, 2012).

² Некоторые группы изображений опубликованы (Терзийска-Игнатова, 2002; Мацанова, Терзийска-Игнатова, 2014; Tersijska-Ignatova, 2004).

Сосуды-ноги, либо в виде *стопы* и *части голени*, либо *невысокого сапожка*, почти все фрагментированные, были найдены и вне построек, и в их контурах на разной глубине.

Глиняная пластика. Среди *стоящих обнаженных фигурок* преобладают *женские «сплошные»* (50 экз.), помимо них встречены *женские и мужские статуэттки со сквозными вертикальными отверстиями в туловище* (10 экз.).

Стоящие сплошные фигурки (в основном фрагментированные): среди них всего 9 целых и условно целых (без голов и/или продольные половины), прочие разбиты пополам и мельче. Все эти статуэттки чаще всего находились в домах (35 экз.), преимущественно на полах (24 экз.). Выносы вверх и вниз достаточно редки. Вне построек зафиксировано менее трети фигурок (15 экз.).

На полах домов найдены также все *стоящие женские и мужские фигурки со сквозными вертикальными отверстиями в туловище* для тонкого шнура или прута (условно целые и фрагменты).

Среди *сидящих фигурок* (35 экз.) – целых и фрагментированных – преобладают *женские статуэттки на стульчиках* (или их утратившие) *со сложенными на животе руками*. Единичные мужские статуэттки тоже сидят и на стульчиках, и без них. Были найдены и отдельные *стульчики* (21 экз.). Большинство сидящих фигурок (и стульчиков для них) фиксировалось в постройках на уровне полов (выносы вверх и вниз единичны). Вне построек оказалась лишь треть данной группы, причем один стульчик выявлен в толще нижнего горизонта в РБВ.

Полые женские фигурки в колоколовидных юбках (42 экз.) и *подобные погрешушки* (1 экз.) оказались в основном фрагментированными. Две трети их найдено в постройках, чаще на полу. Выносы вверх и вниз сравнительно редки.

Обломки разнотипных женских статуэток (61 экз.), в том числе *головы* (40), тоже концентрировались преимущественно в домах, на полу, но встречены их выносы вниз и вверх, вплоть до горизонтов РБВ. За пределами построек находилось менее трети обломков.

Среди костяной пластики нескольких типов – *плоских женских фигурок, миниатюрных амулетов, идолов из суставных косточек с подработанными головками* и *обобщенно антропоморфных слегка прогнутых идолов с подковообразными головами* – более половины целых (или без голов). Встречены верхние и нижние половины, единичные обломки. Костяная пластика также обнаружена преимущественно в домах, иногда ниже уровня полов, хотя она могла легко переноситься при строительстве вплоть до горизонтов РБВ, что в нескольких случаях зафиксировано.

Зооморфные изображения включают *чаши-алтарики* и *пластику*. *Чаши-алтарики* – несколько десятков фрагментов от низких прямоугольных или округлых зооморфных сосудов на ножках. Наиболее выразительные их фрагменты (головы баранов) найдены на полах построек.

Зооморфные фигурки – птички (3 экз.), *четвероногие с одной головой* (58 экз.), *амфисбены* (7 экз.) – фиксировались в равной мере и вне построек, и в них. Статуэттки животных в постройках чаще всего оказывались на уровне пола, но известны и их выносы и вверх и вниз.

Крестовидные «идолы» (около 100 экз.), почти все фрагментированные или с повреждениями поверхности, похожи на объемное перекрестие, иногда утол-

щенное снизу или сверху, с узким сквозным отверстием в центре³. Концы таких перекрестий бывают округлыми, расширяющимися или зооморфными (с ушками, мордочками, птицеобразными головками). Иногда сама поделка напоминает обобщенную птичку с отверстием в центре. Почти половина крестовидных идолов найдена в домах (на полу, выше или ниже, либо без стратиграфических привязок). Прочие фиксировались за пределами построек, на разных глубинах, том числе и в нижних горизонтах РБВ.

Среди *миниатюрных сосудов*, диаметром от 2,5 до 6 см, преобладают целые, довольно близкие обиходной посуде, встреченной в данном горизонте Юнаците. Среди них есть миски разных форм, сосудики с одной ручкой, похожие на кружки, двуручные «амфорки», горшочки (бочонкообразные, цилиндрические, округлые), аскосы, крышки. Без привязок по разным причинам оказалась четверть данной выборки. Из 74 миниатюрных сосудов с контекстными характеристиками большинство зафиксировано в контурах построек, в основном на полах (выше пола – 4 экз., ниже пола – 7). Вне построек было встречено всего 12 миниатюрных сосудов. Некоторые из них выявлены в нижних горизонтах РБВ.

Фаллические предметы (2 экз.). Один из них найден на полу постройки, второй в случайном контексте – в заполнении погребения (№ 78), впущенного в подсыпку (*Балабина, Мишина, 2012*).

Нетрудно заметить, что перечисленные артефакты из толщи верхнего халколитического горизонта теля Юнаците дробятся на весьма скромные серии разного таксономического уровня. Две самые массовые из них порядка 100 экз. (крестообразные идолы и миниатюрные сосуды). Антропоморфные и зооморфные сосуды представлены единичными образцами. Глиняные и костяные статуэтки образуют по несколько типологически обособленных серий, не превышающих 50–60 экз.

Вся совокупность культовых предметов была рассеяна по большой площади, в пределах которой неплотно располагалось 11 домов. И редкие, и более многочисленные разновидности сакрализованных артефактов из верхнего халколитического горизонта Юнаците определенно тяготеют к постройкам. Вне их (на утоптанной дневной поверхности, в толще подсыпки, а также в контурах построек, но заметно выше полов) оказалось не более трети предметов разной сохранности. Причем это вовсе не свидетельствует об отсутствии на теле сакрализованных участков за пределами домов. Примененный фильтр позволил лишь отделить уточненное «внутри» от размытого, по состоянию контекстных данных, – «снаружи».

ЛИТЕРАТУРА

Балабина В. И., Мишина Т. Н., 2012. Энеолитический могильник на телье Юнаците – проблемы интерпретации // РА. № 4. С. 48–65.

³ Похожие идолы известны и в минойское время. В музейных экспозициях их подвешивают.

- Балабина В. И., Мишина Т. Н., 2014. Энеолитический поселок теля Юнаците: планиграфия, стратиграфия, контекстные характеристики // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А. Г. Ситдииков [и др.]. Т. 1. Казань: Отечество. С. 401–406.
- Киселева Н. К., Балабина В. И., Мишина Т. Н., Переладов А. М., 2005. Особенности формирования фитолитного и диатомового спектров культурного слоя теля «Плоская могила» // Опус. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. С. 114–145.
- Мацанова В., Терзийска-Игнатова Ст., 2014. Позднеэнеолитические сидячие антропоморфические керамические фигурки из теля Юнаците // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: сб. к 90-летию и памяти Н. Я. Мерперта. М.: ИА РАН. С. 244–251.
- Терзийска-Игнатова Ст., 2002. Энеолитические костяные идола из поселения Плоская Могила у с. Юнаците (Болгария) // Проблемы археологии Евразии: сб. К 80-летию Н. Я. Мерперта. М.: ИА РАН. С. 259–272.
- Tersijska-Ignatova S., 2004. Late Chalcolithic Zoomorphic Figurines from Tell Yunatsite // Prehistoric Thrace / Eds.: V. Nikolov, P. Kalchev, K. Bachvarov. Sofia; Stara Zagora: Institute of Archaeology with Museum. P. 383-390.

Сведения об авторе.

Балабина Вера Игоревна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: balabina@mail.ru.

V. I. Balabina

Features of the context of objects of religious purpose
from the latest Chalcolithic horizon of Tell Yunatsite

Abstract. The uppermost Chalcolithic horizon of the multilayer settlement Tell Yunatsite (Bulgaria) was investigated by joint Bulgarian-Russian expedition for over 10 seasons, the excavated area totaling over one third of the settlement. Ancient ground surface was reached almost within the whole excavated area. Eleven burnt dwellings have been singled out. The burnt village was covered by soil layer, which conserved the details of archaeological context. Analysis of distribution of small finds of religious purpose shows that the objects were scattered over the large territory, yet all their types are related to dwellings. No more that one third of the finds were discovered out of the houses.

Key words: Tell Yunatsite, Chalcolithic, archaeological context, objects of religious purpose, anthropo- and zoomorphic images, cross-like idols, miniature vessels, small chairs.

About the author

Balabina Vera I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: balabina@mail.ru.

Е. В. Волкова

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ)

Резюме. В статье реконструируется социальная структура фатьяновского общества. Установлено, что фатьяновское общество имело дуально-родовую структуру, было разделено на семьи, но часть населения вела патрилинейный счет родства, другая его часть – матрилинейный. По материалам большей части памятников фиксируется социальная неоднородность общества.

Ключевые слова: эпоха бронзы, фатьяновская культура, керамика, погребальный обряд, социальная организация, социальная стратификация общества.

Благодаря исследованиям Д. А. Крайнова (*Крайнов*, 1972. С. 194; 1987. С. 70), в литературе утвердилось мнение о том, что фатьяновское общество было организовано в родовые общины, состоящие из больших семей, фатьяновский род был патриархальным, социальное расслоение общества проявилось в выделении вождей и воинов различных градаций. Справедливости ради надо отметить, что Д. А. Крайнов считал, что подобная социальная организация характерна для фатьяновского населения классического, волосово-даниловского этапа культуры (XVII–XVI вв. до н. э.).

Обратиться к специальному изучению данной темы меня заставили материалы Второго Новинковского могильника. По результатам их всестороннего изучения я пришла к выводу, что население, оставившее этот могильник, было организовано в родовые общины, но счет родства велся не по мужской, как у волосово-даниловцев, а по женской линии. С целью выявить особенности социальной структуры фатьяновского общества был проведен сопоставительный анализ гончарных традиций и традиций погребального обряда населения, оставившего каждый конкретный могильник фатьяновской культуры. В статье даются предварительные итоги проведенного исследования.

Изучению подверглись фатьяновские могильники, где сохранилось не менее двух погребений. В результате источниками послужили 37 могильников, содержащих всего 335 погребений и в общей сложности 939 сосудов. Была предпринята попытка выявить социальную организацию и социальную иерархию фатьяновского общества по каждому могильнику.

В ходе анализа материалов выявилось несколько видов кладбищ: *смешанные, родовые, мужские и детские*.

Смешанные кладбища – это могильники, на которых имеются погребения мужчин, женщин и детей в более или менее равных пропорциях. Могилы не перекрывают друг друга, располагаются на значительном расстоянии друг от друга и не образуют групп. На таких могильниках отсутствуют парные погребения.

Родовые кладбища представляют собой могильники с погребениями мужскими, женскими и детскими. Часто фиксируется перекрытие одних могил другими, имеются группы могил и парные погребения.

В изученных материалах фатьяновской культуры *родовые кладбища представлены тремя разновидностями*. Первая разновидность соответствует вышеописанному виду, и ее можно назвать «классической», т. е. это классическое родовое кладбище. Вторая разновидность представляет собой родовое кладбище, где похоронены преимущественно мужчины и дети, причем могилы детей группируются и частично перекрывают могилы мужчин. Такое кладбище я называю *родовым мужским кладбищем*. Здесь также могут встречаться парные погребения. Кроме того, имеются родовые кладбища, где похоронены преимущественно женщины с детьми. На таких кладбищах детские могилы находятся рядом с могилами женщин и также встречаются парные погребения. Данную разновидность кладбищ я называю *женские родовые кладбища*.

Мужские кладбища представляют собой могильники, на которых захоронены преимущественно мужчины. В отличие от мужских родовых кладбищ здесь могилы расположены на заметном расстоянии друг от друга, нет сгруппированных погребений и обычно нет парных погребений.

Детские кладбища – это могильники, на которых похоронены преимущественно дети (т.е. их погребения преобладают на могильнике).

В результате такого анализа могильников удалось выяснить некоторые их особенности в разных локальных группах фатьяновской культуры.

Так, в *ярославской локальной группе* выявилось два классических родовых кладбища (Волосово-Даниловский и Никульцинский могильники), одно мужское родовое (Воронковский могильник) и два просто мужских кладбища (Голузиновский и Вауловский могильники). Причем на двух кладбищах (Вауловском и Воронковском), где похоронены преимущественно мужчины (в том числе и социально значимые), имеется по одному женскому погребению с нестандартными погребальными традициями и богатым погребальным инвентарем.

По материалам *ивановской локальной группы* выявилось одно смешанное кладбище (Кривцовский могильник), два родовых (Мытищинский и Милославский могильники), причем оба они представляют собой женские родовые кладбища, а также два мужских (Тимофеевский и Ильинско-Хованский могильники) и одно детское кладбище (Горкинский могильник).

В *московской локальной группе* имеется одно родовое классическое кладбище (Тростинский могильник), одно родовое мужское (Ханевский могильник), одно мужское кладбище (Истринский могильник) и три смешанных (Ивановогорский, Протасовский и Кузьминский могильники).

В *калининской локальной группе* зафиксировано два родовых классических кладбища (Второй Новинковский и Болшневский II), 3 смешанных (Первый и Третий Новинковские могильники и Тургиновский), 3 мужских (Ошурковский, Овинищинский и Таскаихский могильники) и одно детское кладбище (Олочинский могильник).

Таким образом, родовые и мужские кладбища выделены во всех локальных группах. Родовые женские кладбища есть только в ивановской локальной группе. Родовые мужские кладбища выделены в ярославской и московской локаль-

ных группах. Смешанных кладбищ нет только в ярославской локальной группе. Детские кладбища имеются в ивановской и калининской локальных группах.

В 13 (из 37 исследованных) могильниках фатьяновской культуры встречаются парные погребения, причем они имеются во всех локальных группах. Это сделанные одновременно в одной могильной яме захоронения: либо женщины и мужчины, либо двух мужчин, либо женщины с ребенком, либо мужчины с ребенком, либо двух детей. Кроме того, имеется два коллективных погребения на могильнике Болшневский II и одно коллективное захоронение на стоянке Николо-Перевоз.

По традициям погребального обряда (в частности – по парным погребениям взрослых индивидов с детьми и по расположению детских погребений по отношению к погребениям взрослых) удается выявить преимущественные связи детей с мужской или женской группами населения, оставившего конкретные могильники. Соответственно, можно высказать предположения о линейности родства и локальности поселения исследуемого населения.

В результате сопоставления погребальных и гончарных традиций, по которым также выявляются преимущественные связи детей с одним из родителей, удалось выделить пять могильников, в которых захоронено население, ведущее счет родства по мужской линии, и четыре могильника, оставленных населением со счетом родства по женской линии.

В 19 могильниках выявлены погребения индивидов с особым социальным статусом. Такие погребения имеются во всех локальных группах культуры. Выделяются три группы могильников с погребениями индивидов, имевших особый статус.

К первой группе относятся могильники, в которых есть погребения только мужчин особого статуса. Половина таких могильников (5 из 10) сосредоточена в московской локальной группе: Ханевский, Истринский, Тростинский, Протасовский, Буньковский могильники; три: Первый и Второй Новинковские и Болшневский II – в калининской группе; два – в ярославской: Голузиновский и Никульцинский.

Во вторую группу входят могильники, в которых зафиксированы погребения и мужчин и женщин особого статуса. Это три могильника ярославской локальной группы (Волосово-Даниловский, Вауловский, Воронковский) и по одному ивановской (Тимофеевский) и калининской (Тургиновский). Третья группа состоит из могильников, в которых есть погребения только женщин особого статуса. Известно пока два таких могильника, оба в ивановской локальной группе: Мытищинский и Милославский.

Итак, исключительно в ивановской локальной группе есть могильники, с захоронениями только женщин особого статуса, и нет могильников с захоронениями только мужчин особого статуса. В то же время в московской локальной группе пока выделены могильники с погребениями только мужчин особого статуса.

Таким образом, по результатам исследования гончарных традиций и традиций погребального обряда представляется возможным сделать ряд выводов о социальной структуре фатьяновского общества.

1. Судя по выявленным гончарным традициям, установлено, что социальная организация фатьяновского общества представляла собой *дуально-родовую структуру* (см.: Волкова, 2012. С. 5–9).

2. Фатьяновское общество было разделено на *семьи*, но у населения, оставившего разные могильники, счет родства велся по-разному. Так, *патрилинейный счет родства* и вероятная *патрилокальность поселений* были характерны для населения, оставившего Волосово-Даниловский, Воронковский, Тимофеевский, Олочинский и Протасовский могильники. *Матрилинейный счет родства* с вероятной *матрилокальностью* обитания фиксируется у населения, оставившего Никольщинский, Мытищинский, Милославский и Второй Новинковский могильники.

3) По материалам большей части памятников фатьяновской культуры выявилась *социальная неоднородность* общества, т. е. наличие в нем индивидов, занимающих более высокое положение, и рядовых членов родовых коллективов. Причем по каждому могильнику фиксируется обычно не один такой индивид, а два и иногда даже большее их число.

4. По *половой принадлежности социально значимых индивидов* выделяются три группы могильников. *Первая* (самая большая) группа включает могильники, где особый социальный статус имеют только мужчины. *Вторая* группа состоит из могильников, где особый социальный статус имеют мужчины и одна женщина. К *третьей* группе относятся могильники, где особый социальный статус имеют только женщины.

5. Вероятнее всего, различные виды кладбищ и различные линии счета родства у изучаемого населения относятся к разному времени. В связи с этим допустимо предполагать: *во-первых*, что родовые кладбища в целом являются более поздними, чем смешанные, мужские и детские кладбища; *во-вторых*, что матрилинейный счет родства и матрилокальность характеризуют более раннее культурное явление, чем патрилинейный счет родства. В пользу этого говорят погребения женщин особого статуса (старейшины рода?) на мужских кладбищах фатьяновской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Волкова Е. В., 2012. Социальная структура населения фатьяновской культуры // РА. № 3. С. 5–19.
Крайнов Д. А., 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тыс. до н. э. М.: Наука. 274 с.
Крайнов Д. А. 1987. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О. Н. Бадер [и др.]. М.: Наука. С. 58–76. (Археология СССР.)

Сведения об авторе.

Волкова Елена Витальевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия, e-mail: volk_h@mail.ru.

Ye. V. Volkova

Social organization of the Fat'yanovo culture people (preliminary results)

Abstract. The author suggests a reconstruction of the social structure of the Fat'yanovo Bronze Age culture based on investigation of pottery. It is established that the social structure of the Fat'yanovo groups corresponded to the dual tribal system. The society

was divided into family groups; some of them used system based on patriarchy kinship relations, other ones – matriarchic ones. Material culture of the majority of sites points to social differentiation of the society.

Key words: Bronze Age, Fat'yanovo culture, pottery, burial rite, social organization, social stratification.

About the author

Volkova Yelena V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: volk_h@mail.ru.

С. Н. Корневский

УТОЧНЕНИЕ КОЛОНКИ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТ БОЛЬШОГО ИПАТОВСКОГО КУРГАНА И ОСОБЕННОСТЕЙ СИМВОЛИКИ ЕГО КОНСТРУКЦИИ

Резюме. В статье приводятся относительно новые данные радиоуглеродного анализа, уточняющие датировки ряда захоронений раннекатакомбного периода в колонке дат, полученных из Большого Ипатовского кургана. Они подтверждают правомерность опубликованных стратиграфических полевых наблюдений и позволяют уточнить ряд вопросов хронологии вещей и комплексов раннего и среднего периодов бронзового века. Обсуждаются особенности символики основных захоронений, связанных с разными насыпями этого памятника.

Ключевые слова: курган, насыпь, стратиграфия, катакомба, яма, повозка, символика, статус, ранний и средний бронзовый век, стела.

Раскопки Большого Ипатовского кургана протекали в 1998, 1999 гг. Стратиграфия этого 7-метрового степного гиганта была представлена 11 насыпями с 36 погребениями эпохи палеометалла, которые датируются от середины IV до начала I тыс. до н. э. При подготовке материалов к публикации нам удалось для многих из них получить радиоуглеродные определения. Последние в основном выполнялись в лаборатории Института Геологии РАН и некоторые в Гронингенской лаборатории. В связи с тем, что практически каждая насыпь имела свое захоронение, над которым она была насыпана, мы смогли выстроить колонку погребений, отражающую динамику местных археологических культур в данном месте. Однако не все полученные даты в лаборатории ГИН оказались достоверными. Часть из них была явно дефектна и отражала некое омоложение образцов. Причину такого явления установить не удалось, хотя образцы переделывались руководителем лаборатории ГИН Л. Д. Сулержицким по несколько раз. При публикации раскопок Ипатовского кургана мы не скрывали такого факта и выстроили стратиграфическую колонку погребений

с указанием на приемлемые и неприемлемые (дефектные) датировки (*Корневский и др.*, 2007. С. 91–95).

Спустя некоторое время в лаборатории Оксфорда под руководством Тома Хайма многие датировки были продублированы, и мы смогли получить радиоуглеродные определения для ряда захоронений, которые ранее обладали лишь дефектными датами (*Hollund et al.*, 2010). В связи с этим сейчас представляет интерес привести такие значения в стратиграфической колонке рассматриваемого памятника.

Насыпь 1 Ипатовского кургана над разрушенным погребением 187 (мужчина 35–45 лет) имеет дату 3659–3530 BC¹ по определению Оксфордской лаборатории (кость птицы) (см. табл. 1) и дату 3499–3349 BC по кости человека, полученную в лаборатории ГИН. Культурная атрибуция его не ясна. Датировка комплекса, видимо, соответствует среднему диапазону дат майкопско-носвободненской общности (МНО) или началу её позднего диапазона дат (*Корневский*, 2011. С. 21–40).

Насыпь 2 появилась над погребением в катакомбе № 195, содержащим остовы двух молодых людей (мужчина в возрасте 18 лет, женщина – 12–11 лет) в положении сидя и в окружении вертикально поставленных плит, среди которых одна явно имела антропоморфный облик (рис. 1, 1). Погребение носит ярко выраженный особый ритуальный характер. В лаборатории ГИН были датированы оба костяка. Даты дали диапазоны с широкими доверительными интервалами – 4610 ± 140 BP и 4410 ± 170 BP. Зона совпадения значений приходится на интервал 3350–3256 BC, который является крайне высоким для одной даты и крайне низким для другой.

Хронология погребения 195 была уточнена по кости жертвенного животного (овца/коза), которая дала дату Ki-14218: 4650 ± 60 BP, 3520–3360 BC (*Корневский*, 2011. С. 29). Приведенный пример показывает, что при встречаемости нескольких радиоуглеродных дат из одного захоронения их невозможно усреднять, и реальное событие находится в пределах их диапазонов в непредсказуемом (не усредненном) месте.

Насыпь 3 связана с погребениями майкопской культуры 183 (ребенок 6–7 лет) и 185 (мужчина 18–19 лет). Погребение 185 имеет дату 3367–3039 BC. Погребение 183 датируется в диапазоне 3336–2497 BC, но последующее захоронение 182 ямной культуры (на спине скорчено, руки в позе адорации) имеет дату 3095–2913 BC. Такая дата совпадает с финалом МНО, т. е. с концом IV – началом III тыс. до н. э. (*Корневский*, 2011. С. 21–40) и показывает, что предыдущее захоронение 183 датируется также концом IV – началом III тыс. до н. э.

Начало постамайкопского периода, связанного с временем поздней ямной и ранней катакомбной культур. Серию таких захоронений открывает предкатакомбное погребение 181 (женщина, старше 55 лет) 1 (в яме, скорчено с наклоном на правый бок) 2898–2508 до н. э. Учитывая дату последующего захоронения,

¹ Мы используем принятые выражения BC для возраста в гг. до н. э. и BP для возраста от наших дней. Даты BP колонки Большого Ипатовского кургана опубликованы в монографии (*Корневский и др.*, 2007), поэтому мы сейчас используем лишь их значения BC.

Таблица 1 Даты части погребений Большого Ипатьевского кургана 2, выполненные в Оксфорде, в сравнении с датами лаборатории ГИН

Ипатьевский курган					
Шифр	№ пп	Образец	ВР	Шифр	ВС
OXA 16138 OXA 16137	162	Human Ovis a.	4185±30 4035±29	—	
OXA 16139 OXA 16140	163	Human Ovicaprid	4109±31 4630±46	ГИН 10230	3630± 120*
OXA 16141 OXA 16142	164	Human (2) Unid. animal	4078±31 4202±31	ГИН 10228	3800± 200
OXA 16143 OXA 16144	168	Human Ovis a.	4012±30 3999±30	ГИН 10299 ГИН 10231	3990 ±110 4050 ±50 уголь
OXA 16145 OXA 16146	184	Human (1) Unid. animal	4129±30 4158±30	ГИН10306	4030 ± 40
OXA 18708	187	**Bird?	4865±33	ГИН 10297	4630 ± 50
OXA 16148 OXA 16149	186	Human Unid. animal	4115±30 4115±31	ГИН 10303 Grn13652 Grn12406	3800 ± 200 4080 ± 40 трава 4120 ± 70 трава

(по: *Hollund et al.*, 2010)

* – курсивом выделена дефектная дата

его можно отнести к 29–28 вв. до н. э. Культурная атрибуция погребения может быть связана с вариациями обряда ямной КИО на её позднем этапе.

Далее начинается серия погребений в катакомбах с покойными людьми в положении вытянуто на спине. Её открывает захоронение 167 – основное для насыпи 5 (женщина 45–55 лет). Дата горелой травы под выкидом из этого комплекса – 2880–2581 ВС. Дата же самого погребения 167, полученная по кости человека, оказалась дефектной.

Насыпь 6 появилась над погребением 164. Погребение 164 парное с вытянутыми на спине костяками (Женщина 25–35 лет, женщина 55 лет). Дата его снова была дефектной. В лаборатории Оксфорда датировка этого погребения была проведена по кости человека и животного. Дата по кости человека дала результат 2830–2503 ВС, по кости животного – 2881–2701 ВС. В принципе, это одинаковые значения возраста.

Насыпь 7 связана с двумя погребениями 162 и 163 (ребенок около 1 года), которые не удалось корректно датировать ранее в лаборатории ГИН.

Погребение 162 – катакомба, в которой зафиксировано вторичное захоронение человека в положении скорчено на левом боку (мужчина 45–55 лет) (рис. 1, 5). Дата погребения 162 Оксфордской лаборатории представлена двумя радиоуглеродными определениями. Дата по кости человека – 4185± 30 ВР, 2878–2699 ВС, по кости овцы – 4035±29 ВР, 2616–2422 ВС. Имеет ли место здесь резервуарный эффект, сказать трудно, так как комплекс не сохранил положение костей в непотревоженном состоянии.

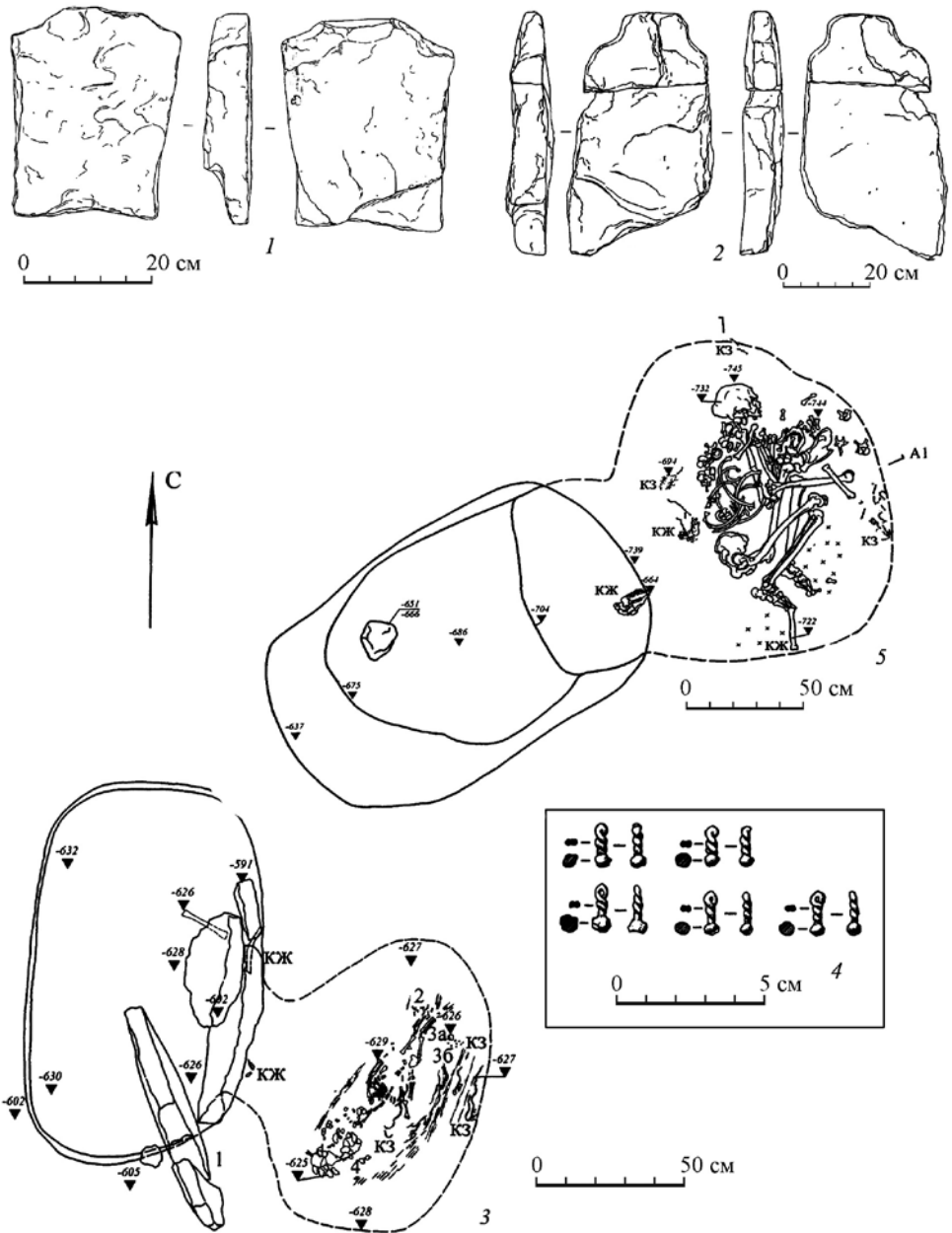

Рис. 1 Каменные стелы и комплексы с уточненными датами
Большого Ипатьевского кургана

1 – погребение 195; 2–4 – погребение 163; 5 – погребение 162

Погребение 163 (в катакомбе) связано с детским захоронением ребенка, положенного в камеру сооружения на спину вытянуто (рис. 1, 3). Погребение примечательно тем, что в нем найдены шнуровидные каплевидные подвески – браслет на левой голени, характерные для заупокойного костюма северокавказской культуры (рис. 1, 4), а также антропоморфная стела, закрывающая вход в катакомбу (рис. 1, 2). Дата комплекса, полученная в Оксфорде по кости человека, имеет вид 2856–2582 ВС, по кости овцы дата более ранняя – 3501–3358 ВС. Последнее значение явно выбивается из дат среднебронзовых определений возраста погребений и уводит в предшествующую эпоху раннего периода бронзового века. Для рассматриваемого погребения оно дефектно или кость овцы попала в заполнение могилы из предшествующей эпохи вместе с грунтом засыпки.

Даты горелой травы на насыпи 7 дают значение 2863–2726 ВС, 2850–2540 ВС. Они позволяют полагать, что события рассматриваемого времени относятся к 29–28 вв. до н. э. – начальному периоду раннекатакомбного времени в Предкавказье.

Насыпь 8 из отборного черноземного грунта, явно имеющего магическое значение в курганной архитектуре раннекатакомбных племен Предкавказья, связана с погребением в катакомбе 186 (мужчина 45–55 лет). Его дата, полученная в лаборатории ГИН, была проваленной. Дата Оксфордской лаборатории по кости человека имеет вид 2858–2583 ВС, и то же самое определение устанавливается по кости овцы.

Насыпь 9 связана с катакомбными погребениями 165 и 184. Она также имела особое магическое значение, так как характеризовалась специально отобраным ярким желтым грунтом материкового суглинка. Дата захоронения 165 (женщина 45–55 лет), связанного с этой насыпью, полученная в лаборатории ГИН, оказалась дефектной. Погребение 184 парное и несколько более позднее, чем погребение 165 (*Корневский и др.*, 2007. С. 85). В нем находились кости двух детей (2–3 и 3–4 лет) в положении на спине вытянуто. Дата погребения 184 – 2582–2470 ВС.

Насыпь 10 возведена после впуска в насыпь 9, богатейшего по меркам своего времени, погребения с повозкой 168, в котором покоилась женщина (25–35 лет) в положении на спине вытянуто. Дата этого комплекса по кости человека – 2573–2471 ВС, по кости овцы – 2569–2469 ВС. Обе даты практически одинаковые и дают 26–25 вв. ВС. В принципе, они определяют финал раннекатакомбного периода. Более молодые погребения манычской культуры Ипатовского кургана относятся к 24/23–22 вв. до н. э.

Подведем краткие итоги. Во-первых. Верификация радиоуглеродной хронологии Большого Ипатовского кургана при помощи дат, выполненных в Оксфордской лаборатории, не встречает противоречий с ранее полученными корректными датами лаборатории ГИН и Гронингенской лаборатории. Отмеченные выше даты хорошо согласуются со стратиграфией комплексов рассматриваемого памятника.

Во-вторых. На основании оксфордских дат возможно уточнение ряда сюжетов, связанных с динамикой культур, отраженных в насыпях рассматриваемого кургана. Так, начало возведения кургана может быть отнесено к среднему диа-

пазону дат – началу позднего диапазона дат МНО (Корневский, 2011) середины IV тыс. до н. э.

Появление примитивной антропоморфной каменной скульптуры в комплексах ямно-майкопского облика Кумо-Маньчской периферии МНО происходит в то же время, что и у племен долинского варианта Центрального Предкавказья (Нальчикская, Кишпекская гробницы), не отражая какого-либо запаздывания, судя по датам погребений долинского варианта в могильниках Марьинская-1, п. 18 и Марьинская-5, п. 12, п. 25 (Канторович и др., 2013). Но такое явление на Кумо-Маньчской периферии майкопско-новосвободненской общности было связано с особыми ритуальными комплексами без сопровождения их оружием, в отличие от захоронений военно-производственной элиты долинского варианта на Тереке.

Очень интересным выглядит дата погребения 162 в катакомбе со скорченным на боку скелетом. Она приходится на 29–27 или 27–25 вв. до н. э. В любом случае, это более ранний возраст, чем традиционная хронология восточно- или западно-маньчской культур второй половины III тыс. до н. э. В чем тут дело, должны ответить уже специалисты по «маньчской» проблематике. Мы, со своей стороны, уже отметили параллель этого комплекса захоронению в катакомбе 23/2 могильника Чограй VIII из раскопок М. В. Андреевой. В нем была найдена молоточковидная сигаровидная булавка, имеющая аналогии в раннекатакомбных комплексах (например, в погребении 167 Ипатовского кургана) (Корневский и др., 2007. С. 87)

В-третьих, дата погребения 163 сер. 29 – сер. 26 в. до н. э. определяет примерный диапазон распространения погребений северокавказской и ямной культур со шнуровидными подвесками у лодыжек, а также время использования в погребальной практике антропоморфной каменной скульптуры. Традиции последней в данном месте уходят в ранний бронзовый век, как показывает антропоморфная стела из погребения 195.

В открытых погребениях раннекатакомбного времени встречены захоронения мужчин, женщин и подростков. В составе их инвентаря не зафиксировано предметов вооружения, кроме кинжалов листовидной формы. Данное явление вообще показательно для раннекатакомбных захоронений. Оно, скорее всего, отражает традиции заупокойных культов, не предполагающих «вооружение» сородичей оружием ударного действия, отправляемых в мир предков, кроме эпизодического положения в могилу бронзового ножа. В постмайкопское время в Центральном Предкавказье втульчатое оружие (бронзовые топоры), а также наконечники стрел изредка встречаются в захоронениях в ямах с позой умерших на спине скорчено (на спине с наклоном набок) или вытянуто (Лебеди 1, п. 10, Бичкин Булук 2/6, Ильинский-1, 1/5) (Гей, 1986; Калмыков, Корневский, 2001), но не в катакомбах.

Вероятно, в отличие от погребений «позднеямной» культуры в мифологии смерти раннекатакомбных племен престиж воинского захоронения с оружием ударного действия не был столь значим, отражая тем самым далеко не первую роль военной власти и её магии в их сообществах.

Гораздо большее значение в функционировании кладбища Ипатовского кургана для совершения захоронения (с возведением над ним насыпей явно ритуаль-

ного значения из специально отобранного грунта и цвета) имел статус, возраст и пол умерших. Особо подчеркивались погребения мужчин и женщин старшего возраста (более 40 лет), женщины со специальным статусом (п. 168), а также детские захоронения. Явно церемониально-культурный статус имело погребение 195 с сидячей парой молодых людей, «смотрящих» на запад, на антропоморфное изваяние – символ божества в стране «без возврата».

Среди атрибутов погребального обряда среднебронзовой эпохи раннекатакомбного периода большое значение приобрела не символика втульчатого оружия, а символика колесного транспорта и погребальных наборов с булавками и бляхами, за которыми скрывались особенности женской магии. Ярким примером тому служит погребение 168 Большого Ипатовского кургана с ритуальным комплексом бронзовых предметов виде когтей то ли животного, то ли хищной птицы.

ЛИТЕРАТУРА

- Гей А. Н.*, 1986. Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1: Древности Северного Кавказа / Ред. И. С. Каменецкий. М.: Наука. С. 13–32.
- Калмыков А. А., Корневский С. Н.*, 2001. Новое погребение с бронзовым топором эпохи средней бронзы из степного Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / [Ред. А. Б. Белинский и др.]. Вып. 2: Археология, антропология, палеоклиматология. М.: Памятники исторической мысли. С. 52–63.
- Канторович А. Р., Маслов В. Е., Петренко В. Г.*, 2013. Погребение майкопской культуры кургана I могильника Марьинская-5 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / [Ред. А. Б. Белинский и др.]. Вып. XI: Археология, краеведение, музееведение. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие. С. 71–108.
- Корневский С. Н.*, 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус. 385 с.
- Корневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.*, 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье, как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа М.: Наука. 230 с.
- Hollund H. I., Higham T., Belinskij A., Korenevskij S.*, 2010. Investigation of palaeodiet in the North Caucasus (South Russia) Bronze Age using stable isotope analysis and AMS dating of human and animal bones // Journal of Archaeological Science. Vol. 37. P. 2071–2083.

Сведения об авторе

Корневский Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: Skorenevsky@yandex.ru.

S. N. Korenevsky

Revision of radiocarbon chronological column of Bolshoy Ipatovo kurgan
and symbolic specifics of its construction

Abstract. In the paper relatively new data on radiocarbon chronology are published obtained from a series of burials of early Catacomb period discovered in Bolshoy Ipatovo

kurgan. They confirm field stratigraphic observations already published and give grounds to suggest a more precise chronology of finds and complexes dated back to the Early and Middle Bronze Ages. Special features of symbolic meaning of central burials related to different stages of the mound construction are discussed.

Key words: kurgan, mound, stratigraphy, catacomb, pit, wagon, symbolism, status, Early and Middle Bronze Ages, stele.

About the author

Korenevsky Sergey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: Skorenevsky@yandex.ru.

А. А. Клещенко

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ УСПЕНСКОМ
И АНДРЮКОВСКОМ ЭТАПАХ
МЕТАЛЛООБРАБОТКИ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Резюме. В статье рассматривается историографический прецедент выделения так называемых «андрюковского» и «успенского этапов» металлообработки раннего этапа эпохи средней бронзы на Северном Кавказе, связанный с исследованиями М. Б. Рысина и А. В. Кияшко. В частности, представленные в работе данные указывают на необоснованность соотнесения эпонимных комплексов из Андрюковского могильника и разрушенного кургана у села Успенское с эпохой средней бронзы. В связи с этим выводы о существовании и реальном наполнении указанных этапов вряд ли можно считать правомерными.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Нижний Дон, Доно-Волжское междуречье, эпоха ранней бронзы, эпоха средней бронзы, металлические изделия.

В 1993 г. была опубликована небольшая заметка сотрудника Армавирского краеведческого музея А. П. Лопатина о так называемом «кладе бронзовых предметов», обнаруженном неким Ю. А. Николаевым в «обвалившейся насыпи кургана на правом берегу р. Кубани в 1,5 км от с. Успенское» (Лопатин, 1993. С. 9–10). Других подробностей об обстоятельствах находок этих вещей не сообщалось, из чего можно сделать вывод о том, что данный «клад» является, скорее, собранием предметов, а не единым комплексом. В состав «клада» входили: втульчатый топор с орнаментированной по внешней поверхности втулкой (с одного бока – тремя рядами жемчужин, с другого – продольными желобками) (рис. 1, 1); тесло удлиненной трапецевидной формы (рис. 1, 2); длинножелобчатое долото с четырехгранным насадом (рис. 1, 3); листовидный нож с редуцированным (или утраченным?) черешком (рис. 1, 4); четырехгранное шило

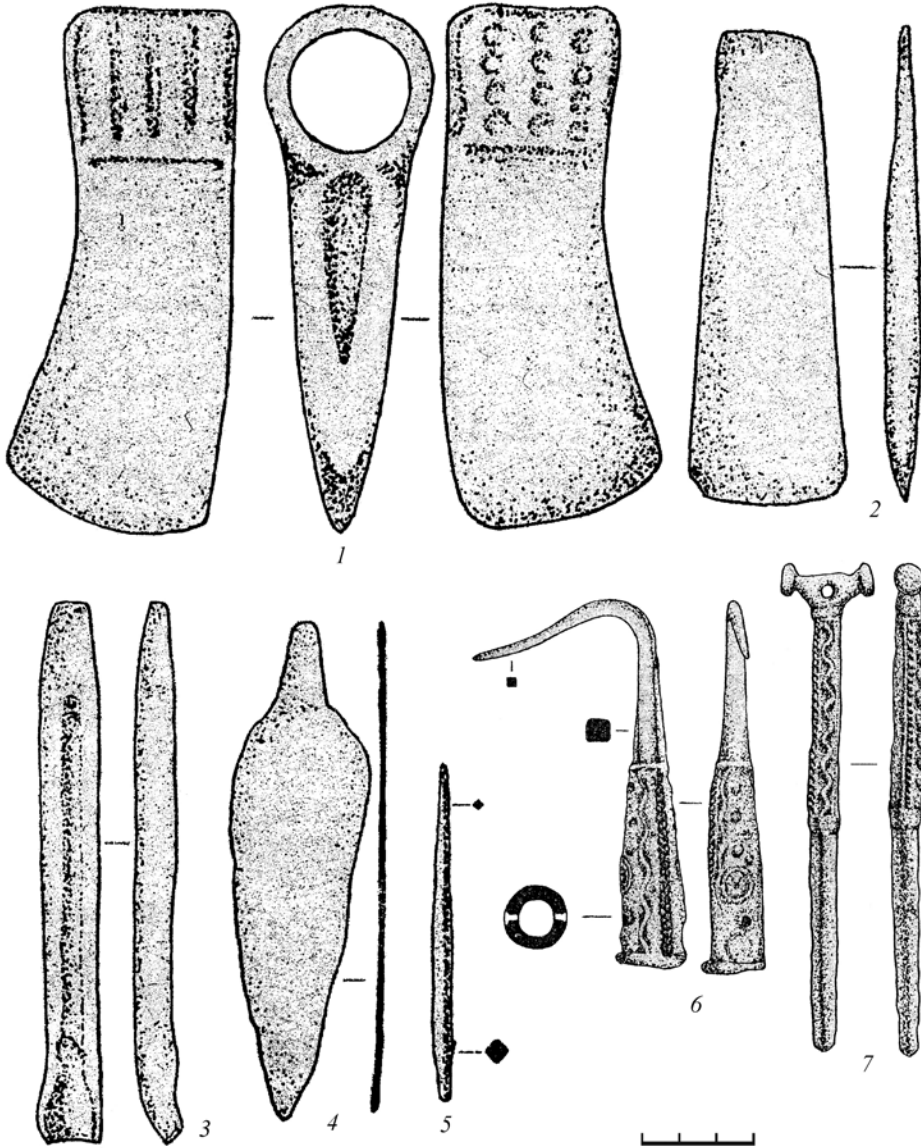

Рис. 1. Находки из разрушенного кургана у с. Успенское Краснодарского края
(по: Лопатин, 1993)

с выделенным насадом (рис. 1, 5); крюк с литой втулкой, украшенной по внешней поверхности рельефным орнаментом в виде двойного шнура, «змейки», спирали и «шишечек» (рис. 1, 6); молоточковидная булавка с продольным рельефным орнаментом в виде «змейки» и одинарного шнура (рис. 1, 7)¹. Сам автор публикации в комментариях к публикуемому набору вещей ограничился лишь кратким замечанием о том, что «дата зарытия клада» относится к раннему этапу катакомбной культуры (Лопатин, 1993. С. 10). Таким образом, А. П. Лопатин совершенно необоснованно констатировал закрытость комплекса вещей из осыпи разрушенного кургана у с. Успенское.

Спустя некоторое время на эту публикацию обратил внимание М. Б. Рысин. Рассматривая «успенский клад» как, безусловно, закрытый комплекс (а именно – «погребение»), он констатировал, что данный набор вещей наиболее полно отражает т. н. «успенский этап» металлообработки на Северном Кавказе, непосредственно предшествующий т. н. «привольненскому этапу», обозначенному в работах А. А. Иессена (Рысин, 1996а; 1996б). Интересно, что здесь же М. Б. Рысин критикует В. И. Марковина за использование «смешанных наборов майкопских и среднебронзовых типов» при характеристике раннего этапа северокавказской культуры (Рысин, 1990а. С. 80).

Рассматривая «успенский этап» как самый ранний для эпохи средней бронзы, М. Б. Рысин попутно выделяет т. н. «латентный этап», характеризующий на Северном Кавказе переход от ранней к средней бронзе. Конкретное наполнение, по мнению автора, он находит в комплексах из погребения 1 кургана 6 у ст. Андрюковской (ОАК за 1896 г., 1898) и погребения 2/2 у хут. Первомайского (раскопки А. А. Нехаева в 1979 г.).

В дальнейшем М. Б. Рысин развил идею «успенского этапа», наиболее полно представив свои взгляды в крупной статье (Рысин, 2008). В ней автор развернуто аргументирует свое видение процесса формирования культурного облика Северного Кавказа и соседних степных территорий на раннем этапе эпохи средней бронзы под сильнейшим влиянием закавказских и переднеазиатских традиций. К сожалению, рассмотрение отдельных аспектов этой, безусловно, интересной, но противоречивой концепции выходит за рамки настоящей работы.

Эстафету в интерпретации находок из кургана у с. Успенского как единого комплекса подхватил А. В. Кияшко, который не только воспринял идеи М. Б. Рысина, но и применил их непосредственно к конкретному материалу, а именно – к периодизации памятников, относящихся к позднеямной и раннекатакомбной традициям на Нижнем Дону и в Волго-Донском междуречье (Кияшко,

¹ Прорисовки вещей из комплекса (рис. 1), взятые из статьи А. П. Лопатина (1993. С. 11), приведены здесь не только для иллюстрации: во-первых, на оригинальном рисунке неверно указан масштаб предметов; во-вторых, сам сборник с публикацией является библиографической редкостью, а комплекс, безусловно, заслуживает особого внимания специалистов; наконец, в-третьих, существует еще две идентичные публикации этого комплекса, отличающиеся от представленного в работе А. П. Лопатина, в более доступных изданиях (Кияшко, 2002. Рис. 16; Рысин, 2008. С. 195. Рис. 1) – именно на него ссылаются современные исследователи, упоминая, тем не менее, первую публикацию А. П. Лопатина.

2002). Усомнившись в самой ранней позиции «успенского клада» на хронологической шкале эпохи средней бронзы, он связал «успенский этап» М. Б. Рысина с раннедонецким этапом развития катакомбной культуры (*Кияшко*, 2002. С. 19. Рис. 28). Для самого же раннего этапа металлообработки в качестве эпонимного комплекса А. В. Кияшко выбрал погребение из кургана 6 у ст. Андриюковской (*Кияшко*, 2002. С. 20. Рис. 28), ранее рассматривавшегося М. Б. Рысиным в рамках т. н. «латентного» этапа (*Рысин*, 1996а. С. 81).

Судя по материалам, представленным в исследовании, при выделении «андриюковского этапа» А. В. Кияшко ориентировался на находку в эпонимном комплексе «широкого листовидного ножа с длинным черенком», «укороченного широкого тесла» и «топора с едва намеченной вислообушностью» (*Кияшко*, 2002. С. 20). В то же время обряд искомого захоронения (галечная конструкция на материке, а также, предположительно, скорченное с южной ориентировкой положение погребенного) и набор сопровождающих предметов, в который, в том числе, входили два бронзовых топора, золотые височные кольца и пронизи, золотые и сердоликовые бусы, «длинный каменный пест» (скипетр) (ОАК за 1896 г., 1898. С. 54; *Рысин*, 2008. С. 195. Рис. 2) вполне характерны для классических погребений майкопской культуры, на что указывали А. А. Иессен (1950. С. 163), Р. М. Мунчаев (1975. С. 255), С. Н. Корневский (2004. С. 100). Кроме того, два обнаруженных в этом погребении топора совершенно типичны для майкопской культуры: именно андриюковский комплекс дал название майкопским топорам группы 3, выделенной С. Н. Корневским (*Корневский*, 2011. С. 64, 65. Рис. 44; 45).

К этой же группе С. Н. Корневский относит и топор из т. н. «успенского клада», отмечая при этом, что «предмет происходит из собрания находок» и «не является частью закрытого комплекса» (Там же. С. 64, 65. Рис. 44, 6). Напомним, что А. В. Кияшко, вообще отнес его к раннедонецкому этапу катакомбной культуры (!). Кроме того, из предметов этого, безусловно, открытого комплекса к эпохе ранней бронзы вполне могут принадлежать тесло с соотношением длины к ширине 2,9 (рис. 1, 2), не сильно превышающим стандарты тесел майкопской культуры (Там же. Рис. 60–63), и длинножелобчатое долото (рис. 1, 2, 3) – предмет гораздо чаще встречаемый в майкопских комплексах (Там же. Рис. 71), чем в погребениях начала эпохи средней бронзы.

Из остальных предметов с большой долей уверенности к эпохе средней бронзы можно отнести листовидный нож и шило (рис. 1, 4, 5). В частности, нож относится к подтипу 1–1, по классификации ножей северокавказской культуры Закубанья (*Клещенко*, 2011. С. 91. Рис. 1, 1–8), и соотносится, в том числе, с ножами I этапа новотиторовской культуры, хотя в целом эта форма является наиболее распространенной как в Предкавказье, так и в более северных степных районах на всем протяжении раннего этапа эпохи средней бронзы (первая половина III тыс. до н. э. в калиброванных датах) и даже в более позднее время (*Гак*, *Калмыков*, 2009. Рис. 1).

Наконец, наиболее узкую датировку в рамках средней бронзы дают крюк с литой втулкой и молоточковидная булавка (рис. 1, 6, 7). Причем находку подобных крюков в курганных древностях Предкавказья следует признать уникальной. Ближайшие аналогии этой категории инвентаря находятся в наиболее

ранних дольменных комплексах Закавказья (Марковин, 1978. С. 261. Рис. 130). Орнамент на втулке крюка схож с композициями украшений «северокавказского стиля», бытование которых в Предкавказье, и в частности, в Закубанье, можно надежно связать с развитым северокавказским и раннекатакомбным временем (XXVIII–XXV вв. до н. э. в калиброванных датах). То же самое можно сказать и о времени использования бронзовых молоточковидных булавок. Интересно отметить, что, по нашим наблюдениям, орнаментальная композиция на успенской булавке, состоящая из одиночного шнура и «змейки», является наиболее популярной для булавок этого вида (встречена в 40% случаев).

По нашему мнению, приведенные аргументы свидетельствуют о необоснованности первоначального заключения М. Б. Рысина относительно содержания т. н. «успенского этапа» кавказской металлургии. Вообще, оперирование понятием «клад», а тем более в таком контексте, с учетом современного уровня полноты источниковой базы выглядит довольно странным. Ведь еще до выхода статей М. Б. Рысина (на начало 1990-х гг.) в Закубанье уже были раскопаны более сотни курганов, содержащих порядка 500 закрытых погребальных комплексов эпохи средней бронзы. Следует отметить, что ни один из них не содержал комплекса вещей, сходных с инвентарем «погребения» (по М. Б. Рысину) из разрушенного кургана у с. Успенское.

В целом же хотелось бы отметить, что в «успенском этапе» М. Б. Рысин изначально объединил значительный хронологический пласт, включающий три этапа развития новотиторовских древностей, выделяемых А. Н. Геом (2000), и следующие за ними в хронологическом порядке три этапа эволюции вещевого комплекса из погребений развитой северокавказской культуры, представленных, например, в работе С. Н. Корневского (1990). Таким образом, введение самого понятия «успенский этап» для общей характеристики памятников финала ранней и начального этапа средней бронзы Северного Кавказа с историографической точки зрения не актуально.

Наконец, возвращаясь к концепции «андрюковского» и «успенского этапов», используемой в работе А. В. Кияшко (Кияшко, 2002. С. 22–26), следует заметить, что сама правомерность их выделения, как и возможность опоры на единичные и сомнительные комплексы достаточно удаленных территорий, при построении локальных хронологических схем (в данном случае – ямной и катакомбной культур Доно-Волжского бассейна) в свете вышеизложенного являются весьма спорными

ЛИТЕРАТУРА

- Гак Е. И., Калмыков А. А., 2009. Ямно-новотиторовское наследие в металлопроизводстве катакомбных культур центральной и восточной части Степного Предкавказья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы: сб. науч. тр. / [Отв. ред. Н. Л. Моргунова]. Оренбург: ОГПУ. С. 104–119.
- Гей А. Н., 2000. Новотиторовская культура. М.: Старый сад: ИА РАН. 223 с.
- Иессен А. А., 1950. К хронологии «Больших Кубанских курганов» // СА. Вып. XII. С. 157–200.
- Кияшко А. В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. 268 с.

- Клещенко А. А., 2011. Бронзовые ножи и шилья раннего этапа эпохи средней бронзы Закубанья // КСИА. Вып. 225. С. 88–99.
- Кореневский С. Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.: ИА АН СССР. 174 с.
- Кореневский С. Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М: Наука. 243 с.
- Кореневский С. Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М: Таус. 336 с.
- Лопатин А. П., 1993. Успенский клад эпохи средней бронзы // Первые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир. С. 9–12.
- Марковин В. И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука. 328 с.
- Мунчаев Р. М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука. 415 с.
- ОАК за 1896 г. Отчет Императорской археологической комиссии за 1896 г. СПб. 250 с.
- Рысин М. Б., 1996а. Начальный этап эпохи средней бронзы на Северном Кавказе // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: материалы конф., посвященной 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / [Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский]. СПб: Гос. Эрмитаж. С. 78–81.
- Рысин М. Б., 1996б. К проблеме синхронизации памятников среднего бронзового века Северного и Южного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: материалы конф., посвященной 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / [Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский]. СПб: Гос. Эрмитаж С. 81–84.
- Рысин М. Б., 2008. Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века // Археологические вести. Вып. 15. СПб. С. 193–230.

Сведения об авторе

Клещенко Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sansanych@bk.ru.

A. A. Kleshchenko

On so-called «Uspenskoye» and «Andryukovskaya» stages of the Middle Bronze Age metalworking in the North Caucasus

Abstract. The paper is a historiographic case-study related with so-called «Uspenskoye» and «Andryukovskaya» stages of metalworking of the early period of the Middle Bronze Age in the North Caucasus singled out by M. B. Rysin and A. V. Kiyashko. The data presented in the article prove their interpretation of the eponymous complexes from the Andryukovka cemetery and destroyed kurgan near village Uspenskoye as Middle Bronze Age sites not grounded. Consequently, the fact of existence and real content of the above stages can hardly be considered reliable.

Key words: North Caucasus, Lower Don, Don-Volga interfluve, Early Bronze Age, Middle Bronze Age, metal artefacts.

About the author

Kleshchenko Alexander A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sansanych@bk.ru.

Ю. В. Лунькова, В. Ю. Луньков

ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ СРУБНОЙ КИО (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)

Резюме. В статье приводятся результаты статистического анализа погребений из грунтовых могильников срубной КИО, позволяющие сделать ряд выводов. Данный вид обряда существовал на всем протяжении развития культуры. Отмечено сходство грунтовых погребений с подкурганными захоронениями с упрощенным набором ритуальных действий. По полученным данным не подтверждается точка зрения некоторых исследователей о детском предназначении грунтовых могильников.

Ключевые слова: срубная культура, грунтовые могильники, погребальный обряд, статистические методы.

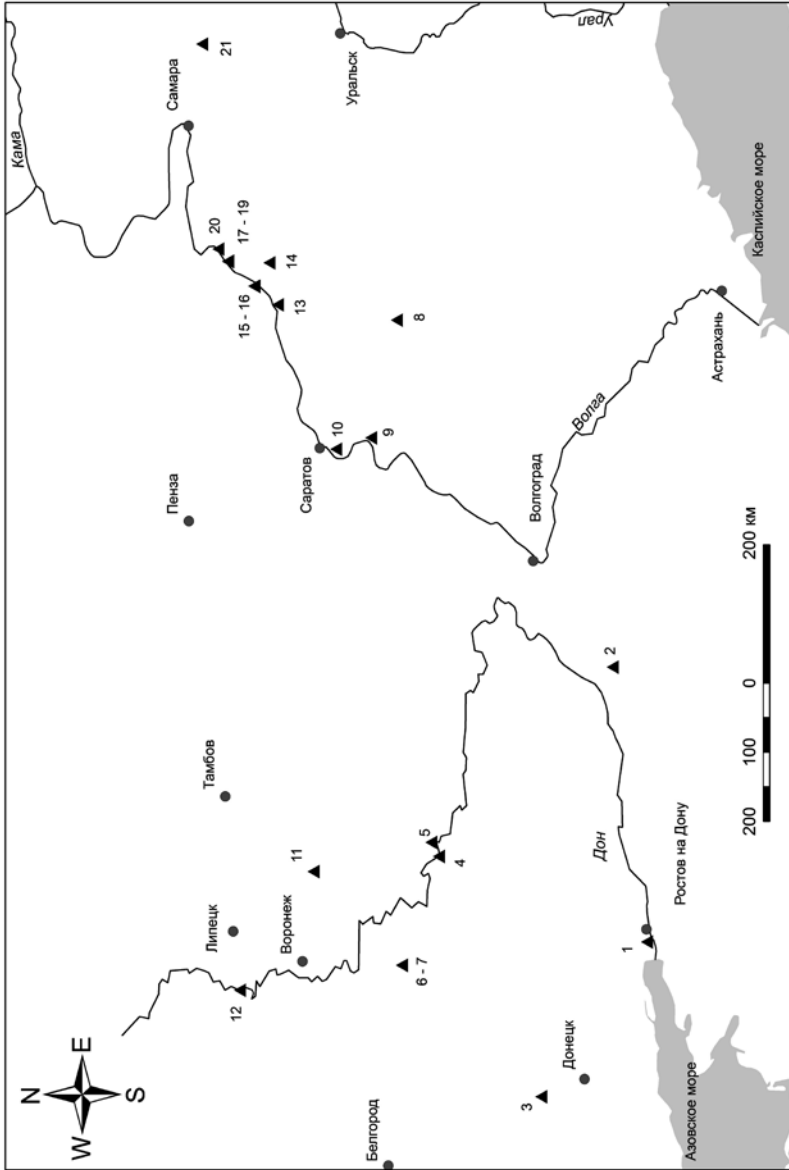
Погребальные памятники срубной КИО представлены курганными и грунтовыми могильниками. И если первые достаточно давно являются объектом аналитических изысканий специалистов, то вторые – остаются, как правило, за рамками обобщающих исследований. Безусловно, одной из основных причин является сложность обнаружения грунтовых могильников. В большинстве случаев информацию удастся получить в результате их разрушения, что не может не сказаться на качестве и полноте фиксируемых данных. В результате складывается представление о малочисленности и редкости данного типа погребальных памятников. В тоже время, по нашим данным, известно более трех десятков грунтовых могильников, содержащих свыше 500 погребений¹. Данное количество достаточно для проведения системного анализа с использованием статистических методов, позволяющих выявить тенденции и закономерности, скрытые в неструктурированном материале.

Для исследовательской работы была сформирована выборка, состоящая из 336 погребений, происходящих из 21 грунтового могильника² (рис. 1). База данных формировалась в среде Access for Windows, где основой являлись данные по погребениям. В свою очередь, к ней были «привязаны» базы данных по могильникам с одной стороны, и по погребальному инвентарю, с другой. Кроме этого, каждое погребение сопровождалось необходимыми паспортными данными, заключенными в самостоятельную базу. Статистический анализ погребального обряда проводился по разработанному одним из авторов подходу, апробированному на материалах срубной культуры лесостепной зоны Волго-Донского междуречья, Поволжья (Лунькова, 2002а; 2002б). Анализ

---

¹ Эти данные приблизительны, т. к. информация о новых грунтовых могильниках поступает постоянно, что ведет к увеличению базы данных.

² Различие в количестве известных данных и анализируемых объясняется рядом причин: недоступностью материала (часть из них находятся в архивах учреждений других государств); вновь выявленные, которые проходят процесс формализации и внесения в базу данных; частичное привлечение материалов Смеловского могильника (Лопатин, 2010).

Рис. 1. Карта-схема грунтовых могильников срубной КИО

1 – Ливенцовка I; 2 – Захаровский; 3 – Дружковский; 4 – Терешковский Вал; 5 – Петропавловский; 6 – Новохарьковский; 7 – Самотовский; 8 – Александринский; 9 – Ново-Привольное; 10 – Смеловский; 11 – Мосоловский; 12 – Никольский; 13 – Солнечный; 14 – Калач-I; 15 – Алексеевский левобережный; 16 – Алексеевский II; 17 – Екатериновский II; 18 – Екатериновский III; 19 – Екатериновский III; 20 – Федоровский; 21 – Съезжее

осуществлялся с использованием специализированного компьютерного пакета «Statistica for Windows». На первом этапе это были суммарные характеристики выборки, позволяющие получить наиболее полную информацию о ней. Следующим шагом стало определение взаимовстречаемости признаков, выявление их взаимосвязей и взаимозависимостей с помощью расчетов коэффициентов ассоциации, сопряженности и коэффициента множественной корреляции. На последнем этапе был проведен содержательный анализ полученных данных, включающий их интерпретацию.

Перед тем, как кратко остановиться на основных характеристиках погребального обряда грунтовых могильников, напомним о характере получения информации о них. Они выявлены, в большинстве своем, в результате разрушения, что снижает уровень достоверности о некоторых чертах обряда могильника. В частности, в 80% невозможно точно определить общее количество погребений, детально изучить планиграфию и т. д. Не стоит забывать и о разной степени изученности памятников, хотя в большинстве случаев авторам раскопок, благодаря сплошному обследованию, удается определить их границы. Несмотря на это, в результате проведенного системного анализа можно обоснованно говорить о выявлении устойчивых традиций обряда, регламентированных четкой системой мировоззренческих представлений у носителей срубной культуры.

Практически все грунтовые могильники занимали отдельную площадку, как правило, расположенную недалеко от водных артерий³. По количеству срубных погребений могильники можно разделить на две группы⁴:

1) больше 20 погребений: Алексеевский левобережный, Калач-1, Ливенцовка I, Ново-Привольное, Смеловский, Съезжее;

2) меньше 20 погребений: Алексашкинский, Алексеевский II, Дружковский, Екатериновские I, II и III, Мосоловский, Никольский, Новохарьковский, Петропавловский, Самотоевский, Солнечный, Терешковский Вал, Федоровский.

Соотношение могильников с погребениями предшествующих культур и их отсутствием оказалось практически равным. Так, памятники, где зафиксированы погребения раннего этапа срубной культуры, а общее их число не превышает 15, как правило, расположены в бассейне Дона. Могильники же, где количество срубных погребений больше 15, тяготеют к бассейну Волги⁵.

Наличие могильных сооружений удалось отметить только у 47,3%⁶ погребений, из которых в 45% они были представлены ямами, 2,3% - каменными ящиками. Перекрытие отмечено лишь для 12,6%. Встречаемость каменных ящиков отмечена только для Дружковского могильника и поэтому рассматривается как локальный вариант.

³ Хотя это замечание может оказаться условным, так как в ряде случаев обнаружение памятника связано с фактом разрушения береговой линии рек.

⁴ При описании характеристик могильника учитывались только погребения срубной культуры.

⁵ В первом случае исключением является могильник Екатериновский II, во втором – могильник Ливенцовка I.

⁶ Здесь и далее приводятся проценты по отношению ко всей выборке.

Для данной выборки характерно значительное преобладание одиночных погребений (89,9%), парные погребения зафиксированы только для 2,4%, нет информации для 7,7%.

В тех случаях, где удалось установить (46,1%), погребения ориентированы во всех направлениях⁷. Доминирующей является северо-восток – юго-запад (20,5%), реже представлены направления север–юг (9,2%), восток–запад (8,4%), северо-запад – юго-восток (8%).

Преобладает помещение костяка в центре могильной ямы в скорченном положении на левом боку (59,2%). Там, где удалось зафиксировать (45,8%), кости рук, в основном, находились у лицевого отдела черепа (27,7%) или были согнуты в локтях (11,9 %).

В большинстве случаев возрастные определения выполнены археологами. По их определениям, встречаемость детей и подростков составляет 48,8% и 14,3%, соответственно, а взрослых людей – 27,4%.

Керамический инвентарь представлен 306 экз., среди которых баночной формы – 61,8%, горшковидной – 30,4%, острореберных – 4,6%, чашек – 0,3%, сосудов (тип не определен⁸) – 2,9%.

Керамика зафиксирована в 72% погребений, в 28% – сосуды отсутствовали. Погребений с одним сосудом – 56%, с двумя – 14,3%, с тремя – 1,1%, с четырьмя – 0,3%, с шестью – 0,3%.

Расположение керамики рассматривалось по отношению к погребенному, когда же это не удавалось проследить, – то по отношению к стенкам могильной ямы. В погребениях с одним сосудом в 68,1% он находился перед костяком (около черепа – 35,6%, около костей рук – 16%, около грудной клетки – 4,3%), за костяком керамика встречена в 7% (за черепом – 5,9%, за позвоночником – 1,1%).

В погребениях с двумя сосудами варибельность размещения сосудов значительна. В качестве основных позиций можно выделить: около черепа – 14,6%, около лицевого отдела черепа – около костей рук – 8,3%, около черепа – за черепом – 6,3%.

Некерамический инвентарь встречен в 10,4% погребениях и представлен 65 предметами, среди которых подвески составляют 24,6%, браслеты – 23,1%, альчики-бабки-астрагалы – 15,4%, пронизи (бронзовые) – 9,2%, бусы – 6,2%, подвески из раковины – 6,2% и др.

Остатки костей животных встречены в 3% погребениях и представлены, в основном, костями мелкого рогатого скота.

Растительные и минеральные остатки зафиксированы в 6% погребениях. Доминируют остатки растительного происхождения.

Таким образом, полученные суммарные характеристики выборки погребений грунтовых могильников срубной КИО позволяют говорить об отсутствии значительных отклонений от «стандарта» погребального обряда срубной культуры, известного по данным курганных могильников (*Лунькова, 2002а*;

⁷ Ориентировка могильной ямы (по длинной оси) и погребенного в большинстве случаев совпадают. Различия могут составлять не более 10°.

⁸ Тип не определен, когда в тексте отчета отсутствует описание и не приводится фотография или рисунок сосуда.

20026). Единственное, что можно отметить – это более редкая встречаемость остатков минерального и органического происхождения, костей животных, а также менее разнообразный по составу и количеству некерамический инвентарь.

Распределение признаков по могильникам и их сравнительный анализ, позволил прийти к ряду заключений. Во-первых, при близких тенденциях распределения значений признаков по памятникам, можно предполагать динамику их развития. Большинство погребений могильников Алексеевский левобережный, Екатериновский-II, Калач-I по основным характеристикам («крупные» могильные ямы, северное и северо-восточное направление ориентировок, слабая степень скорченности костяка, количественный и типологический состав керамического инвентаря, присутствие остатков минерального и растительного происхождения, а также костей животных) может быть отнесено к раннему периоду срубной КИО.

Доминирующее число погребений могильников Ливенцовка-I, Самогоевский и Съезжее, по ряду показателей – «малые» могильные ямы, северо-восточное и восточное направление ориентировок, средняя и сильная степени скорченности костяка, количественный и типологический состав керамического инвентаря, практически полное отсутствие остатков минерального и растительного происхождения, а также костей животных – может быть датировано развитым периодом срубной КИО (Лунькова, 2002а; 2002б).

Благодаря проведенному анализу, ряд опубликованных ранее предположений о месте и характере грунтовых могильников в системе срубных погребальных памятников представляются не совсем корректными⁹. Так, достаточно достоверно можно говорить о том, что грунтовые могильники зафиксированы на всем протяжении развития срубной КИО. Сомнительно, что они могли являться результатом самостоятельного погребального обряда. Несмотря на преобладание погребений детей и подростков, грунтовые могильники, на наш взгляд, нельзя рассматривать как «детские кладбища», так как процент захоронение взрослых людей достаточно представителен.

Точка зрения Ю. И. Колева (2003. С. 109) о том, что «грунтовые и подкурганые захоронения с упрощенным набором ритуальных действий представляют собой единый тип погребального обряда, характеризующийся выполнением ритуальных действий с минимальными трудовыми затратами», согласуется с приведенными выше результатами статистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Горбов В. Н., Усачук А. Н., 1993. Дружковский могильник и некоторые вопросы мировоззрения срубных племен // Археологический альманах. Вып. 2 / Гл. ред. А. В. Колесник. Донецк: Донеччина. С. 115–132.

⁹ Из-за ограниченных объемов статьи мы не имеем возможности подробно остановиться на существующих точках зрения о месте и характере грунтовых могильников в системе погребальных памятников срубной КИО (Мерперт, 1958; Шилов, 1975; Качалова, 1985; Колев, Седова, 1987; Пятых, 1991; Горбов, Усачук, 1993; и др.).

- Качалова Н. К.*, 1985. Периодизация срубных памятников Нижнего Подонья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизация) / Ред. Л. И. Бордунова. Куйбышев: КГПИ. С. 28–59.
- Колес Ю. И.*, 2003. Грунтовый могильник срубной культуры Съезжее II (материалы раскопок) // Материальная культура населения бассейна реки Самара в бронзовом веке / Ред. Ю. И. Колес, П. Ф. Кузнецов, О. Д. Мочалов. Самара: СГПУ. С. 88–111.
- Колес Ю. И., Седова М. В.*, 1987. Грунтовые могильники срубной культуры на территории Куйбышевского Заволжья // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев: КГУ. С. 68–86.
- Лопатин В. А.*, 2010. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.) / Ред. Н. М. Малов. Саратов: Наука. 244 с.
- Лунькова Ю. В.*, 2002а. Погребальный обряд срубной культуры Волго-Донского междуречья: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва. 20 с.
- Лунькова Ю. В.*, 2002б. К изучению погребального обряда срубной культуры Волго-Донского междуречья // РА. № 4. С. 143–149.
- Мерперт Н. Я.*, 1958. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции / Ред. А. П. Смирнов. М.: АН СССР. С. 45–156. (МИА; № 61.)
- Пятых Г. Г.*, 1991. Алексашкинский бескурганый могильник и его место среди однотипных памятников // Археология восточно-европейской степи. Вып. 2. Саратов: Саратовский университет. С. 94–103.
- Шилов В. П.*, 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука. 208 с.

Сведения об авторах

- Лунькова Юлия Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ylunkova@rambler.ru.
- Лунков Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: vlunkov@rambler.ru.

Yu. V. Lunkova, V. Yu. Lunkov

Ground cemeteries of timber-grave cultural-historical entity (preliminary results)

Abstract. The article presents the results of the statistical analysis of burial associations from ground cemeteries of timber-grave cultural-historical entity. Some conclusions are suggested. First, this type of burial rite was practiced during the whole period of timber-grave culture's development. Second, ground burials are similar to kurgan ones performed with simplified ritual procedures. The obtained data do not confirm the opinion on specific character of ground cemeteries as used for children burials only.

Key words: timber-grave culture, ground cemeteries, burial rite, statistical methods.

About the authors

- Lunkova Yuliya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ylunkova@rambler.ru.
- Lunkov Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: vlunkov@rambler.ru.

В. И. Стефанов, С. В. Кузьминых, С. А. Ханов

ТАБОРИНСКАЯ МИНИАТЮРА (К ВОПРОСУ О КОНСТРУКЦИИ КЕЛЬТОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА)

Резюме. Проблема конструкции кельтов бронзового и раннего железного веков Северной Евразии долгое время оставалась нерешенной. Предлагались различные варианты соединения и крепления самого орудия с рукоятью. Таборинская миниатюрная копия кельта точно передает конструктивные детали реальных рубящих орудий II–I тыс. до н. э. Они имели жестко-составную конструкцию, включавшую деревянную рукоять, деревянный же переходник-вкладыш и собственно кельт – медный или бронзовый.

Ключевые слова: топоры-кельты, металлопластика, эпоха бронзы, ранний железный век, Урал, Западная Сибирь.

Во всех справочниках кельт относится к категории орудий и оружия с втулкой, расположенной перпендикулярно лезвию (Кузьминых, 2009. С. 529), но проблема их конструкции долгое время оставалась нерешенной из-за плохой или частичной сохранности деревянных рукоятей. находка, о которой ниже пойдет речь, вне всякого сомнения, относится к разряду уникальных. И прежде всего потому, что эта миниатюрная копия кельта-топора, отлитая из бронзы в двустворчатой глиняной форме, точно передает конструктивные особенности реальных рубящих орудий II–I тыс. до н. э. (рис. 1, на вклейке, с. 386; 2). Она использовалась, скорее всего, в качестве подвески, о чем свидетельствует круглое отверстие на конце топорща/рукояти кельта. Изделие целое, удовлетворительной сохранности, покрыто патиной; его вес 44 г.

В настоящее время данная вещь находится в частной коллекции. Ее владелец предоставил нам возможность ознакомиться с ней и опубликовать. С его слов, точнее – в его пересказе, она была найдена, вероятно, с помощью металлодетектора, неизвестным лицом на оз. Епанчино, что примерно в 10 км к югу от с. Таборы – районного центра на востоке Свердловской области. Достоверность этой информации, к сожалению, проверить невозможно, но, как будет показано ниже, географическая привязка предмета к таежной зоне Западно-Сибирской равнины (она занимает свыше 60% территории Свердловской области) выглядит весьма правдоподобной.

Таборинская (назовем ее так) находка любопытна как образец объемной сплошной металлопластики, но самое интересное в ней – изображенное орудие. Уменьшенная модель – цельнолитая, тем не менее в ней надежно выделяются три составные части рубящего орудия: рукоять, переходник-вкладыш, втульчатый наконечник или собственно кельт (рис. 2).

Кельт – трапецевидной формы в плане (за счет сужения корпуса к лезвию), шестигранный в сечении (по устью втулки и тулову), клиновидный в профиле. Плоские фаски отделены от боковых граней четко выраженными ребрами. Характерная особенность – углы боковых граней приподняты над краем втулки

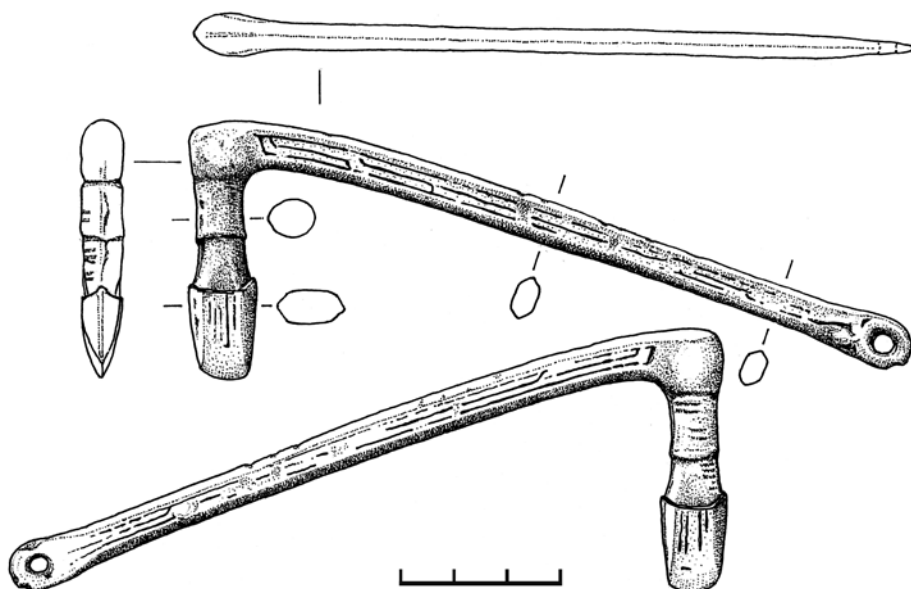

Рис. 2. Таборинская миниатюра

и напоминают острые уши. Размеры копии: длина – 18,7 мм, ширина по краю втулки – 13 мм, а лезвийной части – 9 мм, максимальная толщина – 6,5 мм. Широкие плоскости орнаментированы с одной стороны пятью врезными вертикальными линиями, спускающимися от края втулки примерно до середины тулова, и четырьмя – с другой. Впрочем, орнамент прочитывается не очень хорошо.

Рукоять топора-модели коленчатая (Г-образной формы), длиной 141 мм; ее основой является прямой шестигранный, уплощенный с боков стержень, высотой 7–9 мм при толщине 4,5 мм. Хвост топорика в проекции сверху клиновидный, с аккуратным круглым отверстием (диаметр – 3,2 мм), которое с одной стороны окружено рельефным бортиком. Слабоизогнутый противоположный конец, утолщенный до 8 мм, имеет снизу выступ – округлый в сечении (7–8,5 мм), длиной 11 мм. Угол, образованный осями рукояти и выступа, равен 70°. Боковые грани топорика покрыты врезным узором из вытянутого Z-образного меандра. Из-за мелких неровностей поверхности декор местами прерывается. Кроме того, на одной стороне выступа прослеживается до пяти похожих на желобки-бороздки горизонтальных линий.

Переходник-вкладыш в отливке представлен только средней частью корпуса; подразумевается, что его нижний и верхний концы скрыты во втулке кельта и в выступе топорика. На тулове переходника с той же стороны, что и на выступающей части рукояти, продолжают пять коротких желобчатых линий.

Есть все основания полагать, что таборинская миниатюрная модель верно передает реально существовавшие орудия. Сам кельт по морфологическим и декоративным характеристикам соответствует западносибирским кельтам раннего железного века, а необычная «ушастая» форма позволяет соотносить его с орудиями IV группы, которую В. Н. Чернецов по преобладающей локализации материала назвал тобольской (Чернецов, 1947. С. 73). Известно, что кельты тобольской группы достигают в длину 9 см (Там же. С. 73–75). Приняв этот показатель (8,5–9 см) за некий условный стандарт, нетрудно подсчитать, что миниатюрная копия уменьшена против «оригинала» примерно в 4,5–4,8 раза. При соответствующем увеличении всех параметров модели мы получим следующую картину: длина кельта – 8,5–9 см, ширина по краю втулки – 5,8–6,2 см, толщина – 2,9–3,1 см. Для сравнения: кельт из кургана 15 на Чувашском мысу – 9×5,5 см, кельты из Минусинского музея – 9×5,7 см и 8,8×5,7 см, кельт из коллекции Знаменского – 9×4,5 см (Там же). Длина рукояти в этом случае составит 63–67 см при высоте около 3,5–4 см и толщине 2–2,2 см.

В этой связи напомним о параметрах деревянной рукояти кельта, недавно найденной на святилище Усть-Полуй в Салехарде: длина – 60,7 см, толщина – 2,3–2,6 см (Гусев, 2013. С. 62). Для нее присущ тот же слабый изгиб «для придания нужного угла сопряжения с клином-насадом – 60°»; у насаживавшегося на клин кельта – те же выступающие над втулкой боковые острые «ушки» (Там же. С. 62, 63). Кроме того, у орудия, «воспроизведенного» по таборинской модели, и у находки из Усть-Полюя, похоже, одинаково решена такая важная конструктивная деталь, как переходник-вкладыш¹⁰. Как и рукоять, он выстругивался из дерева, причем необязательно аналогичной породы. Его нижний конец, оформленный в виде клина длиной не менее 5–6 см, забивался враспор¹¹ во втулку кельта. Средняя часть тулова таборинского вкладыша плавно сужается кверху. У переходника из Усть-Полюя она, напротив, слегка расширяется и далее, через ступеньку-заплечико, переходит в конусовидный стержень, на который, в свою очередь, насаживалась проушная рукоять (рис. 3). Почти так же, заметим, выглядел вкладыш кельта ананьинского типа из погребения 275 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1971. С. 38, 39).

Очевидно, что рукояти орудия из Усть-Полюя и прототипа таборинской модели изготовлены из стволовой части дерева, имевшей крупный боковой отросток-ветвь, сук. У первого экземпляра сук был срезан до основания; в образовавшееся от выбитого сучка и, может быть, дополнительно рассверленное отверстие вставлялся конусовидный стержень-переходник. В варианте с таборинской моделью боковой отросток срезан или отпилен в 5 см от ствола и уже в полученном выступе проделывалось отверстие («глухая» втулка) для соединения с переходником-вкладышем.

Сравниваемые образцы имеют и другие отличия. У рукояти кельта из Усть-Полюя, например, сечение не шестигранное, а округло-овальное, и она не орна-

¹⁰ Он же – вкладыш, клин, вертикальный клин-переходник, клиновидный насад (см.: Патрушев, 1971; Халиков, 1977. С. 108; Бобков, 1985; Гусев, 2013).

¹¹ Подобное надежное крепление вкладыша во втулке зафиксировано у кельтов бронзового и раннего железного веков (Соловьев, Чибиряк, 2001. С. 455).

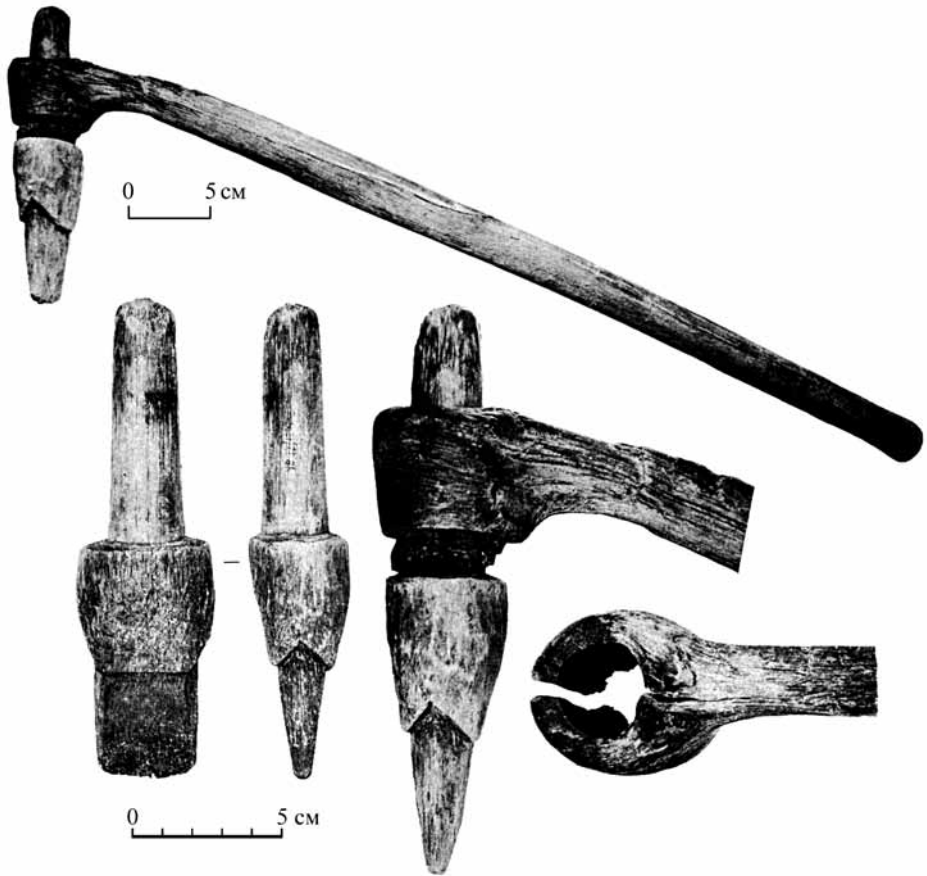

Рис. 3. Деревянная рукоятка кельта с древнего святилища Усть-Полуя (по: Гусев, 2013)

ментирована. С другой стороны, неизвестно: украшались ли вообще топорича рубящих орудий. Возможно, декор рукоятей характерен для парадных изделий, и таборинская модель передает их черты. Но главное не в этом: кельт модели однозначно использовался в качестве топора, а усть-полуйский – как тесло, поскольку клин-насад закреплен у него в положении перпендикулярно оси рукояти (Гусев, 2013). Впрочем, и данное отличие, возможно, не является кардинальным. Конструкция орудия из Усть-Полуя, по справедливому замечанию А. В. Гусева, «изначально предполагала его универсальный характер – легкий перевод из позиции «топор» в «тесло» и обратно» (Там же. С. 63). Для этого нужно было выполнить несложную операцию, а именно: повернуть вкладыш-переходник во втулке рукояти на 90° и заново закрепить его положение, например, с помощью кожаных ремешков. Скорее всего, именно они показаны на выступе рукояти и переходнике таборинской модели в виде горизонтальных желобчатых линий.

Ранее следы обертки вкладыша кожей, кожаными ремешками были зафиксированы на некоторых ананьинских и акозинско-меларских кельтах Старшего Ахмыловского могильника на Средней Волге (*Патрушев*, 1971. С. 39, 40, 42) и тагарских – Березовского могильника в Красноярском крае (*Бобков*, 1985. С. 54).

Датировка таборинской модели-подвески ранним железным веком основывается, в первую очередь, на аналогиях кельту и, отчасти, конструкции переходника-вкладыша и рукояти, о чем говорилось выше. Время бытования кельтов IV (тобольской) группы В. Н. Чернецов определил с IV в. до н. э. по I в. н. э., отмечая при этом, что по приемам литейной техники западносибирские кельты ближе к тагарским, чем к ананьинским орудиям (*Чернецов*, 1947. С. 75, 76). Святилище Усть-Полуй, по археологическим и дендрохронологическим данным, существовало в интервале между I в. до н. э. и I в. н. э. (*Гусев, Федорова*, 2012. С. 24; *Хантемиров, Шиятов*, 2012). Обратим внимание на еще одну параллель: орнамент на рукояти таборинского изделия более всего близок меандру, составленному из фигур «уточек», на керамике и кельтах кулайской культуры IV/III вв. до н. э. – III в. н. э. (*Чемякин*, 2008. С. 78–94).

Досадно, но связать эту вещь с какой-либо из зауральских культур раннего железного века не удастся. Ясно лишь, что она не имеет отношения к иткульскому очагу металлургии и металлообработки VII–III вв. до н. э., в котором отливались кельты иных морфологических форм (*Бельтикова*, 2005). Не связана она и с кругом лесостепных культур Зауралья того времени (баитовская, воробьевская, богочановская, саргатская, гороховская и др.) с характерными для них массивными кельтами с перегородкой (*Матвеева*, 1994. Рис. 1, 2, 3). Морфологические особенности кельта таборинской модели-подвески находят соответствия в орудиях археологических культур таежных областей Западной Сибири и Северного Приуралья (усть-полуйская, кулайская, большещеченская и др.), в ареал которых входит и оз. Епанчино. Что касается района озера, где якобы была найдена обсуждаемая миниатюра, то все известные здесь археологические памятники (11 стоянок) относятся к периоду энеолита. Впрочем, эти данные, безусловно, не окончательные.

Необходимо отметить еще одну важную деталь. Дата таборинской модели явно связана с IV/III в. до н. э. – I/II в. н. э. Это время расцвета гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье и на Вычегде. Здесь на Гляденовском и других костыщах найдены в огромном количестве медные, бронзовые и железные антропо- и зооморфные вотивные фигурки и миниатюрные копии орудий труда и оружия (*Лепихин, Мельничук*, 1999), в том числе и единичные бронзовые модели топоров (*Эренбург*, 2014. Илл. 318) и чеканов¹² в сочленении с рукоятями. Но миниатюрные копии и модели кельтов на камских костыщах не известны¹³. Тем не менее, если не прямую, то косвенную связь между гляденовскими и таборинской моделями мы можем провести. Она заключается в самом характере

¹² Выражаем признательность С. Н. Коренюку за указание на эту находку в Гляденове из его раскопок 2003 г.

¹³ В конце ананьинской эпохи медные и бронзовые кельты на Каме выходят из употребления, оставаясь в обиходе лишь на севере Приуралья и Приобья.

металлопластики, выраженном в распространении вотивных фигурок и миниатюрных моделей в таежном Прикамье и Зауралье.

В заключение несколько общих замечаний о конструкции кельтов бронзового и раннего железного веков и их функционального назначения. Специальных исследований, посвященных разработке этого сюжета, немного, да и предпринимались они обычно в связи с нахождением остатков древесины во втулках кельтов и/или фрагментов рукояти. Пожалуй, самым категоричным было заключение М. П. Грязнова: рукоять (бронзового кельта из Турбинского могильника) была цельной, изготовлена из ветви дерева, а прилегающая часть ствола, оформленная в виде клина, служила для насада на нее кельта. Расположение годичных колец на кусочке дерева из втулки позволяет «совершенно точно, безошибочно и крайне просто определять положение кельта на рукояти и, следовательно, тип рубящего орудия» (Грязнов, 1947. С. 172). Наблюдения над сохранившимся во втулке кусочком дерева, по его мнению, являются решающими и не нуждаются в дополнительных изысканиях (Там же). Аналогичной методики определения типа орудия поначалу придерживался А. Х. Халиков (1962), столкнувшись с остатками древесины в кельтах ананьинского и акозинско-меларского типов в Аkozинском могильнике; позже, с выявлением деревянных вкладышей в Старшем Ахмыловском могильнике, он изменил свое отношение к грязновской методике (Халиков, 1977. С. 108). Анализируя кельты этих же типов из Старшего Ахмыловского могильника (погр. 36, 94, 275 и др.), В. С. Патрушев убедительно показал, что их топорича состояли из двух частей – вкладыша, всаженного во втулку, и самой рукояти. «Для таких топорич положение годичных колец уже не имеет никакого значения» (Патрушев, 1971. С. 38). Рукоять насаживалась на вкладыш, для чего в ней проделывалось отверстие, сами вкладыши имели разную форму (рис. 4, 6–9).

Подобные ананьинским переходники и способ крепления с топоричем (рис. 4, 3) зафиксированы в нескольких случаях при исследовании тагарских курганов (Бобков, 1985). Особый интерес вызывают деревянные проушные вкладыши, обнаруженные в Березовском и Косогольском могильниках, – они демонстрируют иной способ соединения деревянных частей рубящего орудия (рис. 4, 4, 5).

Приведенных примеров, с учетом усть-полуйской и таборинской находок, вполне достаточно, чтобы сделать следующие выводы.

1. Орудия с металлическим наконечником в виде кельта, появившиеся в Северной Евразии в самом конце III тыс. до н. э. в памятниках сейминско-турбинского типа и бытовавшие здесь на протяжении более двух тысячелетий, предназначались для выполнения рубящих ударов, т. е. могли использоваться в качестве орудий труда и оружия.

2. Для них была характерна жестко-составная конструкция, включавшая деревянные рукоять и переходник-вкладыш и собственно кельт – медный или бронзовый. Рукоять выстругивалась из стволовой части дерева; использование для этой цели ветвей представляется нерациональным ввиду их недостаточной прочности и потому маловероятным. При необходимости в закрепительной части топорича мог быть оставлен отросток-выступ; тогда рукоять приобретала Г-образную или коленчатую форму. У всех переходников одинаково – в виде широкого клина – заострена нижняя часть, на которую насаживался враспор

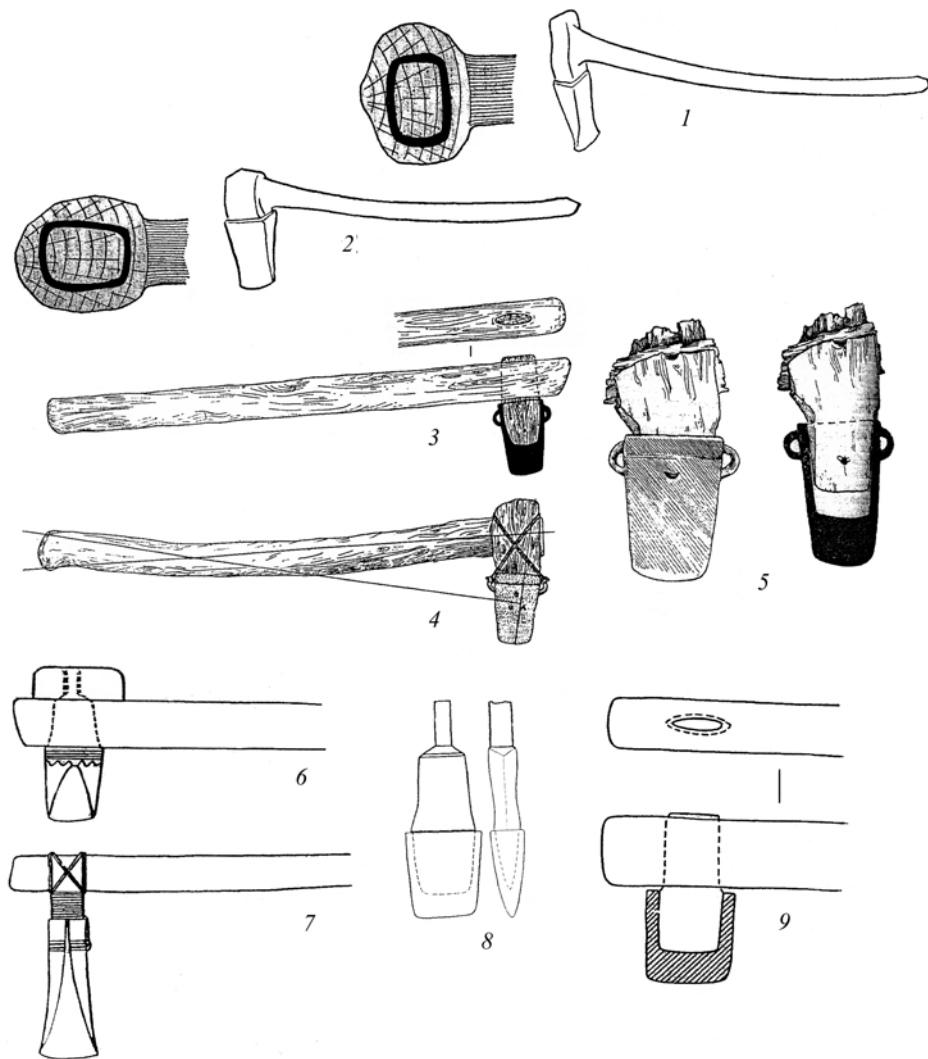

Рис. 4. Реконструкции рукоятей и способов крепления кельтов

1, 2 – по: Чернецов, 1947; 3–5 – по: Бобков, 1985; 6–9 – по: Патрушев, 1971

кельт. Способов соединения переходника с рукоятью было всего два. В первом варианте в теле вкладыша проделывалось щелевидное отверстие, в которое вводился уплощенный конец рукояти (рис. 4, 4, 5). Во втором – проушным было топорщице, и уже оно насаживалось на вкладыш, верхний конец (половина) которого мог быть оформлен в виде стержня-шпенька с заплечиками или просто уплощен (рис. 3; 4, 3, 6–9). В зависимости от этого отверстие в рукояти могло быть округлым, овальным, щелевидным, а в случае с таборинским топором оно, вероятно, было скрытым («глухая» втулка в выступе рукояти). Жесткость кон-

струкции дополнительно обеспечивалась использованием разного рода оберток, обмоток (береста, кожа), зажимов и другими способами (например, с помощью деревянных клинышков; см.: *Патрушев*, 1971. С. 40; *Соловьев, Чибиряк*, 2001. С. 457, 458).

Вариант реконструкции рубящего орудия, предложенный М. П. Грязновым (1947), когда кельт напрямую, без переходника, насаживался на рукоять, по нашему мнению, не должен исключаться из числа обсуждаемых.

3. Факты позволяют утверждать, что отличия в конструкции рубящих орудий и способах крепления не имеют существенного хронологического значения: в рассмотренных примерах они существовали и в эпоху поздней бронзы, и раннего железа.

ЛИТЕРАТУРА

- Бельтикова Г. В.*, 2005. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири / Науч. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: УрГУ. С. 162–186.
- Бобков В. А.*, 1985. Способы крепления кельтов-топоров в скифское время // Археология Южной Сибири / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кемеровский государственный ун-т. С. 51–58.
- Грязнов М. П.*, 1947. К методике определения типа рубящего орудия (топор, тесло) // КСИИМК. Вып. XVI. С. 170–173.
- Гусев А. В.*, 2013. Деревянная рукоятка кельта с древнего святилища Усть-Полуй // Переходные эпохи в археологии: материалы Всерос. археологической конф. с междунар. участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Науч. ред. И. О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. С. 62–64.
- Гусев А. В., Федорова Н. В.*, 2012. Древнее святилище Усть-Полуй: размышления post faktum // Археология Арктики: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй» / Отв. ред. Н. В. Федорова. Екатеринбург: Деловая пресса. С. 22–29.
- Кузьминых С. В.*, 2009. Кельт // БРЭ. Т. 13. С. 529.
- Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф.*, 1999. Гляденовское костеище. Пермь: ПОКМ. 76 с.
- Матвеева Н. П.*, 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука. 152 с.
- Патрушев В. С.*, 1971. Кельты Старшего Ахмыловского могильника и их функциональное назначение // КСИА. Вып. 128. С. 37–43.
- Соловьев А. И., Чибиряк В. Э.*, 2001. Бронзовый кельт самусьско-кижировского типа из Новосибирского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. Т. VII. С. 454–459.
- Халиков А. Х.*, 1962. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Отв. ред. Г. А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. С. 7–187. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. II.)
- Халиков А. Х.*, 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.) М.: Наука. 262 с.
- Хантемиров Р. М., Шиятов С. Г.*, 2012. Дендрологические датировки древесины из археологического памятника Усть-Полуй // Археология Арктики: материалы Междунар. науч.-практ. конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй» / Отв. ред. Н. В. Федорова. Екатеринбург: Деловая пресса. С. 62–64.
- Чемякин Ю. П.*, 2008. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати. 224 с.

Чернецов В. Н., 1947. Опыт типологии западносибирских кельтов // КСИИМК. Вып. XVI. С. 65–78.
Эренбург Б. А., 2014. Звериный стиль: история, мифология: Альбом. Пермь: Сенатор. 212 с.

Сведения об авторах

Стефанов Владимир Иванович, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, пр. Ленина, 51, Екатеринбург, 620083, Россия; e-mail: olga.kogochkova@urfu.ru. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 13-06-00202а;

Кузьминых Сергей Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru;

Ханов Сергей Азатович, Археологический научный центр, ул. Коммуны, д. 68, Челябинск, 454091, Россия; e-mail: dozer009@mail.ru.

V. I. Stefanov, S. V. Kuzminykh, S. A. Khanov

Miniature model from Tabory (on construction of celts of the Bronze and Iron Ages)

Abstract. Construction of celts popular in North Eurasia in the Bronze and Iron Ages for a long time remained unclear. Many variants of attachment and fixing metal tool with wooden shaft were suggested. The miniature model of celt from Tabory clearly shows all constructive details typical of real cutting tools of the II – I mill. BC. Their construction was of rigid composite type and included a wooden shaft, a wooden inserted adapter, and a copper or bronze celt proper.

Key words: celt-axes, metal casting, Bronze Age, Early Iron Age, Urals, Western Siberia.

About the authors

Stefanov Vladimir I., B. N. Yeltsin State Ural Federal University, pr. Lenina, 51, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation; e-mail: olga.kogochkova@urfu.ru;

Kuzminykh Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru;

Khanov Sergey A., Archaeological Scientific Center, ul. Kommuny, 68, Chelyabinsk, 454091, Russian Federation; e-mail: dozer009@mail.ru.

Н. Д. Двуреченская, О. В. Двуреченский,
В. В. Мокробо́родов, И. В. Рукавишников, Д. В. Рукавишников

МАРШРУТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА В 2013 году

Резюме. В статье описываются результаты последних исследований в Пашхурдской котловине – насыщенной малоизвестными памятниками различных эпох предгорной зоне на юге Узбекистана. Основной акцент сделан на памятниках эпохи

поздней бронзы. Был открыт ряд новых объектов (Газкала и др.), сведения по известным памятникам были систематизированы, что создает предпосылки для перехода к более детальным исследованиям вопроса. Также были обследованы памятники других периодов, в том числе ранее неизвестные объекты в районе Зарбаг, Тандабулак и восточнее Пашхурда.

Ключевые слова: маршрутные исследования, Пашхурдская котловина, памятники эпохи поздней бронзы, Газкала, объекты эпохи античности и средневековья.

Бактрийский отряд Среднеазиатской археологической экспедиции Института археологии РАН на протяжении последнего десятилетия проводит свои исследования на крайнем юге Узбекистана в сотрудничестве с Тохаристанской археологической экспедицией АН Узбекистана. В 2013 году отдельная группа отряда в составе авторов статьи вел археологические разведки на территории современной Сурхандарьинской области Узбекистана. Основной зоной поисков стала т. н. Пашхурдская предгорная котловина – в определенном смысле географически изолированная территория в предгорьях Кугитангтау.

История археологического изучения этой зоны непродолжительна¹. Первые плановые исследования в районе крупнейшего современного населенного пункта котловины – кишлака Пашхурд, были произведены в ходе широко-масштабных разведочных обследований юга Узбекистана, осуществленных в конце 1960-х – начале 1970-х гг. археологом Э. В. Ртвеладзе (Узбекистанская искусствоведческая экспедиция). Тогда было открыто несколько археологических объектов, однако в силу ряда причин сведения о них практически не были введены в научный оборот, за исключением неполной информации о крупном археологическом памятнике середины I тыс. до н. э. – XIX в. н. э. Дабилькурбан (центр кишлака Пашхурд; название памятника по основному водному источнику зоны – горной речушке Дабильсай, иначе Уланбулаксай) (Ртвеладзе, Хакимов, 1973. С. 16–17; Ртвеладзе, 1975. С. 265) и упоминаний об остатках ряда средневековых селений (Кирккыз-Ата в кишлаке Газ, тепа в кишлаках Карабаг, Кампыртепа, Майдан) (Аршавская и др., 1982. С. 117, 133, 134). В целом, на протяжении долгого времени исследования данной зоны сводились лишь к эпизодическим выездам археологических групп, результатом одного из которых стало открытие и изучение наскальной живописи каменного века в расположенном в северо-западной части котловины ущелье Зараутсай (Рогинская, 1950; Формозов, 1966). Такая ситуация продолжалась до начала 2000-х гг., когда широко-масштабные разведочные и стационарные археологические работы на этой территории были начаты сотрудниками Тохаристанской археологической экспедиции (ТАЭ) и экспедиции Музея Востока (Москва, Россия) под общим руководством Э. В. Ртвеладзе. В рамках деятельности данного отряда осуществлялись раскопки Дабилькурбана, производились археологические разведки, в ходе которых был открыт и изучен ряд доселе неизвестных объектов, часть которых

¹ Наиболее полно история археологического исследования Пашхурдской котловины, равно как и различные историко-географические вопросы, связанные с этой зоной, изложены в недавно вышедшей статье Э. В. Ртвеладзе (2013).

была подвергнута стационарным исследованиям и разведочным раскопкам. Это поселение раннего этапа культуры Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (далее БМАК) Тиллябулак, местонахождение керамики эпохи бронзы в кишлаке Пашхурд, раннеантичное поселение Гишттепа, раннесредневековые наусы близ Дабилькуртана, античные и средневековые памятники Кампыртепа, Майданкуртан и др. (Болелов, 2004; Мкртычев и др., 2005; Мокрородов, 2006; 2007; Болелов, Ильясов, 2006; 2007; Ильясов, 2009; 2011). Тиллябулак и его окрестности с 2007 г. стационарно исследовались группой археологов Мюнхенского университета (Германия) в сотрудничестве с ТАЭ и Термезским университетом (Болелов, 2009; Каниут и др., 2009; Kaniuth et al., 2009; Каниут, 2012; Каниут, Курмангалиева, 2012; и др.). Вместе с тем продолжились и отдельные выезды археологических групп. В частности, археологом Ш. Б. Шайдуллаевым в кишлаке Газ была найдена каменная ступка со знаками, датированная им эпохой поздней бронзы (Шайдуллаев, 2007).

Как видно из краткого обзора исследований, зона работ характеризуется наличием значительного количества археологических объектов многих периодов, памятников зачастую уникальных, отличающихся приемлемой степенью сохранности из-за слабого освоения земель в сельскохозяйственном отношении и, нередко, являющимися «стерильными» археологическими объектами определенных, в том числе малоизученных периодов. Отметим, что эту зону преждевременно считать изученной даже в сравнении с близлежащими территориями Южного Узбекистана, кроме того сведений о ранее обследованных памятниках явно недостает. Все перечисленное делает Пашхурдскую котловину весьма перспективной для проведения комплексных археологических работ, в том числе продолжения широкомасштабных поисков, даже с учетом того, что исследования в данной зоне несколько осложняет современный приграничный статус территории. Осознание этих фактов, наряду с возможностью проведения исследований на соответствующем современным требованиям научно-техническом уровне, также послужило одним из побудительных мотивов для сотрудников отряда, чтобы уделить внимание археологическим памятникам Пашхурдской котловины.

Одним из важнейших объектов зоны исследований является открытое в 2006 г. поселение эпохи поздней бронзы (культура БМАК) Тиллябулак. Памятник находится восточнее кишлака Пашхурд (координаты по GPS: 37°42'38.2"N 6°48'02.3"E) близ естественного водного источника-родника и представляет собой остатки укрепленного поселения площадью около 1,5 га, имеющего стены, сохранившиеся до 2 м в высоту.

Комплекс подъемной керамики Тиллябулака может быть охарактеризован как набор форм преимущественно станковых сосудов, изготовленных на высоком технологическом уровне. Черепки в основном светлофонные в результате высветления и покрытия ангобом белого и бежевого оттенков, были подняты и фрагменты с красным ангобом. Анализ тиллябулакской керамики, в первую очередь фрагментов характерных ваз, позволяет, вслед за предыдущими исследователями, отнести данный комплекс к ранним этапам культуры БМАК (иначе к сапаллинскому и джаркутанскому этапам «Сапаллинской культуры»), в настоящее время датирующимся рубежом III–II тыс. до н. э.

Юго-восточнее Тиллябулака, на той же холмистой гряде мы зафиксировали несколько скоплений керамики, наиболее массовое из которых расположено в точке с координатами 37°42'18.5"N 66°47'40.2"E. По названию другого родника данное местонахождение получило наименование Аррабулак. Отмечено несколько шурфов (следов поисков упомянутой Узбекистано-германской экспедиции). С поверхности были подняты фрагменты показательной керамики, в том числе наверхия горшков и ваз, из которых последние отличаются более открытой формой, по сравнению с фрагментами с Тиллябулака. За данным исключением, подъемный материал Аррабулака, равно как керамические фрагменты, собранные в ближайшей округе объекта, практически идентичны тиллябулакским и могут быть датированы тем же периодом – ранними этапами БМАК.

Помимо группы археологических объектов бронзового века, восточнее кишлака Пашхурд был обнаружен ряд памятников, судя по подъемному материалу, относящихся к иным периодам. Это Хантепа, прилегающее к нему поселение, а также несколько безымянных скоплений керамики. На центральном объекте (укрепленное поселение на естественной возвышенности высотой порядка 50 м; координаты: 37°42'35.4"N 66°48'44.1"E) собраны многочисленные фрагменты керамики, в том числе глазурованной. Последняя по своим характеристикам может быть отнесена к XIII–XIV вв., прочие фрагменты не так показательны, однако, по всей вероятности, имеют несколько более раннюю дату.

Местонахождение керамики на восточной окраине кишлака Пашхурд, к юго-западу от Тиллябулака (Безымянное I). Подъемный материал, основная масса которого собрана на распаханых адырах, встречается на значительной территории вплоть до водораздела. Координаты наиболее массового скопления по GPS 37°41'21.3"N 66°46'41.9"E. Датировка объекта –XVIII–XIX вв.

Юго-западнее предыдущего объекта, в понижении холмистой гряды, на которой расположены Тиллябулак и Аррабулак, у северного и западного подножия одной из естественных возвышенностей отмечены очередные выходы керамики – местонахождение Безымянное II близ кишлака Пашхурд. Протяженность основного скопления около 40 м. Приблизительно в 200 м восточнее основного скопления на невысокой скалистой выветренной гряде в нескольких отстоящих друг от друга точках собран идентичный керамический материал, прочие признаки археологического памятника отсутствуют. Вся керамика может быть предварительно отнесена к XVIII–XIX вв.

Значимые находки принесло обследование небольшого кишлака Газ, расположенного в 6 км к югу от Пашхурда – в месте прохода Дабиль-Уланбулакская по узкой теснине через горы Карачагыл из Пашхурдской котловины в Музрабдскую степь (рис. 1).

Непосредственно в кишлаке местные жители показали нам несколько целых сосудов, предположительно происходящих с северной окраины современного населенного пункта. Помимо лепного одноручного кувшина с налепами, предположительно позднесредневекового, это два целых станковых сосуда, изготовленных на высоком технологическом уровне – покрытый снаружи белым ангобом горшок с трубчатым носиком-сливом и небольшой тонкостенный сосуд с расширяющимся кверху корпусом. Два последних сосуда могут быть датированы ранними этапами эпохи поздней бронзы.

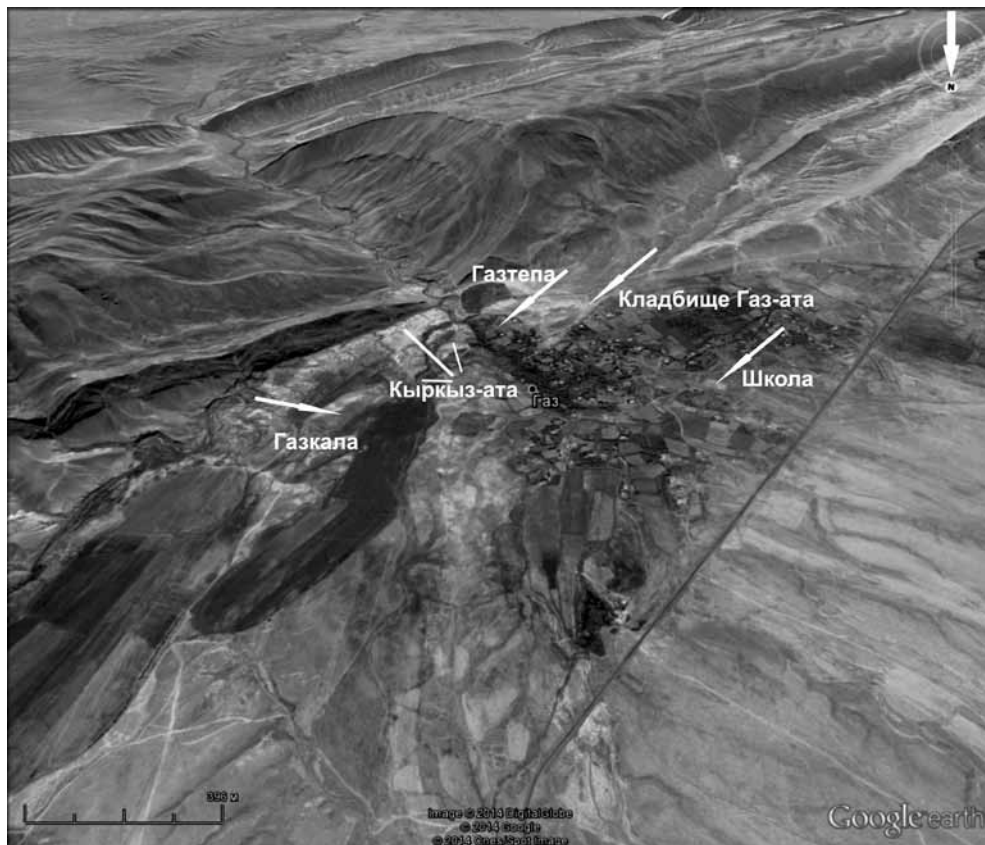

Рис. 1. Памятники в районе кишлака Газ. Проекция GoogleEarth

На въезде в кишлак, на территории школы, в точке с координатами $37^{\circ}37'32''\text{N } 66^{\circ}43'59''\text{E}$ было найдено несколько мало показательных стенок крупных станковых сосудов. По сообщению местных жителей, упоминавшаяся выше предположительно относящаяся к эпохе бронзы каменная ступка, была обнаружена близ школы при рытье колодца.

В 1 км к востоку от предыдущего пункта, непосредственно в кишлаке Газ расположен археологический памятник, получивший полевой код Газтепа. Объект (координаты по GPS: $37^{\circ}37'32''\text{N } 66^{\circ}44'35.9''\text{E}$, высота— 670 м) представляет собой остатки древнего поселения с центром на обрывистой, слегка задернованной скале. Размеры: 60×130 м, ориентирован по линии север—юг.

Керамический комплекс Газтепа. Среди поднятых на памятнике археологических форм присутствуют венчики кубков с характерным изломом в верхней части сосуда (рис. 2, 1–4) и уплощенно-полусферических чаш (рис. 2, 5–6); навершия кувшинов и горшков большей частью с выделенным подтреугольным либо прямоугольным в сечении миниатюрным, зачастую профилированным, венчиком (рис. 2, 9–19, 22); венчики крупных сосудов открытой формы – таго-

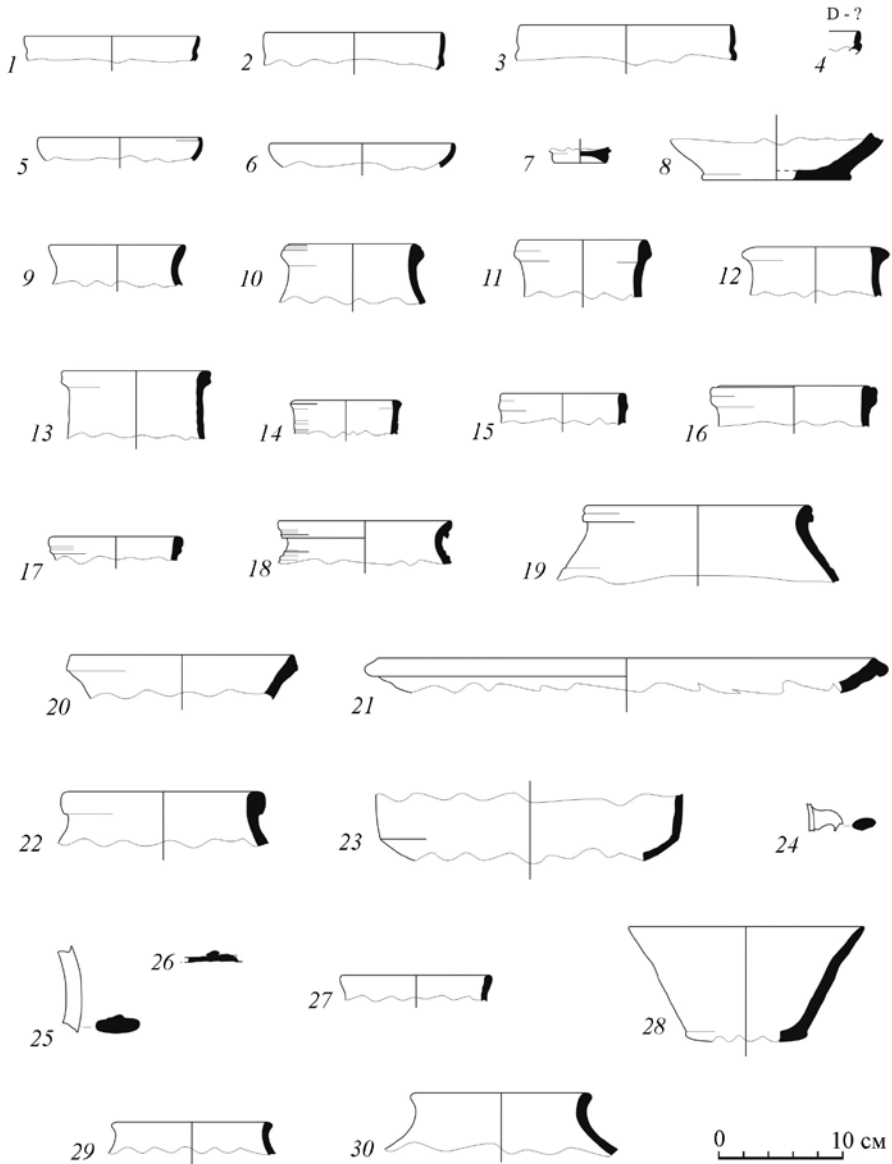

Рис. 2. Подъемная керамика с Газтепа

ра (рис. 2, 20–21). К лепной посуде относятся в основном фрагменты горшков (рис. 2, 29–30). Кроме того были найдены ручки станковых сосудов овально-выпуклые в сечении (рис. 2, 24–25).

Для керамики комплекса характерно широкое применение ангобного декора. Найдены фрагменты с двусторонним ангобом темно-красного и красно-коричневого оттенков (один дополнительно с полосчатым вертикальным лощением снаружи), красным ангобом изнутри, светлым ангобом белого, бежевого и желтоватого оттенков снаружи, двусторонним белым ангобом, остатками красного ангоба-краски по венчику, потеками коричневого ангоба-краски. На одной из лепных стенок отмечен аляповатый налп в виде морды животного.

На объекте было найдено 3 монеты. По определению нумизмата А. Н. Горина, одна относится к чекану кушанского царя Васудэвы, две другие представляют собой монеты кушано-сасанидских правителей Бактрии.

Исходя из характеристик всего комплекса находок с памятника, Газтепа датируется в пределах III–V вв. н. э.

Северо-восточная окраина кишлака Газ занята остатками древнего поселения, получившим название по расположенному в его центре почитаемому населением мазару Кирккыз-Ата. Западная часть памятника представляет собой группу рассредоточенных невысоких всхолмлений (ныне кладбище) с выходами керамики, центральная – двухчастное тепа (координаты по GPS: 37°42'38.2"N 66°48'02.3"E, размеры пониженной части (место мазара) – 15×28 м, высота около 1 м от окружающей поверхности, расположенной севернее возвышенной части – 50 × 55 м, высота около 5 м); восточная (вплоть до Дабильсая) – насыщенную керамикой территорию с многочисленными промоинами и оврагами, рядом невысоких возвышенностей с каменными выкладками – остатками древних строений. Площадь памятника около 3 га.

На объекте было поднято значительное количество керамики. По технологическим признакам керамику комплекса можно разделить на станковую и лепную со значительным преобладанием форм первой группы. Среди изготовленных от руки фрагментов отметим венчики тонкостенных чаш и неравномерно высветленных горшков, осколки грубого керамического столика с орнаментом в виде прочерченных по сырой глине линий и вдавлений, стенки с орнаментами – налпами – и стенки с нанесенным штампом орнаментом в виде линий и треугольников. Станковая керамика, в свою очередь, может быть подразделена на глазурованную и неглазурованную. Глазурованная керамика представлена следующими фрагментами: венчиком полусферической чаши с остатками росписи изнутри по плотному белому ангобу темно-коричневой краской под прозрачной глазурью; венчиком чаши с остатками росписи по белому ангобу зеленой краской под прозрачной глазурью с двух сторон; венчиками уплощенно-полусферических чаш – блюдц (в том числе фрагмент, покрытый изнутри и полосой по венчику снаружи белым ангобом, с остатками росписи глазурью коричневого, зеленовато-коричневого и желтовато-коричневых тонов изнутри, другой фрагмент отличается двусторонней росписью по белому ангобу под прозрачной глазурью (изнутри зеленой, желтой и коричневыми красками, снаружи коричневой краской), третий – росписью зеленой краской по белому ангобу под грубой прозрачной глазурью); донцем на дисковидном поддоне с кольцевым вырезом с остатками

подглазурной росписи по белому ангобу зеленой и коричневой красками; фрагментом станкового донца на дисковидном поддоне с кольцевым вырезом, покрытым изнутри по серо-коричневому ангобу прозрачной глазурью, в результате чего черепок изнутри приобрел лиловый цвет, с геометрическим подглазурным орнаментом в центре, нанесенным коричневой и белой красками; стенкой сосуда с двусторонней плотной темно-зеленой глазурью по орнаментированной штампами поверхности; стенками сосудов с росписью по белому ангобу коричневой, красной и зеленой красками под прозрачной глазурью и плотной мутной голубой глазурью по черепку. Неглазурованная станковая керамика представлена в комплексе фрагментами изготовленных на высоком технологическом уровне столовых и тарных сосудов – чаш, тагора, кувшинов, горшков, хумча, ваз. Донца неглазурованных сосудов отличаются преимущественно плоским, реже дисковидным поддоном. В отдельную подгруппу можно выделить изготовленные от руки петлевидные и прямые ручки станковых сосудов овально-выпуклые, овальные, восьмеркообразные и круглые в сечении; одна ручка – в виде плетенки-косички. В декоративном отношении неглазурованные фрагменты часто отличаются покрытием с одной либо с обеих сторон светлым, красным и красно-коричневым и черным ангобами, наличием прочерченного линейно-волнистого орнамента снаружи и по венчику, линейного орнамента, нанесенного коричневой краской, остатками росписи в виде потеков черной краски.

Основная масса керамики комплекса Кирккыз-Ата относится к четырем периодам: III–V вв. н. э., раннему средневековью, X – началу XIII в., XVIII–XIX вв., со значительным преобладанием материалов эпохи развитого средневековья, как, видимо, и следует датировать собственно поселение с рабадом на северо-восточной окраине кишлака Газ.

Аналогичные основе комплекса Кирккыз-Ата материалы были собраны и на южной окраине современного населенного пункта, близ действующего кладбища Газ-Ата (координаты: 37°37'24.2"N 66°44'30.7" E), что позволяет предварительно предположить более значительные размеры поселения эпохи развитого и позднего средневековья.

К северу от кишлака Газ, в местности, называемой местными жителями Чакмоктош, в точке с координатами по GPS 37°37'45.4"N 66°44'50"E был обнаружен археологический объект, получивший название Газкала. Центр памятника расположен на скалистой, слегка задернованной возвышенности, ориентированной по линии север–юг. Непосредственно на вершине холма отмечены остатки квадратного каменного периметра размером 17 × 17 м с небольшой квадратной «пристройкой» в северо-восточном углу. К северо-востоку и востоку от центрального холма, вплоть до Дабильсая (250–300 м), на полях и адырах отмечены скопления керамики, идентичной найденной на этом холме.

На «вышке» Газкала и на территории прилегающего поселения была найдена исключительно станковая керамика (рис. 3). Все черепки плотные, из хорошо отмученной глины, часто с ангобом светлых (белого и желтоватого) и красных либо красно-коричневых тонов, нередко применялось высветление до белого и бежевого цветов, отмечено и лощение (фрагменты на рис. 3, 11–12, 14, 34 – в последнем случае лощение вертикальное полосчатое). Выделены следующие формы сосудов: горшки как с узкой, слабо выделенной горловиной, иногда со

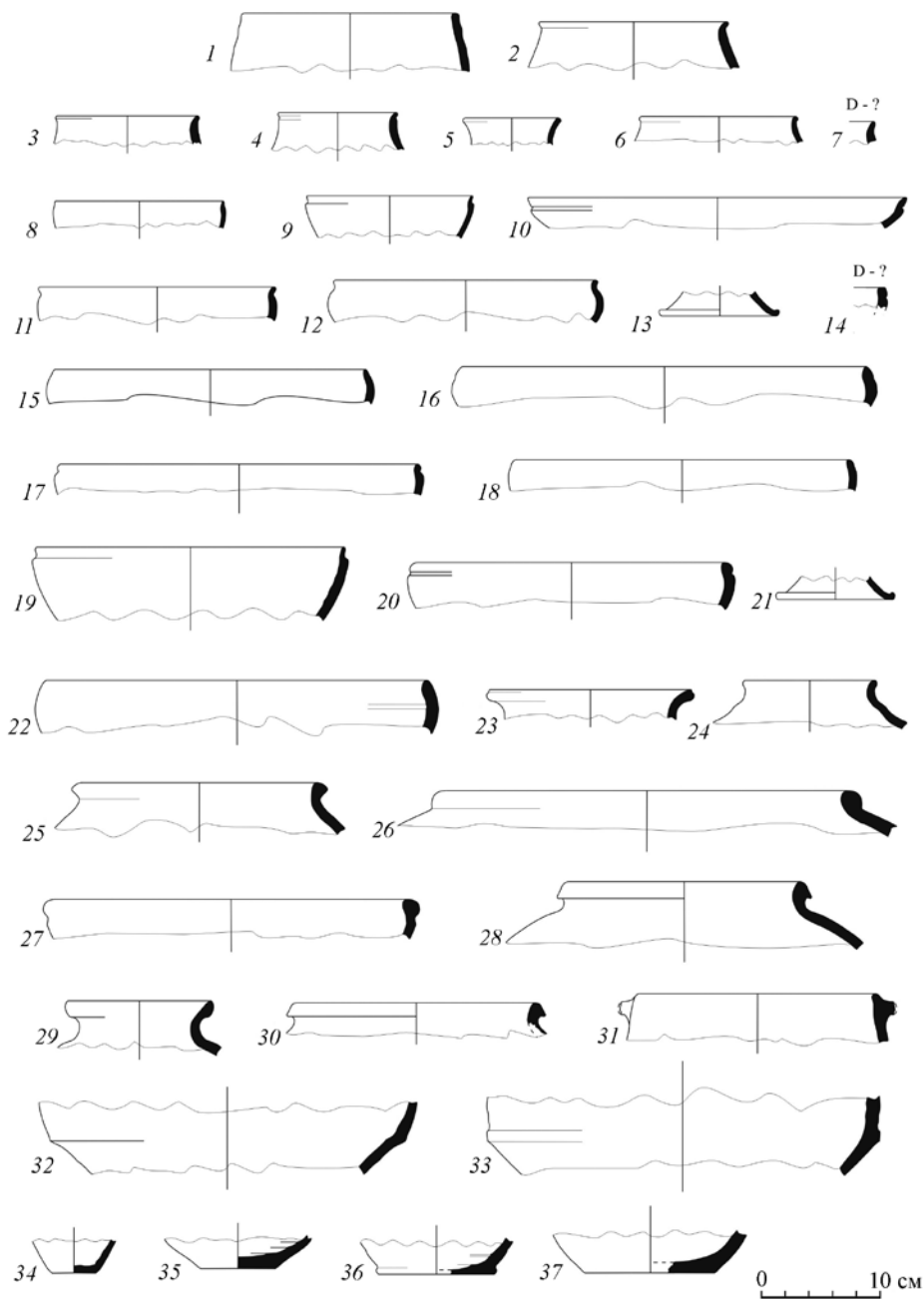

Рис. 3. Керамический комплекс Газкала

слегка отогнутой закраиной (рис. 3, 2–7), так и с более четко акцентированной горловиной и фигурным профилем венчика (рис. 3, 25–26, 28–30); преимущественно открытой формы вазы с оформленной, иногда утонченной закраиной (рис. 3, 9–12, 15–20, 22) с характерными поддонами (рис. 3, 13, 21). В комплексе встречаются фрагменты сосудов цилиндроконической формы с подчеркнутым местом перехода от цилиндра к конусу (рис. 3, 32–33). Донца сосудов плоские (рис. 3, 34–37).

Основную массу поднятой на объекте керамики, в особенности характерные вазы, можно датировать эпохой бронзы (ранняя стадия культуры БМАК, относящейся к поздней фазе бронзового века; ср. материалы памятников эпохи бронзы юга Узбекистана, в т. ч. Тиллябулака), для ряда фрагментов не исключена более поздняя датировка (ориентировочно первая половина I тыс. н. э.).

Между кишлаками Пашхурд и Газ, в 4-х км к северу от последнего, близ родника Тандабулак, обнаружен ряд археологических объектов, получивших наименование Тандабулак I–IV.

Тандабулак представляет собой группу возвышенностей с ядром в виде круглого тепа (диаметр поверху около 30 м) и прилегающим с северо-востока обширным поселением, частично занятым действующим кладбищем. Координаты объекта: 37°39'47" N 66°44'55" E; высота НУРМ – 728 м. Материалы с объекта могут быть датированы первыми веками н. э. и XVIII–XIX вв.

На прилегающих к предыдущему поселению с востока естественных всхолмлениях – адырах – было обнаружено три отдельных скопления керамики: Тандабулак II (координаты: 37°37'32.2" N, 66°43'59.5"E); Тандабулак III (37°37'32"N 66°43'59"E; невысокая искусственная возвышенность в распадке высоких холмов с кварцитовыми выходами, с керамикой в промоинах глинистого грунта и, возможно, следами сырцовой постройки); Тандабулак IV (координаты: 37°40'27.5"N 66°45'19.7" E). Данных для датировки Тандабулака II и III недостаточно, отдельные фрагменты керамики (в частности, венчик станкового блюда с остатками изнутри надглазурной росписи по белому фону глазурью синего и зеленого цветов) с Тандабулак IV относятся к XV–XVI вв.

Обследованы археологические памятники и в северо-западной части Пашхурдской котловины. Так, в районе кишлака Зарбаг был открыт ряд археологических объектов получивших полевой шифр Зарбаг I–IV.

Зарбаг I–II. Объект представляет собой разрозненные скопления керамики на естественных возвышенностях близ одноименного кишлака. Координаты по GPS: 37°46'1"N 66°45'28.2"E. Подъемная керамика включает венчик тонкостенной станковой чаши со слегка загнутым внутрь утонченным венчиком, двусторонним красно-коричневым ангобом и лощением снаружи; венчик станкового сосуда открытой формы; венчик лепного горшка; плоское донце станкового сосуда, снаружи и по днищу покрытое белым ангобом; ручку лепного сосуда; а также 35 стенок преимущественно станковых сосудов, в том числе одна со штампованным растительным орнаментом и три со следами темно-красного ангоба снаружи (со следами полосчатого лощения на одной из последних). Эти материалы относятся к III–IV и X–XI вв. н. э.

К югу от предыдущего объекта, в пойме сая обнаружено скопление керамики – Зарбаг III. Координаты местонахождения: 37°45'17.6"N 66°46'45.9"E.

Собранные с объекта материалы ориентировочно можно датировать в пределах первой половины I тыс. н. э.

На юго-восточной окраине кишлака Зарбаг, в точке с координатами 37°46'13.9"N 66°45'23.9"E (объект Зарбаг IV) было поднято 3 фрагмента станковых сосудов, в том числе по одному с зеленовато-коричневой мутной глазурью по черепку изнутри и с зеленовато-голубой глазурью плохого качества, также по черепку изнутри. Глазурованные фрагменты местонахождения Зарбаг IV относятся к XVIII в.

На территории населенного пункта Кампыртепа был обследован одноименный археологический памятник. Координаты объекта по GPS: 37°47'01"N 66°40'37.5" E, высота НУРМ – 1226 м. Объект представляет собой средней сохранности прямоугольное в плане тепа размерами 35 × 60 м, высотой около 5 м. Памятник открыт сотрудниками УзИскЭ на начальном этапе археологического изучения данной зоны, в 2004 г. сотрудниками ТАЭ был заложен стратиграфический разрез, выявивший остатки каменной и сырцово-архитектуры двух строительных горизонтов, железные шлаки, материалы первых веков н. э., раннего, развитого и позднего средневековья.

Нами на памятнике были собраны фрагменты глазурованной и неглазурованной керамики. К первой группе относятся 5 стенок станковых сосудов, три из которых отличаются декорированием синей глазурью с обеих сторон (в одном случае отмечены остатки росписи темной краской по синему фону изнутри), одна – остатками прозрачной глазури по белому ангобу изнутри. Группа неглазурованной посуды включает в себя венчики и донце станковых сосудов (в том числе оформленный каннелюрами подтреугольный венчик покрытого снаружи красно-коричневым ангобом кувшина), петлевидные ручки сосудов (в том числе покрытые черным ангобом), 7 стенок станковых сосудов (в том числе одна с белым ангобом снаружи, одна с остатками прочерченного по сырой глине орнамента снаружи). Найденные нами на объекте фрагменты можно предварительно датировать первыми веками н. э. и периодом позднего средневековья.

Помимо разведок в основной зоне мы провели комплекс подготовительных мероприятий по возобновлению раскопок раннеантичного памятника Гишттепа, на прилегающих территориях были обследованы ряд известных объектов ахеменидского времени (Кучуктепа, Пшактепа, Талашкантепа I и др.) и уникальная горная крепость эпохи античности Узун-дара. Детальная археологическая рекогносцировка последнего привела к принятию решения о начале стационарного изучения объекта, каковое и стартовало осенью 2013 г.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что, несмотря на скромный по продолжительности объем работ, были достигнуты определенные результаты. Из них в отношении объектов эпохи поздней бронзы следует выделить подтверждение тезиса о довольно широком распространении памятников данного периода в исследуемой зоне, систематизацию сведений о них, пополнение коллекций керамики и обнаружение одного из ключевых объектов, на котором запланированы стационарные работы (Газкала)². Фиксация

---

² Раскопки начаты в 2014 г. Результаты первого сезона, подтвердившие данные разведки в отношении датировки объекта, готовятся к печати.

памятников прочих периодов расширила представления о материальной культуре древнего населения, добавила данных по ареалу памятников античности и средневековья и т. д.

Таким образом, предположения о перспективности археологических изысканий в этой зоне подтвердились, и, следовательно, комплексные исследования объектов Пашхурдской котловины будут продолжены нами в следующих сезонах.

ЛИТЕРАТУРА

- Аршавская З. А., Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А.*, 1982. Средневековые поселения Сурхандарьи. Ташкент: Изд-во литературы и искусства. 152 с.
- Болелов С. Б.*, 2004. Работы Тохаристанской археологической экспедиции в Северной Бактрии (Республика Узбекистан) // АО 2003 года. М.: Наука. С. 500–502.
- Болелов С. Б.*, 2009. Тиллябулак – новое поселение эпохи бронзы в предгорьях юго-западного Гиссара // АО 2006 года. М.: Наука. С. 685–688.
- Болелов С. Б., Ильясов Дж. Я.*, 2006. Археологические исследования в Пашхурдской котловине // Археологические исследования в Узбекистане в 2004–2005 гг. Ташкент: Фан. С. 89–94.
- Болелов С. Б., Ильясов Дж. Я.*, 2007. Исследования Государственного музея Востока в Пашхурдской котловине // АО 2005 года. М.: Наука. С. 534–537.
- Ильясов Дж. Я.*, 2009. Раскопки ранне-средневековых погребальных сооружений Дабиль-кургана // Археологические исследования в Узбекистане в 2006–2007 гг. Ташкент: Фан. С. 89–94.
- Ильясов Дж. Я.*, 2011. Раскопки на северном некрополе Дабиль-кургана // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. VIII / [Ред.: Э. В. Ртвеладзе, В. С. Соловьев]. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина. С. 122–152.
- Каниут К.*, 2012. Раскопки на поселении Тилла Булак в 2008 г. // Археологические исследования в Узбекистане в 2008–2009 гг. Самарканд: Б.и. С. 87–91.
- Каниут К., Курмангалиева А.*, 2012. Раскопки поселения Тилла Булак в 2009 г. (3-я исследовательская компания) // Археологические исследования в Узбекистане в 2008–2009 гг. Самарканд: Б.и. С. 92–100.
- Каниут К., Тойфер М., Ильясов Дж. Я., Шайдуллаев Ш. Б.*, 2009. Раскопки поселения эпохи бронзы Тилля-булак в 2007 году // Археологические исследования в Узбекистане в 2006–2007 гг. Ташкент: Фан. С. 136–141.
- Мкртычев Т. К., Болелов С. Б., Ильясов Дж. Я.*, 2005. Исследования на юге Узбекистана // АО 2004 года. М.: Наука. С. 524–528.
- Мокробродов В. В.*, 2006. Керамика эпохи бронзы из кишлака Пашхурт // Археологические исследования в Узбекистане в 2004–2005 г. Ташкент: Фан. С. 160–164.
- Мокробродов В. В.*, 2007. Гишттепа в кишлаке Пашхурт. Предварительные итоги исследований 2004–2006 гг. // Трансоксиана – Мавераннахр. Ташкент: SAN'AT. С. 148–155.
- Рогинская А.*, 1950. Зараут-Сай. М.; Л.: Детгиз. 63 с.
- Ртвеладзе Э. В.*, 1975. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахемендского времени // СА. № 2. С. 262–266.
- Ртвеладзе Э. В.*, 2013. Историко-географический и археологический обзор Пашхурдской долины // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 9: Поселение Дабилькурган в Северной Бактрии / [Ред.: Э. В. Ртвеладзе, В. С. Соловьев]. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина. С. 5–31.
- Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А.*, 1973. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана / Ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Изд-во литературы и искусства. С. 10–34.
- Формозов А. А.*, 1966. О наскальных изображениях Зараут-Камара в ущелье Зараут-Сай // СА. № 4. С. 14–26.

Шайдуллаев Ш. Б., 2007. Ўзбекистон худудида давлатчиликнинг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари (Бактрия мисолида): Дисс. ... д-ра ист. наук. На правах рукописи. Самарканд. 290 с. На узбек. яз.

Kaniuth K., Teufer M., Iljasov J., 2009. Tilla Bulak 2007 – Vorbericht zur ersten Kampagne // Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 39 (2007). Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH. P. 31–47.

Сведения об авторах

Двуреченская Нигора Давлятовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: nigoradvur@mail.ru;

Двуреченский Олег Викторович, Государственный Исторический музей, Красная площадь, д. 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: nigoraoleg@mail.ru;

Мокророборов Виктор Валентинович, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, ВУЗ городок, г. Ташкент, 700174, Узбекистан; e-mail: mokroborodov@yahoo.com;

Рукавишникова Ирина Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru;

Рукавишников Дмитрий Валерьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: indeetz@mail.ru.

*N. D. Dvurechenskaya, O. G. Dvurechensky,
V.V. Mokroborodov, I. V. Rukavishnikova, D. V. Rukavishnikov*

Route surveys in South Uzbekistan in 2013

Abstract. The paper presents the results of recent surveys in the Pashkhurd depression in South Uzbekistan. This piedmont territory is rich in insufficiently known archaeological sites of various periods. The main attention was focused on the Late Bronze Age sites. A series of new objects was discovered (Gazkala and other), information on known ones was systematized, which is necessary for more detailed investigations. Sites of other periods were also surveyed, including objects in the regions of Zarbag, Tandabulak, and those located east from Pashkhurd.

Key words: route surveys, Pashkhurd depression, Late Bronze Age sites, Gazkala, objects dating from Classical antiquity and Middle Ages.

About the authors

Dvurechenskaya Nigora D., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: nigoradvur@mail.ru;

Dvurechensky Oleg V., The State History Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: nigoraoleg@mail.ru;

Mokroborodov Victor V., M. Ulugbek National University of Uzbekistan, Student campus, Tashkent, 700174, Uzbekistan; e-mail: mokroborodov@yahoo.com;

Rukavishnikova Irina V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru;

Rukavishnikov Dmitriy V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: indeetz@mail.ru.

А. Р. Ласкин

О РЕЗУЛЬТАТАХ ОБСЛЕДОВАНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ СИКАЧИ-АЛЯНА И ШЕРЕМЕТЬЕВО В 2014 Г.

Резюме. В статье рассмотрено состояние сохранности петроглифов Сикачи-Аляна и Шереметьево, входящих в провинцию наскального искусства в бассейне рек Нижнего Амура и Усури, пострадавших в результате наводнения 2013 г., а также описаны выявленные в ходе мониторинга ранее неизвестные объекты.

Ключевые слова: петроглифы, Сикачи-Алян, Шереметьево, наскальные изображения Дальнего Востока, сохранение культурного наследия.

Памятники наскального искусства в Хабаровском крае расположены на значительной территории в диапазоне от 47 до 58 параллели северной широты и составляют семь локальных групп. На самом юге сосредоточены три группы петроглифов: Шереметьевские, Сикачи-Алянские и Киинские, которые можно объединить в большой амуро-уссурийский комплекс. Далее на север, вниз по течению Амура, расположены два небольших пункта у сёл Калиновка и Аури (бывшее стойбище Май). Самыми отдаленными от водной системы Амура считаются пункты с выполненными охрой изображениями на скальных выступах по берегам горных рек Сукпай и Мая. Эти реки, расположенные на юге и севере региона, в древности были одними из основных путей миграции населения с материка через горные хребты к побережью Тихого океана и обратно.

В августе–октябре 2014 г. Научно-производственным центром по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края совместно с Институтом археологии РАН проводились работы, связанные с исследованиями петроглифов Сикачи-Аляна и Шереметьево. Это крупнейшие скопления наскальных изображений, ставшие всемирно известными благодаря работам А. П. Окладников, все еще имеют значительный потенциал для дальнейшего изучения (*Окладников, 1971; Дэвлет, Ласкин, 2014; Ласкин, Дэвлет, 2013; Devlet, 2008; 2012*).

Работы на Сикачи-Аляне преимущественно в пунктах 1 и 2 проводились по заданию Министерства культуры РФ для оценки последствий наводнения 2013 г. для сохранности петроглифов. Установлено, что в 2013 г. вода полностью закрывала валуны с изображениями в обоих пунктах, состояние территории и сохранность объектов в настоящее время аварийные. Во время весеннего ледохода продолжается процесс перемещения и переворачивания части базальтовых валунов. По этим причинам из 20 камней, описанных А. П. Окладниковым, в пункте 1 не удалось обнаружить шесть. Однако благодаря этим же естественным природным процессам в период с 2003 по 2014 гг. было выявлено 5 не учтенных ранее валунов с древними рисунками. В пункте 2 из 57 камней, описанных А. П. Окладниковым, в 2014 г. не удалось обнаружить 37. Большинство из них в момент исследований находилось под водой, а некоторые, вероятно, оказались смещенными, перевернутыми или погребенными под слоем иловых и песчаных наносов. Из-за повышенного уровня воды не

удалось обследовать и 10 из 12 камней с петроглифами, которые были выявлены при проведении натуральных исследований в рамках подготовки проекта зон охраны в 2003 г.

Следует отметить, что в летний период из-за колебаний уровня воды в Амуре продолжают негативные для петроглифов процессы заиливания камней, отложения патины на поверхности. Зафиксированы процессы деструкции, заключающиеся в растрескивании и расслоении поверхности камней, разрастании лишайника, мха, кустарника.

По территории пункта 1 в направлении с запада на восток проложена полевая дорога, которая, особенно в летний период, активно используется для проезда на автотранспорте, попытки со стороны администрации села перекрыть проезд железобетонными блоками остаются неэффективными.

На территории пункта отмечены следы разведения костров и в незначительном количестве бытовой мусор. Современные посетительские надписи представлены как на камнях без петроглифов, так и на некоторых валунах с древними изображениями (камни № 4, 6, 14), также на камнях № 6 и 17 отмечены следы непрофессионального снятия силиконовых копий.

Факт выявления новых изображений, как в пункте 1, так и в пункте 2 сикачи-альянских петроглифов, еще раз подтверждает, что памятник является своего рода «живой» системой: камни могут оказаться перемещенными, перевернутыми, замытыми песком или илом, а не утраченными бесследно.

Помимо работ на Сикачи-Аляне, в 2014 г. проведено натурное обследование Шереметьевских петроглифов, расположенных на правом берегу р. Усури между селами Шереметьево и Кедрово. По публикации А. П. Окладникова известно три скопления на вертикальных скальных выходах, а в период с 2001 по 2014 гг. обнаружено еще 5 пунктов с петроглифами на отдельно лежащих валунах.

Территория в районе локализации петроглифов представляет собой гористую местность с мысовидными прирусловыми террасами, прорезанными глубокими оврагами, по которым осуществляется водоток сезонных ручьев. Вплотную к обнажениям подходит полоса густого широколиственного леса с преобладанием дуба, а в береговой полосе распространены участки с тальниковыми зарослями. По правому берегу Усури от с. Шереметьево до с. Кедрово помимо петроглифов выявлено 13 археологических памятников (поселений и городищ), относящихся к эпохам неолита, раннего железного века и средневековья.

По фарватеру р. Усури проходит государственная граница между Россией и КНР. Хотя территория, на которой расположены петроглифы, относится к пограничной зоне, это не является препятствием для негативного антропогенного воздействия: многочисленны выполненные краской и прочерченные современные надписи. Особенно от вандализма пострадал третий пункт шереметьевских петроглифов.

В 2014 г. отмечено, что в пункте 1, ближе всего расположенному к с. Шереметьево, сохранился лишь один рисунок – подновленное изображение лошади и всадника, остальные 5 изображений при многократных осмотрах выявить не удалось, вероятнее всего, они были утрачены, поскольку скальный массив разрушен многочисленными трещинами и сколами. Во втором пункте отмечается наличие всех 20 рисунков, общее состояние которых аварийное в силу негативного воздействия природного генезиса.

Характерной особенностью скальных базальтовых массивов с древними рисунками на р. Уссури является их интенсивное зарастание лишайниками. Это один из основных негативных природных факторов. Рост лишайника способствует деструкции камня, препятствует обзору и выявлению границ наскальных изображений (Дэвлет, 2002). Петроглифы, которые находятся на высоте 3-х и более метров (в особенности в пункте 2) и не подвержены воздействию реки во время паводков, частично (а порой и полностью) покрыты лишайниками.

В пункте 3 из семи петроглифов, описанных Н. Альфтаном и А. П. Окладниковым, выявляется только пять, общее состояние аварийное, этот пункт сильнее всего пострадал от посетительских надписей. Под слоем краски оказался скрыт рисунок 4 – крупная, выбитая глубоким и широким желобком личина.

До настоящего времени все известные на Уссури петроглифы были сосредоточены на вертикальных скальных выступах, хотя высказывались предположения, что их также следует искать на отдельных каменных глыбах. Ведь именно на прибрежных валунах выбита основная масса петроглифов Сикачи-Аляна. Однако прибрежные камни подвержены подвижке и перемещению во время весеннего ледохода, интенсивно покрыты лишайниками, кроме того поиски затрудняют густые тальниковые заросли. Однако эти препятствия не помешали обнаружить в 2012–2014 гг. недостающее звено в галерее наскального искусства Шереметьевских скал — петроглифы на отдельно лежащих базальтовых валунах, получившие порядковые номера по пунктам в продолжение уже известным.

Пункт 4. Расположен на правом берегу р. Уссури, в 5,38 км к северо-востоку от северной окраины с. Шереметьево и в 0,75 км к юго-западу от пункта 3, в 6 м от края первой надпойменной террасы. На наклонной плоскости округлого базальтового валуна выбита простая контурная личина округлой формы. Углублениями в виде лунок обозначены глаза и нос, ниже широкой дугообразной полосой показан рот. Состояние аварийное: зафиксированы природные трещины и сколы близ изображения, негативное влияние колебаний уровня воды и сезонных температур, ветровая эрозия.

Пункт 5 расположен в 3,38 км к северо-востоку от северной окраины с. Шереметьево и в 1,2 км к северо-востоку от пункта 2. Камень находится в затопляемой зоне, видеть его можно только при низком уровне воды в р. Уссури. На одной из сторон относительно небольшого округлого камня выбито три рисунка, обращённых в противоположную от реки сторону. Извилистым желобком показано тело змеи с отчетливо выделенной головой, левее сплошным пикетажем выполнены фигуры двух птиц. Одна – возможно, хищник – с мощным туловищем и выделяющимся клювом, широким хвостом и лапами. Вторая весьма похожа на цаплю, проработано характерное овальное туловище, вытянутая шея и длинный острый клюв. Лапы цапли показаны укороченными, словно она стоит в воде во время охоты. Подобные изображения птиц ранее не были известны в комплексе Шереметьево. Состояние петроглифов в пункте 5 аварийное, зафиксированы природные сколы близ изображений, затирание рисунков под действием льда и песка, негативное влияние колебаний уровня воды и сезонных температур, ветровая эрозия. Требуется проведение мероприятий по перемещению камня от уреза воды на безопасное расстояние.

Пункт 6 расположен в 3,3 км к северо-востоку от северной окраины с. Шереметьево и в 1,1 км к северо-востоку от пункта 2, в 8 м от края первой надпойменной террасы. Камень, вероятно, перевернут на 180°. На южной вертикальной плоскости камня выбиты личина округлой формы, отпечатки звериных следов (вероятнее всего, тигра), а также на углу трех сходящихся граней небольшая овальная личина с утратами от сколов поверхности камня.

Состояние петроглифов аварийное: многочисленны природные трещины и сколы, в том числе вблизи изображений; отмечено биопоражение, негативное влияние колебаний уровня воды и сезонных температур, ветровая эрозия.

Пункт 7 расположен в 3,27 км к северо-востоку от северной окраины с. Шереметьево и в 1,07 км к северо-востоку от 2 пункта, в 7 м от края первой надпойменной террасы. На западной наклонной грани относительно небольшого валуна широким желобком выбита крупная выразительная личина со сложной проработкой деталей. В полуметре в направлении реки обнаружен искусственно обработанный камень в виде лягушки. Общее состояние петроглифов удовлетворительное, зафиксированы незначительные деструкции в виде старых природных сколов, биопоражение.

Пункт 8 выявлен в 2014 г., расположен в 2,75 км к северо-востоку от северной окраины с. Шереметьево и в 0,37 км к северо-востоку от северной оконечности пункта 2. Камень находится в редко затапливаемой зоне, на краю второй надпойменной террасы, в 10 м к востоку от берега реки. На северной плоскости небольшого округлого базальтового валуна, который на 1/3 заглублен в грунт, рельефным широким желобом проработаны довольно крупные (до 0,5 м) изображения двух водоплавающих птиц, возможно, уток или гусей. Птицы расположены одна за другой, головами обращены к реке. Общее состояние камня аварийное: многочисленны природные трещины и сколы, в том числе близ изображений; документируется биопоражение, негативное влияние колебаний уровня воды и сезонных температур, ветровая эрозия.

Эти ранее неизвестные петроглифы дополнили коллекцию изображений птиц в наскальном искусстве Шереметьево.

ЛИТЕРАТУРА

- Дэвлет Е. Г.*, 2002. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М.: Научный мир. 256 с.
- Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р.*, 2014. К изучению петроглифов Амура и Усури // КСИА. Вып. 232. С. 8–31.
- Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г.*, 2013. Новые петроглифы на реке Усури в Хабаровском крае // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 4(42). М.; Магнитогорск; Новосибирск. С. 209–216.
- Окладников А. П.*, 1971. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука. 329 с.
- Devlet E.*, 2008. Rock art studies in Northern Russia and the Far East, 2000–2004 // Rock Art Studies. News of the World / Eds.: P. Bahn, N. Franklin, M. Strecker. Vol. 3. Oxford: Oxbow Books. P. 120–137.
- Devlet E.*, 2012. Rock art studies in Northern Russia and the Far East // Rock art studies. News of the World / Eds.: P. Bahn, N. Franklin, M. Strecker. Vol. 4. UK: Oxford: Oxbow Books. P. 124–148.

Сведения об авторе

Ласкин Артур Робертович, Краевое государственное бюджетное учреждение культуры «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края», ул. Дзержинского, д. 36, офис 206, г. Хабаровск, 680000, Россия; e-mail: laskin66@mail.ru.

A. R. Laskin

On the results of surveys at the rock-art sites
of Sikachi-Alyan and Sheremet'yevo in 2014

Abstract. The rock-art sites Sikachi-Alayn and Sheremetyevo enter the rock-art province located on the Lower Amur and Ussuri rivers in the Russian Far East. In 2013 the territory was affected by serious inundation. The paper considers state of preservation of known the rock-art sites and also describes new ones revealed in the course of monitoring.

Key words: rock-art, Sikachi-Alyan, Sheremet'yevo, rock-art of the Far East, preservation of the cultural heritage.

About the author

Laskin Artur R., Centre for Preservation and Managment of the Historical and Cultural Heritage of the Khabarovsk Region, ul. Dzerzhinskogo, 36, Khabarovsk, 680000, Russian Federation; e-mail: laskin66@mail.ru.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Л. Т. Яблонский

ТРИДЦАТЫЙ КУРГАН МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА 1

Резюме. Исследован отдельно стоящий курган высотой более 4 м и диаметром 60 м, раскопаны ограбленное в древности центральное и два неграбленных дополнительных погребения. По признакам погребального обряда, типологии и хронологии сопровождающего инвентаря курган относится к могильнику Филипповка 1, и ему может быть присвоен № 30 в составе этого могильника.

Ключевые слова: Южное Приуралье, Филипповка 1, исследование, ранние сарматы, археология, типология, хронология.

В результате многолетних полевых работ всемирно известный могильник Филипповка 1, насчитывающий 29 курганов, как казалось еще недавно, был раскопан полностью (Яблонский, 2010).

Однако в некотором отдалении от основной курганной группы (в 12 км к юго-востоку от центрального кургана № 1) находился одиночный курган. Его принадлежность к Филипповке 1 в силу определенной отдаленности оставалась сомнительной. Поэтому его иногда обозначали еще как могильник Филипповка 4.

Расположенный вблизи грейдера, он в последние годы постоянно подвергался попыткам ограбления, а на вершине его насыпи был сооружен постоянно действующий очаг, от которого образовался зольник.

Высота насыпи кургана превышала 4 м, а диаметр его округлой в плане насыпи достигал 60 м. В 2014 г. Приуральская археологическая экспедиция ИА РАН приступила к раскопкам этого кургана. Перед нами стояли две основные взаимосвязанные задачи: выявить возможную принадлежность кургана к могильнику Филипповка 1 и провести охранные раскопки с целью предотвращения дальнейшего его разрушения грабителями.

В ходе раскопок около курганного пространства на поверхности погребенной почвы были выявлены жертвенные комплексы, представленные костями лошадей. Кроме того, в насыпь кургана был прикопан фрагментированный бронзовый котел, который может датироваться савроматским временем.

Под центральной частью насыпи была обнаружена большая могильная яма с дромосом, отходящим от нее в южном направлении (погребение 2). По форме в плане яма приближалась к прямоугольнику. В центре ее, на дне, располагался

Рис. 1. Могильник Филипповка 1, курган 30.
Бронзовая бляха (прорисовка К. С. Окорокова)

глинобитный очаг. Поверхность очага была докрасна прокалена и покрыта золой – в ходе погребального ритуала здесь действительно разводили огонь.

На дне дромоса был расчищен бревенчатый настил (пол). Кроме того, дромос был перекрыт деревом на уровне поверхности погребенной почвы.

Могильная яма подвергалась неоднократным ограблениям в древности. Стратиграфические исследования показали, что эти ограбления совершались еще до строительства курганный насыпи. Могильная яма в это время стояла открытой и была легко доступна грабителям. В частности, был прослежен грабительский лаз, который в виде наклонного пандуса спускался с поверхности погребенной почвы – от восточной стенки ямы к ее дну.

Мы не впервые сталкиваемся с погребальным обрядом, при котором между обустройством центральной могильной ямы и строительством насыпи над ней проходило много (несколько лет) времени. Характерны в этом отношении курган 13 могильника Филипповка 1 (*Яблонский, 2013а*) и синхронный ему курган 1 могильника Филипповка 2 (*Яблонский, 2013б*).

Центральное погребение (№ 2) было разграблено практически полностью. На полу погребальной камеры расчищены лишь отдельные кости человеческих скелетов. Скопление человеческих костей и череп были обнаружены также в грабительском лазе. Найденные кости и черепа принадлежали разнополым и разновозрастным индивидам, что свидетельствует о коллективном характере захоронения.

Однако близ очага и в углу погребальной камеры были найдены бронзовые детали конской упряжи. Некоторые из них оформлены в традициях скифо-сибирского звериного стиля. Особый интерес представляет бронзовая бляха в виде полной фигурки всадника (рис. 1). Предмет требует реставрации, но уже сейчас можно различить, что голова его покрыта шлемом. Это обстоятельство заставляет вспомнить о находке железного шлема в кургане 11 могильника Филипповка 1 (*Фризен и др., 2003*).

На полу камеры был также найден в разрушенном состоянии колчан, в котором содержалось несколько десятков бронзовых наконечников стрел.

Таким образом, коллективное центральное погребение кургана, как и большинство центральных захоронений могильника Филипповка 1, представляло со-

бой так называемый «дом мертвых» (Яблонский, 2009). Находки (детали упряжи и бронзовые наконечники стрел) позволяют датировать центральное погребение кургана в пределах IV в. до н. э., и оно оказывается тогда синхронным курганам могильника Филипповка 1. Датировка и типология центрального захоронения позволяет предположить высокую вероятность вхождения данного кургана в состав курганной группы Филипповка 1.

Это предположение подкрепляется и другими фактами. Поблизости от центральной могильной ямы были обнаружены два впускных, или дополнительных, погребения: погребальный обряд хорошо известный по материалам могильника Филипповка 1.

Погребение 1 было совершено в прямоугольной могильной яме. В верхней части ее заполнения были расчищены многочисленные кости лошади – остатки жертвенной пищи. На дне могильной ямы было расчищено диагональное погребение женщины, которая умерла в возрасте 30–35 лет. При погребенной были обнаружены преднамеренно сломанное бронзовое зеркало и обломок большого каменного алтаря-жертвенника, ожерелье из пастовых и стеклянных бус, пара железных браслетов (на запястьях), скопление костей лошади (напутственная пища), скопление бараньих астрагалов и раковина-грифeya, фрагмент золотой сережки, фрагмент венчика кругового сосуда. Находки в совокупности своей представляют жреческий комплекс, хорошо известный по материалам женских погребений раннесарматского времени.

Погребение 3 было совершено в могильной яме с заплечиками, на которых сохранились следы поперечно уложенных плашек деревянного перекрытия. На дне могильной ямы был расчищен скелет женщины, умершей в возрасте 20–25 лет. Она лежала на спине, головой в южный сектор, в «атакующей позе» (правая нога полусогнута). В ногах погребенной было найдено плотное скопление лошадиных костей (грудинка – напутственная пища). В углу могилы лежало большое целое бронзовое зеркало и пряслице, сделанное из стенки кругового сосуда. На шее находилась золотая гривна в виде литого прута с заходящими концами. На запястьях – кольцевые железные браслеты.

На правом предплечье погребенной был расчищен скелет новорожденного ребенка.

Находками оба дополнительных погребения могут быть датированы в пределах IV в. до н. э. Таким образом, они относительно синхронны центральному погребению кургана.

По датировке и совокупности признаков погребального обряда и инвентаря исследованный в 2014 году курган относится к курганной группе Филипповка 1, и ему может быть присвоен № 30.

Таким образом, всемирно известный могильник пополнился еще одним памятником.

ЛИТЕРАТУРА

Фризен (Куриных) О. А., Шемаханская М. С., Яблонский Л. Т., 2013. Шлем из могильника Филипповка 1 // ВДИ. №3. С. 156–173.

- Яблонский Л. Т., 2009. Новые сенсационные находки в Филипповке (к дискуссионным вопросам о хронологии памятника, особенностях его погребального обряда и типологии) // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Отв. ред.: С. В. Кузьминых, А. А. Чижевский, Г. Р. Руденко. Елабуга: Андерсен. С. 150–158.
- Яблонский Л. Т., 2010. Завершение раскопок курганного могильника у д. Филипповка на Южном Урале // Институт археологии. Новые полевые исследования / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 51–53.
- Яблонский Л. Т., 2013а. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.): каталог коллекции. Кн. 1 / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: ИА РАН. 231 с.
- Яблонский Л. Т., 2013б. Курган-святилище могильника Филипповка 2, роль и место животных в погребальном обряде // Археология восточно-европейских степей. Вып. 10 / Отв. ред. В. А. Лопатин. Саратов: СГУ. С. 305–311.

Сведения об авторе

Яблонский Леонид Теодорович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: yablonsky.leonid@yandex.ru.

L. T. Yablonsky

Kurgan No. 30 of cemetery Filippovka 1

Abstract. A separate big kurgan over 4 m high and 60 in diameter was investigated in South Ural region. It contained central burial robbed in antiquity, as well as two well preserved accompanying graves. With regard to the burials rite, typology and chronology of grave goods the kurgan must have been associated with the early Sarmatian cemetery Filippovka 1. It was included into the cemetery catalog and given No. 30.

Key words: South Urals, Filippovka 1, salvage excavations, early Sarmatians, archaeology, typology, chronology.

About the author

Yablonsky Leonid T., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: yablonsky.leonid@yandex.ru.

А. А. Масленников, А. А. Супренков,
А. В. Ковальчук, Н. В. Кузина

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЙ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ В 2014 Г.

Резюме. В 2014 г. в районе Караларского побережья (Восточный Крым) на площади от 150 до 350 кв. м. были продолжены раскопки трёх «базовых» поселений III–I вв. до н. э. Открыты новые участки жилой застройки, оборонительных сооруже-

ний, культовые и хозяйственные объекты. Получен значительный новый массовый и индивидуальный археологический материал, позволяющий уточнить и расширить наши представления о стратиграфии, хронологии и типологии данных памятников и состоянии всей сельской территории европейского Боспора в указанное время.

Ключевые слова: Восточный Крым, Караларское побережье, сельские поселения эллинистического времени, стратиграфия, хронология, раскопки, массовый археологический материал.

В истекшем сезоне были продолжены раскопки трёх «базовых» поселений (городищ) эллинистического времени в районе Караларского побережья в Восточном Крыму. Основные усилия, как и прежде, были сосредоточены на исследованиях поселения «Полянка». (Вскрытая площадь при мощности культурного слоя от 1,5 до 5 м составила около 250 кв. м.) Как и все последние годы, работы велись на трёх отдельных участках в восточной и юго-восточной частях памятника, у подножья и на склоне господствующей скалистой возвышенности, ограничивающей долину с городищем в данном направлении (рис. 1, на вклейке, с. 386). Таким образом, основной раскоп продолжался к востоку, юго-востоку и югу. Именно здесь мощность культурных напластований наибольшая, поскольку основу его (кроме южного участка) составляет достаточно долговременный зольно-мусорный сброс. Он сформировался за время существования некоего поселения III–II вв. до н. э., до нашего времени фактически не сохранившегося. Отсюда происходит основная масса сделанных в этом сезоне находок. Это по преимуществу обломки импортной керамической тары центров, характерных для указанного времени (Синопа, Родос, Колхида, Книд, Косс) и некоторых неизвестных. Среди них – 32 амфорных клейма. Затем по численности следует простая красноглиняная столовая и кухонная посуда (кувшины, чашки-миски, горшки, лягиносы, тарелки, реже – рыбные блюда, светильники). Всё во фрагментах. Потом надо упомянуть обломки лепной керамики (горшки, миски, реже кувшины или кружки). Ещё реже встречались фрагменты поздней чернолаковой и буrolаковой столовой посуды (чашки, канфары, рыбные блюда). Встречено также несколько обломков «мегарских» чаш, глиняные пирамидальные грузила, пряслица и большое количество костей, главным образом мелкого рогатого скота. Особо отметим двухстрочное граффито на обломке чернолакового канфара конца IV в. до н. э. Сами напластования этого времени, при их общей характеристике как зольно-мусорные, не были однородными. По степени насыщенности золой, раковинами мидий, битой посудой, мелким щебнем, кусками печины, камнями (или их почти полному отсутствию) таковых (слоёв и прослоек) выделяется несколько. Причем, как это фиксировалось и прежде, такое «разнообразие», как и мощность, меняются в зависимости от расположения по отношению к упомянутому склону холма. Более ярко представлены они на юго-восточном участке раскопанной площади, менее, но зато с большим числом камней – на восточном и почти отсутствуют на «южном» участках. Кроме того, на юго-восточном участке исследованной площади (практически повсеместно за остатками южной оборонительной стены) поверх упомянутых слоёв прослежен достаточно солид-

ный «горизонт» почти стерильного супесчаного грунта – следствие долговременных эоловых процессов. Находок относительно более позднего времени (I в. до н. э. и особенно позднеантично-раннесредневековые), да и то в самых верхних слоях, на исследованной площади немного. Напомним, что, как и прежде, практически все выявленные строительные остатки относились к последнему периоду существования поселения, т.е., к I в. до н. э. При этом они представлены двумя-тремя строительными периодами. Из них первые два (на юго-восточном участке) существенно отличаются основными параметрами планировочных решений. А последующие – характеризуются скорее переменами в размерах, назначении и деталях «интерьера» помещений. По большей части, хотя, естественно, и в разной степени, все они были впущены в вышеупомянутые ранние напластования и фактически заполнены этим же грунтом, продолжавшим сползать по склону холма. Собственно находок I в. до н. э. в них встречено немного. Разумеется, на тех участках раскопа, которые были расположены в более ровной части памятника (условно к западу) эти особенности прослеживаются в меньшей степени. Тем не менее, культурные напластования, а это в основном заполнения помещений и пространства между ними (на вымостках и иных древних «дневных» поверхностях), содержали немало находок предшествовавшего времени, наряду с артефактами именно I в. до н. э. Причем по большей части (что и следовало ожидать) второй его половины. Это также в основном обломки амфорной тары, среди которой наиболее примечательны фрагменты условно светлоглиняных, двуствольных, реже светлоглиняных узкогорлых (раннего типа) или с воронковидным горлом амфор. Далее идут обломки красно- и реже сероглиняной столовой и кухонной посуды (кувшины, миски, блюда, тарелки, канфаро - кубки, горшки) нередко с лощёной поверхностью. Затем – лепные горшки, миски, кувшины и кружки, кастрюли, изредка подражавшие гончарной керамики. Наконец – отдельные фрагменты ранней краснолаковой керамики (кубки, чашки) и сероглиняных «мегарских» чаш. Упомянем также рыболовные грузила из ручек амфор, пряслица и снова, хотя и в меньшем количестве, кости домашних животных.

Строительные остатки в целом неплохой сохранности представлены следующими объектами. На восточном участке открыты, хотя и не полностью, два больших сообщавшихся между собой прямоугольных помещения, располагавшихся на самой высокой (восточной) террасе застройки поселения. Подпорная стена террасы, кстати, самая высокая из всех аналогичных стен, открытая ещё несколько лет назад, ограничивала их с запада. Ширина первого из них (южного) с севера на юг составляла 6 м. А длина (на востоке «границы» не раскопаны) – не менее 10 м. Скорее всего, это был значительный по площади, вымощенный плитами двор. Второе помещение (или два помещения) располагалось к северу и также было отчасти вымощено, отчасти имело глиняный, слегка обгорелый пол. Их разделяла солидная и довольно аккуратно сложенная стена (шириной около 0,9 м и длиной не менее 10 м), в которой имелось два столь же тщательно оформленных прохода шириной около 1 м. На последнем этапе функционирования данной постройки западный проход был, по-видимому, заложен. О размерах и назначении обоих (или одного?) этих помещений судить преждевременно. Но их (его) ширина была никак не меньше 5 м.

На юго-восточном участке к первому строительному периоду, несомненно, относился вновь выявленный «отрезок» стены, начало (и восточный угол с другой стеной) которой были раскопаны в прошлом сезоне. По всей видимости, это была изначально солидная постройка, сохранившаяся, правда, на исследованной в 2014 г. площади на незначительную высоту. Ширина её – не менее 0,8 м, а в основании использованы большие известняковые глыбы. Непосредственно над ней во втором строительном периоде было построено помещение. Общая же раскопанная длина этой стены (в направлении с северо-востока на юго-запад) – 8,5 м. Скорее всего, это была некая ограда или внешняя стена очень значительного по площади строения. Второй строительный период представлен здесь же большим, почти полностью (кроме юго-западного угла) открытым прямоугольным ($8,3 \times 5,6$ м снаружи) помещением со стенами 0,6–0,7 м шириной и до 1 м высотой. Ориентация стен: север, северо-восток – юг, юго-запад и перпендикулярно оной. В южной части помещения частично уцелел довольно качественный пол (толщиной до 0,08 м) из плотного слоя светлой известняковой крошки. Вход в помещение располагался в центре «западной» стены, но также был заложен (в третьем строительном периоде?), в том числе большой, но относительно тонкой плитой, сильно завалившейся во-внутрь. Заполнение – ничем не привлекательно. А вот «восточная» стена – явно деформирована наклоном также во-внутрь. По-видимому, к этому же строительному-хронологическому этапу можно отнести и частично (продолжается почти точно как к востоку, так и к западу) раскопанную стену, располагавшуюся примерно в 4 м южнее только что упомянутого помещения. Её ширина – 0,8 м, сохранившаяся высота – около 1 м. Кладка аккуратная, назначение стены пока не ясно, но, вероятнее всего, это была ограда на краю поселения, возможно, на востоке шедшая вверх по склону холма.

На юго-западном участке были доследовано довольно большое, почти квадратное ($4,5 \times 4,6$ м изнутри) помещение, частично открытое несколько лет назад. Являясь частью примыкавшего с севера к оборонительной стене блока-квартала строений (дома?), оно, судя по интерьеру и глиняному полу, являлось скорее жилым, нежели дворовым. В юго-восточном его углу находилась «сегментовидная» конструкция, ограниченная плоскими, поставленными на ребро камнями и забутованная камнями же изнутри. Назначение её не ясно. Столь же неопределённо и подпрямоугольное, плотное скопление средних по размеру камней в северо-восточном углу. В районе северо-западного – видимо, находился «ларь» из также поставленных на ребро плит, а вблизи юго-западного угла – порог перед опять-таки заложённым на каком-то этапе функционирования «дома» проходом в соседнее с «юга» помещение. Ширина прохода около 1,5 м. Непосредственно к востоку от порога расчищены остатки почти квадратной ($0,8 \times 0,86$ м) печи плохой сохранности. Находки из данного помещения ничем особенно не выделялись.

К западу от только что описанного помещения, отделённый от неё весьма тонкой (0,45–0,5 м) и небрежно сложенной стеной (к тому же плохо сохранившейся), располагался тщательно вымощенный двор размером $4,3 \times 3$ м. Проход, соединявший его с помещением, по крайней мере, дважды менял свою ширину (от 1,4 до 0,8 м). На плитах двора лежала часть верхнего камня квадратной

зернотёрки. А к югу от двора находилось ещё одно помещение данного дома, уже непосредственно примыкавшее к оборонительной стене. Собственно, первоначально здесь было одно большое ($8 \times 4,8$ м) прямоугольное помещение, почти всё вымощенное большими относительно плоскими камнями. Затем, в его юго-западной части двумя относительно тонкими (до 0,45–0,5 м) и не очень основательными стенками было «выделено» небольшое ($2,5 \times 2,6$ м) пространство, также частично вымощенное. Вероятно, здесь в оборонительной стене городища изначально существовал проход (калитка?) шириной около 2 м, впоследствии небрежно заложённый. От «него» частично сохранился грубый порог, сложенный из средних и небольших камней. К западу от порога (в юго-западном углу нового помещения) расчищен плохо сохранившийся прямоугольный очаг. Не исключено, что вход в эту «секцию» рассматриваемого блока помещений (квартила, дома?) был, хотя и не сразу, устроен в его западной стене, как раз перед только что описанным «привратным» помещением-коморкой с очагом. Но и он, кажется, был, в конце концов, заложён. Снаружи весь выше описанный блок строений ограничивался весьма качественными стенами и в своём первоначальном варианте, имел в плане подтрапециевидную форму при общей площади примерно $13,5 \times 10$ м. Помимо прочего на данном участке была раскопана на протяжении 5 м и сама оборонительная стена, частично с её заложённым «отрезком-проходом».

Далее, в 3,5–4 м к западу, через неровное (естественное понижение уровня материковой глины и щебня к западу и в меньшей степени – к северу), но незастроенное пространство располагался ещё один примыкавший к оборонительной стене блок-квартила строений, имевший, видимо, такую же ширину, что и предыдущий. От него пока раскопан всего лишь северо-восточный угол одного из помещений. Ясно, что частично (на втором этапе существования) оно было вымощено, а внешние стены имели толщину около 0,7–0,8 м. Видимо, к северу проходила узенькая улочка, также через какое-то время частично вымощенная. А вот непосредственно к востоку, вдоль восточной стены всего этого блока строений (чуть выше её основания и отступив от неё на 0,2–0,3 м) была расчищена ровная однорядная стенка из небольших камней. Она являлась своего рода укреплённым бортом неглубокой канавки, скорее всего, служившей водостоком. Из находок в данном помещении отметим редкую медную монетку города Ами-са времени Митридата Евпатора.

Наконец, почти в двух десятках метров к востоку от юго-восточного угла раскопанной площади, почти у вершины холма, была доследована солидная, вероятно, подпорная стена, выявленная ещё в 2010 г. Оказалось, что она сохранилась в длину на 8,6 м в направлении, близком к «север–юг», при максимальной высоте 2,1 м и ширине около 0,6 м. Северный участок её был разрушен в 1944 г. карьером, а южный – примыкал к слабо выраженному выступу материковой скалы. У основания стены (к западу) в нескольких местах, но на достаточно большой площади был зачищен хорошо сохранившийся, практически горизонтальный, ровный слой частично обгорелого пола (плотный слой глины толщиной до 0,04 м). А почти у краёв стены, но не соединяясь с ней, – два почти перпендикулярных стене ряда средних необработанных камней: некое подобие плохо сохранившихся и небрежно сложенных кладок. Находок отсюда совсем

немного, да и те происходят лишь из нижнего (предпольного) горизонта золистого грунта. Среди них: фрагменты дна сероглиняного лощёного блюда, глиняное же пряслице. Не исключено, что в I в. до н. э. к ранней подпорной стене некоей платформы на вершине холма были пристроены стены жилого помещения самой верхней террасы застройки поселения I в. до н. э., на первом этапе (I СП) его существования.

В 2014 г. работы на поселении «Крутой берег» велись на общей площади 200 кв. м и преследовали две цели. Во-первых, продолжение исследования оборонительной системы. Новые квадраты были заложены к западу от раскопа 2013 г. по направлению южной стены городища с целью выяснения соотношения линии укреплений и расположенных к северу от нее жилых кварталов, а также уточнения датировки самой стены и поиска главных въездных ворот. Установлено, что эта застройка появилась, по крайней мере, не одновременно с внешними укреплениями: стены домов пристраивались непосредственно к оборонительной стене некоторое время спустя, и как правило, кладки их были в этом месте однорядными. Ориентация кварталов, вернее – стен строений, как бы зависела от направления линии обороны: в среднем с отклонением на 15° к северу (и соответственно – к западу) от сторон света. Жилые постройки были возведены на слое золистой супеси толщиной около 25 см, который подстилала прослойка горелого грунта (до 1–2 см), лежащая непосредственно на относительно более плотной материковой супеси. Характерно, что эта прослойка фиксируется только в помещениях, примыкавших к оборонительной стене. Возможно, она появилась в связи с событиями, приведшими к разрушению, перестройке и укреплению оборонительной стены с юга дополнительным рядом камней, что было выявлено раскопками 2012–2013 гг. Отметим также наличие горелого слоя с внешней стороны от линии укреплений. Кроме того, в этом году в северной части раскопа было найдено довольно крупное (весом около 1 кг) каменное ядро от метательной машины.

Предварительная датировка оборонительной стены была установлена ещё в 2009 г. на основании материала, полученного из траншей, прокопанных ниже ее основания вдоль северного и южного фасов. находка здесь, помимо амфорных обломков, синопского клейма астинома Эпизлпа позволила отнести сооружение стены ко времени сразу после 300–280 гг. до н. э. Анализ же находок из упомянутого слоя золистой супеси подтверждает эту дату. Основная часть материала отсюда – это фрагменты амфор Синопы, а также отдельные обломки чернолаковой керамики конца IV – первой трети – половины III в. до н. э. Общая протяженность открытой раскопками оборонительной стены на сегодняшний день составляет 47 м. Однако, несмотря на это, до сих пор остается неизвестным месторасположение ворот. Без сомнения, эту функцию не могла выполнять открытая еще в 1980-е гг. в восточной части стены небольшая заложённая камнями позднее вылазная калитка. С учетом площади, вскрытой в этом году, до раскопа 1980-х гг., расположенного у западного края берегового обрыва, остается неисследованным участок шириной всего 5 м.

К северу от границы укреплений в истекшем сезоне были открыты остатки пяти условных помещений с имевшимися в них очагами и хозяйственными ямами. Анализ строительных остатков позволяет говорить, по меньшей мере, о трёх строительных периодах на протяжении их бытования. Наибольшей со-

хранностью отличаются постройки, расположенные в северо-восточной части раскопанной площади, где высота стен достигала 1 м. При этом стены помещений первого строительного периода были ориентированы, как уже отмечалось, с учетом направления оборонительной стены. А их основания находились на слое известняковой крошки-тырсы, лежавшей непосредственно на погребенной почве. Образование этого слоя было связано, по всей видимости, с некоей нивелировкой древней дневной поверхности, что косвенно подтверждается различной толщиной этого слоя (от 2 до 30 см). Ко второму строительному периоду относится большое помещение в северо-западной части раскопа. Открытая в 2014 г., юго-восточная часть его занимала площадь $8,3 \times 5,7$ м. Стены этого помещения были уже ориентированы несколько иначе: точно по сторонам света. Пространство внутри них вымощено известняковыми плитами, а рядом с одной из стен открыт очаг, сооруженный из пяти плоских, поставленных на ребро камней. Основание его также было выложено небольшими плоскими камнями, а в центре оставлено небольшое отверстие диаметром и глубиной около 30 см.

Основная масса находок относится ко времени с 280 по 220 гг. до н.э. Несколько более ранний материал фиксируется в основном в хозяйственных ямах, заглубленных в материковый грунт. Отметим находки обломков терракотовых статуэток: головки Деметры, частей статуэтки Кибелы со львенком и фрагмент со складками одежды. Эти находки, так же как и статуэтка Кибелы с тимпаном и чашей, обнаруженная в 2013 г. на соседнем участке, вместе с миниатюрными (вотивными) сосудиками и пряслищем, скорее всего, связаны с неким домашним святилищем, которое может быть датировано второй половиной III в. до н. э. Из прочих индивидуальных находок упомянем 18 в основном синопских амфорных клейм и фрагментированную массивную лепную курильницу с лощёной поверхностью.

Археологические работы проводились также на зольном холме, расположенном у бухты Сиреневая. Здесь на глубину в два штыка (до 0,4 м) был прокопан юго-восточный сектор холма (работы на котором начаты в прошлом году), а также исследовался северо-восточный сектор. В крайней южной части юго-восточного сектора удалось выйти на слой желтого плотного сырца, в который была заглублена стена, идущая с северо-востока на юго-запад. Сырец, по всей вероятности, является некоторой подушкой-основанием, на которую насыпалась зола, а открытая стена должна была ограничивать холм с южного края и препятствовать сползанию золы.

Работы в северо-восточном секторе были остановлены на глубине 1,1 м от вершины холма. Здесь в центральной части были зафиксированы остатки постройки, которая, судя по совокупности находок (гильзы, куски рубероида, железные гвозди и накладки), относилась ко времени Великой Отечественной войны. Эта «врезка» хорошо выделялась по характеру грунта (коричневая супесь с небольшим количеством золы). В остальной части этого сектора каких-либо строений не обнаружено, а грунт представлял собой золистую супесь с большим количеством измельченных раковин, горелыми прослойками и кусками печины.

Как и в прошлом году, фрагменты керамики фиксировались на плане при помощи тахеометра, кроме того, была организована просевка всего грунта из раскопа через мелкую сетку. В результате было получено 95 % от всей коллекции стекла и в общей сложности 12 189 единиц т. н. массового материала, из

которых на плане было отмечено 2360 точек, что составило 19 % от этого числа. Статистический анализ этих находок дал следующее процентное соотношение: доля лепной керамики составила 46 %, амфоры – 38 % (из них только 5 % – профильные части), 10 % приходится на костный материал, 4 % – краснолаковая керамика, 2% – тонкостенная посуда, менее 1 % – стекло и индивидуальные находки. Амфорный материал представлен фрагментами боспорских широкогорлых амфор, амфорами типа Делакеу (№100, по И. Б. Зеест), светлоглиняными узкогорлыми – типа D и F – и светлоглиняными типа набегающая волна (узкогорлые). В целом, амфорная тара датируется II – первой половиной VI в. Среди краснолаковой керамики отметим форму 3 группы позднего «римского C», четыре донца с клеймами третьей хронологической группы – в виде креста с двумя орнаментальными подвесками и креста с двойной линией контура (третья четверть V в.), также африканскую краснолаковую – формы 62В (конец IV – третья четверть VI в.). Особо следует выделить предметы, связанные, по-видимому, с некими сакральными действиями: фрагменты лепных светильников в виде ладьи или конуса на высокой ножке, ручку краснолакового светильника в виде листа, а также большое количество небольших лепных сосудов с носиками-сливаками, которые могли использоваться при возлияниях. Характерной чертой северо-восточного сектора является концентрация здесь большого числа глиняных пряслиц (20 экз.), часть из которых имела точечный орнамент, а также лепных сосудов с зооморфно украшенными ручками.

В совокупности весь материал из зольника относится ко времени с конца II в. н. э. до середины VI в. н. э. и соотносится с финальным этапом существования расположенных рядом городища и некрополя.

На городище Сююрташ (Золотое-Восточное) в истекшем сезоне работы продолжались к югу и востоку от раскопа 2013 г. Общая вскрытая площадь составила 150 кв. м. Стратиграфия на южном участке была представлена двумя основными слоями: светло жёлтой супесью и светло-серой, золистой супесью. Общая мощность культурных напластований (вместе со слоем гумуса) достигала 1 м.

На восточном участке материковая скала находилась недалеко от дневной поверхности и мощность культурного слоя (в основном гумуса) не превышала 0,3 м.

На южном участке строительные остатки – это в основном заглублённые в материк ямы. Так, была докопана яма № 21, северная часть которой была исследована ещё в прошлом году, а также доследована большая яма № 15. Её глубина не превышала 0,5 м, зато параметры горловины составили 2,8 м с севера на юг и 2 м с запада на восток. В северной части дна этой ямы были прослежены четыре небольших (диаметр до 0,3 м) костровых или столбовых ямки. Вновь выявленная яма № 28, расположенная в центральной части участка, имела круглую в плане форму. Диаметр её горловины составлял около 1,2 м, а глубина 0,5 м. Каменные конструкции здесь были представлены двумя невыразительными стенами № 23 и 24, образовавшими (в переплёт) почти прямой угол. Первая из них, ориентированная по линии запад–восток, имела длину 2,6 м и ширину около 0,5 м. Её высота не превышала 0,4 м. Стена 24, ориентированная с севера на юг, сохранилась в длину на 2,2 м при ширине около 0,4 м и высоте не более 0,4 м. К северу и востоку от этих стен был зафиксирован завал средних и мелких камней, площадь которого составляла 2 × 1,6 м.

На восточном участке из строений выявлен лишь небольшой отрезок стены (№ 25), расположенной в северной части. Длина его составляла 1,3 м, ширина – 0,5 м, а высота не превышала 0,6 м.

Коллекция индивидуальных находок пополнилась всего 31 предметом. Среди них: медная пантикапейская монета III в. до н. э., амфорная стенка с граффити, фрагмент терракотовой статуэтки, несколько обломков «мегарских» чаш, фрагментированный чернолаковый канфар, а также более двух десятков синопских и родосских амфорных клейм. Массовый материал, как обычно, представлен фрагментами амфор, красноглиняных и сероглиняных сосудов, немногочисленными обломками чернолаковой керамики и довольно значительным числом обломков лепных мисок и горшков. Как и прежде, очень много костей домашних животных.

Сведения об авторах

Масленников Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: iscander48@mail.ru;

Супренков Александр Анатольевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: suprenkov@mail.ru;

Ковальчук Анна Витальевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: nako@mail.ru;

Кузина Наталия Владимировна, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, пр. Гагарина, 23, г. Нижний Новгород, 603950, Россия; e-mail: kuzina-natalia@mail.ru.

*A. A. Maslennikov, A. A. Suprenkov,
A. V. Koval'chuk, N. V. Kuzina*

Excavations of settlements of Hellenistic period on the Crimean coast, Azov Sea region, in 2014

Abstract. In 2014 excavations were carried out on the Karalar coast (Eastern Crimea). Within the area 150 to 350 sq. m large excavations of three basic settlements of the 3rd – 1st cc. BC were continued. New spots of habitation character have been revealed together with fortification remains, objects of religious and economic character. Abundant mass and individual finds have been excavated, that give more clear idea on the sites' stratigraphy, chronology and typology, as well as the development of the rural territory of European Bosphorus in the discussed period.

Key words: Eastern Crimea, Karalar coast, rural settlements of Hellenistic time, stratigraphy, chronology, excavations, mass archaeological material.

About the authors

Maslennikov Alexander A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: iscander48@mail.ru;

Suprenkov Alexander A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: suprenkov@mail.ru;

Koval'chuk Anna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: nako@mail.ru;

Kuzina Nataliya V., Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Gagarina pr., 23, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; e-mail: kuzina-natalia@mail.ru.

А. Ю. Скаков, А. И. Джопуа

КЕРАМИКА МОГИЛЬНИКА ДЖАНТУХ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (ВОСТОЧНАЯ АБХАЗИЯ)

Резюме. В работе анализируется керамический комплекс могильника Джантух (горная часть Восточной Абхазии), исследуемого российско-абхазской археологической экспедицией начиная с 2005 г. Рассматриваемый материал датируется, преимущественно, V–III вв. до н.э. и традиционно связывается с колхидской археологической культурой Западного Закавказья. Выделяются как «общеколхидские» керамические типы, так и целый ряд типов керамики и орнаментов, свойственных почти исключительно данному могильнику или уникальных для всего региона. При этом целый ряд типов, характерных для других памятников колхидской культуры, отсутствует в джантухских материалах. Делается вывод о том, что по основным типам керамических форм и их декора Джантухский могильник демонстрирует несомненную близость к общему массиву колхидской керамики при наличии заметных локальных особенностей.

Ключевые слова: Колхидская культура, ранний железный век Западного Закавказья, керамика.

Начиная с 2005 г. на территории Республики Абхазия совместная российско-абхазская археологическая экспедиция исследует могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа Джантух (г. Ткуарчал, пос. Акармара)¹. При анализе его материальной культуры VI–II вв. до н.э. мы обратимся сейчас не к уникальным находкам, часто встречающимся на этом памятнике, а к массовому материалу, составляющему «лицо» данного некрополя и определяющему его культурную атрибуцию. В металлическом инвентаре Джантухского могильника лишь единичными находками представлены какие-либо специфически «колхидские» типы. Более того, по наиболее многочисленным категориям и типам предметов (фибулы, поясные пряжки, «катушкообразные» и крестовидные подвески) могильник Джантух сближается, в первую очередь, с «кобанскими» памятниками Северного Кавказа (особенно, района Кабардино-Пятигорья). Специфичными только для Джантухского могильника являются костяные орнаментированные бусы. Еще одной особенностью этого памятника является разнообразная и многочисленная зооморфная пластика. В то же время по керамическому комплексу (Скаков, Джопуа, 2014) Джантухский могильник примыкает к «колхидскому» кругу древностей.

Временные рамки, при наличии в исследованной нами группе захоронений комплексов XII–XI, IX и второй половины VIII в. до н.э., обусловлены сравнительной немногочисленностью керамики в ранних погребениях и отсутствием возможности построить для них хотя бы условные типологические схемы. Поздние погребения отличаются богатством керамического материала,

---

¹ См., к примеру: Скаков, Джопуа, 2013.

при этом, в отличие от «типичных» некрополей, количество целых форм здесь крайне невелико. Это связано с особенностями погребального обряда, предполагающего неоднократное проведение тризны.

Подавляющая часть анализируемой керамики относится к V–IV иливторой половине V – первой половине III в. до н.э. Датировка определяется относительно многочисленной импортной античной керамикой и, в меньшей степени, некоторыми типами бус и подвесок (имеющими, как правило, более спорную и широкую дату, чем керамический импорт). Именно к этому времени относятся погребальные ямы № 3 и 4 (вторая половина V – первая четверть или первая половина III в. до н.э.), погребальная яма № 5 (IV–III вв. до н.э.). При этом отдельные керамические фрагменты могут относиться как к VI (наличие на данном участке разрушенной в своей основной части, за исключением тайника, погребальной ямы № 9), так и к II (плохо сохранившаяся погребальная яма № 7) вв. до н.э. Кроме того, керамика, обнаруженная при расчистке поминально-погребального комплекса, может иметь достаточно широкую датировку в рамках как минимум VI–IV вв. до н.э. В данной работе керамический материал рассматривается суммарно, так как в целом привлекаемые комплексы можно считать синхронными.

Впрочем, при (в целом) «колхидском» облике и в керамическом комплексе Джантухского могильника есть ряд существенных особенностей. К сожалению, нам почти не с чем сравнивать, так как подавляющее большинство поселений этого времени других районов Колхиды введено в научный оборот лишь суммарно, без детального анализа керамического материала. Отметим при этом, что, как считается, «ведущие типы керамики одинаково характерны как для приморской полосы, так и для внутренних районов Колхиды» (*Гиголашвили, Качарава, 1977. С. 77*), т. е. колхидская керамика, как считается, однородна. В свою очередь, А.Н. Габелия в своей диссертационной работе (оставшейся, к сожалению, неопубликованной) отмечал, что «можно с полной определенностью говорить о теснейшей связи керамических комплексов Абхазии и Западной Грузии. Близость между ними проявляется по всем основным признакам – технологическим особенностям, полному единству форм во многих случаях, в наличии одинаковых ручек на сосудах, а также в технике и мотивах орнаментации» (*Габелия, 1984. С.8*). Впрочем, и он отмечал «некоторые специфические особенности» древней керамики Абхазии, проявляющиеся как в отдельных формах сосудов, так и в мотивах их орнаментации (Там же. С.8,16).

Типичная «колхидская керамика» этого времени, в отличие от джантухской, «в основной массе черного обжига» (*Гиголашвили, Качарава, 1977. С. 77*). Для керамики Ванского городища VI–IV вв. до н.э. характернее серый или коричневый цвет глины (*Лодкипанидзе и др., 1981. С.102*). Наша керамика в своем большинстве красноглиняная (или красновато-коричневая, оранжевая по цвету глины). Особенностью Джантухского могильника является и необычно небольшое для памятников этого времени количество круговой керамики. Лощеная керамика встречается чаще, но также не доминирует. Начнем анализ местного керамического комплекса с тех форм колхидской керамики, которые вообще не

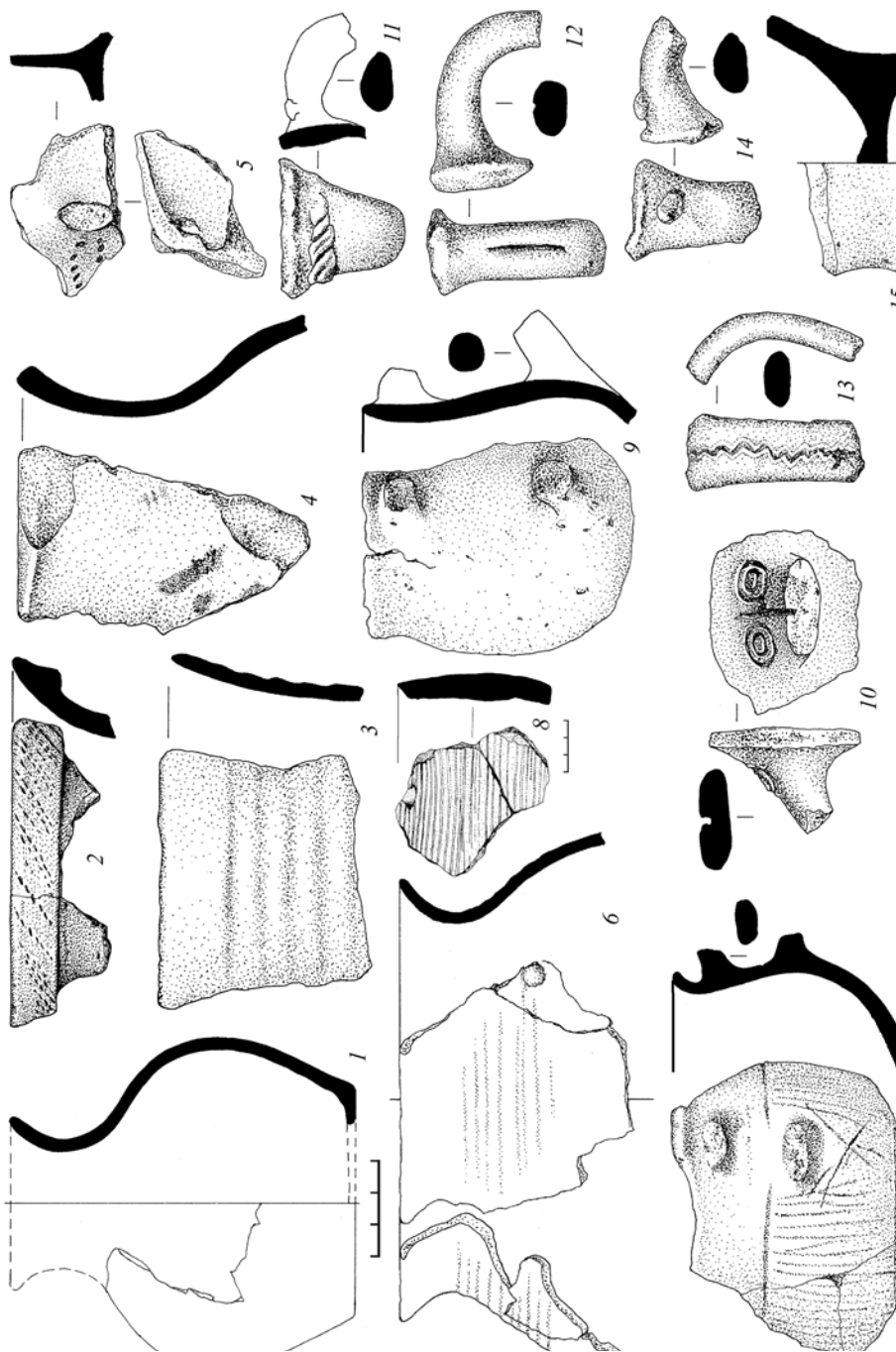

Рис. 1. Могильник Джангух. Основные формы керамики

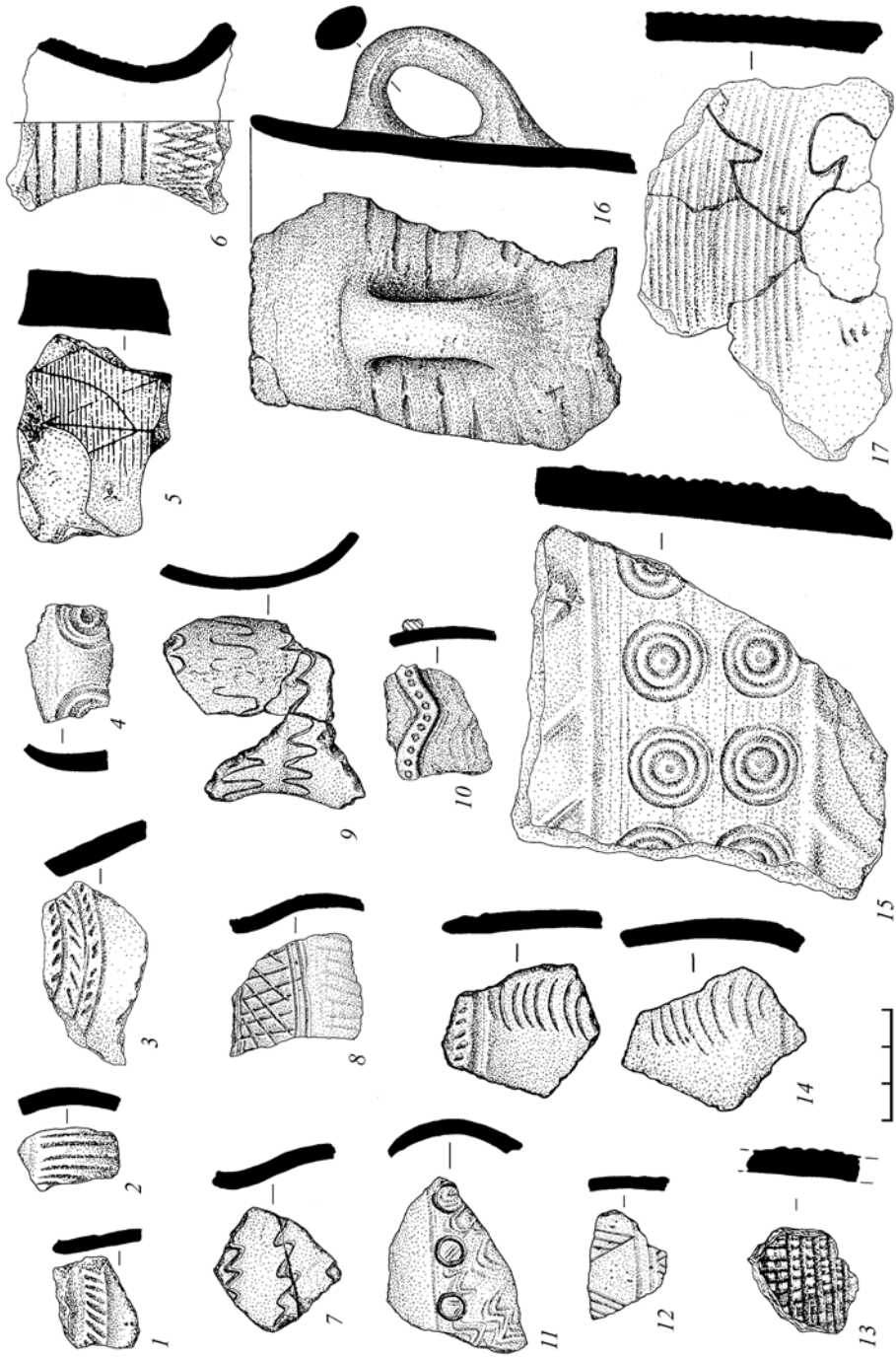

Рис. 2. Могильник Джангх. Основные орнаментальные мотивы и формы керамики

представлены в материалах Джантухского могильника или присутствуют здесь в единичных экземплярах.

1. На Джантухском могильнике практически отсутствуют наиболее характерные разновидности стакановидных сосудов (второго и третьего типа, по наиболее распространенной классификации, т. е. с конусовидной расширяющейся нижней частью тулова или с донной частью, имеющей выступ: *Лордкипанидзе и др.*, 1981. С. 99). Только в 2013 г. был найден единственный фрагмент стакановидного сосуда с конусовидно расширяющейся нижней частью тулова (рис. 3, 5), отличающийся, кстати, по характеру теста от основной части джантухской керамики;

2. Единичен (находка 2013 г.) фрагмент кубка на высокой ножке (рис. 3, 6), притом, что этот тип хорошо представлен в прибрежных памятниках Западного Закавказья;

3. Полностью отсутствуют котловидные сосуды с вертикальными ручками, размещенными вдоль венчика («сосуды типа шайки» или «кастрюли»). Только один фрагмент (из раскопок 2013 г.) может быть предположительно отнесен к котловидному сосуду с суживающимся горлом и широким туловом (рис. 3, 7), но и он по тесту отличается от основной массы местной керамики;

4. Отсутствуют крышки, нехарактерные, впрочем, и для близлежащего опорного памятника – городища Гиенос;

5. Единичными находками представлены фрагменты кувшинов с вертикальными трубчатыми ручками. Кроме двух фрагментов, которые можно связать именно с этим типом (рис. 3, 3, 8), отметим фрагмент стенки сосуда со сливом и необычный фрагмент сосуда в виде своего рода «трубы»;

6. Единичны также зооморфные (с роговидными выступами) ручки сосудов (рис. 3, 4);

7. Очень немногочисленны на памятнике миски, представленные как закрытыми, так и открытыми формами (рис. 3, 10–12).

Сравнительно немногочисленны и крупные пифосы с каннелюрами, рельефным (рис. 2, 15) и геометрическим (рис. 2, 15) орнаментом, что, впрочем, следует признать вполне логичным для некрополя. В то же время, в 2012–2013 гг. большое количество фрагментов этих пифосов (откач минимум трех экземпляров) было обнаружено при зачистке упомянутой выше погребально-поминальной вымостки, которую они и образовывали вместе с камнями различного размера. Зато устойчиво присутствуют необычные толстостенные сосуды плохого качества, покрытые линейным орнаментом и имеющие своеобразный невыделенный венчик, чуть скошенный вовнутрь (рис. 1, 8).

Встречаются как фрагменты амфор (почти исключительно колхидских), так и местные подражания амфорам. Отметим также наличие сосудов с выраженными поддонами (рис. 1, 15), часть из которых можно считать подражанием античным керамическим формам.

Теперь дадим характеристику доминирующим на могильнике керамическим типам. Здесь преобладают тонкостенные сосуды, часть из которых можно связывать с подражаниями эллинистическим формам.

1. Хорошо представлены горшки небольших размеров с сильно отогнутым венчиком (рис. 1, 6), в том числе небольшого и миниатюрного размеров (рис. 1, 7), а также корчаги (рис. 1, 2), иногда со штампованным орнаментом по венчику;

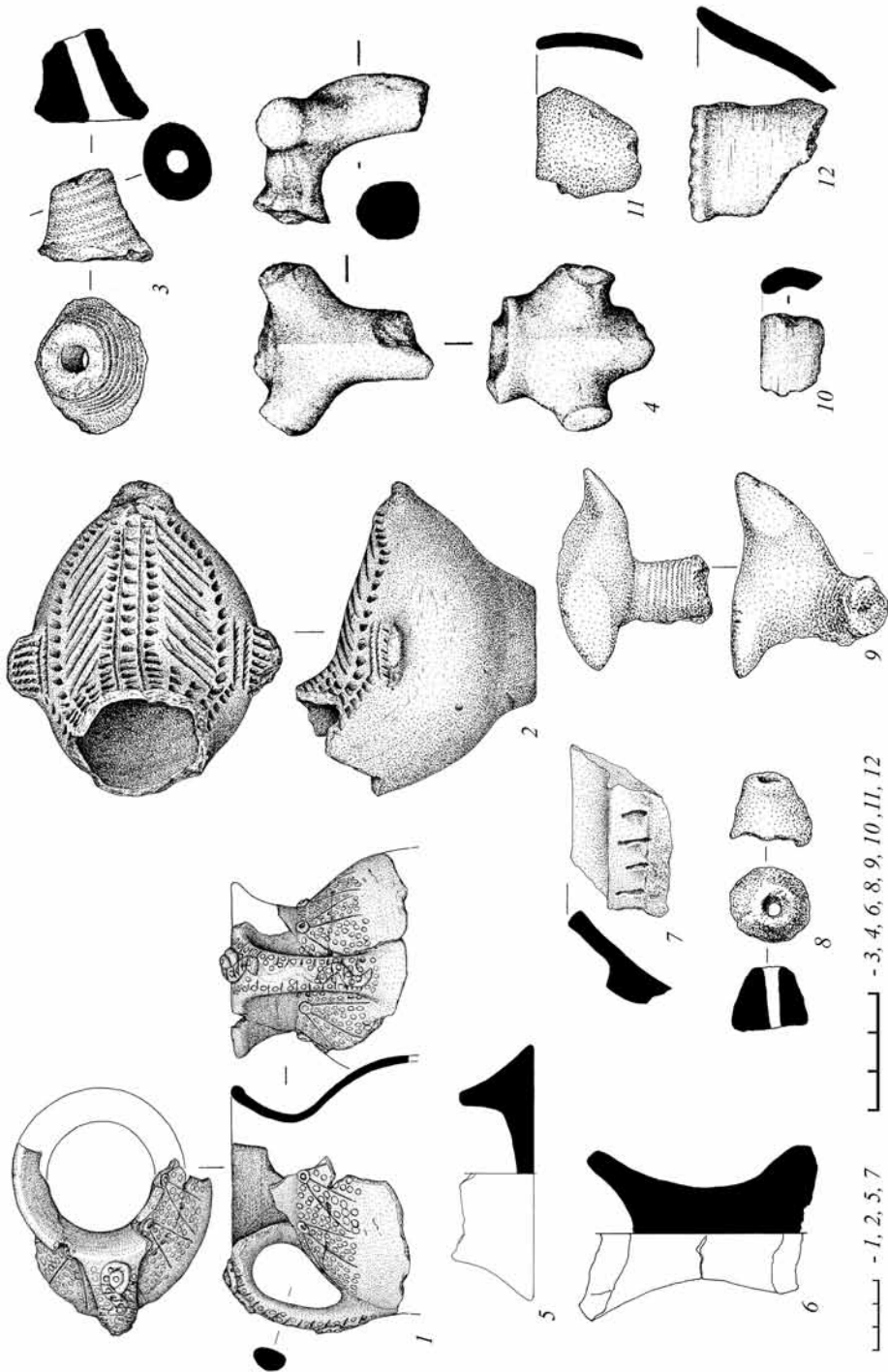

Рис. 3. Могильник Джангух. Редкие керамические формы

2. Достаточно многочисленны кувшины и кувшинчики с высоким горлом прямолинейного (третий тип, по: *Лордкипанидзе и др.*, 1981. С. 98. Рис. 56, № 137,138) или слегка отогнутого профиля (рис. 1, 1, 4; 2, 6). Горшочки и кувшинчики в ряде случаев по тулову и под горлышком украшены глубокими горизонтальными желобками (рис. 1, 3). В целом немногочисленные формы с сильно утолщенным или загнутым вниз венчиком;

3. Встречаются стаканы кубкообразного типа с прямолинейным профилем тулова (пятый тип, по: *Лордкипанидзе и др.*, 1981. С. 100. Рис. 61,63, № 171,172) (рис. 2, 16). Кроме того, присутствуют немногочисленные сосуды с ручками, напоминающие кружки (Рис. 1, 9).

Среди декоративных мотивов, безусловно, преобладают:

1. Орнамент в виде волны (Рис. 2, 7, 9). Это наиболее распространенный и многообразный тип орнамента, при этом волна может украшать как горлышко, так и плечики сосуда. Относительно редко волна сочетается с другими типами орнамента (кроме линейного) – сетчатым или семечковидными насечками, а также геометрическим (рис. 2, 11);

2. Линейный орнамент. При этом линейный орнамент может быть расположен как горизонтально, так и вертикально (рис. 2, 2) на стенках сосуда;

3. Нередко встречается орнамент в виде косой сетки (рис. 2, 8), в ряде случаев при его выполнении использован штамп;

4. Еще лучше представлен орнамент в виде косых насечек (рис. 2, 3), иногда выполненный с помощью штампа. Достаточно часто встречаются и насечки по венчику (рис. 2, 1). В меньшей степени распространены ямочная и елочная орнаментация. В единичном случае ряды ямочек расположены вертикально. Как правило, все эти виды орнамента (косая сетка, косые насечки, елочка) украшают плечики или горлышко сосуда;

5. Гораздо хуже представлен геометрический декор в виде треугольников (рис. 2, 12) и концентрических окружностей (рис. 2, 4, 11, 15). В целом, что показательно, геометрический декор для памятника не характерен;

6. Можно считать характерным для могильника и декор в виде своего рода «псевдоканнелюр» – узких и, нередко, косых чуть заметных желобков, отдаленно напоминающих каннелюры, известные на колхидских пифосах. Иногда для подражания каннелюрам применялись полосы вертикального или наклонного лощения (рис. 2, 8);

7. Встречаются и более «экзотичные» варианты орнаментации – волнистые наклепные валики с кружковым орнаментом (рис. 2, 10), налепы (хотя в целом все виды наклепов и наклепного декора для памятника не характерны), вертикально расположенные ряды дуговидных линий (рис. 2, 14), вертикальные насечки. Необычен для данного времени представленный на нескольких фрагментах декор в виде расчесов. Еще большее удивление (учитывая местоположение могильника) вызывает единственный фрагмент керамики с декором, напоминающим текстильный (рис. 2, 13). Отметим и наличие граффити, которые, в единичных случаях, известны в Джантухе и на античном импорте, и на местной керамике (стенке пифоса) (рис. 2, 5). На одном из фрагментов пифоса поверх линейного орнамента нанесено непонятное, возможно, зооморфное изображение (рис. 2, 17).

Для декора ручек, кроме достаточно хорошо представленных здесь налепов-«шишечек» (рис. 1, 14), использовались вертикальные бороздки (рис. 2, 12), «раздваивающие» ручку в её верхней части (как кажется, здесь можно усмотреть подражание двустольным ручкам импортной античной керамики; такие подражания иногда называют «псевдо-двустольными ручками»–*Шамба*, 1988. С. 43. Табл. XXXIII, 14), елочный, кружковый (рис. 2, 10), резе штампованный и точечный орнамент, наlepные орнаментированные валики (рис. 2, 11), косые кресты, волна (рис. 1, 13). Такой декор ручек (налепы-«шишечки», наlepные орнаментированные валики, кружковый, точечный и елочный орнамент, косые кресты) хорошо представлен в материалах из Вани (*Лордкипанидзе и др.*, 1981. Рис. 43, № 95; 72, № 217–219, 221, 224; 73, № 217; 74, № 228, 230, 231, 234).

Если сравнить керамику Джантуха и сравнительно полно опубликованный керамический комплекс близлежащего (в 31,5 км по прямой) приморского Гиеноса (*Шамба*, 1988), мы увидим много общего. Это и ручки с налепами-«шишечками», и сходные орнаментальные мотивы, и ряд «общеколхидских» керамических форм. Там же, в Гиеносе, находит аналогии (*Шамба*, 1988. Табл. VI, 9) уникальное для Джантухского могильника рельефное изображение змеи на ручке культового богато украшенного сосуда, о котором будет сказано ниже. Тем не менее, в материалах Гиеноса богато представлены именно те типы сосудов, которые абсолютно отсутствуют в Джантухе: стакановидные сосуды двух наиболее распространенных типов и котловидные сосуды с вертикальными ручками, размещенными вдоль венчика.

Таким образом, по основным типам керамических форм и их декора Джантухский могильник демонстрирует несомненную близость к общему массиву колхидской керамики, проявляя при этом явные локальные особенности. В дальнейшем было бы целесообразно, в первую очередь, максимально полно опубликовать известные поселенческие памятники Северо-Западного Закавказья, а далее – приступить к статистическим подсчетам и картографированию ведущих типов, что позволит более уверенно говорить о границах культур, их локальных вариантов, культурно-исторических областей и общностей.

Отдельно остановимся на уникальных керамических формах, неизвестных нам в других памятниках Абхазии и Западного Закавказья в целом.

1. Фрагментированный миниатюрный керамический сосуд с богатым резным и наlepным декором, в том числе наlepным изображением змеи на ручке (рис. 3, 1). Миниатюрные сосуды на могильнике не редкость, и отнюдь не все они должны были играть культовую роль. Но этот сосуд явно имел ритуальное значение, а его декор может быть объяснен с точки зрения космогонических представлений (змея как медиатор между мирами, треугольники с налепами имеют соляную семантику и так далее).

2. Сосуд в виде птицы (рис. 3, 2). К сожалению, горловина сосуда не сохранилась, вероятно, она была выполнена в виде головы или, по крайней мере, заменяла ее.

Это, без сомнения, уникальный сосуд для памятников Колхиды, хотя и находящий некоторые достаточно отдаленные аналогии в памятниках Центрального и Восточного Кавказа. Зооморфные и птероморфные сосуды хорошо известны в памятниках Закавказья и Ирана (и даже шире – включая Балканы, см.: культура

Ново село–Кырна и другие регионы Средиземноморья) со второй половины II до середины I тыс. до н.э. (*Погребова*, 1977. С.96–99. Табл. XX). К этой группе принадлежат и сосуды аналогичной формы, известные в памятниках Центрального Кавказа – Верхней Рутхе (*Уварова*, 1900. С. 244. Рис. 199; 200), кумбултском могильнике Алдар-резен (Там же. С. 212, 213, 229. Рис. 184), Фаскау (Там же. С. 283. Табл. XLII, 14), районе Новопавловска (*Березин и др.*, 2008. С. 140. Рис. 1–3), датированном II в. до н.э. погребении 51 кургана I могильника Орджоникидзевский в Чечне (*Бурков, Прокопенко*, 2008. С. 140, 141. Рис. 71, 2, 3). По крайней мере, некоторые из них (экземпляр из Фаскау) имеют, как и наш сосуд, в нижней части не выделенные ножки в виде конечностей животного, а обычный поддон. Их главное отличие от нашего экземпляра – наличие не только слива через рот животного, но и так или иначе выделенного горла на его спине. То же самое касается многочисленных сосудов подобной формы из Восточного Закавказья (Мингечаур).

Но в том же регионе, в памятниках Кавказской Албании (также Мингечаур, находка 1946 г.) известны близкие сосуды-фляги с выделенным хвостом птицы и орнаментом, но без горла на спине, горло у них заменяет головку птицы (*Рзаев*, 1964. С. 45. Рис. 31). Такой вариант птероморфных сосудов датирован I в. до н.э. – I в. н.э. Очевидно, в Восточном Закавказье прослеживается определенная линия развития, когда на каком-то этапе существования птероморфных форм керамики наряду с экземплярами, имеющими горлышко на спине, появляются сосуды с горлышком, заменяющим голову животного или птицы (*Рзаев*, 1976. С. 14. Рис. 40; 41). Вероятно, такая же линия развития могла иметь место и для керамики Центрального Кавказа, поэтому связывать наш сосуд с каким-либо прямым влиянием со стороны Кавказской Албании или считать его импортом было бы необоснованно. Любопытно при этом, что орнаментация нашего сосуда обнаруживает наибольшую близость именно к кумбултскому сосуду.

Еще одним уникальным для региона керамическим фрагментом является налп на венчик или ручку(?) сосуда в виде стилизованной фигурки птицы, помещенной на высокую ножку (рис. 3, 9). Также уникален фрагмент тонкостенного орнаментированного сосуда подпрямоугольной (?) формы на поддоне (рис. 1, 5).

ЛИТЕРАТУРА

- Березин Я.Б., Маслов В.Е., Хлопов Ю.В.*, 2008. Керамика раннескифского времени из Центрального Предкавказья // Проблемы современной археологии: сб. памяти В.А. Башилова / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Таус. С. 140–154.
- Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А.*, 2008. Подкурганые погребения раннего железного века – эпохи раннего средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь: Орион. 384 с.
- Габелия А.Н.*, 1984. Поселения колхидской культуры (на материалах Абхазии): Автореферат дисс ... канд. ист. наук. М. 16 с.
- Гиголашвили Е.Г., Качарава Д.Д.*, 1977. Керамика Колхиды VI–IV вв. до н.э. // КСИА. Вып. 151. С. 77–80.
- Лорджитанидзе О.Д., Гиголашвили Е.Г., Качарава Д.Д., Личели В.Т., Пирцхалава М.С., Чкония А.М.*, 1981. Колхидская керамика VI–IV вв. до н.э. из городища Вани (типологическая и хронологическая классификация, каталог) // Вани, V. Археологические раскопки. Тбилиси: Мецниереба. 112 с., 81 илл. На груз. яз. Русск. Резюме: с. 87–105.

- Погребова М.Н.*, 1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука. 1977. 184 с.
- Рзаев Н.И.*, 1964. Художественная керамика Кавказской Албании. IV в. до н.э. – I в. н.э. Баку: АН Азербайджанской ССР. 140 с.
- Рзаев Н.И.*, 1976. Искусство Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. Баку: Элм. 1976. 256 с.
- Скаков А.Ю., Дзюпуа А.И.*, 2013. Новые исследования на Джантухском могильнике: 2010–2012 гг. Предварительное сообщение// Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Вып. VIII–IX / Ред. О. Х. Бгажба [и др.]; отв. за вып. С.Ш. Салакая. Сухум: АБИГИ. С. 7–19.
- Скаков А.Ю., Дзюпуа А.И.*, 2014. Керамический комплекс могильника Джантух // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: материалы Международной науч. конф. (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М.: ИА РАН. С. 197–200.
- Уварова П.С.*, 1900. Могильники Северного Кавказа. М.: Тип. А. И. Мамонтова. 382 с. (Материалы по археологии Кавказа; Вып. VIII.)
- Шамба С.М.*, 1988. Гюэнос-I. Тбилиси: Мецниереба. 1988. 136 с.

Сведения об авторах

- Скаков Александр Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: skakov@kolhida.ru, skakov09@gmail.com.
- Дзюпуа Аркадий Иванович, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии, ул. Аидгылара, 44, г. Сухум, Республика Абхазия; e-mail: arkadi100@rambler.ru.

A. Yu. Skakov, A. I. Dzhopua

Pottery from cemetery Dzhantukh of the Early Iron Age (Eastern Abkhazia)

Abstract. The article considers pottery complex from the Dzhantukh cemetery in mountainous area of Eastern Abkhazia. The site has been being investigated by the Russian-Abkhazian archaeological expedition from 2005. The material is mostly dated back to the 5th – 3rd cc. BC and is traditionally related with Colchis archaeological culture of Western Transcaucasia. A series of «generally Colchis» pottery types are singled, as well as some shapes and ornaments typical of the discussed site only, or unique in the whole region. Noteworthy, some types typical of the other sites of the Colchis culture are not represented in the Dzhantukh cemetery. It is concluded that by basic pottery shapes and decoration the cemetery shows clear closeness to the general milieu of the Colchis pottery, but with expressed local features.

Key words: Colchis culture, Early Iron Age, Western Transcaucasia, pottery.

About the authors

- Skakov Alexander Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: skakov@kolhida.ru, skakov09@gmail.com.
- Dzhopua Arkadiy I., D. Gulia Abkhazian Institute of Humanity Studies, ul. Aidgylara, 44, Sukhum, Republic of Abkhazia; e-mail: arkadi100@rambler.ru.

В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ У ПЛЕМЁН ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Резюме: Ключевым вопросом в истории населения Минусинской котловины является выявление истоков распространения знаний о чёрном металле. В статье рассмотрены результаты металлографических анализов 15 железных предметов. Сложные технологии их изготовления свидетельствуют о том, что эти изделия являлись импортами. Появление первых предметов из железа не послужило толчком к возникновению самостоятельного железообрабатывающего производства.

Ключевые слова: тагарская культура, археометаллография, технологическая схема, этапы освоения чёрного металла.

В настоящее время в истории тагарских племён при высокой степени изученности материальной культуры всё ещё остаётся много открытых вопросов. Это, прежде всего, касается проблемы становления железной индустрии. При этом ключевой проблемой является выявление истоков распространения знаний о чёрном металле. С. В. Киселёв, Л. Р. Кызласов, М. А. Дэвлет считали, что чёрная металлургия у тагарских племён появляется одновременно с первыми изделиями из железа, и относили начало этого процесса к V–III вв. до н. э. По мнению Н. Л. Членовой, первые изделия из железа на памятниках тагарской культуры представляли собой импорты, а начало местного производства чёрного металла связано с проникновением в Южную Сибирь нового – таштыкского – населения в конце I тысячелетия до н. э. (Членова, 1992. С. 222). Н. Л. Членова подкрепляет свои выводы ссылкой на данные Я. И. Сунчугашева, специально предпринявшего поиски металлургических комплексов тагарского времени, в результате которых был получен отрицательный результат. Наиболее ранние надёжно документированные памятники чёрной металлургии в Минусинской котловине относятся к I в. до н.э. (Сунчугашев, 1979. С. 66–67).

Однако вполне можно было бы допустить, что местные мастера работали на привозном сырье. Известно, что бруски-полуфабрикаты (*iron bars*), предназначенные для торговли, существовали уже в VIII в. до н. э., о чём свидетельствует клад подобных полуфабрикатов в Хорасабаде (Pleiner, 1979. P. 87).

В этой связи следует обратиться к объективным технологическим аргументам. В истории освоения человеком чёрного металла выделяются определённые этапы – стадии, связанные с открытием различных способов обработки чёрных металлов. Переход на новый уровень сопряжён с длительным (многовековым) предшествующим опытом. В случаях, когда наблюдается появление вещей, изготовленных в технологиях, отражающих развитую стадию производства, можно говорить о происхождении предметов из развитых центров железообработки, уже прошедших ряд уровней овладения новым металлом.

Первые единичные металлографические исследования железных изделий из памятников этого региона опубликованы в работе Ю. С. Гришина (1960. С. 181, 204). Однако вопрос о происхождении артефактов автором не ставился.

Работы по планомерному сбору материалов из Южной Сибири были проведены в связи с подготовкой диссертационной работы Хоанга Ван Кхоана (1974а; 1974б). Из предметов, отнесённых к тагарской культуре, исследованы шесть кинжалов и два ножа. В качестве технологических приёмов их изготовления были отмечены такие, какковка из сырцового стали, цементация и термообработка.

В конце 1970-х гг. прошлого века к этой теме обратился Н. М. Зиняков, исследовавший семь предметов V–III вв. до н. э. (Зиняков, 1980). На основании металлографического анализа Н. М. Зиняков пришёл к выводу, что характерной особенностью железобрабатывающего производства в это время является производство стальных изделий (Там же. С. 70).

В настоящее время мы приступили к разработке темы «Особенности развития железной индустрии у народов Южной Сибири». При этом особое внимание уделяется становлению железообработки на этой территории. В основе исследования лежит обобщение имеющихся аналитических данных, рассмотрение их на новом методическом уровне и пополнение базы археометаллографических данных.

Обратимся к тагарским материалам и посмотрим, какой же этап в освоении человеком чёрного металла отражают первые железные изделия, происходящие из памятников Минусинской котловины. Реконструируя технологию производства этих предметов, обратим внимание на то, что они демонстрируют такой высокотехнологичный приём, как цементация (Хоанг, 1974б; Зиняков, 1980). Использование этого приёма маркирует целенаправленное получение стали, в отличие от стали полученной непреднамеренно при металлургическом процессе (сырцовая сталь). Процесс цементации предполагает выдержку в течение длительного времени при высокой температуре (порядка 900°C) железных предметов или заготовок, помещённых в тигель в углеродосодержащей среде. То есть овладение приёмом цементации являлось осознанием основного качества чёрного металла – способности повышать механические свойства за счёт насыщения железа углеродом. Для раннего железного века это было эпохальным событием. Процесс науглероживания никак не вытекает из предыдущего опыта мастеров-бронзолитейщиков и может расцениваться как второй (после открытия металлургического способа получения железа) революционный скачок в овладении человеком нового металла. На примере древнейших ближневосточных центров железообработки известно, что от первых опытов по обработке чёрного металла до целенаправленного получения стали потребовался многовековой путь (Pleiner, 2000. P. 21; Snodgrass, 1980. P. 366; Wheeler; Maddin, 1980. P. 125).

Заметим, что при изготовлении древнейших изделий из Минусинской котловины (Хоанг, 1974а. С. 22; Зиняков, 1980. С. 67) применялись разнообразные виды цементации (сквозная, поверхностная, односторонняя). Содержание углерода на лезвии достигало 0,8% (твёрдая сталь). Особенно интересен приём односторонней цементации, зафиксированный на клинках кинжалов-акинаков, при котором требовалось предохранять одну из сторон клинка от проникновения углерода (по-видимому, использовалось покрытие поверхности глиной).

Приведённые данные свидетельствуют, что упомянутые изделия являются продукцией ремесленников, имевших длительный опыт работы с чёрным металлом. Полученный вывод не позволяет связывать проанализированные артефакты с местным производством.

По мнению Н. Л. Членовой, в конце VI–V в. до н. э. можно говорить о проникновении в Минусинскую котловину отдельных групп кочевников с территории Восточного Казахстана и Алтая (саки) (Членова, 1967. С. 217). Обратим внимание на то, что именно с этим временем связано первое знакомство носителей тагарской культуры с чёрным металлом в виде готовых изделий. Судя по литературным данным, сакские племена познакомились с чёрным металлом ещё в VIII–VI вв. до н. э. К сожалению, технологические характеристики железных предметов с территории распространения сакских племён отсутствуют, но, насколько можно судить по археологическим данным, железо здесь было широко распространено, и уже во второй половине I тыс. до н. э. в производстве оружия вытесняет бронзу (Боковенко, Заднепровский, 1992. С. 146; Членова, 1967. С. 14). Известно, что часть сакских племён входила в орбиту влияния державы Ахеменидов (Геродот. III, 93) с её высокоразвитыми центрами железообработки. Естественно предположить, что это обстоятельство могло служить решающим фактором в освоении чёрного металла саками.

Отсутствие у тагарских племён собственной металлургической базы, малочисленность железных изделий, сложная технология их изготовления свидетельствуют о том, что вторая половина I тыс. до н. э. для населения Минусинской котловины была временем первоначального знакомства с предметами из нового металла. Однако это не послужило толчком к возникновению самостоятельного железообрабатывающего производства.

ЛИТЕРАТУРА

- Боковенко Н. А., Заднепровский Ю. А., 1992. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 140–148. (Археология СССР).
- Гришин Ю. С., 1960. Производство в тагарскую эпоху // Гришин Ю. С., Тихонов Б. Г. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М.: АН СССР. С. 116–206. (МИА; № 90.)
- Зиняков Н. М., 1980. К истории освоения железа в Минусинской котловине // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т. С. 66–73.
- Сунчугашев Я. И., 1979. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука. 192 с.
- Хоанг Ван Кхоан, 1974а. Чёрная металлургия и металлообработка в Южной Сибири от начала железного века до монгольской эпохи: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 31 с.
- Хоанг Ван Кхоан, 1974б. Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири (VII в. до н. э. – XII в. н. э.) // СА. № 4. С. 110–124.
- Членова Н. Л., 1967. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М.: Наука. 300 с.
- Членова Н. Л., 1992. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 206–223. (Археология СССР).
- Pleiner R., 1979. The technology of three Assyrian iron artifacts from Khorsabad // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 38. No. 2 (Apr.). P. 83–91.

- Pleiner R.*, 2000. Iron in Archaeology. The European Bloomery Smelters. Praha: Archeologický Ústav AVČR. 400 p.
- Snodgrass A. M.*, 1980. Iron and Early Metallurgy in the Mediterranean // The Coming of the Age of Iron. New Haven; London: Yale University Press. P. 335–374.
- Wheeler T. S., Maddin R.*, 1980. Metallurgy and Ancient Man // The Coming of the Age of Iron. New Haven; London: Yale University Press. P. 99–126.

Сведения об авторах

- Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: v_zavyalov@list.ru.
- Терехова Наталия Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: v_zavyalov@list.ru.

V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova

Concerning the origins of iron objects spread used by the Tagar culture tribes

Abstract: In the history of population of the Minusinsk depression in Eastern Siberia the key problem is that one on the origin and spread of knowledge of ferrous metal. The paper presents the results of metallographic analysis of 15 iron artefacts. The objects were shaped using complicated technological schemes, which gives grounds to consider them imports. Noteworthy, introduction of the first iron artefacts had not become an impetus for formation of independent local iron production.

Key words: Tagar culture, archaeometallography, technological scheme, stages of mastering ferrous metal.

About the authors

- Zavyalov Vladimir I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: v_zavyalov@list.ru.
- Terekhova Natalia N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: v_zavyalov@list.ru.

О. А. Лопатина

МОРФОЛОГИЯ СОСУДОВ ДЪЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Резюме. Изложены некоторые результаты анализа форм сосудов дьяковской культуры с городищ Старшее Каширское, Мутёнковское, Дьяково и Настасьино в соответствии с методикой, разработанной А. А. Бобринским. Исследованы общая пропорциональность сосудов и состав их функциональных частей. Выявлены формы сосудов, которые можно рассматривать как исконно дьяковские и те, появление которых связано с влиянием иных культурных традиций. Высказано предположение о том, что эти традиции проникали в дьяковскую среду во II–I вв. до н. э. – II в. н. э.

Ключевые слова: дьяковская культура, формы сосудов, общая пропорциональность, функциональные части, структура формы.

В предлагаемой работе изложены некоторые результаты анализа форм керамики дьяковской культуры. В качестве источника для исследования привлечены материалы четырех городищ: Старшее Каширское и Мутёнковское (раск. В. В. Сидорова), Дьяково (раск. Н. А. Кренке), Настасьино (раск. А. В. Энгватовой)¹.

Городища Ст. Каширское и Мутёнковское относятся к раннедьяковскому этапу, лошенная керамика на них не встречена. Для анализа керамики Дьякова городища отобраны материалы, относящиеся к раннедьяковскому этапу (слои В и Г), а также к основанию верхнего слоя А (по: *Кренке*, 2011. С. 109–115). Эти материалы относятся ко времени до появления здесь лошенной керамики. Время существования городища Настасьино в целом определяется VII–VI – II–I вв. до н. э. (*Энгватова*, 2004. С. 151, 152).

Для исследования использованы крупные фрагменты верхних частей от 296 дьяковских сосудов, а также 151 сосуд с полным профилем, т. е. всего 447 разных сосудов.

Анализ форм в предлагаемой работе проводится в рамках историко-культурного подхода и базируется на методике А. А. Бобринского (1986; 1988; 1991). Цель анализа заключалась в выявлении конкретных культурных традиций создания форм глиняной посуды.

Для реконструкции культурных традиций создания форм глиняной посуды принято использовать информацию, во-первых, о естественной структуре форм, т. е. об особенностях состава функциональных частей; во-вторых, об общей пропорциональности форм сосудов; в-третьих, о степени сформированности функциональных частей, из которых состоят формы, и о пропорциональности самих этих частей; в-четвертых, о характере и степени развитости оболочек функциональных частей. В данной работе речь пойдет о двух первых пунктах, т. е. о естественной структуре форм и об общей пропорциональности сосудов.

Естественная структура форм сосудов, в соответствии с методикой А. А. Бобринского, выявлялась путем разбивки контура исследуемых сосудов точками НЛК (наибольшей локальной кривизны), которые отделяют одну функциональную часть от другой. В результате последовательного соединения точек НЛК на контуре сосуда получаются костяки форм, отображающие ее конструкцию. Костяки состоят из набора функциональных частей, представленных многоугольниками. Всего известно 7 таких частей (губа, щека, шея, плечо, предплечье, тулово и основание тулова). Виды конструкций сосудов определяются разным составом функциональных частей.

В результате анализа естественной структуры форм было выделено 8 видов конструкций. Среди них имеются 3-х, 4-х, 5-ти и 6-частные конструкции. Вот их общий список:

---

¹ Выражаю искреннюю признательность А. В. Энгватовой и В. В. Сидорову за возможность использования в статье материалов своих раскопок. Керамика Дьякова городища изучалась по рисункам из монографии Н. А. Кренке (*Кренке*, 2011).

Таблица 1. Распределение видов конструкций форм сосудов по памятникам, %

Число частей в конструкции	Виды конструкций	Мутёнковское	Ст. Каширское	Дьяково	Настасьино	Всего
3-частные	1. Г+Т+ОТ	7	12	3	10	8
4-частные	2. Г+П+Т+ОТ	28	24	18	4	21
	3. Г+ПП+Т+ОТ	25	19	10	25	21
	4. Г+Щ+Т+ОТ	1	1	4	3	2
5-частные	5. Г+Ш+П(ПП)+Т+ОТ	29	28	30	20	28
	6. Г+Щ+П(ПП)+Т+ОТ	7	14	30	28	16
6-частные	7. Г+Щ+П+ПП+Т+ОТ	1,5	1	3	10	3
	8. Г+Ш+П+ПП+Т+ОТ	1,5	1	2	-	1
	Всего %	100	100	100	100	100
	Всего сосудов	218	84	69	76	447

3-частные:

Вид 1. Губа+Тулово+ОТ (Г+Т+ОТ).

4-частные:

Вид 2. Губа+ Плечо+ Тулово+Основание Тулова (Г+П+Т+ОТ).

Вид 3. Губа+Предплечье+Тулово+Основание Тулова (Г+ПП+Т+ОТ).

Вид 4. Губа+Щека+Тулово +Основание Тулова (Г+Щ+Т+ОТ).

5-частные:

Вид 5. Губа+Шея+Плечо/Предплечье+Тулово+Основание Тулова (Г+Ш+П/ПП+Т+ОТ).

Вид 6. Губа+Щека+Плечо/Предплечье+Тулово+ОТ (Г+Щ+П/ПП+ Т+ОТ).

В связи с фрагментированностью материала конструктивное различие плеча и предплечья для форм видов 5 и 6 оказалось затруднительным.

Шестичастные:

Вид 7. Губа+Щека+Плечо+Предплечье+Тулово+Основание Тулова (Г+Щ+П+ПП+Т+ОТ).

Вид 8. Губа+Шея+Плечо+Предплечье+Тулово+Основание Тулова (Г+Ш+П+ПП+Т+ОТ).

В табл. 1 показано распределение разных видов конструкций форм по памятникам. Эти данные позволяют сделать несколько важных наблюдений.

Во-первых, наиболее массовыми на городищах являются конструкции вида 2 – Г+П+Т+ОТ (21%), вида 3 – Г+ПП+Т+ОТ (21%), вида 5 – Г+Ш+П(ПП)+Т+ОТ (28%) и вида 6 – Г+Щ+П(ПП)+Т+ОТ (16%).

Во-вторых, по степени сходства конструкций (метод расчета см.: *Телегин, 1977*) наиболее близки сосуды Мутёнковского и Ст. Каширского городищ (88%), а наиболее различны сосуды Мутёнковского и Настасьинского городищ – 66%. Тем не менее, эти различия не столь существенны и говорят о достаточно высокой близости керамики этих городищ.

В-третьих, яркая специфика памятников проявляется в распространении конструкций сосудов со «щекой» (вид 4, 6 и 7). Оно значительно выше на городищах Дьяково (37%) и Настасьино (41%), и заметно ниже на Ст. Каширском (16%) и Мутёнковском (9,5%).

Именно это последнее обстоятельство дает основание предполагать, что появление этих конструкций на дьяковских памятниках связано с влиянием иных культурных традиций. Это подтверждается и результатом анализа сосудов по их общей пропорциональности.

Общая пропорциональность форм изучалась по 151 сосуду с полным профилем (Старшее Каширское – 17, Мутёнковское – 39, Дьяково – 44, Настасьино – 51). Показатель общей пропорциональности рассчитывался как отношение высоты сосуда к его среднему диаметру (H/Dcp). Dcp представляет собой среднее значение диаметров в точках, характеризующих естественную структуру формы сосудов. Конкретные значения H/Dcp распределялись в соответствии со шкалой качеств общей пропорциональности, разработанной Ю. Б. Цетлиным. В рамках этой шкалы выделяются сосуды *очень низкой, низкой, средненизкой, средней, средневысокой, высокой и очень высокой* общей пропорциональности. Все эти разные качества форм характеризуются конкретными числовыми интервалами.

Оценивая значения общей пропорциональности дьяковских сосудов, можно заключить, что в целом абсолютно преобладают сосуды средних пропорций (значения 0,7–1,41). Средневысокие формы представлены незначительно, а средненизкие – единично.

Рассмотрим распределение значений общей пропорциональности сосудов в рамках четырех наиболее массовых видов конструкций (рис. 1). Оно показало следующие важные особенности. Выяснилось, что по трем конструкциям Г+П+Т+ОТ (вид 2), Г+ПП+Т+ОТ (вид 3) и Г+Ш+П/ПП+Т+ОТ (вид 5) наблюдается совпадение основных максимумов распределения значений общей пропорциональности. Эти значения составляют 1,0 и 1,3 и находятся в интервале средних пропорций. Для конструкции Г+Щ+П/ПП+Т+ОТ (вид 6) значения основных максимумов распределения совершенно иные. Основной пик распределения приходится на значение 1,5, которое находится уже в зоне средневысоких пропорций. При этом в диапазоне средних пропорций максимумы приходится на значения 1,1 и 1,3.

Таким образом, полученные данные (рис. 1) показывают, что по своей общей пропорциональности наиболее массовые виды (2, 3 и 5) дьяковской посуды сходны между собой. Более того, среди каждого из этих трех видов конструкций выделяются две группы. Одну из них предварительно можно обозначить как *низкие горшки* (с пиком на значении пропорциональности, равном 1,0), другая включает заметно более высокие *горшковидные* формы (с пиком на значении общей пропорциональности – 1,3).

Посуда, относящаяся к конструкции Г+Щ+П/ПП+Т+ОТ (вид 6), которая характеризуется иной общей пропорциональностью, является по своему происхождению инородной. Вместе с тем значения максимумов этой группы, относящиеся к диапазону средних пропорций такие же, как и у абсолютного большинства дьяковских сосудов. Это позволяет предполагать, что эта группа возникла

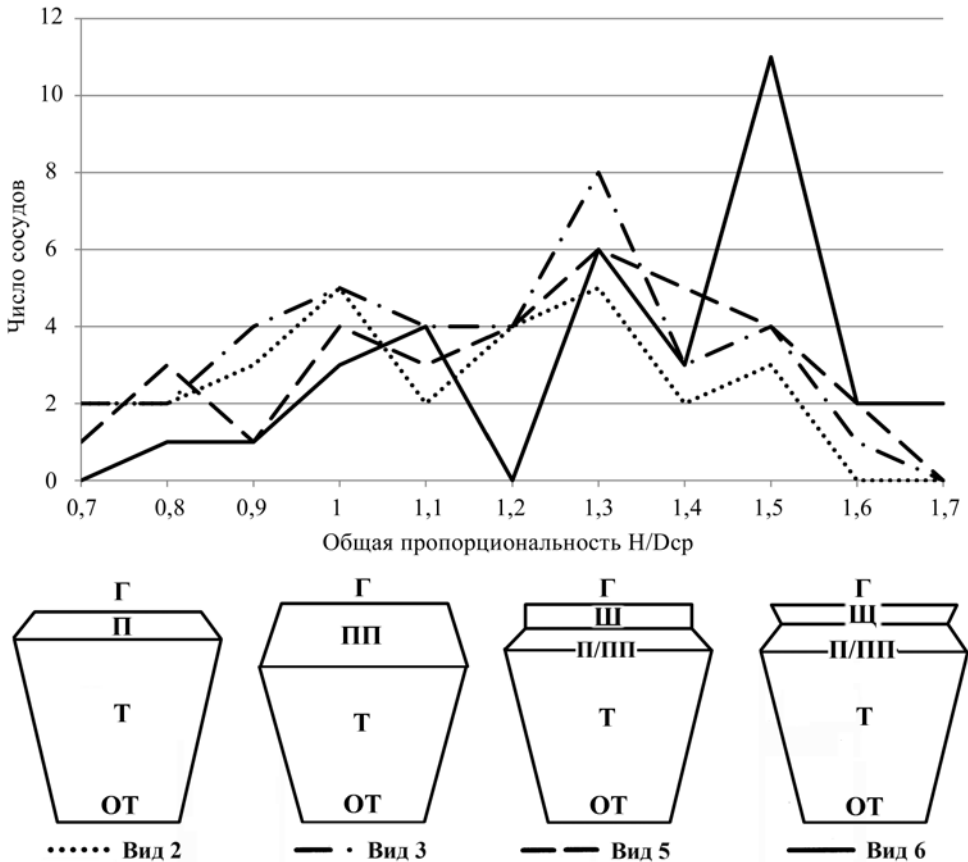

Рис. 1. Значения общей пропорциональности для наиболее массовых конструкций дьяковских сосудов

в результате смешивания дьяковских традиций с какими-то иными, связанными с изготовлением сосудов с выраженной щечой.

Выводы. Таким образом, проведенный анализ позволил выделить три вида наиболее массовых конструкций дьяковской посуды, которые обладают близкой общей пропорциональностью и могут считаться исконно дьяковскими формами (виды 2, 3 и 5).

Конструкции со щечой, скорее всего, не имеют дьяковских корней, и их появление связано с каким-то инокультурным влиянием. Эти конструкции и по пропорциональности отличаются от общего массива в сторону более высоких пропорций.

Истоки конструкций со щечой в дьяковской керамике, скорее всего, следует искать в области распространения посуды городецкой культуры. Как отмечала еще Н. В. Трубникова, в более поздних комплексах среднеокского (рязанского) варианта городецкой культуры имеются «сосуды, близкие типу скифским горшкам», т. е. с сильно отогнутым венчиком (Трубникова, 1953. С.84, 85). Формы со

щекой массово представлены и в керамике верхнедонского варианта городецкой культуры.

Можно предположить, что изменения в дьяковском комплексе керамики, которые связаны с появлением сосудов со «щекой» имеют хронологический характер. Опираясь на разработанную хронологию Дьякова городища, можно утверждать, что подобные конструкции начинают массово появляться в основании верхнего слоя этого памятника, время существования которого по совокупности радиоуглеродных и археологических данных определяется II–I вв. до н. э. – II в. н. э. (Кренке, 2011. С. 143–145).

Население Мутёнковского и Ст. Каширского городищ, скорее всего, испытало только начало этого культурного влияния, поскольку здесь конструкции со щекой, во-первых, единичны, а во-вторых, они представлены только посудой средних пропорций. А средневысокие формы с этих городищ, происходят исключительно из отложений, связанных с поздними жилищами. Поэтому верхняя дата этих городищ, скорее всего, должна определяться временем не позднее II–I вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А. А., 1986. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тыс.: межвузовский сб. ст. / [Отв. ред. Г. И. Матвеева] Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т. С. 137–158.
- Бобринский А. А., 1988. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики: межвузовский сб. науч. ст. [Отв. ред. А. А. Бобринский]. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т. С. 5–22.
- Бобринский А. А., 1991. Оболочки функциональных частей глиняной посуды // Археологические исследования в лесостепном Поволжье: межвузовский сб. ст. / [Отв. ред. Г. И. Матвеева]. Самара: Самарский гос. ун-т. С. 3–36.
- Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 548 с.
- Телегин Д. Я., 1977. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / [Отв. ред. Н.Л. Членова]. М.: Наука. С. 59–64.
- Трубникова Н. В., 1953. Племена городецкой культуры // Труды ГИМ. Вып. XXII / Ред. А. Я. Брюсов. М.: Гос. изд-во культ.-просвет. литературы. С. 63–96.
- Энгватова А. В., 2004. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа / АП. Вып. 1. С. 142–152.

Сведения об авторе

Лопатина Ольга Анатольевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: lopatina.olga@gmail.com.

O. A. Lopatina

Morphology of D'yakovo culture vessels

Abstract. The article presents the results of the analysis of shapes the Dyakovo culture vessels (Early Iron Age). The materials originate from fortified settlements Starsheye Ka-

shirskoye, Mutyonkovskoye, Dyakovo and Nastasyino. The pottery is investigated using the methodic principles worked out by A. A. Bobrinsky. Main attention is paid to general proportions and composition of functional parts of the vessels. Some shapes have been singled out that are considered as aboriginal Dyakovo ones, and those related by their origin with alien cultural traditions. Probably, these traditions were introduced in the Dyakovo milieu in the 2nd–1st cc. BC – the 2nd c. AD.

Key words: Dyakovo culture, vessels' shapes, general proportions, functional parts, shape structure.

About the author

Lopatina Olga A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: lopatina.olga@gmail.com.

И. О. Гавритухин, А. А. Седин

ФИБУЛЫ С ГОРОДИЩА НИКОДИМОВО

Резюме. В статье представлены сведения об условиях находки, уточненные рисунки и атрибуции 8 фибул с городища Никодимово в Белоруссии. Это крупнейшая коллекция на памятниках раннеславянского круга, не считая клады. 7 фибул (кроме № 2), а возможно и все, связаны с временем гибели городища во 2-й или 3-й четверти VII в.

Ключевые слова: пальчатые фибулы, антропоморфные фибулы, византийские фибулы, Поднепровье, VII век.

Городище Никодимово расположено на мысу между двумя ярами на левом берегу р. Быстрой (правый приток Прони), в 0,6 км на юго-восток от одноименной деревни в Горецком районе Могилевской области Белоруссии. Памятник известен с 1903 г., неоднократно обследовался; в 1986–1992, 1995, 2003, 2004 гг. экспедицией под руководством А. А. Седина была раскопана большая часть его площадки и ряд других участков (рис. 1А; общая площадь – 1058 кв. м). Общие сведения о памятнике и ряд находок опубликованы (*Седзин*, 2011; там избранная библиография). Городище погребло в пожаре, с которым связаны выразительный набор оружия и других вещей. Получены калиброванные радиоуглеродные датировки: 604–674, 344–540, 520–640, 520–640 гг. с вероятностью 95% (фирма «Санаре», Институт геологии, г. Таллин). Раскопки в Никодимово широкой площадью, многочисленность находок и неординарность ряда из них сразу же привлекли внимание специалистов.

Среди вещей, вызвавших наибольший интерес, – фибулы, которых найдено 8 штук. Это самая богатая коллекция на памятнике раннеславянского круга, если не считать некоторых кладов. Хотя все никодимовские фибулы опублико-

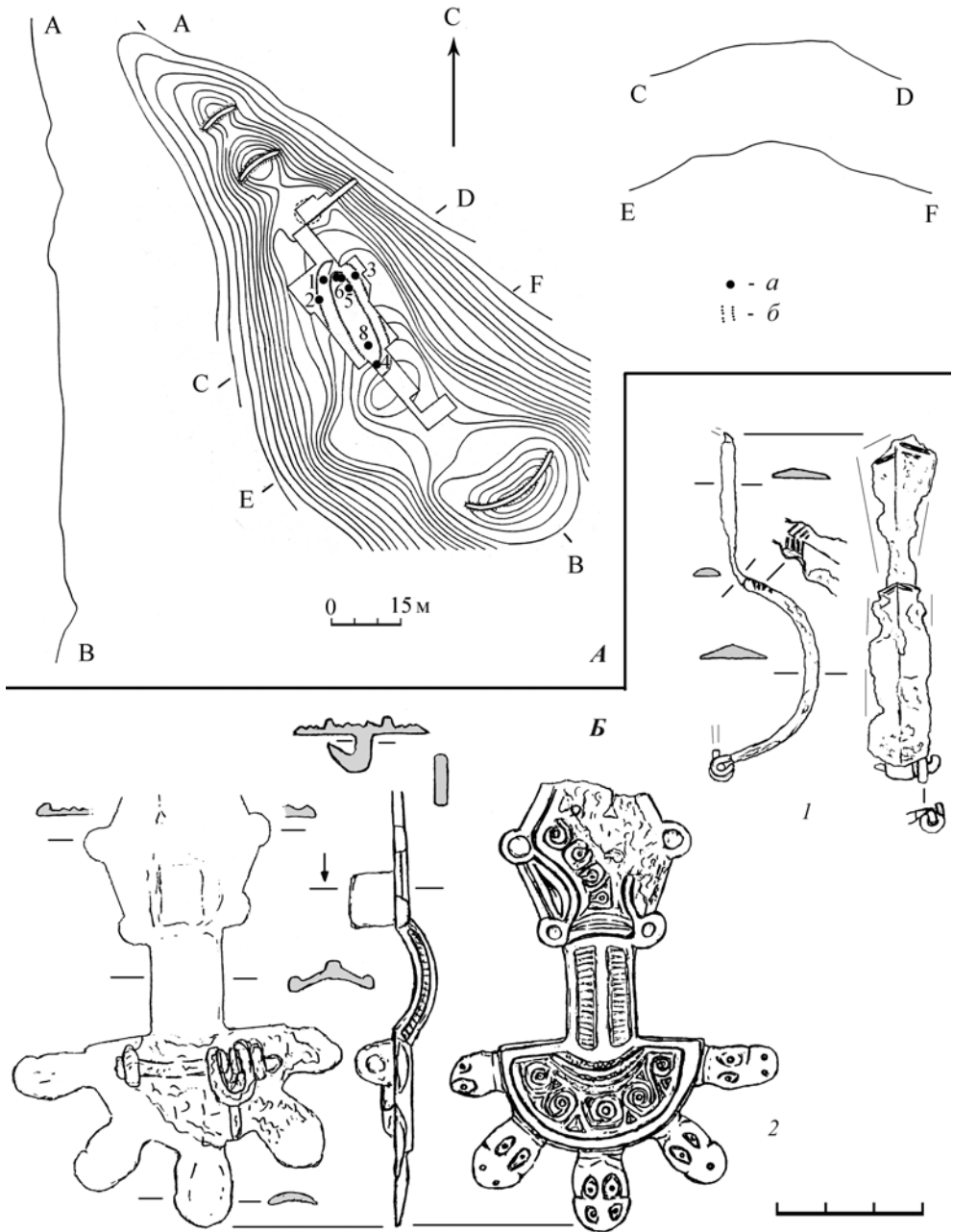

Рис. 1. Фибулы из Никодимово.

А – план городища с обозначением раскопов, мест находки фибул (*а*), границ постройки (*б*); горизонталь через 1 м; *Б* – фибулы, номера соответствуют нумерации в тексте и на плане городища

ваны, учитывая важность этой коллекции, здесь мы приводим дополнительные сведения о них, уточненные прорисовки и атрибуции. Все находки из раскопок А. А. Седина хранятся в Могилевском областном краеведческом музее имени Е. Р. Романова Фибулы 1–4, 6 отрисованы И. О. Гавритухиным, 5, 7, 8 – В. Е. Родинковой

1. Двучленная прогнутая подвязная (рис. 1, 1) – найдена в постройке, окружавшей площадку городища и рухнувшей во время гибели укрепления. 1987 г., квадрат В-6, пласт 3 (-55 см); № 3–27 по полевой описи.

Длина фибулы с учетом небольшой утраты – чуть более 7 см. Дужка уплощенно-треугольного сечения (2,5 × 13 мм) изогнута полуциркульно, имеет утраты, сохранились нарезки «елочкой» в ее части, примыкающей к ножке. Ножка также уплощенно-треугольного сечения расширена до 16–17 мм ближе к концу, имеет утраты, близ ее конца сохранилось ее украшение, аналогичное украшению дужки; приемник и завязка, крепящая приемник к корпусу, утрачены. От пружинящего устройства сохранились часть иглы, пружины, оси для крепления пружины к корпусу. Ось крепится с помощью широкого кольца, загнутого на внешнюю сторону корпуса. Всё сделано из железа.

Эта застежка была отнесена И. О. Гавритухиным (2010. С. 51–52) к subgroup византийских фибул. Им указаны ее аналогии в Среднем Подунавье и Среднем Поднепровье, датированные в рамках VI – 3-й четверти VII в.

2. Пальчатая (рис. 1, 2) – найдена за пределами концентрации находок, связанных с постройкой, окружавшей площадку городища, но в зоне столбов, относящихся к ее конструкции. Стратиграфическая позиция – на границе слоя, связанного с деструкцией постройки, и песчанистого слоя с гумусными прослойками, прослеженного и на склоне. 1987 г., квадрат А-3, пласт 2 (-31 см); № 2–1 по полевой описи.

Размеры сохранившейся части фибулы – 93 × 67 мм; реконструируемая длина – не менее 130 мм, ширина – ок. 73 мм. Пластина, закрывающая пружину (т. н. головная), – полукруглая, вдоль периметра украшена высоким бордюром, внутри – двумя рельефными дугами и окаймляющей их полосой из рельефных спиральных завитков, 2 из них соединены в S-видную композицию, 1 (центральный) имеет «стержень» завитка, расположенный напротив упомянутой композиции, еще 2 завитка «стержнями» обращены друг к другу, образуя подобие валюты; между спиральями – углубленные пирамидки с треугольным основанием. 5 выступов-«пальцев» имеют вид зооморфных голов, некоторые – слегка полые; «глаза» и «ноздри» выполнены врезными линиями и точками. Дужка невысокая, в сечении треугольная, полая, на внешней стороне по бокам и по центру имеет рельефные полосы, между ними – 2 полосы из перпендикулярных им «рубчиков», напоминающих стиральную доску. Пластина, закрывающая приемник («ножка»), 5-ти или (менее вероятно) 6-угольная, по сохранившимся 4 углам – округлые выступы с углублением посередине (имитация вставок), между парами этих выступов – 2 сегментовидные рельефные композиции, дугой обращенные внутрь пластины; эти дуги и бока пластины за их пределами окаймлены высоким бордюром, внутри него – рельефная дуга у основания дужки и орнамент из спиралевидных завитков, одинарных и, вероятно, S-видных (как на головной пластине). Значительная часть этой пластины утрачена, часть – оплавлена. При-

емник сплошной, прямоугольный в сечении, загнут влево. Игла и пружина с помощью оси крепились двумя стойками, расположенными на обратной стороне пластины с «пальцами». Орнамент из завитков выполнен в кербшнитной технике, но неаккуратно, во многих местах грани сглажены.

У этой и всех описанных ниже фибул корпус изготовлен из сплава цветных металлов (анализы, произведённые А. Н. Егорьковым, готовятся к публикации); игла, пружина и ось для их крепления, там, где о них можно судить, – железные.

Ранее некоторыми исследователями определялась как принадлежащая славянским фибулам группы II, по Й. Вернеру (*Werner*, 1950), что соответствует поствосточногерманской днепровской подгруппе, по И. О. Гавритухину (*Гавритухин, Обломский*, 1996. С. 36). Однако более правильным представляется соотнесение ее с переработками восточногерманских фибул, восходящих к скандинавским образцам.

Ее ближайший аналог происходит из погр. 20 в слое III склепа 54 могильника Лучистое близ Алушты. Вторая фибула и умбоновидная подвеска из этого погребения позволяют синхронизировать комплекс с кладами круга Мартыновки, чему не противоречат прочие находки из этого и других погребений слоя III (*Айбабин, Хайрединова*, 2008. Рис. 21). Прототипы варианта Никодимово–Лучистое относятся к варианту, представленному находками из Сремской Митровицы в Среднем Подунавье и Градца (Великой Стрмицы) в Словении (Античко, 1994. № 313; *Knific, Bitenc*, 2008. Fig. 1, 4), относимыми к фазе D3 (по Я. Тейралу и Ф. Бирбрауеру), т. е. 2-й половине V в. Дата основного периода накопления и сокрытия кладов круга Мартыновки – ок. 2–3 четвертей VII в. (*Гавритухин, Обломский*, 1996; см. также о фибуле № 4). Это определяет верхнюю хронологическую границу рассматриваемой серии. Учитывая, что переходные звенья от явных прототипов к варианту Никодимово–Лучистое не известны, вопрос о нижней хронологической границе этого варианта остается открытым.

3. Пальчатая (рис. 2, 3) – найдена в насыщенном углем слое, по-видимому, связанным с деструкцией постройки, окружавшей площадку городища. 1991 г., раскоп 2, квадрат А-3, пласт 2 (-24 см); № 34 полевой описи.

Длина фибулы с учетом небольшой утраты – около 55 мм, максимальная ширина – 22,5 мм. Головная пластина полукруглая. 5 «пальцев» имеют вид «грибков» на основании, перпендикулярном «ножке». Дужка короткая, слабо выгнутая, 5-угольного сечения. «Ножка» 5-угольная; по бокам – пара крючковидных и пара жаловидных выступов, на конце – довольно массивный лопатковидный выступ треугольного сечения. Корпус гладкий, по краю имеет скос, орнаментирован лишь 3 валиками при переходе ножки в ее окончание. Приемник – сплошной, сегментовидный в сечении, загнут вправо; от него к концу ножки идет «ребро жесткости». Игла обернута вокруг оси, создавался ли пружинящий эффект шарнирной конструкцией или (более вероятно) игла легко двигалась по оси – не ясно (аналогичная конструкция на фибуле № 4); ось крепилась на 2 стойки, расположенные на обратной стороне головной пластины.

Принадлежит славянской группе I по Вернеру, или поствосточногерманской днестро-дунайской подгруппе по Гавритухину (1991. С. 127), типу IN, выделенному Гавритухиным подтипу «гладкие» (без рельефного орнамен-

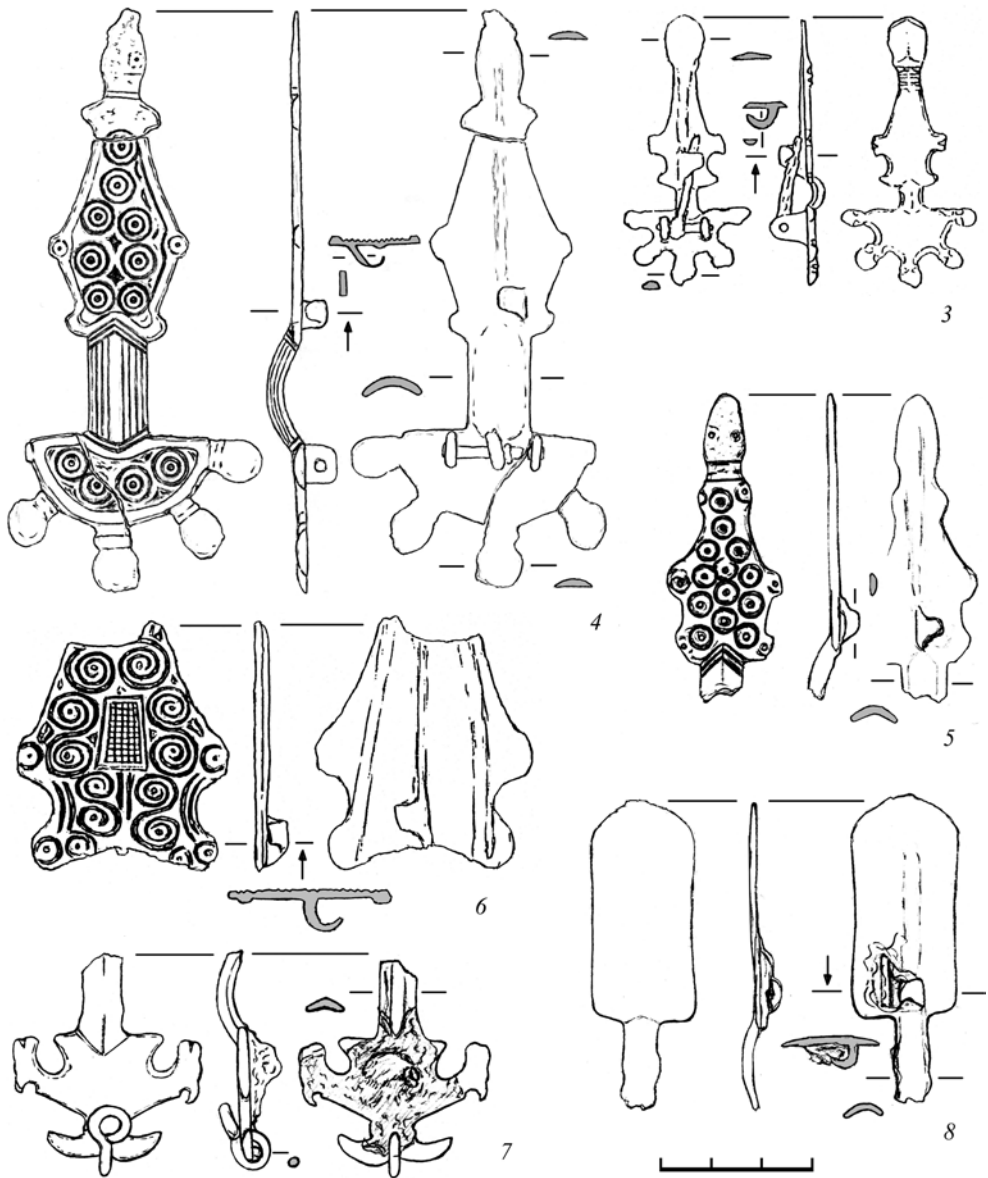

Рис. 2. Фибулы из Никодимова.

Номера соответствуют нумерации в тексте и на плане городища (рис. 1А)

та). Пересмотр состава находок, относящихся к типу ИН, был предложен Ф. Куртой (*Curta*, 2004), ссылающимся на то, что древние мастера могли комбинировать детали, а «типы» являются конструкцией современных исследователей. Однако сам Ф. Курта активно пользуется понятием «тип». В новых исследованиях типа ИН новации Ф. Курты были справедливо отвергнуты (см., например: *Родинкова*, 2010. С. 285–287, 275, 276; там дополнения к списку находок).

Рассматриваемая фибула не вписывается ни в одно из выделявшихся более дробных подразделений типа ИН, прежде всего, из-за жаловидных выступов в месте максимально расширения «ножки» (по форме этих выступов И. О. Гавритухиным выделялись серии, которые более точно называть блоками вариантов). Однако недавно была опубликована фибула из Тульчи (Румынская Добруджа) интересующего нас подтипа с боковыми выступами, как у никодимовской застежки (*Simon*, 2009. Fig. 1). Гладкий экземпляр с такими выступами (правда, у нее 3 пары выступов на «ножке», т. е. это фибула другого типа) найден в Львовском районе Курской области (фонды Курского областного музея археологии). Очевидно, что интересующая нас форма выступов не является случайной и позволяет в рамках подтипа гладких типа ИН выделить блок вариантов Г (следуя номенклатуре И. О. Гавритухина).

В узко датированном комплексе фибула подтипа гладких типа ИН встречается лишь однажды – в погр. 113 могильника Братей 3 с пряжкой типа Сучидава середины – 2-й половины VI в. (*Bârzu*, 2010. Taf. 19; S. 109). Неоднократно такие фибулы найдены на памятниках пражской культуры фазы 3, датируемой всеми специалистами в рамках VII в. Попытка Ф. Курты предложить узкую дату для ряда погребений основана на единичных аналогиях, что, конечно, не может заменить систематического изучения хроноиндикаторов. Таким образом, дата типа ИН может быть определена в рамках середины VI – VII в., судя по всему, ближе к середине этого отрезка или исключая его раннюю часть, учитывая длительность бытования фибул рассматриваемой подгруппы (*Гавритухин*, 1991; *Родинкова*, 2010. С. 266).

4. Пальчатая (рис. 2, 4) – найдена вне скоплений вещей, но в слое, примыкающем к внутренней стороне постройки, окружавшей площадку городища. 1992 г., раскоп 1, квадрат А-3, глубина – 75 см; № 70 полевой описи.

Длина фибулы с учетом небольшой утраты – ок. 107 мм, максимальная ширина – ок. 55 мм. Головная пластина полукруглая; по краю окружена бордюром, внутри украшена 4 композициями из 2 вписанных одна в другую окружностей с точкой посередине (т. н. птичий глаз) и углубленными пирамидками с треугольным основанием. 5 «пальцев» (1 утрачен) имеют вид кругов на «манжете». Дужка невысокая, полая, сечение – в виде дуги; украшена врезными линиями, идущими параллельно вдоль боков дужки и «елочкой» у ее основания. «Ножка» 6-угольная; по углам – 2 пары крючковидных и (между ними) пара полукруглых выступов, на конце – выступ в виде зооморфной головки; окаймлена бордюром, возвышающимся над «полем» пластины, украшенным циркульным орнаментом как на головной пластине и углубленными пирамидками с 4-угольным основанием (композиция чуть сдвинута от оси симметрии, с одного края дополнена углублениями вдоль борта, напоминающими сегмент циркульного орнамента),

циркульным орнаментом с одной окружностью на средней паре выступов, выступах у окончания ножки и зооморфном выступе, двумя врезными линиями, отделяющими окончание «ножки». Приемник сплошной, прямоугольный в сечении, загнут влево; от него к концу ножки идет «ребро жесткости». Игла (большая часть утрачена) обернута вокруг оси, так же, как на фибуле № 3; ось крепилась 2 стойками, расположенными на обратной стороне головной пластины.

Принадлежит славянской группе П, по Й. Вернеру (поствосточногерманской днепровской подгруппе, по И. О. Гавритухину), типу ПС, по схеме Й. Вернера, модифицированной И. О. Гавритухиным (*Гавритухин, Обломский*, 1996. С. 36–38). Этот тип – один из наиболее гетерогенных в данной подгруппе; никодимовский экземпляр имеет ближайшие аналогии в Юго-Западном Крыму (Там же, 1996. С. 37). Одна из них найдена в погр. 6 склепа 257 Эски-Кермена с подвеской из половинки солида 629/630–641 гг. (*Айбабин, Хайрединова*, 2008. С. 59–61). А. И. Айбабин и Э. А. Хайрединова (2008. С. 57, № 18; 59, № 17) датируют все днепровские пальчатые фибулы с циркульным орнаментом, найденные в Крыму, VII в. По И. О. Гавритухину, основной период накопления кладов круга Мартыновского, в которых такие фибулы неоднократно встречены, относится ко 2–3 четвертям VII в., хотя ряд типов происходящих оттуда вещей появился раньше (*Гавритухин, Обломский*, 1996). Такой датировки мы придерживаемся и сейчас.

Многие исследователи датируют упомянутые днепровские клады и крымские комплексы с аналогичными вещами не позднее 1-й половины VII в. Аргументация сводится к указанию на находки ряда типов вещей в комплексах, датированных до 2-й половины VII в. Отметим, что такая методика является не актуальной, поскольку для опорных в данном вопросе крымских материалов давно построено несколько вариантов хронологической шкалы. Дискуссия на современном уровне может вестись об отнесении к тому или другому периоду отдельных комплексов или корректировке календарных дат периодов.

5. Пальчатая или с каймой в виде птичьих голов, (рис. 2, 5) – найдена между основным раскопом и участком раскопа 1986 г., судя по всему, связана с постройкой, окружавшей площадку городища. Раскопки 1987 г., № 1 полевой описи.

Размеры сохранившейся части фибулы – 61 × 22,5 мм. Сохранились часть дужки и «ножка». Она 6-угольная; по углам – 3 пары округлых выступов, на конце – выступ в виде зооморфной головки. Украшена циркульным орнаментом в одну окружность, 3-мя врезными линиями, отделяющими зооморфный выступ. Приемник сплошной, сегментовидный в сечении, загнут вправо; от него по оси симметрии ножки идет «ребро жесткости». Дужка полая, в сечении близка треугольнику со сглаженными углами; у основания украшена «елочкой» из врезных линий.

«Ножка» фибулы, аналогичная рассматриваемой, могла принадлежать пальчатой фибуле того же типа, что и № 4. Однако такие застежки, как правило, крупнее, отличаются пропорциями и другими деталями. Зато очень близкие по основным показательным параметрам и деталям ножки известны у ряда фибул с каймой из изображений птичьих головок. В неопубликованной работе И. О. Гавритухина и И. Р. Ахмедова они выделены в особый вариант, названный

В. Е. Родинковой (2004. С. 233, 235) вариантом Майорка. Особенно близка никодимовской фибуле находка из Кузьминского могильника в Поочье, судя по всему, привозная из Поднепровья (Родинкова, 2004. Рис. 1, 41–43; 2, IX). Еще одна фибула этого варианта происходит из Шедиево на Полтавщине (благодарим за информацию Я. В. Володарца-Урбановича). Дата днепровских фибул с каймой определяется в рамках 1-й половины – 3-й четверти VII в., причем вариант Майорка относится к одному из типологически поздних (Родинкова, 2004. С. 235, 237–239; см. также заметки в связи с фибулой № 4).

6. Пальчатая или с каймой в виде птичьих голов, (рис. 2, 6) – найдена в скоплении вещей в постройке, окружавшей площадку городища, там же найдена фибула № 7. 1987 г., квадрат Б-8, пласт 3 (-60 см); № 62 по полевой описи.

Сохранилась лишь часть «ножки» (50 × 42 мм). Она 6- или 5-угольная; по бокам сохранились 2 пары округлых выступов, между которыми бока пластины прогнуты. Украшена композицией из углубленного спирального, в основном S-видного, орнамента; циркульным орнаментом в одну окружность – на выступах, парами дуговидных (между выступами) и прямых (по оси симметрии) линий, «сетчатым» орнаментом из врезных линий, вписанным в высокую трапецию, – в центральной части пластины; 3-угольными углублениями, заполняющими оставшееся пространство. Приемник сплошной, прямоугольный в сечении, загнут влево; от него по оси симметрии ножки и вдоль ее боков идут три «ребра жесткости».

«Ножка» фибулы, аналогичная рассматриваемой, могла принадлежать пальчатой фибуле типа IA/V той же подгруппы, что № 4, или фибуле с каймой в виде птичьих головок серии А, по В. Е. Родинковой (2004. Рис. 1: 1). Среди фибул с каймой, близких рассматриваемой находке, по публикациям нам известен лишь 1 экземпляр из Швеции, к тому же отличающийся наличием не S-видного, а циркульного орнамента. Пальчатые фибулы типа IA/V по всем значимым признакам близки интересующему нас фрагменту, весьма многочисленны (хотя типологически очень монолитны), известны сравнительно недалеко от Никодимово (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 37, 38). Скорее всего, рассматриваемый фрагмент принадлежал фибуле именно этого типа. Его датировка существенно не отличается от датировки фибулы № 4.

7. Антропозооморфная (рис. 2, 7) – найдена в скоплении вещей в постройке, окружавшей площадку городища, как и фибула № 6. 1987 г., квадрат Б-8, пласт 3 (-58 см); № 60 по полевой описи.

Размеры сохранившейся части фибулы – 61 × 22 мм. Головная пластина 3-угольная, с парой выступов в виде шеи и головы павлина по бокам пластины, парой крючковидных выступов, повернутых от угла пластины в разные стороны. От основания крючковидных выступов с обратной стороны пластины идет округлый в сечении дрот, загнутый к передней части пластины и образующий петлю. Края пластины скошены. Дужка слегка полая, 3-угольная в сечении. Пружинящий механизм скрыт железной накипью.

Принадлежит славянской группе III по Вернеру, или подгруппе антропозооморфных группы фибул с выступами на пластинах, по недавним разработкам Гавритухина. В. Е. Родинкова по своей типологической схеме отнесла рассматриваемую вещь к подгруппе простых антропозооморфных (Родинкова, 2006.

Рис. 2, 5; С. 47). Такие фибулы распространены главным образом в Среднем Поднепровье и Крыму, датируются 1-й половиной – 3-й четвертью VII в. (Родинкова, 2006; см. также заметки в связи с фибулой № 4). На этом фоне рассматриваемая пластина из Никодимово выделяется крючковидными выступами, встречающимися у фибул типа I.1, по В. Е. Родинковой. Опубликованы 3 такие застежки из Поднепровья (в т. ч. из клада в Трубчевске, сравнительно недалеко от Никодимово) и 1 с южного побережья Крыма (Родинкова, 2006. Рис. 2; 6; 10; 13; 28).

8. Антропозооморфная (рис. 2, 8) – найдена в скоплении углей в темно-сером слое, примыкающем к постройке, окружавшей площадку городища. 1990 г., раскоп 1, квадрат Д-6, глубина -38 см; № 46 по полевой описи.

Сохранилась лопатковидная, слегка покатая по внешней стороне «ножка» и значительная часть дужки (общие размеры – 60 × 21 мм). Приемник – сплошной, загнут влево; от него по оси симметрии ножки идет «ребро жесткости». Дужка полая, в сечении дуговидная.

Принадлежит той же подгруппе, что № 7. В. Е. Родинкова (2006. Рис. 2, 8; С. 47) отнесла ее к типу I.2. Ареал и датировка таких фибул аналогичны тем, что у фибулы № 7, правда, дата появления фибул с «ножкой», аналогичной рассматриваемой, остается не ясной (Родинкова, 2006).

Общие замечания. 4 никодимовские фибулы (№ 1, 5–7) найдены внутри постройки, окружавшей площадку городища и рухнувшей во время гибели укрепления, 2 (№ 3, 8) – в слое, связанном с пожаром этой постройки. Фибула № 4 происходит из слоя, примыкающего к постройке, и близка перечисленным фибулам по времени. Фибула № 2 связана со слоем функционирования этой постройки или чуть более ранним. Эта находка имеет следы пребывания в огне, причем слой пожара на этом участке зафиксирован лишь один – связанный с гибелью городища. Впрочем, она могла побывать в огне и в другом месте, тогда возможно ее соотношение с периодом строительства постройки или с близким к нему временем.

Дата пожара, как видно из атрибуции фибул, относится к периоду выпадения кладов круга Мартыновского. Очень близок ассортименту этих кладов и набор никодимовских фибул, что свидетельствует о культурной близости населения. Судя по всему, пожар в Никодимово и на ряде других городищ Восточной Белоруссии связан с теми же событиями, что выпадение кладов и ряд других потрясений, охвативших многие регионы Восточной Европы (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 147).

Парных фибул среди находок нет, но из 6 фибул с сохранившимся пластинчатым приемником у двух он загнут вправо, у четырех – влево. О. А. Щеглова справедливо отметила, что разный загиб приемника у одинаковых фибул из кладов круга Мартыновского свидетельствует о том, что они составляли пару и в уборе, размещаясь по разным сторонам тела. Конечно, это не значит, что фибулы из Никодимово следует группировать в комплекты, но можно считать аргументом в пользу того, что убор из парных фибул был не чужд и «никодимовскому» населению.

Из 8 фибул лишь 1 целая (№ 3) и 1 (железная очень плохой сохранности, № 1) могла быть целой, остальные – имеют существенные утраты или разлома-

ны (№ 4), судя по патине на сломках, еще в древности. По-видимому, даже эти нефункциональные вещи были ценны для «никодимовцев», причем они найдены в разных частях городища, и нет оснований, чтобы все эти обломки связывать с ломом, который копил мастер или торговец, а эта группа населения, судя по другим находкам, среди «некодимовцев» была.

Обращают на себя внимание пальчатые фибулы № 3 и 4, которые имеют одинаковую конструкцию пружинящего механизма. Хотя типологически они относятся к разным подгруппам, вполне вероятно их изготовление (как минимум – ремонт) одним мастером или кругом мастеров. Вполне вероятно отнесение к этому кругу также фибул № 5 и 8, от которых сохранились обломки, нельзя исключить, что и других.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.*, 2008. Могильник у с. Лучистое. Т. 1. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина. 336 с.
- Антично сребро у Србији, 1994. Ред. И. Поповић. Београд: Народни музеј Београд, 384 с.
- Гавритухин И. О.*, 1991. Пальчатые фибулы пражских памятников Приднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / Ред. А. П. Абрамов [и др.]. М.: Государственный музей искусства народов Востока; Московский археологический информационный центр. С. 127–141.
- Гавритухин И. О.*, 2010. Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э.: Проблемы и материалы / Ред. И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 35–89.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М.*, 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН. 296 с.
- Родинкова В. Е.*, 2004. Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье / Ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб: Петербургское Востоковедение. С. 233–243.
- Родинкова В. Е.*, 2006. К вопросу о типологическом развитии антропологоморфных фибул (простые формы) // РА. № 3. С. 41–51.
- Родинкова В. Е.*, 2010. Пальчатые фибулы Южного Побужья // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э.: Проблемы и материалы / Ред. И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 261–276.
- Седин А. А.*, 2001. Нікадзімава // Археалогія Беларусі. Энциклапедыя ў двух т. Т. 2. Мінск: Беларуская Энциклапедыя імя Пятруся Броўкі. С. 133–134.
- Bârzu L.*, 2010. Ein gepidisches Denkmal aus Siebenbürgen. Das Gräberfeld nr. 3 von Bratei. Cluj-Napoca; Bisrița: Accent. 416 S.
- Curta F.*, 2004. Werner's class IH of «slavic» bow fibulae revised // *Archaeologica Bulgarica*. VIII–1. P. 59–78.
- Knific. T., Bitenc P.*, 2008. Oggetti di origine ostrogota e ceramiche domestiche di epoca rinvenute in Slovenia // *Goti dall'Oriente alle Alpi* / Dir.: M. Buora, L. Villa. Trieste: Editretg sas. P. 98–108.
- Simon G.*, 2009. Un nouveau groupe des fibules digitales découvertes dans region Dobroudja // *Studia antiquae et mediaevalia*. Miscelanea in honorem annos LXXV peragentis Professor Dan Gh. Teodor oblate / Ed. D. Aparaschivei. București: Editura Academiei Române. P. 411–419.
- Werner J.*, 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // *Reinecke Festschrift zum 75. Geburtstag von Paul Reinecke am 25. September 1947* / Hrsg.: G. Behrens, J. Werner. Mainz: E. Schneider Verlag. S. 150–172.

Сведения об авторах

Гавритухин Игорь Олегович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: gavitukhin@rambler.ru.

Седин Анатолий Алексеевич, Могилевский областной краеведческий музей им. Е. Р. Романова, пл. Славы, 1, Могилев, 212030, Беларусь; e-mail: kraimog@list.ru.

I. O. Gavritukhin, A. A. Sedin

Fibulae from fortified settlement Nikodimovo

Abstract. The article is devoted to the publication of 8 fibulae from the fortified settlement Nikodimovo (Byelorussia). The published collection is the most significant one known from from Early Slavic sites (but for hoards). Circumstances of the discovery are accompanied by precisely executed drawings and information on the finds' cultural attribution. Seven fibulae (except No. 2), but probably all of them are related with the episode of the settlement destruction in the 2nd or 3rd quarter of the 7th c.

Key words: bow fibulae, anthropo-zoomorphic fibulae, Byzantine fibulae, Dnieper basin, 7th century.

About the authors

Gavritukhin Igor O., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: gavitukhin@rambler.ru.

Sedin Anatoliy A., E. R. Romanov Magilyou Regional Museum of Local History, pl. Slavy, 1, Magilyou, 212030, Republic of Belarus; e-mail: kraimog@list.ru.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

А. В. Чернецов

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ. ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Резюме. Коллективная плановая тема «Материальная и духовная культура городского и сельского населения Восточной Европы по данным археологии. Динамика трансформаций» включает комплексное историко-археологическое изучение соответствующей проблематики, включающее как полевые, так и аналитические исследования. Она предполагает проведение значительных полевых исследований, раскопки крупных и малых городских центров, сельских поселений и могильников. Планируется исследование макро- и микрорегиональных поселенческих структур, процессов миграции и колонизации.

Ключевые слова: Восточная Европа, Средневековье, материальная и духовная культура городского и сельского населения, археология, динамика трансформаций, перспективы изучения

Коллективная плановая тема значительной части сотрудников отдела славяно-русской археологии сформулирована как «Материальная и духовная культура городского и сельского населения Восточной Европы по данным археологии. Динамика трансформаций». Значительная часть публикаций, помещенных в этом выпуске, отражает их работу над индивидуальными заданиями, объединяемыми указанной проблематикой. Как руководитель коллективной темы, я счел целесообразным высказать ряд соображений о правомерности постановки подобной проблемы, и о том, насколько реалистичны попытки существенно продвигания в данном направлении.

Заявленная тема может показаться неоправданно широкой и ориентированной на изучение разнородных материалов, имеющих не слишком много точек соприкосновения, необходимых для сравнительного изучения и прослеживания общих закономерностей.

В последние десятилетия изучение городских центров, с одной стороны, и сельских памятников и образуемых ими структур, с другой, обнаруживают явную тенденцию к обособлению. Между тем возникновение междисциплинарных и ведомственных барьеров между этими научными направлениями чревато ощутимыми потерями в плане перспектив изучения масштабных исторических процессов.

Как бы ни было велико военно-политическое, экономическое и этнокультурное значение средневековых городских центров, роль сельских поселений и их обитателей в обществе той эпохи, носившем ярко выраженный аграрный характер, не может и не должна оставаться недооцененной. Вплоть до первых послевоенных десятилетий изучение средневековых городов с их яркой и разнообразной материальной культурой, безусловно, доминировало в археологических исследованиях памятников эпохи. Существование традиционной для многих научных мероприятий рубрики «Город и его округа» лишь отчасти компенсировало существовавшую диспропорцию. Средневековое сельское население изучалось преимущественно по материалам могильников. Недостаточный интерес специалистов к рядовым аграрным поселениям был обусловлен бедностью материалов.

Несмотря на ряд попыток обращения к археологическому изучению аграрной истории Средневековья, связанных с марксистским тезисом о примате экономики, изучение сельских поселений и образуемых ими структур долгое время не имело возможности выходить на уровень сколько-нибудь широких обобщений. Главной причиной этого была недостаточная археологическая обследованность территории нашей страны, как в целом, так и в пределах отдельных микрорегионов.

Поселенческая археология древнерусского времени впервые предстала в известной монографии В. В. Седова (*Седов*, 1960), посвященной памятникам Смоленщины. Это был удачный опыт системного изучения поселенческих структур в рамках достаточно обширного региона. Дальнейшие успешные попытки продвинуться в данном направлении начали предприниматься лишь спустя четверть столетия.

За последние десятилетия XX в. и первые – XXI-го ситуация значительно изменилась в лучшую сторону. Это улучшение обусловлено как простым накоплением материалов, связанным с обследованием и каталогизацией памятников различных регионов страны, так и с крупными исследовательскими проектами по целенаправленному изучению некоторых из них. Это масштабные работы Н. А. Макарова и возглавляемых им коллективов в Онежско-Сухонском регионе (в настоящее время продолженные С. Д. Захаровым) – (*Макаров*, 1997; *Макаров и др.*, 2009), а затем в Суздальском ополье; исследования С. З. Чернова (*Чернов*, 1987) и Н. А. Кренке в Подмоскovie. Эти работы, по сравнению с исследованиями В. В. Седова, отмечены более выраженными междисциплинарным характером, широким использованием методик естественных наук, выходом на проблематику палеоэкологии и исторического ландшафтоведения. Ряд фактически смыкающихся между собой детально обследованных микрорегионов центральной части Рязанской земли дают достаточно представительную картину для весьма значительной территории. Подробно изучены поселенческие структуры Поволховья и Приильменя, значительной части Псковской, Тверской и некоторых других областей. За пределами нашей страны сплошному изучению подверглись значительные территории киевского Поднепровья и Черниговщины. Предпринимались попытки обобщения материалов по сельским поселениям Белоруссии (Я. Г. Риер). В общем русле ареальных исследований находят свое место многолетние работы Ю. Ю. Моргунова по изучению

цепочки крепостей на русско-половецком пограничье. Совокупность полученных данных открывает перспективы обобщений общедревнерусского масштаба. Вместе с тем, различные цели, ставившиеся перед собой исследователями, и отличия использовавшихся ими методических подходов затрудняет осмысление полученных данных.

Историческое значение сети крупных и малых городских центров средневековой Восточной Европы может быть в полной мере уяснено только в связи с изучением аграрных поселенческих структур. Эта увязка становится возможной и начинает приобретать конкретные очертания только в наше время. Именно комплексное изучение структурированной сети разнотипных населенных пунктов открывает возможность для уяснения динамики процессов этнокультурных и социально-политических трансформаций средневековой Восточной Европы. Для Древней Руси это процессы перехода от образований эпохи родоплеменного строя (так называемых «летописных племен») к крупным землям-княжениям XII–XIII вв., и затем, через период феодальной раздробленности, к формированию крупных государств, народностям, нациям и этно-диалектным группировкам позднего Средневековья – Нового времени. В этих процессах имела место не простая однолинейная преемственность, а перегруппировки и перетасовки значительных масс населения. Именно в этих трансформациях я склонен видеть основное содержание исторического процесса, причем скорее не в его социально-политических, а в этнокультурных составляющих.

Обращаясь к вопросу о динамике трансформаций, включенному в название коллективной темы, мы, на первый взгляд, вступаем в область довольно неопределенную, трудную для изучения и объективной оценки. Необходимо отметить, что эта динамика наиболее наглядно отражена именно в археологическом материале. Каждому археологу хорошо известно, что древности XI – начала XII в., по сравнению с эпохой распада Киевской Руси на ряд крупных земель-княжений, сильно отличаются от последних своими архаичной и относительной бедностью материальной культуры. Если мы обратимся к более раннему периоду – к эпохе становления Древнерусского государства (IX–X вв.), то мы опять-таки столкнемся с весьма значительными различиями. Свою значительную специфику имеют и древности VII–VIII вв.; материальная культура кануна монгольского нашествия сильно меняется после этого драматического события. Вместо плавной эволюции археологи имеют дело со скачкообразным движением исторического процесса. Наряду с изменениями вещного мира материальной культуры менялись и направленность хозяйства, типы поселенческих структур. Если в домонгольское время безраздельно господствовал приречный тип поселений, то в позднейшие эпохи он оттесняется на второй план иным, водораздельным.

В настоящее время перед исследователями стоит задача не столько выявить следы трансформаций, сколько уточнять их датировки, объяснять причины их появления, проследить вызываемые ими последствия.

Нельзя сказать, что специальные разработки в области хронологии имеют значительное распространение в среде современных археологов-славистов. В то же время, как правило, каждый ученый, изучающий отдельный памятник или группу памятников, те или иные категории материальной культуры,

исследует их в историческом развитии, динамике. Типологией и хронологией наиболее массового археологического материала – керамики – в нашем отделе постоянно и активно занимаются В. Ю. Коваль и И. Ю. Стрикалов (*Стрикалов, 2006*), причем к датирующим признакам этого материала постоянно обращаются многие другие сотрудники. Для археологической хронологии очень важна классификация и типология быстро изменявшихся женских украшений. С этими категориями активно работают Н. В. Жилина (*Жилина, 2010*) и И. Е. Зайцева (*Зайцева, Сарачева, 2011*). И. Н. Кузина занимается систематизацией одной из наиболее распространенных категорий украшений – стеклянных бус. В принципе любая крупная публикация, любой каталог находок представляет собой важный вклад в археологическую хронологию.

Важнейшим материалом для изучения хронологии средневековых древностей являются многослойные крупные городские центры. Исполнители плановой темы принимают участие в археологическом исследовании Старой Рязани, Ростова Великого, Владимира, Смоленска и других городов. Особенно важным в плане разработки хронологии представляется участие сотрудников Института в археологическом исследовании Новгорода, где, благодаря прекрасной сохранности дерева в культурном слое, стратиграфические наблюдения могут быть соотнесены с абсолютными дендрохронологическими датами. Хронологическая шкала Новгорода широко используется для датировки древностей русского Северо-Запада (работы Ю. М. Лесмана); они имеют важнейшее значение для датировки всех средневековых русских древностей. Наряду с археологическим вещеведением и дендродатами для обоснования датировок новгородских древностей большое значение имеет стратиграфия (в частности, ярусология). Важный вклад в разработку и уточнение новгородской хронологии связан с работами Н. Н. Фараджевой, занимающейся, в частности, идентификацией построек, части которых исследованы на смежных участках, раскапывавшихся в разное время на крупнейшем из новгородских раскопов (Троицком). Ясно, что подобная идентификация обеспечивает надежное распределение сооружений и находок по ярусам.

Систематическое рассмотрение археологических материалов древнерусских городов в контексте окружающих их поселенческих структур может послужить основой для обновленной концептуальной модели истории средневековой Руси. В предварительном виде эта модель была опубликована автором в сборнике «Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур» (*Чернецов, 2012*). Преимущественное внимание, уделенное древнерусским материалам, в частности, связанным с Рязанским княжеством, объясняется многолетним полевым и кабинетным опытом автора, занимавшимся этой проблематикой. Наряду с древнерусскими материалами коллективная тема предполагает также обращение к иным материалам восточноевропейского происхождения. Отражение более специальных сюжетов и разработок читатель может найти в ряде публикаций этого выпуска.

ЛИТЕРАТУРА

- Жилина Н. В., 2010. История древнерусского металлического убора IX–XIII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: материалы международной науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной / [Ред.-сост. А. А. Пескова и др.]. СПб.: Нестор-История. С. 175–199.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М.: Индрик. 404 с.
- Стрикалов И. Ю., 2006. Керамика Рязанской земли XI–XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 30 с.
- Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.: Науч.-изд. центр «Скрипторий». 368 с.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., Зайцева И. Е., Бужилова А. П. и др., 2009. Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / Отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. М.: Наука. 230 с.
- Седов В. В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М.: Наука. 158 с. (МИА; № 92).
- Чернецов А. В., 2012. Древнерусский город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур: [материалы конф.] / [отв. ред. Л. А. Беляев]. Рязань: Изд-во РИАМЗ. С. 6–15.
- Чернов С. З., 1987. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества). М.: НИИТЭхим. 161 с.

Сведения об авторе

Чернецов Алексей Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: avchernets@yandex.ru.

A. V. Chernetsov

East European Middle Ages according to the archaeological data.
Dynamics of transformations and investigational prospects

Abstract. The paper characterizes the joint project in progress in the Department of Slavic and Russian archaeology, Institute of Archaeology, RAS. The project “Material and spiritual culture of the urban and rural population of Eastern Europe according to the archaeological data. Dynamics of transformations” presupposes complex historical-archaeological research of the related problems, including both field investigations and analytical studies. The program includes wide-scale excavations of major and minor urban centres, rural dwelling sites and cemeteries. Investigation of macro- and microregional settling models, migration processes and colonization is also planned.

Key words: Eastern Europe, Middle Ages, material and spiritual culture, urban and rural population, archaeology, dynamics of transformations, investigational prospects.

About the author

Chernetsov Aleksey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: avchernets@yandex.ru.

В. Ю. Коваль

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУССКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ

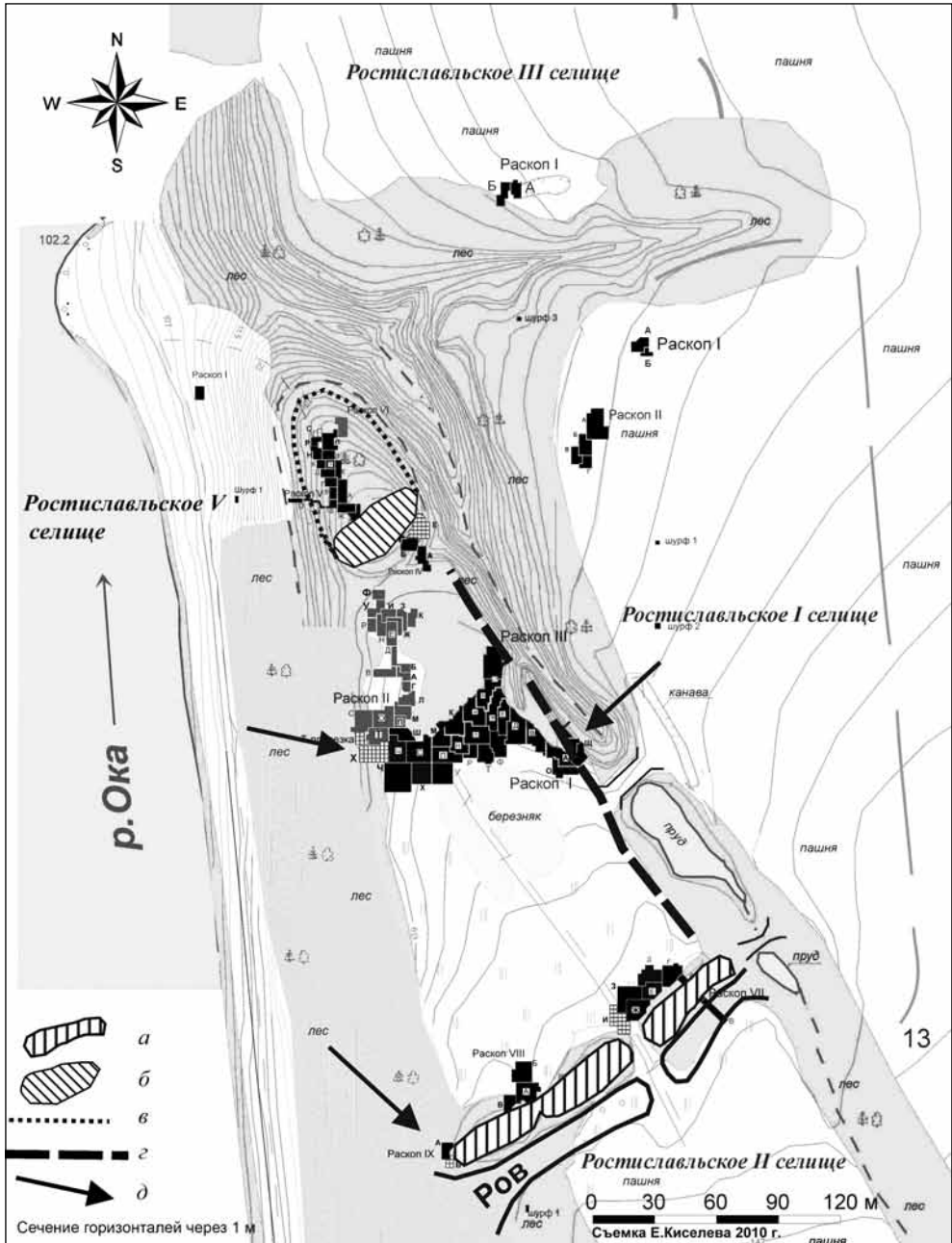
Резюме. Археологические исследования объектов фортификации на городище Ростиславля Рязанского (древнерусского города на берегах р. Оки в пределах Московской области) позволили установить особенности этих древо-земляных конструкций XIII–XIV вв. и предложить ряд методических норм, выполнение которых позволяет получать качественную информацию о древних фортификационных сооружениях, включавших деревянные конструкции, обычно не сохраняющиеся в культурном слое, но оставляющие четко фиксируемые следы

Ключевые слова: фортификация, древо-земляные стены, методика, фиксация, средневековая Русь

Ростиславль Рязанский – один из «малых городов» Рязанского княжества XII–XVI вв., размещавшийся на его северо-западном рубеже, на правом берегу р. Оки, и относившийся к числу типичных мысовых городищ. Ныне это объект археологического наследия федерального значения, который размещается на территории Озерского района Московской области.

В ходе раскопок прошлых лет здесь была проведена прорезка вала и рва, отделявших треугольную площадку детинца площадью 2,5 га, размещавшуюся на мысу высотой 35–42 м (между р. Окой и глубоким оврагом, впадающим в нее), и небольшого по площади узла фортификации на оконечности мыса, а также прослежены остатки укреплений, реконструируемых в виде стены из полых клетей, проходивших вдоль длинной стороны площадки, обращенной к упомянутому оврагу. Исследования другой стороны детинца, обращенной к Оке, не дали определенных результатов, поскольку никаких следов фортификации тут не обнаружено. Возможно, здесь проходила легкая ограда столбовой конструкции, следы которой либо не сохранились из-за эрозии склона, либо находятся на самом склоне, который ныне зарос лесом и пока не может быть соответствующим образом исследован (рис. 1).

Прорезка вала и рва детинца Ростиславля (по главной линии обороны города – от склона к Оке до оврага) показала, что вал является руинами древо-земляной стены, которая пережила как минимум 3 перестройки (Коваль, 2015). Под стеной зафиксирован пахотный слой толщиной 10–15 см, перекрытый тонкой углистой прослойкой; на ней ставились городни, засыпка которых производилась почти исключительно материковым грунтом (желтым суглинком). Благодаря поплавовой фиксации планов раскопа удалось по различиям в цвете грунтов выявить следы деревянных конструкций стен, в которых древесный органический материал оказался полностью разрушен и замещен минеральным грунтом. Сопоставление разрезов вала и рва позволило получить уникальную информацию об этапах перестройки городской стены, поскольку каждому из них соответствовало расширение рва, служившего

Рис. 1. Схема городища Ростиславль с обозначением основных оборонительных сооружений
 Условные обозначения: *а* – вал детинца Ростиславля – руины древо-земляной стены; *б* – вал городища раннего железного века; *в* – граница площадки городища РЖВ (мысового узла фортификации средневекового Ростиславля); *г* – трасса восточной линии фортификации с остатками валообразной глиняной насыпи; *д* – места проведения исследований в 2013–2014 гг., упоминаемые в тексте статьи

основным источником грунта для засыпки городней, составлявших стену. Таким образом, оборонительные сооружения Ростиславля вполне вписываются в современную концепцию фортификации городов средневековой Руси, рассматривающую валы в качестве руинированных остатков древо-земляных стен (Моргунов, 2009).

Опыт исследований остатков стены Ростиславля (а также других валов эпохи средневековья и раннего железного века) позволил сделать ряд важных выводов методического плана:

1) Траншеи шириной около 3 м в целом не достаточно для понимания структуры вала. В нашем случае, только счастливый случай (траншея пришлась на несколько узлов деревянных конструкций стены) помог разобраться со структурой вала и получить планиграфические и стратиграфические данные для реконструкции стены и этапов ее перестройки. Наилучшим вариантом представляется траншея шириной 6 м. При еще большей ширине вскрытия по фронту вала необходимо оставлять бровки для получения дополнительных разрезов.

2) Прорезка вала обязательно должна сопровождаться прорезкой рва, причем ширина траншеи тут может быть не столь большой, но наиболее удобна ширина в пределах 4 м.

3) Исследования валов и рвов необходимо проводить по той же методике, что и изучение площадок поселений, т. е. путем снятия грунта пластами, с фиксацией каждого пласта. Фиксация пластов должна проводиться с момента обнаружения на зачистке малейших различий в грунтах через каждые 20 см, а в сложных планиграфических ситуациях – через 10 см.

4) Фиксироваться должны не только оба профиля траншеи, но и поперечные разрезы. Такой порядок вскрытия наиболее информативен, поскольку двух поперечных разрезов вала бывает недостаточно для максимально полного изучения его структуры.

5) Прорезка вала должна проводиться обязательно до материка на всю ширину вала и рва, а врезки в валы, т. е. частичное их исследование, крайне нежелательны, т. к. они не только не позволяют адекватно понять структуру этих сложнейших объектов, но и могут ввести в заблуждение, поскольку дают лишь усеченную стратиграфическую картину. Однако такие врезки возможны для уточнения представлений об отдельных элементах оборонительных конструкций в тех случаях, когда полный разрез их уже проведен и структура сооружения установлена.

6) Перечисленные выше методические требования касаются валов и рвов, независимо от их датировки и генезиса. То есть они применимы и к валам городищ раннего железного века, и к фортификациям Нового времени.

В ходе новых исследований на городище Ростиславль в 2013–2014 гг. (Коваль, 2014) удалось изучить край вала, выходящий на склон к р. Оке. До начала работ тут наблюдалось понижение, которое позволяло надеяться на обнаружение въезда на площадку городища. Дело в том, что по азбучным правилам фортификации, именно этот край оборонительной стены был наиболее удобен для организации въезда в город, поскольку приближаясь к нему, противник был бы обращен к стене правой стороной, не прикрытой щитом. Однако проведенное вскрытие края вала показало, что никаких следов въезда

тут не существовало¹, а понижение в руинах стены образовалось, вероятно, в ходе эрозионного разрушения вала.

Выше уже упоминалось, что восточная (обращенная к оврагу) сторона площадки детинца Ростиславля имела отдельные фортификационные сооружения. Остатки этих сооружений были впервые исследованы в 1995 и 1997 гг., что позволило впоследствии предложить их реконструкцию в виде деревянной стены из полых клетей, опиравшейся на невысокую (около 1 м) насыпь из сырой красной глины (тяжелого суглинка) и датировать ее концом XIII–XIV в. (Коваль, 2003. С. 258–266, рис. 1, 2). От клетей стены не сохранилось никаких явных следов, но в пользу именно такой реконструкции свидетельствовали два обстоятельства: 1) наличие насыщенного древесным тленом коричневого слоя, вплотную примыкавшего к насыпи и содержавшего обильный материал XIV в.; 2) связь с этим слоем нескольких ям от погребов конца XIII–XIV в., которые могли находиться внутри предполагаемых клетей, которые, следовательно, использовались в качестве жилых и хозяйственных помещений. Однако некоторые вопросы оставались не до конца ясными: а) не могла ли глиняная насыпь быть остатками присыпки с наружной стороны стены? б) какова датировка слоя под этой насыпью? в) насколько достоверна предложенная реконструкция? Для проверки старой гипотезы и получения новых данных о рассматриваемой фортификации в 2013 г. была проведена контрольная прорезка края площадки городища. Она позволила установить, что стратиграфическая ситуация была тут точно такой же, как и на прежде изученных раскопах. Только мощность насыпи на участке исследований 2013 г. оказалась несколько меньше – не более 50 см (рис. 2, на вклейке, с. 387). При этом были получены новые доказательства датировки слоя, залегавшего под насыпью, в пределах домонгольского времени (не позже середины XIII в.). Слой, залегавший под насыпью по склону оврага, продолжался и на площадке городища, причем здесь удалось зафиксировать остатки древней пашни (борозды от сошников глубиной не более 5 см), сохранившиеся на поверхности лесного подзола, составлявшего покровную часть материковых отложений. Борозды проходили параллельно краю оврага, вплотную к нему. Именно в этом пахотном слое был найден целый решетчатый трехзигзаговый перстень из сплава белого цвета, относящийся к древностям домонгольской эпохи, а также керамика характерных форм XII–XIII вв. Таким образом, грунт, на поверхности которого была возведена глиняная насыпь, представлял собой пахотный слой с материалом домонгольского времени. Очевидно, что распашка здесь проводилась до начала возведения фортификации, но установить точную дату для нее довольно сложно. Наличие подобной распашки под остатками стены Ростиславля (Гольева, 2009. С. 80–86) позволяет допускать ее проведение на протяжении XII–XIII вв., т. е. в период, когда город уже существовал. Возможно, распахивались окраинные участки усадеб, использовавшиеся под огороды. Однако нельзя исключать и того, что открытая пашня относится к более раннему времени, чем середина XII–XIII в., поскольку имеются данные о размещении на месте Ростиславля в конце X – начале XI в. небольшого славянского поселения (остатки

---

¹ Материалы этих раскопок готовятся к публикации.

подпольных ям, находки лепной керамики и обломков дирхемов саманидской чеканки). Почвоведческие исследования свидетельствуют о горизонте распашки, происходившей за 250–350 лет до строительства стены Ростиславля, т. е. соответствующей времени существования раннеславянского поселения.

Получен также ответ на вопрос о генезисе глиняной насыпи. Одинаковая ширина ленточного вала на разных участках исследований и большая плотность этого грунта позволяют исключить вариант его формирования в результате разрушения некой присыпки к деревянной стене. Стал ясен и источник поступления такого грунта, поскольку точно таким же тяжелым суглинком оказались забиты городни на западном краю стены. Очевидно, выходы именно такого грунта имелись на склоне площадки городища в месте строительства главной оборонительной стены Ростиславля.

ЛИТЕРАТУРА

- Гольева А. А., 2009. Почвенные исследования средневековых валов Дмитрова, Ярославля и Ростиславля // Археология Подмосковья. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 72–88.
- Коваль В. Ю., 2003. Детинец Ростиславля Рязанского: проблемы интерпретации и системы фортификации // Кремли России/Московский Кремль. Материалы и исследования. Т. XV. М.: ФГУ ГИКМЗ «Московский Кремль». С. 256–270.
- Коваль В. Ю., 2014. Отчет о работах Ростиславльской экспедиции в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т. 1. 116 с.
- Коваль В. Ю., 2015. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля // РА (в печати).
- Моргунов Ю. Ю., 2009. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука. 302 с.

Сведения об авторе

Коваль Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: kovaloka@mail.ru

V. Yu. Koval

Defensive constructions of Rostislavl Ryazansky in the context of research of medieval Russian fortification

Abstract. The paper discusses archaeological investigations of defensive constructions at the fortified settlement Rostislavl Ryazansky. This medieval Russian town is located in Moscow Region on the Oka River. Features of timber-earthen constructions of the 13th – 14th cc. are described. Some methodical principles are suggested aimed at obtaining detailed information on medieval fortifications that consisted of timber constructions, usually not preserved in the cultural deposits, yet leaving reliably recorded traces.

Key words: fortification, timber-earthen defensive walls, methodics, field records, Medieval Rus

About the author

Koval Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: kovaloka@mail.ru.

Ю. Ю. Моргунов

К ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛЕТОПИСНОГО ГОРОДА ГОРОШИНА

Резюме. Заметка посвящена локализации летописного города Горошина, впервые упомянутого в «Поучении» Владимира Мономаха среди событий 1084 г. Летописный пункт размещался на территории Переяславской земли на правом берегу р. Сулы, левого притока Среднего Днепра. Общепринятая локализация с городищем в современном с. Горошино на левом берегу Сулы нереальна из-за расположения летописного пункта на половецкой территории; невозможно связать летописный пункт и с позднесредневековым укреплением. Отождествлению удовлетворяет только древнерусское городище в с. Тарасовке: хронологически оно синхронно упомянутым в «Поучении» событиям, расположено в цепочке других крепостей посульской оборонительной линии, его размеры и насыщенность культурных напластований соответствуют сложившимся археологическим представлениям об остатках летописного города.

Ключевые слова: летописный город, Горошин, «Поучение» Мономаха, локализация, отождествление, крепость, городище, культурный слой, половцы, «змиевы валы»

В летописных источниках Горошин упоминается дважды. В «Поучении» Мономаха его имя содержится среди событий 1084 г. на территории Переяславской земли. Помогая княжившему в Переяславле малолетнему брату Ростиславу, он, Владимир, «Томже лѣтъ гонимом по половцѣх за Хороль, иже Горошинъ взяша». В «Списке русских городов» населенный пункт был приурочен к правому берегу р. Сулы, между городами Буромлей и Лукомлей (ПСРЛ. Т. 1. С. 248; Т. 3. С. 475; Книга, 1950. С. 108).

Упоминание сохранивших свое название поселений Нижней Сулы позволяет вчерне локализовать расположение летописного города, куда направлялся Владимир Мономах, прежде чем начать преследование половцев (рис. 1). Начиная еще со времен печенежской экспансии, через низовья реки фиксируется существование торных кочевнических путей на Переяславль и Киев. Разветвленная сеть их дорог пролегла по возвышенной степной полосе коренного левого берега Днепра, где достигала ширины 60–75 км. Созданная Владимиром Святославичем вскоре после 978 г. нижнесульская протяженная древо-земляная преграда дополнилась цепочкой открытых поселений значительных размеров (Моргунов, 2005. С. 255, 257, 259). Эту трассу поначалу использовали и половцы: нападения на Горошин и Римов синхронны началу первого этапа их активизации. Но с появлением при Всеволоде Ярославиче порубежных крепостей на Нижней Суле половецкие пути на Русь перемещались на среднее, а затем и верхнее течение реки. Приднепровскими путями пользовались и татары: по источникам XVII–XVIII вв. известно о прохождении «злодейских» и «татарских» шляхов через села Мацковцы, Тарасовку, Великую Буримку и Жовнино.

Созвучный Горошину современный топоним известен между «Буромлей» (с. Великая Буримка – летописный г. Римов) и «Лукомлей» (с. Лукомье – лето-

Рис. 1. Предположительный путь движения Владимира Мономаха через г. Горошин к р. Хорол.

Условные обозначения: *a* – летописные города; *b* – безымянные городища нижнего течения Сулы; *v* – направление движения Владимира Мономаха к летописному г. Горошину. Памятники: 1 – Тарасовка; 2 – Чутовка; 3 – Ляшовка; 4 – Кизивер

писный г. Лукомль), но на левом берегу Сулы. Городище подпрямоугольных в плане очертаний, типичных для фортификационных канонов эпохи огнестрельного оружия, известно на южной окраине с. Горошино. Памятник размещен на мысу высокого надпойменного останца, подъемный материал представлен исключительно материалами XVI–XX вв. Его отождествлению с летописным Горошином противоречит удаленность от сульских переправ и бродов: крепость не могла помешать прохождению степняков на Русь. Поэтому для них не имело смысла нападать на крепость, столь же небогатую, как и другие пограничные укрепления. Нереально и расположение летописного города на левом берегу Сулы, в то время плотно контролировавшемся половцами.

К поискам летописного Горошина, видимо, следует привлечь анализ размещения удовлетворительно изученных городищ правого берега Нижней Сулы вдоль более или менее прямого пути от Переяславля к р. Хоролу. Если исключить надежно локализованные летописные города Sneporod, Lukomlye и Rimov, безымянными остаются укрепления в с. Тарасовке и близ Чутовки. Как и другие оборонительные сооружения Посулья, они размещены на доминирующих высотах, позволявших следить за передвижениями в степи и непосредственно над удобными подъемами от твердых бродов на ровное плато.

Площадь городища у с. Чутовки насчитывает всего 0,2 га, ее существенную долю занимает обширная воронка колодца. По аэрофотосъемке выявлены и затем обследованы остатки вала окольного города площадью 16 га, но следов открытого

поселения нет. Несмотря на обилие на посаде подъемного материала, в том числе и части византийской красноглиняной амфоры с надписью XII–XIII вв., само городище слишком мало: в Южной Руси подобные укрепления не попадали на страницы летописей (Моргунов, 1990. С. 95–108). Размеры укрепления позволяют распознать его лишь в качестве сигнально-сторожевого форпоста, а защита поднимавшейся от брода узкой тропы могла возлагаться на обитателей обширного укрепленного посада. Подобные крепостицы напоминают «богатырские заставы» русских былин (Моргунов, 1990. С. 95–108). А судя по разрезу вала, защитные стены Чутовки были возведены не ранее рубежа XI–XII вв. (Моргунов, 1996. С. 107, 108).

От этого памятника резко отличается хорошо известное по многочисленным разведочным обследованиям городище в с. Тарасовка (рис. 2). Его попорченная селитроварением площадка имеет размеры до 0,6 га, не менее 0,2 га ее площади осыпалось в реку. С трех напольных сторон к городищу примыкает укрепленный посад размерами 2 га. Любопытно, что кроме посадской стены, крутой подъем от брода ограждался еще одним отрезком укреплений. За посадом размещалось обширное селище, растянувшееся от него не менее чем на 200 м к северу и югу. Культурный слой посада содержит древнерусский материал, среди которого выделяются два основных массива.

Ранний этап заселенности связан с активной жизнью на обширном открытом поселении рубежа X–XI вв., одном из сопровождавших протяженный заслон-стену эпохи Владимира Святославича. К нему относятся и находки из разрушенного погребения X–XI вв. (Мельникова, 2011. С. 345–348). В первой половине – середине XI в. произошло типичное для Посулья сокращение приграничного населения. Это связано с правобережными феодальными войнами 1013–1019 гг. и послевоенной строительной деятельностью Ярослава

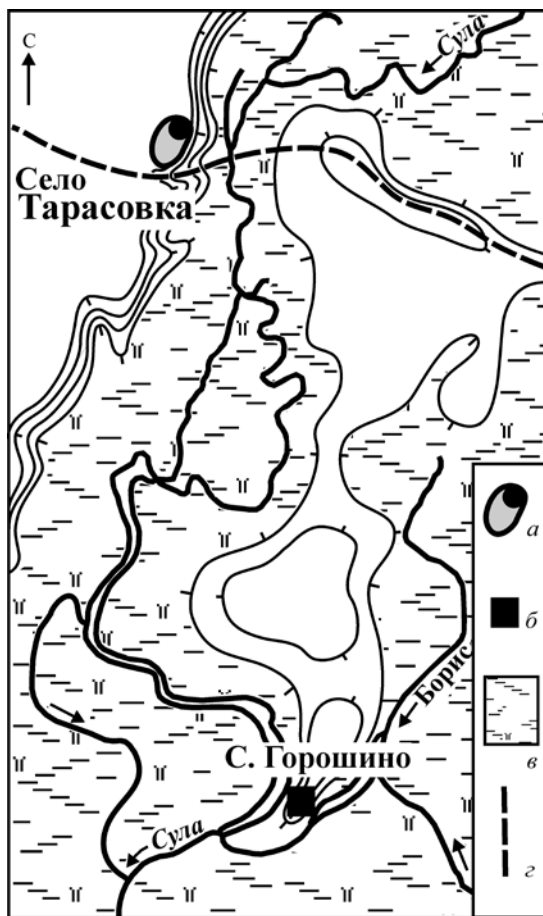

Рис. 2. Ситуационный план взаимного размещения городищ в Тарасовке и Горошино.

Условные обозначения: а – городище в с. Тарасовке; б – городище в с. Горошино; в – заболоченная пойма Сулы; г – трасса ответвления Муравьинского шляха к «горошинскому перевозу»

Владимировича. Прекращение печенежских вторжений на Левобережье вплоть до появления половецкой угрозы привело к прекращению притока населения на юг из более северных областей Руси. И потомство обитателей некогда обширных открытых поселений расходилось по более удобным для земледелия урочищам, а протяженная древо-земляная преграда ветшала, обращаясь в «змиев вал». Активизация жизни на поселении связана с созданием крепости конца XI в., а к XII – началу XIII в. относится большинство отличающегося относительным богатством подъемного материала, среди которого встречены и обломки амфор с граффити (*Моргунов*, 1996. С. 105–107).

Это городище наиболее достойно быть отождествленным с летописным Горошином. Оно лежит на прямой дороге к р. Хорол, единственное из безымянных памятников заданного района, имеющее достаточную для летописного города площадь детинца, окольного города и открытых поселений (*Моргунов*, 2012. С. 195, 196), а обилие находок свидетельствует об интенсивности хозяйственной жизни крепости.

Интересен и вопрос о вероятности переноса на левый берег ее наименования. Напротив Тарасовки простирается поросшая влаголюбивыми деревьями, кустарником и камышом заливная пойма Сулы шириной до 30 км, пронизанная цепочкой сухих всхолмлений и бродов. С востока к руслу реки прижимается обширное возвышение надпойменной террасы высотой 3–8 м и длиной до 20 км. По его северной оконечности в середине XVIII в. к Тарасовке выходил «старинный перевоз горошинский» на ответвлении Муравского шляха к зарубскому броду. В стороне от него, в 9 км к югу, размещен безопасный и удобный для проживания полуостров, омываемый Сулой и ее левым притоком, речкой Борис. Вероятно, в середине XIII в., спасаясь от нового нашествия, обитатели летописного города переселились под защиту болот с густой пойменной растительностью и унесли название летописного города на новое место, где позже было возведено и укрепление (*Моргунов*, 1989. С. 114–116).

Подобная картина типична для поселенческой структуры приграничного Посулья – на его городищах не обнаружено следов массовых пожаров периода татаро-монгольской катастрофы. Ближайшей аналогией случившегося служит археологически зафиксированное перемещение в тыл обитателей летописного Снепорода. Приближение мощной волны кочевников заставило их переселиться на окруженный лесами высокий надпойменный останец в современном с. Александровке (*Моргунов*, 2012. С. 187, 188).

ЛИТЕРАТУРА

- «Поучение» Мономаха, 2001 // ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку / Под ред. Е. Ф. Карского М.: Языки славянской культуры. С. 240–252.
- Список русских городов дальних и ближних, 2000 // ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.: Языки славянской культуры. С. 475–477.
- Книга Большому Чертежу, 1950 / Отв. ред. К. Н. Сербина. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 230 с.
- Мельникова І.*, 2011. Речовий комплекс давньоруського часу із Тарасівського городища в Посуллі // Переяславіка. Наукові записки Національного історико-етнографічного заповідника «Переяслав»:

- збірник наукових статей. Вип. 5 (7) / Гол. ред. М. І. Сікорський. Переяслав-Хмельницький: Вид-во Національного історико-етнографічного заповідника «Переяслав». С. 345–348.
- Моргунов Ю. Ю., 1989. Про місцезнаходження літописного Горошина // Тези доповідей і повідомлень першої полтавської наукової конференції з історичного краєзнавства / Под ред. В. Э. Лобурця. Полтава: Полтавська обласна організація Українського товариства охорони пам'яток історії і культури. С. 114–116.
- Моргунов Ю. Ю., 1990. Функциональное назначение пограничных городищ юго-восточной Руси // Археологические исследования на Полтавщине: сб. науч. тр. к 100-летию Полтавского краеведческого музея / Под ред. А. Б. Супруненко. Полтава: Полтавське обласне управління культури. С. 95–108.
- Моргунов Ю. Ю., 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск: Курский гос. обл. музей археологии. 160 с. (Материалы и исследования по археологии Днепропетровского Левобережья; вып. 2).
- Моргунов Ю. Ю., 2005. К проблематике изучения южнорусских змиевых валов // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука. С. 253–268.
- Моргунов Ю. Ю., 2012. Летописный город Снепород и его округа X–XIII вв. / Отв. ред. А. В. Чернецов. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ. 252 с.

Сведения об авторе

Моргунов Юрий Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: morgunovy@mail.ru.

Yu. Yu. Morgunov

Concerning identification of medieval Russian town Goroshin

Abstract. The paper identifies the medieval Russian town of Goroshin, first mentioned under the year of 1084 in “The lesson to sons” by Prince Vladimir Monomach. The town was situated in the Pereyaslavl Land on the right bank of the Sula River, a tributary of the Middle Dnieper. Commonly accepted identification with the fortified settlement in the modern village Goroshino on the Sula left bank proves to be incorrect, since in this case the town would have been situated in the territory controlled by the Polovtsi nomads. The author identifies Goroshin with the medieval fortified settlement in the village Tarasovka: its chronology matches with the events mentioned in “The lesson”, and the site enters the defensive line of fortresses along the Sula River. Also the size and repertory of finds well corresponds to the archaeological appearance of a medieval Russian town.

Key words: town Goroshin, chronicle, “The Lesson to sons” by Prince Vladimir Monomach, localization, identification, fortress, fortified settlement, cultural deposit, Polovtsi, “Dragon’s walls”

About the author

Morgunov Yuriy Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: morgunovy@mail.ru

А. Е. Леонтьев

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ У С. ЕСЬКИ В 1997 Г.

Резюме. Статья знакомит с ранее не публиковавшимися результатами раскопок древнерусского поселения второй половины VIII – начала X в. Рассмотрены стратиграфия культурного слоя, обнаруженная постройка и очаг, дана характеристика находок. Отмечена возможность выделения двух периодов в истории поселения и уточнена его хронология.

Ключевые слова: городище, стратиграфия, датирование, находки.

Археологический памятник, о котором идет речь, находится в верхнем течении р. Мологи, крупного левого притока Волги в ее верхнем течении (Бежецкий р-н Тверской обл.). Городище расположено на противоположном от села правом берегу Мологи при впадении в нее р. Осень (рис. 1). Для укрепленных поселений его местоположение необычно: на участке заливной поймы, на ровной, лишенной значимых форм рельефа местности без выхода на речной мыс. Единственными признаками археологического памятника служат невысокий вал с еле заметным рвом и локальные выходы культурного слоя в размываемом обрыве берега Осени значительно ниже современной поверхности. В современном состоянии вал скорее угадывается, чем опознается по легкому возвышению с мелкой ложбиной рва вдоль основания.

Археологические исследования городища эпизодически велись в 1970-е – 1990-е гг. (библ. см. *Леонтьев, Куцов, Сычева*. 2002. С. 142,152). В 1997 г. в рамках комплексного исследования памятника и окружающей территории был заложен раскоп площадью 64 кв. м у внутреннего подножия вала (рис. 1, А). Целью работ было уточнение стратиграфии и хронологии культурного слоя в napольной части городища (ранее все работы велись в прибрежной полосе площадки). Поверхность на месте раскопа не имела видимых повреждений с небольшим, в пределах 7 см, перепадом высот. Грунт снимался зачистками с фиксацией поверхности по пластикам толщиной 10 см. Местами практиковались промывки культурного слоя.

Выявленная стратиграфия едина для всего исследованного участка (рис. 1, Б). Под современной почвой следует серо-коричневая оглеенная супесь (пылеватый песок), в верхней части которой выделяется более светлый подпочвенный горизонт. Отсутствие контрастной границы между почвой и нижележащим грунтом свидетельствует о ненарушенности напластований – участок не распахивался и не вскапывался. Аналогичная ситуация с нижней, более темной супесью, маркирующей горизонт погребенной почвы. Залегаящий ниже культурный слой – темная, почти черная пылеватая супесь мощностью до 0,2 м, в местах понижения (постройка, ямы) до 0,39 м. Слой по большей части однороден, многочисленные включения углей не образуют стратиграфически выявляемых прослоек. Фиксация поверхности слоя показала, что, как и в современности, в период существования поселения поверхность была поката в сторону прибрежья Осени и Мологи. Граница между культурным слоем и материком не контрастна, постепенна. Отсутствие погребенной почвы показывает, что поселение

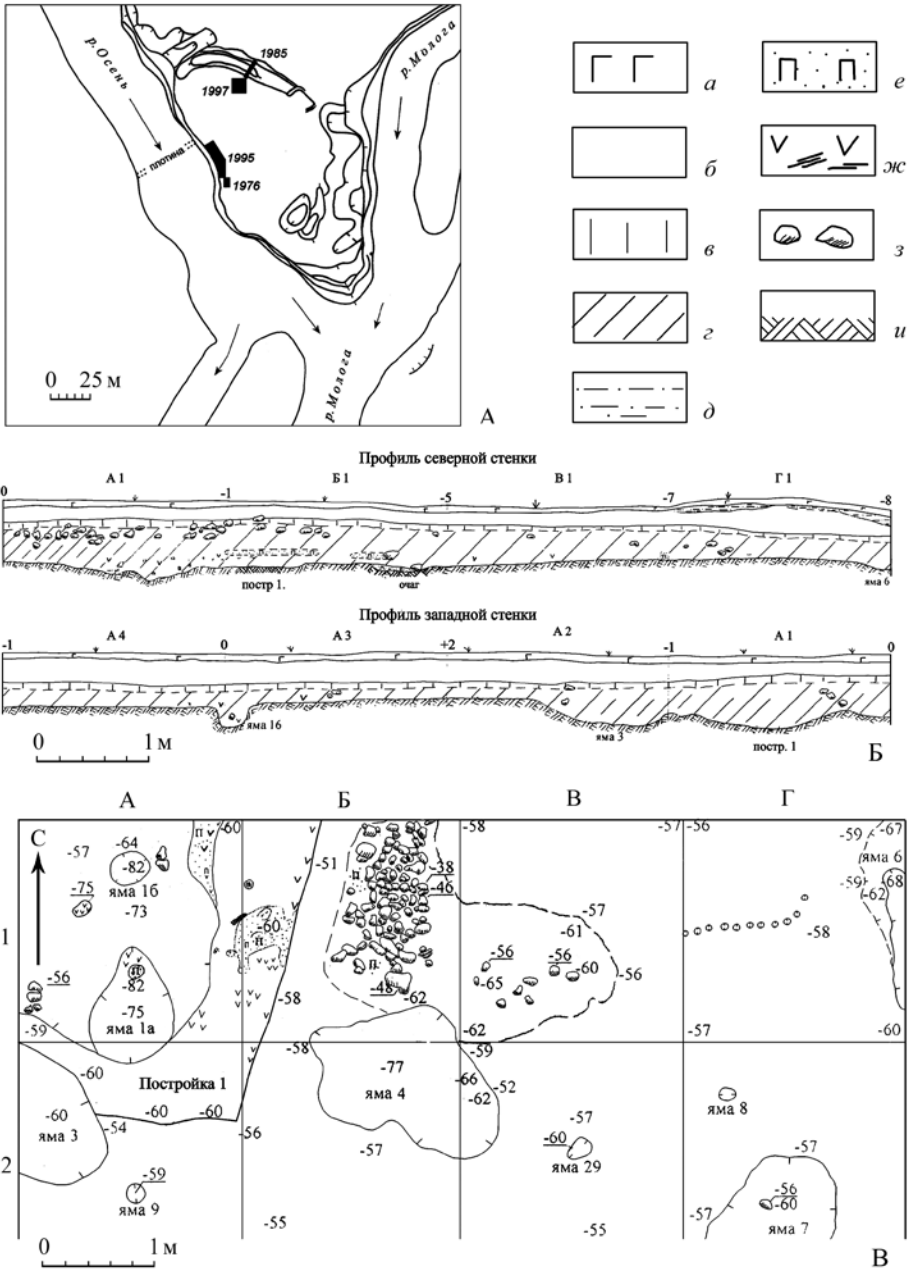

Рис. 1. Городище Еськи.

А – план памятника с указанием раскопов разных лет; Б – профили стенок раскопа; В – постройка и очаг на уровне материка. Условные обозначения: 1 – дерн, почва; 2 – серо-коричневая супесь; 3 – погребенная почва; 4 – темно-серая супесь (культурный слой); 5 – суглинок; 6 – прокаленный песок; 7 – угли; 8 – камни; 9 – материк

возникло на участке, лишенном почвенного покрова, что указывает на сравнительно молодой возраст образовавшегося приречного мыса (*Леонтьев, Купцов, Сычева, 2002. С. 150*). Материковый грунт по своим физическим характеристикам аналогичен верхнему горизонту серо-коричневой супеси и представляет собой те же аллювиальные отложения.

Из сооружений в северной части раскопа открыта часть наземной постройки и очаг в яме (рис. 1, Б, В). Пятно сгоревшей постройки, вошедшей в площадь раскопа юго-западным углом, выявилось на уровне материка и хорошо читалось в своих четких линейных границах благодаря специфическому заполнению прокаленного грунта. Длина выявленных участков стен составляла 2,85 м (восточная) и 1,95 м (южная). Значительную часть площади постройки занимала предпечная или подпольная (?) яма с характерными включениями прокаленного песка и разрозненных обожженных камней. Неисследованная часть постройки осталась за пределами раскопа под насыпью вала.

В 0,4 м восточнее постройки были вскрыты остатки очага или разрушенной печки-каменки. Обожженные камни заполняли материковую западину с прокаленным дном размерами 1,45×0,8 м, частично уходящую за пределы раскопа. Один из камней в основании очага оказался обломком нижнего жернова редкой формы: с коническим выступом в центре вместо обычного сквозного осевого отверстия. Определяемые как североевропейские (*Минасян, 1978. С. 107, 108*), целые поставы с таким нижним камнем известны на территориально близком поселении Узмень и Сарском городище (*Леонтьев, 1979. С. 271–274*).

Среди остальных материковых углублений выделяется серия столбовых, упорядоченная цепочка которых, возможно, является следами плетневой оградки.

Несмотря на однородность культурного слоя, расположение постройки и очага позволяют наметить два периода в истории городища. Первый – время существования неукрепленного поселения. К этому этапу относится постройка и очаг, остатки которых оказались под насыпью вала. Второй был ознаменован строительством вала и рва. После этого поселение существовало достаточно долго: вал за это время был срыт (*Леонтьев, 2015. С. 114–118*), а культурный слой успел отложиться на внутренней стороне его сохранившегося основания.

Коллекция находок насчитывает 319 предметов. Из них большинство составляют бусы: 217 экз., среди которых преобладает бисер, в основном, рубленный, но есть и окатанный (рис. 2, 1–7). Наиболее распространен желтый бисер (105 шт.), синий (29), зеленый (11). Отдельными экземплярами представлены белые (5) и прозрачные бесцветные (2) бисерины. Среди многочастных пронизок (рис. 2, 8, 10–12) преобладают золотостеклянные (15) и серебростеклянные (7). Бусы других цветов редки: синего и зеленого стекла – по 2, белого – 1. Встречены также 4 зонные (синие и зеленая), три пронизки-палочки (стеклярус) зеленого, серого и синего цвета (рис. 2, 9), синие шаровидная и 14-гранная бусины (рис. 2, 13), 2 глазчатые (рис. 2, 15, 16), эллипсоидная глухого стекла черно-белого цвета (рис. 2, 14), 1 продольно-полосатая.

Среди найденных каменных бус 2 сердоликовые 14-гранные (рис. 2, 17, 18) и 1 шаровидная, 2 хрустальные 14-гранные (рис. 2, 19), 1 шаровидная, 1 шаровидная граненая (рис. 2, 20) и 1 призматическая (рис. 2, 21). По количеству находок бус (насыщенности ими культурного слоя с учетом площади раскопа)

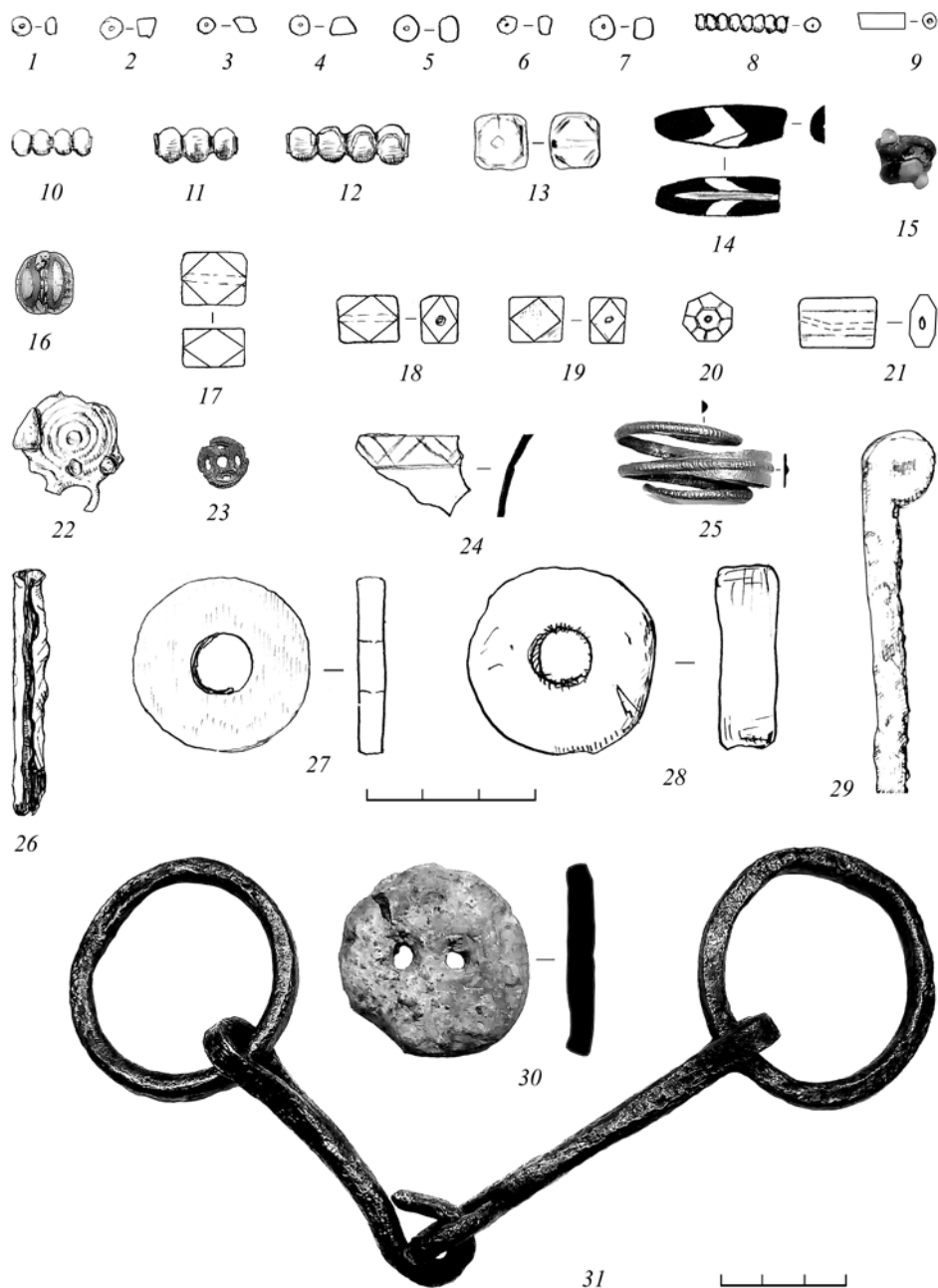

Рис. 2. Находки.

1-7-бисер, 8-21-бусы, 22, 23-нашивные бляшки, 24-фрагмент металлического сосуда, 25-перстень, 26-фитильная трубка, 27, 28-пряслица, 29-стержень, 30-глиняный диск, 31-удила. 1-16-стекло, 22, 25-бронза, 23-оловянисто-свинцовый сплав, 24-серебро, 26, 29, 30-железо, 27, 28-камень

городище среди хронологически близких археологических памятников сопоставимо только со Старой Ладогой уровня горизонта Е (*Рябинин*, 1986. С. 70. Табл. 2).

Нумизматический материал представлен фрагментами двух дирхемов, найденных в верхней части культурного слоя. Одна из монет была чеканена в Мерве в 863/864 г. (ал-Мустаин, 249 г. х.), другая в Багдаде (Мединет ас-Салам) в конце VIII в. (определения Г. А. Федорова-Давыдова). Найденный в слое небольшой обломок серебряного сосуда с прорезанными по краю городками (рис. 2, 24) весом 1,55 г – явный металлургический лом.

В верхней части слоя встречен обломок нашивной бронзовой бляшки (рис. 2, 22), на оборотной стороне которой сохранилось ушко для крепления. Из других вещей коллекции необычен бронзовый спиральный «усатый» перстень с расширенной продольнорубчатой средней частью (рис. 2, 25). Можно полагать, что он сделан из свернутого в три оборота браслета. Хорошей сохранностью отличаются удила с кольцевидными псалиями (рис. 2, 31). В остальном среди находок представлены фрагмент фитильной трубки (рис. 2, 26), малопонятные обломки железных изделий (рис. 2, 29), оселки, глиняные грузила, два сланцевых пряслица (рис. 2, 27, 28). Среди камней очага найден небольшой глиняный диск с двумя отверстиями непонятного назначения (рис. 2, 30). О ремесленной деятельности свидетельствуют находки обломков тиглей и льячек. Близость многочисленных памятников эпохи камня и бронзы объясняет наличие в слое отдельных кремневых орудий и отщепов.

Интересна еще одна вещь, обнаруженная за пределами вала в обнажении культурного на берегу р. Осень: литая колесовидная нашивная бляшка из свинцово-оловянистого сплава миниатюрного размера (рис. 2, 23). Подобные известны в горизонте Е3 Старой Ладogi (одна в гор. Е1), т. е. датируются в пределах 750–900 гг. (*Рябинин*, 1985. С. 66, 67. Рис. 23, 4–6). Ранее на городище была найдена форма для отливки такого украшения (*Волкова*, 1996. С. 112. Рис. 24). По наблюдениям О. А. Щегловой, Еськи являются единственным пунктом восточнее Ладogi, где к настоящему времени зафиксировано производство такого вида украшений (*Щеглова*, 2002. С. 142, 143. Рис. 4, 21).

Радикарбоновая дата, полученная по образцу культурного слоя, взятого в 1998 г. из шурфа в недалеком расстоянии от раскопа, показала возраст 1190 ± 170 л. н. Калиброванные даты дали значения 1σ 817–886 гг. н. э., 2σ – 790–887 гг. н. э. (*Леонтьев и др.*, 2002. С. 148). Еще одна схожая по результату дата была получена по образцу дерева из отложений прибрежной части (геологическая расчистка): 1280 ± 80 л. н. при крайних датах калибровочной шкалы 680–955 гг. (*Леонтьев и др.*, 2002. С. 151). С учетом приведенных датировок и результатов других раскопок памятник принято датировать периодом конца VIII – начала Х в. Не вошедшие в указанную публикацию результаты анализов еще двух образцов из шурфа за пределами вала удревняют возможную нижнюю хронологическую границу. Возраст определен как 1200 ± 70 и 1255 ± 40 л. н. (Ле-5810 А, Б), а максимально возможная датировка по 2σ показала соответственно периоды 684–976 гг. и 682–878 гг. Материалы раскопок в привальной части площадки городища позволяют полагать, что культурный слой этого участка сформировался в период второй половины VIII – первой половины IX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Волкова М. В., 1996. Исследования городища Еськи на Верхней Мологе // АО 1995 года. Отв. ред. В. В. Седов, Н. В. Лопатин. М., ИА РАН. С. 111–112.
- Леонтьев А. Е., 1979. Узменские жернова X века // СА, № 2. С. 271–274.
- Леонтьев А. Е., Купцов А. Г., Сычева С. А., 2002. Еськи на Мологе. Топография и стратиграфия археологических памятников (от мезолита до средневековья) // РА, № 2. С. 142–152.
- Леонтьев А. Е., 2015. Городище Еськи на Мологе. Укрепления в пойме // Вопросы истории фортификации. С. 114–118.
- Минасян Р. С., 1978. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.) // СА, № 3. С. 101–112.
- Рябинин Е. А., 1986. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Сб. ст. Отв. ред. В. В. Седов. Л., «Наука». С. 27–75.
- Щеглова О. А., 2002. Свинцово-оловянистые украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. Сб. ст. Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб. С. 134–150.

Сведения об авторе

Леонтьев Андрей Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: leont3@mail.ru.

A. Ye. Leontyev

Excavations of fortified settlement near village Yes'ki in 1997

Abstract. The publication introduces the results of excavations of medieval Russian settlement dating from the second part of the 8th – early 10th cc. situated in Tver' Region, on the Mologa River. The materials have not been published before. Stratigraphy of the cultural deposit is considered, and also the remains of a dwelling construction and a hearth. Individual finds are characterized and a more exact chronology suggested. It is possible to single out two chronological periods of the site's functioning.

Key words: fortified settlement, stratigraphy, dating, individual finds

About the author

Leontyev Andrey Ye., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: leont3@mail.ru.

И. Ю. Стрикалов, А. В. Чернецов

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СТАРОЙ РЯЗАНИ

Резюме. Заметка посвящена работам Старорязанской экспедиции Института археологии РАН и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, проводившимся в последние годы. Исследовались наиболее ранняя часть средневекового города (Северное городище), а также участки на неукрепленном посаде. Среди находок – клад произведений художественного ремесла, по-видимому, сокрытый ювелиром. Об этом свидетельствуют многочисленные находки орудий труда ремесленника – бронзовых матриц для тиснения изделий из серебряного листа.

Ключевые слова. Старая Рязань, древнерусский город, раскопки последних лет, клад 2013 г., ювелирный инструментарий

Двадцать лет продолжается современный этап изучения Старорязанского городища. Вполне резонным может выглядеть такой вопрос: не пора ли сделать паузу? И столь же резонный отрицательный ответ на него дают результаты работ на этом уникальном памятнике за последние годы.

Дело в том, что новейшие исследования Старой Рязани были связаны исключительно со спасательными работами. Они проводились преимущественно на Северном городище и посаде древнего города и были вызваны хозяйственной и строительной деятельностью на территории существующего на этом памятнике села, но в особенности – негативными природными процессами, ростом оврагов и оползней склонов, активизировавшимися в последнее десятилетие. Как свидетельствуют неутешительные выводы специалистов, остановка разрушений, вызванных колебаниями климата, вряд ли возможна. Единственным способом сохранения остаются только раскопки на участках, где на основании прогнозов можно ожидать рост такой разрушительной активности.

Задача прогнозирования изменений облика городища является одним из направлений многолетних работ коллектива исследователей-геоморфологов Рязанского университета под руководством В. А. Ускова и А. В. Водорезова (*Усков и др.*, 2012). Мониторинг состояния городища позволил определить наиболее подверженные риску разрушения участки.

Именно такая угроза стала причиной особого внимания экспедиции к участку в юго-восточной части Северного городища, где в течение 5 лет продолжают работы на раскопе 40. В 2007 г. именно здесь, на северо-восточном склоне Северного городища, обращенном к р. Серебрянке, сошел один из крупных массивов блокового оползня. Для сохранения примыкающих к оползню участков культурного слоя, начиная в 2010 г. там ведутся работы, давшие возможность сохранить уникальные материалы и получить новые сведения по истории города в XI–XIII вв.

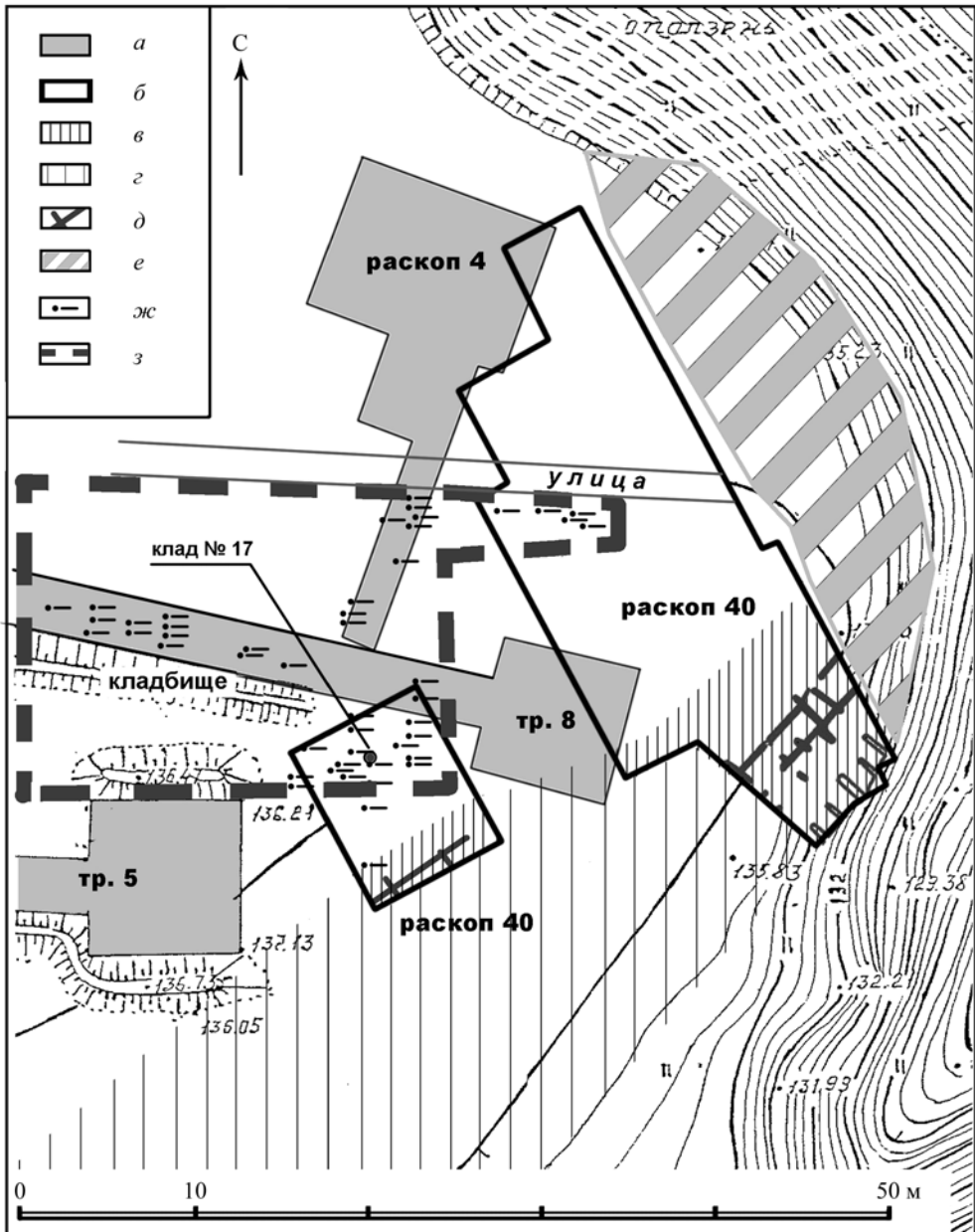
За прошедшие сезоны было исследовано около 500 кв. м культурного слоя с остатками оборонительных сооружений, жилой застройкой и участком городского кладбища. Учитывая тот факт, что раскоп 40 соприкоснулся с участками, исследованными в предшествующие годы (траншеей № 8 В. А. Городцова

1926 г. и раскопом № 4 А. Л. Монгайта 1966–1967 гг.), эти работы позволили открыть для науки довольно обширный участок Северного городища со сложной планиграфией и стратиграфией (рис. 1).

Исследование оборонительных сооружений позволило существенно расширить наши знания об особенностях конструкции дерево-земляных стен Рязани, уточнить время их реконструкций и перестроек. Данные работ 1994–1995 гг. на разрезе вала Северного городища (раскоп 24) (Стрикалов, 2005. С. 49–58) были дополнены, в первую очередь, сведениями о конструктивных особенностях двух нижних горизонтов оборонительных сооружений, поскольку они были вскрыты на значительной площади раскопа в 2010–2011 и 2014 гг. (длина исследованной полосы стен составила 15 м на участках 1, 2 и 5 2010–2011, 2013 гг. и 8 м на участке 6 2014 г.). Основу первых стен, исследованных на отрезке около 10 м, как и было установлено еще на раскопе 24, составляли забутованные грунтом городни. Новые исследования позволили уточнить их конструкцию и размеры: стена состояла из поставленных в ряд на расстоянии 0,8–1 м друг от друга клеток размерами 1,8×3 м. С внутренней стороны к ним, возможно, примыкали полые клетки, а с внешней – земляная насыпь-«приспа» с бермой, сложенная из дерна в нижней и материкового суглинка в верхней части. Для защиты от оползания и крепления подпорной деревянной стенки бермы эта конструкция была усилена в нижней части рамой из поперечных и продольных бревен, зажатой массой насыпи. После пожара, уничтожившего стены города на всем протяжении (его следы зафиксированы как в северо-восточной части, на раскопе 40, так и в юго-западной – на раскопе 24), был проведен их ремонт, отмеченный досыпками грунта на разрушенных стенах и «приспе», а вскоре – реконструкция оборонительных сооружений. Исследования 2014 г. (участок 6) открыли следы внутренней линии забутованных срубов этого этапа, которые сохранились в виде оплывшей насыпи со следами истлевших бревен нижнего венца клеток размерами около 4×2 м. Эта линия городен располагалась примерно в 3–4 м севернее стен первого этапа строительства.

Другим дополнением к ранее полученным выводам стало уточнение датировок этапов строительства. Первый ярус оборонительных сооружений, исследованный на участках 1 и 2, был возведен на погребенной почве без следов человеческой деятельности. В этом слое, судя по проведенному спорово-пыльцевому анализу, преобладает пыльца древесных растений с абсолютным доминированием березы и ольхи. Сходный спектр получен и при анализе погребенной почвы, подстилающей горизонты оборонительных сооружений на раскопе 28 1998 г. близ разреза вала 1994–1995 гг.

Однако линия внутренних городен стены была прорезана ямой 1, которая по материалам придонного заполнения может быть датирована серединой – второй половиной XI в. Слои того же времени подстилают горизонт строительства второго этапа на участке 6 2014 г. Кроме того, на участках 5 и 6 на внутреннем склоне насыпи второго горизонта были открыты остатки трех печей сходной конструкции и времени возведения: в подах всех трех объектов исследованы изолирующие прослойки, сложенные их битой керамики, которая по совокупности признаков (тип 6 венчика, по старорязанской классификации, состав глиняного теста, преобладание орнаментации прокатанным штампом – см. Стрикалов,

Рис. 1. Планиграфия Юго-восточной части Северного городища Старой Рязани.

Условные обозначения: *а* – раскопы прошлых лет; *б* – раскоп 40 (2010–2014 гг.); *в* – исследованные следы фортификации; *г* – реконструируемые фортификации; *д* – деревянные конструкции оборонительных стен; *е* – оползень 2007 г.; *ж* – погребения; *з* – реконструируемые границы кладбища

2006) может быть отнесена к началу XII в. Итак, время существования вторых стен Северного городища Старой Рязани укладывается в период между серединой XI и началом XII в.

К северу от городских стен располагались жилые усадьбы рязанцев. На раскопе исследовано не менее 3–4 усадебных участков с остатками жилых, хозяйственных и производственных сооружений. Многочисленные остатки углубленных частей построек занимают до половины поверхности раскопа, нередко прорезают друг друга и хронологически могут быть разделены на несколько периодов. Наиболее ранние сооружения относятся к середине – второй половине XI в. Самая большая группа объектов относится к трем строительным периодам конца XI – начала XII в. К этому же времени следует отнести остатки частокола, прошедшего с запада на восток в юго-восточной части раскопа. XII век представлен также большой группой построек, образующих не менее двух хронологических групп. Наконец, к первой трети XIII в. можно отнести несколько комплексов из трех-четырех городских усадеб, а также остатки городского кладбища. Сходная картина прослежена и на смежных участках, исследованных в предшествующие годы.

В центральной части раскопа удалось проследить следы древней улицы шириной около 2,5 м, шедшей между усадьбами с запада на восток к городским стенам. Она прослежена по нескольким параллельным бороздам-колеям, прослеженным в материке. Пока сложно судить, когда была проложена эта улица, но ни одна яма XI–XII вв. не перерезает ее. Две более поздние ямы второй половины XII–XIII в. частично расположены на полотне дороги, что может свидетельствовать о прекращении ее функционирования в поздний период существования застройки. Однако, вероятно, ориентировка общего плана застройки сохранялась и на этом этапе, хотя в планировке участка произошли существенные изменения.

Об этом свидетельствует возникновение во второй половине XII в. кладбища, просуществовавшего до монгольского нашествия. Оно было расположено между улицей и стенами города (на южной стороне улицы) на месте жилой застройки XI–XII вв. Примечательно, что участок под кладбище был прежде сnivelирован: более ранний слой здесь перекрыт мощной подушкой материкового суглинка, прослеженный на участке 6 раскопа 40 и раскопе 4 1966–1967 гг. Тем не менее, северная граница кладбища не выходит за пределы упомянутой выше улицы. На раскопе 40 и смежных раскопах исследовано более 50 погребений этого некрополя, в том числе несколько – с остатками золототканых воротников и головных венчиков.

Многочисленные находки из раскопа рисуют картину богатой и многообразной жизни и ремесленной деятельности жителей Северного городища. Помимо типичных изделий из железа, цветных металлов, кости, камня, стекла и глины самой значительной находкой стал клад № 17, найденный в 2013 г. на месте городского кладбища, и которому уже посвящено несколько предварительных публикаций (Старая Рязань, 2014. С. 51–56, табл. 45–53; С. 97, 98; Стрикалов, Чернецов, 2014). Клад был сокрыт на небольшой глубине (20–30 см от современной дневной поверхности) у восточного края одной из могил (погребение 9). Фактически скопление предметов лежало в ногах погребения, немного выше

костяка: дно клада зафиксировано на гл. -31 см от условного ноля, тогда как ноги погребения располагались на гл. -33–38 см. Судя по набору предметов (набор серебряных женских украшений, каменные крестики с серебряными обоймицами, полуфабрикаты и сырье), клад принадлежал ювелиру, который спрятал его накануне Батыева нашествия 1237 г. О ремесле мастера свидетельствуют и входившие в состав клада бронзовые ювелирные матрицы, использовавшиеся для штамповки серебряных украшений, значительное число которых было найдено в 2014 г. (рис. 2, на вклейке, с. 387). Матрицы лежали в пахотном слое над слоем нивелировки, сооруженном перед началом захоронений на кладбище. Их расположение образует своеобразный «шлейф», протянувшийся от места находки клада в южном и юго-западном направлении на площади около 10 кв. м. Из этого скопления происходят 29 из 36 найденных в 2014 г. матриц. Вероятно, их набор был также частью клада, занимая верхнее положение в скоплении предметов и потому распаханый в более позднее время. Набор украшений и инструментов ювелира (включая матрицы) дает картину всего производственного цикла и является в настоящее время самым полным из известных на территории Древней Руси. При этом есть свидетельства того, что и сами матрицы, и изделия мастер делал на месте, в своей мастерской, которая располагалась поблизости. Место расположения этой мастерской еще предстоит выяснить, но уже накоплены многочисленные свидетельства особой роли Северного городища, его южной части, в качестве своеобразного «квартала ювелиров»: отсюда происходят и другие следы этого ремесла, в том числе довольно большая коллекция матриц, часть которых опубликована и даже стала предметом специального исследования (Стрикалов, Чернецов, 2012. С. 26, илл. 4, 14; с. 36, илл. 8, 12, 13, 23, 24; илл. 9 [на вклейке], А, 4–9).

До начала работ на раскопе 40 на площадке Северного городища в 2007 г. археологически было исследовано и само тело оползня (Усков и др., 2012. С. 92, рис. 3), что положило начало новому комплексному, археолого-геоморфологическому, направлению исследований в Старой Рязани. Археологические исследования и наблюдения за состоянием оползня в течение нескольких сезонов позволили высказать предположение о возможном сохранении стратифицированных культурных отложений в перемещенных массивах грунта. Геоморфологические исследования древних и современных оползней на склонах Старой Рязани позволили сделать два основных вывода. Во-первых, выделено несколько генераций оползней склонов коренного берега (от древности, не позднее II тыс. до н. э. до позднего Средневековья и современности), на котором расположена площадка городища. Эти оползни вместе с делювиальными отложениями стали основой формирования надпойменных террас и современного рельефа периферии городища. В некоторых из них сохранился культурный слой в перемещенном, но стратифицированном виде, что было установлено в результате разреза одного из оползней западной периферии городища (Усков и др., 2012. С. 94, Илл. 4). Под осыпными наслоениями зафиксирован культурный слой, сходный по своему составу и стратиграфии с наслоениями западного края Южного городища, но с лучшей сохранностью верхних горизонтов, перемешанных на площадке городища распашкой. Это открывает новые возможности для изучения как самого города, так и истории

формирования его рельефа. Кроме того, проведенные на западном склоне Южного городища работы позволили уточнить данные о фортификации города. Во-первых, на оползнях не зафиксировано массивов грунта, сходных с забутовкой городен. Это позволяет предположить существование в прибрежной части укреплений более легких, без земляной забутовки, конструкций стен. Во-вторых, при бурении склона Южного городища удалось подтвердить факт наличия мощного пандуса-всхода в его центральной части (*Усков и др.*, 2013. С. 56 – на этом участке слоистость грунта горизонтальная, соответствующая не оползню, а коренному берегу). Он был выявлен нашими предшественниками визуально и на основании анализа уличной сети города (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 107, илл. 70). Этот всход вел к т. н. «Оковским» воротам города, в древности располагавшимся на краю площадки и не сохранившимся до наших дней.

Другим участком работ экспедиции в эти годы стал городской посад – наименее изученная часть древнего города. Здесь работы также носили охранный характер. На раскопе 45 2011–2013 гг. открыт мощный и хорошо стратифицированный слой периода существования города. При этом наиболее интересными и сохранными оказались нижние слои, XI в., ранее изученные весьма фрагментарно. Этому способствовала уникальная природная ситуация на участке работ: ранние слои оказались «запечатанными» мощным слоем смыва грунта, который и сам по себе стал важным звеном в изучении ранней истории Рязани. Этот слой и смыв грунта с площадки городища стал следствием активного освоения верхней городской террасы первопоселенцами (*Стрикалов*, 2014). В ходе прокладки уличной сети был нарушен естественный дерновой покров плато коренного берега, что вызвало мощные выносы грунта весенними паводками. Этот процесс и был зафиксирован на раскопе близ промоины между Северным мысом и Северным городищем Старой Рязани, где на месте склона сформировался конус выноса. Его датировка определялась материалами из тонких прослоек культурного слоя, разделенных слоями стерильного песка. Новый раскоп 46, изучение которого начато в 2014 г. в 50 м южнее раскопа 45, дает еще более сложную картину. Окончательные выводы делать рано, но уже сейчас можно сказать, что на его территории мы столкнулись с несколькими периодами такого антропогенного воздействия. Помимо раннего, XI в., горизонта смыва, здесь прослежен более поздний слой стерильного песка, перекрывающий слои XI – первой половины XII в. и связанный с выносом грунта из городского рва.

Исследования оползней и делювиальных отложений на городском посаде открывают новую страницу в изучении стратиграфии культурного слоя Старой Рязани, которая до этого момента оставалась малоинформативной из-за перемешанности напластований городища. Уже первый опыт обращения к этому археологическому источнику дал новые данные о палеоклимате, ранней истории и топографии города, роли антропогенного фактора в формировании микрорельефа территории города и посада. Эти, пока предварительные, результаты, как можно надеяться, свидетельствуют, что мы находимся на пороге новых открытий в изучении Старой Рязани и русского средневекового города.

ЛИТЕРАТУРА

- Даркевич В. П., Борисевич Г. В.*, 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.: КРУГЪ. 448 с. Старая Рязань. Клад 2005 года, 2014. Отв. ред. А. В. Чернецов. СПб.; М.: Нестор-История. 104 с.
- Стрикалов И. Ю.*, 2005. Северное городище. Стратиграфия и планиграфия // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли. С. 36–89
- Стрикалов И. Ю.*, 2006. Керамика Рязанской земли XI–XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 30 с.
- Стрикалов И. Ю.*, 2014. Новые данные по ранней истории посада Старой Рязани в XI в. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда (Казань, 20–25 октября 2014 г.) / Ред. А. Г. Ситдинов [и др.]. Казань: Отечество. Т. III. С. 168–170.
- Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В.*, 2012. Работы Старорязанской экспедиции в 1994–2010 гг. (хроника исследований) // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур: сб. науч. ст. / Отв. ред. Л. А. Беляев. Рязань: Изд-во РИАМЗ. 280 с.
- Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В.*, 2014. Клад № 17 из Старой Рязани // Российская археология. № 2. С. 153–163
- Усков В. А., Стрикалов И. Ю., Водорезов А. В., Милованов С. И., Чернецов А. В., Шишов С. И.*, 2012. К методике изучения культурного слоя на оползнях: анализ археологических и геолого-геоморфологических материалов городища Старая Рязань // Российский научный журнал. № 2 (27). С. 87–99
- Усков В. А., Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В., Водорезов А. В., Милованов С. И., Шишов С. И.*, 2013. Природный и антропогенный фактор формирования современного рельефа городища Старая Рязань // Российский научный журнал. № 1 (32). С. 53–61

Сведения об авторах

- Стрикалов Игорь Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: igor.strikalov@gmail.com;
- Чернецов Алексей Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: avchernets@yandex.ru.

I. Yu. Strikalov, A. V. Chernetsov
New investigations in Staraya Ryazan

Abstract. The article is devoted to the recent activities of the Staraya Ryazan expedition organized by the Institute of Archaeology, RAS, and Ryazan Historical-architectural museum-reserve. Excavations were focused in the earliest part of the medieval city (known as the Northern hillfort) and the non-fortified suburb. Among the most spectacular finds there is a hoard of jewelry items, apparently concealed by a master jeweler. This is clear from numerous instruments of jeweler's art, such as bronze moulds for stamping objects of silver plate.

Key words: Staraya Ryazan, medieval Russian town, recent excavations, hoard of 2013, jewelry instruments

About the authors

- Strikalov Igor Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: igor.strikalov@gmail.com;
- Chernetsov Aleksey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: avchernets@yandex.ru.

С. Д. Захаров, С. С. Зозуля

НОВЫЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТИМЕРЁВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Резюме: Статья посвящена некоторым результатам последних полевых исследований на территории Тимерёвского археологического комплекса IX–XI вв. В научный оборот вводится новый источник – аэрофотосъемка 1942 г. Полученные данные существенно уточняют представление о площади поселения и процессе формирования могильника.

Ключевые слова: Тимерёво, новые исследования, размеры поселения, топография могильника

К числу наиболее известных средневековых памятников верхнего течения Волги с полным правом можно отнести три археологических комплекса, расположенных в ближайших окрестностях современного Ярославля у деревень Большое Тимёрево, Петровское и села Михайловское. Основу всех трех комплексов составляют достаточно крупные поселения и синхронные им курганные могильники, традиционно относимые к IX–XI вв.

Полевое изучение памятников началось более 140 лет назад с раскопок некрополя в Тимерёво в 1872 г. К изучению могильников в Тимерёво, Петровском и Михайловском за прошедшие годы обращались многие исследователи, наиболее интенсивные работы были проведены археологической экспедицией Исторического музея под руководством М. В. Фехнер. Коллектив экспедиции занимался исследованиями всех трех некрополей в течение 9 полевых сезонов, а затем результаты были введены в научный оборот (Ярославское..., 1963; *Недошивина, Зозуля*, 2012). Именно курганные могильники, давшие яркие и разнообразные материалы, принесли археологическим комплексам наибольшую известность.

Состояние изученности синхронных некрополям поселений различно. Судя по имеющимся данным, исследование поселения в Михайловском ограничилось сбором подъемного материала. В Петровском, кроме сбора подъемного материала, было заложено 7 шурфов, общей площадью 42 кв. м. Широкомасштабному археологическому изучению подверглось только поселение в Тимерёво благодаря работам Ярославской археологической экспедиции ЛГУ под руководством И. В. Дубова и В. Н. Седых. Примечательно, что раскопки поселения начались спустя ровно 100 лет после начала исследований могильника. Работы экспедиции ЛГУ начались необыкновенно ярко – с обнаружения одного из крупнейших кладов восточных монет на территории Восточной Европы (*Дубов*, 1982).

К сожалению, полевые исследования в Тимерёво завершились в 1990 г. К настоящему моменту мы располагаем данными о 480 изученных курганах и около 6 600 кв. м, раскопанных на территории поселения. При этом, значительный объем накопленных и опубликованных данных о Тимерёвском археологическом комплексе до сих пор не позволил исследователям прийти к согласию по ключевым вопросам в оценке памятника. Так, историческая оценка Тимерёва колеблется

от «Арсы» арабских источников и города, отправлявшего своего посла при заключении русско-византийского договора 911 г., до довольно банального центра локальной округи (Дубов, 1982. С. 104–123; Кирпичников, 2014. С. 75; Леонтьев, 1989). Существуют разные точки зрения о датировке памятника, размерах поселения и этнической характеристике населения, оставившего его.

Учитывая целый калейдоскоп нерешенных проблем и появление новых методов археологического изучения, в 2012 г. исследование Тимерёвского археологического комплекса были возобновлены совместной экспедицией ИА РАН, Исторического музея и Научно-исследовательского центра «Древности» (г. Вологда).

Первоочередной задачей работ стала съемка детального топографического плана памятника с помощью современного оборудования. Существовавшие до сих пор планы можно, скорее, отнести к схемам, не совсем точно или весьма обобщенно передающим реальную ситуацию. Кроме того, современное состояние Тимерёва и его ближайшей округи сильно изменилось по сравнению с 1960–1970-ми гг. Исчезла деревня, давшая название памятнику, трудноопределимо расположение деревень (и ближайших археологических памятников) Малое Тимерёво и Гончарово, так как левый берег реки Сечки плотно застроен дачами и крупным тепличным хозяйством.

Снятый в 2012–2014 гг. топографический план охватывает более 48 га и станет надежной основой для обобщения уже проведенных работ, фиксации новых результатов и решения еще одной задачи – выявления реальных размеров поселенческих структур, расположенных на территории археологического комплекса.

Для выяснения размеров поселения, расположения его первоначального «ядра», мощности культурного слоя, его особенностей, датировки и насыщенности находками был предпринят комплекс мер, учитывающий значительные объемы уже проведенных работ на памятнике. Для решения поставленной задачи была выбрана комбинация из нескольких методов: разведочное бурение, разведочная шурфовка по результатам бурения и сбор подъемного материала. Важным преимуществом разведочного бурения можно считать широту охвата и малый ущерб культурному слою (диаметр скважины составляет 3 см). К настоящему моменту сделано более 850 разведочных скважин по сетке с шагом в 10 м. По результатам бурения (и для проверки правильности интерпретации его результатов) на территории комплекса заложено 12 шурфов общей площадью 12 кв. м, с полной промывкой всего гумусированного слоя на мелкочаеистых ситах. Сбор массового подъемного материала удалось осуществить на площади 2 100 кв. м (по квадрату, сторона квадрата 10 м); собрано свыше 4 кг керамики, датирующейся от раннего железного века до позднего средневековья. При обследовании распаханного культурного слоя с помощью металлодетекторов обнаружено свыше 250 индивидуальных находок. Среди предметов, относящихся к раннесредневековым этапам существования поселения, представлены 9 дирхемов, железные молоточки Тора, целая и 2 фрагмента равноплечных фибул и пр.

Выводы, полученные при использовании разных методов разведки, не противоречат друг другу. Сегодня стало понятно, что площадь поселения IX – XI вв. в Тимерёво меньше 10 га., заявленных И. В. Дубовым (Дубов, 1982. С. 143). Кроме того, присутствие материалов каменного, развитого и раннего железного веков, раннего и позднего средневековья заставляет воспринимать поселение

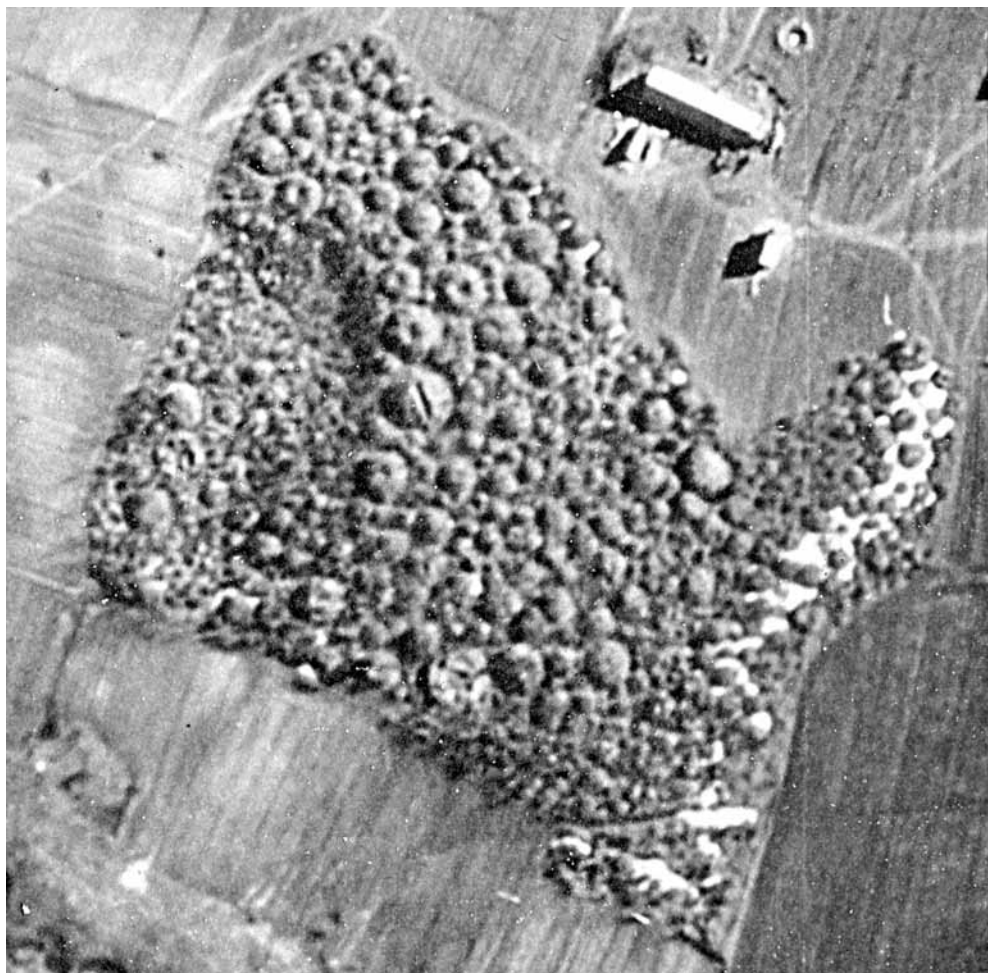

Рис. 1. Тимерёвский могильник. Аэрофотосъемка 26 апреля 1942 г.

как достаточно сложный объект, требующий дальнейшего изучения, в том числе точной оценки его площади на раннем этапе.

В процессе съемки топографического плана памятника возник ряд сложностей и с другой частью комплекса – могильником. Съемка нового покурганного плана некрополя невозможна: ни одна изученная насыпь не была рекультивирована, что создает довольно странный ландшафт, не всегда позволяющий отличить отвал предыдущих раскопок от небольшой неисследованной насыпи. Недостатки кипрегельного плана, выполненного А. А. Потуловым в 1959 г., были отмечены ранее (Захаров, Зозуля, 2014. С. 52–53). Попытки совмещения плана 1959 г. с результатами фиксации наиболее крупных насыпей могильника с помощью тахеометра выявили нелинейные ошибки плана, вероятно, отражающие погрешности в определении точного местоположения точек стояния кипрегеля.

Значительную информацию о могильнике можно почерпнуть из такого своеобразного источника, как аэрофотосъемка немецкой воздушной разведки времен Великой Отечественной войны (рис. 1). Очевидно, целью съемки был отнюдь не Тимерёвский археологический комплекс, а проходящая рядом железная дорога. Тем не менее, на снимке, сделанном в утренние часы 26 апреля 1942 г., отчетливо виден некрополь в Тимерёво. Совмещение фотодокумента с результатами тахеометрической съемки дало значительное совпадение расположения конкретных насыпей, а наложение плана 1959 г. и аэрофотосъемки выявило еще целый ряд несоответствий.

На фотографии отчетливо читаются не только многие насыпи, но и следы их археологического исследования (колодцы, траншеи). Последнее обстоятельство делает возможным точную привязку к плану курганов, исследованных до масштабных работ экспедиции Исторического музея.

План Тимерёвского некрополя А. А. Потулова требует серьезной доработки. Тахеометрическая съемка позволяет добавить топографическую подоснову, а фотодокумент 1942 г. – скорректировать местоположение конкретных курганов и их размеры.

Таким образом, несмотря на длительные и широкомасштабные археологические исследования Тимерёвского археологического комплекса, потенциал его полевого изучения далеко не исчерпан. Новые данные позволяют по-другому взглянуть на накопившийся материал и внести дополнительные аргументы в долгую полемику о месте и историческом значении Тимерёвского комплекса в ряду других памятников эпохи образования Древнерусского государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Дубов И. В.*, 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 248 с.
- Захаров С. Д., Зозуля С. С.*, 2014. Новые данные о Тимеревском археологическом комплексе // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани (20–25 октября 2014 г.) / Ред. А. Г. Ситдинов [и др.]. Казань: Отечество. Т. III. С. 51–53.
- Кирпичников А. Н.*, 2014. Сложение древнерусского государства и его политико-территориальные структуры (по письменным и археологическим данным) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани (20–25 октября 2014 г.) / Ред. А. Г. Ситдинов [и др.]. Казань: Отечество. Т. III. С. 74–76.
- Леонтьев А. Е.*, 1989. Тимерево. Проблема исторической интерпретации археологического памятника // СА. № 3. С. 79–85.
- Недошивина Н. Г., Зозуля С. С.*, 2012. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 178–193. Ярославское Поволжье X–XI вв., 1963. Под ред. А. П. Смирнова. М.: ГИМ. 144 с.

Сведения об авторах

Захаров Сергей Дмитриевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: belozersk2012@yandex.ru;

Зозуля Сергей Сергеевич, Государственный Исторический музей, Красная площадь, д. 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: zozulia.sergey@gmail.com.

S. D. Zakharov, S. S. Zozulya

New field research in the territory of Timerevo archaeological complex

Abstract. The article presents some results of recent field investigations carried out at the Timerevo archaeological complex of the 9th – 11th cc. Of special interest are aerial photos taken in 1942 and for the first time introduced in scientific publication. The obtained data significantly improve the ideas on the settlement area and the history of formation of the related cemetery.

Key words: Timerevo, new investigations, settlement size, cemetery topography

About the authors

Zakharov Sergey D., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: belozersk2012@yandex.ru;

Zozulya Sergey V., The State History Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: zozulia.sergey@gmail.com.

И. Е. Зайцева

ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ШЕКШОВО В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ

Резюме. В статье рассматриваются 11 наборов металлических деталей поясной гарнитуры, собранных в результате работ Суздальской археологической экспедиции на могильнике Шекшово 9 в последние 4 года. Наряду с действительным распространением наборных поясов среди древнерусских дружинников во второй половине X – первой половине XI в. мы фиксируем и заметную популярность этих украшений в среде рядового финно-угорского и смешанного населения.

Ключевые слова: средневековая археология, могильники, металлические детали поясной гарнитуры

Начиная с 2011 г. Суздальская археологическая экспедиция ИА РАН осуществляет комплексную программу широкомасштабных археологических исследований на одном из крупнейших средневековых могильников Суздальского Ополья Шекшово 9, занимающем площадь около 6 га. Проведенные за 4 полевых сезона работы включали геомагнитную и электротомографическую съемку площадки могильника, стационарные раскопки на трех участках общей площадью около 1350 кв. м и сбор находок на распашке. Полученные материалы характеризуют Шекшовский комплекс как некрополь одного из крупных поселений, образовывавших в X–XI вв. основное ядро Суздальской земли.

Могильник начал функционировать, вероятно, не позднее середины X в. Наиболее ранние погребения на нем совершены по обряду кремации. Кремированные

остатки людей и животных помещались как под курганными насыпями, так и в неглубокие грунтовые ямки, или, возможно, рассыпались по поверхности земли. Подавляющее количество находок, связываемых с этими, полностью разрушенными в настоящее время, погребениями происходит из слоя современной распушки.

Одной из самых многочисленных групп среди собранных в верхнем слое предметов из цветных металлов вместе с шумящими украшениями финских типов являются детали поясной гарнитуры: пряжки, накладки и наконечники. В настоящее время наряду с одиночными предметами в Шекшово обнаружены детали не менее 10 поясных наборов и одного набора для сумочки: около 70 находок, среди которых преобладают накладки. Возможно, частями этих наборов являются и собранные пряжки и наконечники, но отличия в их стилистике не позволяют говорить об этом уверенно. Некоторые типы накладок уже известны по раскопкам Владимирских курганов в середине XIX в. (*Спицын*, 1905), другие обнаружены в Ополе впервые. Оплавленность многих предметов свидетельствует об их происхождении из погребений по обряду кремации. Практически все накладки изготовлены по выплавляемым моделям в одноразовых пластичных формах.

К ранним типам можно отнести две серии бронзовых накладок, покрытых серебрением – пятиугольные с каплевидными выступами (рис. 1, 2 – на вклейке, с. 388) и треугольные и полуовальные с прорезью с рубчатым бордюром и углубленным рисунком трехлепесткового цветка, заполненным белым металлом (рис. 1, 1). Происхождение этих накладок связано с позднехазарским кругом древностей. Аналогии подобным изделиям, особенно многочисленные накладкам с каплевидными выступами, можно найти как в материалах памятников Венгрии, Дунайской Болгарии и Карпато-Поднепровского региона (*Мурашева*, 2000. С. 26, 35; *Рябцева, Рабинович*, 2014. С. 274; *Fodor*, 1996. Р. 141), так и в некрополях и поселениях Поволжья, в том числе в Танкеевском могильнике (*Казаков*, 2010. С. 54, 57). Недавно в Гнездово обнаружена пиррофилитовая модель, при помощи которой изготавливались восковые модели будущих металлических накладок этого типа (*Пушкина, Мурашева, Енисова*, 2012. С. 152).

Два набора бронзовых накладок – сердцевидные с бордюром из ложных перлов и центральным рисунком трехлепесткового цветка с утолщенным центральным лепестком (рис. 1, 3) и треугольные накладки с изображением двух кругов и сердцевидной фигуры над ними (рис. 1, 4), имеют параллели в южнорусских (Гульбище, Седнев, Табаевка) и венгерских материалах, где известны высококачественные экземпляры подобных накладок, сделанные из серебра с позолотой. Накладка, идентичная экземплярам из первого набора, происходит с Гнездовского городища (*Пушкина*, 2014. С. 66). Черниговские комплексы относятся как к первой, так и ко второй половине X в., венгерские датируются IX – началом X в. (*Мурашева*, 2000. С. 48, 52; *Fodor*, 1996. Р. 354). Вероятно, рассмотренные типы накладок, имеющие широкие географические рамки бытования, могли производиться в разных мастерских при возникающем спросе, в т. ч. и в самом Шекшово.

Большинство наборов накладок из Шекшово связано с болгарским производственным центром. Болгарские накладки начинают попадать к жителям Ополя, вероятно, уже с рубежа IX–X вв. Наиболее массовый характер их

распространение приобретает во второй половине X – начале XI в. Рассмотрим эти наборы.

На многих памятниках, расположенных в различных регионах Восточной Европы, обнаружены накладки сердцевидной и квадратной с прорезью формы, украшенные прочерченным растительным орнаментом в виде побега. Они получили большую популярность у тюрков и через них попали на Запад. Болгарские ремесленники охотно тиражировали и распространяли подобные типы. В нашей коллекции к ним относятся два набора бронзовых накладок, различающиеся рисунком побега (рис. 1, 5, 6)¹.

Наиболее богатыми среди всех собранных Суздальской экспедицией накладки являются два обломка серебряных изделий с рисунком виноградной лозы по бордюру, украшенных позолотой (рис. 1, 7). Наконечники с идентичным изображением происходят из раскопок Владимирских курганов. Точные аналогии этим предметам известны на Измерском селище в низовьях Камы (накладка) и в марийском Дубовском могильнике (пряжка; *Мурашева*, 2000. С. 58). Предметы датируются концом X – первой половиной XI в.

Двумя находками представлен набор накладок пятиугольной формы с тремя полусферическими выступами (рис. 1, 8). Эти стандартные и довольно многочисленные накладки известны на памятниках Волжской Болгарии, Пермского Предуралья и северо-восточных периферийных районов Древней Руси (*Казаков*, 2010. С. 56–58).

Самыми популярными в Шекшове были наборы пятиугольных бронзовых накладок, лицевые поверхности которых украшал рисунок пятилепесткового цветка в различных вариациях (лотос). Полный набор таких накладок на ремне из раскопок А. С. Уварова в Шекшове хранится в фондах ГИМ (оп. 1299, № 15–55). Среди новых находок – второй такой же набор из 5 накладок (рис. 1, 9)² и набор из 5 накладок с иным рисунком цветка (рис. 1, 10; *Мурашева*, 2000. С. 39, 42). Это характерная продукция болгарских мастерских, имевшая большой спрос как в самой Волжской Болгарии, так и среди окружающих ее финно-угорских народов. Об этом свидетельствуют многочисленные находки таких накладок в мордовских, марийских и прикамских погребальных памятниках (*Казаков*, 2010. С. 55–60; *Зеленцова, Сапрыкина*, 2013).

Обилие накладок болгарского производства можно наблюдать практически во всех погребальных памятниках X–XI вв. финно-угорских народов, соседствующих с Волжской Болгарией. По наблюдениям Н. А. Макарова, материальная культура поселений Суздальского Ополя X в. имеет славяно-мерянский облик. Носители разных культурных традиций не были обособлены, и на территории Ополя активно развивались процессы культурной интеграции (*Макаров*, 2012. С. 211). Вероятно, к этому же кругу славяно-мерянских древностей нужно относить и находки деталей ременной гарнитуры. Тесные связи жителей Ополя с Волжской Болгарией в это время документируются сообщением Ипатьевской летописи под 1024 годом, когда во время сильного голода в Суздале «все люди» пошли по Волге в Болгары, привезли хлеб и «тако ожиша» (ПСРЛ, Т. II. Стб. 135).

---

¹ Подробный разбор накладок этих типов см.: *Зайцева*, 2008. С. 89, 90.

² Подробный разбор накладок этого типа см.: *Зайцева*, 2008. С. 91.

Об участии жителей Шекшово в дальней международной торговле свидетельствует набор небольших ажурных накладок для отделки кошелька или колчана из 9 предметов (рис. 1, II – на вклейке, с. 388). Украшенный идентичными накладками кошелек происходит из погр. 956 Бирки (*Arbman*, 1940. Taf. 129).

Таким образом, полученные в последние годы материалы позволяют рассмотреть уже устоявшийся в древнерусской археологии тезис о безусловной социальной, в первую очередь воинской, статусности обладателей наборных поясов и уздечек (*Мурашева*, 2000. С. 84). По-видимому, ситуация была сложнее: наряду с действительным распространением наборных поясов среди древнерусских дружинников во второй половине X – первой половине XI в. мы фиксируем и заметную популярность этих украшений в среде рядового финно-угорского и смешанного славяно-финского населения. Крупным центром производства поясной гарнитуры для этих потребителей выступает Волжская Болгария: все накладки имеют высокую степень стандартизации и явно производились массово профессиональными мастерами. Присутствие большого числа накладок на памятниках этого времени характерно не только для могильников финно-угорских племен Поволжья и Прикамья, но и для северо-восточных периферийных регионов Древней Руси (*Зайцева*, 2008; *Захаров*, *Меснянкина*, 2012. С. 26–27), в том числе Суздальского Ополья, где процент финно-угорского и смешанного населения был значителен.

ЛИТЕРАТУРА

- Зайцева И. Е.*, 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / Отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука. С. 57–141.
- Захаров С. Д.*, *Меснянкина С. В.*, 2012. Могильники поселения Крутик: первые результаты исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 4 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; СПб: Нестор-История. С. 14–29.
- Зеленцова О. В.*, *Сапрыкина И. А.*, 2013. Критерии выделения статусных погребений на основе комплексного анализа поясных наборов VIII–XI вв. по материалам мордовских могильников // КСИА. Вып. 229. С. 84–90.
- Казakov Е. П.*, 2010. Поясные накладки волжских болгар из Танкеевского могильника и Измерского селища // Русь и Восток в IX–XVI веках: Новые археологические исследования / Отв. ред.: Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: Наука. С. 53–61.
- Макаров Н. А.*, 2012. Суздальское Ополье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 194–211.
- Мурашева В. В.*, 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС. 136 с.
- ПСРЛ, 2001. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры. 938 с.
- Пушкина Т. А.*, *Мурашева В. В.*, *Енисова Н. В.*, 2012. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 242–273.
- Пушкина Т. А.*, 2014. Изучение Гнездовского комплекса археологических памятников // Научные экспедиции РГНФ. М.: Российский гуманитарный научный фонд. С. 65–67.
- Рябцова С. С.*, *Рабинович Р. А.*, 2014. О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX–X вв. // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред.: Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера. С. 263–279.
- Спицын А. А.*, 1905. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб. С. 84–172.

Arbman H., 1940. Birka I: Die Gräber. Uppsala. 560 p.

Fodor I., 1996. The ancient Hungarians. Exhibition catalogue. Budapest: Hungarian national museum. 480 p.

Сведения об авторе

Зайцева Ирина Евгеньевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: izaitseva@yandex.ru.

I. Ye. Zaytseva

Belt sets from the cemetery Shekshovo in Suzdal Field Region

Abstract. The article considers 11 sets of metal belt fittings collected during the research of the Suzdal archaeological expedition. The works were conducted at the cemetery of Shekshovo-9 for four last seasons. Belt sets with metal details were spread among the medieval Russian military estate in the second part of the 10th – first part of the 11th cc. At the same time the discussed belt sets were fashionable among the ordinary Finno-Ugrian and mixed population.

Key words: medieval archaeology, cemeteries, metal details of belt sets

About the author

Zaytseva Irina Ye., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: izaitseva@yandex.ru.

А. Н. Федорина

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ У СЕЛА ВЕСЬ ПОД СУЗДАЛЕМ

Резюме. Настоящая работа посвящена публикации материалов комплекса памятников у села Весь – одного из ключевых средневековых археологических комплексов в центральной части Суздальского Ополя. Основное внимание уделено оценке стабильности-подвижности складывающихся структур расселения на широком хронологическом отрезке IX–XV веков.

Ключевые слова: средневековое расселение, Владимиро-Суздальская Русь, динамика колонизационных процессов

Различные аспекты функционирования системы негородских средневековых поселений в эпоху сложения древнерусского государства, в том числе вопросы, связанные с пространственной организацией поселенческих структур, хронологией освоения отдельных участков ландшафта, являются одним из актуальных

направлений современной археологической медиэвистики. Представляется, что ключом к пониманию этих процессов может стать публикация материалов конкретных памятников и их групп.

Предлагаемая работа посвящена группе средневековых памятников у села Весь – одному из опорных очагов расселения в непосредственной округе г. Суздаль. Исследуемый археологический комплекс расположен по обоим берегам реки Ирмес, правого притока реки Нерль Клязьминская, и состоит из 6 селищ, одного курганного могильника и одного грунтового (рис. 1, на вклейке, с. 390). Расстояния между отдельными объектами в составе этого археологического комплекса не превышают 0,5 км. Памятники Весьского куста исследованы в различной степени. На селищах Весь 1 (конец X – начало XIII в.) и Весь 5 (вторая половина IX–X в.; вторая половина XII–XIV в.) проведены раскопки на больших площадях: вскрыто 1052 и 253 кв. м. соответственно. Материалы обоих памятников в той или иной степени введены в научный оборот (*Мошенина*, 1992; *Макаров, Захаров, Шполянский*, 2010, *Захаров*, 2014). На поселениях Весь 2, 3 и 6 проведены сбор подъемного материала и закладка небольших шурфов, на селище Весь 8 собрана небольшая керамическая коллекция. На основании полученного материала селища датированы: Весь 2 – X–XV вв. и XVI–XVII вв.; Весь 3 – X–XVIII вв.; Весь 6 – XII–XIV вв.; Весь 8 – XII–XIII вв.

Данные о грунтовом могильнике второй половины XI – начала XII века, расположенном на площадке селища Весь 5, получены на основании исследования одного непотревоженного и одного переотложенного погребений (*Макаров, Красникова, Карпухин*, 2009. С. 449–450). Курганный могильник был исследован А. С. Уваровым. Им было раскопано 107 курганов, датируемых в пределах X–XI вв., в настоящее время площадка памятника находится на территории колхозного хозяйственного двора и недоступна для исследований (подробнее см. *Макаров и др.*, 2009. С. 439–444).

Несмотря на небольшой объем материала, собранного на некоторых из этих памятников, можно попытаться уточнить динамику освоения исследуемой территории в поречье Ирмеса и формирования локальной группы поселений.

Наиболее ранний участок культурного слоя расположен на площадке селища Весь 5. Первый хронологический горизонт, зафиксированный в раскопе, датируется второй половиной IX–X в. Обоснованию предложенной датировки посвящена упомянутая выше статья (*Макаров и др.*, 2010), в связи с чем нет необходимости подробнее останавливаться на этом вопросе. Уже после завершения раскопок памятник подвергся новой волне распахек, что позволило уточнить размеры раннего поселения. В течение двух полевых сезонов было собрано свыше 350 средневековых предметов с точными топографическими привязками. Время бытования 63 предметов соответствует первому хронологическому горизонту, среди них фрагменты дирхемов, поясные накладки, бронзовые украшения в наборной технике и детали шумящих украшений, бронзовая подковообразная фибула с гранчатыми головками, ножи с прямой или чуть выпуклой спинкой. По-видимому, к этой группе относятся и ножи с узким клиновидным лезвием (свыше 50 экземпляров). Керамическая коллекция, параллельно собиравшаяся на селище, содержит свыше 460 типологически определимых фрагментов лепной посуды общим весом 3,65 кг, а также 1,3 кг мелкого боя лепных сосудов.

Анализ пространственного распределения собранного материала позволяет утверждать, что площадь раннего поселка составляла не менее 1,5 га.

Другой участок раннего культурного слоя зафиксирован на противоположном правом берегу р. Ирмес несколько ниже по течению. Он документирован керамическими материалами, собранными на площадке селища Весь 3 (площадь памятника 12,5 га). Селище расположено на территории современного крупного села, что существенно затрудняет возможности его изучения. Тем не менее, в ходе разведочных работ 2001 г. удалось собрать выразительную коллекцию керамики (свыше 450 определимых фрагментов), помимо этого было зафиксировано 20 индивидуальных находок преимущественно с широкой датировкой. В ходе работ было выделено пять близких по размерам участков. Лепная керамика представлена на всех участках. Всего выявлено 66 фрагментов лепной посуды, в том числе 29 фрагментов венчиков. Наибольшая концентрация лепной керамики в подъемном материале зафиксирована на западной оконечности селища (участок 1–36 фрагментов), постепенно снижаясь к востоку (участок 2–14 фрагментов, участок 3–11, участки 4 и 5–2 и 3 фрагмента соответственно). Однако полученная картина обманчива: восточная половина памятника расположена в центре современного села, в зоне наиболее интенсивного отложения культурных слоев XII–XVIII вв., и материалы более раннего времени недостижимы при поверхностных обследованиях. Это предположение подтверждается материалами шурфа, заложенного на участке 4. Здесь на глубине 60 см от современной поверхности зафиксирован гумусированный слой, содержащий чистый лепной комплекс (36 фрагментов). В силу вышеупомянутых особенностей памятника определить площадь распространения раннего культурного слоя затруднительно, но не вызывает сомнения, что она составляет несколько гектар.

Возможности узкой датировки керамического комплекса весьма ограничены, тем не менее, позволим себе высказать ряд наблюдений. Верхняя дата бытования керамических наборов без примеси посуды, изготовленной при помощи гончарного круга, по данным раскопок суздальских селищ – конец X – начало XI в. Так, на селище Большое Давыдовское 2 только 45% объектов, датироваемых концом X – началом XI в., не содержали фрагментов круговой посуды. В материалах более позднего времени таких объектов не выявлено (подробнее см.: Федорина, Красникова, 2012).

Обратимся к некоторым типологическим особенностям керамического набора поселения Весь 3: около 40% лепных стенок, происходящих с селища, имеют гладкую поверхность, из 11 сохранившихся на значительную высоту венчиков – три экземпляра принадлежат сосудам «мерянского» типа с высоким плавно изогнутым венчиком и хорошо заглаженной поверхностью (рис 2). Лепная посуда «поволжско-финского» облика выходит из употребления также на рубеже X–XI вв. Нельзя не отметить присутствие в керамическом комплексе селища Весь 3 отдельных фрагментов лепной керамики с подлощенной поверхностью, верхняя граница бытования которой в Ополье приходится на X в. Суммируя эти наблюдения, можно утверждать, что освоение площадки, занятой современным селом, начинается не позднее X в.

Оценивая дальнейшую судьбу поселения, отметим, что довольно крупная серия фрагментов венчиков круговых сосудов (293 экземпляра) содержит

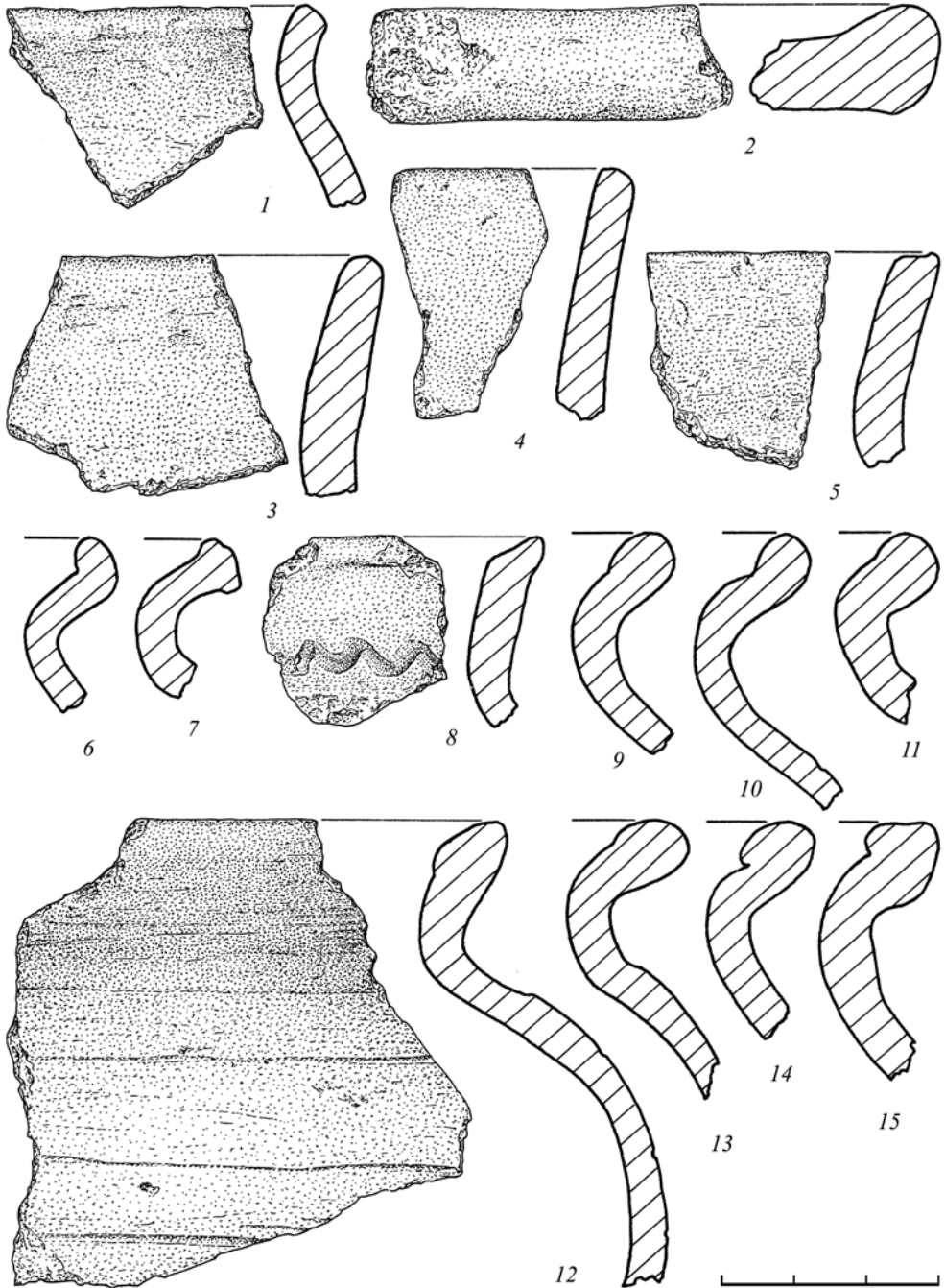

Рис. 2. Керамика из сборов на селище Весь 3

лишь 3 фрагмента, время бытования которых на памятниках Ополя приходится на XI – середину XII в. Эти фрагменты принадлежат сосудам типов II и IV по В. А. Лапшину (Лапшин, 1992). 153 фрагмента венчиков принадлежат сосудам широко распространенных общерусских типов (типы VIA, VIII), пик бытования которых приходится на XII–XIII вв., еще 137 фрагментов датируется периодом XIII–XV вв. По-видимому, можно говорить о снижении жилой и хозяйственной активности на селище Весь 3 во второй половине XI – начале XII в. Косвенно об изменении характера освоения площадки и подвижности границ поселения свидетельствует распространение круговой керамики. Наибольшая плотность керамики XII–XIII вв. связана с участком 4, откуда происходит около 90 фрагментов венчиков, тогда как на остальных участках собрано не более 20 фрагментов. Керамика, датируемая XIII–XV вв., происходит в основном с восточной половины селища (участок 4–79 фрагментов, участок 5–37), на западе площадки керамика этой группы представлена единичными экземплярами. Все это свидетельствует, что сложившись в конце X в. как крупное «Большое» поселение, Весь 3 сохраняет этот статус и размеры по крайней мере до середины XIII в., несмотря на запустение отдельных участков, изменение местоположения дворов.

Древности XI – первой половины XII в. наиболее ярко представлены в материалах селищ Весь 1 и Весь 2. Оба памятника расположены на правом берегу р. Ирмес, к западу от селища Весь 3; между собой разделены оврагом. Особо подчеркнем, что поселенческих памятников этого периода не выявлено, площадка селища Весь 5, как уже упоминалось выше, начинает использоваться для совершения грунтовых захоронений.

Автор раскопок селища Весь 1 считала, что памятник возникает на рубеже тысячелетий, а наибольшего расцвета поселение достигает в XI в. (Мошенина, 1992. С. 62), повторное обращение к музейным коллекциям позволяет расширить этот период до середины XII в. Анализ керамической коллекции селища Весь 2 позволяет говорить о синхронности поселений. Так, из 55 фрагментов керамики, собранных в ходе работ 2001 г., 43 принадлежали лепным сосудам (в том числе 8 фрагментов венчиков), 4 фрагмента представляют венчики круговых сосудов типов II и IV по В. А. Лапшину, 1 фрагмент типа VIIA (рис. 3). Преобладание среди лепного материала стенок сосудов с грубой поверхностью и принадлежность всех венчиков к горшкам с невысокой шейкой, получившим распространение в центральных районах Суздальской земли на рубеже тысячелетий, не позволяет датировать возникновение селища раньше конца X в. Вероятно, памятник прекращает свое существование в XII–XIII вв., этому не противоречит присутствие в коллекции небольших венчиков сосудов XIII–XV вв.

Материалы следующей эпохи, XII–XIII вв., присутствуют на всех шести поселениях весьского куста. Именно к этому периоду относится повторное освоение левобережных территорий: возобновляется поселение на площадке Весь 5, возникает в непосредственной близости от него небольшое поселение Весь 8, а также селище Весь 6, расположенное выше по течению. Обращает на себя внимание однородность керамических коллекций: от 25 до 66% составляют венчики сосудов типа VIII по Лапшину (преимущественно подтип А) – это горшки с изогнутой шейкой и внутренней закраиной по венчику; 18–35% – доля сосудов

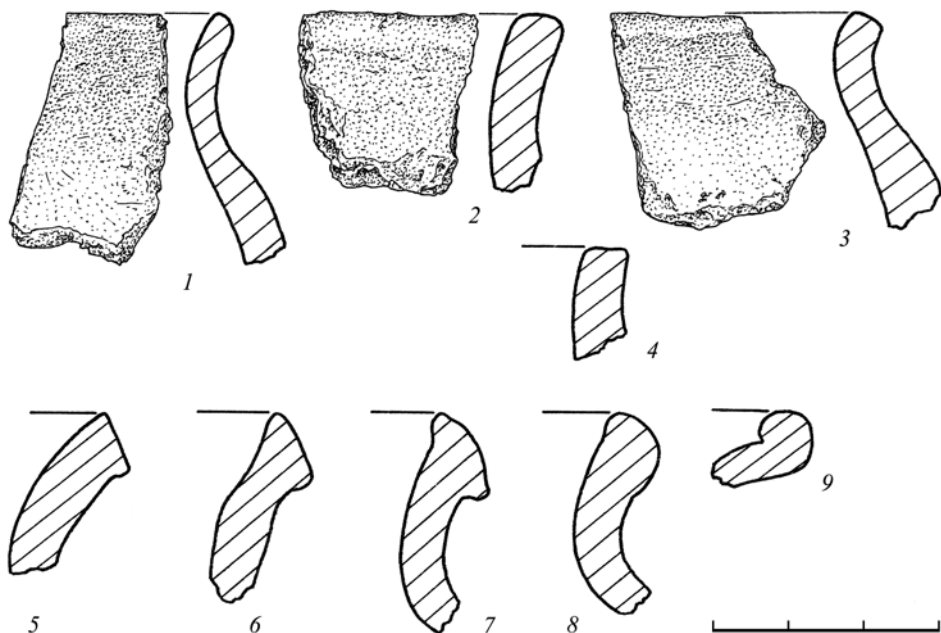

Рис. 3. Керамика из сборов на селище Весь 2

типа VIa – горшков с высоким раструбовидным венчиком. Такая ситуация весьма характерна для памятников региона.

Древности удельного времени зафиксированы в четырех пунктах. На селище Весь 5 керамика и находки этого времени немногочисленны, что позволяет говорить о верхней хронологической границе на рубеже XIII–XIV вв. На площадке Весь 2 – единичны и не вполне соотносятся с остальным керамическим материалом, маркируя эпизодическую хозяйственную активность. Материалы селища Весь 6 недостаточны для достоверных выводов (коллекция содержит 10 фрагментов). Таким образом, к XIV в. ситуация стабилизируется: окончательно формируется крупное поселение на правом берегу р. Ирмес – село Весь, первое письменное упоминание о котором относится к 20-м гг. XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

- Захаров С. Д., 2014. Информационный потенциал культурного слоя, пострадавшего от распашки // КСИА. Вып. 233. С. 100–113
- Латшин В. А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М. С. 90–102
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., Шполянский С. В., 2010. О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздалем // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / Отв. редакторы: А. Е. Мусин (ред.-сост.), Н. В. Хвоцинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 113–141

- Макаров Н. А., Красникова А. М., Карпухин А. А., 2009. Курганные могильники Суздальской округи в контексте изучения средневекового расселения и погребальных традиций // Великий Новгород и средневековая Русь: сборник статей: к 80-летию академика В. Л. Янина. М.: Памятники исторической мысли. С. 432–454
- Мошенина Н. Н., 1992. Раскопки селища Весь близ города Суздаля // Городецкие чтения. Городец. С. 60–62
- Федорина А. Н., Красникова А. М., 2012. Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздалем // РА. № 4. С. 99–110.

Сведения об авторе

Федорина Анастасия Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: nasfed@yandex.ru.

A. N. Fedorina

Medieval sites near village Ves' in Suzdal vicinity

Abstract. The paper is devoted to the publication of the materials from the cluster of sites investigated near the village Ves' – one of the key medieval archaeological complexes in the central part of the Suzdal Opolje. The author's attention is focused on the correlation of phenomena of stability/mobility, based on the developing settling structures within the wide chronological range from the 9th to the 15th cc.

Key words: medieval settling, Vladimir-Suzdal Rus, dynamics of colonization processes

About the author

Fedorina Anastasia N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: nasfed@yandex.ru.

Н. В. Жилина

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯРУСА ИЗ ОЧЕЛЬНЫХ ДУЖЕК
В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОЛОВНОМ УБОРЕ

Резюме. В статье показаны антично-византийские корни традиции оформления валика надо лбом в прическе и крепления его полукруглыми дужками (рис. 1). Наряду с этим проанализированы древнерусские основы сходных конструкций очелья по материалам погребений и кладов, уточнены детали конструкции очелья из дужек.

Ключевые слова: Византия, Древняя Русь, очелье, валик, прическа, пробор, дужки, трехбусинные, реконструкция

В древнерусском женском головном уборе XI–XIII вв. присутствует ярус из дужек-полуколец, закрепленный на очелье. На такое использование дужек указал Н. П. Кондаков, отметив византийское происхождение подобной традиции. Дужки поддерживали косу надо лбом, покрытую полосатой тканью, полосы находились в ансамбле с вертикальным расположением дужек (Кондаков, 1896. С. 119).

В наиболее роскошных русских кладах присутствуют пластинчатые гладкие или филигранные золотые и позолоченные дужки. В кладах с серебряными украшениями типичны трехбусинные полукольца. Г. Ф. Корзухина предположила их аналогичное использование в головном ярусе, что впоследствии было подтверждено находкой трехбусинного очелья из клада в Старой Рязани 1992 г. (Корзухина, 1954. С. 61, 62; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 64–78. Рис. 25–41).

Статья ставит задачу показать древние корни подобной традиции, а также уточнить некоторые детали конструкции очелья из дужек.

На греческой архаической и этрусской женской скульптуре локоны надо лбом рельефно уложены, так что имеют волнистую или даже ребристо-рифленую поверхность (кора из Афин, 520 г. до н. э.; антефикс из Цере, около 550 г. до н. э.). Как особенность прически греческих женщин Г. Вейс отмечает закрывание лба, локоны или косы укладывались вокруг головы (Вейс, 2000. Т. I. С. 437. Рис. 264).

В женских прическах эпохи античности для поддержки волос используются конструкции из ткани и металла (рис. 1, 1, 2). Это различного рода пластины, объемные подставки, скобки. Задачей их являлось закрепление масс волос в устойчивом положении: например, горизонтальном для греческого узла (крупные скобки и своеобразные кузова) или приподнятом надо лбом (диадема). Одна из крупных лент-скобок занимала очельное положение и имела дугообразное сечение, иногда здесь использовалась одна круговая деталь, иногда две полукруглых, сверху и снизу. Верхняя часть при этом имела тенденцию превратиться в диадему и корону с зубцами. В тканевых конструкциях с такой задачей справлялись ленты. И в том и в другом случае надо лбом образуется выпуклость в виде валика. Часть волос, выпускавшихся ниже очельного яруса, завивалась особо, иногда в виде вертикально расположенных ровных локонов, внешне похожих на позднейшие дужки.

В Древнем Риме валик из завитых волос надо лбом приобрел внушительные размеры. Применялись либо обводка кос вокруг головы в два и более ярусов, либо обрамление лба локонами. Древнейшая римская прическа предполагала разделение волос на прямой пробор, локоны укладывались на две стороны (Вейс, 2000. Т. I. С. 571, 572. Рис. 414). В результате валик получался разделенным надвое, на нем пробор также обозначался (рис. 1, 3–6).

Эти традиции наследует византийский женский убор. С раннесредневекового времени прослеживается валик надо лбом, закрытый тканью и прикрепленный дужками. Два изображения начала VI в., связываемые с императрицей Ариадной, показывают, что он сочетается с различными головными уборами.

Более простой убор типа мягкого кичкообразного чепца показан на мраморной скульптуре начала VI в. из Лувра (рис. 1, 7). Самый нижний ярус представляет

Рис. 1. Предыстория и история дужек очелья

1, 2 – Греция, конструкции поддерживающие прическу «греческий узел» (Вейс, 2000. Т. I. Рис. 264: ж, з); 3 – Рим, скульптурный портрет Юлии Домны, 200 г. н.э., локоны на прямой пробор, обрамляющие лицо (Мерцалова, 1993. Т. I. С. 125. Рис. 113); 4–6 – прямой пробор, валики из завитых волос (Вейс, 2000. Т. I. Рис. 414: б, з, д); Византия, VI в. – 7 – мраморная скульптура (Ариадна?), Лувр (louvre.historic.ru; 21.12.2014); 8 – императрица Ариадна, панель императорского диптиха из Национального музея Барджелло (ru.wikipedia.org; 21.12.2014); 9, 10 – императрица Феодора и придворная дама, мозаика собора Сан-Витале в Равенне (Каплан, 2002; С. 38, 39); 11 – дужка византийского очельного яруса, 5,0×1,3 см (Банк, 1966. № 1076); 12 – реконструкция убора по погребению из кургана № 54 Березовецкого могильника (Степанова, 2009. Рис. 12: 6).

собой выпуклый валик, покрытый тканью, сильно надвинутый на лоб. С лицевой стороны отчетливо показаны пять двойных или спаренных дужек, каждая из которых украшена тремя крупными драгоценными камнями.

Более сложный парадный убор Ариадны, включающий корону и обильные рясна, изображен на панели императорского диптиха из Национального музея Барджелло (Италия, Флоренция) (рис. 1, 8). Очельный ярус с дужками показан абсолютно аналогично. Сверху находится коронообразный головной убор с крупным трилистником в центре.

Знатные женщины на мозаике 431 г. из церкви Санта Мария Маджоре в Риме также имеют подобный ярус из драгоценных дужек.

На изображении императрицы Феодоры на мозаике собора Сан-Витале в Равенне VI в. н. э. видно также пять участков расположения дужек с округлыми драгоценными камнями или жемчугом, по краям они парные, а в центре показано четыре ряда драгоценных камней, вероятно, соответствующих четырем дужкам. Между этими группами показаны более узкие прямые разноцветные полосы, которые, возможно, соответствуют ткани убруса. Центральные дужки четко делят всю конструкцию на две части. Под дужками и тканью находятся коса или локоны, вероятно, разделенные на прямой пробор (рис. 1, 9).

Головной убор императрицы Феодоры еще более сложен. Во-первых, он дополнен женской зубчатой короной, аналогичной короне Ариадны: видны зубцы, поднимающиеся внутри, из центра. Во-вторых, снаружи он дополнен диадемой, аналогичной мужской инсигнии власти, показанной на парной мозаике с изображением императора Юстиниана. Убор завершается крупным трилистником, соответствующим короне.

Впоследствии из этого нагромождения образуется более рациональная сплошная парадная конструкция: ярусная корона или женский городчатый венец. На известных изображениях с короной ярус дужек отчетливо не виден, вероятно, он накрыт короной: императрица Зоя (1042–1056 гг.), императрица Ирина (1118 г.) на мозаиках Софийского Собора в Константинополе, русская княгиня Ирина на миниатюре Трирской Псалтыри (40–50 гг. XI в. из архива г. Чивидале, Италия).

Менее пышный вариант убора наблюдается у придворных дам, стоящих рядом с императрицей Феодорой мозаики в Равенне. Г. Вейс указывает, что здесь использован полотенчатый убор персидского происхождения, состоящий из двух перекрученных полотнищ разного цвета (Вейс, 2000. Т. II. С. 52, 53. Рис. 36). На лбом расположено полотнище с симметричными дужками, сгруппированными по две, но без выделения центральной группы. Очевидно, что они более просты, показаны однотонными полосами. Некоторые линии, возможно, относятся к орнаментации ткани.

Убор мучениц на мозаике Сант-Апполинарио Нуово в Равенне VI в. демонстрирует ту прическу, которая накрывалась тканью и скреплялась дужками: от центральной линии надо лбом волосы прямым пробором разделяются на две симметричные части, обрамляя голову. Аналогичная структура прически и очельного яруса просматривается и на изображении святых мучениц в Церкви Санта Мария в Чивидале дель Фриуле (Италия, VIII в.).

Одна такая золотая дужка конца VI в. сохранилась в собрании ГЭ, три круглых гнезда для жемчуга соединены трубчатыми спиралями, на концах находятся петли (рис. 1, 11) (Банк, 1966. № 1076. С. 294). Ее внешний вид очень хорошо соответствует дужкам на мраморном изображении Ариадны.

На иконных изображениях Богоматери и святых жен под мафорием обычно виден еще один платок с вертикальными полосами, что демонстрирует тот же убор. Полотенчатые головные уборы служанок, помогающих Богоматери, выполнены из полосатой ткани; металлических и тем более драгоценных украшений они не содержали. Но важно, что они показывают именно такую ткань с полосами, которая подходила для описываемого убора с дужками. Полосатую ткань убрисов знают и позднейшие миниатюры русских летописей.

Металлические конструкции для поддержки волос, чаще всего металлические кольца или цилиндры, известны в уборах различных народов. В «кладе Приама» и отдельных находках из Трои середины – третьей четверти III тыс. до н.э. (комплексы А, D, F, J, N, R) известны кольца для волос из золота, серебра и единично из бронзы диаметром в среднем от 1,0 до 2,0 см, сделанные из спаянной проволоки или спирально свернутые из проволоки (The Treasure of Troy..., 1996. С. 13, 53–71, 100–103, 134, 138, 179, 186, 191, 203–206, 225–229). В период бронзового века они распространены на территории Ирана, Месопотамии и Восточной Европы.

В мусульманском головном уборе кольца прикреплены сзади к небольшой теменной шапочке или верхней бляхе головного убора (Beys, 2000. Т. II. С. 182, 183. Рис. 129: а). В головном уборе муромы IX–X вв. в состав убранства косы входили трубки-пронизки, охватывавшие ремешки, вплетенные в косу (Финноугры..., 1987. С. 88).

В Древней Руси, в славянском костюме для подобной цели также наблюдались в основном кольцевые конструкции. В погребениях Верхневолжья X–XIII вв. зафиксированы следующие варианты использования: проволочные и бусинные височные кольца надевались или подвешивались на налобный венчик вокруг головы или на спускавшиеся с него ленты-тесмы или тонкие кожаные ремешки, использовались для пропуска и вплетения волос (прядей кос), продевались друг в друга (Степанова, 2009. С. 37, 84, 94, 100, 126, 133, 141, 142, 154, 158, 168, 171. Рис. 11: 7; 12: 1; 36, 39, 78, 146–148, 150–152, 164, 169).

Для нашей темы наиболее интересны дугообразные проволочные шпильки с заостренными или спиралевидными концами из курганов № 54, 61 и 134 Березовецкого могильника. Согласно одному варианту реконструкции, дугообразные детали прикрепляли группы из трех концентрически расположенных браслетообразных височных колец к прическе (Успенская, 1993. С. 92. Рис. 5). Согласно другому варианту реконструкции Ю. В. Степановой, каждое кольцо могло крепиться к венчику отдельно, поскольку количество дужек и колец одинаково (рис. 1, 12). В кургане 61 кольца прикреплены дужками к кожаным лентам-рясам, свисавшим по сторонам головы (Степанова, 2009. С. 84. Рис. 12: 6; 31). Второй вариант реконструкции убора из кургана 54 наибольшим образом сходен с использованием дужек в византийской традиции. Это демонстрирует местную основу подобной конструкции, отличавшуюся от византийской в деталях.

Византийской традиции созвучна и конструкция убора и прически, зафиксированная в женском погребении кургана 19 (Новоселки, Московской обл., середина XII – первая половина XIII в.). Очелье этого убора представляло собой жгут, скрученный из волос и тесьмы, то есть образовывало небольшой валик вокруг головы. Семилопастные височные кольца были подвешены на шнурах. В другом погребении зафиксировано и продевание волос в кольцо (Зоц, Зоц, 2012. С. 67, 73, 74. Рис. 1, 6).

На Руси гладкие и филигранные пластинчатые дужки появились приблизительно к концу XI – началу XII в. Две крупные бусинные дужки ориентировочно начала XI в. имеются в составе клада из Шалахова Витебской губ. (Корзухина, 1954. № 49: 8; Жилина, 2014а. С. 226–228. Рис. 101). Более широкое распространение дужек относится, вероятно, ко второй половине XII в. (Жилина, 2010. С. 217, 218. Рис. 135; 2014а. С. 82, 84. Рис. 59).

Наблюдается деформация трехбусинных колец в сторону дужек (Корзухина, 1954. С. 61; Жилина, 2010. Рис. 63. С. 116–119). Русский убор, опираясь и на некоторые собственные традиции, в целом воспринимает византийскую норму. Бусинные украшения с петлей и ромбическим щитком на концах стержня, использовавшиеся в основном в конструкции рясен и удобные для надевания на очельные или височные ленты, меняют свою форму, становясь дужками. Прослежены различные варианты и пути такого приспособления: снятие бусин в подражание гладким плоским дужкам, обрубание дужек, оформление грубых петель из стержня для соединения украшений в варианте очелья. Впоследствии, ближе ко второй половине XII в., начинается изготовление именно дужек с двумя петлями на концах. Кроме того, возникает специально сконструированное окончание для яруса дужек из трехбусинных колец, такие держатели найдены в составе клада из Старой Рязани 1992 г. (Жилина, 2014а. № 191. С. 336, 337).

Если ранневизантийские варианты очелей поддерживали и скрепляли реальную косу, то в более поздний период в Древней Руси очелье имело твердую или плотную, сегментобразную в сечении, основу. Кроме того, известны прямые трехбусинные стержни. Возможно, в такой форме их изготавливали и отдавали заказчику, а изгибание, приспособление к конкретным головным уборам, происходило позже. Но также можно предполагать, что дужки накладывались не на валообразную основу, а на прямую, которую имели некоторые формы головных уборов, развившиеся впоследствии (короны, кокошники).

В материале древнерусских кладов в одном наборе находится, как правило, около или более 10 дужек. Судя по количеству используемых украшений, в древнерусских конструкциях дужки располагались преимущественно плотно или с небольшим промежутком, на котором было видно ткань.

По ряду кладов были известны способы скрепления дужек между собой проволокой, проходящей в их петли (Корзухина, 1954. С. 60–62). Иной способ крепления дужек зафиксирован в кладе из Старой Рязани 2005 г. (Старая Рязань..., 2014. Табл. 42, 43).

Там были использованы две парные конструкции из петлеобразно сложенной в два ряда узкой тесьмы, к обеим краям каждой конструкции пришиты трехбусинные дужки. Можно предполагать, что две части использовались

Рис. 2. Реконструкция очелья клада из Старой Рязани 2005 г.

1 – часть очелья с сохранившимся креплением (пришиванием) дужек; 2 – реконструированная часть из аналогичных трехбусинных украшений и их фрагментов (2 – фото Н. В. Жилиной)

либо в очелье, либо соответствовали височным парным лентам (Жилина, 2014б. Рис. 36, 37). Данный способ крепления можно считать промежуточным между славянской и византийской конструкцией и относить ко второй половине XII в.

Две группы дужек середины XII в., скрепленные проволокой, имеются в кладе из Вербов Львовской обл. (Корзухина, 1954. № 143: 2; Жилина, 2014а. С. 292).

В старорязанском кладе 2005 г. хорошо сохранилось скрепление одной половины очелья. Оно становится образцом для восстановления аналогичной второй части: в составе клада имеются фрагменты аналогичных трехбусинных украшений, из которых можно собрать точно такую же парную часть. Сохранилось и фрагментарное скрепление этих украшений с тесьмой (рис. 2).

В центре очелей обычно находились наиболее нарядные дужки, а по краям – более простые. В центре очелья клада из Старой Рязани 1992 г. в центре основной части размещены полуажурные кольца, а по краям – по одному глухому с зерненным узором. Следовательно, реконструируя очелье клада 2005 г., надо развернуть конструкции из тесьмы петлями к центру, поскольку по краям тогда разместятся более простые дужки из гладких бусин. При этом разделение на две части оказывается выделенным петлями. Возможно, это соответствует варианту антично-византийской традиции выделения прямого пробора.

Христианская иконография дает интересные примеры, демонстрирующие традицию, которая могла отразиться и на светском костюме. В центре лба, в районе разделения волос на прямой пробор, действительно могли укрепляться более эффектные высокие или широкие украшения. Трилистник закреплен на ликах в белокаменной владими́ро-суздальской резьбе, там также постоянно изображена прическа на прямой пробор. В уборе ангелов и архангелов в центре пробора закреплена драгоценная брошь (?) с дугообразными краями, возможно, происходящая от трилистника.

В целом, выявленные детали конструкции древнерусской прически и убора показывают еще более тесную связь с антично-византийской традицией, но проявляют и возможный процесс активизации собственных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

- Банк А. В., 1966. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М.: Советский художник. 392 с.
- Вейс Г., 2000. История цивилизации. М.: ЭКСМО-Пресс. Т. I. 752 с. Т. II. 608 с.
- Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. Дата обращения: 23.01.2015.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.: КРУГЪ. 448 с.
- Жилина Н. В., 2010. Зернь и скань Древней Руси. М.: ЗАО «Гриф и К». 260 с.
- Жилина Н. В., 2014а. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS. 400 с.
- Жилина Н. В., 2014б. Реконструкция ювелирного убора клада 2005 г. Из Старой Рязани: заметки по хронологии и стилистике украшений // Старая Рязань. Клад 2005 г. / Отв. ред. А. В. Чернецов. СПб., М.: Нестор-История. С. 80–95.
- Зоц Е. П., Зоц С. А., 2012. Женский костюм и его детали по материалам курганного могильника Новоселки 2 // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время: материалы международного научно-образовательного семинара (9–10 ноября 2012 г.). Вып. 2 / Сост., ред. Ю. В. Степанова; науч. ред. Н. В. Жилина. М.; СПб.: Альянс-Архео. С. 66–75.
- Каплан М., 2002. Золото Византии. М.: Астрель: АСТ. 176 с.: ил.
- Кондаков Н. П., 1896. Русские клады: Исследования древностей великокняжеского периода. СПб.: Императорская Архивная комиссия. 214 с.
- Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 226 с.
- Мерцалова М. Н., 1993. Костюм разных времен и народов. Т. I. М.: АО «Академия моды». 544 с.
- Музей Лувр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://louvre.historic.ru>. Дата обращения: 23.01.2015.
- Старая Рязань. Клад 2005 г. / Отв. ред. А. В. Чернецов. СПб., М.: Нестор-История. 104 с.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987. Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. 512 с. (Археология СССР).
- Степанова Ю. В., 2009. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Тверской гос. ун-т. 364 с.
- Успенская А. В., 1993. Березовецкий могильник X–XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М.: ГИМ. С. 79–135. (Труды ГИМ; вып. 82).
- The Treasure of Troy. Heinrich Schliemann's Excavations, 1996. Moscow: Pushkin Museum: Leonardo Arte. 240 с.

Сведения об авторе

Жилина Наталья Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: nvzhilina@yandex.ru.

N. V. Zhilina

The origin of relief arch-band in medieval Russian female headdress

Abstract. In the article the origins of a constructive part of medieval Russian female headdress are investigated. The relief band in the hair-dress worn over the forehead fixed by metal arches is related to the traditions of Classical antiquity and Byzantium (Fig. 1). Details of similar headdresses from burials and hoards are analyzed, also a detailed reconstructions of the frontal bands suggested.

Key words: Byzantium, Medieval Rus, frontal band, relief band, hair-dress, hair-parting, three-bead arches, reconstruction

About the author

Zhilina Nataliya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: nvzhilina@yandex.ru.

И. Н. Кузина

ТОРГОВЛЯ СТЕКЛЯННЫМИ БУСАМИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Резюме. В статье затрагиваются вопросы определения торговых путей и экономических связей Древней Руси. Стекланные бусы в силу своей многочисленности среди находок на древнерусских памятниках являются информативным источником для изучения указанных проблем. Однако на сегодняшний день отсутствует универсальная методика определения торговых путей. В статье рассматриваются отдельные методы, применяемые исследователями, и некоторые результаты их работы.

Ключевые слова: Древняя Русь, стекланные бусы, торговые пути, теория Р. Андреа.

Бусы – особая категория стекланных изделий, как исторический источник обладающая особенно широкими информационными возможностями. Массовость этой категории находок, типологическое разнообразие, широкое распространение в домонгольскую эпоху на территории Древней Руси и прослеживаемые особенности бытования позволяют исследователям обращаться к теме экономических связей Руси, и в первую очередь – причинам распространения бус и определению торговых путей. Последним двум темам в разные годы посвящались отдельные исследования. В этой статье рассматриваются некоторые итоги изучения названных тем.

Стекланные бусы часто являются многочисленной, а иногда массовой находкой на памятниках Древней Руси конца X – первой половины XI в., однако в археологических коллекциях они представлены неодинаково. На ранних памятниках количество бус обычно выше, чем на памятниках с поздними напластованиями. Эта особенность распределения стекланных бус была, вероятно, впервые отмечена Ю. Л. Шаповой на материалах Новгорода (*Шапова*, 1956. С. 178–179) и получила подтверждение в других исследованиях (*Львова*, 1968. С. 64–65, *Леонтьев*, 1998. С. 147). Бытование различных типов бус также изменяется со временем. В связи с этим можно выделить три основных хронологических периода.

Для конца X – начала XI в. характерны бусы из тянутых трубочек, в том числе с металлической (главным образом, серебряной) фольгой, так называемые глазчатые в овалах, с всевозможными мозаичными глазками, рубленый бисер

и др. Большинство из этих типов широко распространено на памятниках Древней Руси и прилегающих территориях. Исследователи отмечают значительное преобладание бус восточного происхождения. Региональные особенности их распространения прослеживаются нечасто.

В XI в. получают широкое распространение типы, характеризующиеся общими приемами изготовления (навивкой – индивидуальной или малой серийности), декорирования и составом стеклянной массы. Новые типы бус считаются византийскими по происхождению и практически абсолютно преобладают среди украшений из стекла, распространенных в Восточной Европе в то время. Среди них особенно заметны самые разные по форме так называемые кобальтовые бусы (иногда с декором) и бусы с металлической фольгой – золотой и серебряной, бугорчатые – ягодovidные, треугольные заглуженного стекла – с тремя выпуклыми глазками.

На рубеже XI–XII вв. происходит следующая смена ассортимента стеклянных бус, бытовавших на территории Древней Руси. Это связано, помимо прочего, с развитием древнерусского стеклоделия. Вместе с изделиями русского производства заметен импорт из Волжской Болгарии и, вероятно, стран Западной Европы.

Видимые различия фиксируются в численности бус по регионам. Особенно многочисленны находки стеклянных бус на памятниках Русского Севера. З. А. Львова, детально изучившая состав и особенности распространения стеклянных бус на территории северной части Европы, пришла к выводу, что в основе этого явления лежит пушная торговля (Львова, 1968. С. 91–94; 1977). Бусы, по мнению З. А. Львовой, – один из трех в цепочке неэквивалентного обмена по схеме: бусы – меха – серебро. Стеклянные бусы были не единственным товаром, приобретаемым в обмен на меха, но они, в силу своей многочисленности, являются для нас наиболее ярким показателем пушной торговли, особенно на Севере Восточной Европы.

Чтобы установить все стороны – участницы неэквивалентного обмена, необходимо определить торговые пути, по которым стеклянные бусы поступали в разные районы Руси на протяжении более чем двух столетий.

Для X в. главными называются пути из варяг в греки, волжский путь и его ответвления, путь морем вокруг Европы к поселениям на Балтийское побережье, в первую очередь в Старую Ладугу. О торговых путях XI в. известно значительно больше. Предполагается, что основными торговыми магистралями, по которым в XI столетии византийские изделия из стекла поступали на территорию Руси, являлись Волга и западнорусский путь. В начале XI в. византийцы «наследовали» волжский путь от арабских купцов (Щанова, 1991. С. 159, 162, 163). С территории Древней Руси они попадали, очевидно, в Финляндию и на Готланд (*Thunmark-Nulèn*, 1995). Вдоль предгорий Кавказа купцы из Византии попадали к низовьям Волги, далее поднимались до Болгара, откуда купцами-перекупщиками византийские товары развозились по всей территории Руси.

Естественно, что в XI в. волжский путь был значимым, но далеко не единственным. На север и северо-запад Руси византийские товары в течение всего столетия и позже поступали в Новгород по днепровскому пути (Рыбина, 1971). В Волжскую Болгарию часть предметов роскоши, в том числе некоторые

византийские изделия из стекла, попадали через русские земли, т. е. минуя Поволжье (Валиулина, 2005. С. 121). В это же время западнорусские земли с черноморским регионом и Балтикой традиционно связывал другой путь – с Нижнего Дуная по его левым притокам, Западной Двине и Неману, и, минуя Киев, через Венгрию и Болгарию (Мугуревич, 1965. С. 98–99; Гуревич, 1988; Щапова, 1991. С. 170–171; и др.).

Часть перечисленных направлений была определена по распространению и наибольшей концентрации на памятниках так называемых кобальтовых бус (Щапова, 1991). Удалось установить наиболее вероятные пути распространения двух типов бус: с золотой и серебряной фольгой и белоромбических. Они попадали на Русь по ответвлениям западного пути, минуя волжский, а в нижнее течение Волги – также с запада, вдоль Кавказских гор (Захаров, Кузина, 2008. С. 212–214). В целом же для детального определения направления путей внутренней торговли стеклянными бусами в XII–XIII вв. данных на сегодняшний день недостаточно. Надо признать, что отсутствует и единая методика определения конкретных торговых путей или общих направлений торговли, но постепенно появляются и небезуспешно опробываются отдельные методы. Среди удачных можно назвать едва ли не первую в этой области попытку установления конкретных путей продвижения стеклянных бус, предпринятую в 1991 г. Ю. Л. Щаповой и Ю. А. Лихтер. Следуя теории Р. Андреа (1975) о трех комбинациях, исследовательницы определили пути поступления бус на территорию Гнёздовского археологического комплекса (Лихтер, Щапова, 1991).

Другой пример относится к региону Курского Посемья. Сравнивая количество золотостеклянных и белоромбических бус в наборах из погребений гочевского и липинского могильников, удалось связать их с функционированием разных торговых путей: Гочевский – с сухопутной дорогой Киев – Болгар, а Липинский – с водным путем, выходящим на Оку и Волгу (Енуков, Щавелев, 1996. С. 25–27). И, как следствие, авторы работы приходят к мысли, что золотостеклянные и белоромбические византийские бусы могли попадать в Посемье с запада – из Поднепровья, хорошо известной водной дорогой до Курска.

Типологическое и статистическое сравнение коллекций стеклянных бус из могильников и поселений Центрального Белозерья и Кубенозерья позволило определить основные пути поступления бус на Русский Север и проследить более детально торговые связи в этом регионе (Захаров, Кузина, 2008. С. 198–215).

Нередко для решения поставленной проблемы исследователи прибегают к уже упомянутой теории Р. Андреа – теории о трех комбинациях наборов (образцовой, сборной и основной, состоящих, соответственно, из бус одинаковых по происхождению, различных и преимущественно одинаковых с добавлением других), введенной в отечественный научный оборот Ю. Л. Щаповой (1991). Результатом ее применения должно быть определение характера экономических связей производителя стеклянных бус и их конечного потребителя. Полученный результат указывает на прямую или косвенную заинтересованность сторон в обмене. На практике возможно двойное толкование каждой из комбинаций (ср., например: Лихтер, Щапова, 1991; Столярова, 2008).

В первом случае под бусами одного происхождения можно понимать их принадлежность к единой школе стеклоделая. Происхождение бус при этом определяется довольно широким регионом в конкретное время (Византия, Русь, Волжская Болгария, Сирия, Египет или Восточное Средиземноморье). Этот подход наталкивается на множество препятствий: для его успешного применения нужно изначально иметь данные о месте производства всех исследуемых бус, а эта проблема относится сегодня к одной из самых дискуссионных. Во втором случае под бусами, одинаковыми по происхождению, понимается их изготовление в одной мастерской, следовательно, одним или несколькими мастерами на протяжении непродолжительного времени. В связи с этим встает вопрос, что считать продукцией одной конкретной мастерской: изделия одинаковые по форме и технике изготовления, допуская разное по цвету стекло? Или бусы, изготовленные в единой технике, допуская большее разнообразие форм?

Принципиально разное понимание теории Р. Андреа, на первый взгляд, кажется непреодолимым препятствием к ее применению на практике, однако при более пристальном рассмотрении оказывается, что эти расхождения позволяют развивать ее исходные положения и приспосабливать к решению конкретных задач.

Как показывает опыт, при определении типа набора стеклянных бус по региону их производства можно проследить внешнеэкономические связи Руси в период, когда ее собственное стеклоделие находилось еще в стадии становления, т. е. в конце X–XI в.; рынок в то время был насыщен продукцией далекого импорта.

Характеристика наборов по принадлежности конкретным мастерским отвечает задаче установления внутренних связей в XII в., когда стеклянные бусы русского производства становятся преобладающими.

Применение этих двух подходов, как представляется, можно не ограничивать указанными периодами и комбинировать в зависимости от целей исследования. Конечно, предлагаемый подход не учитывает всей сложности формирования бусинных ожерелий. Исследование особенностей этого процесса, как и дальнейшее выяснение механизмов торговли стеклянными украшениями, пока остается делом будущего.

ЛИТЕРАТУРА

- Валиулина С. И.*, 2005. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. 280 с.
- Гуревич Ф. Д.*, 1988. Западная Русь и Византия в XII–XIII вв. // СА. № 3. С. 130–144.
- Енуков В. В., Щавелев С. П.*, 1996. Основные направления торговых связей Курской земли в X–XIII вв. // Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX века: сб. ст. и материалов / Отв. ред. Я. Г. Солодкин. Курск: Изд-во Комитета по культуре и искусству Администрации Курской области. С. 12–34.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н.*, 2008. Вещевой материал Мининского археологического комплекса: Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / Отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология / [Ред. С. Д. Захаров]. М.: Наука. С. 142–215.

- Леонтьев А. Е., 1998. Ростов эпохи Ярослава Мудрого (по материалам археологических исследований) // Историческая археология: традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли. С. 135–153.
- Лихтер Ю. А., Щапова Ю. Л., 1991. Гнёздовские бусы: по материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д. А. Авдусина. М.: Изд-во МГУ. С. 244–259.
- Львова З. А., 1968. Стекланные бусы старой Ладogi. Часть I. Способы изготовления, ареал и время распространения // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. С. 64–94.
- Львова З. А., 1977. К вопросу о причинах проникновения стекланных бус X – начала XI века в северные районы Восточной Европы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 18: Памяти М. И. Артамонова. С. 106–109.
- Мугуревич Э. С., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига: Зинатне. 144 с.
- Рыбина Е. А., 1971. Из истории южного импорта в Новгород // СА. № 1. С. 260–264.
- Столярова Е. К., 2008. Стекланные бусы Мякинской курганной группы // Археология Подмосковья: материалы научного семинара / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН. Вып. 4. С. 47–61.
- Щапова Ю. Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.; Л.: АН СССР. Т. I. С. 164–179. (МИА. № 55).
- Щапова Ю. Л., 1991. Византия и Восточная Европа. Направления и характер связей в IX–XII вв. (по находкам из стекла) // Византия, Средиземноморье, Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византинистов. М.: МГУ. С. 155–177.
- Andrea R., 1975. Mosaik augen perlen. Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolingischer Millefiori glasperlen in Europa // Acta Praehistorica et Archaeologica. № 4. Berlin. S. 101–198.
- Thunmark-Nulén L., 1995. Churchyard Finds from Gotland (11th – 12th centuries) // Archaeology East and West of the Baltic: Papers from the Second Estonian-Swedish Archaeological Symposium (Signtuna, May 1991) / Ed. I. Jansson. Stockholm: University of Stockholm. P. 161–193. (Theses and Papers in Archaeology. New Series, 7).

Сведения об авторе

Кузина Инна Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: kuzina.i@gmail.com.

I. N. Kuzina

Trade in glass beads in Medieval Rus: some issues of national historiography

Abstract. The paper dwells upon identification of trade routes and economic relationships in Medieval Rus. Glass beads are one of the most numerous categories of finds at medieval Russian sites and as such a valuable source for discussion of these problems. Yet at present no generally accepted method of tracing trade routes exists. The author considers some methods and results some scholars have obtained in this field.

Key words: Medieval Rus, glass beads, trade routes, R. Andrea's theory

About the author

Kuzina Inna N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: kuzina.i@gmail.com.

С. Д. Захаров

НОВЫЕ МЕТОДЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОЛЛЕКЦИЙ СТЕКЛЯННЫХ БУС

Резюме. В статье рассматривается зависимость состава коллекций стеклянных бус различных средневековых памятников от применения новых методов исследования, одним из которых является промывка слоя. На примере памятников центрального Белозерья наглядно показано, что при традиционных методах исследования частота встречаемости определенных видов бус определяется их размером, цветом и некоторыми особенностями культурного слоя.

Ключевые слова: стеклянные бусы, промывка слоя, репрезентативная выборка, центральное Белозерье.

Стеклянные бусы являются, вероятно, одной из наиболее красочных и привлекательных категорий средневековых находок, получаемых при раскопках. Внушительный информационный потенциал, заложенный в бусах, способен превратить их в самостоятельный источник исторической информации (см., например: *Львова*, 1970; *Щапова*, 1972, 1991, 1998; *Галибин*, 2001; *Callmer*, 1977). При этом количество найденных бус априори рассматриваются как некая данность, адекватно отражающая все особенности их бытования. И практически не ставится вопрос о том, какие коррективы в полученную картину может внести изменение методических и технических приемов ведения раскопок. Между тем, в последние годы, благодаря все более широкому использованию новой методики исследований, включающей в себя масштабную промывку и просеивание изучаемых напластований на мелкоячеистых ситах, правомерность такого подхода начинает вызывать все большие сомнения.

Накопленный опыт показывает, что используя традиционную методику раскопок, полноценные коллекции бус можно собрать при исследованиях лишь одной группы средневековых памятников – могильников с погребениями по обряду ингумации и только при условии отсутствия разрушенных погребений. На поселениях и в могильниках с кремациями от 65 до 99% всех содержащихся в слое бус при отсутствии промывки ускользает из рук исследователей, попадая в отвалы (табл. 1)¹.

Особенно показательны в таблице 1 данные по трем памятникам – Гнёздову, Крутику и Никольскому V, поскольку раскопки на каждом из них велись с применением разных методов. Сравнивая включенные в таблицу цифры, можно установить, что при раскопках по традиционной методике в Гнёздове удалось

---

¹ Большинство включенных в таблицу 1 поселений хорошо известны, но два из них, возможно, нуждаются в кратком представлении (рис. 1). Поселение Крутик (IX–XI вв.) в центральном Белозерье, относится к кругу памятников, связанных с системой ранней международной торговли (*Голубева, Кочкуркина*, 1991; *Захаров*, 2004. С. 107–118; *Захаров*, 2012). Миниатюрное селище Никольское V (X – начало XI в.), общая площадь которого не превышала 0,15 га, также располагалось в центральном Белозерье (*Макаров, Захаров, Бужилова*, 2001. С. 137; *Захаров*, 2012).

Таблица 1. Сравнительная характеристика насыщенности стеклянными бусами культурного слоя некоторых средневековых поселений при раскопках по традиционной методике и с полной промывкой напластований.

Раскопки по традиционной методике	Стеклянные бусы и бисер (шт.)	Вскрытая площадь (кв. м)	Находок на кв. м	Раскопки с полной промывкой напластований	Стеклянные бусы и бисер (шт.)	Вскрытая площадь (кв. м)	Находок на кв. м
Старая Ладога (по: Львова, 1968)	~11250	2048	5,49	Старая Ладога	Нет данных	Нет данных	
Новгород (Неревский раскоп, 1951–1954 гг.; по: Кошчи, 1956; Щапова, 1956)	~1500	3396	0,44	Новгород	Нет данных	Нет данных	
Белоозеро (по: Голубева, 1973)	892	5500	0,16	Белоозеро	Нет данных	Нет данных	
Гнездово (селище, раск. 1974–1981 гг.)	373	1316	0,28	Гнездово (пойма, р. ПИ8; по: Френкель, 2007)	476	98	4,86
Крутик (раскопки 1974–1981 гг.; по Голубева, Кочуркина, 1991)	432	1589	0,27	Крутик (раск. 2008–2011 гг.)	1936	70	27,60
Селище Никольское V (раск. 1982 г.)	18	120	0,15	Селище Никольское V (раск. 2006–2007 гг.)	452	35	12,90
Всего	14340	13969	1,00	Всего	2864	203	14,10

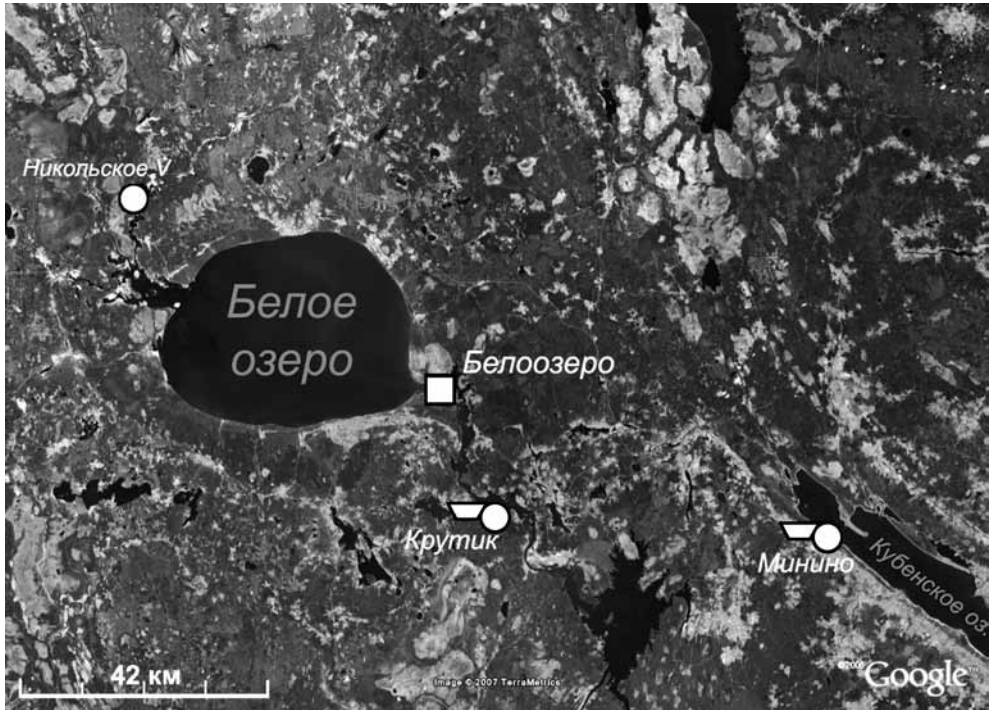

Рис. 1. Памятники центрального Белозерья, упоминаемые в работе

найти только одну бусину из каждых 17, содержащихся в слое, на селище Никольское V – одну из примерно 85, а на Крутике – одну из 100. Следовательно, остальные бусы не попали в коллекции, оказавшись в отвалах.

Для понимания масштабов утраты бус при раскопках без промывки были проанализированы данные поселений Крутик и Никольское V, селищ Мининского археологического комплекса (второй половины X – начала XIII в. на Кубенском озере – Археология... 2008), селища Весь 5 в Суздальском Ополье (IX–X и XII–XIII вв. – Макаров, Захаров, Шполянский, 2010) и одного из некрополей Крутика с кремациями – могильника Кладовка I. Из-за трудоемкости процедуры не удалось полностью промыть исследованный слой², однако везде велась фиксация происхождения находок. Как выяснилось, именно стеклянные бусы из-за небольшого размера наиболее чутко реагируют на изменение методики раскопок, т. е. именно они чаще, чем изделия из любых других материалов, оказываются в отвалах при отсутствии промывки.

Результаты работ на поселении Крутик и селище Никольское V, культурный слой которых при новых раскопках был промыт полностью, позволили

² Подробные сведения о технической стороне и особенностях организации промывочных работ см., например: Захаров, 2011.

провести более детальный анализ. Внушительные по количеству коллекции бус (2368 и 470 соответственно) были разделены по размерам на две группы – собственно бусы и бисер³. Оказалось, что если из каждых 24 бусин, содержащихся в культурном слое Крутика, при традиционных раскопках была найдена лишь одна, а на селище Никольское V – одна из 61, то для бисера это соотношение выглядит совсем удручающе: при отсутствии промывки удалось обнаружить всего одну бисерину из каждых 500, содержащихся в слое. В целом же результаты новых работ показывают, что реальная насыщенность стеклянными бусами и бисером культурного слоя Крутика оказывается в 102 раза выше, а Никольского V – в 86 раз, чем это представляло по результатам традиционных раскопок. Промывка части отвала раскопа 1977–1978 гг. на поселении Крутик подтвердила полученные результаты, тем самым исключив предположение об особой концентрации бус на новых участках. Таким образом коллекции, полученные при раскопках по традиционной методике, не отражают реальные особенности бытования бус. Их нельзя считать репрезентативными: использованные при подсчетах доверительные интервалы не пересекаются, а значит, наборы бус, собранные на одном и том же памятнике при использовании разных методов раскопок, отражают разные генеральные совокупности (Федоров-Давыдов, 1987. С. 51, 77).

Кроме того, прослеживается достаточно четкая зависимость цветовой гаммы стеклянных изделий в коллекциях от окраски и характера культурного слоя. Так, в коллекции Крутика при промывке доля желтых лимонок упала более чем в два раза по сравнению с раскопками традиционными методами; видное место в коллекции после промывки заняли синие (10 и 25% соответственно) и серобрестеклянные (6 и 19%). Сравнение коллекций поселения Крутик и могильника с кремациями Кладовка I подтвердили полученные результаты и позволили выявить факторы, оказывающие прямое влияние на частоту обнаружения бус в слое. Оказалось, что цветовой набор бус в коллекциях, получаемых при раскопках по традиционной методике, во многом зависит от окраски культурного слоя в раскопе. На участках с темным культурным слоем наиболее заметны изделия светлой окраски, и наоборот. Но частота обнаружения изделий из стекла некоторых цветов не подчиняется отмеченной логике. Так, изделия из желтого стекла достаточно хорошо видны и в светлом, и в темном слое, в то время как предметы из зеленого стекла различных оттенков одинаково плохо заметны в слое любого цвета.

Выявленное несоответствие коллекций стеклянных бус, собранных в ходе раскопок по традиционной методике, реальному набору этих изделий, содержащемуся в культурном слое, порождает массу вопросов, которые невозможно проанализировать в небольшой по объему публикации. Поэтому коснемся лишь одного из них – вопроса хронологии, рассмотрев его на примере рубленого бисера, составляющего наиболее массовую группу стеклянных изделий раннего периода. Впервые общая схема изменений во времени цветовой гаммы рубленого бисера была прослежена З. А. Львовой (1968. С. 87). Она получила развитие в работах Е. А. Рябининой (1982. С. 169; 1985. Табл. 3) и затем была подтверждена

---

³ О критериях деления см.: Захаров, Кузина, 2008. С. 146.

другими исследователями (Носов, 1990. С. 81). В целом она выглядит так: вторая половина VIII в. – время господства синего бисера; в IX – начале X в. существенное преобладание получает желтый бисер, а со второй половины X в. – зеленый. Предложенную схему можно дополнить сведениями о непрозрачном молочно-голубом бисере, характерном для XI в. (Макаров, Захаров, Шполянский, 2010. С. 129).

Цифровые данные из раскопок Ладоги без промывки (раскопки Е. А. Рябина 1975–1977 гг.) и синхронные им материалы из раскопа IX на Крутике, культурный слой которого был промыт полностью, в графическом виде сопоставлены на рисунке 2. Легко убедиться, что коллекция Крутика не вписывается в ладожский график не только по долям бисера всех цветов, но и по динамике их изменений во времени (за исключением желтого). Если мы попытаемся найти место для материалов Крутика в ладожском графике, то выяснится, что по прослеживаемым изменениям наиболее полно данным Крутика соответствует участок ладожского графика, относящийся к IX в.⁴ Но удревить коллекцию Крутика на сто лет невозможно – это противоречит результатам радиоуглеродного анализа и датировке остального материала, собранного в раскопе. Та же тенденция удревления прослеживается на материалах других памятников, где проводилась масштабная промывка слоя. Например, в раннем комплексе селища Весь 5 под Суздалем доля синего бисера составляет более 55%, желтого – около 22%, зеленого и белого – менее 10%. Если мы попытаемся вписать эти данные в ладожский график, то они будут стремиться занять место где-то на рубеже VIII и IX вв. Но, судя по вещевому и нумизматическому материалу и результатам радиоуглеродного датирования, селище Весь 5 возникает в период не ранее середины IX в. (Макаров, Захаров, Шполянский, 2010).

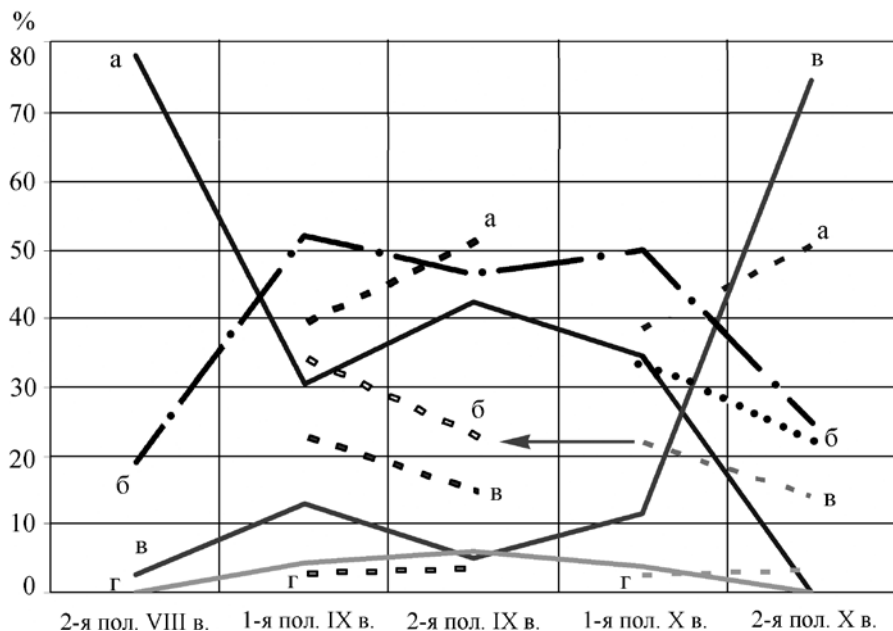
Проведенное наблюдение позволяет снять целый ряд противоречий, с которыми приходится сталкиваться при анализе реальных материалов. Например, становится объяснимым такое невероятное с точки зрения существующей поселенческой хронологии сочетание рубленого бисера, которое было зафиксировано в одном из курганных погребений у д. Новинка в Вологодской области. Здесь в одном наборе встречен прозрачный синий бисер, на долю которого приходится около трети всех изделий, и непрозрачный молочно-голубой.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Раскопки по традиционной методике, даже ориентированные на максимально высокое качество ведения работ, не способны обеспечить полноценное извлечение стеклянных бус из культурного слоя памятников. Например, при раскопках поселений без использования промывки от 80 до 99% всех содержащихся в слое бус остаются не найденными, попадая в отвалы

2. Коллекции бус, собранные при раскопках по традиционной методике на поселениях и могильниках с погребениями по обряду кремации, не могут адекватно отражать особенности бытования этой группы изделий. Более того, выборки, формирующиеся при подобных раскопках, не являются случайными.

⁴ На рисунке 2 эта подвижка отмечена стрелкой, а сдвинутые графики обведены черным, поэтому выглядят более темными.

Рис. 2. Распределение рубленого бисера различных цветов в напластованиях Старой Ладogi (253 экз. – сплошные линии; по: Рябинин, 1982) и раскопа IX на Крутике (751 экз. – пунктирные линии)

а – синий; б – желтый; в – зеленый; г – белый

Их состав определяется такими факторами, как размерные характеристики бус и сочетание цвета бусины с цветом вмещающего ее культурного слоя. То есть выборки, полученные на данных памятниках при раскопках по традиционной методике, нерепрезентативны.

3. Наборы бус, полученные при промывке культурного слоя, не вписываются в хронологическую шкалу, построенную на основе исследования коллекций, собранных при раскопках по традиционной методике. Для ее корректировки необходимо провести раскопки с полной промывкой напластований на реперных в хронологическом отношении средневековых памятниках.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / Отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология / [Ред. С. Д. Захаров]. М.: Наука, 2008. 365 с.
- Голубева Л. А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука. 212 с.
- Голубева Л. А., Кочуркина С. И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск: Карельский институт языка, литературы и истории. 198 с.
- Галибин В. А., 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение. 216 с. (Archaeologica Petropolitana, XI).

- Захаров С. Д.*, 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.
- Захаров С. Д.*, 2011. Методика промывки культурного слоя средневековых памятников // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии. Материалы Школы молодых археологов. Кириллов, 3–12 сентября 2011 г. / [Отв. ред. В. Е. Родинкова]. М.: ИА РАН. С. 211–238.
- Захаров С. Д.*, 2012. Белоозеро // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 212–239
- Захаров С. Д., Кузина И. Н.*, 2008. Вещевой материал Мининского археологического комплекса: Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3-х тт. / отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология / [ред. С. Д. Захаров]. М.: Наука, 2008. С. 142–215.
- Колчин Б. А.*, 1956. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Труды Новгородской археологической экспедиции / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. Т. I. М.; Л.: АН СССР. С. 44–137. (МИА. № 55).
- Львова З. А.*, 1968. Стекланные бусы старой Ладogi. Часть I. Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Советский художник. С. 64–94.
- Львова З. А.*, 1970. Стекланные бусы Старой Ладogi. Часть II // АСГЭ. Вып. 12. Л.: Аврора. С. 89–111.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.*, 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры. 496 с.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., Шполянский С. В.*, 2010. О датировке средневекового поселения Весть 5 под Суздаlem // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвоцинская. СПб: Дмитрий Буланин. С. 113–141.
- Носов Е. Н.*, 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука. 215 с.
- Рябинин Е. А.*, 1982. Бусы Старой Ладogi (по материалам раскопок 1973–1975 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та. С. 165–173.
- Рябинин Е. А.*, 1985. Новые открытия в Старой Ладогe (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В. В. Седов. Л.: Наука. С. 28–76.
- Федоров-Давыдов Г. А.*, 1987. Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа. 216 с.
- Френкель Я. В.*, 2007. Опыт датирования пойменной части гнездовского поселения на основании анализа коллекции стекланных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника / отв. ред. В. В. Мурашева. М: Альфарет. С. 78–117.
- Щапова Ю. Л.*, 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской экспедиции/Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. Т. I. М.; Л.: АН СССР. С. 164–179 (МИА. № 55).
- Щапова Ю. Л.*, 1972. Стекло Киевской Руси. М. Изд-во Моск. ун-та. 215 с.
- Щапова Ю. Л.*, 1991. Византия и Восточная Европа. Направления и характер связей в IX–XII вв. (по находкам из стекла) // Византия, Средиземноморье, Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византинистов / [Ред. Г. Г. Литаврин и др.]. М.: МГУ. С. 155–177.
- Щапова Ю. Л.*, 1998. Византийское стекло. Очерки истории. М.: Эдиториал УРСС. 288 с.
- Callmer J.*, 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. Bonn; Lund: Rudolf Habelt Verlag; CWK Gleerup. 260 p., (Acta Archaeologica Lundensia; series in 4°. Nr 11).

Сведения об авторе

Захаров Сергей Дмитриевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: belozersk2012@yandex.ru.

S. D. Zakharov

New methods of field research and the problems of interpretation of glass beads collections

Abstract. The article considers the correlation observed between composition of glass beads collections obtained from medieval sites and application of new investigational methods during excavations. Flotation of the cultural deposit is characterized as one of the most productive methods. On the base of archaeological sites of the central part of the Beloye Lake region the author demonstrates that frequency of certain categories of beads is determined by their size, colour, and some features of the cultural deposit.

Key words: glass beads, flotation of cultural deposit, representative selection, central part of the Beloye Lake region

About the author

Zakharov Sergey D., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: belozersk2012@yandex.ru.

Н. Н. Фараджева

НЕСТАНДАРТНЫЕ ПОСТРОЙКИ, ИССЛЕДОВАННЫЕ НА ТРОИЦКОМ РАСКОПЕ В НОВГОРОДЕ

Резюме. Статья посвящена рассмотрению двух нестандартных построек, исследованных на территории Людина конца средневекового Новгорода в слоях XI в. Конструктивные особенности сооружений и их значительные размеры выделяют их из общего массива усадебной застройки. Совокупный анализ различных факторов позволяет предложить к рассмотрению ряд версий относительно назначения и традиций сооружения подобных домов.

Ключевые слова: конструкции построек, планировочная структура, застройка, усадебный комплекс.

В результате археологических исследований на Троицком раскопе в Новгороде, археологические работы на котором проводятся начиная с 1973 г., исследован обширный участок Людина конца. В настоящее время площадь Троицкого раскопа составляет уже около 8 тысяч кв. м, здесь изучены остатки 19 усадебных комплексов и получен уникальный материал, позволяющий судить о застройке данной части города на протяжении длительного исторического отрезка, начиная с 30-х гг. X в. и вплоть до 40-х гг. XV столетия. В составе усадебной застройки преобладают четырехстенные и пятистенные срубы различного размера и назначения. Особое место среди всего массива построек занимают сооружения, исследованные в слоях XI в. на Троицком VII, XII раскопах.

Они значительно отличаются от типичного набора строений своими размерами и особенностью конструкции и поэтому отнесены нами к группе «нестандартных сооружений» (Фараджева, 2000, С. 95, 96). Такие строения заслуживают особого внимания. Остановимся на их характеристике более подробно.

Время возникновения сооружения VII-23–70; XII-21–134¹ (рис. 1) относится к 20-м гг. XI ст. и связано с возобновлением строительства после пожара, уничтожившего предшествующую усадебную застройку. Сооружение было поставлено вблизи Черницыной улицы (ориентировано под прямым углом к ней), но подходило к мостовой не вплотную. На прилегающем к улице участке сохранились фрагментарные остатки мощения.

Строение VII-23–70; XII-21–134 прослежено на длину 12,7 м, ширина его составляла около 9 м. Общая площадь сооружения превышала 114 кв. м. Постройка представляла собой плохо сохранившийся сруб выдающихся размеров.

От постройки сохранился северо-восточный угол, сложенный из бревен диаметром 22–25 см, скрепленных рубкой «в обло», и участки северной и восточной стен. По северной и западной сторонам сруба прослежены ограничительные бревна, диаметром 16 см, уложенные «вперехлест». Концы их в месте стыка заходили одно за другое, а с внешней стороны фиксировались вертикальными кольшками. Составные бревна могли являться остатками обноски. Во внутреннем заполнении сруба прослежены остатки плохо сохранившихся разнонаправленных вымосток из тонких бревен, отнесенных исследователями к остаткам черного пола (Янин и др., 1987, С. 73).

В 40-х гг. XI в. данное сооружение сменяет постройка VII-22–66; XII-19\20–122 (рис. 2), выстроенная на том же месте, но ориентированная уже вдоль Черницыной улицы². Сооружение VII-22–66; XII-19\20–122 имеет длину около 12 м, ширину 9,2 м. Площадь его составляет не менее 110 кв. м.

Постройка представлена настилом из плотно уложенных бревен, обведенным скрепленным в сложный замок венцом (рис. 2, а). Хорошо сохранился юго-западный угол сооружения. Конструкция замка позволяла не только соединить бревна окладного венца, но и зафиксировать в нем основание угловой столбовой опоры. Диаметр бревен окладного венца составлял от 30 до 40 см.

В западной (более короткой стене) выбраны прямоугольные сквозные гнезда с упором для крепления вертикальных стоек. Сохранилось три подпрямоугольные вырубki, располагавшиеся с интервалом 3–3,5 м друг от друга. Вырубki, шириной 15–16 см и глубиной 4–5 см, в верхней части имели уступ, а в нижней переходили в сквозное отверстие шириной около 10 см (рис. 2, б). В бревне северной стены также прослежен аналогичный паз, в котором могла крепиться вертикальная стойка с шипом, а также горизонтальный сквозной паз

¹ Сооружение исследовано в 1986, 1999 гг. на Троицком VII, XII раскопах. Первая цифра обозначает номер Троицкого раскопа, вторая – номер полевого строительного яруса, третья – номер сооружения. Поскольку строение открыто на пограничных участках разных Троицких раскопов, указаны номера по каждому из раскопов, перечисленные через точку с запятой.

² Сооружение исследовалось на площади двух раскопов: Троицкий VII, XII в 1985, 1986, 1999 гг. (Янин и др., 1987, С. 75).

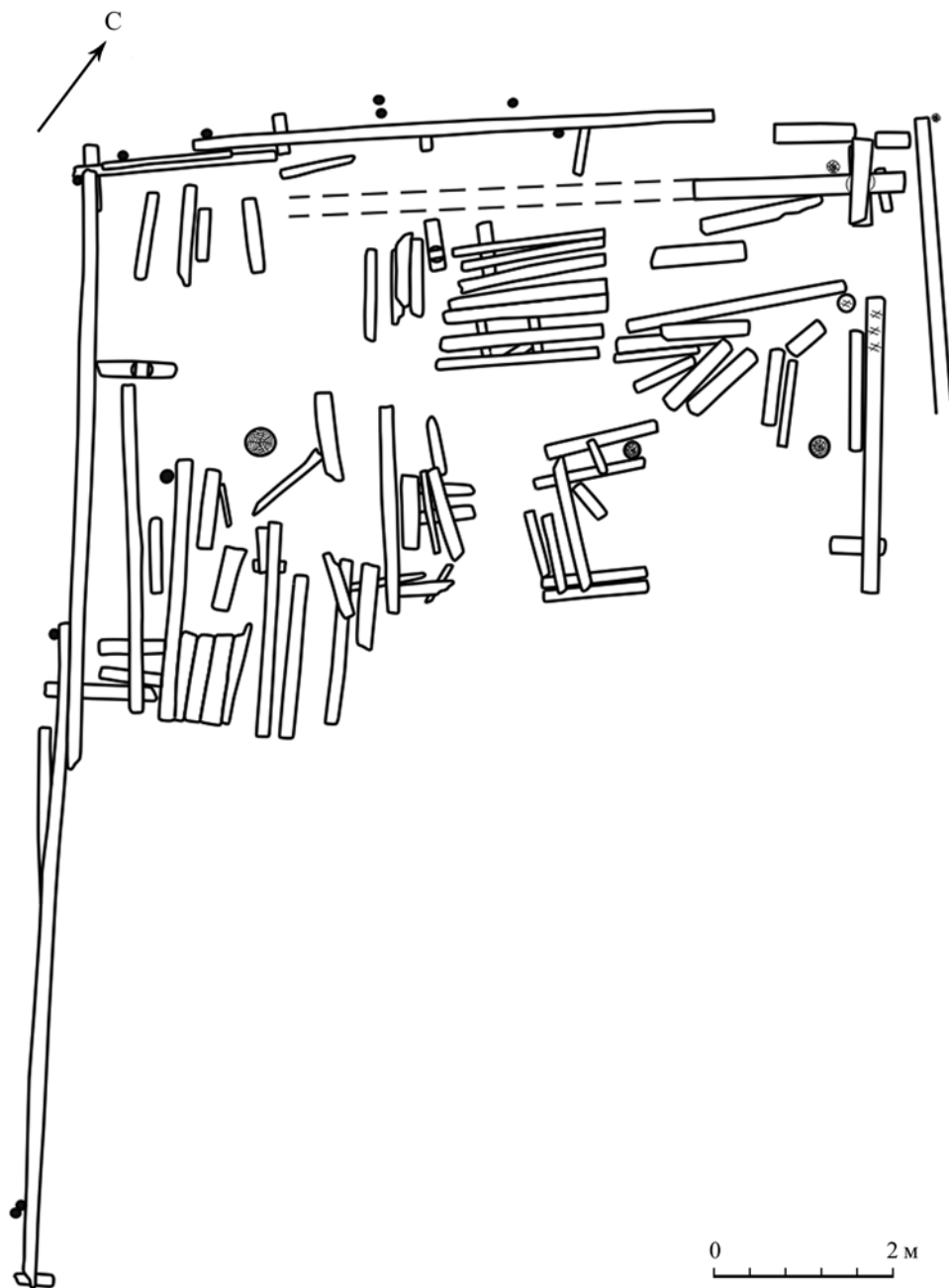

Рис. 1. Сооружение VII-23-70; XII-21-134.

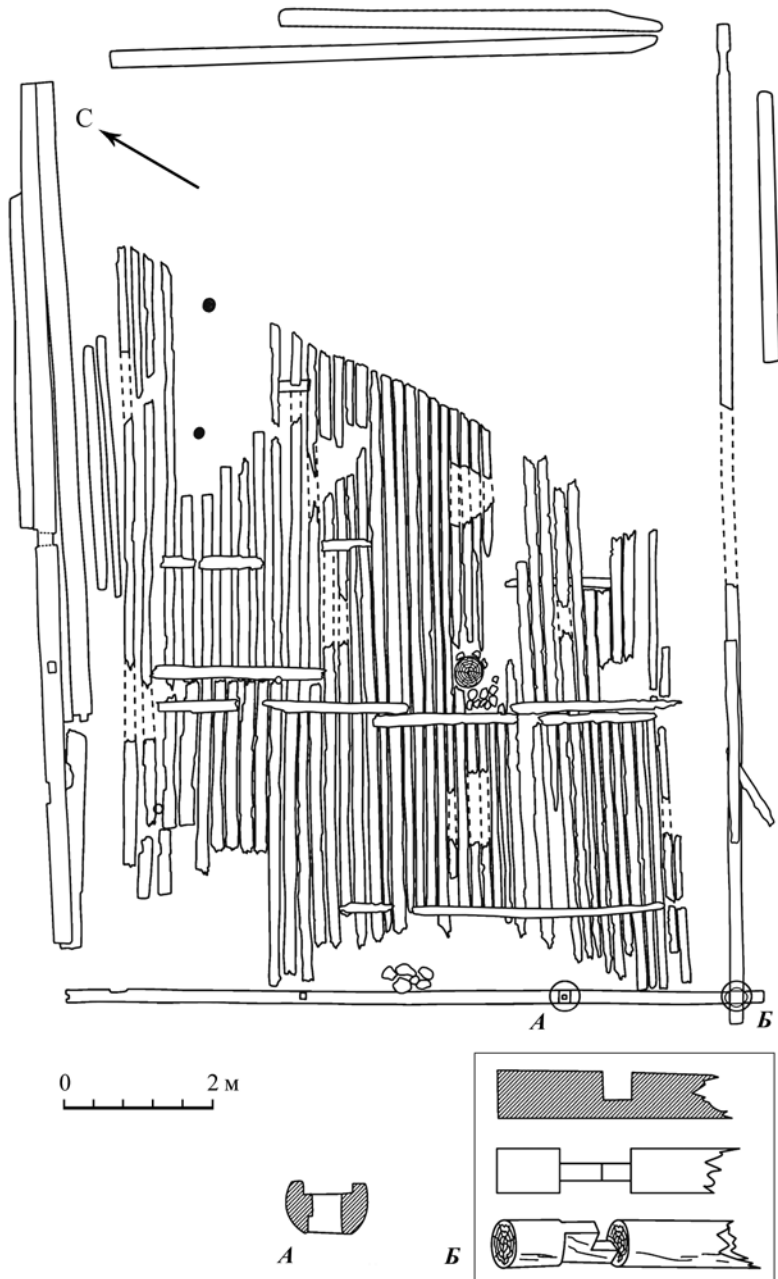

Рис. 2. Постройка VII-22-66; XII-19/20-122.

А – конструкция сквозных вырубок для установки стоек каркаса наборных стен (разрез); *Б* – конструкция замка, соединяющего бревна обвязки

(для крепления поперечной балки?) и подпрямоугольная вырубка для фиксации бревна с внешней стороны.

Внутреннее пространство постройки занято бревенчатым настилом, ориентированным вдоль длинной оси здания. Вплотную уложенные бревна настила были перекрыты поперечными бревнами, лежащими в три линии с интервалами 2–2,4 м. Являлись ли последние лагами чистого пола или остатками иных конструкций, не ясно.

Внешние бревна сооружения, сохранившие пазы для крепления вертикальных стоек, являлись опорой для наборных стен самого строения. Возможен и другой вариант реконструкции, при котором внешний венец использовался в качестве своеобразной фундаментной обвязки, ограничивающей несохранившееся основание постройки и одновременно служил опорой галереи. Настил подходил к южному и северному бревнам обвязки не вплотную, оставляя свободное пространство шириной около 60 см, достаточное для укладки стен. Исходя из различных вариантов реконструкции, внутренний бревенчатый настил представлял собой либо черный пол, либо своеобразную фундаментную площадку, подведенную под основание постройки.

В бревенчатом настиле прослежены утраты: подквадратные выемки размерами 50×50 см: прорубленные для установки вертикальных столбов, поддерживающих перекрытие. Сохранилось основание одного из столбов, забутованное камнями. Утраты расположены с некоторым нарушением регулярного порядка, возможно, они связаны с ремонтом: сооружение доживает по крайней мере до 60-х гг. XI в.

По своим некоторым чертам (размерам, пропорциям, ряду конструктивных особенностей, в частности: использованию каркасно-стоечной техники³, бревенчатому мощению внутреннего пространства и пр.) рассмотренная нами постройка обладала выраженным сходством с представительскими сооружениями более раннего времени – большими домами Старой Ладogi.⁴

Вопрос о назначении больших домов Старой Ладogi решался по-разному.⁵ Избегая прямых параллелей (новгородские и ладожские материалы разделены зна-

³ При разборке большого дома из горизонта Е1 Старой Ладogi, в обвязке которого выявлены аналогичные пазы, были обнаружены остатки вертикальных стоек с шипами на концах. Высота шипов – 16–17 см, размеры их оснований – 4–5×7–10 см. Шипы были подтесаны на четыре грани, такую же подтеску имели сами стойки (Рябинин, 1985. С. 45). Форма и размеры сквозных гнезд в венце постройки VII-22–66; XII-19\20–122 предполагают наличие подобного каркаса и позволяют указать на сходство конструкций внешних стен данных построек.

⁴ Большой дом размерами 10 х 16,8 м. открыт на Земляном городище Старой Ладogi в слоях горизонта Е1 (Рябинин, 2002. С. 15). Он состоял из скрепленной «в замок» обвязки, служившей основанием для галереи с наборными стенами. Внутреннее пространство занимал сруб размерами 10,4×7,45 м. (77,5 кв. м). В межсрубном пространстве располагался бревенчатый настил. В 930-х гг. (горизонт Д) на месте данной постройки была поставлена аналогичная (Рябинин, 2002. С. 24–26).

⁵ Первоначально постройка из горизонта Е1 Строй Ладogi была атрибутирована исследователями в качестве жилища купеческой артели (Рябинин Е.А., 1985. С. 47), а позднее – как дворец ладожских правителей: князя или наместника (Рябинин Е.А. 2002. С. 23; Кузьмин, 2008. С. 83–85).

чительным временным промежутком – около 100 лет), можно допустить, что новгородские нестандартные постройки использовались в качестве представительских или общественных. В этой связи стоит отметить, что на Троицком раскопе в слоях X – середины XI в. фиксируется выраженный шлейф вещей, связанных с княжеским окружением (*Хорошев*, 1988. С. 160–163).

Предложим еще одну версию относительно использования нестандартных сооружений, исследованных в Новгороде. Постройка VII-22–66; XII-19\20–122, так же как и предшествующее ей VII-23–70; XII-21–134, располагалась в западной части усадьбы Е, занимавшей участок к юго-западу от перекрестка Пробойной и Черницыной улиц. Именно на территории данной усадьбы, значительно превышавшей по площади соседние владения, в слоях второй четверти XI – первой четверти XII в. обнаружено скопление деревянных цилиндров, надписи на которых и особенности устройства, как это убедительно доказано В. Л. Яниным, позволяют рассматривать их в качестве пломб для запечатывания мешков с данью. Совокупный анализ источников, топография и датировка данной категории находок позволили В. Л. Янину сделать важные выводы относительно особенностей организации фиска в раннее время: контроле, осуществляемом новгородской социальной верхушкой над государственными доходами – деятельностью княжеского фискального аппарата (*Янин*, 2001. С. 31–65).

Хотя состав находок, полученных непосредственно из заполнения интересующей нас постройки VII-22–66; XII-19\20–122, достаточно нейтрален, и скопление цилиндров сосредоточено за ее пределами (на площади двора в восточной стороне усадьбы), можно предположить, что обнаруженное нами нестандартное сооружение могло использоваться в качестве места первоначального хранения государственных податей – собранной в новгородских волостях дани. Разумеется, данное предположение имеет право на существование лишь в форме гипотезы.

Завершая характеристику нестандартных построек, еще раз остановимся на некоторых основных моментах:

1. Нестандартные сооружения сохранились в виде бревенчатых настилов, окруженных срубным венцом или обноской, и имели вытянутые пропорции. Строения имели значительные размеры, заметно превышающие размеры основной массы домов.

2. Реконструкция подобных сооружений вызывает затруднения. Степень сохранности и особенности конструкции позволяют достоверно интерпретировать только одну из них: VII-22–66; XII-19\20–122. По своим размерам, пропорциям и ряду конструктивных особенностей «нестандартная» новгородская постройка имеет сходство с большими домами Старой Ладogi. Поэтому мы сочли возможным использование ладожских материалов при рассмотрении различных вариантов реконструкции.

3. «Нестандартные» постройки единичны: они открыты в Людином конце Новгорода и связаны усадьбой Е, имеющей особый статус и роль в средневековом городе на протяжении длительного времени. Именно на площади данной усадьбы чуть позднее, в 20-х гг. XII в., сооружается административный комплекс, связанный с местонахождением «сместного» суда князя и посадника (к административному комплексу XII в. относится выполненный из сосновых плах крытый настил общей площадью около 130 кв. м (*Янин*, 2001. С. 6–30; *Янин*, 2008. С. 48–50).

Очевидно, что неординарное строение VII-22–66; XII-19\20–122 могло выполнять весьма нетипичные функции (использоваться в качестве представительской, общественной постройки или служить местом хранения дани). В свою очередь, значительные размеры и массивность постройки, а также особенности ее устройства (наборные стены и необычный способ крепления внешнего венца) отражают уникальность усадебного комплекса, к которому она принадлежала.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузьмин С.Л., 2008. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья / Отв. ред. А. В. Виноградов. СПб.: Нестор-История. С. 69–94.
- Рябинин Е. А., 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога / Отв. ред. В. В. Седов. Л.: Наука. С. 28–76.
- Рябинин Е. А., 2002. Новые данные о «больших домах» Старой Ладоги: по материалам раскопок Земляного городища в 1973–1985 гг.) // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Государственный Эрмитаж. С. 15–29.
- Фараджева Н. Н., 2000. Типология и эволюция срубных построек древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14 / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород: НГОМЗ. С. 80–99.
- Хорошев А. С., 1988. Происхождение и социально-политическая характеристика боярства Людина конца // Труды V Международного Конгресса археологов – славистов. Т. 2 / Киев: Наукова Думка. С. 160–163.
- Янин В. Л., 2001. У истоков новгородской государственности / Ред. Л. Н. Яковлева. Великий Новгород: НовГУ. 150 с.
- Янин В. Л., 2008. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур. 425 с.
- Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н., 1987. Отчет новгородской археологической экспедиции за 1986 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 11363, 11363д.

Сведения об авторе

Фараджева Наталия Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: fnn1@yandex.ru.

N. N. Faradzheva

Unusual constructions investigated in Troitsky excavation area in Novgorod

Abstract. In the paper two unusual timber constructions from the Lyudin district of medieval Novgorod are discussed. The both date from the 11th c. The two constructions show some non-standard constructive features and off-dimensions, when compared with the general picture of town manors' development. Combined analysis of a number of factors makes it possible to suggest several versions concerning function and constructive traditions of building such dwellings.

Key words: dwelling construction, planning structure, development of land plots, manor complex

About the author

Faradzheva Nataliya N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: fnn1@yandex.ru.

А. А. Медынцева

КОМПЛЕКС НАДПИСЕЙ ХУДОЖНИКОВ ИЗ ХРАМА СОФИИ НОВГОРОДСКОЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАДПИСЕЙ-ГРАФФИТИ XI – НАЧАЛА XII В.)

Резюме. Статья посвящена обзору двух комплексов надписей художников из Новгородского Софийского собора, относящихся к периодам его строительства и первоначальной росписи. Рассматриваются как известные ранее, так и открытые в недавнее время материалы. Один из комплексов надписей, содержащий имена Георгия, Сежира-Иоанна и Олисея, предположительно относится ко времени завершения строительства храма. Другой, называющий имена Стефана, Радко и Микулы, отнесен ко времени известной по летописи росписи 1108/1109 гг.

Ключевые слова: Новгород, собор св. Софии, граффити, имена художников, датировка

Новгородские летописцы, внимательные к истории родного города, неоднократно записывали сведения о закладке и строительстве храмов, о работах по их украшению. Но сообщаются в них, как правило, лишь имена жертвователей (ктиторов), на чьи средства строились и украшались храмы. Даже в тех случаях, когда упоминаются имена мастеров, то, за редким исключением, не называются ни его работы, ни биографические сведения.

Не является исключением и главный храм столицы Новгородской республики – Софийский собор. Известно, что храм был заложен в 6558 (1045) г. по инициативе старшего сына Ярослава Мудрого – Владимира – и новгородского епископа Луки, а через пять лет строительство было закончено. О работах по росписи Софии на средства новгородского епископа летопись сообщает только под 6616 (1108) г. (НПЛ, 1950. С. 181, 203). Никаких данных ни о фресчистах, ни о самих росписях нет. До наших дней дошли лишь фрагменты росписей, часть из которых можно отнести к первоначальным. Казалось бы, что, что имена непосредственных ее исполнителей навеки утрачены для потомков. Но на помощь приходит исследование надписей-граффити и дипинти, в большом количестве зафиксированных при реставрации собора на рубеже XIX–XX вв. и частично сохранившихся до наших дней. Среди них открыты автографы художников.

Первыми были прочитаны две молитвенные надписи Стефана, сохранившиеся на фотографиях из архива И. А. Шляпкина. Счастливым обстоятельством является то, что утраты некоторых букв в обеих надписях не совпадают. Сопоставление сохранившихся частей надписей, начерченных одинаковым почерком, позволяет прочесть обе полностью. Самая пространная из них гласит: *«Господи помози рабу своему. Стефан писал, когда расписывали Святую Софию. Господи избави меня от [пре]лести сея»*, вторая лишь немного короче: *«Стефан писал, когда расписывали святую Софию»*. Продолжают ее две подписи, очевидно, его помощников, расположенные ниже и продолжающие автограф

Стефана: «*Микула (Яв?) дята писал*», «*Радко писал в лето 6620/1112*» (Медынцева, 1978. С. 34–36).

Таким образом, были прочитаны две надписи, где указания на авторство и профессию мастера следуют из самого текста. Это было первым случаем открытия надписей в технике граффити – автографов фресчистов, расписывавших собор, дополненных к тому же точной датой, что само по себе большая редкость для Древней Руси. Нужно учесть, что роспись такого большого здания, как Софийский собор, длилась не один сезон, так как для фресковой росписи пригодны только летние месяцы. Таким образом, 1112 г. – вероятное время завершения росписей. Нужно еще учесть, что в летописи указано начало работ – весна 6616 г., что в переводе с мартовского на современное летоисчисление соответствует весне 1108–1109 гг., Подтверждают датировку и палеографические особенности надписей: они указывают на вторую половину XI – начало XII в. Дальнейшие разыскания позволили определить еще одну надпись и рисунок Стефана. Первый представляет рисунок льва с плохо сохранившейся надписью, где, однако можно прочесть *Стефан писал* – подпись, начерченную уже знакомым почерком. Рядом расположен и рисунок человека в монашеском клобуке с большим крестом на шее. Не известно – им, или другим человеком подписано изображение: *Стефан*. Судя по почерку и имени, ему же принадлежит красивый и сложный крестообразный орнамент, уверенно и безошибочно прочерченный по сырой (еще до обжига) глине голосника, заложенного позднее в своды собора. Уже на основе имеющихся в наличии надписей и рисунков можно сделать некоторые заключения о художнике: он был богобоязненным человеком, вероятно, монахом, умелым художником, принимавшим участие в росписи собора вместе с учениками, и, вероятно, русским мастером, о чем свидетельствуют русские надписи. По форме – это молитвенные записи с указанием имени и времени. Но они очень определенно указывают и на профессию писавшего, и на причину появления их во время росписи храма. Как известно по источникам более позднего времени (Типикам), к иконописцу или фресчисту предъявлялись особые требования. Роспись храма – это не только большая и профессионально сложная работа, но и духовный подвиг: иконописцы не только должны быть людьми определенного духовного склада – обладать скромностью, кротостью и т. д., – но и перед тем как приступить к работе, готовиться его совершить, – пройти духовное очищение: молиться, каяться и причаститься.

Вероятно, молитвенные записи Стефана, с надписью «*Стефан писал*» являются вещественными следами молитвенного очищения, подготовки к просветленному труду «*во славу Божию*», а наброски рисунков – конкретных раздумий и размышлений о будущих композициях. Интересно и использование множественного числа глагола «*писали*» – расписывали. Это не только указание на участие других живописцев (что вполне понятно, так как роспись храма требовала участия нескольких фресчистов с учениками), но и прямое проявление ментальности человека средневековья, «... который полностью отразить и осознать себя ... мог лишь в рамках коллектива, через принадлежность к нему он приобщался к ценностям, господствовавшим в данной социальной среде» (Гуревич, 1972. С. 278).

В результате проводящихся в последние годы ремонтно-реставрационных работ обнаружены еще одна надпись и рисунок Стефана (Михеев, 2010. С. 76–77). С. М. Михеев пишет об обнаружении двух рисунков, представляющих собой изображение Христа и надписи, которую исследователь прочел так: «(Ст)ефанъ пь/саль...», окончание надписи из нескольких букв осталось не прочитанным. Весьма осторожно этот рисунок и автограф отнесены к тому же Стефану, что и вышеуказанные. Вероятно, более определенно отождествить почерк новооткрытой надписи с почерком Стефана исследователю помешало ошибочно не увиденная нижняя черта у петли Ъ. Увеличенная фотография надписи, любезно предоставленная мне С. М. Михеевым, демонстрирует, что черта существует, с чем согласился и открыватель новой надписи. Однако даже и без этой особенности, почерк надписи, имя и наличие набросков изображений (Христа на троне и другого наброска головы в крещатом нимбе) заставляет более уверенно связывать новооткрытую надпись с комплексом надписей Стефана. По поводу соотнесения этого комплекса с художником, исполнявшим первоначальную роспись, С. М. Михеев присоединился к мнению Л. И. Лифшица, который на основе искусствоведческого анализа высказал мнение, что художники, исполнявшие роспись в 1108/9 гг., были киевлянами. По мнению С. М. Михеева, лингвистическим аргументом этого может служить отсутствие новгородских диалектных особенностей во всех автографах Стефана. Насколько это справедливо, пока сказать трудно.

В минувшем сезоне был вновь открыт комплекс надписей на откосе окна лестничной башни, среди которых находится второй, более краткий, вариант автографа Стефана, известный ранее только по фотографиям из архива И. А. Шляпкина. Нужно надеяться, что непосредственное их изучение сможет ответить на многие неясные вопросы. Прочтение конечной строки новооткрытой надписи на крещатом столбе можно предпринять хотя бы предположительно. Надпись, опубликованная С. М. Михеевым, действительно, трудно читаема и кратка – остаются непрочитанными несколько букв. Можно различить предположительно буквы **(о) ма(н)а...**, последние три буквы неясны. Не исключено, что автор рисунка обозначил сюжет (второй рисунок головы святого в крещатом нимбе) как о (*агиос*) (*е*)ман(*у*)и (*л*), т. е. поясное изображение отрока Христа. Но уверенности в таком прочтении нет, так как надпись мелка и плохой сохранности, а от рисунка сохранился только общий очерк головы и крещатого нимба, обозначенного двумя окружностями. Но что рисунок принадлежит человеку по имени Стефан, знакомому с христианской символикой, владеющему рисунком и почерком схожим с другими, более пространными его надписями, почти не оставляет сомнений в его авторстве. Это обстоятельство заставляет вернуться еще к одному наброску на стене собора, представляющему композицию «Воскрешение Лазаря». Еще ранее высказывалось предположение, что набросок, подпись «*Лазорь*» и монограмма рядом, расшифровывающаяся как «*Стефанъ писалъ*», принадлежат тому же художнику (*Медынцева*, 1978. С. 52–53). Теперь можно с уверенностью относить и эту надпись с наброском рисунка к тому же комплексу автографов художника Стефана. К тому же древнерусская, как и старославянская, форма имени «Лазорь» вместо канонического «Лазарь» еще раз подтверждает его русское (не западное и не византийское) происхождение.

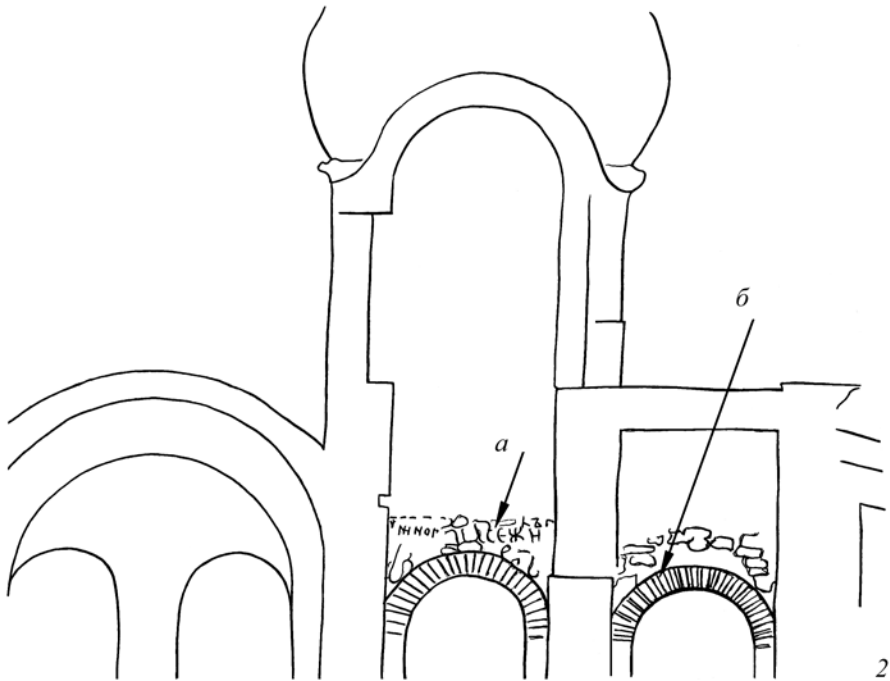
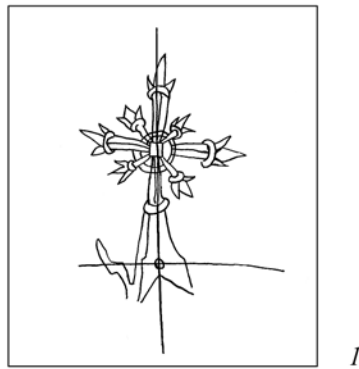
Напомним, что на западном своде подпружной арки находился фрагмент древней фресковой живописи, известной нам по зарисовкам В. В. Сулова.

Таким образом, мы уже имеем в своем распоряжении целый комплекс надписей и рисунков в технике граффити, который позволяет с уверенностью говорить о древнерусском художнике Стефане, принимавшем участие в росписи собора Софии 1108/9 гг.

Автографы других фресчистов, а возможно, и строителей-архитекторов из этого храма выделяются из общей массы автографов и молитвенных надписей фресковой техникой (*dipinti*), расположением их на большой высоте, доступной лишь со специальных лесов (откосы окон главного барабана купола, паруса малого барабана, подпружные арки на хорах). Иногда они сопровождаются профессионально выполненными рисунками. По этим признакам выделяются подписи фресчистов Георгия, Сежира и Олисея.

Надписи первых двух и фрагмент третьей (безымянной) нанесены охрой непосредственно по цемяночному грунту в парусах северо-западного барабана купола. Ранее они были известны только в копии. Среди них обращали внимание большой орнаментальный «процветший» крест с остатками надписи. Читалось только имя *Георги писал* (под титлом и через букву «пси»), далее текст прочтению не поддается. Поэтому было высказано предположение, что сохранившиеся отрывки текста написаны по-гречески, тем более, что специфические славянские буквы в отрывках текста не встречались. Славянскими буквами очень своеобразно исполнено имя (*Сежирь-*), читается бытовое и христианское имя фресчиста, исполнившего краской свой автограф: «Сежир-Иоанн писал», написанное таким образом, чтобы взгляд при чтении чертил крест. В третьем парусе – три буквы ГИП ... под титлом, т. е. начало обычной молитвенной формулы «*господи помози имярек*» Правильность прочтения имени подтверждает найденная среди слепков в архиве И. А. Шляпкина надпись: «**Иоанъ Аминь. Сежире ѱа(л)**», (обнаружена уже после прочтения надписи в парусе). В отчете И. А. Шляпкина указывается, что с одной из них (№ 1), процарапанной на камне на левом откосе окна между пророками Аввакумом и Малахией, снят гипсовый оттиск, а в перечне надписей под № 1, добавлено «Сежира» и указано ее местоположение – «купол». Таким образом ясно, что речь идет об одной и той же надписи. Остается пока не прочитанным содержание надписи Георгия. В настоящее время она вновь раскрыта во время реставрационных работ. Оказалось, что прорисью В. В. Сулова она зафиксирована более полно, к настоящему времени она понесла значительные утраты. Судя по местоположению и технике *dipinti*, эти надписи, как и декоративное изображение креста, должны предшествовать росписи собора (*Медынцева*, 1978. С. 63–64).

Вероятно, они являлись элементами первоначального декора интерьера собора, включавшего отдельные композиции иконного типа в нижних частях, исполненные непосредственно по цемянке, и роспись «под кирпич» в верхних. В недавнее время при реставрационных работах обнаружены обрывки текстов, пока не прочитанные, выполненные непосредственно по цемянке (обмазке) лестничной башни (сообщено С. М. Михеевым). Возможно, что их расшифровка даст новые сведения о предварительном этапе росписи св. Софии.

Рис. 1. Граффити художников из храма Софии Новгородской.

1 – автограф-крест Олисея на хорах. Архив И. А. Шляпкина; 2 – схема расположения автографов. Фрагмент архитектурного разреза храма Софии по малым куполам из архива В. В. Суслова. Калька без инв. №; а – автографы Георгия, Сежира и Иоанна; б – вновь найденные граффити Олисея

**Рис. 2. Рисунок креста рядом с подписью Олисея на подпружной арке хор
(фото публикуется впервые)**

Помимо автографов Георгия и Сежира сохранились две надписи (*in situ*) и копии нескольких рисунков-граффити, исполненных мастером Олисеем, причастным либо к строительству, либо к росписи собора.

Подписи Олисея известны лишь в технике граффити, но одна из них выполнена по еще не окончательно затвердевшей штукатурке на одной из подпружных арок хор, на одном уровне с надписями Георгия и Сежира в малом куполе (рис. 1). Олисею принадлежат и красивые, четкие, симметричные, глубоко врезанные уверенной рукой, рисунки крестов, в основном также расположенные на большой высоте. Они представляют собой геометрически правильные рисунки «процветших» крестов на Голгофе, в центре круг и исходящее из них «сияние». Рядом с одним из них – надпись, где читается «Олисей, раб Х (рист) овъ/псал (ъ)... Окончание неясно (надпись сохранилась лишь в неточной прориси). По прорисям известно еще несколько таких крестов без надписей. Один из них был раскрыт во время реставрационных работ на хорах храма, но в настоящее время пока не доступен. Отработанные до малейших деталей схожие, но не идентичные кресты, начерченные рукой профессионала, вероятно, тоже входили в систему первоначального декора.

Упомянутая выше надпись, сохранившаяся до наших дней, начерчена на растворе между плинфами, декоративно оформляющими подпружную арку на хорах собора, неподалеку от автографов в северо-западном куполе храма

(рис. 1). Две буквы (3-я и 5-я) были слегка намеренно затерты, что возможно было сделать, когда цемянка еще в глубине не затвердела (т. е. в процессе работ). Рядом начерчен уже по сухой штукатурке четырехконечный крест, украшенный по концам поперечной перекладки орнаментальной плетенкой (рис. 2). Рядом – странный рисунок, не находящий аналогий в других рисунках из храма, напоминающий вертикально поставленный транспортир с двумя пересекающимися его лучами. Можно предположить, что перед нами схематическое изображение «кружала» – инструмента, использовавшегося при выкладке арок. Но уверенности в таком предположении нет. Вполне вероятно тождество этого Олисея с Олисеем, оставившим вышеупомянутые автографы. Но крест совершенно не напоминает описанные ранее высокохудожественные рисунки. Возможно, что надпись или рисунок креста исполнены уже другим человеком с таким же именем, может быть, несколько позднее. Несомненно его участие в процессе строительства и, возможно, росписи, но он мог быть как художником, так и зодчим. Форма имени предполагает его русское происхождение.

Итак, из собора Софии в Новгороде происходят два комплекса надписей художников и строителей (к ним может быть причислен Олисей 2-й), возможно, одновременных, или исполненных через небольшой отрезок времени (палеографические особенности обычно не позволяют отличить середину XI в. от начала XII в.). Вероятно, комплекс Георгия, Сежира-Иоанна и Олисея предшествовал подписям дружины Стефана. Об их соотношении и датировке можно спорить. Но само их наличие пополняет историю раннего древнерусского искусства новыми именами.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуревич А. Я., 1972. Категории средневековой культуры. М.: Искусство. С. 278.
- Лифшиц Л. И., 2004. Монументальная живопись Новгорода в истории древнерусского искусства. XI – первая четверть XII в. // Лифшиц Л. И., Сарабянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI – первая четверть XII в. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 15–97.
- Медынцева А. А., 1978. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора, XI–XIV вв. М.: Наука. С. 34–36.
- Михеев С. М., 2010. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Часть II // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 3 (41). М.: РФК-Имидж Лаб. С. 74–84.
- НПЛ, 1950. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 642 с.

Сведения об авторе

Медынцева Альбина Александровна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: medyntc@gmail.com.

A. A. Medyntseva

Complex of artists' inscriptions from St. Sophia of Novgorod
(on the graffiti inscriptions of the 11th – early 12th cc.)

Abstract. The article is devoted to the review of two series of inscriptions made by the artists who participated in construction and creation of the earliest murals in St. Sophia

cathedral in Novgorod. Both known and recently discovered inscriptions are considered. One series of inscriptions mentions names of George, Sezhir-John and Olisey, and is presumably dated to the end of the church construction. Another series of inscriptions contain names of Stephan, Radko and Mikula and is related with creation of murals mentioned in the chronicle under the year of 1108/1109.

Key words: Novgorod, St. Sophia cathedral, graffiti, artists' names, chronology

About the author

Medyntseva Al'bina A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: medyntc@gmail.com.

Вл. В. Седов

КАМЕННЫЙ САРКОФАГ ИЗ НОВГОРОДСКОГО ПАНТЕЛЕЙМОНОВА МОНАСТЫРЯ

Резюме. Статья посвящена найденному во время раскопок в Пантелеймоновом монастыре каменному саркофагу так называемой «ладьевидной» формы, характерному только для Новгорода Великого. Найденный саркофаг, содержащий два погребения, очевидно, отца и сына, принадлежал, вероятно, заказчикам перестройки собора в 1372 г. Это великолепный образец новгородских саркофагов второй половины XIV – начала XV в., в которых погребали новгородских бояр.

Ключевые слова: древнерусская архитектура, монастырские некрополи Великого Новгорода, каменные саркофаги

В 2011 г. во время археологических раскопок на территории бывшего Пантелеймонова монастыря, расположенной в пределах музея деревянного зодчества «Витославлицы» на южной окраине Великого Новгорода, был обнаружен каменный саркофаг ладьевидной формы, содержащий нарушенное парное захоронение. Территория монастыря изучается Новгородским архитектурно-археологическим отрядом Новгородской археологической экспедиции с 2007 г. и по настоящее время. До этого в 1978 г. П. А. Раппопорт уже осуществил раскопки северной части собора Пантелеймонова монастыря 1207 г. На плане раскопанной части была показана и ладьевидная плита, как позднее выяснилось – крышка саркофага, о которой исследователь не писал (*Pannonorm*, 1980. С. 207). Наши работы продолжили и развили эти работы 1978 г.

В 2011 г. был разбит раскоп в западной части собора XIII–XIV вв. и перед ним. На площади этого раскопа помимо участка западной стены храма начала XIII в., были открыты: каменная плита в северной части и, в южной части, ладьевидный саркофаг, поставленный на каменной плите (рис. 1, 2). Исследование показало, что плита с севера прикрывала саркофаг из плинфы, устроенный

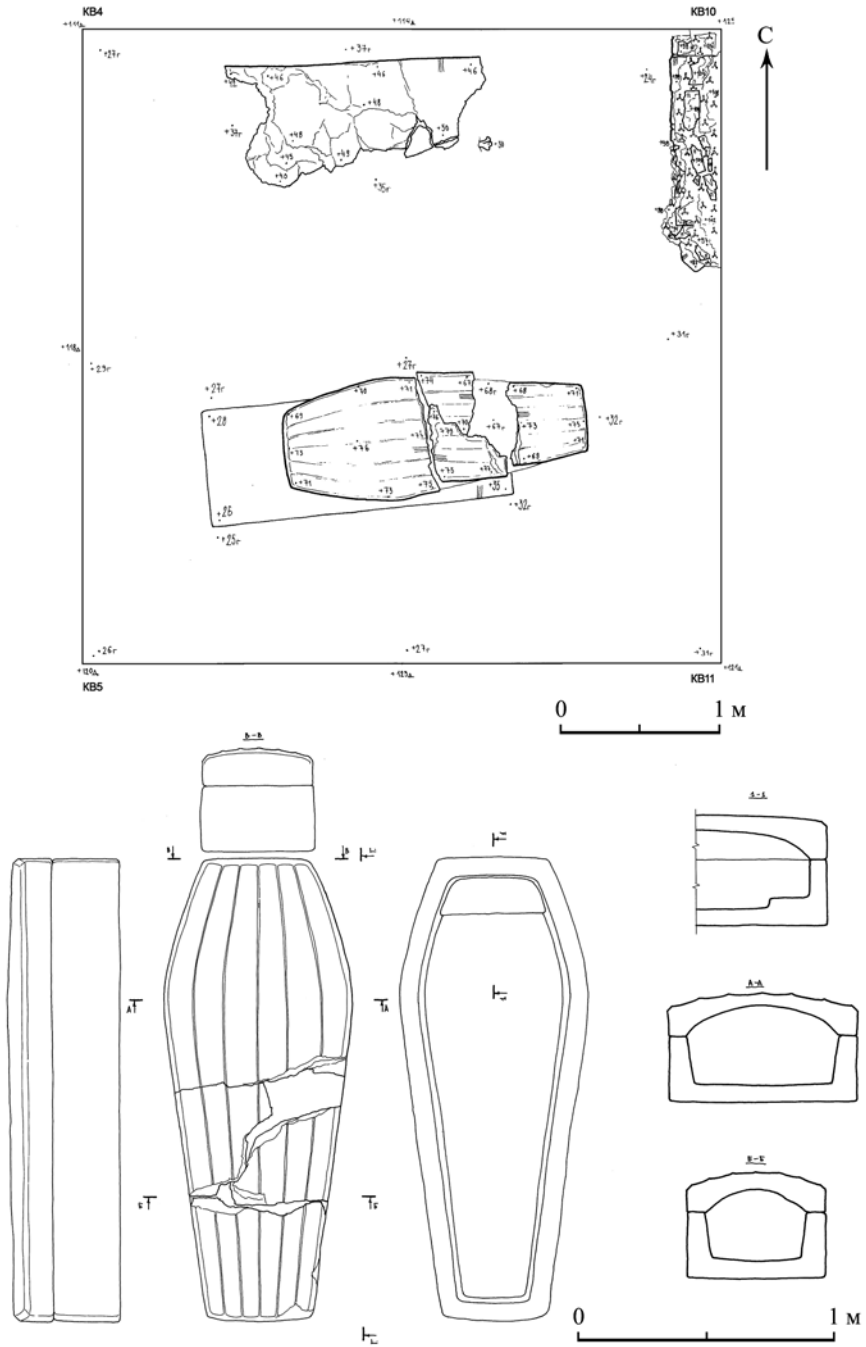

Рис. 1. Расположение, план, фасады, разрезы саркофага

Рис. 2. Саркофаг до снятия крышки. Вид с юго-запада

внутри притвора собора 1207 г., построенного неким Федором Пинещиничем, очевидно, боярином из Людина конца Новгорода – района, с которым был тесно связан Пантелеймонов монастырь (Седов, 2011). Ладьевидный саркофаг был устроен уже вне притвора и даже после того, как собор в 1372 г. был перестроен, а старый притвор разобран. О перестройке собора 1207 г., фактически о его полном возведении взамен рухнувшего здания, говорит Пятая новгородская летопись под 1372 г.: «... того же лета поновиша церковь камену святаго Пантелеймона, бе бо палася» (Шахматов, 1938. С. 204–205).

Ладьевидный саркофаг на крышке имеет характерные для новгородских плит и крышек саркофагов желобки-каннелюры (6 желобков шириной чуть более 10 см), размеры крышки 80 (в самой широкой части) на 190 см. Плита основания, на который саркофаг был поставлен, имеет размеры 74×190 см. Саркофаг явно сдвинут с плиты к востоку, но продольные и поперечные размеры основания и самого каменного гроба совпадают, что позволяет уверенно считать, что саркофаг был сразу поставлен на плиту – и без сдвига.

После снятия крышки саркофага было открыто погребение 9. Оказалось, что восточная часть саркофага была утрачена еще при раскопках П. А. Раппопорта или после них; тогда же, вероятно, саркофаг пытались вытащить в восточную сторону и несколько сдвинули с места. Стенок и дна саркофага в восточной части не было. Разбитые плиты крышки в восточной части были положены на место, так что восточное окончание крышки лежало на грунте. Саркофаг был заполнен

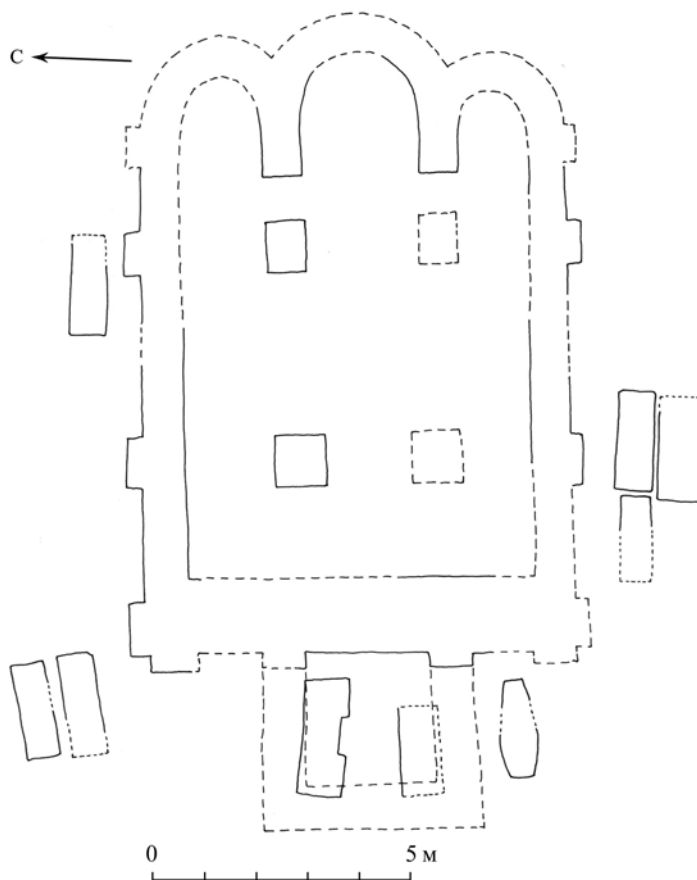
Рис. 3. Саркофаг после снятия крышки. Вид с юга

землей. Скелеты (их оказалось два) были перемешаны и сдвинуты, так что представляли собой своеобразный «ком» из костей примерно в середине саркофага. Погребение содержало останки двух человек, мужчины 45–55 лет и второго мужчины, 35–45 лет (определение А. А. Евтеева). Благодаря разнице в возрасте, установленной по черепам, можно было достаточно точно разделить кости посткраниальных скелетов, относящиеся к двум этим индивидам.

Возможно, в данном случае мы имеем дело с обычаем погребения сына в «отнем гробе», зафиксированным в летописях. Так, в 1342 г. в церкви Сорока Мучеников был погребен «в огне гробе» сын посадника Юрия Мишинича, посадник Варфоломей Юрьевич: «Месяца октября преставися раб божию Валфромею, посадник новгородчкыи, сын Юрья Мишинича, на память святых Мученик Маркияна и Мантурия, в 25; и положиша тело его в огне гробе, владыка Василии с игумены и с попы. Покои, господи, душу его со всеми святыми» (НПЛ. С. 355). Место погребения выясняется из сообщения Новгородской Четвертой летописи: «Преставися посадник Валфромею Юрьевич октября 25 и положен оу Святых 40» (ПСРЛ 4. С. 274).

Саркофаг из Пантелеймонова монастыря, как уже было отмечено, принадлежит к типу ладьевидных, он тщательно высечен из известняка, похожего на белый камень, светло-кремового цвета. Стенки слегка пологие, расширяющиеся внутри к дну. Имеется подушка в изголовье, приподнятая на 4 см (рис. 3). Нижняя сторона крышки изогнута в виде плавно круглящегося коробового свода, тогда как верхняя – изогнута полого и обработана желобками. Длина саркофага 180 см, ширина в изголовье 45 см, в районе плеч – 80 см, в ногах – 40 см. Высота саркофага без крышки следующая: снаружи – 25 см, внутри – 20 см; с крышкой высота стенок саркофага была около 35 см по сторонам, а посередине – около 45 см.

Рис. 4. Собор Пантелеймонова монастыря. План плит и саркофагов

По своему типу саркофаг из Пантелеймонова монастыря сходен с рядом подобных новгородских саркофагов: саркофагом с северной стороны собора Благовещенского монастыря на Мячине, саркофагом погребения 25 с юга от того же собора и саркофагами из церкви Спаса на Ковалеве (*Серезникова, Пежемский, 2009*). Следует отметить, что этот саркофаг принадлежит к лучшим образцам новгородских антропоморфных саркофагов ладьевидной формы.

Саркофаг, как уже было сказано, был поставлен на прямоугольную в плане каменную плиту толщиной около 10 см. Верхняя плоскость этой плиты обработана железным инструментом, следы которого образуют характерную «елочку», насчитывается 4 ряда такой двойной «елочки» и еще половинка ряда. Это первый известный нам случай постановки саркофага на специальную плиту-основание.

Ладьевидный саркофаг из Пантелеймонова монастыря можно датировать временем после 1372 г., когда храм Пантелеймона был практически выстроен вновь. Вероятнее всего, мы имеем дело с устройством погребения ктиторов этой перестройки.

Можно думать, что сначала в «каменном гробе» был похоронен отец, собственно ктитор, а затем, вероятно, – его сын (или другой близкий родственник, что менее вероятно). Каменный саркофаг был погружен в землю у западной стены нового храма, параллельно с более ранним погребением, тоже вероятно, ктиторским, устроенным в притворе (рис. 4). Все остальные выделяющиеся погребения монастырского некрополя, относящиеся к концу XIV–XV в., были сделаны не в саркофагах, а под каменными плитами, положенными на грунт над могильной ямой с деревянным гробом или колодой. Ясно, что ладьевидный саркофаг резко выделяется среди подобных плит как изделие более сложное и дорогостоящее, а, значит, более статусное. Именно это позволяет предположить, что в саркофаге были погребены знатные лица, вероятнее всего, – ктитору перестройки монастырского собора.

ЛИТЕРАТУРА

- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
- ПСРЛ 4 – Новгородская четвертая летопись (Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1). М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
- Раппопорт П. А.*, 1982. Церковь Пантелеймона в Новгороде // КСИА. Вып. 172. С. 79–82.
- Седов Вл. В.*, 2011. О ранней истории новгородского Пантелеймонова монастыря // Древняя Русь. № 4. С. 13–31.
- Серезжникова Д. С., Пежемский Д. В.*, 2009. Ладьевидные саркофаги Великого Новгорода // Великий Новгород и Средневековая Русь: сб. ст. к 80-летию академика В. Л. Янина / [Отв. ред. Н. А. Макаров]. М.: Памятники исторической мысли. С. 200–219.
- Шахматов А. А.*, 1938. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 372 с.

Сведения об авторе

Седов Владимир Валентинович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sedov1960@mail.ru.

Vl. V. Sedov

A stone sarcophagus from St. Panteleimon monastery in Novgorod

Abstract. In the paper there is published the stone sarcophagus discovered during the excavations in St. Panteleimon monastery. The sarcophagus is of specific boat-like shape, typical of Novgorod the Great only. Two burials were discovered inside, probably, these were father and his son. Evidently, these people were the customers of the cathedral reconstruction which took place in 1372. The object is the most spectacular piece of Novgorodan sarcophagi used when burying representatives of Novgorodan boyar families.

Key words: medieval Russian architecture, monastery cemeteries of Novgorod the Great, stone sarcophagi

About the author

Sedov Vladimir V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sedov1960@mail.ru.

А. В. Яганов, А. В. Энговатова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ БЕЛОКАМЕННОГО ДЕКОРА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ФАСАДОВ ЯРОСЛАВСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА РУБЕЖА XV–XVI ВВ.

Резюме. В 2004–2006 гг. Ярославской экспедицией Отдела охранных раскопок ИА РАН проводились археологические раскопки на месте разрушенного в 1937 г. ярославского Успенского собора 1660–1663 гг. В ходе работ были обнаружены белокаменные резные детали, относящиеся к более ранним церковным зданиям, сменявшим друг друга с начала XIII по вторую половину XVII в. Анализ найденных деталей и материалов изучения Рубленого города в 1937 и 1940 гг. позволил реконструировать фрагмент аркатурно-колончатого пояса Успенского собора рубежа XV–XVI вв. и сопоставить его с постройками этого же времени в Московском Кремле и Ростове. Выяснилось, что декоративное убранство Успенского собора 1660–1663 гг. находилось в некоторой зависимости от предшествующих ему зданий.

Ключевые слова: Ярославль, Рубленый город, каменный Успенский собор рубежа XV–XVI вв., архитектурный декор, его реконструкция.

Во время археологических исследований территории Рубленого города – кремля Ярославля были сделаны находки, позволяющие реконструировать элементы белокаменного фасадного декора. Это три консоли аркатурного пояса, принадлежавшие одному из зданий Успенского собора, на что указывают особенности выделки, следы кладочного раствора на поверхностях, которые показывали линию заделки в кладку (рис. 1).

Лицевая сторона деталей представляет собой пятигранную плоскость, заполненную треугольно-выемчатым орнаментом в виде розетки; сверху она завершалась белокаменным валиком, образующим полуциркульное в плане основание для установки колонки. Обе детали имеют хвостовые части, предназначенные для заделки в стену. От третьего подобного элемента сохранился лишь фрагмент. Еще одна находка – небольшой скол прямоугольного блока, декорированного в той же манере, что и вышеописанные консоли.

Впоследствии, при работах на различных раскопах Рубленого города, были найдены еще несколько фрагментов кубических резных блоков. Все резные элементы стилистически едины и принадлежат одному и тому же декору.

При всей схожести, белокаменные консоли имеют характерные отличия, позволяющие определить их местоположение в системе декора. Левая часть детали из фундамента столба, очевидно, примыкала к выступающей плоскости, поэтому валик обрывался заподлицо с левой гранью, а левый верхний угол детали приближается к прямому. Таким образом, симметрия орнамента розетки намеренно нарушена; левый треугольник в нижней части видоизменен в неправильный четырехугольник.

По схеме и характеру исполнения резьбы четыре находки, происходящие из раскопок ИА РАН, близки артефактам из коллекции Ярославского музея. Один из них – это белокаменная деталь с габаритами 32,5×16,5×15 см в виде

Рис. 1. Белокаменные консоли, найденные при раскопках на территории Рубленого города

орнаментированного кубического элемента (ЯМЗ. Инв. № 5997). Орнамент, помещенный на боковой стороне, состоит из квадратов, разделенных на 8 треугольных ячеек вертикальной, горизонтальной и диагональными перемычками с графией; на лицевой вырезаны четыре квадрата, разделенные диагональными перемычками на 4 более крупные ячейки. Снизу и сверху помещены валы, по ширине соответствующие габаритам большемерного кирпича. У детали имеется хвостовик для заделки в кладку (рис. 2). Еще два фрагмента худшей сохранности (ЯМЗ. Инв. № Я-428 19×12×9 см и Я-428 18×10,5×7,5 см) поступили в музей в 1929–1937 гг.¹ Эти детали, охарактеризованные как блоки с «геометрическим орнаментом из треугольных врезов», по мнению Н. Н. Воронина, «с меньшей уверенностью могут быть отнесены к собору 1215 г.» (Воронин, 1949. С. 188)

При визуальном осмотре детали из музея на одной из ее поверхностей, изначально бывшей в заделке, обнаружены следы раствора, аналогичного тому, который выявлен на деталях из раскопа ИА РАН. Этот характерный известково-песчаный кладочный раствор с мелким темным песком использовался при кладке стен храма рубежа XV–XVI вв., остатки которого обнаружены в 2008 г. (Яганов, Рузаева, 2007. С. 235).

¹ Первый фрагмент был найден в 1929 г., когда производилась разборка соборной колокольни, и передан в музей частным лицом. Второй происходит из археологической коллекции М. К. Каргера и П. Н. Третьякова 1937 г.

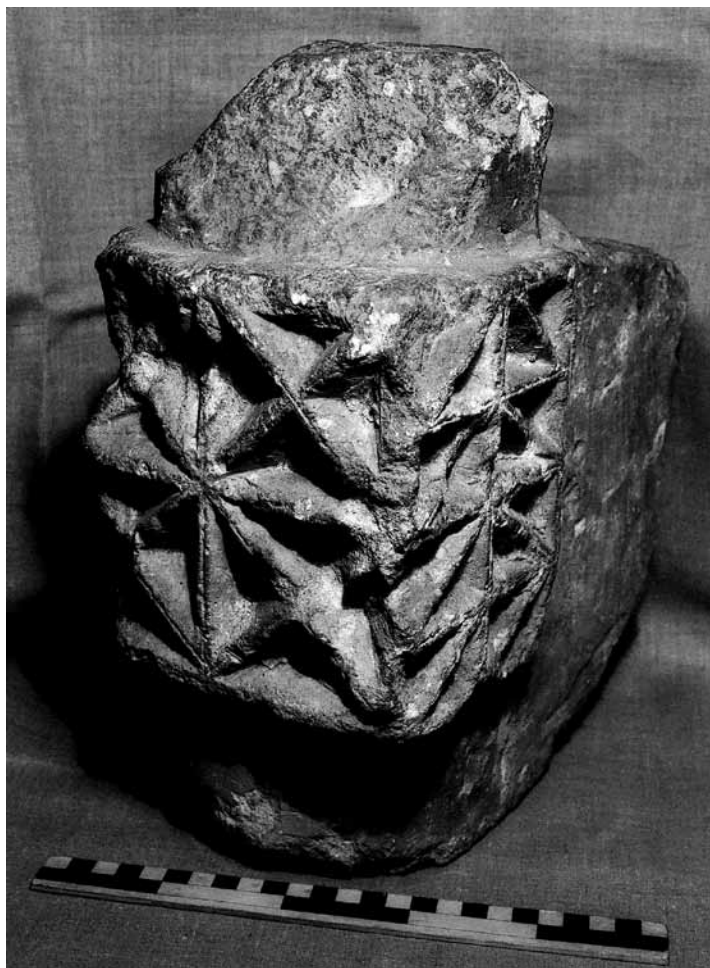
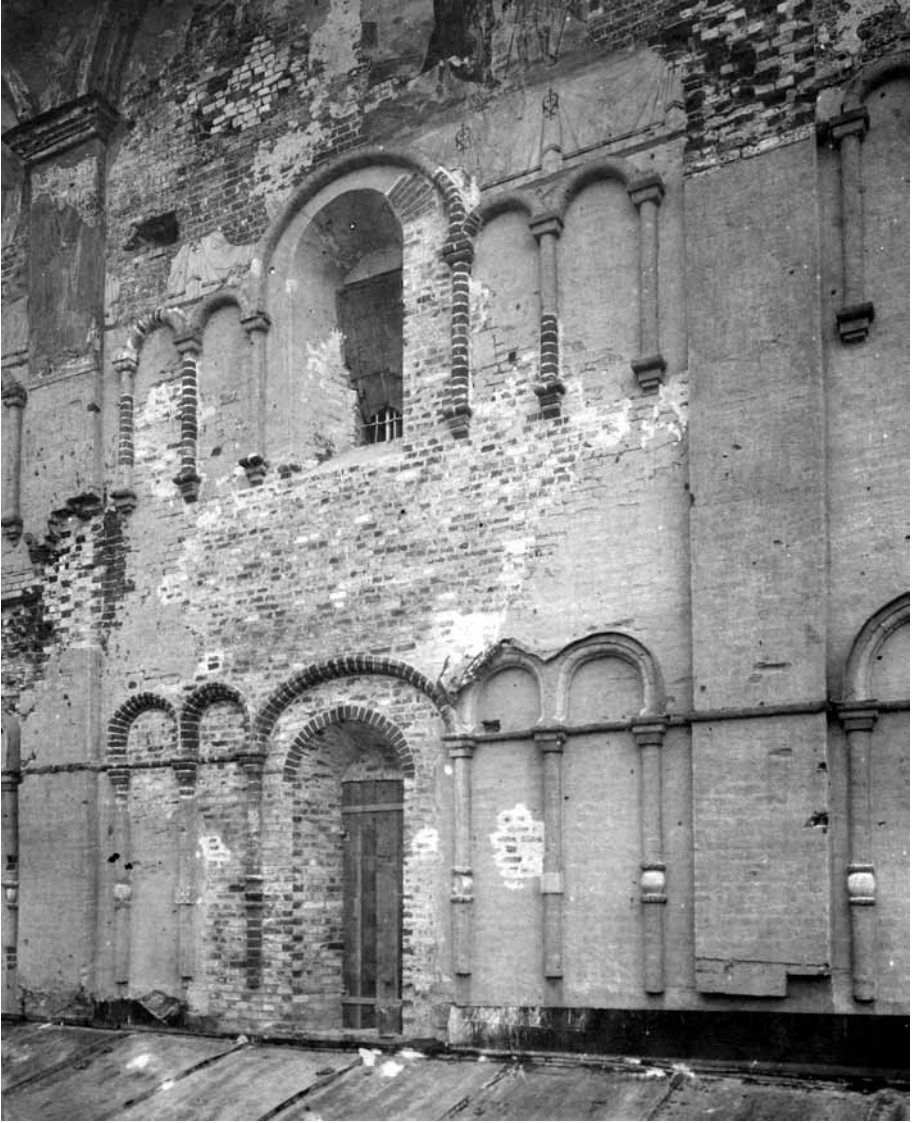

Рис. 2. Белокаменная деталь из собрания Ярославского музея

Орнамент кубических деталей и консолей был использован в декоре Успенского собора 1660–1663 гг., где блок с подобным рисунком помещен на его фасадах в нижнем аркатурном поясе. На фотографии западного фасада, сделанной при его реставрации в 1924 г., слева от центрального окна четверика виден блок с характерной резьбой, перемежающийся в соседних колонках с грубыми по исполнению кирпичными или белокаменными «бусинами», а также подобными по размеру кубическими элементами без резьбы (рис. 3). Хотя этот пояс пострадал при поздних переделках (на его месте были прорублены большие окна), чередование кубовидных деталей и бусин в центре колонок можно проследить и на северном фасаде. Здесь сохранилась полная схема пояса, не поврежденная в нижних зонах крышами пристроек. Видно, что кирпичные колонки имели кирпичные консоли и капители довольно примитивной формы. Так что места

**Рис. 3. Аркатурно-колончатые пояса западного фасада
ярославского Успенского собора. Фото 1924 г.**

консолям из раскопок ИА РАН на фасаде собора 1660–1663 гг. не находится. Откуда же они все же происходят?

Здесь следует обратиться к истории возведения нескольких каменных зданий Успенского собора в течение XIII–XVII вв. Первый собор 1215 г. был возведен из плинфы с использованием резного белокаменного декора (*Энговатова, Яганов, 2011. С. 146–148*). Но резьба домонгольского памятника по характеру

исполнения резко отличается от лапидарного «треугольно-выемчатого» орнамента наших деталей, причем такие геометрические композиции в домонгольское время неизвестны. Так что осторожную гипотезу Н. Н. Воронина о принадлежности ее первому домонгольскому памятнику Ярославля необходимо поставить под сомнение.

Собор 1215 г. на рубеже XV–XVI вв. сменяет другой каменный храм, который, в свою очередь, уступает место зданию 1642–1646 гг. (Яганов, Рузаева, 2007. С. 226–246; Энгватова, Яганов, 2011. С. 146–148). Но предшествующее сооружение не разбирают, а перестраивают в двухэтажную казенную палатку с нарубленной сверху деревянной колокольней. Следовательно, декор фасадов здания рубежа XV–XVI вв. сохранился без изменений вплоть до строительства четвертого собора в 1660–1663 гг.

Возникает вопрос о том, могут ли относиться найденные элементы белокаменного декора к собору 1642–1646 гг. Теоретически могут, но следует учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, по немногочисленным находкам декоративных элементов, которые возможно отнести к зданию 1642–1646 гг., убранство его фасадов было целиком кирпичным, хотя нельзя полностью исключить и обратное. Материала так мало, что о соборе 1642–1646 гг. мы имеем весьма приблизительные представления. Известно, что это здание при большом ярославском пожаре 1658 г. сильно обгорело снаружи и внутри, а казенная палатка, перестроенная из собора рубежа XV–XVI вв., видимо, пострадала мало, хотя в ней хранилась «зеленая казна» ярославской крепости (Яганов, Рузаева, 2007. С. 231).

Обратимся к самим геометрическим орнаментам. Они стилистически едины и находят аналогии в деталях аркатурного пояса Благовещенского собора (1484–86 гг.) и киоте церкви Ризположения (1484–86 гг.) Московского Кремля. Близкая резьба использовалась для украшения средневековых надгробий. Изучавший эту тему Л. А. Беляев считает, что «важным разделительным признаком XV и XVI веков является использование квадратиков, образуемых графьей и разделенных двумя диагоналями. В ячейки врезаются затем четыре треугольника вершинами к центру, образуя четырехконечные крестики с расширенными рукавами. Эти элементы обычно используются для заполнения клейм, нанесения внутренней дополнительной полосы вдоль изголовья, «пояса», соединительных отрезков между «головой» и «плечиками». Хронологически они распределяются от начала XV до начала XVI в., особенно распространены в последней четверти XV в.. В течение XVI в. их еще можно встретить, но уже как исключение». (Беляев, 1996. С. 144). Впрочем, подобный геометрический орнамент без выраженной стилиевой окраски в отрыве от декорации памятника представляет значительную трудность в определении точной датировки. Близкие примеры можно найти и в украшении средневековых деревянных изделий, точная датировка которых не всегда известна.

Рассмотрим аркатуру Успенского собора 1660–1663 гг. Как мы уже говорили, здесь присутствуют кубические элементы с «треугольно-выемчатой» резьбой, но эти элементы перенесены с более раннего здания. Резные элементы, которые были утрачены или повреждены при разборке предшествующего здания, строители второй половины XVII в. не смогли воспроизвести и заменили обычными кубами. Резные консоли также были утеряны; по целиком сохранившемуся

фрагменту нижнего аркатурного пояса на северном фасаде видно, что они вообще не использовались.

Наши разыскания дают основание утверждать, что, по крайней мере, на двух зданиях Успенского собора существовал аркатурно-колончатый пояс (Яганов, 2012. С. 209–215). Обращение зодчих второй половины XVII в. к схеме фасадов с двухъярусной аркатурой далеко не случайно. Двойной аркатурно-колончатый пояс корреспондируется с декором церкви Двенадцати Апостолов (1652–56 гг.) в Московском Кремле, но пояса эти несколько различны по построению и профилировке. Наиболее близкий к реконструируемой схеме, но крайне упрощенный, аркатурный пояс находим на Спасо-Преображенском соборе любимского Спасо-Геннадиева монастыря, возведенного по царскому заказу в 1644–1647 гг. (Седов, 1998. С. 91). Фасады этого памятника разбиты узкими лопатками на четыре прясла различной ширины, в которые вписаны по две или три кирпичные арки, крайние колонки которых прижаты к граням лопаток. В основании аркатуры помещен массивный кирпичный карниз, причем колонки примыкают к нему без какого-либо выделения базы, а в центре и пяте архивольта перехвачены кирпичными валиками. Не исключено, что воспроизведенная здесь аркатурная тема как-то связана с соседним Ярославлем.

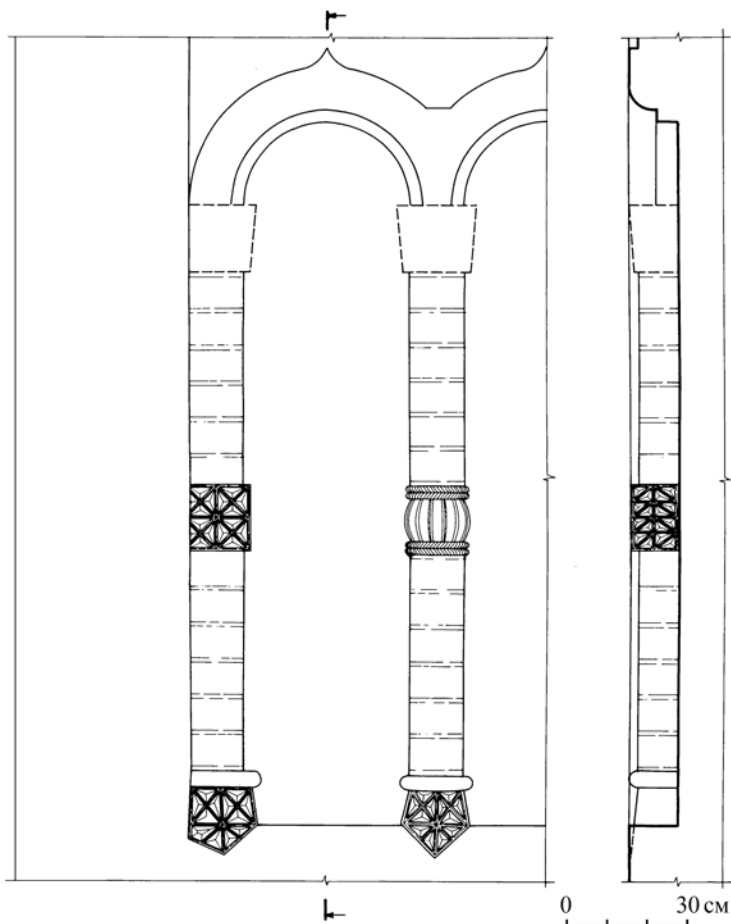
Для сопоставления с археологическим материалом наиболее интересен нижний пояс ярославского собора. Он мог быть скопирован с фасадов собора рубежа XV–XVI вв., существовавшего до начала строительства 1660-х гг. При разборке остатков собора XV–XVI вв. из его пояса были изъяты резные белокаменные элементы, которые использованы в новом соборе, но схема пояса скопирована неполно. В нем отсутствовали белокаменные консоли и капители, а недостаток резных белокаменных деталей (видимо, поврежденных при разборке) компенсирован кирпичными бусинами, которые чередовались с ними.² Следовательно, источник этого архаичного для второй половины XVII в. мотива мог быть намного ближе к Ярославлю, чем московские аналоги. Близкое решение аркатурного пояса можно наблюдать на фасадах Успенского собора в Ростове, построенного в 1509–1512 гг. (Рузаева, 2007. С. 184–186) и являвшегося, возможно, одним из образцов для ярославского собора этого времени.

Находок элементов белокаменного декора вполне достаточно для реконструкции фасада памятника, утраченного после 1658 г. По крайней мере, два элемента свидетельствуют о том, что колонка аркатуры собора рубежа XV–XVI вв. примыкала вероятнее всего, к боковой грани лопатки. Об этом говорит деформация рельефа одной из найденных консолей, а также подтека левого края кубического элемента из музея, где резьба совершенно уничтожена. Вероятно, при изготовлении этот блок рассматривался как рядовой, но недостаток угловых элементов привел к вынужденной корректировке формы.

Кубические элементы помещались в центре колонок и чередовались с белокаменными бусинами, обведенными сверху и снизу сдвоенной жгутовидной порезкой. Многочисленные фрагменты таких бусин были обнаружены при археологических исследованиях.

² Капители и верхние части аркатуры могли быть утрачены при разборке верхних участков стен в ходе перестройки здания рубежа XV–XVI вв. в казенную палатку.

**Рис. 4. Реконструкция аркатурно-колончатого пояса
Успенского собора рубежа XV–XVI вв.**

Снизу колонки основывались на резных пятигранных консолях, нижняя часть которых была заделана, судя по следам, в выступ стены. Завершалась колонка капителью неизвестной нам формы и размеров. Найдено несколько белокаменных фрагментов, могущих претендовать на капитель, но полной уверенности в достоверности ее реконструкции у нас нет, поэтому на чертеже мы предлагаем условную форму.

Сама колонка была сложена из лекального кирпича с профилем большого вала на тычке, множество которых было обнаружено при раскопках. Как показал анализ этих кирпичных элементов, большинство их было предназначено для кладки именно вертикальных тяг. Со стеной они перевязывались с помощью разнообразных подтесок, выполнявшихся на целых кирпичах; также применялись специально отформованные детали, не имеющие хвостовой части (Яганов,

2012. С. 211). Какой формы были архивольты аркатурного пояса: килевидными или нет? Вопрос остается открытым.

Изначально резные детали аркатурного пояса имели покраску. На орнаментации по крайней мере двух консолей видны следы розоватого колера, поверх которого положен слой более поздней (ремонтной?) известковой побелки (рис. 4).

Таким образом, результаты нашего исследования достаточно однозначны. Здание Успенского собора в Ярославле рубежа XV–XVI вв. имело на фасаде аркатурно-колончатый пояс с белокаменными резными деталями.

Аналогии, как по общей схеме подобного декора, так и по характеру резьбы деталей, находятся на близких по времени памятниках Московского Кремля – Благовещенском соборе и церкви Ризположения второй половины XV в., так и в более отдаленном виде – в Успенском соборе Ростова 1509–1512 гг. Несколько позднее появляется собор Успенского монастыря в Старице, который построен после 1519 г., и заканчивает линейку зданий XV–XVI вв. с аркатурно-колончатыми поясами.

Ремейки подобного декора появляются в середине XVII в., к ним относятся, кстати, и последнее здание Успенского собора в Ярославле, построенное в 1660–1663 гг. Они навеяны темой московского Успенского собора, и здесь декорация раннего периода представлена как более условная, не всегда логичная схема, чем в памятниках XV–XVI вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронин Н. Н.*, 1949. Раскопки в Ярославле // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов* / Под ред. Н. Н. Воронина. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 1. С. 177–192. (МИА; № 11).
- Беляев Л. А.*, 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити. 567 с.
- Рузаева Е. И.*, 2007. К вопросу о датировке Успенского собора в Ростове // *Археология: история и перспективы: Третья межрегиональная конф.*: сб. ст. Ярославль: Ярославский музей-заповедник. С. 184–186.
- Седов В. В.*, 1998. Собор Спасо-Геннадиева монастыря // *Проект Россия*. № 10. С. 91.
- Энговатова А. В., Яганов А. В.*, 2011. Новые данные об Успенском соборе XIII–XVI вв. в Рубленом городе Ярославля // *РА*. № 3. С. 141–150.
- Яганов А. В., Рузаева Е. И.*, 2007. Успенский собор в Ярославле. История и археология. Результаты архитектурно-археологического изучения в 2004–2006 годах // *Археология: история и перспективы: Третья межрегиональная конф.*: сб. ст. Ярославль: Ярославский музей-заповедник. С. 226–246.
- Яганов А. В.*, 2012. Лекальные кирпичи Успенского собора в Ярославле начала XVI в. По материалам археологических раскопок 2004–2008 гг. // *Археология: история и перспективы: Пятая межрегиональная конф.*: сб. ст. Ярославль: Ярославский музей-заповедник. С. 209–215.

Сведения об авторах

Яганов Андрей Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: yagav@yandex.ru;

Энговатова Ася Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: engov@mail.ru.

A.V. Yaganov, A.V. Engovatova

Archaeological finds of white limestone decorative details and reconstruction of the façades of the Assumption Cathedral in Yaroslavl at the turn of the 15th – 16th cc.

Abstract. A rescue archaeology team from the Institute of Archaeology, RAS carried out archaeological excavations in Yaroslavl in 2004–2006 at the site of the former Assumption Cathedral (built in 1660–1663). The church was demolished in 1937 during anti-religious campaigns in Stalinist Russia. Carved white limestone decorative fragments were revealed by the excavations. They belonged to the earlier Assumption Cathedral buildings, which succeeded each other between the early 13th and mid 17th cc. Analysis of the fragments, together with the materials found in Yaroslavl Kremlin in 1937–1940 enables archaeologists to suggest a conjectural reconstruction of a carved band of arches and semi-columns on the walls of the Assumption Cathedral of the 15th – 16th cc., like in the contemporary church buildings in Moscow Kremlin and Rostov the Great. Evidently, the decoration of façades of the Assumption Cathedral of 1660–1663 inherited some features from the earlier church buildings.

Key words: Yaroslavl, Rublenny gorod, stone Assumption Cathedral of the turn of 15th – 16th cc., architectural decoration, reconstruction

About the authors

Yaganov Andrey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: yagav@yandex.ru;

Engovatova Asya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: engov@mail.ru.

О. В. Зеленцова

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДБОЛОТЬЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Резюме. Статья посвящена результатам новых раскопок Подболотьевского могильника, впервые исследованного 100 лет назад В.А. Городцовым. Грунтовый могильник, расположенный в Муромском Поочье, оставлен дославянским финноязычным племенем мурома. Анализируется планиграфия, погребальный обряд и сопровождающий инвентарь из 86 исследованных в 2012 г. захоронений. Большая часть погребений в центральной части могильника имеет северную ориентировку и богатый инвентарь, характерный для мурома. Их датировка – в основном вторая половина VIII–IX в., наиболее ранние погребения относятся к концу VII – первой половине VIII в. Верхняя дата исследованной части памятника определяется пятью погребениями, расположенными на периферии могильника. Они отличаются западной ориентировкой, неглубокими могильными ямами и более скудным инвентарем, который имеет аналогии в древнерусских материалах. Эти захоронения датируются

первой половиной – серединой XI в. Они указывают на новые процессы, которые происходили в Муромском Поочье на рубеже тысячелетий и связаны с приходом нового населения.

Ключевые слова: мурома, поволжские финны, захоронение, погребальный обряд, погребальный инвентарь, традиционный костюм, хронология

История исследования муромских древностей в российской археологии насчитывает около 150 лет. Раскопки первых грунтовых могильников мурома, открытых в середине XIX века в окрестностях г. Мурома (Муромский, Пятницкий, Максимовский и др.), показали яркую самобытную культуру финского населения Муромского Поочья; позволили определить особенности погребального обряда, костюма, выделить культуuroобразующие признаки и соотнести указанные памятники с летописной муромой, населявшей эти территории до прихода славян, а также поставить вопрос о взаимодействии финских племен Поочья с пришлым славянским населением.

Важной вехой в исследовании муромских древностей стали раскопки, а затем публикация В. А. Городцовым материалов Подболотьевского могильника, открытие которого в начале XX столетия связано со строительством дороги из Мурома в с. Меленки. В 1910 г. на нем были проведены первые спасательные раскопки, в ходе которых в 38 траншеях общей площадью 2154 кв. м было исследовано 260 человеческих и 15 захоронений животных (*Городцов, 1914. С. 53–54*). Исследователь датировал памятник VI – началом XI в. и определил его как финский, относящийся к летописной муроме (Там же. С. 74). Опубликованные материалы Подболотьевского могильника на долгое время стали эталонными в истории изучения мурома, а раскопки В. А. Городцова явились своеобразным катализатором, стимулировавшим интерес к исследованию финно-угорских древностей.

В советской археологии материалы Подболотьевского могильника использовались в качестве своеобразного фундамента для обобщающих работ по истории и археологии мурома, специальных статей по отдельным тематикам (*Голубева, 1987. С. 81–92; Гришаков, Зеленев, 1990; Бейлекчи, 2005*). Таким образом, история изучения Подболотьевского могильника археологическими методами исследования насчитывает один полевой сезон (работы В. А. Городцова), а история обращения к этим материалам – более 100 лет.

“Новое” открытие могильника состоялось в 2005 г. при проектных изысканиях строительства автомобильной дороги в обход г. Мурома, когда было установлено, что северо-западная часть памятника сохранилась. В 2012 г. были начаты его спасательные раскопки. Данная публикация посвящена результатам исследования Вербовского¹ (Подболотьевского) могильника в первый год раскопок и освещению самых общих характеристик памятника.

¹ Согласно учетной документации и АКР Владимирской обл., могильник и селище носят название «Вербовские», по названию поселка, который вырос на месте села Подболотье. В публикации мы пользуемся устоявшимся в литературе названием «Подболотьевский могильник и селище».

Могильник расположен на коренном берегу р. Илевна (левый приток р. Ока), на южной окраине современного города Муром. Одновременное селище находится в 150 м югу от могильника и отделено от него двумя боковыми овражками оврага «Бабий березняк». В настоящее время эти овражки практически сnivelированы распахкой и еле заметны на местности.

Могильник занимает небольшое всхолмление между отрогами овражков урочища «Бабий Березняк». Часть памятника, исследованная В. А. Городцовым, в настоящее время застроена улицей, расположенной по обе стороны от дороги Муром – Меленки. Сохранившаяся территория могильника последние 100 лет активно распахивается, в связи с чем верхние слои представляют собой переотложенный пахотный горизонт мощностью от 30 до 40 см, под которым сохранились практически не потревоженные погребения.

Всего в сезон 2012 г. на площади 640 кв. м было исследовано 86 погребений, в которых захоронены 92 индивида, в том числе 4 погребения животных (о последних см.: *Зеленцова, Яворская, 2014*). В половозрастном отношении выделяется 35 мужских, 31 женское, 12 детских и 10 неопределенных захоронений². Захоронения совершены в могильных ямах подпрямоугольной формы, средние размеры которых составляют 2,72×0,7 и углубленных в материк от 20 до 40 см и, в большинстве своем, ориентированных по линии С–Ю.

Анализ планиграфии исследованного участка показал, что большинство погребений (81) концентрируется в восточной наиболее возвышенной части всхолмления (рис. 1). На вскрытой площади прослежено три ряда, располагавшихся по линии юго-запад – северо-восток, на расстоянии 4–4,5 м друг от друга. В рядах погребения располагаются параллельно друг другу достаточно плотно – расстояние между погребениями 0,3–0,5 м. На самой возвышенной части могильника захоронения расположены еще чаще, перекрывают друг друга, заполняя пустое пространство между погребениями и между рядами, формируя дополнительные ряды. Эти случаи подзахоронений в существующие ряды позволяют проследить стратиграфию могильника, выявить несколько последовательно совершенных захоронений, перекрывающих более ранние, и сделать предположение о рядно-родственной практике погребения. В то же время, закономерностей в расположении погребений по полу практически не прослежено, за исключением одной пары (п. 1 и п. 2), когда женское и мужское погребения располагались параллельно друг другу на близком расстоянии.

В западной части раскопа на расстоянии 12 м от основного массива погребений зафиксированы пять захоронений, которые расположены разреженно и отличаются от всего массива западной ориентировкой могильных ям.

Большинство погребений одиночные. Но имеются отдельные случаи парных захоронений: погребение двух мужчин по обряду ингумации в одной могильной яме (п. 53, 54); женщины с ребенком (п. 81/1 и 81/2), парная кремация мужчины с подростком-девочкой (п. 56). Прослежены несколько случаев подзахоронений: дважды в могильную яму к женщинам были подзахоронены девочки (п. 24/1, 24/2 и 45/1,45/2), в мужское захоронение была помещена девочка (п. 13 и 20),

---

² Антропологические определения кремированных остатков выполнила д.и.н. М.В. Добровольская, ингумаций – Д. Конопелькин.

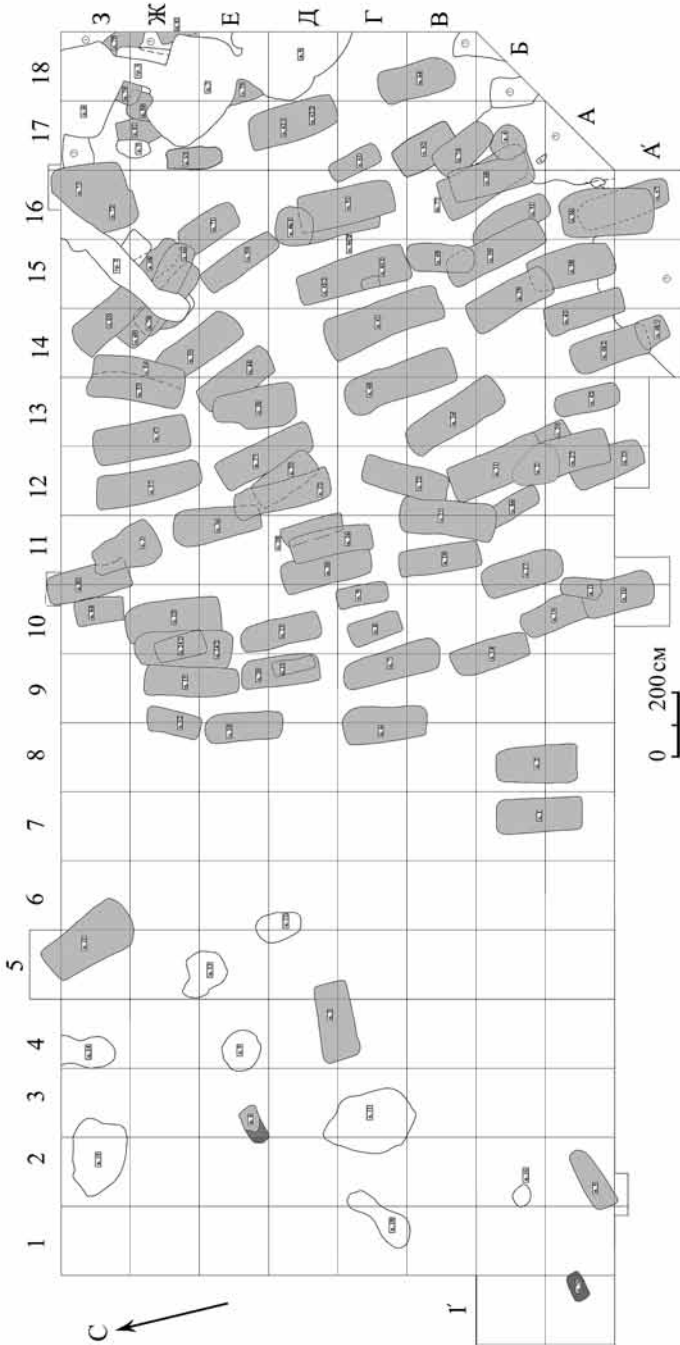

Рис. 1. Подбологовский могильник. План раскопа 2012 г.

а в другом случае в мужскую ингумацию помещена кремированная взрослая женщина (п. 62/1 и 62/2).

Преобладающим обрядом погребения является труположение (91,2%), основные детали которого хорошо описаны исследователями муромских могильников (*Городцов*, 1914; *Дубынин*, 1947; *Гришаков*, *Зеленев*, 1990). Умерших хоронили вытянуто на спине, головой в северном направлении. В 24 случаях на вещах и под ними прослежен луб, в который «заворачивали» тело; в нескольких случаях на дне могильной ямы зафиксированы доски, вероятно, представляющие собой своеобразный помост, на котором лежало тело.

Восемь погребений (9%) совершены по обряду кремации, когда сожжение осуществлялось на стороне, а кальцинированные кости, очищенные от золы и углей ссыпались в обычную могильную яму. Согласно определениям М. В. Добровольской, по обряду кремации совершались погребения как мужчин, так женщин и детей³. Закономерностей в расположении погребений по обряду кремации в системе могильника не прослежено, они фиксируются в тех же рядах, что и погребенные по обряду ингумации. В то же время, внутри этой группы наблюдается вариативность в размещении праха в пространстве могилы: кальцинированные кости ссыпались по дну могильной ямы (п. 15, 17), либо ссыпались кучкой на дно в центральной части могилы (п. 56, 62/1, 65); в одном случае кремированные останки относительно равномерно распределялись в нижней части заполнения могильной ямы (п. 48/1). Погребальный инвентарь без следов пребывания в огне, как правило, располагался в порядке ношения, т. о., вероятно, огню предавалось только тело, а погребальный костюм вместе с украшениями клался на прах. Только дважды зафиксированы кремации, отличающиеся от традиционных, когда в могилу ссыпались кальцинированные кости вместе с погребальным костром и украшениями со следами пребывания в огне (п. 39, 71).

Исследованные кремации Подболотьевского могильника в целом укладываются в погребальную практику, характерную для поволжских финнов эпохи раннего средневековья, когда отличительной чертой для них становится биритуальность. Доля кремированных захоронений у мордвы варьируется от 13 до 30%, у марийцев от 19 до 50%, у муромы 16–17% (*Финно-угры Поволжья...*, 1999. С. 97, 129, 177). Погребения, совершенные по обряду кремации, в могильниках поволжских финнов отличаются от общей массы захоронений только фактом обращения с трупом – его сжигали, в то время как остальные детали обряда оставались традиционными. Не выделяются погребенные по обряду кремации половозрастным составом и набором инвентаря. Это позволяет предположить, что различие в погребальном ритуале, которое касается только такого аспекта, как обращение с трупом, может свидетельствовать не столько о социальном или каком-то ином отличии кремированных от остальных членов общества, сколько, вероятно способом (причиной) ухода из жизни, который предполагал сожжение.

И для кремаций, и для ингумаций характерно присутствие ритуальной пищи в захоронении, о чем свидетельствуют находки глиняных сосудов от одного до четырех экземпляров в комплексе. Помимо жидкой пищи, погребенному

---

³ Выражаем благодарность М. В. Добровольской за определения и возможность опубликовать эти данные.

клали мясо, о чем свидетельствуют находки костей КРС в 19% погребений, причем по большей части мясо клали мужчинам (10 из 16 погребений).

Умершие сопровождалась погребальным инвентарем, который включал украшения, хорошо описанные в археологической литературе, посвященной муроме (Голубева, 1987. С. 85–87). Украшения располагались в порядке ношения, предметы быта и оружие в погребении фиксируются в определенных местах: как правило, в изголовье находилось оружие, ножи и топоры в области пояса, глиняная посуда в ногах и изголовье.

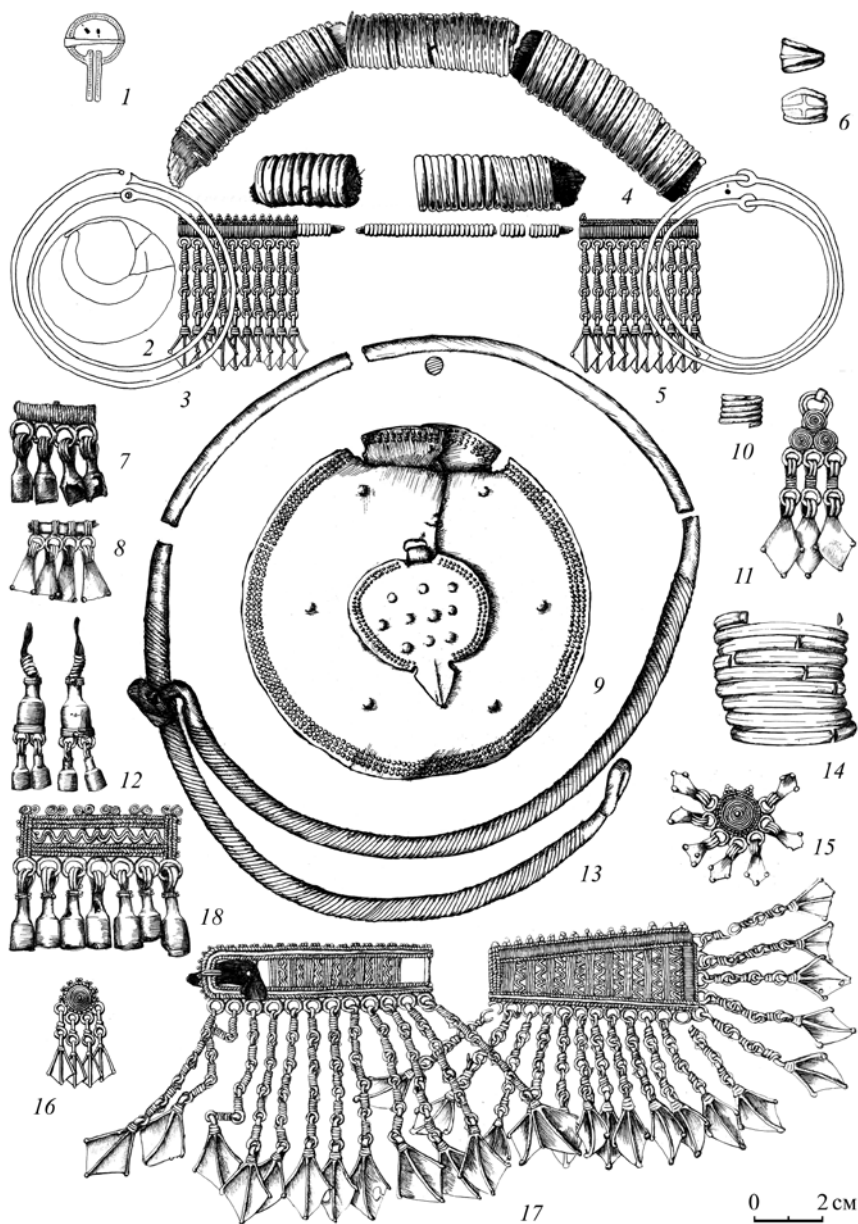
В культурном и хронологическом отношении исследованный в 2012 г. участок могильника выглядит весьма монолитно. Большая часть захоронений отличается значительной близостью погребального обряда и инвентаря, и содержит украшения, традиционные для муромского костюма. Прежде всего, это височные кольца так называемого «муромского» типа с застежкой в виде округлого щитка и крючка (рис. 2, 3), височные кольца-лунницы (рис. 2, 2), головные венчики двух типов – из кожаного шнура, обвитого бронзовой проволокой с прямоугольными подвесками у висков (рис. 2, 5), и из кожаной полосы шириной около 2 см, обложенной бронзовыми узкими обоймочками. Этот второй венчик располагался поверх узкого и был составной частью сложного головного убора, в который входили головные жгуты (рис. 2, 4). Другой традиционной деталью был пояс, застегнутый парными ажурными пряжками с лапчатыми привесками (рис. 2, 17) с боковым ремнем, обложенным пластинчатыми обоймочками. Женский убор отличается обилием шумящих привесок (рис. 2, 7, 8, 11, 15–18), а также присутствием украшений, характерных для финнов Правобережья Волги. Это дисковидные нагрудные бляхи с круглой крышечкой (рис. 2, 9), гривны «глазовского типа» (рис. 2, 13), сюлгамы (рис. 2, 1), спиральные браслеты (рис. 2, 14) и спиральные перстни (рис. 2, 10). Эти украшения в могильниках мордвы бытуют во второй половине VIII–IX в. (Вихляев и др., 2008, с. 31).

В исследованных комплексах отсутствуют вещи с четко определенными датами, поэтому для определения времени совершения этих захоронений привлекались находки стеклянных бус, оружие, предметы конского снаряжения и находки монет. Бусы являются достаточно редкой находкой, они обнаружены только в 20 захоронениях и, в отличие от соседних мордовских племен, бус в ожерелье не много – от 2 до 12 штук⁴. Это глазчато-полосатые бусы (рис. 3, 5, 6 – на вклейке, с. 391), изготовленные из многослойных палочек и методом сварки, и прозрачные голубые кубические со срезанными углами (рис. 3, 7), время наибольшего распространения которых в Восточной Европе VIII–IX вв. (Ковалевская, 2000. С. 67–72, 93; Львова, 1968. С. 68, 90; Голдина, 2010. С. 54, 59. Рис. 34–37). В десяти комплексах присутствуют многочастные бусы из тянутой трубочки с золотой и серебряной фольгой (серебряные и золоченные многочастные пронизки – по З. А. Львовой) (рис. 3, 7), также широко распространенные в лесной зоне от Урала до Ладоги с VIII по X в. (Львова, 1968. С. 88). В мордовских могильниках ожерелья из таких бус распространены во второй половине VIII–IX в.

Для датировки можно привлечь находки предметов конского снаряжения – в мужском захоронении 50 найдены арочные стремяна со слегка прогнутой подножкой типа VI по Кирпичникову (рис. 3, 3), которые максимально

⁴ Выражаем благодарность И. Н. Кузиной за консультации.

Рис. 2. Подболотьевский могильник.

Украшения традиционного женского костюма: 1 – сколгана (п. 25); 2 – височное кольцо-лунница (п. 7); 3 – браслетовидные височные кольца «муромского» типа (п. 7); 4 – фрагменты головного жгута (п. 32); 5 – венчик (п. 1); 6 – перстень (п. 57); 7, 8, 11, 18 – шумящие подвески (п. 85); 9 – нагрудная дисковидная бляха (п. 57); 10 – спиральный перстень (п. 57); 12 – бутылчатые привески накосника (п. 57), 13 – гривна «глазовского» типа (п. 57); 14 – спиральный браслет (п. 57); 15, 16 – умбовидные подвески (п. 32); 17 – ажурные поясные пряжки (п. 57). Рисунки А. И. Рябчиковой и А. А. Леонтьевой

распространены в VII–IX вв. (*Кирпичников*, 1973. С. 96–97. Рис. 29) и удила с S-овидными псалями (рис. 3, 2), время бытования которых – вторая половина VIII – первая половина IX в. (*Плетнева*, 1989. Рис. 38). Такие стремена вместе с S-овидными псалями в этот период широко распространены в памятниках алан, булгар, мордвы, венгров.

Уточнить датировку основного массива погребений позволяют немногочисленные находки монет. В погребении 39 найден брактеат – подражание аббасидскому дирхему VIII–IX вв., а в погребении 67 с топором со щековицами (рис. 3, 1), овальным и салазковидным кресалами – подражание аббасидскому дирхему ал-Ма‘муна, чеканенному в Мадинат Исбахане (?) в 200 г. х. (IX в)⁵. Таким образом, основной массив исследованных в 2012 г. погребений в восточной возвышенной части могильника датируется второй половиной VIII–IX в.

Несколько более ранними являются три погребения (34, 77 и 83), тяготеющие к восточной части могильника. Датировочными для них являются: гривны с замком-лодочкой (рис. 4, 2), наиболее ранний образец которой в раннемордовском Серповском могильнике найден с золотыми византийскими монетами, позднейшая из которых датируется концом VII в. (*Алихова*, 1969. С. 119), в Крюковско-Кужновском могильнике в погребении 205 аналогичная гривна найдена с дирхемом середины VIII в. (Материалы по истории мордвы, 1952. С. 71); дисковидные нагрудные бляхи с крышкой и треугольными прорезями (рис. 4, 1), которые в материалах Безводнинского могильника датируются VI – рубежом VII в. (*Краснов*, 1980. С. 106–107. Рис. 35, 1, 10), на средней Цне, в мордовских могильниках эти бляхи бытуют в конце VII – первой половине VIII века вместе с досалтовскими поясными наборами (*Зеленцова*, 2005. С. 322. Рис. 2); дровые браслеты с точечным орнаментом (змеевидные, с обрубленными концами); топоры-кельты с коротким лезвием, прямоугольные шипастые подвески (рис. 4, 3); монохромный бисер. Все эти вещи имеют аналогии в древностях лесной зоны, где датируются VII – первой половиной VIII в. Такая датировка ранних Подболотьевских погребений подтверждается радиоуглеродной датой, полученной по образцу луба из погребения 34 и которая укладывается в интервал 688–779 гг.

Верхняя дата исследованной части памятника определяется погребениями, расположенными в западной части раскопа и отделенными от основного массива пустым пространством шириной до 12 м. Захоронения, расположенные на периферии могильника, отличаются западной ориентировкой погребенных, неглубокими могильными ямами и более скудным инвентарем. Не фиксируется здесь и рядность в расположении могил, которая прослежена в восточной части памятника. В 2012 г. здесь исследовано 5 погребений – три женских и два мужских. Исключительно важное значение для определения хронологии памятника в целом и понимания процессов, происходящих в Поочье на рубеже тысячелетий, имеет женское погребение 3, погребальный обряд и инвентарь которого имеет синкретический характер. В целом муромский облик костюма погребенной сохраняется: в области висков присутствуют височные кольца «муромского» типа,

⁵ Выражаем благодарность за определение монет А. А. Гомзину

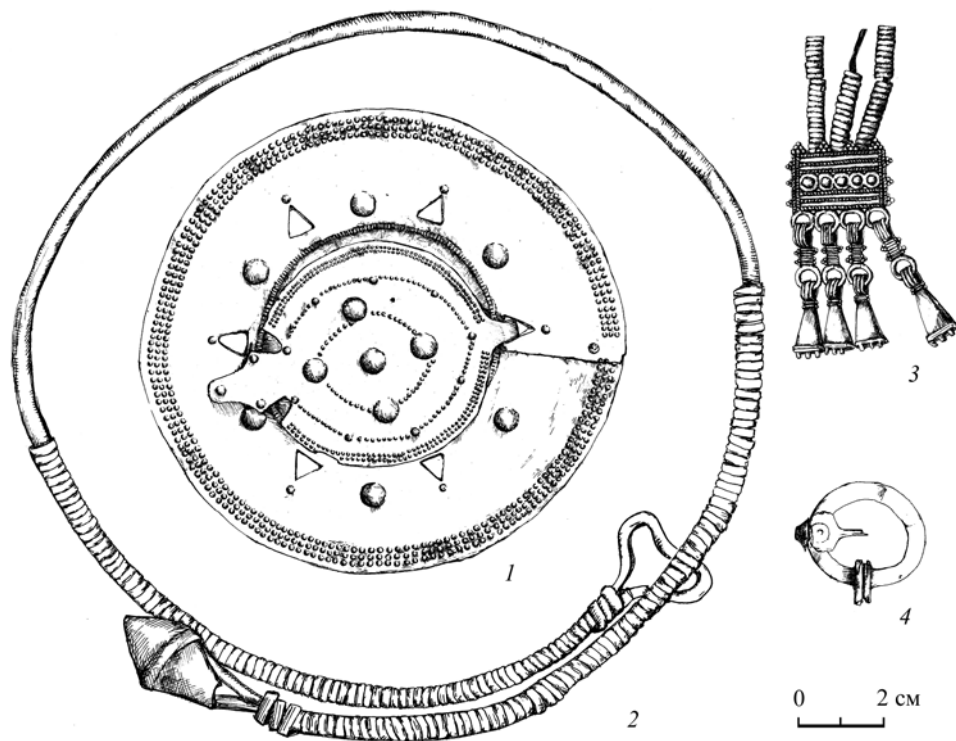

Рис. 4. Подболотьевский могильник.

Погребальный инвентарь из ранних женских захоронений: 1 – нагрудная дисковидная бляха (п. 83); 2 – гривна с застежкой «лодочкой» (п. 34); 3 – украшение косы (п. 34); 4 – сюлгма (п. 57). Рисунки А. И. Рябчиковой и А. А. Леонтьевой

а в области груди – дисковидная нагрудная бляха с крышечкой. Бляха выполнена из тончайшей серебряной (?) фольги, в силу своей хрупкости вряд ли могла носиться, и в захоронении она имеет явно ритуальный смысл. Нагрудные бляхи из тончайшей фольги известны в мордовском Кельгининском могильнике (Беляев и др., 1998. С. 57, 141). На руках погребенной обнаружено два и три браслета – четыре дрововых с прямосрезанными концами (рис. 3, 12) и пятый плетеный из двух проволок с завязанными концами (рис. 3, 13). Аналогии последнему известны во Владимирских курганах (Спицын, 1905. С. 151. Рис. 306). В области шеи погребенной было обнаружено ожерелье, состоящее из навитых кобальтовых бус, среди которых было три белоромбических (рис. 3, 14), известных в северорусских материалах на протяжении XI в. (Захаров, Кузина, 2008. Т. 2. С. 150. Рис. 132. С. 196; с. 170; Захаров, 2004. Рис. 263). В этом же ожерелье имеются три монетовидные привески, одна из которых с чеканным орнаментом в виде креста, 8 дирхемов и 4 денария. Дирхемы-саманиды, датируются, по определению А. А. Гомзина, второй половиной – концом X в. Денарии, по определению

П. Г. Гайдукова,⁶ являются германскими, позднейший из них датируется второй четвертью XI в. Таким образом, по монетным находкам погребение может датироваться XI в., а находка дисковидной нагрудной бляхи архаического облика позволяет сузить эту дату до первой половины – середины века.

Мужские захоронения в этой части могильника отличаются бедностью инвентаря: одно из них, погребение 4 с юго-западной ориентировкой, содержало только железный нож с уступом и фрагменты неопределенного предмета. Во втором мужском захоронении (п. 11) найдены предметы, хорошо известные на рубеже X–XI вв. в древнерусских памятниках: боевой топор-чекан типа I по А. Н. Кирпичникову (*Кирпичников*, 1966. С. 30), калачевидное кресало с треугольным язычком типа 1 по Б. А. Колчину (*Колчин*, 1959. С. 99), лировидная пряжка (*Зайцева*, 2008. Т. 2. С. 83).

В. А. Городцовым в 1910 г. на периферии могильника также было исследовано несколько погребений с западной ориентировкой, в которых отмечалось небольшое количество украшений. Это, как правило, только браслеты, редкие шумящие привески, известные в гибридных памятниках к северу и северо-западу от муромских территорий, и ожерелья из золотостеклянных навитых бус (*Городцов*, 1914. С. 78–79). Безусловно, эти захоронения с западной ориентировкой демонстрируют новые процессы, происходящие на рубеже тысячелетий в Муромском Поочье и не случайно они расположены на окраине существующего кладбища.

ЛИТЕРАТУРА

- Алихова А. Е.*, 1959. Серповский могильник // Алихова А. Е., Жиганов М. Ф., Степанов П. Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск: Красный октябрь. С. 117–130.
- Беляев Я. В., Вихляев В. И., Зеленецova О. В., Шитов В. Н.*, 1998. Кельгининский могильник: Раскопки 1990-х гг. Саранск: Красный октябрь. 168 с.
- Бейлекчи В. В.*, 2005. Древности Нижнего Поочья (погребальный обряд и поселения летописной муромы): учебное пособие. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та. 278 с.
- Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленецova О. В., Шитов В. Н.*, 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части среднего Поволжья. Саранск: Красный октябрь. 350 с.
- Гришаков В. В., Зеленецova Ю. А.*, 1990. Муром VII–XI вв.: учебное пособие / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та. 74 с.
- Голдина Е. В.*, 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV –IX вв). Ижевск: Ижевская республиканская тип. 262 с.
- Голубева Л. А.*, 1987. Муром // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. С. 81–92.
- Городцов В. А.*, 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году // МАО. Т. XXIV. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко. С. 40–216
- Дубынин А. Ф.*, 1947. Малышевский могильник. К истории Нижней Оки в I тыс. н. э. Рукопись канд. дисс., защищенной в Ученом совете ИИМК АН СССР 23.01.1947 г. // Архив ИА РАН. Ф. 2. № 362
- Зайцева И. Е.*, 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / Отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука. С. 57–142.

⁶ Выражаем благодарность П. Г. Гайдукову за определение монет.

- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индик. 292 с.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология северорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / Отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука. С. 142–215.
- Зеленцова О. В., 2005. Ранний горизонт погребений среднецентинских могильников (вопросы хронологии) // II Городцовские чтения: материалы науч. конф., посвященной 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. М.: ГИМ. С. 320–328. (Труды ГИМ. Вып. 145).
- Зеленцова О. В., Яворская Л. В., 2014. К вопросу об особенностях ритуальных действий с животными в погребальных обрядах муromы (по археозоологическим материалам Подболотьевского могильника) // КСИА. Вып. 232. С. 160–169.
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. (САИ; вып. Е1–366).
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. (САИ; вып. Е-36).
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР. Т. II. С. 7–121. (МИА; № 65).
- Ковалевская В. Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 362 с. (Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 2).
- Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 223 с.
- Львова З. А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi. Часть I // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 64–94.
- Материалы по истории мордвы VIII–XI вв., 1952. Моршанск: Издание Моршанского краеведческого музея. 232 с.
- Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука. 288 с.
- Спицын А. А., 1905. Владимирские курганы // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 15. СПб. С. 84–172.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987. Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. 509 с. (Археология СССР).
- Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999. [Отв. ред. М. Г. Иванова]. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 388 с.

Сведения об авторе

Зеленцова Ольга Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru.

O. V. Zelentsova

New research of Podbolotyevovo cemetery

Abstract. The article introduces the results of new excavations at the Podbolotyevovo cemetery, first investigated by V.A. Gorodtsov over 100 years ago. The ground cemetery is located in the Murom district, the Oka basin. It is left by the pre-Slavic Finnish-speaking Muroma tribe. Analysis of planigraphy, burial rite and grave goods from 86 burials excavated in 2012 is presented. The majority of burials in the central part of the site show northern orientation and contain rich funerary gifts, which is typical of the Muroma. They date mostly from the second part of the 8th – 9th cc., the earliest burials fall within

the late 7th – first part of the 8th cc. *Terminus ante quem* of the site's excavated section is determined by five burials located in its periphery. They are distinguished by western orientation, shallow grave pits and limited set of grave goods, having analogies in medieval Russian sites. These burials date back to the first part – mid 11th c. and point to the new processes related with coming of new Slavic population to the Oka basin in Murom region at the turn of the millennia.

Key words: Muroma, the Volga Finns, burial complex, burial rite, grave goods, traditional costume, chronology

About the author

Zelentsova Olga V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru.

И. А. Сапрыкина

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА
ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ VIII–X ВЕКОВ ПОДБОЛОТЬЕВСКОГО
МОГИЛЬНИКА

Резюме. Публикация посвящена результатам исследования химического состава цветного металла из эталонного памятника муромских древностей VIII–X вв. – Подболотьевского могильника. Находки исследовались методом РФА-спектromетрии с корректировкой данных по содержанию свинца. В выборке выделены высокопробные серебряные сплавы, корреляция «висмут – золото» указывает на возможный источник серебра – арабские дирхемы. Имеется большая группа сплавов на основе меди, основная часть вещей изготовлена из многокомпонентных сплавов, свинцовой латуни и свинцово-оловянной бронзы. Особенностью этих сплавов является стабильно низкое содержание цинка и стабильно высокое содержание олова и свинца. По этим параметрам сплавы на основе меди Подболотьевского могильника сходны со сплавами раннего этапа древнемордовского Крюковско-Кужновского могильника.

Ключевые слова: мурома, цветной металл, химический состав, РФА-спектromетрия, типы сплавов

С 2012 г. возобновились археологические исследования эталонного для муромских древностей памятника – Подболотьевского могильника (автор раскопок – О. В. Зеленцова¹) (Зеленцова, 2014). Материалы из первых

---

¹ Выражаю свою искреннюю благодарность автору раскопок, к. и. н. О. В. Зеленцовой, за предоставленную возможность проведения химико-технологического исследования предметов из цветного металла из раскопок этого памятника.

раскопок этого памятника, проводившихся в начале XX в. В. А. Городцовым, послужили основанием для выделения наиболее характерных черт погребального обряда древней муромы (Городцов, 1914). Несмотря на постоянный научный интерес к материалам Подболотьевского могильника, использование их в многочисленных реконструкциях материальной культуры древней муромы, целенаправленное изучение производственных традиций, связанных, в частности, с цветной металлообработкой, практически не проводилось². Раскопки последних лет, проведенные на территории могильника и Вербовского селища (Зеленцова, 2013), позволили получить обширный материал, комплексное исследование которого дает нам качественно новую научную информацию.

Одним из направлений такого исследования является, прежде всего, изучение техники изготовления и химического состава цветного металла предметов, в частности, сопутствующего погребального инвентаря. Анализ химического состава цветного металла выполнялся методом РФА на спектрометре M1 Mistral (Bruker)³, расчет спектров выполнялся автоматически на соответствующем программном обеспечении.

В рамках данной статьи публикуются предварительные результаты исследования химического состава цветного металла из погребений Подболотьевского могильника, исследованных в 2012–2013 гг. В настоящее время выборка насчитывает 210 проб, полученных для типологически разных украшений VIII–X вв., отличающихся наилучшей сохранностью металла. К сложностям анализа можно отнести практическое отсутствие в выборке предметов без патинированной поверхности, что приводит к определенному искажению результатов анализа по методу РФА, в частности, по содержанию свинца. С целью минимизации этого эффекта было предпринято исследование по нескольким точкам на предварительно очищенной механическим способом поверхности; в большинстве случаев содержание свинца удавалось скорректировать проверкой. В то же время, мы отдаем себе отчет, что полученные результаты по большей части отражают качественную характеристику металлов и сплавов, использовавшихся в VIII–X вв. для изготовления украшений из Подболотьевского могильника⁴. Однако в качестве предварительных результатов они имеют несомненную научную ценность и могут быть использованы при первичном анализе производственных традиций муромы.

Ранжирование выполнялось по принятой методике, где порог легирования металлов и сплавов определяется в 1,0% (Енисова и др., 2008. С. 128–131. Табл. 2.8). Полученную выборку можно разделить на две большие группы: предметы, изготовленные из сплавов на основе меди, и предметы, изготовленные

---

² Исключением является дипломная работа, выполненная на кафедре археологии МГУ М. Е. Маух, которая легла в основу специальной публикации: Маух, 2008.

³ Автор выражает искреннюю признательность руководителю отдела Bruker Nano (г. Москва), к. ф.-м. н. Г. Б. Кузнецову за возможность работы на оборудовании.

⁴ Исследование химического состава цветного металла муромских древностей будет продолжено, в том числе, будет проведена проверка полученных данных после реставрации части анализируемой выборки.

из серебра или из серебряных сплавов. В качестве микропримесей в исследованном металле зафиксированы следующие элементы: железо, никель (в сотых долях процента, в части выборки), серебро (в сплавах на основе меди), цинк (в части выборки), сурьма, а также висмут и золото (преимущественно в серебряных предметах).

Серебряные сплавы Подболотьевского могильника составляют менее 5% от исследованной выборки: из них изготовлены нагрудная дисковидная бляха с крышечкой (п. 57), перстни (п. 95, 100, 113, 123, комп. 97), лунницы (п. 113, комп. 123), ажурная поясная застежка (п. 57), височные кольца (п. 97, 107), браслет с перевязанными концами (п. 97), пронизь (п. 67). Сплавы этой группы также ранжируются внутри группы по процентному содержанию серебра. Из двухкомпонентного низкопробного серебра изготовлена бляха с крышечкой из п. 57, при этом микропримеси висмута и золота в этом сплаве не зафиксированы. Эти элементы стабильно встречаются в двухкомпонентном высокопробном ($Ag > 90\%$) серебре, из которого изготовлена половина выборки, а также в «желтом» многокомпонентном серебре, где, помимо меди, присутствуют также олово и цинк, что позволяет говорить об использовании, вероятно, тройных латуней для разбавления серебра. Наличие стабильной связки «висмут – золото» в серебре украшений Подболотьевского могильника для VIII–X вв. косвенно указывает на возможный способ получения металла путем переплавки серебряных арабских дирхемов (*Eniosova*, 2012).

Сплавы на медной основе (95% аналитической выборки) в Подболотьевском могильнике представлены несколькими типами. Основное количество проб (50% от этой выборки) относится к многокомпонентным сплавам, из которого изготовлены такие категории украшений, как: гривны, височные кольца, детали поясного набора, нагрудные накладки с привесками, сьюльгамы, шумящие и зооморфные подвески, перстни, элементы наконечников, детали ожерелий, нагрудная дисковидная бляха с крышечкой и т. д.

Характерной особенностью многокомпонентных сплавов является широкая вариабельность содержания свинца в сплаве (от 1,23 до 53,07%). С одной стороны, такая вариабельность свинца может отражать степень загрязнения металла и не отражать его реального содержания, с другой стороны – обращает на себя внимание наличие в выборке нескольких групп многокомпонентного сплава по содержанию свинца. Первая группа характеризуется содержанием свинца до 10%, вторая – до 20%; третья группа демонстрирует возможное наличие в выборке многокомпонентного сплава с повышенным содержанием свинца в пределах 20–50%. По количественному соотношению они примерно равны друг другу. В то же время, эти сплавы характеризуются таким же распределением олова: часть выборки демонстрирует стабильно низкое содержание олова до 5%; часть содержит олово в концентрациях до 15%, а третья часть отличается повышенным содержанием олова до 25–30%. Содержание цинка стабильно низкое (до 5–7%). На наш взгляд, в ходе дальнейших исследований нам удастся скорректировать полученные данные, однако уже сейчас можно сказать, что по этим параметрам многокомпонентные сплавы Подболотьевского могильника коррелируют с данными, полученными для раннего периода Крюковско-Кужновского могильника (*Сапрыкина и др.*, 2011. С. 324).

Достаточно большая часть выборки (около 25%) относится к свинцовой латуни: это перстни, детали головных венчиков, фибула скандинавского типа (с позолотой), гривны, браслеты спиральные, подвески, височные кольца и другие типы украшений Подболотьевского могильника. Содержание цинка в сплаве стабильно низко: до 4–6%, отдельные пробы относятся к сплавам с 10%-ным содержанием цинка. Содержание свинца также достаточно стабильное и варьирует в пределах от 5 до 20%; единичные пробы содержат высокие концентрации свинца (от 23,49% до 66,61%), не исключено, что здесь мы имеем дело с сильным загрязнением поверхности.

Другая часть выборки (около 15%) представлена свинцово-оловянными бронзами, из которых изготовлены шумящие подвески, височные кольца, детали ожерелий, привески и т. д. Этот сплав характеризуется высоким процентным содержанием свинца (от 1,62 до 57,16%; среднее значение в пределах 10–30%); содержание олова колеблется от 1,30 до 46,34%, среднее значение его фиксируется в пределах до 5%, однако достаточное количество проб из выборки (не менее 40%) относится к сплаву с повышенным содержанием в пределах 25–40%.

Единичными пробами в анализируемой выборке из Подболотьевского могильника представлены предметы, изготовленные из меди, свинцовой бронзы, двойной латуни и оловянной бронзы (в совокупности не более 10% выборки сплавов на основе меди). Изделия из «меди» изготовлены из «чистой меди» (98,69–99,71%), предметы из латуни характеризуются низким содержанием цинка (до 5%), а свинцовая и оловянная бронзы отличаются повышенным содержанием легирующего компонента: в свинцовой бронзе содержание свинца варьируется от 2,51 до 42,77%, а для оловянной бронзы отмечается повышенное содержание олова – 24,9–26,19%.

Несмотря на вероятную корректировку данных по содержанию свинца, которую необходимо провести, можно говорить о том, что металл Подболотьевского могильника выделяется высокими концентрациями легирующих компонентов (как свинца, так и олова), стабильно низким содержанием цинка и использованием высокопробного серебра, полученного, вероятно, путем переплавки арабских серебряных дирхемов. Дальнейшие исследования позволят получить качественно новую информацию о типах металлов и сплавов, использовавшихся для изготовления украшений VIII–X вв. из Подболотьевского могильника, что, в свою очередь, повлияет на наши представления о системе производственных связей в рассматриваемый хронологический период и о степени включенности древней муромы в социально-экономическую жизнь региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Городцов В. А., 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Муром. М. 385 с. (Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества; т. XXIV).
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Информационная система «Цветные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья» // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н. В. Рындина. М.: Восточная литература. С. 121–132.

- Зеленцова О. В.*, 2013. Отчет о проведении научных охранных археологических исследованиях Вербовского (Подболотьевского) могильника в Муромском районе Владимирской области в зоне строительства мостового перехода через р. Оку с обходом г. Мурома (II этап) (в 5-ти томах) // Архив ИА РАН.
- Зеленцова О. В.*, 2014. Новые исследования Подболотьевского могильника // КСИА. Вып. 236.
- Маух М. Е.*, 2008. Кузнечные и ювелирные инструменты в погребениях на территории Восточной Европы в V–XIII веках // Археология Подмосковья: материалы научного семинара / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. Вып. 4. С. 93–98.
- Сапрыкина И., Митоян Р., Никитина Т., Зеленцова О.*, 2011. Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII – начала XI вв. из могильников Среднего Поволжья // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba, 9–14. Red.: S. Csúcs [et al.]. Pars VIII. Dissertationes sectionum: Literatura, archeologica et historica. Piliscsaba: Reguly Társaság. P. 312–332.
- Eniosova N.*, 2012. Tracing the routers of silver procurement to the early urban centre Gnezdovo in the 10th/early 11th centuries // Die Archäologie der Frühen Ungarn. Chronologie, Technologie und Methodik: Internationaler Workshop des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften und des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz in Budapest am. 4 und 5 Dezember 2009 / Hrsg. Bendeguz Tobias. Rgzm-Tagungen Band 17. Herstellung: Strauss GmbH, Mörlenbach. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. P. 261–267.

Сведения об авторе

Сапрыкина Ирина Анатольевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: dolmen200@mail.ru.

I. A. Saprykina

Chemical composition of non-ferrous metal objects of 8th – 10th cc. from Podbolotyevo cemetery. Preliminary analytical results

Abstract. The publication is devoted to the investigation of chemical formulas of non-ferrous metal from the reference site of the Muroma antiquities – the Podbolotyevo cemetery (8th – 10th cc.). The finds were analyzed by the method of X-ray fluorescent spectrometry with adjustment of lead content data. In the selection a group of high-standard silver alloys have been singled out; correlation of bismuth and gold pointing to the Arab dirhams as a possible source of silver. A numerous group of copper-based alloys, with the majority of finds shaped of multicomponent alloys, lead brass and lead-tin bronzes are present. These alloys are characterized by stable low zinc content and stable high tin and lead content. By these features alloys from the Podbolotyevo cemetery show their similarity with metal formulas of the early stage of the Kryukovo-Kuzhnovsky cemetery attributed to the early Mordva population.

Key words: Muroma, non-ferrous metal, chemical composition, X-ray spectrometry, alloy types

About the author

Saprykina Irina A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: dolmen200@mail.ru.

В. С. Флёров

К ПЕРИОДИЗАЦИИ НИЖНЕ-ДОНСКИХ КРЕПОСТЕЙ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Резюме. Статья посвящена хазарским крепостям Нижнего Дона: Правобережной Цимлянской и Семикаракорской. Обе они предшествуют Саркелу. Выдвинута гипотеза о том, что *а)* самым ранним является недавно открытое местонахождение Башанта с находками черепицы из Крыма или Таманского полуострова; *б)* миссия Петроны Каматиры в Хазарский каганат не была единственной.

Ключевые слова: Хазарский каганат, фортификация, хронология

На заседаниях Группы средневековой археологии ИА РАН неоднократно обсуждалась тема относительной хронологии трех известных на сегодня крепостей в нижне-донском регионе Хазарского каганата. Речь идет о Саркеле, Семикаракорской и Правобережной Цимлянской¹. Среди них опорным памятником является Саркел, уточненную дату начала строительства которого, 841 г. (*Сорочан*, 2013. С. 497), можно считать репером для разработки хронологии не только нижне-донских, но и прочих крепостей Хазарского каганата, построенных как из кирпича, сырцового или обожженного, так и белокаменных блоков.

По мере обработки еще не полностью изданных мною материалов раскопок Семикаракорской крепости и сопоставлению их с опубликованными материалами из Правобережной крепости появляется возможность выяснения их хронологического соотношения между собой.

Чрезвычайно продуктивным стало сравнение обеих крепостей по совершенно идентичным двухкамерным постройкам в каждой из них, распространению черепицы и захоронениям на территории крепостей. Начну с построек.

К южной стене Правобережной Цимлянской крепости была пристроена двухкамерная постройка из блоков белого известняка (рис. 1: *а*). В центре западного, подсобного, помещения площадью 8,25 кв. м находилась сужающаяся ступенями яма (погреб, хранилище). Но решающее значение для понимания назначения постройки имело восточное помещение площадью 9,70 кв. м. В центре его располагался горн для плавки металла либо кузнечный (в ранней публикации он назван очагом: *Флёров*, 1994. С. 451–453). Мастерская с горном и определила назначение всей постройки.

Аналогичная постройка, но большей площади, т. н. башня, встроена в северную стену Семикаракорской крепости (рис. 1: *б*). Внешние размеры²: северная стена – 15,4 м, восточная – 8,4 м, южная – 14 м, западная – 7,3 м. Восточное помещение, квадратное в плане, размером 5×5 м (25 кв. м). В западном, размерами 5,6×4,8×4,6×5,2 м (26,5 кв. м), найдено сразу четыре горна.

---

¹ О хронологии малоисследованной четвертой, Камышиной, расположенной рядом с Правобережной Цимлянской, ничего определенного по-прежнему сказать невозможно.

² В Полевом отчете за 1973 г. указаны несколько иные размеры из-за выбора других угловых точек.

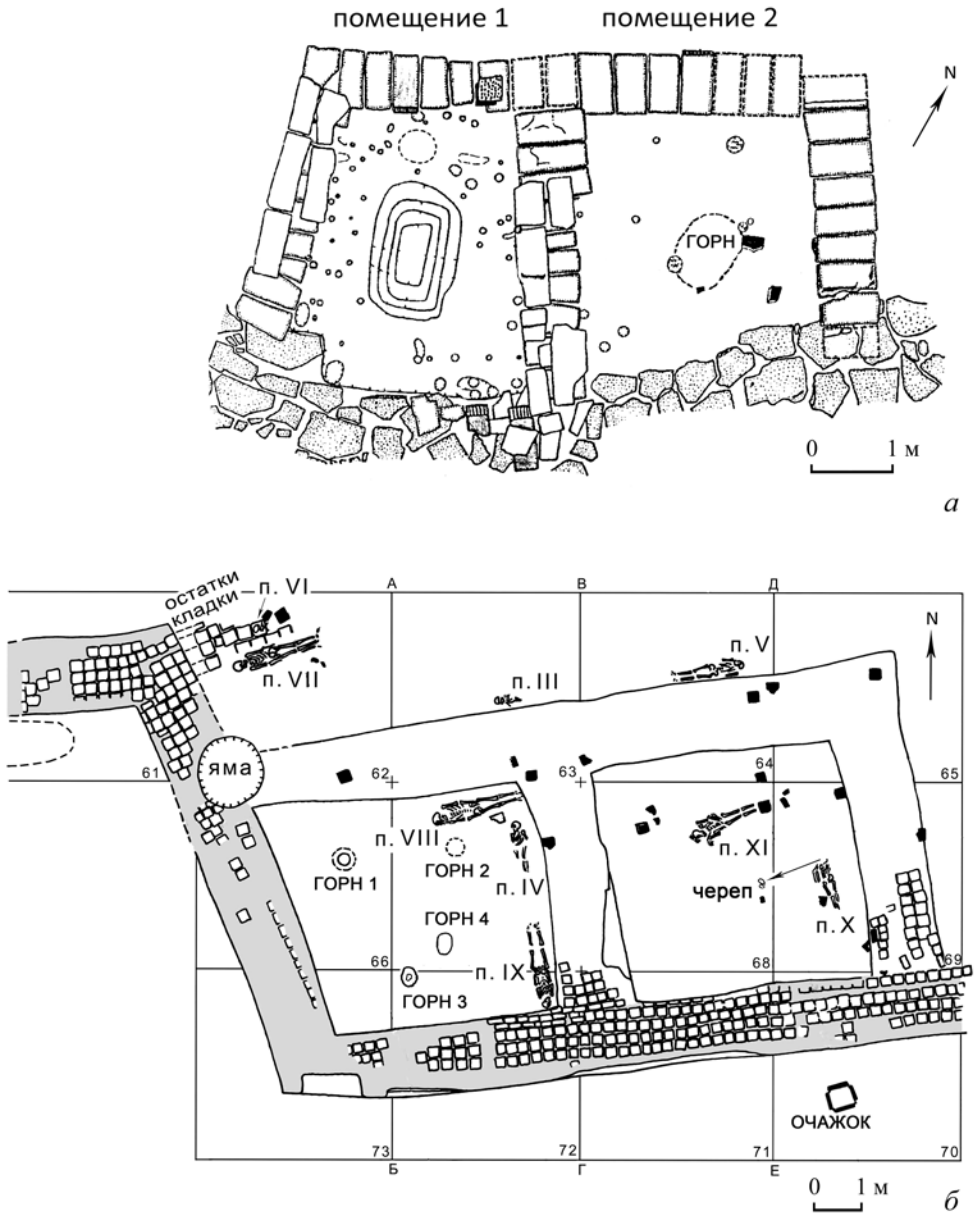

Рис. 1. Двухкамерные постройки: в Правобережной Цимлянкой (а) и Семикаракорской (б) крепостях

В обеих крепостях, в отличие от Саркела, большое распространение имела черепица местного изготовления, но подражающая византийской.

В ходе разрушения Семикаракорской крепости в башне наспех захоронены погибшие, преимущественно дети и подростки. Еще два ребенка погребены в цитадели крепости. В Правобережной непосредственно в постройке с горном захоронений не было, но они открыты в жилищах и вне их (Плетнёва, 1994. Рис. 14: 2, 16, 20, 23, 28).

Перечисленное позволяет поставить вопрос о синхронности существования и гибели Правобережной и Семикаракорской крепостей. Доказательством этому служат:

– Единообразии в планировке двухкамерных построек и расположении в одном из помещений каждой из них горнов.

– Примыкание построек к крепостным стенам, с тем отличием, что в Семикаракорской с внешней стороны, а в Правобережной крепости с внутренней стороны.

– Распространение в обеих крепостях черепицы. Особым типологическим сходством отличаются слабоизогнутые калиптеры.

– Общая картина гибели крепостей, отраженная в захоронениях на их территории погибших женщин и детей, реже мужчин. Причины единообразия картины разгрома я вижу в том, что находившиеся в одном небольшом регионе на расстоянии менее ста километров друг от друга, крепости прекращают свое существование одновременно вследствие одних событий, каковыми были столкновения внутри каганата. М. И. Артамонов считал, что «... наиболее вероятным является предположение, что Правобережная Цимлянская крепость была уничтожена самими хазарами в результате внутренней борьбы составляющих ее социальных сил». Жертвой той же борьбы, по его выражению «драмы, разыгравшейся на берегах Дона» (Артамонов, 1962. С. 325), стала Семикаракорская крепость и ее население.

Сегодня еще невозможно указать на дату строительства Семикаракорской крепости, но, судя по незначительности культурного слоя, ее существование не было продолжительным. Более определенно датируется Правобережная Цимлянская: концом VIII – 40-ми гг. IX в. (Флёров, 1994. С. 480–487)³. В любом случае эти крепости созданы ранее Саркела и гибнут одновременно.

М. И. Артамонов, имея в виду Семикаракорскую крепость, считал, что строительство из сырцового кирпича началось на Дону до возникновения Саркела (Артамонов, 1959. С. 7). Сегодня это нашло подтверждение. Мало того, до Саркела появилось на Нижнем Дону и строительство из обожженного кирпича. В цитадели Семикаракорской крепости он был основным строительным материалом вместе с черепицей, о чем М. И. Артамонов еще не мог знать. Он полагал, что в досаркеловское время «в ходу были кладки из сырцовых, а не обожженных кирпичей» (там же).

Специально для историков отмечу: раскопки Семикаракорской крепости показали, что не Петрона первым завел на Нижнем Дону кирпичную

³ Предлагалась другая, не принятая мною дата (Плетнёва, 1993. Флёров, 1996).

фортификацию. Но была ли самой ранней Семикаракорская крепость, стены которой сложены из сырцового кирпича?

Обратимся к прошедшей почти незамеченной предварительной публикации неизвестного ранее местонахождения Башанта, открытого Л. Д. Манджиковой на р. Егорлык в 180 км южнее Семикаракорской крепости (*Очир-Горяева и др.*, 2011). Соавторы датируют памятник домонгольским временем. Ознакомление с частью находок позволило мне отнести его ко времени Хазарского каганата⁴. Об этом свидетельствует и упоминание в публикации венчика (горшка?) с волнистым орнаментом, а также фрагментов амфор VIII–IX вв. Могу лишь догадываться, что и под «красноглиняной гончарной посудой» в описаниях подразумеваются амфоры (там же. С. 63, 65). Эти амфоры не могли быть изготовлены в местных печах или волжскими болгарами, как предполагают соавторы (там же. С. 70).

Самыми ценными для рассматриваемой темы находками в Башанте оказались фрагменты черепицы. Для части их действительно отмечается некоторое сходство с керамидами и калиптерами местного изготовления из Правобережной Цимлянкой и Семикаракорской крепостей. Однако большинство имеет аналогии в памятниках Крыма. Но, что не смогли определить соавторы, будучи специалистами в других областях археологии, черепица из Башанты не просто аналогична крымской, но *привезена* из Крыма или с Таманского полуострова. Это первый случай обнаружения импортной черепицы в обширном бассейне Нижнего Дона. Тут следует отметить, что в донских крепостях импортная черепица, послужившая образцами для налаживания их местного производства, пока не обнаружена.

Регион, в котором на территории Хазарского каганата найдена импортная черепица, не может не вызывать удивления, ведь он почти на 160 км удален от его главной речной магистрали – р. Дон.

Не может не обратить на себя внимания и еще один вид строительного материала из Башанты – небольшие «обтесанные камни-ракушечники» размерами 32 : 30 : 10 см; 50 : 40 : 12 см и др. (там же. С. 63 и др.). Не исключаю, что найдутся и архитектурные детали (прогнозировать позволяют находки капителей в Саркеле).

Наконец, третий вид строительного материала из Башанты – сырцовые кирпичи (названы «саманом»). Размеры их определены очень приблизительно и указаны лишь два из трех (57 : 14 см; 40 : 12 см; 38 : 12 см и др.).

Характеризовать как-либо новое местонахождение Башанта (поселение, городище) по одному шурфу не представляется возможным, даже границы его не установлены. Тем более нельзя говорить о нем как о «памятнике городского типа» (там же. С. 70). Представленная в публикации информация в ряде случаев трудно поддается интерпретации, нуждается в дополнительных разъяснениях, тем не менее, позволю высказать следующее предположение.

⁴ В 2012 г. М. А. Очир-Горяева пригласила меня для консультации по найденной керамике и черепице Башанты. С ее разрешения я сделал зарисовки нескольких фрагментов черепицы и передал их ей для публикации. Глубоко признателен Марии Александровне за детальный рассказ о местонахождении и комментарии к Отчетам о раскопках.

Миссия Петроны Каматиры в Хазарию не была единственной. Не исключено, что в местонахождении Башанта остались следы еще одной византийской экспедиции, более ранней. Насколько предложенная версия верна, могут на первой стадии исследования показать публикация черепицы из Башанты. В свою очередь это прояснит некоторые проблемы по Семикаракорской и Правобережной крепостям. Раскопки Башанты приоткрыли новую страницу в хазарской археологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И., 1959. От редактора // Труды Волго-Донской археологической экспедиции / Отв. ред. М. И. Артамонов. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 5–8. (МИА; № 75).
- Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 522 с.
- Очир-Горяева М. А., фон Карнап Борнхейм К., Кекеев Э. А., Манджикова Л. Д., 2011. Поселение «Башанта» с каменными постройками эпохи средневековья // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 1. Элиста. С. 63–70
- Плетнева С. А., 1993. История одного хазарского поселения // РА. № 2. С. 48–69.
- Плетнева С. А., 1994. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь: Таврия. С. 271–396.
- Сорочан С. Б., 2013. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Ч. I. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. 589 с. (Византия и ее окружение. Исследования; т. 2).
- Флёров В. С., 1994. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь: Таврия. С. 441–516.
- Флёров В. С., 1996. Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // РА. № 1. С. 100–113.

Сведения об авторе

Флёров Валерий Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: valerij-flyorov@yandex.ru.

V. S. Flyorov

On periodization of the Lower Don fortresses of Khazarian khanate

Abstract. The article discusses the Khazarian fortresses on the Lower Don River: Pravoberezhnaya Tsimlaynskaya and Semikarakorskaya. The both fortified sites chronologically precede the Khazarian city of Sarkel. The author supposes that the earliest site in the Lower Don region is recently discovered Bashanta findspot with finds of Crimean or Taman tiles. It is also presumed that the mission of Petrona Kamatir to the Khazarian khanate was not the only event of that kind.

Key words: Khazarian khanate, fortification, chronology

About the author

Flyorov Valerij S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: valerij-flyorov@yandex.ru.

У. Ю. Кочкаров

К РАЗВИТИЮ РЕМЕСЛА НА ХУМАРИНСКОМ ГОРОДИЩЕ, КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ

Резюме: Статья посвящена исследованной недавно в Карачаево-Черкесии на городище Хумара мастерской VIII–X вв. В ней обнаружено множество готовых изделий и заготовок из кости и металла. На сегодняшний день мастерская является единственной найденной на территории Хазарского каганата.

Ключевые слова: мастерская, косторезное дело, цветной металл, кузнечное ремесло, Хазарский каганат

Вопросы, связанные с уровнем развития в раннем средневековье косторезного и других ремесел на территории Карачаево-Черкесии, специально не изучались. Тем больший интерес представляет открытая экспедицией ИА РАН в 2011 г. и доследованная в последующие годы мастерская на территории Хумаринского городища.

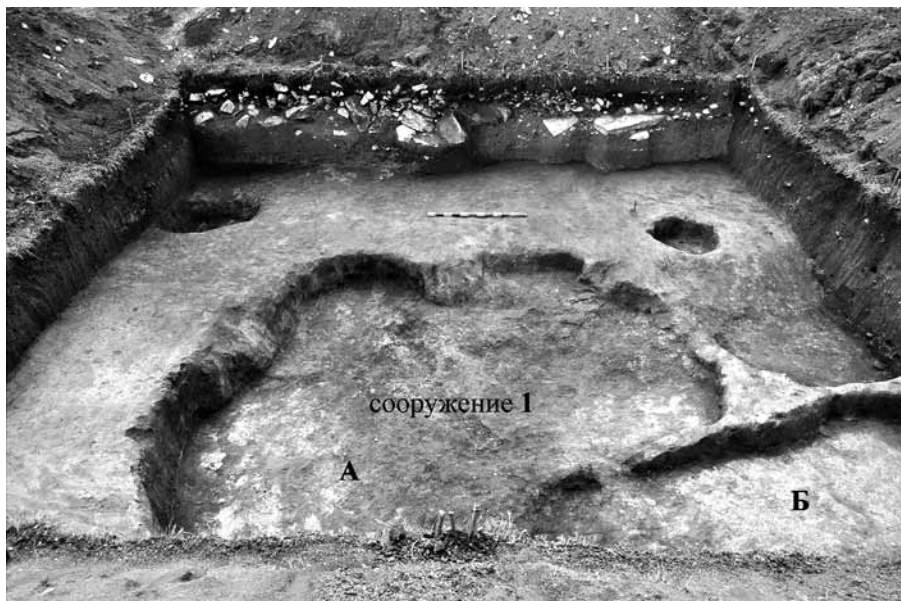
Прежде всего, необходимо оговорить, что подразумевается под самим термином «ремесло». Некоторые исследователи, обращавшиеся к данной теме, недаром осторожно обходили этот термин и помещали раздел о косторезном деле в главу «Промыслы». Промысел же определяют как использование некультивированных (сырых) природных богатств, в том числе дикой фауны, при необходимости сопровождающееся их первичной обработкой (Флёрова, 2001. С. 21).

Широкое понимание термина включает все, в т. ч. начальные, фазы специализации, когда производство изделий носит семейно-бытовой характер и является частью повседневной жизни, и домашнее ремесло, при котором изготовитель большую часть времени занимается сельскохозяйственными работами, а на досуге производит продукцию, удовлетворяющую в основном нужды семьи. Важный этап в развитии ремесла, который всегда желательно, но довольно трудно проследить на археологическом материале – это начало участия изготовителя в товарном обращении. Для любого ремесленника такое участие стимулируется близостью рынка, что имело колоссальное значение и в специализации ремесла. По сравнению с продукцией домашнего производства изделия, производимые на стадии специализации и товаризации ремесла, отличаются повышением уровня их технической обработки и оформления (Мамонова, 1991. С. 8, 13).

В северо-западной части Хумаринского городища была исследована мастерская, которая состояла из двух помещений. Сооружение имело неправильную форму. Размеры 5 м с запада на восток, 8 м с юга на север (рис. 1). Сооружение представляет собой полуземлянку, углубленную в материк на 35–40 см. Вход в сооружение, скорее всего, был с севера (Кочкаров, 2011).

В южной части мастерской были найдены инструменты для обработки кости: сверла, ножи (рис. 2, 6–9). В помещении мастерской в большом количестве об-

Рис. 1. Хумаринское городище. Раскоп Ж. Сооружение 1.

Вид с востока. *А* – южное помещение, *Б* – северное помещение

наружены заготовки и готовые изделия из рога оленя и крупного рогатого скота. Аналогичные находки ранее были сделаны в слоях различных памятников Хазарского каганата, и в том числе Саркела-Белой Вежи (Флёрова, 2001. Рис. 61). Среди Хумаринских материалов некоторые изделия не имеют аналогий, однако другие, например игральные кости, довольно часто встречаются на памятниках Хазарского каганата (Флёрова, 2001. Рис. 54, 1–5). Одна из Хумаринских находок заслуживает особого внимания. Это небольшое изделие, имеющее сквозное отверстие посередине, оно хорошо отполировано и, возможно, использовалось в ткацком деле (рис. 2, 10).

Следует также отметить, что в мастерской (южное помещение) найдено несколько шильев и иголка (рис 2, 1, 2), которые использовались, вероятно, для шитья и починки одежды, обуви, изделий из кожи. На соседнем раскопе была найдена костяная игольница.

Костный материал, обнаруженный на городище, дал следующие результаты. Всего проанализировано 2872 костных фрагмента. Сохранность костного материала плохая. От найденных костных остатков 69,2% (1987 фрагментов) определить не удалось. Больше всего костей принадлежит свинье – 288, что составляет 10% от общего количества фрагментов. На втором месте по численности кости мелкого рогатого скота – 8,8%. Кости крупного рогатого скота составляют 5,7%. На долю костей лошади приходится 4,7%. В представленном материале присутствуют фрагменты костей собаки – 1,1%. Дикие животные представлены благородным оленем – 7 фрагментов, косули европейской – 3 и волка – 2 фрагмента.

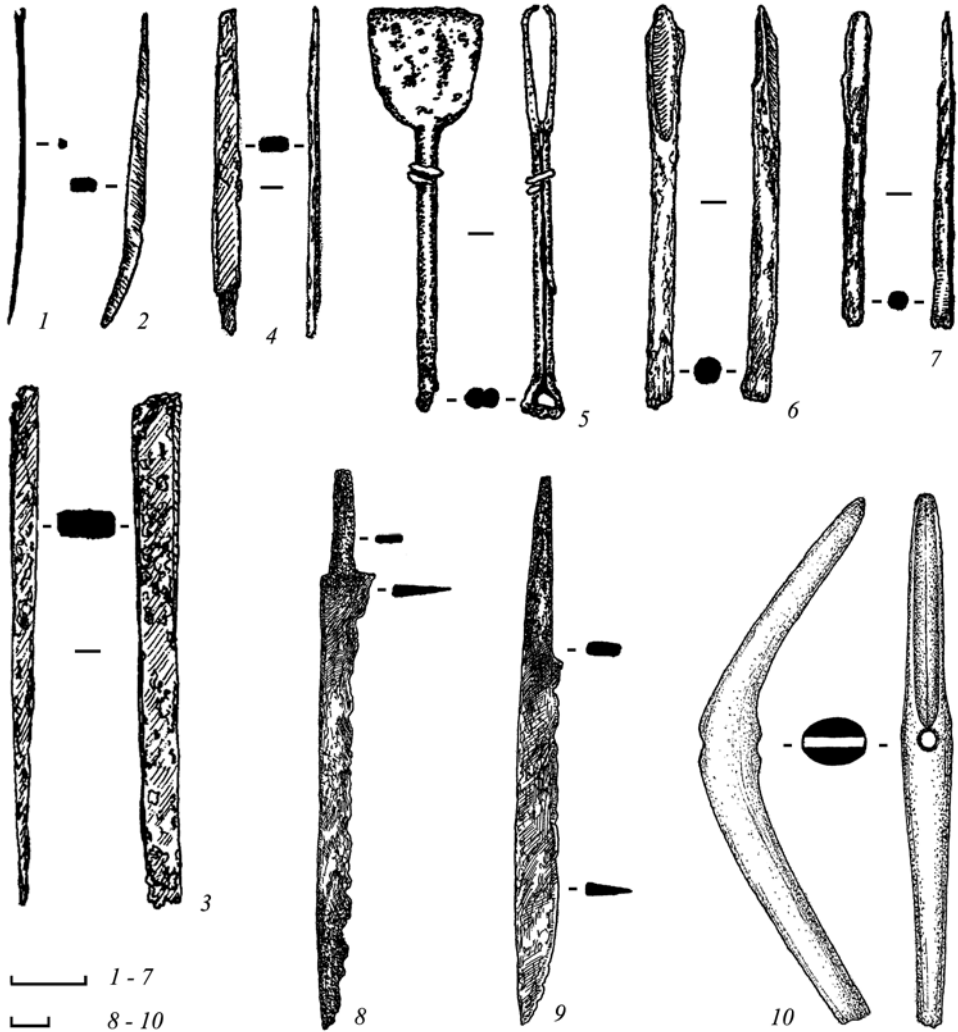

Рис. 2. Хумаринское городище. Находки в сооружении 1.

1-9 – железо, 10 – кость

Для раннего типа мастерских свойственен надомный, если не домашний характер производства и его сезонность. Часто отмечается сочетание с другими видами ремесел. Это отмечается и в хумаринской мастерской. В ней помимо артефактов косторезного ремесла найдены фрагменты заготовок и готовые бронзовые и железные изделия, назначение которых не вполне поддается объяснению. Встречены фрагменты незавершенных изделий, вполне сопоставляемых с конечной продукцией. Из инструментов, подтверждающих, что здесь же занимались также и ювелирной работой, говорят небольшие напильники, пробойники, пинцет (рис. 2, 3-5).

В северном помещении мастерской найдено также большое количество отходов кузнечного производства. Среди них – железные пластинки, стержни круглого и четырехугольного сечения, обрезки проволоки, перекрученные стержни, предназначенные для изготовления дротовых изделий. Все обнаруженные на Хумаринском городище металлические изделия переданы для изучения металлографам.

О развитии кузнечного мастерства на территории современной Карачаево-Черкесии в VIII–X вв. говорит большое количество изделий из различных металлов и, в первую очередь, из железа, происходящих из ряда других памятников. Среди них наиболее многочисленны предметы вооружения: топоры, наконечники стрел и копий, клинки сабель и др. Некоторые из них встречаются на соседних территориях. Все эти вещи, вероятно, скорее всего, изготовлены местными мастерами-оружейниками.

В XIX в. только в трех селениях Большого Карачая существовало 25 общественных кузниц; есть сведения о 15 мастерах-ювелирах. Как отмечает И. М. Шаманов, кузнецы подразделялись в Карачае на так называемых общественных (эл темирчи) и частных (энчи уста). За общественным кузнецом закреплялось определенное количество дворов, для которых он изготавливал разнообразные предметы быта. Продукция частных не только использовалась для собственных нужд, но и шла на реализацию (*Кочкаров, Шаманов, 2014. С. 181*).

Следует обратить внимание на присутствие среди исследованных хумаринских материалов заготовок из черного металла, что в совокупности с находками шлаков на одном из участков городища может свидетельствовать о наличии на памятнике особой кузнечной мастерской, а возможно, и горна для выплавки железа.

Выборка полученных в ходе раскопок на Хумаринском городище предметов из цветного металла демонстрирует использование как основных схем изготовления металлических предметов (литье,ковка), так и использование сложных схем технологических операций, связанных с пониманием химико-физических свойств металлов и сплавов, что, несомненно, говорит о значительном уровне развития кузнечного и ювелирного дела на данном памятнике. Набор сплавов, использовавшихся при изготовлении исследованных предметов, достаточно широк и представлен многокомпонентным высокопробным серебром, «чистой» металлургической медью, свинцовой бронзой, свинцовой латуной.

Предполагаем, что расширение выборки с территории Хумаринского городища позволит получить новые сведения о развитии цветной металлообработки на территории Карачаево-Черкесской республики в период средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- Кочкаров У. Ю.*, 2011. Отчет о работе Карачаевской экспедиции ИА РАН в Карачаевском районе Карачаево-Черкесской республики в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 34750.
- Кочкаров У. Ю., Шаманов И. М.*, 2014. Промыслы и ремесла//Карачаевцы. Балкарцы / Отв. ред.: М. Д. Каракетов, Х.-М. А. Сабанчиев. М.: Наука. С. 171–188. (Народы и культуры).
- Мамонтова Н. Н.*, 1991. Закономерности развития народных ремесел и промыслов в России XVIII – начала XX веков // Закономерности развития искусства народных художественных промыслов: сб. науч. тр. / [Отв. ред. Н. В. Черкасова]. М.: НИИХП. С. 3–70.
- Флёрова В. Е.*, 2001. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. Санкт-Петербург: Алетей. 252 с.

Сведения об авторе

Кочкаров Умар Юсуфович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: umar_k@mail.ru.

U. Yu. Kochkarov

Craft production at the fortified settlement Khumara in Karachay-Cherkessia

Abstract. The paper discusses materials from the workshop of the 8th – 10th cc. recently discovered at the fortified settlement Khumara in Karachay-Cherkessia. Numerous finished articles and blanks made of iron and non-ferrous metal, instruments and blanks for producing bone and antler artefacts have been discovered. At present the workshop is the only complex of this kind known in the territory of Khazarian khanate.

Key words: workshop, bone and antler carving, non-ferrous metalworking, blacksmith's craft, Khazarian khanate

About the author

Kochkarov Umar Yu. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: umar_k@mail.ru.

Г. Е. Афанасьев

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ
О ВОЗВЕДЕНИИ СТЕН МАЯЦКОГО ГОРОДИЩА
МЕТОДОМ «ТЫЧОК-ЛОЖОК»

Резюме. Автор приводит аргументы, опровергающие высказанное болгарским архитектором Д. Василевой мнение о том, что крепостные стены Маяцкого городища IX в. выкладывались из блоков в технике «тычок-ложок». Статистический анализ параметрических характеристик блоков показал, что здесь мы встречаемся с иррегулярной кладкой.

Ключевые слова: Хазарский каганат, Маяцкое городище, фортификация, каменная кладка, статистический анализ

Проблема архитектурного и строительного облика Маяцкого городища IX в. обсуждается уже многие десятилетия (Афанасьев, 2012а. С. 93–122). Порой эта дискуссия принимает неконструктивный характер ввиду того, что его участники не в полной мере владеют необходимой документированной информацией и, как следствие, основывают свои суждения не на анализе фактического материала, а на поверхностных экскурсионных впечатлениях (Флёров, Флёрова, 2008. С. 59–61). В 1981 г. болгарский архитектор Д. Василева ознакомилась

Таблица 1. Размеры блоков внешнего щита южного отрезка юго-западной стены Маяцкого городища.

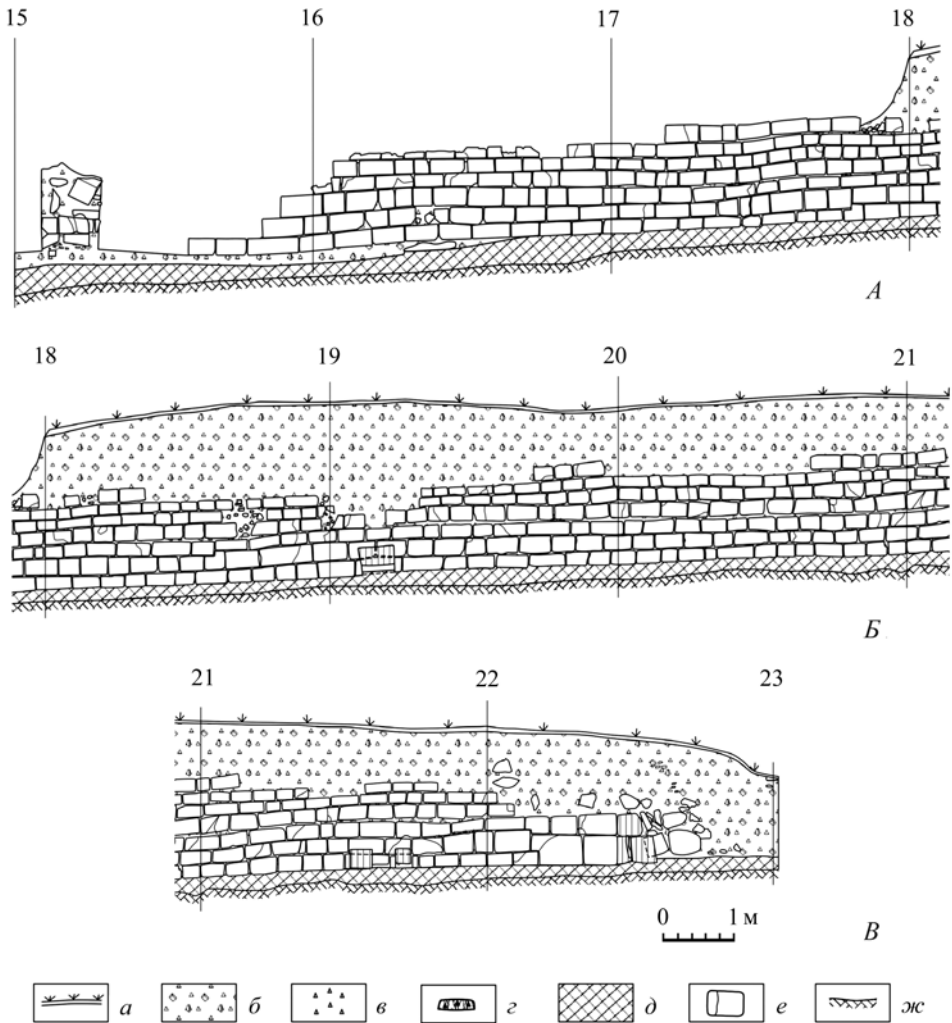
1 ряд, длина	1 ряд, ширина	2 ряд, длина	2 ряд, ширина	3 ряд, длина	3 ряд, ширина	4 ряд, длина	4 ряд, ширина	5 ряд, длина	5 ряд, ширина
36,00	22,00	46,00	26,00	48,00	28,00	40,00	20,00	32,00	20,00
40,00	22,00	32,00	26,00	30,00	28,00	44,00	18,00	46,00	21,00
60,00	22,00	48,00	24,00	43,00	26,00	50,00	18,00	24,00	18,00
48,00	22,00	30,00	22,00	22,00	26,00	40,00	18,00	20,00	18,00
50,00	22,00	36,00	24,00	22,00	26,00	45,00	18,00	46,00	19,00
44,00	22,00	42,00	22,00	26,00	26,00	46,00	18,00	37,00	18,00
44,00	22,00	44,00	22,00	44,00	26,00	25,00	20,00	36,00	18,00
46,00	20,00	42,00	22,00	48,00	26,00	38,00	20,00	26,00	18,00
52,00	20,00	40,00	20,00	34,00	26,00	64,00	22,00	26,00	18,00
38,00	20,00	44,00	20,00	24,00	26,00	38,00	20,00	42,00	17,00
44,00	20,00	52,00	20,00	28,00	26,00	28,00	18,00	28,00	16,00
40,00	20,00	50,00	18,00	48,00	24,00	30,00	20,00	34,00	16,00
52,00	20,00	46,00	18,00	30,00	23,00	34,00	20,00	30,00	16,00
46,00	17,00	36,00	18,00	44,00	22,00	42,00	20,00	30,00	17,00
32,00	16,00	28,00	22,00	42,00	22,00	30,00	20,00	34,00	17,00
50,00	16,00	40,00	24,00	42,00	20,00	50,00	20,00	26,00	17,00
24,00	16,00	44,00	28,00	42,00	18,00	38,00	20,00	22,00	18,00
44,00	16,00	32,00	26,00	30,00	17,00	34,00	20,00	20,00	17,00
26,00	16,00	32,00	26,00	38,00	18,00	40,00	18,00	30,00	17,00
32,00	16,00	46,00	22,00	44,00	16,00	32,00	18,00	20,00	18,00
26,00	23,00	50,00	22,00	48,00	16,00	38,00	18,00	23,00	19,00
48,00	22,00	30,00	26,00	30,00	16,00	26,00	18,00	21,00	17,00
52,00	18,00	38,00	26,00	14,00	16,00	27,00	21,00	22,00	17,00

Продолжение таблицы 1

38,00	17,00	30,00	24,00	26,00	18,00	30,00	22,00	30,00	16,00
32,00	16,00	38,00	22,00	30,00	20,00	36,00	21,00	26,00	16,00
30,00	17,00	30,00	22,00	40,00	18,00	26,00	18,00	50,00	14,00
40,00	18,00	32,00	20,00	48,00	20,00	28,00	20,00	40,00	15,00
28,00	18,00	30,00	24,00	54,00	20,00	44,00	21,00	44,00	14,00
44,00	20,00	50,00	26,00	32,00	20,00	56,00	20,00	22,00	15,00
34,00	19,00	72,00	24,00	46,00	15,00	28,00	17,00	24,00	16,00
30,00	19,00	50,00	24,00	44,00	16,00	30,00	16,00	44,00	15,00
28,00	20,00	40,00	22,00	36,00	16,00	30,00	18,00	48,00	15,00
28,00	21,00	40,00	22,00	40,00	16,00	28,00	18,00	18,00	15,00
52,00	21,00	36,00	22,00	36,00	18,00	26,00	20,00	20,00	15,00
64,00	22,00	43,00	24,00	36,00	17,00	26,00	18,00	28,00	13,00
56,00	20,00	28,00	22,00	42,00	18,00	28,00	18,00	30,00	13,00
32,00	18,00	43,00	24,00	22,00	20,00	28,00	20,00	39,00	13,00
38,00	18,00	44,00	24,00	44,00	20,00	32,00	20,00	33,00	14,00
44,00	18,00	34,00	23,00	28,00	18,00	44,00	22,00	40,00	15,00
50,00	18,00	38,00	22,00	44,00	18,00	42,00	20,00	26,00	17,00
30,00	18,00	38,00	20,00	58,00	20,00	18,00	20,00	30,00	17,00
30,00	18,00	30,00	20,00	26,00	18,00	40,00	21,00	39,00	19,00
34,00	19,00	38,00	20,00	48,00	20,00	34,00	19,00	33,00	18,00
34,00	19,00	40,00	20,00	24,00	20,00	25,00	19,00	20,00	20,00
28,00	18,00	26,00	20,00	42,00	20,00	41,00	21,00	25,00	20,00
36,00	18,00	48,00	18,00	36,00	20,00	36,00	21,00	28,00	18,00
18,00	18,00	26,00	16,00	36,00	18,00	30,00	20,00	30,00	19,00
50,00	18,00	30,00	16,00	28,00	18,00	40,00	21,00	30,00	19,00

Окончание таблицы 1

30,00	19,00	28,00	18,00	37,00	20,00	34,00	21,00	40,00	17,00
24,00	18,00	32,00	18,00	30,00	20,00	38,00	22,00	21,00	18,00
26,00	17,00	36,00	18,00	28,00	20,00	59,00	21,00	28,00	18,00
40,00	17,00	44,00	18,00	32,00	20,00	34,00	19,00	40,00	20,00
32,00	18,00	44,00	18,00	32,00	20,00	30,00	20,00	27,00	22,00
28,00	18,00	36,00	20,00	30,00	20,00	40,00	21,00	23,00	21,00
24,00	18,00	48,00	20,00	48,00	20,00	40,00	22,00	38,00	18,00
34,00	18,00	30,00	22,00	38,00	20,00	38,00	21,00	45,00	17,00
32,00	18,00	28,00	22,00	50,00	20,00	46,00	20,00	35,00	17,00
40,00	20,00	48,00	22,00	48,00	20,00	32,00	18,00	20,00	15,00
34,00	20,00	36,00	22,00	18,00	20,00	30,00	18,00	32,00	15,00
28,00	24,00	44,00	24,00	34,00	20,00	36,00	20,00	34,00	14,00
30,00	24,00	42,00	28,00	50,00	22,00	36,00	20,00	37,00	14,00
62,00	20,00	26,00	30,00	36,00	22,00	32,00	19,00	38,00	15,00
40,00	18,00	52,00	32,00	40,00	20,00	26,00	20,00	23,00	15,00
20,00	20,00			40,00	20,00	38,00	20,00	20,00	14,00
34,00	18,00			46,00	16,00	27,00	17,00	32,00	14,00
38,00	18,00			54,00	18,00	36,00	17,00	34,00	15,00
38,00	18,00							32,00	15,00
38,00	18,00								
74,00	44,00								
48,00	44,00								

Рис. 1. Внешний щит южного участка юго-западной стены Маяцкого городища.

А – отрезок щита между линиями 15–18. *Б* – отрезок щита между линиями 18–21. *В* – отрезок щита между линиями 21–23. Условные обозначения: *а* – дерновый слой; *б* – мелкие обломки мелового камня; *в* – меловая крошка; *г* – обугленные доски; *д* – погребенная почва; *е* – меловые блоки; *ж* – уровень мелового материка

в поле с моими раскопками Маяцкого городища и несколько позже, суммировав свои собственные наблюдения в краткой заметке (Василева, 1990. С. 218–233), пришла к выводу о том, что сложенные из меловых блоков щиты юго-западной стены Маяцкой крепости выполнены в технике «тычок-ложок» (иногда эту технику кладки называют «фламандской» или «биндер-лойфер»). Она заключается в таком способе укладки блоков, при котором в одном ряду блок, уложенный

Таблица 2. Статистическая проверка достоверности различия в средней длине блоков 1-5 рядов кладки с помощью критерия Фишера на уровне 95%

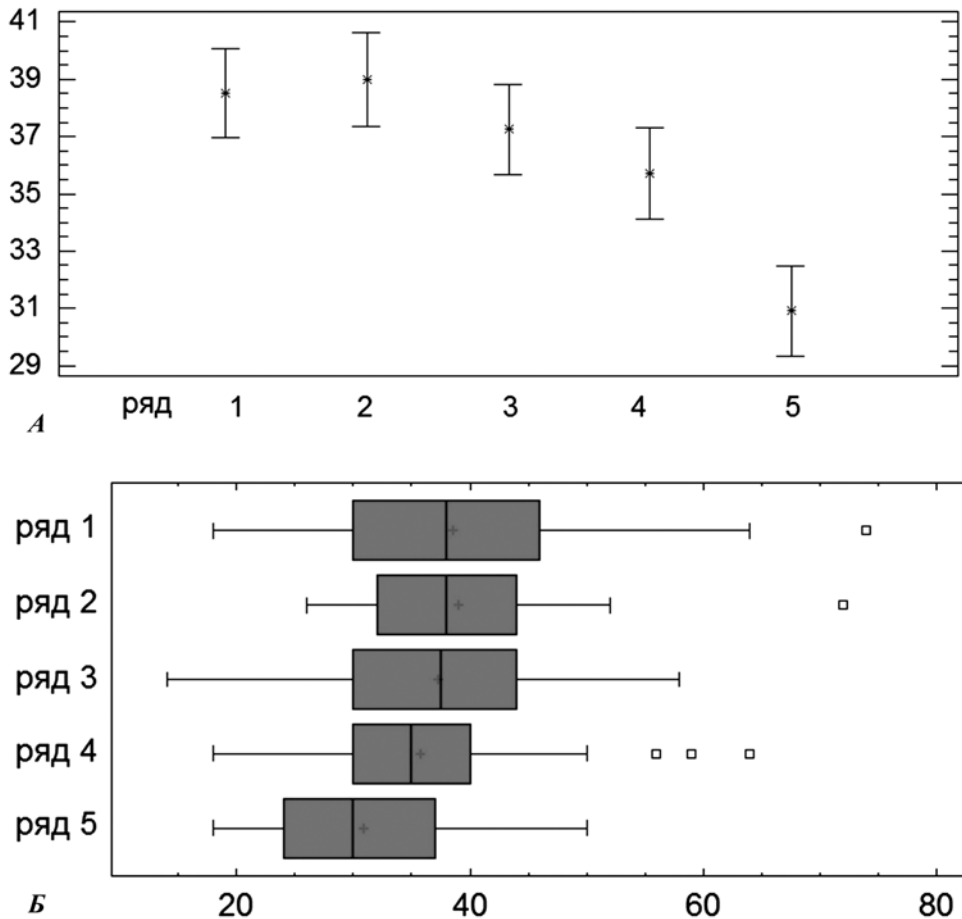
Сравниваемые выборки	Различия	+/- Лимиты
Ряды 1 - 2	-0,470	3,175
Ряды 1 - 3	1,272	3,137
Ряды 1 - 4	2,802	3,137
Ряды 1 - 5	*7,60384	3,125
Ряды 2 - 3	1,742	3,220
Ряды 2 - 4	*3,27201	3,220
Ряды 2 - 5	*8,07368	3,208
Ряды 3 - 4	1,530	3,182
Ряды 3 - 5	*6,33198	3,171
Ряды 4 - 5	*4,80167	3,171

*Различия достоверны

тычком, чередуется с блоком, уложенным ложком. Если эта гипотеза верна, то горизонтальные величины блоков щита крепостной стены при статистическом исследовании должны показать два пика, один из которых будет характеризовать среднюю величину ложковых блоков, а второй пик – среднюю величину тычковых блоков, при условии, что кладка велась из блоков одного стандарта. Для проверки этой гипотезы были просчитаны горизонтальные и вертикальные величины нижних пяти рядов сохранившихся блоков (табл. 1) внешнего щита южного отрезка юго-западной стены (между воротным проемом и юго-западным углом крепости). Шестой и седьмой ряд кладки сохранились значительно хуже, так что уложенные там блоки были исключены из исследования на данном этапе работы (рис. 1). Параметры блоков, лежащих в развале этой стены, также были измерены и ранее уже рассматривались в общей базе блоков из развалов всех стен Маяцкого городища (Афанасьев, 2012б. С. 29–49).

Всего во внешнем щите удалось зафиксировать размеры 332 блоков, имеющих в среднем длину 36,259 см и высоту 19,6687 см. Возник вопрос: есть ли различия или сходство между средней длиной блоков из внешнего щита южного отрезка юго-западной стены со средней длиной блоков (451 экземпляр), зафиксированных в развалах всех четырех стен Маяцкого городища (Афанасьев, 2012б. С. 29–49)? Для решения этой задачи был использован тест Колмогорова-Смирнова, который показал, что с уверенностью на 95% выявляются достоверные различия между этими выборками. А это позволяет утверждать, что в возведении стен Маяцкого городища участвовали разные бригады со своими особенностями в системе кладки и предпочтениями в размерах блоков.

Кладка 1-го, самого нижнего, ряда внешнего щита южного отрезка юго-западной стены состояла из 70 блоков, чья длина варьировала от 18 до 70 см и имела в среднем 38,5143 см. Кладка 2-го ряда состояла из 63 блоков длиной

Рис. 2. Статистические характеристики длины блоков в кладке внешнего щита южного участка юго-западной стены Маяцкого городища.

А – графическое изображение статистически значимых различий в длине блоков из рядов 1–5; *Б* – графическое изображение колебаний в длине блоков из рядов 1–5

от 26 до 72 см и имела в среднем 38,9841 см. В кладке 3-го ряда сохранились 66 блоков длиной от 14 до 58 см, в среднем 37,2424 см. В 4-м ряду зафиксированы 66 блоков длиной от 18 до 64 см, в среднем 35,712 см. Наконец, в 5-м ряду зафиксированы 67 блоков длиной от 18 до 50 см, в среднем 30,9104 см. Статистические расчеты показали, что обобщенная выборка из 332 блоков не соответствует нормальному распределению. Также не соответствуют нормальному распределению самостоятельные выборки каждого из пяти горизонтальных рядов кладки. Результаты статистического исследования свидетельствует о том, что в этих выборках фигурируют самые разнообразные, не стандартизованные размеры длины блоков, порядок расположения которых не укладывается

в предполагаемую Д. Василевой систему кладки «тычок-ложок», а демонстрируют иррегулярность чередования блоков в ряду. Нужно иметь в виду, что физико-механические свойства маяцкого мела (водопоглощение составляет в среднем 27,6%, прочность на сжатие в сухом состоянии – 6,5 МПа, в водонасыщенном – 2,2 МПа) по показателю прочности на сжатие приближаются к современному плохому кирпичу марки М50 и ниже. Значительное количество крупных блоков ломалось еще в процессе изготовления, а использованные в кладке стен их обломки имели уже иные размеры.

Для того чтобы решить вопрос о степени различия или сходства длины блоков, использованных в процессе кладки в разных рядах внешнего щита южного отрезка юго-западной стены, был применен критерий Фишера (табл. 2). Результаты вычислений показывают, что с уверенностью в 95% выявляются достоверные различия средней длины между блоками 1–5, 2–4, 2–5, 3–5 и 4–5 рядов (рис. 2). Следовательно, общая закономерность состоит в том, что по мере возведения стены внешнего панциря длина блоков от ряда к ряду, снизу вверх, постепенно уменьшается, самые крупные блоки были заложены во 2-й и в 1-й ряды, а выше укладывались более мелкие экземпляры (табл. 2).

Краткое изложение результатов исследования длины блоков показывает, что удалось выявить их параметрические особенности в кладке внешнего щита южного отрезка юго-западной стены Маяцкого городища, которые отклоняют гипотезу Д. Василевой о системе «тычок-ложок», якобы практиковавшейся при возведении Маяцкого городища, и свидетельствуют в пользу иррегулярной кладки. В дальнейшем эти наблюдения необходимо сопоставить с результатами исследований техники кладки на других раскопанных участках юго-западной, юго-восточной и северо-восточной стен этого памятника, после чего мы получим цельную картину. Все это расширит наше понимание истоков каменно-кирпичного фортификационного зодчества у алано-хазарского населения бассейна Дона.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев Г. Е.*, 2012а. Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища // Дивногорский сборник. Вып. 3. Воронеж: Научная книга. С. 93–122.
- Афанасьев Г. Е.*, 2012б. О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. № 2. С. 29–49.
- Василева Д.*, 1990. Конструкция и техника стройки стен Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс: материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / [Отв. ред. С. А. Плетнева]. М.: ИА АН СССР. С. 218–233.
- Флёров В. С., Флёрова В. Е.*, 2008. Правобережная Цимлянская и Маяцкая крепости: сравнение планов и технологий // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья: (материалы науч. конф.) / [Отв. ред. А. З. Винников]. Воронеж: Истоки. С. 59–61.

Сведения об авторе

Афанасьев Геннадий Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: gennady.afanasiev@mail.ru.

G. Ye. Afanasyev

Statistical verification of the hypothesis on constructing defensive walls
of Mayatskoye fortified settlement by header-stretcher method

Abstract. In the paper the author publishes statistical data on the stone blocks used in defensive walls of the Khazarian Mayatskoye fortified settlement. This information represents an argument against the opinion of Bulgarian architect D. Vasileva, who stated that the fortifications were constructed with application of the header-stretcher technology. Statistical analysis of parameters of stone blocks has shown that the Mayatskoye fortress' masonry was of irregular character.

Key words: Khazarian khanate, Mayatskoye fortified settlement, fortification, stone masonry, statistical analysis

About the author

Afanasyev Gennadiy Ye. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: gennady.afanasiev@mail.ru.

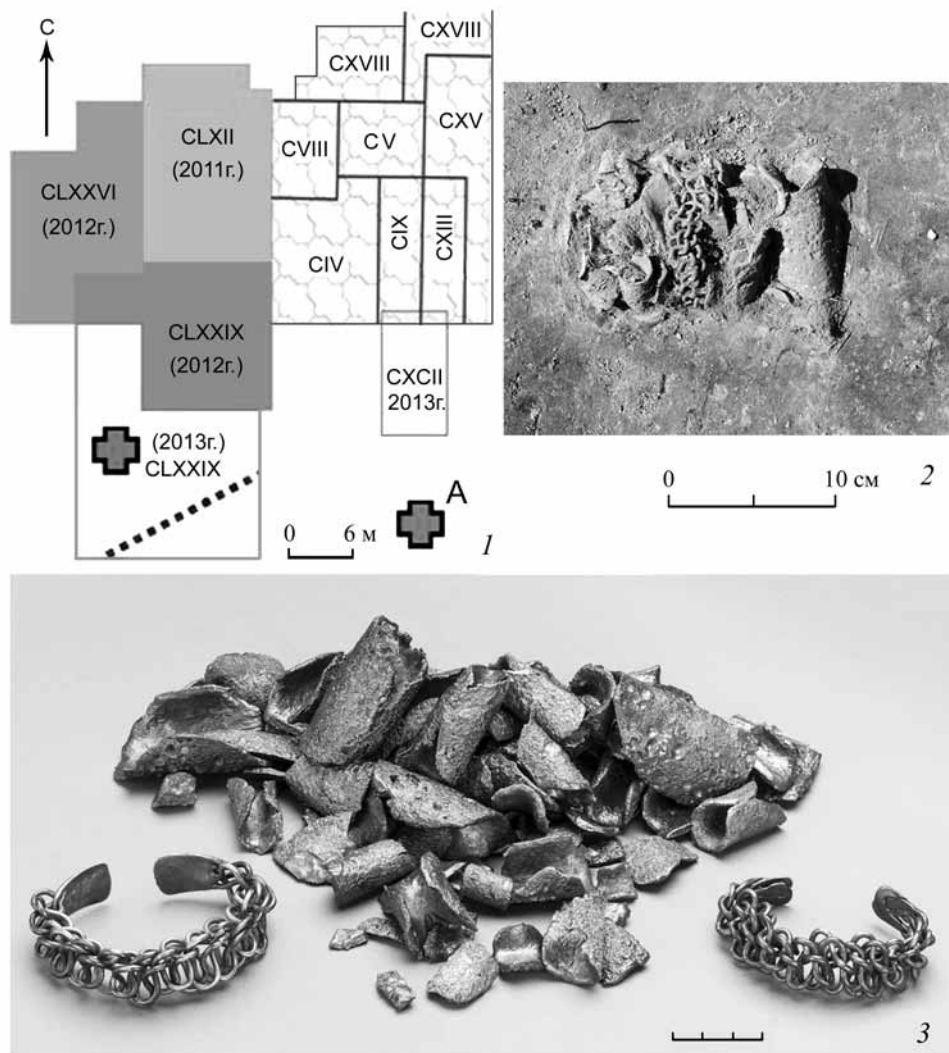
Е. В. Глазунова, П. Г. Гайдуков

НОВЫЙ КЛАД ВОЛЖСКО-КАМСКИХ СЛИТКОВ
(«ЛЕПЕШЕК») ИЗ БОЛГАРА

Резюме. Клад серебра, содержащий волжско-камские слитки и браслеты, найден в 2013 г. во время работ Болгарской экспедиции Института археологии Академии наук Республики Татарстан на Болгарском городище. Стратиграфически он соотносится с ранним горизонтом слоя IV (второй половины XIII – первой половины XIV в.). Основная часть клада представлена круглыми слитками-лепешками «болгарского» типа. Находки подобных слитков концентрируются в границах Болгарского государства. Датировка их довольно расплывчата – они датировались по сопутствующим вещам или монетам «домонгольским временем». Самые ранние клады отнесены к концу X в. Слитки-лепешки выступают в качестве платежных средств ненормированного веса до появления соммо – денежной единицы Золотой Орды. Комплекс 2013 г., найденный *in situ*, – самый поздний из учтенных ранее кладов с волжско-камскими слитками. Его присутствие в слоях раннезолотоордынской эпохи подтверждает существование в этот период домонгольских традиций.

Ключевые слова: Болгарское городище, клад, серебряные слитки, браслеты, волжско-камские слитки, рентгено-флюоресцентный анализ, состав примесей, домонгольские традиции.

В 2013 г. во время работ Болгарской экспедиции Института археологии Академии наук Республики Татарстан на Болгарском городище, исследования на котором проводились по Открытому листу В. Ю. Коваля, на раскопе CLXXIX

Рис. 1. Клад 2013 года.

1 – Ситуационный план раскопов 1989–1993, 2000, 2011–2013 гг. Место находки клада (А) на раскопе CLXXIX 2013 г. 2 – Клад в процессе расчистки *in situ*. Фото, вид с юго-востока. 3 – Клад 2013 года, общий вид

(начальник раскопа н. с. Института археологии РАН Д. Ю. Бадеев) был обнаружен клад серебряных изделий (рис. 1). Он найден за пределами древних построек, залегал компактно. Во время расчистки вещей обнаружен древесный тлен, который может иметь отношение к упаковке, в которую был помещен клад. Зафиксирован также фрагмент ткани, в которую были завернуты предметы: 159 серебряных слитков и их обломков, 2 серебряных плетеных браслета

Рис. 2. Состав клада из раскопок Болгара 2013 г.

и железный бронебойный наконечник стрелы. Общий вес комплекса 3861,77 г (серебра 3843,9 г) (рис. 2).

Следов от перекопа, которые могли бы быть связаны с сокрытием клада, зафиксировать не удалось, поэтому дневная поверхность, с которой клад был впущен в слой, не установлена. Однако поскольку отложения домонгольского времени залежали ниже уровня фиксации комплекса, по стратиграфической шкале Болгарского городища он соотносится с ранним горизонтом слоя IV – раннезолотоордынской эпохи, второй половины XIII – первой половины XIV в. (рис. 3, на вклейке, с. 392).

Основную часть клада составляют слитки и их обломки. Такие слитки неоднократно встречались на территории Волжской Болгарии в виде случайных находок, а также обнаружены в кладах. Несколько фрагментов открыты в золотоордынских напластованиях Болгара (*Полякова*, 1996. С. 157). Подобные слитки относятся к категории платежных средств и известны в литературе как «лепешки камского серебра» или слитки булгарского типа, хотя вопрос о принадлежности их к денежным единицам неоднозначен. Решается он положительно благодаря их нахождению (присутствию) в составе кладов с древнерусскими платежными слитками других форм.

Все слитки-лепешки имеют плоскую верхнюю поверхность и слегка выпуклую нижнюю, внешне они похожи и не выделяются в какие-либо группы. Выпуклая сторона очень неровная и пористая. Подобная поверхность приобретает в результате отливки в холодную форму, в данном случае, в непрогретую, слегка углубленную земляную ямку. По технологическим признакам эти слитки являются наиболее примитивными среди всех остальных известных типов. Они не имеют фиксированного веса, разнообразие его столь очевидно, что выявить какую-либо весовую систему, которой они могут подчиняться, не представляется возможным.

Эти слитки несут в большей степени, нежели другие типы, функцию сокровища или весового серебра. Очень часто встречаются их отдельные фрагменты – «рубленное серебро», целые слитки нередко бывают согнуты, иногда до трубочки. У большинства «лепешек» проковкой обработаны края по всей окружности – для сглаживания острого неровного «рваного» края, образующегося в связи с отсутствием в форме бортиков (да, собственно, в связи с отсутствием самой формы как таковой). Проба их в целом довольно высока (большая часть хранящихся в Государственном Эрмитаже и Государственном Историческом музее в Москве слитков имеет пробу 875–960).

Оба браслета из клада – проволочные, витые, ажурные, с раскованными в площадки концами, сделаны из сложенной шестеро проволоки способом свободного витья (группа Б-I-3 – *Полякова*, 1996. С. 182). Браслеты подобного типа являются наиболее характерными болгарскими украшениями домонгольского времени (*Полякова*, 1996. С. 186) (рис. 1, 2).

Большинство кладов, в составе которых находились платёжные слитки, не дошло до исследователей. Это относится, в первую очередь, к кладам с круглыми слитками, которые своим «грубым» внешним видом редко заинтересовывали находчиков. Довольно много упоминаний о находке клада, где имеется запись о том, что некоторое количество слитков «... передано в музей, остальные переплавлены...» (либо еще более лаконично – «... слитки сплавлены...»). В описании несохранившихся кладов часто встречаются сведения о рубленном серебре неопределенной формы и веса; о слитках неопределенной формы; о фракциях слитков. По некоторым дополнительным признакам лишь иногда в них угадываются интересующие нас комплексы.

В связи с этим понятно, какую значительную роль играет клад 2013 года. Он пополняет сводку кладов с достоверными волжско-камскими слитками (*Глазунова*, 2012. Р. 16–23) и является 24-м по счету учтенным комплексом. До него в окрестностях Болгара было зафиксировано три клада с подобными слитками: все они найдены во второй половине XIX в. В настоящее время известно место хранения лишь одного из них (приложение № 1).

Находка 2013 года представляет целые слитки и их фрагменты. Целых слитков – 32 экз. Все они согнуты в большей или меньшей степени. Группа частично обрубленных слитков (сохранилось более их половины) – 19 экз. Остальные – фрагменты слитков разной величины: от 12 до 64,5 мм в диаметре. Самый крупный целый экземпляр достигает веса 124,87 г, самый мелкий – 7,17 г. Фрагментированные слитки имеют вес от 1,91 г до 129 г. Толщина слитков в среднем 3–5 мм (прил. № 2).

Несколько слитков из клада и оба браслета были подвергнуты рентгенофлюоресцентному анализу, выполненному с использованием прибора микро-рентгенофлюоресцентного спектрометра M1 MISTRAL SDD в отделе археологических памятников Государственного Исторического музея В. В. Мурашевой и А. О. Шевцовым. Результаты сравнены с данными состава слитков-лепешек из двух других кладов, находящихся на хранении в отделе нумизматики ГИМ (клад из села Чуру-Барышево и из Лаишевского р-на, вблизи места впадения Камы в Волгу, оба клада 2001 г., датируются второй половиной XI – началом XII в., место хранения – Отдел нумизматики ГИМ).

Апробированные слитки по составу примесей похожи между собой. Кроме серебра, анализ выявил медь, свинец, олово, золото, висмут, в некоторых случаях – ртуть и железо. Состав сплава браслетов отличен от них лишь наличием цинка (количество его незначительно) (прил. № 3).

Необходимо отметить, что слитки болгарского типа датируются довольно широко. Традиционно в нумизматической литературе утвердилось мнение о существовании круглых слитков-лепешек в период с конца X по первую половину XIII в., то есть в домонгольский период. Золотоордынская эпоха приносит другой тип слитка – саум, сом или соммо письменных источников – ладьеобразный слиток уже фиксированного веса, приближенного к 200 г. Лишь благодаря сопутствующему материалу кладов, их содержащих, могут получить более точную датировку (более половины учтенных являются смешанными по составу). В зафиксированных комплексах имеются древнерусские платежные слитки других типов. Это слитки «неустановившихся форм и весов» в виде «палочек», которые бытуют до появления других типов денежных слитков (датируются в целом X–XI вв.), а также северо-русские, которые появляются наряду со слитками «новгородского» и «киевского» типа с конца XI в. В комплексах также встречены монеты – арабские дирхемы X–XI вв. В большинстве кладов находятся серебряные украшения или их обломки, которые также традиционно датируются домонгольским временем (Полякова, 1971. С. 244–249; Полякова, 1996. С. 167–168; Гуцин, 1936. С. 80–81, табл. XXX–XXXI; Талицкая, 1952. С. 49, № 279. С. 21, № 61).

Таким образом, самые ранние кладовые комплексы, в состав которых входят слитки-лепешки болгарского типа, датируются концом X в., а самые поздние могут быть отнесены к первой половине XIII в. Эти кладовые комплексы группируются в основном в границах Болгарского государства.

На сегодняшний день комплекс с Болгарского городища 2013 г. – единственный клад со слитками-лепешками болгарского типа, который найден в ходе археологических работ и имеет четкое описание. Комплекс соотносится с ранним горизонтом слоя IV (раннезолотоордынской эпохи, второй половины XIII – первой половины XIV в.), являясь самым поздним по дате сокрытия кладом круглых слитков-лепешек. Он еще раз подтверждает, что после жесточайшего разгрома и разрушения Батыем основных экономических и политических центров Волжской Булгарии эта территория развивалась замедленно вплоть до конца XIII в., постепенно восстанавливая экономический и культурный потенциал. В ремесле, строительстве, культуре этого периода все-таки преобладали домонгольские традиции. А общеимперские золотоордынские элементы культуры начинают доминировать на территории бывшей Волжской Булгарии позже – лишь с начала XIV в.

Приложение № 1. Клады со слитками-лепешками, найденные в окрестностях Болгара

1. Г. Спасск (ныне г. Болгар). В 1869 г. был найден смешанный клад, содержащий круглые слитки в количестве 47 экз. (некоторые свернуты в трубочку, некоторые разрублены). Из вещей в кладе находились височные кольца золотые и серебряные, цепочки с подвесками и бляшками, капторги, браслеты серебряные плетеные, перстни серебряные. Клад помещался в медном кувшине. Известен вес слитков – 3 кг 50 г. Проба 960. Хранится в ГЭ. Датирован домонгольским временем. (*Ильин*, 1921. С. 20, № 46; *Bauer*, 1929. Р. 96, № 31; *Гущин*, 1936. С. 80–81, табл. XXX–XXXI; *Смирнов*, 1948. С. 98–99; *Смирнов*, 1951. С. 155; *Сотникова, Спасский*, 1979. С. 54, № 11).

2. Спасский уезд. В развалинах села Болгары в 1880 г. найдены разрубленные слитки – фракции круглых слитков-лепешек. Вес слитков 14 з. 42 д.; 2 з. 21 д.; 1 з. 60 д.; 2 з. 52 д. (*Ильин*, 1921. С. 20–21, № 48; *Bauer*, 1929. Р. 96, № 35.)

3. Спасский уезд. На городище близ г. Спасска в 1895 г. найдено 25 ф. 24 з. серебра в виде различных кусков круглых слитков. Вес их колебался от 3,833 до 1339 г. (общий вес около 10 кг). Находились в черном глиняном сосуде, который от прикосновения разбился. Поступили в Археологическую комиссию. Дальнейшая судьба неизвестна (*Ильин*, 1921. С. 21, № 52; *Bauer*, 1929. Р. 97, № 37).

Приложение № 2. Характеристика параметров слитков-лепешек из клада с городища Болгары, 2013 г.

№№ пп	Вес (г)	Макс. размер (мм)	Толщина (мм)	Описание
1	113,75	56,5	4,5	Целый слиток, согнутый в трубочку, края не сомкнуты
2	47,5	56,22	3,5	То же
3	64,5	112,3	5	То же
4	83,4	52,5	4	То же
5	41,03	36	5	То же
6	31	37,5	4	То же
7	52,9	35	5,5	То же
8	42,19	38	4,5	То же
9	40,1	37,5	5	То же
10	49,28	37,5	4,5	То же
11	33,19	31,5	5	То же
12	37,95	39	5	То же
13	24,14	30	3,5	То же
14	15,44	19	3,5	Целый слиток, согнутый в трубочку (края сомкнуты)
15	124,87	62	5	То же
16	82,84	52,5	5	То же
17	90,84	55	5,5	То же

№№ пп	Вес (г)	Макс. размер (мм)	Толщина (мм)	Описание
18	58,16	44	5,5	То же
19	50,52	35	4,5	То же
20	39,33	33	4,5	То же
21	20,53	32	4	Целый слиток, согнут не сильно
22	19,78	22	3,5	То же
23	13,08	24,5	3,5	То же
24	15,81	25	3,5	То же
25	19,63	28	4	То же
26	12,7	20,5	4,5	То же
27	14,56	22	4	То же
28	21,09	21,5	4	То же
29	13,42	20,5	3,5	То же
30	9,56	12	4	То же
31	9,09	13,5	3,5	То же
32	7,17	15	3,5	То же
33	107,29	56,5	5	Слиток с утратой части: вырезан фрагмент
34	92,43	50	5,5	То же
35	55,93	40	5,5	То же
36	35,15	36	4	То же
37	30,84	29,5	4	То же
38	26,02	28,5	4	То же
39	11,72	20	3,5	Почти целый маленький слиток, согнут, края сомкнуты, вырезан фрагмент
40	9,85	20	4	Почти целый слиточек, слегка согнут, обрезан по краю
41	19,72	26,5	4	Почти целый слиток, обрублен двумя ударами по краю
42	129	70	4,5	Более половины слитка, согнут
43	43,49	40	5	То же, не согнут
44	30,85	31	4	То же
45	19,31	29	3,5	То же
46	6,91	20	3,5	То же
47	52,3	44,5	5	То же
48	25,14	34	4,5	То же
49	21,81	28	3,5	То же
50	15,94	30	3,5	То же
51	17,98	28	4,5	То же, имеется отверстие естественного происхождения - во время отливки
52	51,31	59	4,5	Около половины слитка
53	50,02	59,5	4	То же

№№ пп	Вес (г)	Макс. размер (мм)	Толщина (мм)	Описание
54	12,43	37	3	То же
55	16,5	29	4	То же
56	5,45	19	4	То же
57	10,27	24	4	То же
58	7,74	24	3	То же
59	52,6	62	4,5	То же
60	30,25	51,5	4	То же
61	23,52	36	4	То же
62	19,24	40	3,5	То же
63	21,31	34	4	То же, обрублен двумя ударами
64	39,78	59X20	4	То же
65	35,43	43	4	То же
66	34,41	45	4	То же
67	27	45	4	То же
68	13,15	25,5	4	То же
69	16,75	39,5	4	То же
70	23,3	39	4	То же
71	26,82	46,5	4	То же
72	25,46	43	4	То же
73	21,79	39	4,5	То же
74	28,38	38,5	5	То же
75	17,23	26	3,5	То же
76	16,04	35,5	3,5	То же
77	18,56	39	4	То же
78	18,47	39,5	4	То же
79	22,86	32,5	5	То же
80	13,3	30,5	4	То же
81	12,34	29,5	4	То же
82	6,02	21	3	То же
83	17,67	30	3	То же
84	25,96	28	4	То же, обрублен тремя ударами
85	35,43	33	5	Часть слитка, обрублен двумя ударами
86	14,57	27	4,5	Часть слитка, обрублен двумя ударами
87	6,3	17	3,5	То же
88	12,52	21	4,5	То же
89	4,92	18	3	То же
90	3,76	19,5	3	То же
91	8,9	17,5	3	То же
92	10,22	32	4	То же
93	12,09	35	4	То же

№№ пп	Вес (г)	Макс. размер (мм)	Толщина (мм)	Описание
94	12,74	23	4,5	То же
95	9,83	15	4	То же
96	7,11	27	4	То же
97	12,22	18	4,5	То же
98	16,39	20	4,5	То же
99	9,45	30	4	То же
100	4,48	25	3	То же
101	36,27	40	4	То же
102	16,81	32	4,5	То же
103	17	31	4	То же
104	19,45	31,5	4,5	То же
105	9,9	27,5	3,5	То же
106	37,84	30	4,5	То же
107	10,77	20,5	3	То же
108	7,61	20	3,5	То же
109	6,72	26,5	3,5	То же
110	9,26	21	4	То же
111	5,75	21,5	3	То же
112	7,41	17,5	4	То же
113	4,57	23,5	3,5	То же
114	9,46	18	5	То же
115	5,89	22	3,5	То же
116	4,57	20	4	То же
117	3,03	16	3,5	То же
118	4,72	19,5	4	То же
119	2,32	17,5	2,5	То же
120	1,91	16	3,5	То же
121	5,74	24,5	3	То же
122	4,76	22,5	3,5	То же
123	10,16	18	4	То же
124	21,38	33	3	Часть слитка, обрублен тремя ударами
125	26,24	35	4	То же
126	21,97	32,5	4,5	То же
127	21,55	36	5	То же
128	9,42	29	3,5	То же
129	16,85	22	4,5	Часть слитка, обрублен тремя ударами
130	10,36	24,5	4	То же
131	19,29	26	5	То же
132	13,41	31	4	То же
133	13,51	25	4,5	То же

№№ пп	Вес (г)	Макс. размер (мм)	Толщина (мм)	Описание
134	9,79	25,5	3,5	То же
135	7,39	19	4,5	То же
136	5,87	18,5	3,5	То же
137	4,34	21	3	То же
138	4,95	17	3,5	То же
139	4,19	14	4	То же
140	5,64	18	5	То же
141	3,28	11	4	То же
142	5,6	25	4	То же
143	2,72	13	3	То же
144	4,43	13	4,5	То же
145	2,62	12,5	3,5	То же
146	3,44	16	4	То же
147	5,13	18	5	То же
148	48,14	62,5	4	Часть слитка, обрублен четырьмя ударами
149	10,89	29	4	То же
150	5,57	17	4	То же
151	8,07	21	4,5	То же
152	3,75	19	3	То же
153	3,85	15,5	3,5	То же
154	2,68	15,5	3	То же
155	9,69	22,5	3,5	Часть слитка, обрублен пятью ударами
156	9,13	24	5	То же
157	4,3	13	4	То же
158	5,11	14,5	5	То же
159	13,6	27	4	Часть слитка, обрублен шестью ударами

Приложение № 3. Состав сплава круглых слитков-лепешек из клада с городища Болгары, 2013 г.

№№ слитков по Приложению № 2	Cu	Bi	Pb	Au	Ag	Sn	Fe	Hg	Zn
2	2,93	0,01	1,49	0,73	94,69	0,15			
17	2,33	0,03	0,55	0,64	96,3	0,06	0,08		
44	10,31		2,59	0,87	85,58	0,06	0,6		
47	2,96		1,66	0,74	94,2	0,21	0,23		
50	1,45		0,31	0,87	97,13	0,06	0,14	0,04	
62	6,3		0,83	0,68	91,94	0,12	0,12		

№№ слитков по Приложению № 2	Cu	Bi	Pb	Au	Ag	Sn	Fe	Hg	Zn
67	3,23	0,03	4,2	1,48	90,96	0,09		0,04	
68	8	0,03	15,5	0,44	75,59	0,2	0,25		
69	4,11		1,08	0,68	93,92	0,09	0,08	0,03	
70	3,48	0,01	0,17	5,39	90,82	0,12			
71	11,61	0,03	1,63	0,53	85,83	0,1	0,27		
73	2,5		1,02	0,92	95,37	0,07	0,08	0,03	
88	3,05		0,71	0,54	95,47	0,14	0,08		
102	3,35	0,01	1,13	0,9	94,02	0,3	0,29		
104	1,02		0,64	0,85	97,23	0,11		0,15	
Браслет1	2,91	0,01	0,59	0,81	95,53	0,15			
Точка 1									
Точка 2	2,5	0,02	0,44	0,77	96,1	0,1			0,08
Браслет2	1,01	0,02	0,44	0,09	98,07	0,21			0,15
Точка 1									
Точка 2	3,35	0,04	1,52	0,26	94,68	0,16			0,33

ЛИТЕРАТУРА

- Глазунова Е. В., 2012. Об особенностях распределения кладов с круглыми слитками-лепешками // Numismatika. Vol. 9–12. Vilnius. P. 9–40.
- Гуцин А. С., 1936. Памятники художественного ремесла древней Руси X–XIII вв. М.; Л.: Гос. социально-экономическое изд-во. 114 с.
- Ильин А. А., 1921. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пб. 62 с. (Труды Нумизматической комиссии; 1).
- Полякова Г. Ф., 1971. Балькульский клад болгарских украшений домонгольского времени // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / [Ред. С. М. Орешников]. М.: Советская Россия. С. 244–249.
- Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ. С. 154–268.
- Смирнов А. П., 1948. Русский элемент в культуре волжских булгар // Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института краеведения / Под ред. А. П. Смирнова. М.: Тип. «Красный печатник». С. 93–110.
- Смирнов А. П., 1951. Волжские булгары. М.: ГИМ. 295 с. (Труды ГИМ; вып. 19).
- Сотникова М. П., Спаский И. Г., 1979. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // Русская нумизматика XI–XX вв. / Отв. ред. В. М. Потин. Л.: Аврора. С. 48–73.
- Талицкая И. А., 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М. В. Талицким). М.: Изд-во АН СССР. 225 с. (Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья; вып. IV). (МИА; № 27).
- Bauer N., 1929. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters: Eine archaeologische Studie // Numismatische Zeitschrift. H. 62. Wien. P. 77–120.

Сведения об авторах

Глазунова Елена Викторовна, Государственный Исторический музей, Красная площадь, д. 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: emarfa@rambler.ru;

Гайдуков Петр Григорьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: russianchange@yandex.ru.

Ye. V. Glazunova, P. G. Gaydukov

New hoard of bun-shaped ingots of Volga-Kama type from Bulgar

Abstract. Hoard of silver objects containing Volga-Kama type ingots and bracelets was discovered at the Bulgar fortified settlement in 2013 by the Bulgar expedition of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences, Republic of Tatarstan. Stratigraphically it is related with the earlier horizon of layer IV (second part of the 13th – first part of the 14th cc.). The hoard mostly contained round bun-shaped ingots known within the territory of Volga Bulgaria. Their chronology is rather uncertain, since they traditionally were dated to the “pre-Mongol time” by the accompanying artefacts and coins. Bun-shaped ingots were used as means of payment of irregular weight before introduction of *sommo* – a monetary unit of the Golden Horde. The hoard of 2013 found *in situ* is the latest known complex containing ingots of Volga-Kama type. It confirms the survival of pre-Mongol traditions in the epoch of the Golden Horde.

Key words: Bulgar fortified settlement, hoard, silver ingots, bracelets, ingots of Volga-Kama type, X-ray fluorescence analysis, admixtures’ formulas, pre-Mongol traditions

About the authors

Glazunova Yelena V. The State History Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: emarfa@rambler.ru;

Gaydukov Pyotr G. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: russianchange@yandex.ru.

И. Ю. Стрикалов

ГОНЧАРНЫЙ ГОРН XI ВЕКА ИЗ СТАРОЙ РЯЗАНИ

Резюме. В 2013 г. во время работ на посаде Старой Рязани был открыт уникальный археологический комплекс раннего периода истории города. Это остатки гончарной мастерской XI в. и ее продукция. На исследованном участке периоды активного накопления культурного слоя с четкой стратиграфией жилых горизонтов XI–XIII вв. чередовались с делювиальными отложениями – смывами с площадки городища. Комплекс мастерской занимал стратиграфически нижнюю позицию. В склон была врезана прямоугольная яма-землянка столбовой конструкции, углу-

бленная в материк на 1–1,5 м. В дополнительной яме размерами 1,5×1,2 м был помещен двухъярусный горн овальной формы с обожженными стенками, обмазанными глиной. Горизонтальная перегородка, разделявшая топочную и обжигательную камеры, располагалась примерно на середине высоты сооружения и была снабжена отверстиями-продухами, размещенными по периметру стенок горна. Набор посуды из исследованного горна оказался уникальным. Это несколько горшков, относящихся к гончарной посуде так называемой «польской» традиции, выделенной при изучении старорязанской керамики XI в.

Ключевые слова: Старая Рязань, посад, стратиграфия, гончарная мастерская, горн, керамическая продукция, производственная традиция

В 2013 г. во время работ на посаде Старой Рязани на раскопе 45 был открыт неординарный археологический комплекс, дополнивший данные о ранней истории города и его первопоселенцах. Это остатки гончарной мастерской XI столетия и ее продукция.

Раскоп 45 расположен у подножия коренного берега Оки, под Северным городищем, где на протяжении всей истории средневекового города размещался посад, спускавшийся террасами к реке. Исследованный участок располагался на верхней из этих террас, непосредственно под склоном городища. Такое положение определило особенности накопления культурного слоя и его сохранность.

Как было установлено в ходе исследований, надпойменные террасы, занятые посадом, имели оползневое происхождение, что отразилось на их рельефе. Помимо внешней кромки, обращенной на запад, к реке, терраса имела заболоченную седловину на противоположной оконечности, сформированной вдоль линии отрыва тела оползня от склона. С течением времени ложбина была снивелирована культурными напластованиями, осыпями и делювиальными отложениями и в настоящее время визуально не прослеживается. Процесс заполнения ложбины и прилегающих участков террасы, в котором периоды активного накопления культурного слоя чередовались с мощным смывом грунта с городищенского плато, сформировал более чем трехметровый пласт отложений с четкой стратиграфией жилых горизонтов XI–XIII вв. Значительная мощность делювиальных наносов на участке была вызвана тем, что он располагался близ промоины, отделявшей Северный мыс Старой Рязани от Северного городища, по которому к реке сходили весенние паводки.

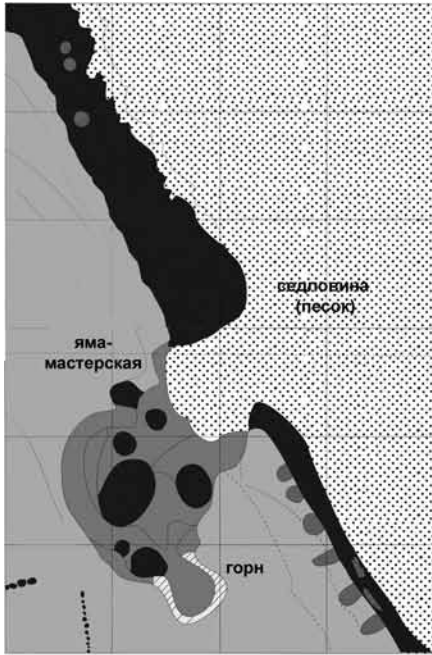
Начало активизации смыва грунта паводками (и, соответственно, делювиальных отложений на террасе и в седловине) совпало с заселением участка раскопа в XI в.: самые ранние культурные напластования лежат на поверхности оползня, а в седловине отрыва подстилаются только илистыми слоями ее естественного постепенного заполнения. При этом менее чем за столетие здесь сформировался мощный пласт песчаных отложений, разделенный тонкими прослойками культурного слоя с остатками деревянных построек. В течение XI в. здесь отмечено 7 горизонтов активности, связанных с застройкой кромки седловины. С каждым новым горизонтом размеры последней уменьшались, граница застройки смещалась восточнее, пока седловина не была

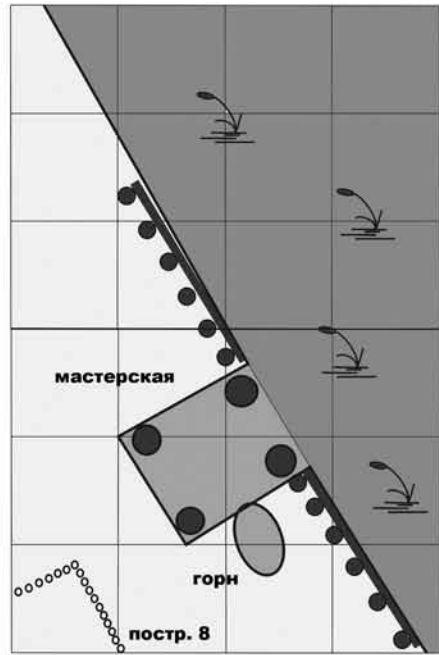
полностью выровнена, и с рубежа XI–XII вв. культурные отложения здесь формировались так же, как и в остальной части города. Делювиальных слоев здесь более не отмечено: после нивелировки седловины паводки стали проходить севернее, унося грунт далее к реке. Однако, если конец описанного природного процесса вполне объясним естественными изменениями рельефа террасы, то его начало можно связать только с человеческой деятельностью: заселение Северного городища Старой Рязани, прокладка улиц и дорог стали тем механизмом, который запустил процесс смыва грунта. Таким образом, делювиальные отложения на раскопе являются маркером начала освоения площадки городища, а ранние горизонты заселения террасы синхронны началу самого города. Более того, намывные слои четко разделили периоды строительства, «запечатали» остатки сооружений периодов перестройки участка, связанных с XI столетием. В итоге на раскопе выявлена редкая для Старой Рязани сохранность стратиграфии и деревянных конструкций: во влажном слое нижних горизонтов сохранились остатки хозяйственных сооружений каркасно-столбовой конструкции, досок их стен и пола, а также сами следы строительства в виде мощных прослоек щепы.

Упомянутые 7 строительных периодов XI столетия свидетельствуют о довольно активной жизни на участке. На ранних этапах терраса использовалась в качестве производственной зоны, будучи расположенной на периферии города у заболоченной седловины с необходимыми противопожарными условиями: сначала как гончарная мастерская, затем – как площадка размещения сыродутных горнов, и после – открытых уличных печей. Позднее, по мере высыхания седловины, участок стал хозяйственной зоной жилой усадьбы, где зафиксированы остатки четырех горизонтов деревянных построек с дощатыми стенами. От XII в. здесь сохранились остатки жилой постройки, а на рубеже XII–XIII вв. этот участок был занят городским кладбищем. Таков археологический контекст упомянутого в начале статьи комплекса гончарной мастерской, который занимал в описанной стратиграфии первый, нижний, горизонт.

Уникальность комплекса определяется, во-первых, его составом (рис. 1). В склон седловины была врезана прямоугольная яма-землянка столбовой конструкции размерами 2,5×2,3 м, углубленная в материк на 1–1,5 м. В южную стенку сооружения была врезана дополнительная яма размерами 1,5×1,2 м, в которой был помещен двухъярусный горн овальной формы с обожженными стенками, обмазанными глиной. Яма была врезана в материк на глубину 0,8 м (дно горновой ямы располагалось на 10–20 см выше дна ямы-мастерской). Горизонтальная перегородка, разделявшая топочную и обжигательную камеры, располагалась примерно на середине высоты (в 50 см от дна топочной камеры) и была снабжена отверстиями-продухами, размещенными по периметру стенок горна. В сохранившейся трети перегородки зафиксировано 4 продуха диаметром 4 см. Толщина перемычки, сложенной из прокаленной глины, составляла 8–12 см. Помимо мастерской и горна участок был благоустроен креплением склона седловины. По краю была сооружена подпорная стенка из горизонтальных досок, поставленных на ребро и закрепленных вертикальными столбами, вбитыми в склон на расстоянии 0,5 м друг от друга. Такая конструкция была прослежена к югу от горна и частично – к северу от него. В целом на участке открыт

А

Б

В

Рис. 1. Комплекс гончарного горна на раскопе 45 Старой Рязани.

А – план; *Б* – схема-реконструкция; *В* – фото горна, вид с юга

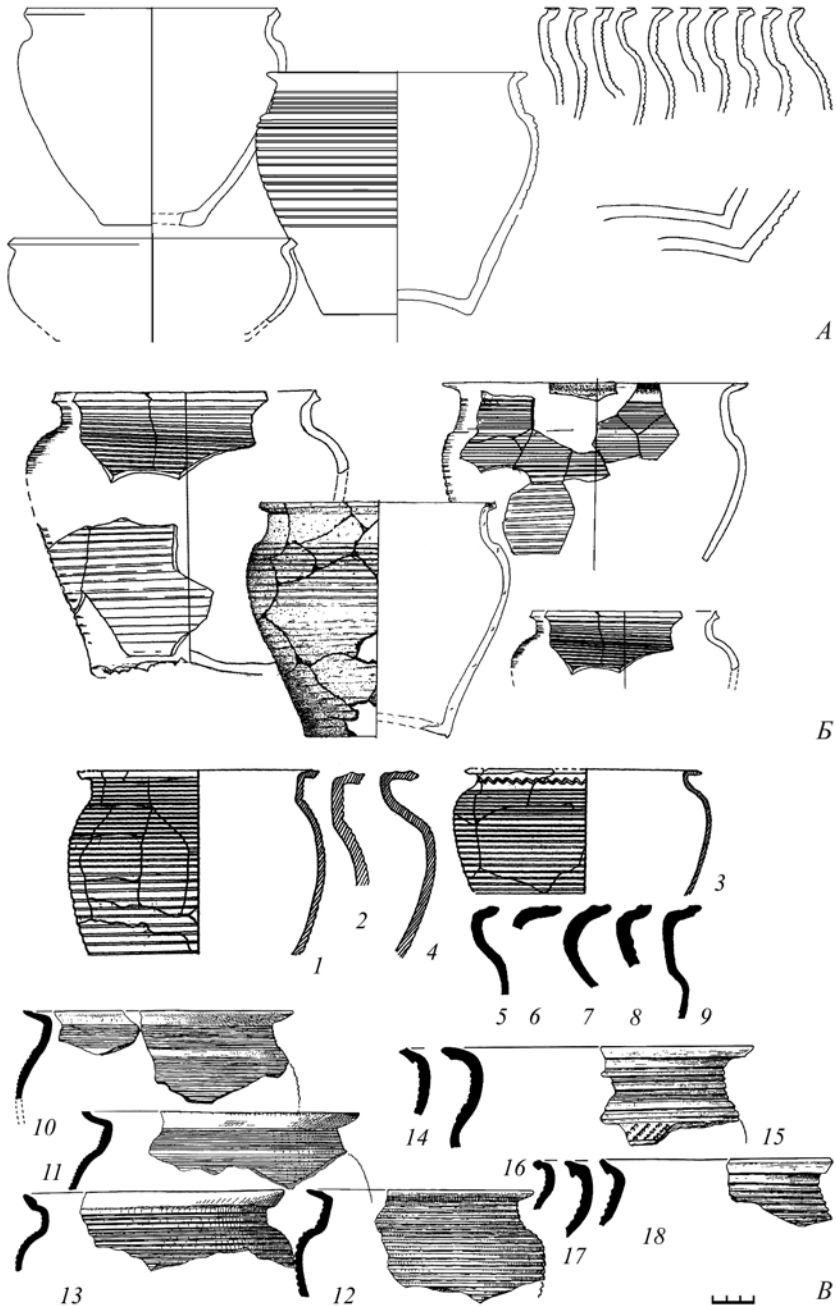
развитый гончарный комплекс с двухъярусным горном, что довольно необычно для XI столетия в зоне, удаленной от культурных центров Руси того времени.

Судя по всему, горн был разрушен на завершающем этапе процесса обжига керамики: слой нижнего заполнения топочной камеры включал следы такого разрушения: он состоял из обломков перегородки, обмазки стен и развалов нескольких глиняных сосудов, но уже с завершенным обжигом. Кроме того, на дне топочной камеры сохранились несколько уложенных продольно в ряд обугленных плашек – остатки затопки горна. Часть фрагментов упомянутых горшков, а также крупные куски обмазки и перемычки горна оказались в заполнении придонной части ямы мастерской. После разрушения мастерской ее углубленные в материк конструкции были засыпаны, а сверху уложен настил из широких досок. На новом этапе участок был занят под сыродутные горны: к югу от гончарного комплекса прослежены остатки трех оснований таких сооружений в виде пятен прокаленного грунта с углями и шлаком. Слой угля и шлака покрывал все пространство участка, включая упомянутый настил из досок, являясь своеобразным маркером верхней границы горизонта мастерской гончара. Судя по числу прослоек шлака (их зафиксировано три), горны последовательно сменяли друг друга.

Не менее уникальным был и набор посуды из исследованного горна. Вся она (развалы 5–7 горшков, за исключением одного грубого подправленного на круге сосуда и двух мисок) однотипна и относится к гончарной посуде т. н. «польской» традиции, выделенной при изучении старорязанской керамики XI в. (Стрикалов, 2006. С. 143) (рис. 2).

Эта традиция характеризуется такими чертами, как прямая высокая вертикальная шейка с отогнутым наружу венчиком, оформленным разнообразной огранкой края, вогнутое дно, сформованное на специальной подставке, более качественный обжиг, орнамент в виде широкого рифления, покрывающий все тулово, а иногда и шейку сосуда. Перечисленные признаки находят аналогии в керамике Восточной Польши, Волыни и Побужья, включая Берестье, Дорогичин, Новогрудок, Гродно и другие города Черной Руси (Abramowicz, 1959. Рис. 2, 3; Musianowicz, 1969. С. 142; Иов, 1992. С. 36, Рис. 1. Тип Б; Лысенко, 1985. С. 328, Тип 6; Малевская, 2005. С. 35, 91, тип IIIв, IVг, Рис. 10, 6, 7). Вогнутые днища вообще являются яркой характерной чертой западнославянской керамики, в особенности польской, составляя, например, в материалах Гданьска X–XIII вв. до 82% (Малевская, 2005. С. 24–25). М. В. Малевская считает их присутствие в Новогрудке результатом появления в городе мазовецких гончаров (Малевская, 2005. С. 25). Вслед за польской исследовательницей К. Мусянович она объединяет такие горшки в своеобразный «дрогичинский тип» (Малевская, 2005. С. 145–146). По ее мнению, данная традиция формируется в польско-русском Подляшье. Здесь основным центром производства такой керамики на протяжении XI–XIII вв. является Дорогичин, где она является ведущим типом. Прототип дрогичинских сосудов, как считает М. В. Малевская, на Подляшье появляется еще в конце X – начале XI в., то есть до возникновения самого Дорогичина, и уже в это время начинает проникать на территорию Черной Руси.

В Старой Рязани такая керамика, помимо горна, в единичных случаях встречается на других участках посада и Северного городища в слоях XI столетия, но выразительный набор составляет лишь еще в одном комплексе – в усадьбе

Рис. 2. Керамика «польской» традиции Старой Рязани и ее аналоги

А – Старая Рязань, посад; *Б* – Старая Рязань, Северное городище; *В* – аналогии с территории западнорусских земель: 1–4 – Червень (*Abramowicz*, 1959); 5–9 – Берестье (*Лысенко*, 1985); 10–12 – Новогрудок (*Малевская*, 2005); 13 – Волковыск (*Малевская*, 2005); 14–18 – Гродно (*Малевская*, 2005)

«В» второго хронологического горизонта на раскопе 28, расположенном на Северном городище Старой Рязани над участком описанных работ на посаде. Там, в слое жилища и в заполнении припечных ям собраны развалы еще четырех сосудов этой традиции. За пределами этого комплекса находки «польской» керамики единичны. На раскопе 45, помимо горна и ямы мастерской, фрагменты таких сосудов присутствуют в синхронных слоях, составляя около 25% всей керамики, и в качестве примеси в последующих горизонтах XI в. (около 20% в слоях 2-го горизонта, связанного с сырдутными горнами, и по 5–7% в последующих горизонтах).

Следует заметить, что в синхронных слоях раскопов 28 и 45 эта керамика соседствует с т. н. «раннекруговой» посудой, изготовленной из грубого глиняного теста с примесью дресвы и крупного или некалиброванного песка и характеризующейся слабопрофилированными венчиками с простыми завершениями края, заглаженными или срезанными с торца. Их орнаментация разнообразнее (линии, волна, насечки, штамп), но не включает рифление, характерное для «польской» традиции. В более поздних комплексах, помимо раннекруговой, появляется и иная посуда – с т. н. манжетовидными венчиками разной конфигурации, а также с венчиками типа б (т. н. «полоцкой» традиции), которые позднее, на рубеже XI–XII вв., дали начало своеобразной старорязанской керамике, украшенной прокатанным штампом.

Как видим, производство керамики этой своеобразной традиции, по многим признакам отличной от синхронной и более поздней керамики Старой Рязани, было довольно коротким эпизодом в местном гончарстве, но весьма ярким и показательным, свидетельствующим о довольно отдаленных связях Старой Рязани в этот ранний период ее истории. Есть все основания считать, что гончар, работавший в этой традиции, принес ее на Среднюю Оку с польско-русского пограничья в готовом виде: нам неизвестны ни переходные формы, ни попытки соединения навыков. Более того, этот мастер работал с таким обжигательным устройством, которые ранее здесь, вероятно, известны не были. По крайней мере, в литературе нет данных об использовании в этом регионе двухъярусных гончарных горнов ранее середины – второй половины XII столетия.

Как и когда попал житель западных областей Восточной Европы на восточную окраину славянского мира?

Несомненно, этот мастер был в составе одной из первых волн переселенцев в Старую Рязань. Его мастерская была первым сооружением на посадской террасе и, как было показано выше, возникла в период начала освоения и самой площадки городища. Такова же ситуация и с усадьбой Северного городища, на которой использовали продукцию этого гончара.

Для более точной абсолютной датировки этого события данных, к сожалению, недостаточно. О времени существования комплексов раскопа 28 мнения содержатся в специальной статье автора (*Стрикалов, 2005. С. 63*). На раскопе 45 в ранних слоях находки очень малочисленны, а приемлемые для узкой датировки – единичны. Можно лишь упомянуть три экземпляра бисера и двучастную пронизку желтого стекла из слоя второго горизонта, которые дают дату первой половины – середины XI в., а также небольшую шаровидную хрустальную бусину из слоя первого горизонта с более широкой датой бытования. Кроме

того, в слое песка над 2-м горизонтом найдены 4 шиферных пряслица, которые свидетельствуют о существовании связей Старой Рязани с южнорусскими землями уже в ранний период истории города. Учитывая тот факт, что в нижний 7 горизонтах раскопа, перестеленных делювиальным песком, отсутствует керамика с зубчатым штампом, прокатанным колесиком, которая появляется в Старой Рязани на рубеже XI–XII вв., все они укладываются в XI столетие, а первый из них, вероятнее всего, отодвигается в его первую половину.

Уточнить время переселения гончара позволяет анализ фактов из политической истории Руси этого времени. Нам известно несколько походов киевских князей к польским рубежам в первой половине XI в. Это поход Ярослава 1030 г. на Белз, совместный поход Ярослава и Мстислава Владимировичей 1031 г. на Червенские города, а также несколько походов Ярослава в Мазовию в 40-е годы в рамках союза с польским королем Казимиром I (ПСРЛ. Т. 2, лл. 55–58; подробный разбор летописных свидетельств этих событий см. *Королюк*, 1964. С. 316–320). Однако, лишь под 1031 г. говорится о полоне, приведенном князьями на Русь. Кроме того, маловероятно, чтобы в ходе поддержки борьбы Казимира за объединение Польши Ярослав претендовал на полон, хотя именно территории Мазовии и Подляшья дают наиболее близкие и массовые аналогии анализируемой керамике. Но такая керамика встречена не только там, но и южнее, в частности, в Червене в слоях XI–XII вв. (*Abramowicz*, 1959. Рус. 2, Рус. 3). Сходные типы керамики отмечает и М. П. Кучера на памятниках по Роси, связывая их появление на территории Приднепровья именно с завоеванием Червенских городов Ярославом и Мстиславом в 1031 году (*Кучера*, 1998. С. 163, Рис. 1, 26, 27, 29).

Возможно, часть полона из доли Мстислава была отправлена на Оку, на восточную окраину владений этого князя, который, как известно, после договора с Ярославом владел всем левобережьем Днестра. Если такое предположение верно, то появление гончара, работавшего в открытой на посаде мастерской, и «польских» (дрогичинских) традиций в рязанской керамике можно связать именно с этими фактами. И вполне вероятно, что на вопрос «откуда родом, гончар?» мы могли бы услышать – «от ляхов».

ЛИТЕРАТУРА

- Королюк В. Д.*, 1964. Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.: Наука. 384 с.
- Кучера М. П.*, 1998. Про деякі маловідомі типи кераміки на давньоруських пам'ятках. // *История Руси – України (історико-археологічний збірник)* / Відп. ред. О. П. Моця. Київ: Ін-т Археології НАНУ. С. 160–165.
- Иов О. В.*, 1992. Круговая керамика поселений IX–XI вв. западной части Белорусского Полесья // *Древнерусская керамика* / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: ИА РАН. С. 36–47.
- Лысенко П. Ф.*, 1985. Берестье. Минск: Наука и техника. 398 с.
- Малевская М. В.*, 2005. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб.: Нестор-История. 160 с. (Труды ИИМК РАН; т. XVII).
- ПСРЛ, 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб. 938 с.
- Стрикалов И. Ю.*, 2006. Керамика Рязанской земли XI–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. М. 340 с.

Стрикалов И. Ю., 2005. Северное городище Старой Рязани. Хронология и стратиграфия // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / [Отв. ред. А. В. Чернецов]. М.: Памятники исторической мысли. С. 36–89

Abramowicz A., 1959. Ceramika z Czeramna // Archeologia Polski. T. IV. Warszawa; Wrocław. S. 149–185.

Musianowicz K., 1969. Drohiczyn we wczesnym sredniowieczu // Materiały Wczesnośredniowieczne. T. VI. S. 7–228.

Сведения об авторе

Стрикалов Игорь Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: igor.strikalov@gmail.com.

I. Yu. Strikalov

Potter's kiln of the 11th century from Staraya Ryazan

Abstract. During excavations of 2013 in the non-fortified suburb of Staraya Ryazan a unique archaeological complex related with the early history of the medieval city was discovered. It was a potter's workshop of the 11th c. and pottery produced there. Stratigraphy of the investigated area mirrored actively accumulated habitation deposits of the 11th – 13th cc. with alternate layers of dealluvial soil washed out from the fortified settlement above. The workshop was located in the stratigraphically earliest position. A rectangular pit-dwelling lined with wooden posts was dug into the slope, its bottom sunken into subsoil. In combined pit 1,5 to 1,2 m in size there was constructed a two-tiered kiln of oval shape with burnt walls plastered with clay. In the middle of its height the construction was divided with a horizontal partition into two chambers – combustion one and burning one. Along the kiln perimeter air holes were arranged. Pottery inside the kiln was attributed to the so-called “Polish” tradition singled out when investigating the Staraya Ryazan pottery of the 11th c.

Key words: Staraya Ryazan, suburb, stratigraphy, potter's workshop, kiln, pottery production, production tradition

About the author

Strikalov Igor Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: igor.strikalov@gmail.com

Л. А. Беляев

ВОСКРЕСЕНСКИЙ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКИЙ МОНАСТЫРЬ – ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ВКЛАД 2014 ГОДА

Резюме. В 2014 г. Ново-Иерусалимский монастырь дал новые данные для суждения о технологии и иконографии эпохи патриарха Никона. Это система горнов для обжига рельефных изразцов (до 1690 г.), произведенные изделия и печной припас. Особо интересен кусок колокола со сценой «Сошествие во Ад» (1658–1660 гг.).

Ключевые слова: вестернизация России, историческая археология, Новый Иерусалим, изразцы, керамическое производство, литье колоколов, иконография

Проект исследований Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в последние годы стал одним из эталонных в становлении археологии позднего периода (от конца Средних веков до ранней Российской империи). Исследования в разгаре, и ежегодно пополняют проект новыми материалами, надежно датированными и обеспеченными возможностью сопоставления с письменными источниками. Найдены десятки ранее неизвестных объектов, собраны тысячи индивидуальных находок эпохи строительства монастыря 1650–1690-х гг.

На их основе мы реконструируем технологии и процесс знакомства России с европейским «культурным кодом», новшества иконографии и многое другое (см.: Беляев, 2013. С. 30–42; *Он же*, 2014а. С. 48–61; *Он же*, 2014б. С. 2–5). Идея Никона раскрывается как попытка (возможно, не полностью осознанная самим патриархом) создать новый центр духовного тяготения, соединив новый потенциал России с достижениями европейской технической мысли, искусства, традиций почитания Святой Земли. Новый Иерусалим – своего рода церковный прото-Петербург, от закладки которого монастырь отделяет всего полстолетия.

На Запад уходят сами корни никоновской модели «переноса евангельской топографии»: она окончательно сложилась на Западе в период контрреформации в практике монашеских орденов (францисканцев, иезуитов), в форме «сакромонте» и «кальварий», трехмерных моделей Крестного пути, связанных с особой формой литургии, в которой использовались все художественные средства эпохи Барокко. Эта форма не характерна для Московии, но стала известна благодаря переселению сюда православного монашества и появлению в 1650-х гг. мастеров из Центральной Европы, знакомых с практикой строительства кальварий в Польше и Литве первой половины XVII века.

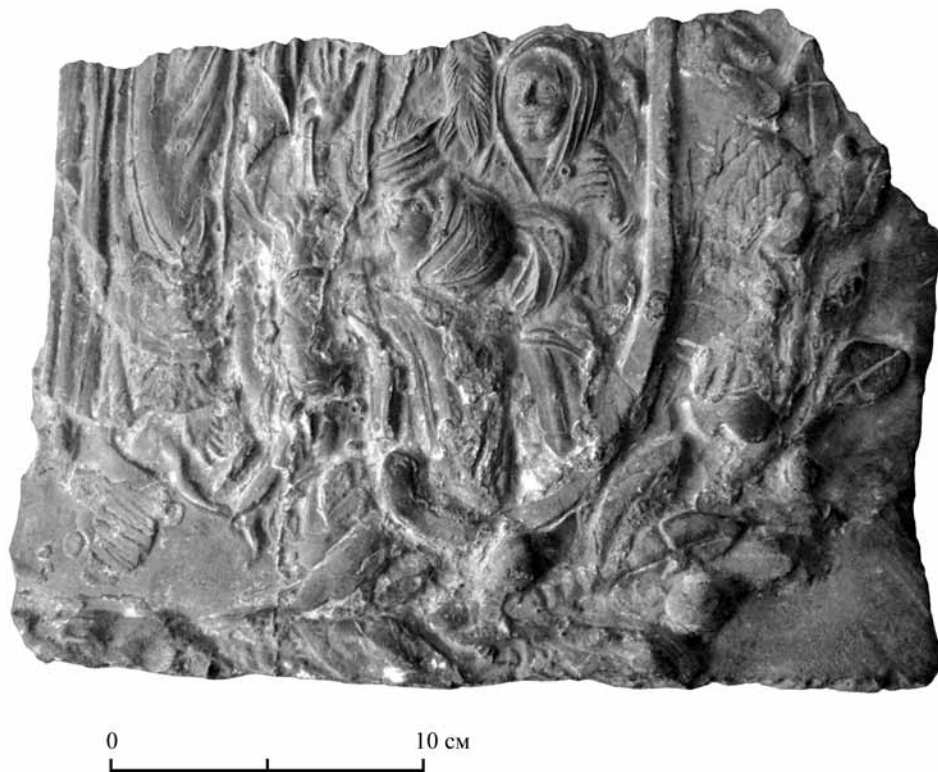

Рис. 1. Фрагмент верхней части колокола со сценой «Сошествие во Ад» (Воскресение). 1658–1660 гг. (?)

Обнаруженный фундамент базового элемента храма Гроба Господня, Капеллы франков, подтвердил точность воспроизведения плана иерусалимского прообраза, построение которого выдает руку европейского инженера. Уникальные керамические иконы (Пантократор, Распятие) соотносимы с художественным стилем Волыни и Подолья. На европейские прототипы указывают конструкции нескольких горнов для отливки колоколов и обжига изразцов, а также их продукция (например, фляжки в виде книги, распространенные в Европе – прямой прообраз «шутейных» предметов Петровской эпохи).

В 2014 г. набор производственных сооружений и изделий с европейскими прототипами пополнился массой новых элементов: раскрыт трехчастный керамический горн, последний обжиг в котором совершен в 1690 г.; найдены чудом сохранившаяся часть бронзового колокола и единственный пока изразец, соотносимый с фаянсами в традициях французского Ренессанса и раннего Барокко.

Случайно найденный фрагмент бронзового колокола (рис. 1) принадлежит его верхней части и несет иконную композицию «Сошествие во Ад» (православная иконографическая версия композиции «Воскресение»), выполненную в довольно высоком рельефе. По фрагменту проходит линия заусениц, оставшихся

не срубленными; сама поверхность не заполирована – возможно, это часть неудавшейся отливки, по каким-то причинам отрубленная от колокола и сохраненная. Судя по месту находки в засыпке Больничных палат, недалеко от раскрытой в 2010 г. «колоколенной ямы», и по тому, что две стороны срублены под прямым углом, можно думать, что фрагмент отрезали и спрятали сознательно.

До нас дошел правый нижний угол сцены с изображением святых жен (мироносицы?). Сохранилась также часть фигуры стоявшего за ними Иоанна Предтечи (в традиционном рубище пустытника) и Иисуса Христа, попирающего врата Ада.

Известно, что, по замыслу патриарха Никона, первым из набора колоколов монастыря заложили большой Воскресенский колокол (весил около 500 пудов; «зачат» 1 сентября 1658 г., см.: *Леонид (Кавелин)*, 1876. С. 90 и далее). Вероятно, найденный фрагмент связан именно с ним: иконография главного колокола, действительно, включала сцену Воскресение/Сошествие во Ад; фрагмент почти плоский, а, следовательно, принадлежал колоколу большого диаметра (вес, при небольшой площади, около 22 кг).

Воскресенский колокол в 1726 г. пострадал во время пожара и позже (25.02.1786) был перелит с сохранением программы декора, но и в таком виде он до нас не дошел. В монастыре от XVII в. уцелели колокола «Трехсвятский», «Средний» и «Малый». Все колокола Нового Иерусалима имели поверхность, почти сплошь покрытую рельефами с пространными надписями, иконными и даже портретными изображениями – о чем можно судить и по описям, и по сохранившимся образцам. Это не типично для средневековой традиции. Тулово колокола обычно оставляли гладким, чтобы достичь лучшего звучания, а надписи использовали в очень ограниченном количестве.

Сложностью и декоративным характером композиции наш фрагмент сопоставим с оформлением «Трехсвятительского» колокола. Но иконографически они совершенно различны: композиция Сошествия во Ад выполнена в реалистической и экспрессивной манере европейского Барокко и заключена не только в простой картуш, но и в сочно вылитый лавровый венок-медальон. Считается, что большой Воскресенский колокол, в отличие от остального монастырского звона, слитого Степаном Турчаниновым, изготовил европейский мастер (П. И. Заборский?). Иконография это подтверждает.

Не менее важны находки, связанные с системой из трех горнов для обжига изразцов, врезанных в склон монастырского холма (рис. 2). Это целый производственный комплекс из двух больших горнов, имеющих общую стенку (общий размер 385×347 см), и пристроенного к ним позже меньшего (150×176 см). Сохранились топочные камеры (103/110×136/140 см и 126/127×156 см), их перекрытие с продухами для горячего воздуха и низ обжигательных камер.

В одной из обжигательных камер осталась продукция: стоящие на ребре изразцы и обрушенный с борта штабель готовых изделий, а под ними – аккуратно установленные рядом друг с другом, рельефом вниз, обожженные экземпляры. В верхней части горна отложились и более поздние керамические изделия, позволяющие говорить о последнем десятилетии XVII в. как о моменте полной заброшенности. Внимание привлекают огромные архитектурные изразцы классических форм: базы и пилоны с рельефным декором «гирлянды плодов

Рис. 2. Керамические горы. 1660-е – 1690 г. Вид с севера. Рисунок А. Ульяновой

и фруктов», полуколонны, обвитые гроздьями винограда; венчающие их корonoобразные капители; на некоторых есть дата производства – 1690 год. Эти изразцы прошли только первичный обжиг и не имеют следов поливы, но о вторичных обжигах напоминает толстый слой потеков поливы зелено-бирюзового цвета на поду обжигательных камер.

Среди отходов производства впервые встречен «печной припас» – набор подставок и креплений, которыми разделяли изразцы при обжиге: трехрогие столбики трех размеров на круглых плоских подставках и треугольные клинья, керамические «рассекатели жара» в виде крупных мисок с большими круглыми отверстиями по всей поверхности.

Не менее интересной, чем часть огромного колокола и система горнов для обжиги керамики, оказалась находка небольшого архитектурного (судя по прямой румпе) рельефного полихромного изразца с уникальным для русского бестиария сюжетом (рис. 3, на вклейке, с. 392). В узкой рамке изображен рак, вылезавший на зеленый лист кувшинки, плавающей в синей воде. Как известно, в пространстве средневековых символов рак может выступать как образ перерождения,

воскресения, Иисуса Христа. Однако это далеко не самый популярный его символ, и, возможно, требуется иное толкование. Реалистичность образа, техника полихромного полуфаянса, общая стилистика и само обращение к существу земноводного мира указывают, возможно, на знакомство мастера с традицией «сельских» блюд, восходящей к мастерской Бернара Палисси – в таком случае раскрыть семантику образа можно и через сюжет «Сотворение мира», характерный для последователей французского керамиста. Так или иначе, западное происхождение ново-иерусалимского мастера, его знакомство с барочной системой художественных образов очевидно, и дальнейший поиск аналогов должен проводиться в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Л. А., 2013. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового Времени // РА. № 1. С. 30–42.
- Беляев Л. А., 2014а. Керамические иконы Христа в Ново-Иерусалимском монастыре. Предварительная публикация находок 2014 года // В созвездии Льва: сб. ст. по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица / [Отв. ред. М. А. Орлова]. М.: Гос. ин-т искусствознания. С. 48–61.
- Беляев Л. А., 2014б. Фляга патриарха Никона и ее европейские аналоги // Живая старина. № 4. С. 2–5.
- Леонид (Кавелин), 1876. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря, составленное по монастырским актам настоятелем оного архимандритом Леонидом. М.: Унив. тип. 780 с

Сведения об авторе

Беляев Леонид Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: labeliaev@mtu-net.ru.

L. A. Belyaev

The Resurrection monastery in New Jerusalem – a monument of culture of the Modern times: the contribution of 2014

Abstract. The season of excavations of 2014 in the Resurrection monastery in New Jerusalem (Moscow vicinity) has yielded new data to shape an idea on the technologies and iconography of Patriarch Nikon's epoch. The article introduces information on the complex of kilns for roasting relief tiles (active until 1690), finished production and oven details. Of special interest is a fragment of church bell with the depiction of composition Descent into Hell (dated 1658–1660).

Key words: westernization of Russia, historical archaeology, The New Jerusalem, tiles, pottery production, bells casting, iconography

About the author

Belyaev Leonid A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: labeliaev@mtu-net.ru.

О. Н. Глазунова, Ю. О. Данилов

ГОРН И МАСТЕРСКАЯ XVIII ВЕКА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ПОЛИВНЫХ ИЗРАЗЦОВ В СОЛОДОВЫХ ПАЛАТАХ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ

Резюме. В статье описан изразцовый горн начала XVIII века, найденный на территории Ново-Иерусалимского монастыря: размеры, конструкция, продукция, некоторые особенности технологии. Приводятся данные письменных источников.

Ключевые слова: Ново-Иерусалимский монастырь, керамический горн, изразцовое производство, глина, полива, изразцовый штамп.

В развитии исследований Нового Иерусалима как эталонного памятника археологии, иконографии, истории техники в России XVII века огромную роль играет изучение горнов для производства изразцов и иных сложных в технологическом отношении изделий. К настоящему времени горнов открыто уже три, причем два – внутри монастыря (работы Ново-Иерусалимской экспедиции ИА РАН под руководством Л. А. Беляева)¹. Последнее необычно: гончарные слободы и кирпичные сараи, как пожароопасные и требующие много воды, чаще ставили в отдалении от центров поселений, ближе к водоемам. Третий комплекс (открыт в 2014 г. к северо-востоку от въезда) именно так и размещен, что отражено источниками: «К берегу Истры изба болшая, в ней делают мастера ценные образцы, а подле горнь болшой двое челной с трубы» (Опись 1685 года. Л. 288–288 об., цит. по: *Зеленская*, 2012. С. 118).

Здесь публикуется горн, размещавшийся во втором с востока помещении Солодовых палат, вместе с материалами соседнего, самого восточного, помещения, отождествляемого с гончарной мастерской.

Горн однокамерный, прямоугольный, расположен в северо-восточном углу помещения, вплотную примыкая к двум стенам. Нижняя (подовая) часть – топочная камера со сводом и кирпичным полом – сохранилась практически полностью, а верхняя (обжигательная камера с продухами) – частично (общая высота 90,0–110,0 см (рис. 1, 2, на вклейке, с. 393)). Горн сложен из кирпича на глиняном растворе, размер в плане 240,0×210,0 см. Стенки горна выложены не менее чем в один кирпич; западная стенка с устьем значительно шире за счет прикладки (также в один кирпич), не перевязанной с собственно стенкой. Обжигательная камера (с продухами 9,5×15,0 см) сложена из кирпича размерами 28,0×13,0×6,0 см, топочная камера – из кирпича 30,0×15,5×8,0 см и 29,0×13,5×8,0 см, кирпич пода топочной камеры 32,0×16,0 см (толщину без разборки измерить невозможно).

---

¹ Об исследованиях экспедиции ИА РАН в Новом Иерусалиме с 2009 г. и его значении для развития исторической археологии в России см.: *Беляев*, 2012. С. 307–320; *Он же*, 2013. С. 30–42.

Устье топочной камеры арочной формы, расположено в западном фазе (ширина внутреннего устья 45,0 см, высота 54,0 см).

По оси с печью, с запада от устья, располагалась предгорновая яма или, скорее, крошечный дворик прямоугольной формы (в плане 300–310×180–140 см). Он вытянут с запада на восток и ограничен стенкой на глиняном растворе, сложенной в полкирпича, в том числе из обломков, на тонком неглубоком фундаменте из мелкого булыжника. В северо-восточном углу дворика лежит очень большой валун – неясно, оставлен он здесь при строительстве, как слишком тяжелый, или уложен специально и использован как опора северо-западного угла горна; второй валун, меньшего размера, заложили в устье горна, перекрыв его. Большая часть горна, по крайней мере, предгорновый дворик и топочная камера, находилась ниже уровня пола помещения. Спуск во дворик вел с юга, по лестнице шириной около 1,30–1,35 м, с 3–4 ступенями. Пол дворика земляной, в его северо-восточной части отмечен золистый выброс из горна.

По-видимому, свод топочной камеры был арочным. Куда выходила труба (если она была), неясно – возможно, тепло горна использовалось для обогрева помещения или даже для сушки солода. Отметим, что похожий горн для обжига изразцов (очень плохой сохранности) в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре, тоже примыкал к тамошним Солодовым палатам (*Глазов*, 1986. С. 8). Для закладки продукции на обжиг разбирали, вероятно, западную стенку камеры или ее часть.

Прямоугольная форма горна может быть связана с его основным предназначением – производством изразцов (Р.Л. Розенфельдт связывал само появление прямоугольных кирпичных горнов с распространением в Московии архитектурной керамики (*Розенфельдт*, 1968. С. 13), что не исключает переноса такого типа из Западной Европы, где она известна по крайней мере с XII–XIII вв.

Материал, обнаруженный в самом горне и в гончарной мастерской, показывает, что здесь обжигали изразцы, преимущественно печные, и поливную посуду необычных форм. Большая часть находок – готовые печные изразцы первого (терракотового) обжига, еще без поливы. Среди них рельефные, из серии так называемых «эмблематов», датируемой 1710–1720-ми гг. (*Сергеенко*, 1991. С. 52–70), и гладкие под роспись, чье появление также относят к началу XVIII в. Кроме заготовок, встречаются бракованные изделия с «поплывшей» поливой, искаженными пропорциями деталей и т. п.

Особый интерес вызывает целый (склеен из трех фрагментов) глиняный штамп-матрица. С его помощью на изразец наносили сложный элемент композиции – изображение (в овальном поле) простоволосого мужчины, со стрелой в одной руке и цветком в другой. Изразцы с таким рисунком обнаружены – это угловые элементы ренессансных печей, где искомое изображение, отпечатанное нашим штампом, расположено на срезе угла. Вырезать целиком угловую деталь с рельефом было сложнее, чем оттиснуть изображение на скосе добавочной матрицей (в средневековой Европе глиняные изразцовые штампы – совсем не редкость).

При обжиге изразцы разделялись в горне специальными мелкими приспособлениями («печной припас») различных форм, причем часть их изготовлена аккуратно и заранее обожжена, другая часть – небрежно вылеплена и просушена; известны и находки полосок сырой глины, которые превратились в керамику по ходу обжига.

60% собранных фрагментов керамики принадлежит к технической посуде, это обломки красноглиняных плошек для варки поливы. По форме они напоминают широкогорлые цветочные горшки среднего размера (диаметр венчиков 12–16 см, высота 9–10 см при широком основании 8–10 см). Плошки в основном использованные, обгоревшие до темно-коричневого цвета. Изнутри покрыты особым составом из белой глины со специальными добавками для того, чтобы полива не прилипла к стенкам. Сохранились и остатки самой поливы разных цветов. Несколько плошек еще не были в употреблении, причем на одной из них мастер оставил граффито по сырому (будет опубликовано отдельно).

Довольно много (11,9%) толстостенной, возможно, тоже технической посуды из красной глины. Незначительное количество (4,3%) составляют небольшие тонкостенные (толщина стенок 0,2–0,3 см) тигельки. Около 8% – обломки красноглиняных масляных светильников-плошек с особым соплом, вероятно, использовавшихся при производстве поливы. Остальное – обломки заготовок поливной посуды: тарелки с резным орнаментом, кувшины с наклепными белоглиняными штампованными розетками.

Ряд найденных «сосудов» трудно функционально определить, и даже описать сложно. Они изготовлены из толстых (1,5 см) пластов светлой огнеупорной глины. Форма близка параллелепипеду со скругленными ребрами, у которого только 3 длинных грани и 1 короткая торцовая, а четвертая длинная грань и второй торец срезаны по сырому; в длинных сторонах прорезаны прямоугольные отверстия-окна: по 3 в длинных сторонах и 1 в торце. Размеры предметов (15,0×9,5×9,0 см) хорошо соотносятся с размером продухов горна – возможно, их использовали для регулировки пламени.

В письменных источниках изученная гончарная мастерская упомянута не раз, с уточнением, что она внутри Солодовых палат: первый раз в описи 1727 г.; опись 1763 г. отмечает, что в Солодовых палатах «гончарная с гончарным горном одна, и при ней мастерская гончарная...» (РГАДА, ф.280, оп. 3, д. 81, л.7); опись 1784 г. лаконично отмечает «гончарные две» (РГАДА, ф.1625, оп. 1, д.71, л.18).

Возможно, с обнаруженными внутри монастыря горнами связана переписка 1709–1710 гг. о развитии здесь производства изразцов. В 1709 г., после Полтавской битвы, в монастырь прислали пленников-шведов для организации производства изразцов. Они затребовали все необходимое: «Декабря 8-го числа Воскресенский стряпчий Савва Кудрявцов подал в монастырской приказ письмо, в котором написано, «что по сказке тех иноземцев, надобно к гончарному мастерству: изготовить горн, свинцу 10 фунтов, олова 3 фунта, паташу фунт, краски лазори ½ фунта, соли 6 фунтов, белой глины два куска, два круга деревянных, на чем гончарная работа работать...». В ответе велено было это исполнить, а «горн до указу не ставить...». (Леонид (Кавелин), 1876. С. 85). Однако Петр I (указ 05.08.1710) «горны велел починить или внове зделать» (цит. по: Леонид (Кавелин), 1876, С. 86). Видимо, «внове зделали» горн именно в помещении Солодовых палат.

Найденный в палатах производственный комплекс позволяет реконструировать изразцовое производство с такими техническими подробностями, каких археологи России до сих пор не наблюдали. Горн в ходе реконструкции палат сохранен на своем месте как элемент музейной экспозиции; конструкция предварительно укреплена.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Л. А., 2012. Историческая археология России Нового и Новейшего времени: шаг к формированию // 1150 лет Российской государственности и культуры: материалы к Общему собранию РАН, посвященному Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.) / [Сост. В. Б. Перхавко]. М.: Наука. С. 307–320.
- Беляев Л. А., 2013. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового Времени // РА. № 1. С. 30–42.
- Глазов В. П., 1986. Отчет об археологических наблюдениях за земляными работами в Спасо-Евфимьевском монастыре осенью 1986 года. Владимир // Архив ИА РАН. Р-1. № 13068.
- Зеленская Г. М., 2012. Использование строительных материалов в Воскресенском монастыре Нового Иерусалима по письменным источникам XVII в. // Русский мир в мировом контексте. Рубцовск.
- Леонид (Кавелин), 1876. Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом монастыре с 1656–1759 // Вестник общества древнерусского искусства при московском публичном музее, издаваемый под редакцией Г. Филимонова. 11–12. М. С. 81–87.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 123 с. (Свод археологических источников; вып. Е1–39).
- Сергеенко И. И., 1993. Об изразцах с «иероглифическими фигурами» и о московском мастере Яне Флегнере // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 1 / [Ред.: Л. А. Беляев, В. Е. Суздаев]. М.: Музей-заповедник «Коломенское». С. 52–70.

Сведения об авторах

- Глазунова Ольга Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru;
- Данилов Юрий Олегович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: yuriidaniilov@yandex.ru.

O. N. Glazunova, Yu. O. Danilov

XVIII-century kiln and workshop for producing glazed tiles
in the Malt House of New Jerusalem monastery

Abstract. The paper describes the kiln for producing tiles investigated in the territory of the New Jerusalem monastery. The complex dates back to the early 18th century. The description contains data on the kiln size, construction, produced tiles, some technological details. Data of written sources on the theme are also published.

Key words: New Jerusalem monastery, potter's kiln, tiles production, clay, glaze, tile stamp

About the authors

- Glazunova Olga N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru;
- Danilov Yurij O., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: yuriidaniilov@yandex.ru.

И. И. Елкина

ТЕКСТИЛЬ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЙ XVII В. В ВОСКРЕСЕНСКОМ СОБОРЕ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ

Резюме: В статье рассматриваются текстильные изделия из захоронений архимандритов Варсонофия (†1680 г.) и Германа I (†1682 г.), изученных в 2011 г. при археологических раскопках в Ново-Иерусалимском монастыре. Дается характеристика тканей и шитья.

Ключевые слова: история и технология текстиля, монашеские погребения, некрополь, Ново-Иерусалимский монастырь, Воскресенский собор

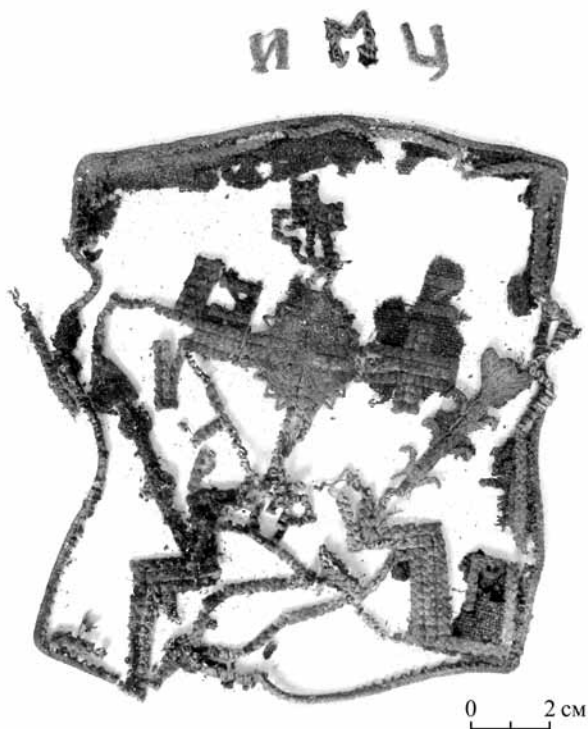
Захоронения представителей духовенства XVII века с текстильными остатками единичны, а своеобразие обряда погребения высших иерархов до сих пор археологически мало изучено. При работах Ново-Иерусалимской экспедиции ИА РАН (под руководством Л. А. Беляева, с 2009 г.; обзор первых лет исследований: *Беляев*, 2012. С. 23–30; *Он же*, 2013. С. 30–42) изучено несколько кладбищ, в том числе, в 2011 г., 12 кирпичных склепов XVII – начала XX в. в монастырском соборе.¹ Наиболее ранние из них – хорошо известные науке благодаря сохранившимся каменным доскам-эпитафиям погребения в церкви Всех Святых, в нижнем ярусе колокольни. Это могилы двух архимандритов монастыря, Варсонофия (†1680 г.) и Германа I (†1682 г.), известного как одного из первых и самых одаренных русских стихотворцев конца XVII в. (*Зеленская, Святославский*, 2006; *Дорошенко*, 2009. С. 131).

Склеп с захоронением архимандрита Варсонофия² примыкал к северной стене колокольни и сложен из большемерного кирпича на известковом растворе. Внутри склепа частично сохранился деревянный гроб; при захоронении под голову погребенного было положено деревянное полено, покрытое плетеной рогожей. На костяке выявлены многочисленные текстильные фрагменты церковного облачения. На черепе погребенного обнаружен сильно фрагментированный клубок, состоящий из двух предметов – камилавки и покрова (или мафория, он же кукуль) с тремя длинными концами–воскрилиями (*Орленко*, 1996. С. 105). Оба предмета шиты из плотной шерстяной ткани. Для изготовления головного убора использована ткань полотняного переплетения, сотканная из равномерных по толщине, крученых в Z-направлении, темных шерстяных нитей. Плотность составляет по основе 20 н/см и утку 16 н/см. Основа и уток приняты условно. По конструктивным швам кукуля дополнительно проходит двойная строчка

---

¹ Вскрытия были вызваны необходимостью заполнения всех пустот путем инъекций бетона. Останки и погребальный инвентарь временно изымались, а по окончании укрепления были перезахоронены в те же склепы.

² Архимандрит Варсонофий в феврале 1680 г. переведен из настоятелей Тихвинского Успенского монастыря в Новый Иерусалим, и в том же году скончался. При нем строительство Воскресенского собора подошло к завершению.

**Рис. 1. Остатки парамана из захоронения архимандрита Варсонофия (†1680 г.).
Шерстяная ткань, вышивка цветными шелковыми нитями**

шелковыми нитями. Края камилавки и кукуля окантованы шелковым плетеным шнуром. Шнур толщиной 3 мм четырехгранный, плетен в 8 концов.

Несмотря на фрагментарность, можно уверенно определить форму клобука как древнюю, сферическую, имевшую символическое значение «шлема спасения» и «покрывала послушания». Нижняя часть покрывала, разделяющаяся на три длинных конца, знаменует Троическую благодать, которая покрывает помыслы монаха. Использование плотной шерстяной ткани было вызвано необходимостью защиты головы во время ненастья. У монахов издавна существовал обычай завязывать концы мафория (кукуля) под подбородком в холодную и ветреную погоду, а также для того, чтобы клобук, снимаемый в определенные Уставом моменты богослужения, не занимал рук. Современная форма монашеского головного убора из твердой цилиндрической камилавки, обтянутой шелком, и легкого шелкового мафория – позднего происхождения и принята русской Церковью от греков в эпоху патриарха Никона (http://www.liturgy.ru/article_odeyanie1). В момент захоронения боковые воскрилия мафория (кукуля) были сложены в несколько раз и закрывали лицо архимандрита.

При детальном изучении текстильных остатков мафория (кукуля) под воскрильями обнаружались остатки вышитого цветным шелком парамана (рис. 1), лежавшего непосредственно на лице погребенного. Несмотря на неудовлетворительное состояние парамана (сохранились крошечные фрагменты ткани и, частично, вышивка), его форма и изображение реконструируются практически полностью. Параман представлял собой плат квадратной формы размерами 13×13 см, состоявший из лицевой стороны, на которой выполнена вышивка, и подкладки. По периметру параман был окантован плетеным шелковым шнуром. Для изготовления лицевой стороны использована темная шерстяная ткань полотняного переплетения, аналогичная ткани клобука. Ее небольшие фрагменты зафиксированы в нижнем правом углу парамана и в центральной части под вышивкой. Подкладка выполнена из более темной и более грубой ткани. Ее остатки зафиксированы под сохранившимся фрагментом лицевой ткани и частично по периметру парамана.

На лицевой стороне парамана вышито двухступенчатое изображение Голгофы, двенадцатиконечного равноконечного креста и стилизованных орудий Страстей (Копие и Трость с Губою). Орудие Страстей слева от креста (Копие) не сохранилось. Вышивка выполнена цветными шелковыми нитями. Для получения разнообразного декоративного эффекта в ней использованы шелковые нити как минимум двух цветов (красного и синего), а также применены различные варианты техник вышивки: вышивка крестом, тамбурный и стебельчатый шов.

Погребенный был облачен во власяницу – темную одежду из довольно грубой ткани, сотканной из шерсти овцы. Об этом свидетельствуют многочисленные остатки, зафиксированные на костяке погребенного. Ткань соткана из темных шерстяных нитей, крученных в Z-направлении. Плотность по основе и утку составляет 12–14 н/см.

Над власяницей находилась сильно фрагментированная епитрахиль шириной 28 см (длина не установлена), шитая из дорогого восточного «рытого» бархата, предположительно, красного цвета. В орнаменте ткани угадываются мотивы «восточных огурцов». Епитрахиль окантована полосой импортной шелковой камки шириной 3 см. Аналогичная полоса камки проходит по центральной линии епитрахили. Из полос той же ткани выложены и нашиты на епитрахиль 6 равноконечных крестов размерами 5×5 см. Нижний край епитрахили украшали цветные шелковые кисти (как минимум 8). Разноцветные кисти длиной 7 см выполнены из тонких шелковых витых шнурков. Ворворка (головка) кисти изготовлена из плетеной тесьмы.

На руках погребенного сохранились поручи шириной 14 см, шитые, подобно епитрахили, из аналогичного бархата и окантованные полосами шелковой камки шириной 2 см. Также из более узких полос камки на поручах выложены и нашиты по одному равноконечному кресту размером 4×4 см. На груди погребенного лежал деревянный наперсный крест, подвешенный на плетёный шелковый шнур (шнур четырехгранный, толщиной 2,5 см, плетен из красных шелковых нитей). Сохранившаяся кожаная обувь была надета на онучи, шитые из темной шерстяной ткани. Об этом свидетельствуют ее остатки, зафиксированные на внутренней стороне обуви.

В погребении архимандрита Германа³ (†1682 г.) из текстильных предметов выявлены фрагментированный параман (рис. 2, на вклейке, с. 394) и остатки власяницы. Последние, в виде тлена и многочисленных мелких фрагментов ткани, зафиксированы в основном в нижней части погребения. Грубая шерстяная ткань была соткана из темных шерстяных нитей.

Параман покрывал лицо погребенного и представляет собой прямоугольный плат (13×15 см), шитый из темной шелковой ткани. Центральную часть парамана занимает вышитое изображение восьмиконечного Голгофского креста с орудиями страстей. По периметру парамана проходит текст молитвы. К сожалению, ввиду фрагментарности предмета текст молитвы не реконструируется. Вышивка выполнена золотными и цветными шелковыми нитями в технике шитья в прикреп. Остатки подобного парамана в виде фрагмента центральной части с изображением восьмиконечного Креста с орудиями страстей были обнаружены на лицевой части черепа погребенного в одном из захоронений усыпальницы князей Пожарских в Суздале (*Елкина*, 2013. С. 238). Он также выполнен из шелковой ткани в аналогичной технике шитья в прикреп золотными и цветными шелковыми нитями. Под Крестом изображена Глава Адама, в левой части, возле Копия, сохранились буквы IC и NIK.

Исследованные захоронения не только мемориально значимы – они демонстрируют особенности погребального обряда и облачение представителей высшего духовенства периода позднего Средневековья, которые, как оказывается при сравнении, существенно отличаются от более поздней модели XVIII–XIX вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Л. А.*, 2012. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь: археология и вопросы реставрации // Реставрация и исследования памятников истории и культуры / [Отв. ред. А. Б. Бодэ]. М.: СПб.: Коло. Вып. 5. С. 23–30
- Беляев Л. А.*, 2013. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового времени // РА. № 1. С. 30–42.
- Елкина И. И.*, 2013. Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. // Беляев Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: ИА РАН. Приложение 5.
- Зеленская Г. М., Святославский А. В.*, 2006. Некрополь Нового Иерусалима: историко-семиотическое исследование. М.: Древлехранилище. 418 с.
- Дорошенко С. М.*, 2009. Настоятели Воскресенского монастыря Нового Иерусалима: живая история обители // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. № 2. Спецвыпуск. С. 127–176.
- Одеяния духовенства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.liturg.ru/article_odeyaniel. Дата обращения: 24.01.2015.
- Орленко Л. В.*, 1996. Терминологический словарь одежды. М.: Легпромбытиздат. 345 с.

³ Герман – любимый ученик патриарха Никона, был его постриженником и келейником. Участвовал в составлении «Устава церковного и Чина монастырского», где описаны особенности «в пении, в чтении и во всяком благочинии церковном и монастырском», сложившиеся в обители при Патриархе Никоне. Архимандрит Герман встретил (26.08.1681) гроб скончавшегося в пути Патриарха Никона и сам облачил его в погребальные одежды.

Сведения об авторе

Елкина Ирина Игоревна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ira-elkina@yandex.ru.

I. I. Elkina

Textiles from XVI-century burials in The Resurrection cathedral
of New Jerusalem monastery

Abstract. The article considers textiles from the burials of archimandrites Varsonofy (decd 1680) and Herman (decd 1682) investigated in 2011 during the archaeological excavations conducted in New Jerusalem monastery. Characteristics of fabrics and embroidery are published.

Key words: history and technology of textiles, burials of monks, cemetery, New Jerusalem monastery, The Resurrection cathedral

About the author

Elkina Irina I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ira-elkina@yandex.ru.

О. М. Олейников

ПУТЕВОЙ СКЛАДЕНЬ XVIII В. ИЗ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Резюме. В рамках системного изучения русского художественного сюжетного литья XVII – начала XX в. в научный оборот вводится датированный бронзовый трехстворчатый складень «св. Николай Праздники». Стилистика и иконография памятника рассмотрены в контексте развития русского медного литья XVII–XIX в., что дает дополнительный материал для традиционного объединения по центрам литья территориально рассеянных памятников с одинаковыми стилистическими особенностями.

Ключевые слова: Великий Новгород, медное художественное литье XVIII в., складни, путевой иконостас, иконография, старообразцы.

Начало археологического сезона 2014 г. в Великом Новгороде было ознаменовано находкой прекрасно сохранившегося образца медного художественного литья – трехстворчатого складня с изображением Николая Чудотворца и праздников (рис. 1). Находка (Б. Мос-30/-4-1)¹ была обнаружена на раскопе Бол. Московский 30 в слое XVIII в.

---

¹ Шифр находки означает: раскоп-/участок-номер полевой описи

Рис. 1. Бронзовый трехстворчатый складень XVIII в. из Великого Новгорода

На центральной створке – поясное изображение святителя Николая с закрытым Евангелием. Сверху размещены небольшие фигуры Иисуса Христа с Евангелием и Пресвятой Богородицы с омофором. Створка увенчана неподвижным оглавием (кокошником) с изображением Спаса Нерукотворного на убрусе с завязанными сверху углами и спускающимися вниз складками. В центре оглавия – схематическое изображение Троицы Ветхозаветной (три Ангела, символизирующие три ипостаси Божества, сидят за столом с приготовленной трапезой), по бокам оглавия изображены два шестикрылых Серафима.

На боковых створках складня размещены четыре композиции двенадцатых праздников: Вход Господень в Иерусалим, Сретение, Воскресение Господне (Сошествие во ад) и Вознесение. Тыльная сторона триптиха обработана напильником («лишенная»).

Складень закрывается встык, тем самым напоминая подобие Царских врат, закрывающих вход в алтарь Церкви. Створки профилированные, с хорошо читаемыми надписями. Боковые имеют прямоугольную форму (2,8×5,6 см), центральная створка близка к квадрату (5,2×5,5 см).

Средник с оглавием и боковые створки отливались по отдельности и крепились простым шарниром: стрезень боковой створки устанавливался в пазы шайбы на оси средника с возможностью поворота. Вес складня 81 г, размеры с оглавием в раскрытом виде 10,4×9,2 см, в сложенном – 5,2×9,2 см; толщина створок 0,15–0,2 см, высота бортика центральной створки 0,3 см.

Сюжетная формула складня тщательно проработана и композиционно выстроена.

Иконографический извод изображения Николая Угодника на центральной створке напоминает о чудесной помощи Господа и Пресвятой Богородицы святителю. Сохранилось предание, что на Первом Вселенском Соборе святитель Николай обличал ереси Ария так страстно, что в пылу полемики ударил еретика по щеке. Отцы собора сочли поступок святителя дерзновенным и недостойным архиепископа. Они лишили святителя Николая знаков архиерейского достоинства, отобрав Евангелие и омофор, а самого заключили в башню. И только после того, как влиятельным участникам собора сам Христос и Богородица указали на неправильность их решения, явившись во сне, где Господь подал святителю Николаю Евангелие, а Пречистая Богородица возложила омофор, Николаю Чудотворцу возвратили прежний сан и почтили как великого угодника Божия (Житие и чудеса... С. 58–59).

Тип поясного изображения святителя Николая с благословляющей правой рукой и закрытым Евангелием в левой принадлежит к числу наиболее распространенных в византийском и древнерусском искусстве. Евангелие в руках напоминает верующим христианам о том, что Николай Чудотворец не забывает о них и, пребывая в Небесных Обителях, продолжает по молитвам верующих творить добро и давать напутствие людям, созерцая свыше жизнь человеческую.

На боковых створках попарно изображены четыре евангельских сюжета. Иконография этих рельефов отличается малочисленностью сюжетных деталей и изобразительной сдержанностью.

На рельефе «*Входа Господня в Иерусалим*» Спаситель изображен восседающим на осле. За Христом шествуют апостолы. Справа, на фоне стены Иерусалима, изображены жители столицы Иудеи, вышедшие встречать Спасителя. Характерная деталь – Спаситель обернулся к апостолам. Такая иконография появилась в палеологовскую эпоху и получила широкое распространение в русском искусстве XV столетия.

Рельеф «*Сретение Господне*» представляет собой симметричную композицию на фоне престола. Богородица и Иосиф изображены в движении слева направо, Симеон Богоприимец и пророчица Анна – справа налево. В такой иконографии отражен богословский смысл праздника – встреча Ветхого и Нового Заветов.

На рельефе «*Воскресение Христово*» Христос протягивает руку Адаму, выводя вместе с ним из ада души всех находящихся там грешников. Этот извод соответствует каноническому типу, отражающему традиционное учение о победе Христа над смертью, воскрешении Им мертвых и изведении их из ада.

В православной иконописи сюжет «Сошествие Христа во ад» является одновременно изображением Воскресения Христова. Момент Воскресения оказался скрыт от человеческого глаза: жены-мироносицы обнаружили пустой гроб с остатками ткани, в которую было завернуто тело Христа. Поэтому классическая византийская иконография знала только два образа Воскресения: «Явление

Ангела женам-мироносицам» и «Сошествие во ад». Эти типы утвердились и в русской иконописи, причем до конца XVIII в. в медном литье Воскресение Христово воплощалось только в виде «Сошествие во ад» (*Воробьев, 2008*).

Иконография рельефа «*Вознесения*» также традиционна: в центре Богородица с молитвенно поднятыми руками (Оранта), образ особенно чтимый в Новгороде, справа и слева – апостолы, изображенные в рост. Возносящийся Христос заключен в мандорлу (миндалевидное сияние), которую поддерживают Ангелы. Важная деталь – Христос изображен сидящим (хотя престола не видно), по сути это Спас Пантократор, Вседержитель.

Художественное литье в русской традиции на всех этапах своего развития было неразрывно связано с иконописью, откуда заимствовало сюжеты и иконографию. Церковная живопись заменяла Писание для безграмотных (*Буслаев, 1910. С. 214*).

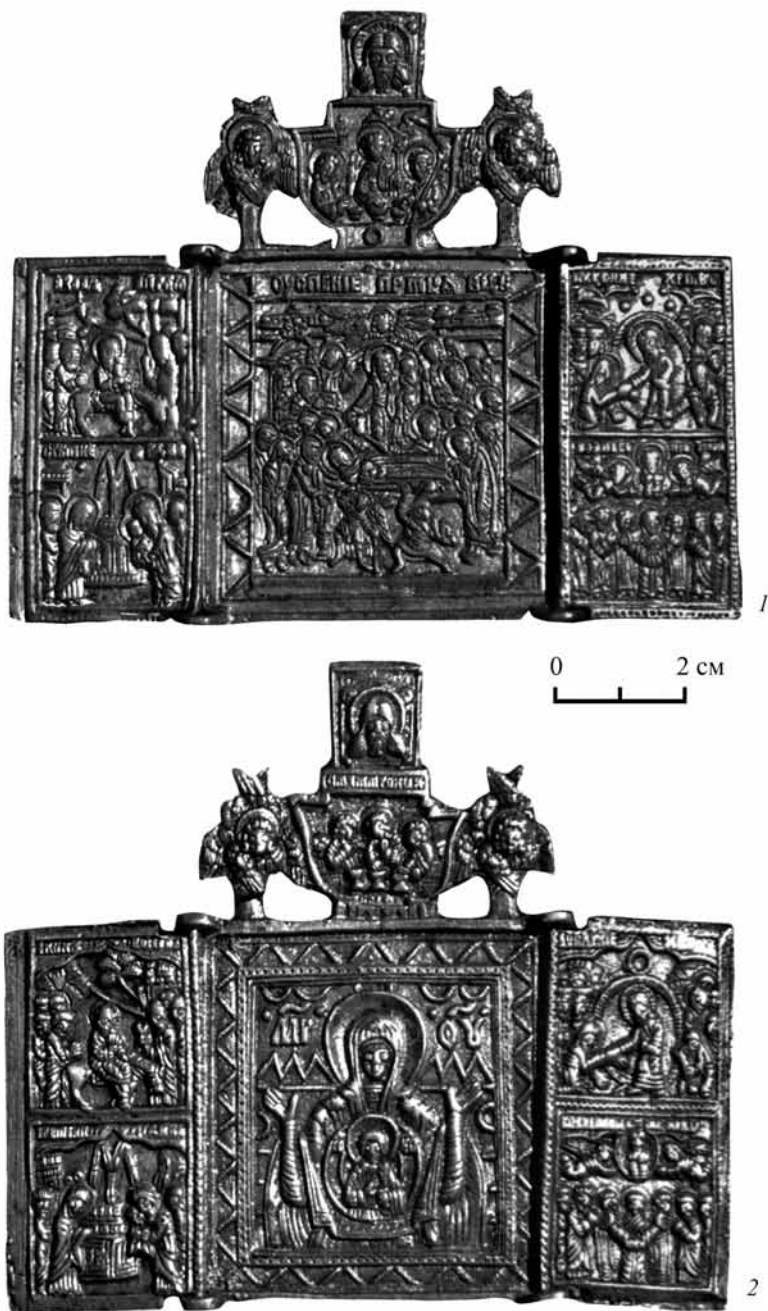
Появление складней связано с темой иконостаса, который является самой заметной и необходимой частью православного храма. Это символ земной Церкви, состоящей из живущих на земле верующих людей и Церкви Небесной, в которую входят прославленные Богом святые. Наличие иконостаса в православном храме обусловлено учением о том, что Церковь является необходимым условием спасения. Человек может спастись только как часть Церкви. Однако иконостас, который является образом и символом Церкви, присутствует не только в храме.

Русскому человеку часто приходилось быть путешественником. Воину, страннику, беженцу, пленнику, узнику часто приходилось молиться вне храма. Поэтому наряду с путевыми иконами, маленькими образками, начиная с самых древних времен появляются складни, которые служили путевыми иконостасами. Эти святыни были самыми удобными для перенесения, прочные и дешевые (*Буслаев, 1990. С. 360–361*). По свидетельству антиохийского патриарха Макария, посетившего Россию в 1655 г., «у всех ратников без исключения непременно имеется на груди красивый образ в виде тройного складня, с которым он никогда не расстается и, где бы ни остановился, ставит его на видном месте и поклоняется ему. Таков их обычай...» (*Алеппский, 1898. С. 136*). Путевые иконостасы появились задолго до раскола. В новгородском епархиальном древнехранилище находился датированный 1628 г. складень «медный из 10 створок, изображающий иконостас: сверху – пророки, ниже – двенадцатые праздники, внизу – святители» (*Перетц, 1933. С. 33*).

Случайность тематики в металлопластике почти исключена: выбор сюжетов определялся, как правило, конкретной причиной (*Луцко, 1993. С. 22*). В таком контексте становится понятен выбор для складней иконографических сюжетов и святых. Русский человек находился в доверительных отношениях и с Христом, и с Божией Матерью. Но ближе всего к нему были святые «практического назначения». Из сотен имен мучеников и святителей, входящих в святцы, в литье воплощаются не более двух десятков. Чаще всего встречаются литые изображения Николая Чудотворца – покровителя путешественников, самого почитаемого на Руси святого.

Новгородский триптих аналогичен складням XVIII в. «Богоматерь Знамение» и «Успение Богородицы» из экспозиции НГОМЗ (рис. 2, 1, 2), а также «Св. Никола Чудотворец с избранными святыми» из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (ЦМиАР).

Рис. 2. Бронзовые трехстворчатые складни XVIII в.:
1 – «Успение. Праздники». (НГОМЗ); 2 – «Богоматерь Знамение. Праздники» (НГОМЗ)

Боковые створки этих складней оформлены абсолютно аналогичными парными композициями четырех праздников под килевидными арками (Вход в Иерусалим и Сретение – на левой створке, Сошествие во ад и Вознесение – на правой). Центральная створка, увенчанная кокошником, имеет типы изображений: Богоматерь Знамение, Успение Богородицы (НГОМЗ) и Св. Никола с высоко поднятым восьмиконечным крестом в правой руке (ЦМиАР) (*Гармина*, 2005. С. 50, 55, 58–59; Русское медное литье. С. 184, рис. 32).

Используя возможность повторных воспроизведений оригинала и комбинируя отдельно существующие клейма, мастер имел свободу в выборе вариаций для отливаемых изделий². Это позволяет предположить изготовление этих складней в одной мастерской. Стилиевое единство, цельность всех створок модели, наличие комплектов рельефов позволяли создавать различные типы праздничной иконографии (*Винокурова*, 1993. С. 38).

В качестве примеров возможных комбинаций использования отдельных рельефов можно привести трехстворчатый складень XVIII в. «Спас Смоленский и избранные святые» (ЦМиАР), где использована модель кокошника с изображением Святой Троицы, Спаса Нерукотворного и Серафимов, а также средник трехстворчатого складня XIX в. «София Премудрость Божия» (ЦМиАР), где Серафимы отсутствуют (Русское медное литье. С. 186, рис. 37). Парные изображение боковых створок находят аналогии на трехстворчатых складнях XVIII в. «Богоматерь Знамение. Праздники» (НГОМЗ), на триптихе с эмалью «Богоматерь Всех Скорбящих Радость. Праздники» (НГОМЗ), «Успение. Праздники» (НГОМЗ, ЦМиАР), «Иоанн Богослов в молчании» (ЦМиАР) (*Гармина*, 2005. С. 59; *Гнутова, Зотова*, 2000. С. 109, илл. 206; Русское медное литье. С. 185, илл. 35), а также на кресте «Распятие» из собрания А. С. Уварова (Каталог собрания древностей... С. 168, табл. XVIII, 18).

Ремесленники часто не столько создавали новые модели, сколько в той или иной степени использовали образцы, вошедшие в употребление ранее. В качестве примера можно привести двустворчатую деревянную икону-складень середины XV в. «Похвала Богоматери» (Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»), на внутренних створках которой под килевидными арками изображены двенадцатые праздники (*Николаева*, 1968. Илл. 75, 76).

Литье, утвердившееся в русском церковном искусстве в домонгольскую эпоху, на рубеже XVII–XVIII столетий пережило второе рождение – оно становится монопольным представителем древнерусского мелкого рельефа, вытесняя резную пластику (*Винокурова*, 1989. С. 1). После правительственных указов от 31 августа 1722 г. «О воспреещении употреблять в церквах и частных домах резные и отливные иконы» и от 31 января 1723 г. «О запрещении иметь в приходских церквах иконы частных лиц; также выливать и продавать в рядах священные изображения из меди и олова», медное литье стало нелегальным (Собрание постановлений... С. 60; Полное собрание постановлений... С. 31–32). В это время изготовление литых икон и складней стало достоянием почти исключительно

² Принцип комбинирования подробно рассмотрен Э. П. Винокуровой (1993. С. 36–39).

старообрядцев, которые меднолитые складни и иконы почитали особо, считая, что они прошли «очищение» огнем (*Воробьев, 2008*).

Фактически, со второй половины XVII в. защитниками византийского и древнерусского канона в иконописи стали старообрядцы, которые, собирая «дораскольные» иконы, ориентировались на древние образцы.

После реформ патриарха Никона во второй половине XVII в., вызвавших резкий протест со стороны различных слоев населения, часть последователей старого обряда, подвергаясь правительственным гонениям, уехало на Север, где и возникли литейные мастерские. Однако традиции и профессиональный опыт сохранялись. Одним из крупнейших центров по производству медного культового литья на протяжении всего XVIII в. и первой половины XIX в. был знаменитый Выговский или Данилов монастырь, основанный в 1695 г. на р. Выге в Олонецкой губернии (*Булгаков, 1994. С. 63*). В 1730–1740 гг. в числе выговских медников, которые «льют створы» были новгородцы: посадский человек Василий Евстратов с племянником своим, посадский человек же Василий Петров сын Лобков, а также некто Горбун, мастера Мартынов, Михайлов (*Винокурова, Молчанова, Петрова, 1994. С. 37*).

Изделия этих мастерских, известные в отечественной историографии как «поморские», первоначально удовлетворяли только внутренние потребности. Позднее производство приобрело размах, и продукция пошла на рынок. Наряду с работами выгорецких и других северных мастерских, в конце XVIII в. появляются «гуслицкие» и «загарские» литейные изделия – продукция погостов Богородицкого уезда Московской губернии, ставшего поставщиком литых изделий для всей России. Благодаря таланту поморских, московских, гуслицких, загарских и владимирских мастеров медное литье получило массовое распространение на всех территории России. Православные люди, не думавшие о расколе, привозили с ярмарок старообрядческие литые иконы и складни. Притягательной силой обладала не только дешевизна, но и своеобразная архаическая эстетика, в которой древность служила подтверждением истинности образа.

Стилистические особенности упомянутых складней НГОМЗ и ЦМиАР аналогичны новгородскому триптиху и не противоречат стратиграфической датировке XVIII в.

Определенность формы, устойчивость иконографических схем и систем орнаментации, а также наличие вариантов в оформлении центральной створки при общей тождественности изделий, дают основание отнести триптихи «Богоматерь Знамение» и «Успение Богородицы» из экспозиции НГОМЗ и ЦМиАР, «Св. Никола Чудотворец с избранными святыми» из собрания ЦМиАР и складень «Николай чудотворец» из раскопа Бол. Московский 30 к единому типу складней XVIII в., изготовленных в одной мастерской.

Монопольный характер медного литья XVIII в., а также детальная трактовка композиции и пластичность моделировки фигур, свойственные ранним поморским памятникам, дает основание считать упомянутые складни возможной работой поморских мастеров.

ЛИТЕРАТУРА

- Алеппский П.*, 1898. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М.: Унив. тип. 208 с.
- Булгаков С. В.*, 1994. Справочник по ересям, сектам и расколам. М.: Современник. 164 с. // Православие и современность. Электронная библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/02b/bulgakov/handbook/handbook.pdf>. Дата обращения: 26.01.2015.
- Буслаев Ф. И.*, 1910. Сочинения Ф. И. Буслаева. Том 2: Сочинения по археологии и истории искусства. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук. 459 с.
- Буслаев Ф. И.*, 1990. О литературе: Исследования. Статьи. М.: Художественная литература. 511 с.
- Винокурова Э. П.*, 1989. Основные принципы классификации русской медной художественной пластики конца XVII–XVIII века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л.: Ленуприздат. 22 с.
- Винокурова Э. П.*, 1993. О типологии медной художественной пластики конца XVII–XIX века (принципы формирования научного каталога) // Русское медное литье. Вып. 1 / Науч. ред. С. В. Гнутова. М.: Сол Систем. С. 34–47.
- Винокурова Э. П., Молчанова О. В., Петрова Л. А.*, 1994. Медная пластика // Неизвестная Россия: К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни: каталог выставки / [Авт.-сост. Э. П. Винокурова и др.]. М.: Государственный исторический музей. С. 37–58.
- Воробьев М.*, 2008. Старинный образ медный: сюжетное многообразие старообрядческого медного литья. Часть 3 // Православие и современность: Информационно-аналитический портал Саратовской и Вольской Епархии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/article_old_5169. Дата обращения: 26.01.2015.
- Гармина Н. В.*, 2005. Христианские древности: Художественный металл XI–XIX веков в собрании Новгородского музея-заповедника: путеводитель по выставке. М.: Северный паломник. 103 с.
- Гнутова С. В., Зотова Е. Я.*, 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. М.: Интербук-Бизнес. 133 с.
- Житие и чудеса Святого Николая Чудотворца, 2001. М.: Изд. дом «Ковчег». 448 с.
- Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова, 1908. Отд. VIII–IX. М.: Тип. о-ва распространения полезных книг, арендуемая В. И. Вороновым. 197 с.
- Николаева Т. В.*, 1968. Древнерусская мелкая пластика. М.: Советский художник. 176 с.
- Перетц В. Н.*, 1933. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. Л.: Изд-во ГАИМК. 56 с. (Известия ГАИМК; вып. 73).
- Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи, 1875. Т. 3. СПб.: Синодальная тип. 471 с.
- Пуцко В. Г.*, 1993. О системном изучении русского художественного литья малых форм // Русское медное литье. Вып. 1 / Науч. ред. С. В. Гнутова. М.: Сол Систем. С. 21–33.
- Русское медное литье, 1993. Сб. ст. Вып. 1 / Науч. ред. С. В. Гнутова. М.: Сол Систем. 191 с.
- Собрание постановлений по части раскола..., 1860. Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода: Кн. 1. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел. 75 с.

Сведения об авторе

Олейников Олег Михайлович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: olejnikov1960@yandex.ru.

O. M. Oleynikov

Traveler's folding icon of the 18th c. from Novgorod the Great

Abstract. The paper discusses some problems of Russian figurative castings of the 17th – early 20th cc. In the article there is published bronze three-leaved icon “St. Nicolas

with feasts” with established chronology. The stylistic and iconographic features of the object are considered in the context of Russian copper casting of the 17th – 19th cc. This provides the author with new data for attribution of metal objects of minor arts united by similar stylistic features to the known centres of applied art.

Key words: Novgorod the Great, decorative copper casting of the 18th c., folding icons, traveler’s iconostasis, iconography, Old-believers sect

About the author

Oleynikov Oleg M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: olejnikov1960@yandex.ru.

В. А. Буров

МЕДНЫЕ БИРКИ С ИМЕНАМИ МОНАХОВ ИЗ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Резюме. Раскопки на территории Соловецкого монастыря выявили неизвестную ранее категорию находок – медные бирки с именами монахов. Эти предметы исполняли роль брелков для ключей и, судя по частоте встречаемости, были широко распространены в монастыре в начале XX в.

Ключевые слова: Соловецкий монастырь, медные бирки, имена монахов

Археологические исследования Соловецкого монастыря – одного из важнейших центров Русского Православия – осуществляются в широких хронологических рамках с XV по начало XX в. Это позволяет получать более полную и завершённую картину монастырской культуры, существенно расширять круг предметов местного быта, включая поздние. Среди них – неизвестные ранее археологические категории, например, медные бирки с именами монашеской братии начала XX в. За 11 лет раскопок выявлено девять целых бирок и два обломка (рис. 1).

Бирки встречались с определенной периодичностью. Так, самая первая была найдена в 1998 г. при раскопках Головленковой тюрьмы в 3-й печуре подошвенного боя крепости к северу от Архангельской башни (№ 1 по КATALOGУ). В 1999 г. последовало еще четыре бирки (№№ 2–5) в соседней к северу печуре. В 2002 г. были найдены две бирки: одна (№ 6) возле Успенской башни, другая (№ 7) у Белой башни. В 2003 г. последовала находка (№ 8) снова возле Успенской башни. В 2006 г. там же обнаружена еще одна бирка (№ 9) и еще две находки (№№ 10–11) – в печуре крепости рядом с той же башней.

Рис. 1. Медные бирки с именами монахов из Соловецкого монастыря. Номера по Каталогу (прориси бирок № 3 и № 5 не приведены из-за их плохой сохранности)

Топография бирок у крепостной стены сопряжена в первую очередь с местом проведения самих раскопок. Но не следует забывать, что именно вдоль этих стен постепенно накапливался мусор, начиная с XVI в., а во времена ГУЛАГа была устроена большая свалка. Все без исключения бирки выявлены в верхних слоях мусора, в напластованиях периода концлагеря. Они были выброшены за ненадобностью. Только одну бирку (№ 11) можно отнести к монастырскому слою.

Форма бирок строго прямоугольная, иногда со скругленными углами, или с петлей по левому краю. У всех имеются круглые отверстия диаметром 4–5 мм. Длина целых находок 6,2–9,5 см, ширина в пределах 1,4–2,3 см, толщина 1–2,3 мм. Наличие отверстия дает основание считать, что эти бирки предназначались для ключей, которые привязывали к ним веревкой. Бирки исполняли роль брелков.

Надписи выполнены в технике нанесения отдельных точек (№№ 2, 3) и просекания линий (№№ 1, 4–10). На семи бирках встречаются имена, на прочих – значки в виде четырехконечных крестиков и пятилучевых звездочек (№ 11), прописная буква «И» (№ 7), цифры и буквы (№ 1). Одна надпись неразборчива, требует реставрации (№ 5).

Различаются бирки с односторонней и двусторонней надписями. Указаны степени священства: иеромонах, иеродиакон, архидиакон или просто «отец». Имена: Варлаам, Димитрий Румяниев, Климент, Корн [илий], Николай.

Полные надписи: «ОТЦУ ДИМИТРИЮ» – «ВЪ СВЪЧНУЮ» (№ 2), «М КОРН...» (№ 3), «ДИМИТРИЙ» – «РУМЯНИЕВ» (№ 4), «ВАРЛААМЪ» – «АРХИДИАКАНЪ» (№ 6), «ИЕРОМ. КЛИМЕНТЬ» (№ 8), «ИЕРОМОНАХУ НИКОЛАЮ» – «1914 ГОДА» (№ 9), «ИЕРОД. САВВАТІЙ» (№ 10).

Правописание с буквой «Ъ» и дата 1914 г. со всей определенностью указывают на время бытования большинства бирок – досоветский период, первая четверть XX в. Отсутствие «Ъ» на конце фамилии Румяниев, как и само употребление фамилии, дает повод отнести бирку № 4 ко времени совхоза «Соловки» (1920–1923 гг.), в котором продолжали трудиться монахи после упразднения Соловецкого монастыря. Осталось не ясно, как трактовать цифры на бирке № 1: то ли 1903 (год), то ли 19.03.30.

Публикуя поздние бирки монашеской братии из Соловецкого монастыря, мы тем самым вводим в оборот новую археологическую категорию, которая лишней раз напоминает, что культурный слой монастырей важно изучать вплоть до XX в.

КАТАЛОГ

1. Бирка бронзовая с выбитыми цифрами «190330» и беспорядочно расположенными буквами «П», «А», «М». Форма прямоугольная с закруглением по левому краю. Длина 7,4 см, ширина 2,3 см, толщина 1,5 мм. Диамет. закругления 1,7 см, диамет. отверстия в нем 4 мм. СЛО–1998, Раскоп–1, № 161 (слой песка и щепы под настилом из бревен рубки 1935–1936 гг.). Хр.: СГИАПМЗ, НВ-3370/10.

2. Бирка бронзовая с выбитой точками двусторонней надписью: «ОТЦУ ДИМИТРИЮ» – «ВЪ СВЪЧНУЮ». Пластина прямоугольной формы, с левой стороны имеется круглая петля диамет. 1–1,1 см и отверстием диамет. 6 мм. Правый край пластины с полукруглыми выемками по углам. Длина 6,4 см,

ширина 1,5 см, толщина 2 мм. СЛО–1999, Раскоп–2, № 7. Верхний слой мусора. Хр.: СГИАПМЗ, НВ-3372/7.

3. Бирка бронзовая с выбитой точками односторонней неразборчивой надписью: «М КОРН...». Пластина прямоугольной формы. СЛО–1999, Раскоп–2, № 9. Слой 0 – мусор с битым кирпичом, куски извести, ниже позднего настила 1-го яруса, поверх углей пожара 1923 г. Хр.: СГИАПМЗ, НВ-3372/9.

4. Бирка бронзовая с выбитой двусторонней надписью: «ДИМИТРИЙ» – «РУ-МЯНШЕВ». Пластина прямоугольной формы с закругленными боковыми краями. В верхнем левом углу от имени – круглое отверстие диам. 5 мм. Длина 7 см, ширина 1,7–1,9 см, толщина ок. 2 мм. СЛО–1999, Раскоп–2, кв. 2, слой 2 (поверх углей пожара 1923 г.), № 51 Хр.: СГИАПМЗ, НВ-3372/51.

5. Обломок бирки бронзовой с неразборчивой надписью. Пластина прямоугольной формы. СЛО–1999, Раскоп–2, слой 2 (поверх углей пожара 1923 г.), кв. 2, № 47. Хр.: СГИАПМЗ, НВ-3372/47.

6. Бирка бронзовая с выбитой двусторонней надписью «ВАРЛААМЪ» – «АР-ХИДИАКАНЪ». Пластина прямоугольной формы с закругленными концами. Длина 6,8 см, ширина 1,7 см, толщина 2 мм. Слева от надписи круглое отверстие диам. 4 мм. Слева от надписи по центру края пластины – овальная выемка. САЭ–2002, Раскоп-1 Настоятельский, пл. 5 (слой засыпки мусора 1923–1927 гг.), кв. 24, № 141. Хр.: СГИАПМЗ. КП-7918/40.

7. Обломок бирки бронзовой с выбитой прописной буквой «И». Обломана правая половина. Форма прямоугольная, левый край имеет по углам закругления. Ширина обломка 1,9 см, в длину сохранился на 3,8 см, толщина 1,5–1,9 мм. С левой стороны отверстие диам. 5 мм. САЭ–2002, Раскоп 1, пл. 1, кв. 16, № 123. Хр.: СГИАПМЗ, НВ-3642/66.

8. Бирка бронзовая с односторонней надписью: «ІЕРОМ. КЛИМЕНТЪ». Пластина прямоугольная; слева имеется круглая петля диам. 1,3 см и отверстием диам. 5 мм. Длина 6,7 см, ширина 1,5 см, толщина 2 мм. САЭ–2003, Раскоп–1 Настоятельский, пл. 9 (слой засыпки мусора 1923–1927 гг.), кв. 45, № 34. Хр.: СГИАПМЗ, КП-7965.

9. Бирка латунная с выбитой надписью: «ІЕРОМОНАХУ НИКОЛАЮ». На другой стороне: «1914 ГОДА». Форма прямоугольная. Длина 7,1 см, ширина 2 см; толщина 1,5 мм. Выше надписи по центру пластины круглое отверстие диам. 4,5 мм. САЭ–2006. Раскоп-6 Настоятельский, пл. 9 (слой засыпки мусора 1923–1927 гг.), кв. 111, № 348. Хр.: СГИАПМЗ, НВ-4121/249.

10. Бирка латунная с выбитой надписью изящного шрифта: «ІЕРОД. САВ-ВАТІЙ». Форма прямоугольная, углы слегка скруглены. Длина 9,5 см, ширина 1,7 см, толщина 2,5 мм. Перед надписью круглое отверстие диам. 5 мм. САЭ–2006. Шурф-2. Кв. 3, № 40. Хр.: СГИАПМЗ, НВ-4128/40.

11. Бирка бронзовая прямоугольной формы с закругленными краями. На одной стороне высечены прямоугольными насечками два креста, на другой – три пятиконечные звездочки в форме кружка и отходящих квадратных насечек. На левом краю отверстие диам. 4,5 мм. Длина 6,2 см, ширина 1,4 см, толщина 2 мм. САЭ–2006. Шурф-2, слой 5, кв. 4, № 45. Хр.: СГИАПМЗ, НВ-4128/45.

Сведения об авторе

Буров Владимир Андронович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: burovvan@rambler.ru.

V. A. Burov

Copper tags with monks' names from Solovki monastery

Abstract. During excavations in the territory of the Solovki monastery (North Russia) a new category of finds has been revealed. These are copper tags bearing monks' names. The tags were used as key trinkets and judging from their frequency, were widely used in the monastery in the beginning of XX century.

Key words: Solovki monastery, copper tags, monks' names

About the author

Burov Vladimir A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: burovvan@rambler.ru.

С. В. Ольховский

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СУДНЕ «АРХАНГЕЛ РАФАИЛ» В 2014 Г.

Резюме. В 2014 г. в ходе спасательных исследований судна «Архангел Рафаил» разобран завал обломков палубы и надстройки, перекрывавший центральную и кормовую части корпуса, и расчищен от донных отложений раскоп в центральной части трюма. В результате расчистки в трюме выявлен груз – множество бочек, наполненных зерном, салом и дегтем, а также ряд хорошо сохранившихся предметов судового инвентаря и личного обихода. Продолжение расчистки и детальная фотофиксация днищевой части судна ввиду низкой прозрачности воды перенесены на 2015 г.

Ключевые слова: спасательные исследования, подводные археологические раскопки, флейт, «Архангел Рафаил», Финский залив

В апреле-сентябре 2014 г. автономная некоммерческая организация «Национальный центр подводных исследований» (г. Санкт-Петербург) под научным руководством Института археологии РАН продолжила изучение торгового судна «Архангел Рафаил» в проливе Бьёркезунд, Финский залив Балтийского моря. Это судно, затертое льдами и затонувшее в 1724 г., было найдено в 2002 г. киноэкспедицией «Тайны затонувших кораблей» и достоверно идентифицировано на основе клейменных кирпичей и архивных материалов как флейт голландского купца

Германа Мейера, построенный в Любеке в 1693 г. (Подводные открытия...; *Сорокин*, 2004). В 2004 г. Р.Ю. Прохоров произвел систематическую фотосъемку судна и на основе десятков фотографий составил его фотоплан (рис. 1, на вклейке, с. 395).

В 2000–2006 гг. в проливе Бьёркезунд был построен порт Приморск – крупный нефтеналивной терминал, и по фарватеру пролива организовано регулярное движение крупнотоннажных танкеров. Визуальный осмотр «Архангела Рафаила», проведенный в 2013 г., выявил существенные разрушения бортов судна. Вероятной причиной этого является турбулентность, возникающая при движении танкеров по близко расположенному фарватеру.

Ввиду очевидной ценности «Архангела Рафаила» в качестве памятника археологии и образца судостроения XVIII в., специалисты ИА РАН и АНО НЦПИ признали целесообразность проведения спасательных археологических исследований для сбора дополнительной информации о конструктивных особенностях разрушающегося судна. Основные задачи спасательных работ: фото- и видеофиксация бортов судна, расчистка трюма от обломков разрушенной надстройки и донных наносов, фотофиксация днищевой части, фотограмметрическое моделирование корпуса, консервация и музеефикация индивидуальных находок.

Опыт подводной фотосъемки в проливе Бьёркезунд свидетельствует, что оптимальная прозрачность воды (5–6 м) отмечена здесь в зимне-весенний период. Фотофиксацию судна, первоначально намеченную на февраль 2014 г., пришлось перенести на апрель в связи с хрупкостью льда в проливе, вызванную частыми проходами танкеров по фарватеру.

Подводные работы на «Архангеле Рафаиле» начались в апреле при прозрачности воды 2–3 м. Визуальный осмотр и обмеры позволили уточнить основные размеры корпуса: длина около 28 м, ширина 8 м, борта сходятся внутрь корпуса под углом 12–15 градусов к вертикали, сохранившаяся высота бортов в центральной и носовой части составляет не менее 2 м. В скругленной носовой части на массивных кницях закреплены 6 бимсов. Кормовая часть судна полностью разбита и перекрыта беспорядочным нагромождением досок бортовой обшивки, бимсов и шпангоутов. В центральной части корпуса борта частично сохранились, трюм завален деталями разрушенной надстройки и замывает донными отложениями.

После завершения планиграфической фотофиксации центральная часть трюма в районе камбуза была расчищена от досок и обломков, извлеченные детали сложены в штабели вне корпуса судна. Слетевшие с книц и упавшие в трюм бимсы уложены перпендикулярно оси судна в качестве визуальных границ квадратов, подлежащих расчистке. В районе камбуза вместо отсутствующего бимса для маркировки границ квадратов перпендикулярно киллю были растянуты 3 троса с интервалом 2 м.

Для выполнения методичной расчистки крупного участка днища судна были подготовлены две модели грунтоуборочных эжекторов, собранных на базе водяной помпы, 40 м напорного рукава и 15 м выбросного шланга. Для работы с гидроэжектором необходимо обеспечить стабильное положение базового судна экспедиции над точкой расчистки, что в условиях неустойчивой погоды в проливе Бьёркезунд вынудило установить вокруг «Архангела Рафаила» 5 стационарных якорей. Благодаря этому базовое судно экспедиции при любом направлении ветра в проливе могло быть закреплено между подходящими якорями и стабильно находилось над участком расчистки.

Расчистка участков днища производилась в 3–4 смены, продолжительность смены ограничивалась безопасным периодом бездекомпрессионного погружения, который при рабочей глубине 17 м составлял около 1,5 ч. Для фиксации процесса расчистки и находок *in situ* в условиях полного отсутствия естественного освещения применялись два мощных светильника – первый опускался с борта базового судна и стационарно закреплялся над расчищаемым участком, второй передвигался водолазом при автономном перемещении по дну.

Для определения толщины донных осадков, перекрывающих днище судна, были расчищены 2 раскопа: в районе судового камбуза (6×4 м) и в кормовой части (4×4 м). Площадь выполненной расчистки составила около ¼ общей площади трюма. Расчистка в районе камбуза показала, что днище судна на этом участке плотно заставлено целыми и расколотыми бочками. Содержимое даже разбитых бочек в основном сохранилось: некоторые участки днища засыпаны слоем зерна, найдены крупные куски сала и мяса. Вероятно, причиной отличной сохранности органики стал деготь, вытекший из расколотых бочек и пропитавший рассыпанный вокруг груз (рис. 2, на вклейке, с. 395).

При расчистке вокруг камбуза найдены более 20 кирпичей со следами нагара и клеймом завода «Дом Святого Петра» из Любека, керамическая посуда, одежда (камзол и штаны), кожаная обувь, циновки, глиняные курительные трубки.

В кормовой части найдена металлическая столовая посуда с клеймами XVIII в., предметы личного обихода.

В ходе расчистки раскопов найдены и извлечены на поверхность 75 индивидуальных находок, в том числе изделия из ткани, кожи, металла и дерева, оперативно переданные на консервацию и реставрацию в лаборатории Государственного Эрмитажа (рис. 3, на вклейке, с. 396).

Итоговая планиграфическая фотофиксация расчищенной части трюма в августе – сентябре 2014 г. не увенчалась успехом ввиду ухудшения прозрачности воды до 0,5–1 м. Дальнейшие работы по фотофиксации и расчистке судна планируется продолжить весной 2015 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Подводные открытия на востоке Финского залива. Эпизод I [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.baltic-sunken-ships.ru/data/offline/rus/page76.html>. Дата обращения: 24.01.2015
- Сорокин П. Е., 2004. Изучение памятников морской археологии в Финском заливе и на Ладожском озере в 2003 г. // Изучение памятников морской археологии. Вып. 5. СПб.: ИИМК РАН. С. 24–42.

Сведения об авторе

Ольховский Сергей Валерьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ptakkon@yandex.ru.

S. V. Olkhovsky

Rescue archaeological research in 2014 at the shipwreck “Archangel Rafael”

Abstract. In 2014 in the course of rescue investigations conducted at the shipwreck “Archangel Rafael” in the Gulf of Finland the deck debris and the superstructure over the central

and stern parts of the hull were cleared up. The excavation area in central part of the hold was cleared up from the bottom sediments. The cargo revealed in the hold consisted of numerous barrels containing grain, lard and tar, as well as well preserved objects of the ship equipment and personal belongings. On account of insufficient clarity of water further clearing up and photo recording of the investigation process in the ship's bottom were put off till 2015.

Key words: rescue investigations, underwater archaeological excavations, fluyt, “Arch-angel Raphael”, Gulf of Finland

About the author

Olkhovsky Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ptakkon@yandex.ru.

А. Н. Хохлов

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСПИТАЛЬНЫХ МАССОВЫХ
ЗАХОРОНЕНИЙ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ ВЕЛИКОЙ
АРМИИ НАПОЛЕОНА НА УЧАСТКЕ СЕВЕРНОГО ОБВОДА
«ПЕРВОГО ВАЛЬНОГО УКРЕПЛЕНИЯ» КЁНИГСБЕРГА

Резюме. Статья посвящена предварительным результатам исследований госпитальных массовых захоронений солдат и офицеров Великой армии Наполеона, обнаруженных на участке укреплений Кёнигсберга. Двенадцать могильных ям содержали массовые захоронения военнослужащих, умерших от боевых ранений и заболеваний. Изображения на металлических пуговицах от униформы позволяют установить номера полков, а также принадлежность подразделений к войскам стран, входивших в состав Великой армии. Полученные материалы представляют собой уникальный источник по археологии, военной истории, антропологии эпохи наполеоновских войн.

Ключевые слова: госпитальные массовые захоронения, археологические находки, амуниция, униформа, Великая армия, Кёнигсберг, 1812–1813 гг.

Материальными свидетельствами любой войны являются не только поля сражений (*Гоняный, Двуреченский, 2013; Горбунов, 2003; Хомченко, 2011*) или различные военные объекты, такие как полевые укрепления или военные лагеря (*Горбунов, 2004; Lemaire, 2005; Lemaire, 2007*), но и захоронения павших в боях или умерших от ран и болезней воинов, а также погибших во время военных действий или от тягот войны мирных жителей. Некоторые подобные захоронения стали военными мемориалами, на их территориях проводятся памятные церемонии. Однако места расположения значительной части захоронений

военного времени, особенно эпохи средних веков и нового времени, забыты. В настоящее время они, в большинстве своем, остаются неизвестными.

В полной мере это относится и к захоронениям погибших в эпоху наполеоновских войн. В течение небольшого промежутка времени на территории многих стран: Франции, Италии, Испании, Голландии, Бельгии, Австро-Венгрии, Пруссии, многочисленных германских княжеств, Польши, России, Египта погибли сотни тысяч человек, как военных, так и представителей гражданского населения. Это позволяет предполагать большое количество погребений на тех территориях, где непосредственно проходили военные действия, и как их следствие – распространялись массовый голод и эпидемии инфекционных болезней.

В последние десятилетия в различных регионах (Россия, Белоруссия, Франция, Чехия, Литва) были обнаружены ранее неизвестные массовые захоронения, относящиеся к эпохе наполеоновских войн (Иванов, 2007; Хохлов, Бужилова, 2010; Снасская, Янишевский, 2013; Horáková, Vargová, 1999; Signoli, Vette, Dutour, Ardagna, 2008; Kákl, 2014; Zabiela, 2014). В большинстве случаев они выявляются случайно, во время земляных или строительных работ. В этом случае захоронения часто оказываются разграбленными или уничтоженными уже до того момента, когда информация о них доходит до археологов. Но в ряде случаев подобные погребения выявляются в процессе археологических раскопок, или археологи оперативно успевают остановить строительство и провести планомерные научные раскопки, как например, на территории поля битвы у Аустерлица, Бородинском поле, в Вильнюсе, Праге.

В 2006 г. Самбийская экспедиция ИА РАН провела спасательные раскопки на участке строительства торгового комплекса «Европа-центр» в городе Калининграде в сквере между площадью Победы и кинотеатром «Россия», ограниченного улицами Театральная – ул. Галицкого – Ленинским проспектом, в северной части старого Кёнигсберга (Козлов, Скворцов, Хохлов, Бужилова, Березина, Шведчикова, Детур, Реджит, Ветт, 2009).

Были выявлены четыре участка с сохранившимися комплексами XVII – начала XIX в., которые в течение двух месяцев были исследованы раскопами общей площадью 1800 кв. м. В процессе раскопок изучены такие комплексы как: участок дерево-земляного бастиона (фашинной конструкции) и часть земляного вала северного обвода фортификационных сооружений «Первого вального укрепления» города Кёнигсберга 20–30-х гг. XVII столетия, участок Нойероссгартенского кладбища жителей Кёнигсберга, Штайндамский мост XVII–XIX вв., который вел к Штайндамским воротам города, а также 12 братских могил – массовые госпитальные захоронения солдат и офицеров Великой армии (Хохлов, 2013; Khokhlov, 2013; 2014).

Именно материалы массовых захоронений солдат и офицеров Великой армии Наполеона представляют собой особый интерес для современных антропологов, археологов и историков военного дела эпохи наполеоновских войн, так как подобные материалы, как правило, встречаются при случайных земляных работах и доходят до исследователей в разрозненном состоянии.

Важное значение имело то обстоятельство, что уже с момента выявления верхних частей захоронений они расчищались и фиксировались по методике проведения археологических раскопок, принятой в России. Причем как отдельные скелеты, так и массовые захоронения в целом не только фотографировались, но и зачерчивались

**Рис. 1. Массовое госпитальное захоронение.
На переднем плане – фрагмент деревянного гроба**

в масштабе 1:10 с фиксацией глубины расположения костей по нивелиру. Работавшие в составе отряда Самбийской экспедиции¹ антрополог Н. Я. Березина и палеозоолог А. В. Зиновьев приняли участие в выработке методических подходов к исследованию захоронений. Значительную помощь в первичной атрибуции находок оказали французские исследователи: антрополог К. Реджит и специалист по военной униформе XIX столетия Т. Ветт, имеющие опыт работ с массовыми захоронениями.

Братские могилы располагались в северной части Кёнигсберга на участке малого крепостного вала между Штайндамскими городскими воротами и ближайшим, примыкающим с запада, крепостным бастионом. В пределах одной могильной ямы умершие укладывались в несколько ярусов (рис. 1), причем погребения в вышерасположенном и нижележащем ярусах располагались «валетом» относительно друг друга. Захоронения были совершены в грунтовых ямах размерами от 3×3 до 5×5 м, в каждой из которых помещалось от нескольких десятков до 150 и более человек. На уровне дна некоторых могильных ям обнаружено несколько захоронений в деревянных гробах. Вероятно, люди, погребенные в гробах, выделялись среди остальных военнослужащих своим социальным или имущественным статусом. Не исключено, что так были похоронены высшие офицеры или генералы. Всего в процессе полевых работ выявлены останки свыше 590 погребенных. С учетом разрозненных костных материалов можно считать, что в массовых госпитальных погребениях

¹ Работы проводились под научным и методическим руководством начальника Самбийской экспедиции ИА РАН А. Н. Хохлова, исследованиями на раскопе руководил А. И. Козлов. В раскопках принимали участие сотрудники экспедиции археологи К. Н. Скворцов, О. А. Хомякова, палеозоолог А. В. Зиновьев, антрополог Н. Я. Березина а также студенты различных учебных заведений Калининграда и Калининградской области. Около двух недель в полевых работах принимали участие французские коллеги Катрин Реджид (Catherine Rigeade) и Тьерри Вет (Thierry Vette).

было захоронено свыше 800 человек – солдат и офицеров Великой армии Наполеона, а также несколько женщин и подростков.

Принадлежность большинства погребенных к Великой армии Наполеона определяется по находкам, выявленным в братских могилах. Особой информативностью обладают такие находки, как форменные мундирные пуговицы, которые часто несут на себе изображения, вензеля и цифры, указывающие на конкретные полки и подразделения, рода войск, а кроме того – указывают на принадлежность воинского подразделения к войскам конкретной страны. В массовых госпитальных погребениях в Кёнигсберге были захоронены солдаты и офицеры французской императорской гвардии, егерских полков, полков линейной пехоты, полков пешей артиллерии, гусарских полков. Среди погребенных были представители швейцарского второго и четвертого полков линейной пехоты, гвардии и четвертого полка линейной пехоты королевства Вестфалия, батальона прусских стрелков, голландских военнослужащих и итальянских вспомогательных войск. Информацию о военной и гражданской одежде дополняют металлические пуговицы без номеров, костяные пуговицы и кожаные эрзац-пуговицы.

Уникальной является находка хорошо сохранившегося кивера из кожи и фетра, с медной киверной бляхой, указывающей на принадлежность владельца головного убора к четвертому полку линейной пехоты Вестфальского королевства (рис. 2, на вклейке, с. 397).

К остаткам амуниции и униформы относятся фрагменты кожаных ремней и текстиля. Сохранившиеся фрагменты тканей относились к нижней одежде, так и к верхней одежде, в том числе мундирам. Последние отличались различной окраской – встречено сукно красного, синего, зеленого цвета. Не меньший интерес представляет армейская обувь – подбитые гвоздями кожаные ботинки и кожаные сапоги.

В погребениях также были обнаружены разнообразныя пряжки от ремней амуниции, ружейные кремни, пули, бытовые вещи: нательные крестики, фрагменты курительных трубок, костяной мундштук, российские и французские монеты. Именно французские монеты (5 франков серебром и 20 франков золотом), отчеканенные в 1811 и 1812 гг. (рис. 3, на вклейке, с. 397) в совокупности с данными письменных источников уточняют датировку массовых госпитальных захоронений, которые могли быть совершены осенью – зимой 1812–1813 гг. в период катастрофического отступления остатков Великой армии.

Комплекс материалов, полученный в 2006 г. при проведении спасательных археологических раскопок в Калининграде, представляет собой ценнейший археологический источник, а также уникальный информационный массив по антропологии населения Европы эпохи Великой Французской революции и Наполеоновских войн. Для научной обработки материалов захоронений была создана международная ассоциированная российско-французская лаборатория «Кёнигсберг 1812» под руководством профессора О. Дютюра и члена-корреспондента РАН А. П. Бужиловой. В нее вошли специалисты ИА РАН и Средиземноморского университета г. Марселя, а также университета г. Бордо, среди которых не только профессиональные антропологи и археологи, но также медики, стоматологи, генетики, молекулярные биологи.

Расположение захоронений указывает на лазаретный характер военного кладбища. Среди погребенных 96% индивидов – мужчины, при этом возраст

большей их части составляет 18–25 лет. Вероятно, немалую роль в гибели захороненных здесь людей сыграла эпидемия тифа, которая уничтожала не только остатки армии, но и мирное население города. Среди скелетов мужчин были встречены также останки нескольких женщин и детей. Возможно, это мирные жители Кёнигсберга, погибшие от тифа. В то же время нельзя исключать и то, что некоторое количество женщин и детей сопровождали Великую армию как в походе на Россию, так и в трагическом отступлении, о чем сообщают письменные источники различного происхождения. Кроме того, мальчики часто служили флейтистами или барабанщиками в пехотных подразделениях (Роос, 2004; Данилков, 2012).

Анализ длины тел погребенных мужчин, среди которых – очень высокие для своего времени люди (175–180 см), позволяет считать, что среди захороненных находились представители элитных подразделений Великой армии, отбор в которые проходил по особым стандартам. Подобные данные антропологических исследований хорошо коррелируются с археологическими материалами, среди которых – мундирные пуговицы императорской гвардии и пуговицы гвардейских полков Вестфальского королевства.

Во многих случаях удалось установить причины смерти военнослужащих Великой армии. Выявлены индивиды, больные тифом. При исследовании костных останков антропологами выявлены черепно-лицевые травмы от ранения холодным оружием, различные последствия ран конечностей; удалось определить специфические травмы, характерные для пехотинцев и кавалеристов. При оценке методов лечения травм и боевых ранений выявлены случаи ампутаций, проведенных в силу различных причин, в том числе, вероятно, и из-за обморожения конечностей (Хохлов, Бужилова, 2010).

Комплекс материалов, полученный при проведении исследований в Калининграде, представляет собой ценнейший археологический источник, на базе которого в настоящее время создается уникальный информационный массив по антропологии многонационального населения Европы эпохи Французской революции и Наполеоновских войн.

Информация, полученная на основании анализа археологических материалов, может быть существенно дополнена сведениями, содержащимися в письменных источниках. В «Секретном государственном архиве» Прусского культурного наследия в Берлине в фонде Генерального комиссариата по снабжению войск и фонде Регистратуры Лоттума по снабжению войск продовольствием выявлены документы о французских лазаретах, размещенных в Кёнигсберге и Восточной Пруссии в 1812 г. (Geheimes Staatsarchiv... I. HA. Nr. 77, Nr. 78, Nr. 130). Информация, зафиксированная на десятках страниц различных документов (распоряжений, рапортов, донесений, писем, реестров), написанных на старонемецком и французском языках, после археографической и лингвистической обработки позволит перейти к комплексному анализу всей совокупности источников.

Опыт проведения спасательных раскопок массовых госпитальных захоронений солдат и офицеров Великой армии в Калининграде может оказаться полезным для планирования и проведения исследовательских работ на других подобных объектах, которые в перспективе будут выявлены как в местах крупных

боев и битв, так и в местах расположения госпиталей и лазаретов. Перспективны в этом отношении Бородинское поле, Смоленск, Можайск, Малоярославец, Борисов, место переправы остатков Великой армии через Березину, Вильнюс, Каунас, Калининград, Багратионовск, Правдинск, Пултуцк, Гданьск и десятки других мест. Соблюдение при производстве полевых изысканий строгой научной методики, наличие в составе археологических экспедиций квалифицированных профильных специалистов (антропологов, палеозоологов, специалистов по истории униформы) обеспечивают максимально полный сбор научной информации при исследовании массовых захоронений.

ЛИТЕРАТУРА

- Гоняный М. И., Двуреченский О. В., 2013. История и некоторые методические подходы археологического изучения Бородинского сражения//«Сей день пребудет вечным памятником...»: Бородино 1812–2012: материалы Международной науч. конф., 3–7 сентября 2012 г. /Ред., сост. А. В. Горбунов. Можайск: Гос. Бородинский военно-исторический музей-заповедник. С. 331–348.
- Горбунов А. В., 2003. Историко-культурный ландшафт полей сражений как объект наследия//Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия: материалы Седьмой Всероссийской науч. конф. (Бородино, 18–21 ноября 2002 г.)/[Сост. А. В. Горбунов и др.]. М.: Ин-т наследия: Гос. Бородинский военно-исторический музей-заповедник. С. 22–34.
- Горбунов А. В., 2004. Научная концепция мемориально-ландшафтной экспозиции «Батарея Раевского»//Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы XI Всероссийской науч. конф./[Ред. А. В. Горбунов и др.]. Можайск: Гос. Бородинский военно-исторический музей-заповедник. С. 69–85.
- Данилков В. А., 2012. Русская армия в войне с Наполеоном I Бонапартом на территории Восточной Пруссии в XIX веке. Советск. 56 с.
- Иванов Н. И., 2007. Братские могилы и другие воинские захоронения 1812 года на Бородинском поле//Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: материалы X Международной науч. конф. (Москва, 26–27 апреля 2007 г.). М.: Кучково поле. С. 120–142.
- Козлов А. И., Скворцов К. Н., Хохлов А. Н., Бужилова А. П., Березина Н. Я., Шведчикова Т. Ю., Дедтур О., Реджит К., Ветт Т., 2009. Работы Самбийской экспедиции ИА РАН в Калининграде//АО 2006 года. М.: ИА РАН. С. 44–46.
- Роос Г., 2003. С Наполеоном в Россию: Записки врача Великой армии. М.: Наследие. 206 с.
- Спасская Н. Н., Янишевский Б. Е., 2013. Лошади из санитарного захоронения 1812 года в селе Бородине: вопросы идентификации//«Сей день пребудет вечным памятником...»: Бородино 1812–2012: материалы Международной науч. конф., 3–7 сентября 2012 г. /Ред., сост. А. В. Горбунов. Можайск: Гос. Бородинский военно-исторический музей-заповедник. С. 351–361.
- Хомченко С. Н., 2011. Археологические находки в западной части Бородинского поля как источник изучения Бородинского сражения//Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVI Международной науч. конф., 6–7 сентября 2010 г. /[Ред. А. В. Горбунов и др.]. Можайск: Гос. Бородинский военно-исторический музей-заповедник. С. 64–77.
- Хохлов А. Н., 2013. Исследования госпитальных массовых захоронений солдат и офицеров Великой армии Наполеона в Кёнигсберге//Каталог предметов периода наполеоновских войн из собрания Калининградского областного историко-художественного музея. Калининград. С. 4–5.
- Хохлов А. Н., Бужилова А. П., 2010. Братские могилы эпохи Наполеоновских войн в Калининграде//Институт археологии: новые полевые исследования/Под ред. Н. А. Макарова; [сост. О. С. Румянцева]. М.: ИА РАН. С. 106–107.

- Geheimes Staats archiv Preussischer Kulturbesitz. I. HA. Registratur Lottums über die Truppenverfleugung. № 77, № 78. General Kommissariat zur Truppenverfleugung. № 130.
- Lemaire F., 2005. 1803–1805: L'Armée Napoléonienne à Étaples le camp du Puits d'Amour. (Archéologie en Nord – Pas-de-Calais; № 12).
- Lemaire F., 2007. Le camp napoléonien du Puits d'Amour à Étaples.//Succellus. Dossiers Archéologiques et Culturels du Nord-Pas-de-Calais. № 58. P. 44–58.
- Horácková L., Vargová L., 1999. Bone remains from a common grave pit from the battle of Austerlitz (anthropology and paleopathology)//Journal of Paleopathology. Teramo. Vol. 11. № 3. P. 5–13.
- Kakl P., 2014. Military Mass Graves from Prague – Karlin//20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists: Abstracts of oral and Poster Presentations (10–14 September 2014, Istanbul-Turkey). Istanbul. P. 513.
- Khokhlov A. N., 2013. Étude de fosses communes de l'époque des guerres Napoléoniennes//Étude Napoléoniennes: Revue historique de la société de sauvegarde du château imperial de Pont-de-Briques, Quartier-Général de Napoleon Ier au Camp de Boulogne. 44. Tome V. Abbeville. 2013.
- Khokhlov A. N., 2014. Mass Graves in Königsberg: The Period of the Napoleonic Wars//20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists: Abstracts of oral and Poster Presentations (10–14 September 2014., Istanbul-Turkey). Istanbul. P. 425–426.
- Signoli M., Vette T., Dutour O., Ardagna Y., 2008. Vilna 1812 – Vilnius 2002: Les oubliés de la retraite de Russie. Paris. 178 p.
- Zabiela G., 2014. Archaeological Evidence of Napoleon Campaign in Lithuania//20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists: Abstracts of oral and Poster Presentations (10–14 September 2014, Istanbul-Turkey). Istanbul. P. 425.

Сведения об авторе

Хохлов Александр Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: anhbalt@mail.ru.

A. N. Khokhlov

Investigations of mass hospital burials of soldiers and officers of Napoleon's Great army within the northern outline of the First rampart fortification in Königsberg

Abstract. The paper is devoted to publishing of the preliminary results of investigations of mass hospital burials of military personnel of Napoleon's Great army revealed within the fortification lines of Königsberg. Totally 12 burial trenches have been discovered. They contained mass burials of soldiers and officers, their death having been caused by combat injuries and diseases. Signs on metal uniform buttons give opportunity to establish the regiments' numbers and belonging of the military detachments to the troops of the countries – participants in Napoleon's Great army. The obtained materials are unique as the sources on the archaeology, war history and physical anthropology of the epoch of the Napoleonic wars.

Key words: mass hospital burials, archaeological finds, ammunition, uniform, Great army, Königsberg, 1812–1813

About the author

Khokhlov Aleksandr N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: anhbalt@mail.ru.

МЕТОДЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ И ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

М. Б. Медникова

РАДИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИИ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Резюме. В кратком обзоре рассматривается эволюция радиологических методов, которые использовались для изучения внутренней структуры археологических и палеоантропологических объектов. За 120 лет, прошедшие с момента открытия В. Ренгеном названного в его честь излучения, достигнут колоссальный прогресс в области радиологической визуализации. Сегодня цифровые радиологические методы позволяют получать цифровые и реальные копии объектов, без разрушения исследовать их внутреннюю структуру, в том числе на микроскопическом уровне.

Ключевые слова: пленочная рентгенография, компьютерная и микро-томография, КТ двойной энергии, микрофокусная рентгенография, радиологическая микроскопия, археология, палеоантропология.

Радиология или, как привычнее звучало в ранних работах, рентгенография – недеструктивный метод изучения внутренней структуры объектов, который может быть чрезвычайно информативным инструментом комплексного биоархеологического исследования.

Пленочная рентгенография

Первое исследование скелетных останков человека рентгеновским способом состоялось вскоре после открытия излучения Рентгеном (рис. 1) в 1895 г. (Brothwell et al., 1968. Р. 150; Рис.1). С. Калин (Culin) из Пенсильванского университета еще в 1897 г. начал серию экспериментов, сразу после приобретения университетом соответствующего оборудования. В мае этого же года он совместно с Ч. Л. Леонардом рентгенографировали перуанскую мумию из Пакамака.

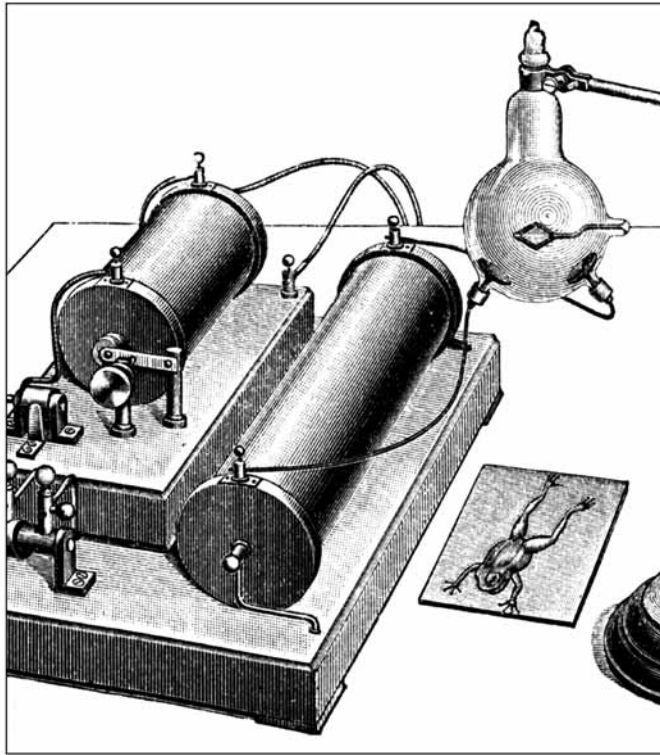

Рис. 1. Машина, сконструированная В. Рентгеном в 1895 г. (по: THERE, 2014. P.13)

Первая наиболее представительная серия рентгеновских изображений была получена на материале перуанских мумий и хранится ныне в университете Калифорнии в Беркли (Kroeber Archive). Сэр Ф. Петри также быстро оценил возможности использования рентгеновского метода в археологии, прежде всего, применительно к египетским мумиям (*Petrie, Griffith 1898*). В своем обширном исследовании Г. Эллиот Смит (*Smith, 1912*) описал мумии египетских царей. В 1903 г. египетским радиологом доктором Хаятом была отрентгенографирована мумия восьмого фараона 18 династии Тутмоса IV (*Ibid. P. 44*).

Традиционная (пленочная) рентгенография позволяла исследовать морфологические особенности скелета (например, внутреннюю массивность трубчатых костей); исследовать наличие индикаторов физиологического стресса (т. н. линий Гарриса); проводить дифференциальную диагностику палеопатологий (*Медникова, 1998*).

Рентгенологические исследования человека в отечественной науке составили отдельные направления в рамках медицины и физической антропологии современного населения. На основании прижизненных изображений кисти изучались феномен биологического возраста, закономерности роста детей и, напротив, постдефинитивных процессов старения; минерализация скелета; действие

физических нагрузок в разных профессиональных группах и у спортсменов. В процессе этих исследований были обнаружены адаптивные изменения скелета у обитателей экстремальных экологических ниш. Например, для аборигенов арктической зоны и высокогорья характерно увеличение пространства костного мозга, связанное с адаптацией к кислородному голоданию – гипоксии (Алексеева, Коваленко, 1980).

Замечательный пример применения классического рентгеновского метода к антропологическим материалам из археологических раскопок можно видеть в трудах крупнейшего отечественного клинициста и палеопатолога Д. Г. Рохлина. Опытный рентгенолог, Д. Г. Рохлин широко использовал метод в книге «Болезни древних людей» (1965).

Резкость и контрастность рентгеновского изображения – главные свойства, определяющие его качество. Возникающая на пленке теневая картина была тем резче, чем ближе объект исследования располагался к пленке и чем дальше от нее находился фокус рентгеновской трубки. Даже при применении острофокусных трубок это расстояние должно не менее чем в 5 раз превышать толщину исследуемого объекта, так как иначе будет наблюдаться неправильная передача соотношения между отдельными деталями его строения. С увеличением расстояния фокус-пленка увеличивалась и экспозиция. Существенным фактором, влияющим на качество пленки была правильная проявка, которая была весьма трудоемким занятием. Поэтому произошедший в последние годы переход на цифровые технологии, отказ от стадии проявки пленок – чрезвычайно важное достижение.

Компьютерная томография

Первый опыт применения КТ в палеоантропологии в нашей стране был произведен в 2006 г., когда в Центральном Институте Травматологии и Ортопедии (ЦИТО) на компьютерном томографе СТ Aura Philips нами была обследована правая кость кузнеца из Пепкинского кургана абашевской археологической культуры эпохи бронзы. Томография – метод лучевой диагностики, связанный с послойным получением рентгеновских снимков интересующей области исследования, позволила получить аксиальные срезы толщиной от 1 мм и их реконструкции толщиной до 0,2 мм. Определение расстояний между анатомическими точками производилось в программе Centricity DICOM Viewer (version 2,2, 2004).

Результаты этого исследования, опубликованные подробно много позже (Добровольская, Медникова, 2011), свидетельствуют о влиянии тяжелого физического труда на гипертрофию скелетной системы. На поперечном срезе костного диафиза наблюдается заметное утолщение стенок, достигающее чрезвычайных величин в латеральном квадранте, что можно ассоциировать с костным разрастанием в месте прикрепления дельтовидной мышцы.

Сегодня КТ и ее разновидность микрофотография – компьютерная томография небольших объектов с высоким разрешением – стали рутинной процедурой в антропологических исследованиях в нашей стране и за рубежом. Компьютерная томография и микрофотография позволяют сегодня антропологам и археологам получать цифровые 3D копии уникальных объектов, неdestructивным способом изучать внутреннюю структуру, создавать базы данных послойных изображений.

Новые возможности появляются благодаря изобретению технологий трехмерной печати. После компьютерной томографии археологических артефактов можно получить их точную или масштабную копию, напечатанную на 3D принтере.

Компьютерная томография двойной энергии – метод, позволяющий определить химический состав объектов

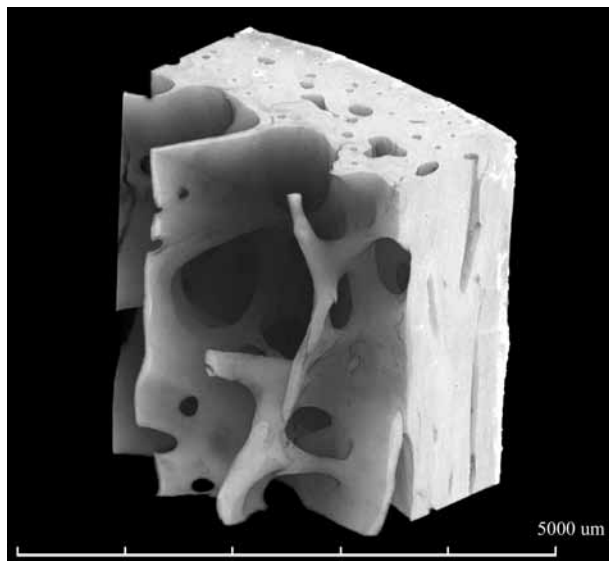
Метод двухэнергетической компьютерной томографии создан в последние годы. Недостатком обычной КТ является ограниченная возможность охарактеризовать структуру изучаемых объектов. Анализ основывается только на показателях рентгеновской плотности, оцениваемой в единицах Хаунсфилда. Двухэнергетическая КТ повышает возможности качественного и количественного рассмотрения изучаемых структур. Одновременное получение объемов данных с высокой и низкой энергией на трубке позволяет при постобработке разделить сигналы от целого ряда веществ (например, кальция, мочевиной кислоты, йода, воды, металла и др.), что помогает изучать структуру объектов и органов более полно, вплоть до генерализованного определения их химического состава. В современной клинике два рентгеновских спектра при КТ применяются, например, при диагностике коронарных заболеваний или начальных стадий острой подагры, при определении причин мочекаменной болезни. Но метод мог быть использован и для косвенной денситометрической оценки, поскольку он позволяет количественно и без разрушения объекта определить минеральный состав скелета.

В 2011 г. метод впервые в практике палеоантропологических исследований применялся для анализа разрозненных и фрагментарных ископаемых костей из пещеры Окладникова (*Синицын и др., 2011*). Сканированию подверглись кости глубокой древности из археологических раскопок на Алтае. Предварительно по совокупности генетических и морфологических особенностей была доказана принадлежность останков неандертальцам (*Медникова, 2011*). Фрагменты костей происходили из разных геологических слоев, хотя данные антропологии указывали на принадлежность останков ограниченному числу особей. Совпадение показателей минеральной насыщенности, выявленное путем сравнения уровней концентрации солей кальция и мочевиной кислоты, подтвердило принадлежность нескольких фрагментов одному человеку.

Цифровая микрофокусная рентгенография

Особенно пристальное внимание привлекает специальная методика рентгеновского исследования – микрофокусная рентгенография (МР) с прямым многократным увеличением рентгеновского изображения. В 2007 г. она впервые была использована при изучении палеоантропологических материалов для детального описания палеопатологий и дифференциальной диагностики заболеваний (*Бужилова и др., 2008*), затем показала свою эффективность в разграничении «анатомически современных» и «архаических» ископаемых людей (*Медникова и др., 2013*).

МР предполагает получение рентгеновских изображений различных объектов с помощью источников излучения, размер фокусного пятна которых не превышает 0,1 мм. Отличительной особенностью таких рентгеновских аппаратов

Рис. 2. Трехмерное изображение стенки мелкой трубчатой кости ископаемого человека эпохи среднего палеолита с территории Алтая, полученное неdestructивным методом, с помощью радиологической микроскопии

является повышенной разрешающая способность и получение прямого рентгеновского увеличения объектов до 10–15 раз при сохранении резкости изображения. Этот метод создает уникальные возможности для детального рассмотрения мелких артефактов, часто встречаемых в археологических раскопках. Он значительно превосходит по качеству стандартные рентгенологические исследования. В настоящий момент серийные исследования методом МР на базе ИА РАН проводятся с использованием многоцелевой стационарной рентгеновской установки ПРДУ-02 (производство компании ЭЛТЕХ-Мед, Санкт-Петербург) и сканера для оптического считывания рентгеновской информации с электронной матрицы HD-CR-35 NTD/CR 35 NDT (Германия).

Радиологическая микроскопия

Наиболее совершенным методом, сочетающим преимущества микрофотографии и неdestructивную микроскопию, с 2012 г. стала радиологическая микроскопия, позволяющая изучать структурные особенности объектов с увеличением до микронов в двухмерной и трехмерной плоскости (рис. 2). В пилотном исследовании она была применена к уникальному объекту – фаланге кисти ископаемой девочки из раскопок в Денисовой пещере на Алтае, причем томограмма реконструировалась по 4321 проекциям, а размер вокселя составил 9,2814 мкм (*Mednikova et al.*, 2013). Сегодня РМ позволяет изучать приспособительные особенности древнего и ископаемого населения (*Mednikova, Dobrovolskaya*, 2014).

Таким образом, менее чем за 120 лет развития радиологического метода исследования достигнут колоссальный технический прогресс в изучении внутренней структуры объектов, и эти достижения в полной мере могут быть использованы в изучении археологических и палеоантропологических материалов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Т. И., Коваленко В. Ю.*, 1980. Морфофункциональная характеристика посткраниального скелета азиатских эскимосов. // Палеоантропология Сибири / Ред.: А. П. Окладников, В. П. Алексеев. М.: Наука. С. 131–153.
- Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б., Потрахов Н. Н., Потрахов Е. Н., Грязнов А. Ю.*, 2008. Применение микрофокусной рентгенографии при диагностике заболеваний древнего человека // Петербургский журнал электроники. № 2–3. С. 152–162.
- Добровольская М. В., Медникова М. Б.*, 2011. «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса // АЭАЕ. № 2(46). С. 143–156.
- Медникова М. Б.*, 1998. Рентгенография костей человека в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад. С. 182–202.
- Медникова М. Б.*, 2011. Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода Номо из пещеры Окладникова на Алтае. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 127 с.
- Медникова М. Б., Потрахов Н. Н., Бессонов В. Б.*, 2013. Применение микрофокусной рентгенографии в разграничении ископаемых представителей рода Номо с архаической и современной морфологией // Биотехносфера. № 4(28). С. 51–55.
- Синицын В. Е., Медникова М. Б., Меришина Е. А., Васильева Е. С.*, 2011. Опыт применения компьютерной томографии двойной энергии для изучения костных остатков неандертальцев из пещеры Окладникова на Алтае: // Медникова М. Б. Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода Номо из пещеры Окладникова на Алтае. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 115–125. (Приложение 2)
- Рохлин Д. Г.*, 1965. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные). М.; Л.: Наука. 303 с.
- Brothwell D. R., Molleson T., Metreveli C.*, 1968. Radiological aspects of normal variation in earlier skeletons: an exploratory study // The Skeletal Biology of Earlier Human Populations. Symposia of the Society for the Study of Human Biology. V. 8 / Ed. D. R. Brothwell. Oxford: Pergamon Press. P. 149–172.
- Mednikova M., Dobrovolskaya M.*, 2014. Vascular system development of small tubular bones of Neanderthals from Altai caves // Proceedings of the European Society of Human Evolution 3, Florence, 2014. P.115.
- Mednikova M. B., Dobrovolskaya M. V., Viola B., Lavrenyuk A. V., Kazansky P. R., Shklover V. Y., Shun'kov M. V., Derevianko A. P.*, 2013. A micro computerized tomography (X-ray microscopy) of the hand of the Denisova girl // АЕАЕ. Vol. 3. P.120–125.
- Petrie F. W. M., Griffith F. L.*, 1898. Deashasheh, 1897: Fifteenth Memoir of the Egyptian Exploration Fund. London: Egyptian Exploration Fund. 51 p.
- Smith G. E.*, 1912. The Royal mummies. (Catalogue Général des Antiquités Égyptiennes du Musée du Caire. Nos. 61051–61100). Le Caire: Imprimerie de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. 118 p.
- THERE // AGFA Healthcare. November 2014. Edition 17. Belgium: Mantsel. 35p.

Сведения об авторе

Медникова Мария Борисовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: medma_pa@mail.ru.

M. B. Mednikova

Radiological methods in palaeoanthropology and archaeology:
development dynamics

Abstract. The paper provides a brief review of evolution of radiological methods used in research of the internal structure of archaeological and palaeoanthropological objects. Within 120 years that have passed since discovery of X-radiation (named after its discoverer Wilhelm Roentgen) an enormous progress has been achieved in the field of radiological visualization. Now application of digital radiological methods allows obtaining both digital and real copies of objects, their internal structure being fully preserved, including microscopic investigations.

Key words: film radiography, computer and micro-tomography, CT dual energy, microfocus radiography, radiologic microscopy, archaeology, palaeoanthropology.

About the author

Mednikova Mariya B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: medma_pa@mail.ru.

А. В. Энговатова, М. Б. Медникова, О. А. Радюш, А. С. Пилипенко,
Т. Ю. Шведчикова, И. К. Решетова, Е. Е. Васильева

КОМПЛЕКСНЫЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ НА ОБЪЕКТЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ
«МОГИЛА ЕРМОЛОВА АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА
(1772–1861 гг.)» В г. ОРЛЕ

Резюме. Комплексные междисциплинарные исследования захоронений генерала А. П. Ермолова, его отца и сына, проведенные Институтом археологии РАН в г. Орле, иллюстрируют расширение источниковой базы современной археологии. Определен археологический контекст захоронений, установлено, что на протяжении XX в. могилы неоднократно были потревожены. Антропологические исследования способствовали идентификации погребенных; оценено состояние их здоровья, степень и характер физической активности. Реконструирован внешний облик отца и сына генерала Ермолова. Методом геометрической морфометрии проведено сопоставление результатов антропологической реконструкции и известного портрета Дж. Доу, изображающего А. П. Ермолова. Установлено особое сходство отца и сына генерала А. П. Ермолова, не заметное при рассмотрении прижизненных портретов. Палеогенетический анализ по всем проанализированным маркерам родства однозначно свидетельствует о прямом родстве по мужской линии между тремя индивидами. Кроме того, наличие в одном из образцов варианта гаплогруппы H2a1 подтверждает принадлежность останков Ермолову Клавдию Алексеевичу, поскольку это совпадает с историческими данными о происхождении его матери из Дагестана.

Ключевые слова: город Орел, Троицкая церковь, Ермоловы, склепы, комплексное биоархеологическое исследование, палеогенетика, XIX в.

Введение

В последние годы в российской и мировой археологии можно констатировать расширение источниковой базы. Это происходит, прежде всего, за счет привлечения широкого спектра естественнонаучных методов, переживающих интенсивное развитие. Кроме того, раздвигаются хронологические рамки деятельности археологов. Сегодня они включают исследования объектов, которые раньше считались слишком поздними. Вместе с тем, именно археология располагает необходимой методической и теоретической базой для исследования таких материалов. Аналогичным образом палеоантропология, палеогенетика могут использовать свои достижения в изучении ранних эпох в экспертной работе, к которой традиционно привлекались преимущественно судебные медики. Комплексный подход особенно важен при изучении захоронений известных исторических лиц.

Настоящая публикация посвящена главным результатам археологического обследования склепов семьи Ермоловых. Алексей Петрович Ермолов (24 мая (4 июня) 1777, Москва — 11 (23) апреля 1861, (Москва) — военачальник и государственный деятель, участник большинства крупных войн Российской империи с 1790-х по 1820-е гг., в т. ч. Польского восстания 1794 г., Войны третьей, четвертой и шестой коалиции; русско-персидских войн; главнокомандующий во время Кавказской войны. Ермолов был похоронен в Орле, в особом приделе Троицко-Кладбищенской церкви. Рядом с ним покоятся его отец Пётр Алексеевич (1748–1832), сын генерал-майор Клавдий Алексеевич (1823–1895) и невестка Варвара Николаевна (1825–1897).

В декабре 2012 г. и июне 2013 г. отделом охранных раскопок Института археологии Российской Академии наук по просьбе Министерства культуры РФ были проведены работы с целью определения состояния погребений семьи Ермоловых и идентификации останков. Работа выполнялась в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Целью нашей работы было антропологическое исследование останков из склепов, их морфологическая и генетическая идентификация; выяснение обстоятельств и времени разграбления могил.

Методика

Учитывая большую историко-культурную ценность изучаемого объекта, а также общественный резонанс, вызванный его исследованиями, нашей главной задачей была максимальная тщательная археологическая и антропологическая фиксация.

На всех этапах раскопок велась детальная фоторегистрация, на основании которой, в частности, методом фотограмметрии была выполнена трехмерная модель захоронений. Антропологический анализ останков включал как стандартные, так и более современные методы (трехмерное сканирование черепа, геометрическая морфометрия, радиологическая микроскопия и др.). Генетическое исследование проведено в межинститутском секторе молекулярной палеогенетики Института цитологии и генетики СО РАН (г. Новосибирск) к.б.н. А. С. Пилипенко.

Результаты археологического исследования

В ходе археологических раскопок ИА РАН в г. Орле зафиксирован факт значительного разрушения останков в склепах П. А. и А. П. Ермоловых. Металлический гроб А. П. Ермолова был вскрыт, и содержимое его, за исключением фрагментов гроба, отсутствовало. Останки П. А. Ермолова сохранились в большей степени. В захоронении А. П. Ермолова зафиксированы кости, фрагменты гроба, а также фрагменты мундира. Сохранившиеся фрагменты чиновничьего и генеральского мундиров позволяют достаточно надежно идентифицировать погребенных как А. П. и П. А. Ермоловых. Вероятно, склепы были разграблены после 1938 г., однако последнее проникновение могло произойти в конце 1970-х гг., что связано с ремонтом церкви.

Было выявлено, что склеп К. А. Ермолова также подвергся разграблению. Металлический гроб К. А. Ермолова был вскрыт; кости, одежда и обувь погребенного были расположены между стенками склепа и металлическим гробом, а также под гробом. Последнее разграбление склепа К. А. Ермолова относится к периоду после 2004 г.

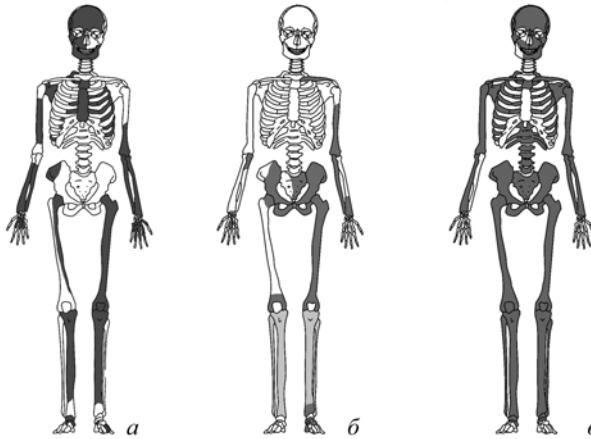
Результаты антропологического исследования

Антропологическими методами подтверждена принадлежность костей трем индивидам, все они были мужчинами старческого возраста (рис. 1). Это были люди крепкого телосложения, физически тренированные, не утратившие подвижности в преклонном возрасте.

По морфологическим признакам есть основания предполагать близкое кровное родство покойных. Так, идентична конфигурация нижнего эпифиза левой локтевой кости, большого обхвата достигает диафиз бедренной кости.

В итоге полевых работ в декабре 2012 и в июне 2013 г. обнаружили многочисленные посткраниальные останки разной степени фрагментации, которые могут быть идентифицированы как принадлежащие генералу Алексею Петровичу Ермолову. Представлены все отделы скелета, кроме черепа: кости плечевого пояса, парных нижних конечностей, тазового пояса, элементы грудной клетки. Биологический возраст индивидуума можно определить как старческий, но без комплекса далеко зашедших дегенеративно-дистрофических изменений. У индивидуума выявляется комплекс признаков, типичных для профессионального военного – кавалериста конца XVIII – XIX в. (*Бужилова*, 2008). Степень выраженности этих скелетных особенностей отражает раннее начало военной карьеры его обладателя, например, в драгунском или гусарском полку, в том возрасте, когда реактивность скелетной системы была еще высока, т. е. когда он был подростком. В пользу этого предположения говорит и высокий угол шейки бедра (признак, формирующийся до 18 лет при отсутствии пеших нагрузок), и степень изогнутости диафиза. Останки могут достаточно уверенно быть соотнесены с генералом Алексеем Петровичем Ермоловым.

Длина тела определялась в соответствии со стандартными рекомендациями (*Алексеев*, 1966), и для останков, ассоциируемых с захоронением Петра Алексеевича Ермолова, установлена по измерениям трех костей. Определения, полученные по локтевой и бедренной, практически совпадают – 179 и 178 см соответственно – и представляются более достоверными.

Рис. 1. Сохранность изученных скелетов:

а – П. А. Ермолов; *б* – А. П. Ермолов; *в* – К. А. Ермолов

Реконструкция длины тела по левой бедренной кости, предположительно, принадлежавшей А. П. Ермолову, составила 183,5 см, по левой локтевой кости – около 182 см. Длина тела Клавдия Алексеевича Ермолова, в связи с полной сохранностью его скелета, определялась по наибольшим длинам плечевой, локтевой, лучевой, бедренной, большеберцовой костей. По разным определениям она варьировала от 174 до 177 см.

Длина тела Петра Алексеевича Ермолова (свыше 178 см) и Алексея Петровича Ермолова (183,5 мм) соответствует параметрам так называемого «гвардейского роста», определявшегося как 2 аршина, 8 вершков – или 177,8 см.

Метод геометрической морфометрии (Павлинов, Микешина, 2002) позволил получить объективные данные о сходстве и различии трех поколений мужчин династии Ермоловых, устранив субъективные факторы, мешавшие оценке (прически, наличие бакенбардов и даже выражение лиц на прижизненных портретах и фотографиях). В связи с тем, что череп Алексея Петровича Ермолова при раскопках не найден, в этом анализе проводилось сопоставление реконструированных портретов его родственников с профильным прижизненным портретом А. П. Ермолова кисти Дж. Доу. Различия в форме профилей лица описывались как различия в размещении или взаимном смещении меток на объектах (рис. 2, на вклейке, с. 398). Так, при общем сходстве профиля, отражающем близкое родство трех индивидуумов, у Петра Алексеевича был более выступающий и удлиненный нос; у Алексея Петровича – самое развитое надбровье и выступающий подбородок, но нос короче. У Клавдия Алексеевича высокий лоб с не столь развитым надбровьем, удлиненный нос.

Результаты палеогенетического исследования

Были получены образцы от трех взрослых индивидов, предположительно Ермолова Петра Алексеевича (1747–1832) (образец ЕП), Ермолова Алексея Петровича (1777–1861) (образец ЕА), Ермолова Клавдия Алексеевича (1823–1895) (образец ЕК).

Образцы представлены фрагментами компактного костного вещества, выпиленными из длинных костей конечностей, размером $1 \times 1 - 1 \times 1,5$ см. Отбор образцов проводился сотрудниками Института археологии РАН (г. Москва). Образцы ЕА и ЕК содержат толстый слой компактного костного вещества, плотный, цвет изменен только в районе внешней поверхности кости. Таким образом, эти образцы демонстрируют высокий уровень макроскопической сохранности, обычно хорошо коррелирующий с сохранностью ДНК в останках. Образец ЕП отличался существенно более низким уровнем макроскопической сохранности, более тонким слоем компактного костного вещества, пористый, менее плотный. Изменение цвета по всей толщине образца указывает на большую степень воздействия на останки агентов внешней среды. Эти факторы обычно коррелируют с меньшим уровнем сохранности ДНК в останках.

Предварительная обработка костного материала и выделение ДНК

Образцы, полученные для исследования, могли подвергнуться поверхностной контаминации современной ДНК в ходе их раскопок и отбора материала для исследования. Химическую деконтаминацию осуществляли, помещая порции образца весом 0,1–0,15 г в раствор гипохлорита натрия на 3–5 минут с последующей отмывкой стерильной водой и этиловым спиртом. Затем удаляли части образцов, соответствующие костной поверхности. Образцы доводили до состояния мелкодисперсного порошка. Суммарную ДНК выделяли ранее апробированным методом. Полученный раствор ДНК хранили в замороженном состоянии при температуре 20°C.

В полученных экстрактах оценивали суммарную концентрацию ДНК и распределение длин фрагментов ДНК в экстракте. По данным параметрам, полученные экстракты демонстрировали признаки, характерные для древней ДНК: низкую концентрацию ДНК и увеличенную обратную зависимость между длиной фрагментов и их концентрацией в экстракте. При этом образцы ЕА и ЕК проявляли признаки лучшей сохранности ДНК, чем ЕП, ДНК в котором оказалась сильно деградированной (крайне низкое содержание фрагментов длиной около 100 п. н. и выше). Это коррелирует с нашей оценкой макроскопической сохранности останков.

Молекулярно-генетический анализ

Молекулярно-генетическое исследование останков включало анализ нескольких типов генетических маркеров, позволяющих выявить прямое родство индивидов: 1. Анализ митохондриальной ДНК (мтДНК) – для определения возможного родства по материнской линии. Используются апробированные нами ранее методы анализа мтДНК. 2. Анализ профиля STR-локусов Y-хромосомы – для определения возможного родства индивидов по мужской (отцовской линии). Анализ выполнен с помощью набора AmpFISTR® Yfiler® PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США), согласно инструкции производителя. 3. Анализ профиля аутосомных STR-локусов (универсальный маркер прямого родства. 4. Анализ маркера половой принадлежности останков (полиморфизм гена амелогенина), осуществляется одновременно с анализом профиля аутосомных STR-локусов. Анализ профиля аутосомных

STR-локусов и половой принадлежности останков выполнен с помощью набора AmpFISTR® Profiler Plus® PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США), согласно инструкции производителя.

Необходимо отметить, что плохая сохранность ДНК в образце ЕП позволила получить лишь частичные профили STR-локусов аутосом и Y-хромосомы. Приведенные ниже выводы для образца ЕП основаны на этих неполных данных.

Полученные результаты позволяют сделать несколько выводов:

1. Установлен мужской пол всех исследованных индивидов.
2. Профили аутосомных STR-локусов свидетельствуют, что пары индивидов ЕП и ЕА, ЕА и ЕК являются прямыми родственниками, а ЕП и ЕК – не являются прямыми родственниками.
3. Все исследованные индивиды характеризуются разными гаплотипами мтДНК. Следовательно, они не являются прямыми родственниками по материнской линии.
4. Все исследованные индивиды характеризуются идентичным профилем STR-локусов Y-хромосомы (т. е. относятся к одному и тому же структурному варианту нерекombинируемого участка Y-хромосомы). Следовательно, эти индивиды могут быть прямыми родственниками по мужской линии.

Таким образом, данные по всем проанализированным маркерам родства однозначно свидетельствуют о прямом родстве по мужской линии между индивидами ЕП-ЕА-ЕК, что согласуется с принадлежностью останков представителям трех поколений семьи Ермоловых.

Филогеографический анализ структурного варианта мтДНК, обнаруженного в образце ЕК, дает дополнительные свидетельства принадлежности останков Ермолову Клавдию Алексеевичу. Структурный вариант с единственной заменой в ГВС1 мтДНК в положении 16 354 относится к гаплогруппе H2, а именно к ее субкластеру H2a1. Этот структурный вариант мозаично встречается в различных регионах Европы. Однако гаплогруппа является одним из основных компонентов генофонда мтДНК народов Дагестана. Мать Ермолова Клавдия, кебинная жена генерала А. П. Ермолова Токай, родом из Карабудахкентского района Дагестана. Таким образом, наличие в образце ЕК варианта гаплогруппы H2a1 косвенно подтверждает принадлежность останков Ермолову Клавдию Алексеевичу.

Подводя итоги, следует отметить, что тщательная археологическая фиксация и широкий спектр методов изучения костных останков позволили с высокой степенью достоверности определить принадлежность захоронений в семейном склепе Ермоловых, потревоженном вандалами.

Благодарности

Авторы выражают благодарность сотрудникам Орловского областного краеведческого музея: директору А. С. Минакову, зам. директору по научной работе В. В. Скобелеву, ст. научному сотруднику А. В. Тихомирову, научному сотруднику С. А. Плахову, мл. научному сотруднику Д. А. Панько. Антропологические реконструкции отца и сына генерала А. П. Ермолова выполнены к.б.н. Е. В. Веселовской (Институт этнологии и антропологии РАН).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П.*, 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 251 с.
- Бужилова А. П.*, 2008. К вопросу о распространении традиции верховой езды: анализ антропологических источников // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Сборник статей.* М.: Параллели. Вып. 6. С.110-120.
- Павлинов И. Я., Микешина Н. Г.*, 2002. Принципы и методы геометрической морфометрии // *Журнал общей биологии.* Т.63. № 6. С. 473-493.

Сведения об авторах

- Энгватова Ася Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: engov@mail.ru;
- Медникова Мария Борисовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: medma_ra@mail.ru;
- Радюш Олег Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова 19, Москва 117036, Россия; e-mail: radjush@mail.ru;
- Пилипенко Александр Сергеевич, Институт цитологии и генетики СО РАН, пр. ак. Лаврентьева, 10, Новосибирск, 630090, Россия; e-mail: alexpil@bionet.nsc.ru;
- Шведчикова Татьяна Юрьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: tashved@gmail.com;
- Решетова Ирина Константиновна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: reshetovairina@yandex.ru;
- Васильева Елена. Евгеньевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: Veda_lv@mail.ru.

*A. V. Engovatova, M. B. Mednikova, O. A. Radyush, A. S. Pilipenko,
T. Yu. Shvedchikova, I. K. Reshetova, Ye. Ye. Vasilyeva*

Complex interdisciplinary research at the object
of cultural heritage of Federal importance
«Grave of General Aleksey Petrovich Yermolov» (1772–1861)

Abstract. Complex interdisciplinary investigations of burials of General A. P. Yermolov, his father and son were carried out by the Institute of Archaeology, RAS, in the city of Orel. The data show increase of source base of modern archaeology. The archaeological context of the burials has been recorded; it was established that the graves were disturbed more than once during XX century. Anthropological methods were used to identify personalities of the dead and establish their state of health, level and character of physical activity. Physical appearances of General Yermolov's father and son were reconstructed. The results of anthropological reconstruction of General Yermolov's appearance were compared with his features on the portrait by G. Dawe. Special resemblance of General Yermolov's father and son was revealed, though not evident in their lifetime portraits. Palaeogenetic analysis by kinship markers proves direct kinship of the three individual through the male line. Also, presence of haplogroup H2a1 variant in one sample confirms attribution of the remains to Klavdy Alekseyevich Yermolov, this fact correlates with the historical data on the Dagestan origin of his mother.

Key words: city Orel, Trinity church, Yermolovs family, family vaults, complex bioarchaeological research, palaeogenetics, XIX century

About the authors

- Engovatova Asya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: engov@mail.ru;
- Mednikova Mariya B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: medma_pa@mail.ru;
- Radyush Oleg A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow 117036, Russian Federation; e-mail: radjush@mail.ru;
- Pilipenko Alexander S., Institute of cytology and genetics, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ac. Lavrentiev av., 10, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: alexpil@bionet.nsc.ru;
- Shvedchikova Tatyana Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: tashved@gmail.com;
- Reshetova Irina K., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: reshetovairina@yandex.ru;
- Vasilyeva YelenaYe., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: Veda_lv@mail.ru

Т. Ю. Шведчикова

О ФАКТОРАХ СОХРАННОСТИ КОСТНОЙ ТКАНИ В ПОГРЕБЕНИЯХ

Резюме. В статье речь идет о факторах сохранности костной ткани скелета человека в пространстве погребения. Рассматриваются возможные процессы, которые приводят к утрате элементов костяка, акцентируется внимание на необходимости использования тафономического анализа при исследовании захоронений. Приведены примеры из полевой практики.

Ключевые слова: сохранность костной ткани, антропологический источник, тафономия.

В данной заметке хотелось бы обратиться к такой методически важной теме как информативность антропологического источника и факторам, на нее влияющим. Прежде чем приступить к исследованию любой древней популяции, нам нужно оценить уровень информативности костного материала, т. е. ту связь, которая существует между древним населением и имеющейся в нашем распоряжении остеологической коллекцией. От этого зависит, насколько точными в конечном итоге будут наши реконструкции. Достаточно часто перед исследователем-антропологом стоит задача изучения человеческих останков неполной или частичной сохранности. На степень сохранности костной ткани влияет целый ряд причин, которые, по сути дела, можно разделить на две основные группы: природные и антропогенные. К антропогенным факторам мы относим особенности погребального обряда и постпогребальной практики, как-то, например:

погребение по типу кремации, вторичное перезахоронение костяка, выставление трупа и его последующее захоронение, подзахоронение в семейную могилу, ограбления захоронения. Анатомическая целостность скелета в этом случае может быть нарушена вследствие перечисленных действий, а отдельные части костяка могут попросту не сохраниться. В литературе и археологических отчетах иногда приходится сталкиваться с ситуацией, когда автор переоценивает преднамеренное влияние антропогенных факторов на целостность скелета, в результате чего создается ошибочная интерпретация. Такая ситуация, на мой взгляд, складывается при описании традиции преднамеренного разрушения костяка погребенного в результате так называемых «обрядов обезвреживания» (Флёров, 2007; Бондаренко, Грушин, 2013). В ряде случаев заключения о подобных манипуляциях делаются без привлечения антропологических свидетельств и проведения специального анализа. Вместе с тем, стоит обратить большее внимание на вторую составляющую, которая оказывает влияние на сохранность антропологического источника, – это природные факторы. Останки умершего подвергаются целому ряду естественных процессов деструкции (аутолиз и гниение), в разложении участвуют насекомые и микроорганизмы, внешнее воздействие оказывают животные и корни растений, доступ кислорода, влажность и тип грунта, кислотность почвы. Все перечисленные условия в сочетании с особенностями конструкции погребального пространства могут дать картину, схожую с преднамеренным нарушением анатомического порядка.

В этой связи необходимо обратить внимание на важность использования тафономического анализа при исследовании костных останков. Сам термин «тафономия» (от греч. *Τάφος* – «могила, погребение» и *νόμος* – «закон») ввел в научный оборот талантливый русский ученый-палеонтолог И. А. Ефремов. Тафономию можно определить как изучение закономерностей перехода органических останков из биосферы в литосферу. «...тафономия, – по определению автора, – расположена на границе палеонтологии, объединяя ее с геологией, биологией в один био-геологический исторический метод исследования...» (Ефремов, 1950. С. 3). Благодаря публикации в 1940 г. статьи в журнале «Pan-American Geologist» И. А. Ефремова во всем мире по праву считают основателем тафономии (Ефремов, 1940). Концепция и термин были впоследствии восприняты палеоботаниками, зооархеологами и палеоантропологами применительно к изучению животных и человеческих останков и широко используется в современном комплексном исследовании.

Говоря о тафономических процессах, следует иметь в виду естественные изменения, происходящие с костными останками. Понимание этих процессов и их анализ, позволяет нам получить дополнительную информацию при непосредственном исследовании захоронения специалистами, а также при последующей реконструкции погребального обряда.

Так, тщательное изучение санитарных захоронений, обнаруженных в результате проведения охранных работ в 2010 г. на территории Государственного военно-исторического музея-заповедника Бородино, позволили реконструировать очередность и время погребения убитых в результате Бородинского сражения 1812 г. Свидетельства Наполеоновской кампании по завоеванию Европы многочисленны. Исследование ряда коллективных захоронений на территории России, Литвы, Франции и Германии не только дополняют письменные исто-

рические свидетельства, но и могут служить самостоятельным источником для изучения населения Европы XIX в.

Два участка захоронений 1812 г. обнаруживаются на территории Бородинского комплекса. Яма 44 в раскопе «Усадьба» из-под разрушенной постройки (амбара?) на каменном валунном основании относилась к хозяйственным постройкам усадьбы XVIII в. Яма 2 (второй участок) – погреб с деревянным креплением стенок (3,8×4,2 м) на раскопе «Мойка» – содержала останки трех индивидов. Останки двух мужчин (17–19 и 25–29 лет) были разбросаны и перемешаны. В заполнении обнаружены пуговицы 106-го и 20-го французских полков. На первый взгляд, такая хаотичная картина могла свидетельствовать о внешнем вмешательстве: анатомическую целостность могли непреднамеренно нарушить звери или, преднамеренно, люди. Но отсутствие характерных следов погрызов, нахождение в сочленении костей стоп большеберцовой и малоберцовой костей, а также тот факт, что на одном стратиграфическом уровне с первыми двумя погребенными находился мужчина 25–29 лет в анатомическом порядке, ориентированный головой на восток, говорил об одномоментном захоронении всех трех индивидов. Таким образом, изначальные условия были таковы, что индивиды № 1 и 2 находились в стадии активного процесса разложения мягких тканей и были погребены по прошествии времени после битвы по частям, что вполне соотносится с архивными свидетельствами о погребальной кампании после Бородинского сражения.

Что касается природных условий, в которых совершается захоронение, то широко известна интерпретация погребального комплекса Саттон Ху (Саффолк, VI–VII вв. н. э.) в Англии как кенотафа, пока химические исследования грунта из пространства погребения не доказали крайнюю степень агрессивности почвы по отношению к органическим останкам и полное «растворение» костей погребенных (*Bethell, Carver, 1987. P.10*). Схожие тенденции обнаруживают и некоторые погребальные памятники Таманского полуострова, как, например, курганные могильники Волна 307, Волна 306А, Волна 306Б, исследованные в ходе полевого сезона 2014 г. Сочинским отрядом ИА РАН (рук. работ: Р. А. Мимоход, П. С. Успенский, открытый лист № 155). Захоронения по вещевому комплексу и особенностям погребальных сооружений датируются эпохой бронзы и периодом античности. Отличительной особенностью комплексов стала крайне неудовлетворительная сохранность костной ткани погребенных, которая в ряде случаев делала невозможным проведение половозрастных определений и затрудняла анатомическое определение фрагментов. Причиной мог служить как изначальный химический состав почв, так и хозяйственная деятельность человека, связанная с применением удобрений (памятники располагаются на территории виноградников). Этот вопрос требует дальнейшего исследования, как и влияние внешних факторов на сохранность органической составляющей кости и возможность последующего применения изотопных методов исследования.

Таким образом, в настоящее время все более распространенной становится практика комплексного полевого исследования археологических памятников с привлечением целого корпуса специалистов смежных дисциплин. Решение проблемы сохранности костной ткани человека невозможно без привлечения естественнонаучных методов и требует согласованных действий ряда специалистов с обязательными лабораторными исследованиями.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко А. В., Грушин С. П., 2013. Нарушенные погребения елунинской культуры эпохи бронзы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Том 12. Вып. 5: Археология и этнография. С. 170–181.
- Ефремов И. А., 1950. Тафономия и геологическая летопись. М.: АН СССР. 179 с. (Труды палеонтологического института; Т. XXIV.)
- Флёров В. С., 2007. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. – IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. – XIV в. н. э. М.: Таус. 372 с.
- Bethell P. H., Carver M. O. H., 1987. Detection and enhancement of decayed inhumations at Sutton Hoo // Death, decay and reconstruction: approaches to archaeology and forensic science / Eds.: A. Boddington, A. N. Garland, R.C. Janaway. Manchester: Manchester University Press. P. 10–21.
- Efremov I. A., 1940. Taphonomy: new branch of paleontology // Pan-American Geologist. Vol. 74. P. 81–93.

Сведения об авторе

Шведчикова Татьяна Юрьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: tashved@gmail.com.

T. Yu. Shvedchikova

On the factors affecting preservation of bone tissue in burials

Abstract. The paper discusses the factors which determine preservation of human skeleton within the space of burial. Some processes are considered that might cause loss of skeletal elements, with special stress on the necessity of application of taphonomic analysis, when investigating burial complexes. Some examples from field practice are published.

Key words: preservation of bone tissue, anthropological source, taphonomy

About the author

Shvedchikova Tatyana Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: tashved@gmail.com.

М. В. Добровольская, Е. А. Клешенко,
Е. С. Богомолов, С. Д. Захаров

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ИЗОТОПНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ИЗУЧЕНИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КРЕМАЦИЙ

Резюме. Изучение материалов кремации в контексте археологических памятников – актуальная область исследований, которая развивается на базе применения новых методических подходов. Исследовались образцы кремированной костной

ткани из 4 археологических памятников: могильников Чагода-I, Варшавский шлюз, Кладовка I и II. В задачи исследования входило получить $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ соотношения. Это изотопное соотношение отражает специфику местных геологических условий. Полученные данные позволили выявить индивидов местного происхождения и недавних мигрантов с более отдаленных территорий.

Ключевые слова: материалы кремации, изотопы стронция, могильники I тыс. н. э., миграции.

Изучение материалов кремации в контексте археологических памятников – актуальная область исследований, которая развивается на базе применения новых методических подходов. Преобладание погребальных обрядов с трупосожжениями в I тыс. н. э. в Европе в целом и в Восточной Европе, в частности, делает эту область особенно значимой для изучения процессов культурной дифференциации населения. Как правило, в публикациях археологических памятников с материалами кремаций отсутствует подробная формализованная информация о самом материале. Лишь в некоторых работах можно обнаружить данные о половозрастном составе погребенных (например: *Алексеева*, 1975. С. 268; *Гусаков*, 2010. С. 235–237; *Добровольская*, 2010. С. 215; *Мастыкова, Добровольская*, 2013. С. 75–76). В последние годы стали появляться публикации, в которых большое внимание уделяется подробной планиграфии фрагментов кремированных костей в погребениях. Планомерные исследования могильников Монино II и Владышнево II (Вологодская область), Шекшово-9 (Ивановская область) (*Макаров, Зайцева*, 2003; *Археология...*, 2007; *Макаров и др.*, 2013), Кладовка I и Кладовка II (Вологодская область) (*Захаров, Меснянкина*, 2011; 2012), Шурово и Лужки-Е (Московская область) (*Сыроватко и др.*, 2012; 2013б), Соколова Пустынь (Московская область) (*Потемкина и др.*, 2013) благодаря применению новейших методик раскопок позволяют максимально подробно зафиксировать планиграфию и стратиграфию кремаций, выявить некоторые детали погребального обряда, характерные для пока ещё малоизвестного феномена поверхностных кремационных погребений.

Большинство погребальных кремаций представляют собой относительно небольшие скопления костей. Очевидно, большая часть останков с погребального костра не попадала в захоронения.

В последние десятилетия использование ряда изотопных инструментов для реконструкции образа жизни древних и средневековых коллективов получило широкое распространение в мировой археологической практике (например: *Grupe et al.*, 2012). Один из таких методов основан на анализе данных о соотношении $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в костной ткани и эмали зубов людей и животных из археологических памятников. Способность этого соотношения в минерализованных тканях и веществах отражать геологическую специфику места обитания используется в биоархеологических реконструкциях степени мобильности древнего населения или фауны, а также для выявления недавних мигрантов. В связи со спецификой свойств и сохранности кремированных останков, связанных с высокой термической обработкой костей во время горения погребального костра, возможно исследование только минеральной

части скелетных тканей, что делает изотопный анализ одним из наиболее перспективных.

В анализ были включены образцы костной ткани из 4 археологических памятников, расположенных на территории западной части современной Вологодской области: 6 образцов (№ 1–6) костей шести различных индивидов из двух погребальных сооружений – «домиков мертвых» (коллективных захоронений, совершенных по обряду кремации) могильника Чагода-I (III в. до н. э. – V в. н. э.) (*Башенькин, Васенина, 2011*); 1 образец (№ 7) кости человека из индивидуального захоронения кургана из могильника Варшавский шлюз I (КПДК, V–IX вв. н. э.) (*Башенькин, 1995*); образец кости человека (№ 8) и образец кости животного (№ 9) грунтового могильника Кладовка II (конец X – первая половина XI в.) (*Захаров, Меснянкина, 2011; 2012*) образец кости человека (№ 10) и образец кости животного (№ 11) грунтового могильника Кладовка I (конец IX – X в.) (*Захаров, Меснянкина, 2011; 2012*). Все указанные погребальные памятники находятся на относительно небольшом расстоянии друг от друга, не превышающем 150 км. Могильники Кладовка I и II принадлежат одному поселению – Крутик, хорошо известному в археологической литературе. В задачи нашего исследования входило получить данные о величинах $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ соотношения и оценить однородность/разнообразие этих показателей.

Описание материалов кремации проводилось по стандартизированной методике, апробированной ранее (*Добровольская, 2010; Клещенко, 2013; Сыроватко и др., 2013а; Потемкина и др., 2013; Wahl, Kokabi, 1988*) с добавлением параметров температурной дефиниции, разработанных на массовом биоархеологическом материале (*Wahl, 1981; Wahl, Kokabi, 1988; Walker, Miller, 2005*) (табл. 1).

Изотопный анализ Sr производился на мультиколлекторном масс-спектрометре TRITON в статическом режиме. Коррекция на изотопное фракционирование стронция производилась при помощи нормализации измеренных значений по отношению $^{88}\text{Sr}/^{86}\text{Sr} = 8.37521$. Нормализованные отношения приводились к значению $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr} = 0.71025$ в международном изотопном стандарте NBS-987. Аналитические работы выполнены в ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского (Санкт-Петербург).

Полученные значения стронциевого соотношения представлены на графике 1. Хорошо видно, что большая часть выборки характеризуется плавной изменчивостью в рамках значений 0,713–0,716. Это может свидетельствовать о том, что индивиды из погребений могильников Чагода-I, Варшавский шлюз-I, Кладовка I и II жили примерно в сходных условиях, характерных для одной территории. Величины около 0,713–0,714 находят свои аналогии в группе данных, полученных для средневекового Ярославля (*Engovatova, et al., 2013. P. 101*). Вместе с тем для понимания разрешающего потенциала метода и вариативности возможных интерпретаций следует обратить внимание на существенную близость значений, полученных по костям человека из некрополей Кладовка I и Кладовка II. Это противоречит имеющимся археологическим материалам, поскольку их детальный анализ позволяет утверждать, что первый могильник принадлежал местному населению, а второй – небольшой пришлой иноэтничной группе (*Захаров, Меснянкина, 2012*). Учитывая все данные, можно предложить несколько вариантов интерпретации полученных показателей стронциевого соотношения:

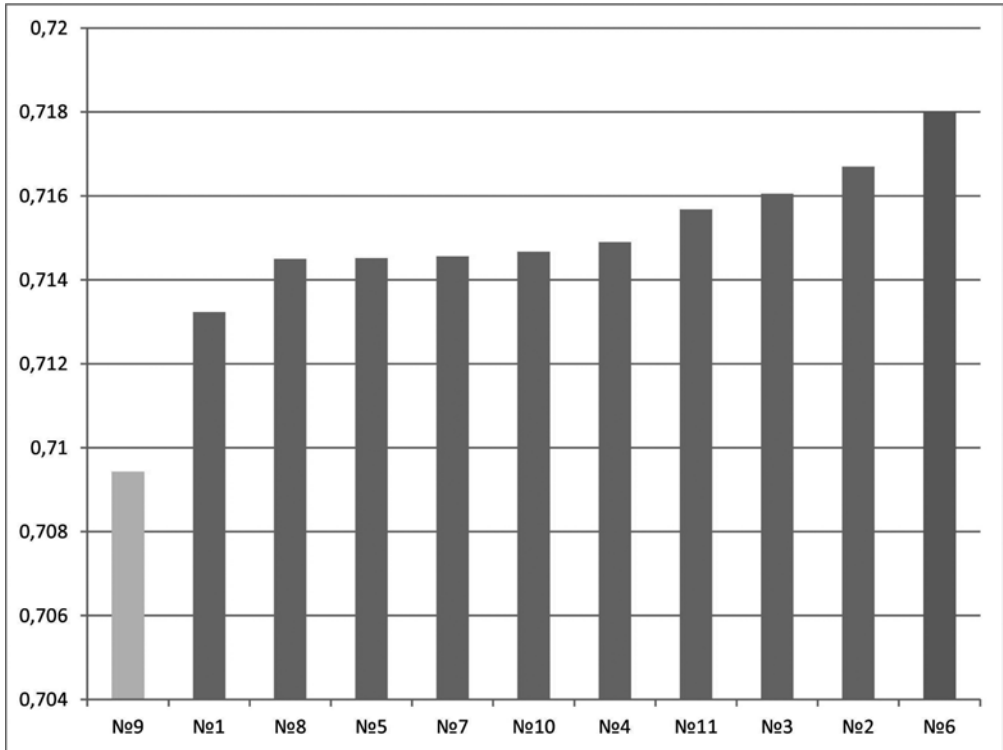
Таблица 1. Образцы фрагментов кремнированных костей для анализа $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$

№	Шифр	Тип погребения	Фрагмент кости	Пол, возраст	Вес (гр.)	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$	Характеристика
1	2	3	4	5	6	7	8
1	САЭ-93, Чагода-1, р. 9, кв. Е-3	Коллективное погребение («домик мертвых»)	Закладка правого нижнего моляра	Ребенок до 5 лет	0,38	0,713226±10	Цвет серо-сине-черный, температура горения до 550 градусов (verbrennungstufe III)*.
2	САЭ-93, Чагода-1, р. 9, кв. Е-3	Коллективное погребение («домик мертвых»)	Фрагмент верхней части правой глазницы	Мужчина № 1, adultus	1,49	0,716696±20	Цвет молочно-белый, температура горения 650-700 градусов (verbrennungstufe IV)*.
3	САЭ-93, Чагода-1, р. 9, кв. Е-3	Коллективное погребение («домик мертвых»)	Фрагмент верхней части правой глазницы	Мужчина № 2, adultus	1,65	0,716055±10	Цвет молочно-белый, температура горения 650-700 градусов (verbrennungstufe IV)*.
4	САЭ-93, Чагода-1, р. 9, кв. Е-3	Коллективное погребение («домик мертвых»)	Фрагмент верхней части правой глазницы	Мужчина № 3, adultus	4,34	0,714898±12	Цвет молочно-белый, температура горения 650-700 градусов (verbrennungstufe IV)*.
5	САЭ-93, Чагода-1, р. 7, кв. Г-4,5, темно-серый слой	Коллективное погребение («домик мертвых»)	Фрагмент теменной кости черепа	Женщина, до 30 л.	4,04	0,714524±10	Цвет молочно-белый, температура горения 650-700 градусов (verbrennungstufe IV)*, толщина черепа – 3,5 мм. Также в погребении есть фрагменты лобной кости с фрагментами области nasion и носовыми костями (рис. 1) и элементами глазницы от этого индивида. Прослеживается низкая выраженность горизонтальной профилировки верхней части лица.
6	САЭ-93, Чагода-1, р. 7, кв. Г-3, темно-серый слой	Коллективное погребение («домик мертвых»)	Фрагмент теменной или затылочной кости	Мужчина, старше 40 л.?	4,10	0,718011±16	Возраст определен по заросшему теменному шву. Цвет молочно-белый, температура горения 650-700 градусов (verbrennungstufe IV)*. Толщина 7 мм. Это индивид очень отличается от остальных в этой серии, т.к. он очень массивный (выступающие надбровье, массивный череп – теменные и затылочная кости, крупная и высокая верхняя челюсть).

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
7	АЭКМ-84, Варшавский шлюз, длинный курган № 4, погребение в ямке рядом с № 8, сектор 3	Индивидуальное погребение	Фрагмент теменной кости черепа + фрагмент закладки моляра	Ребенок, 5-7 лет	1,56 0,34	0,714560±12	Цвет белый, температура горения примерно 800 градусов (verblehnungsstufe IV-V)*, наличие деформационных трещин. Толщина черепа – 2 мм. Возраст определен на основании закладки зуба и толщины черепа с несформированным диплоэ.
8	Кладовка-II-2010, р.1, пл. 4, кв. ОП-122-Г	Коллективное погребение, грунтовый могильник	Фрагмент черепа (теменная кость)	Ребенок, 10-12 лет	1	0,714498±10	Цвет белый, температура горения примерно от 800 градусов (verblehnungsstufe V)*, деформационные трещины. Толщина черепа – 2,3-2,5 мм. Возраст определен на основании толщины черепа с несформированным диплоэ.
9	Кладовка-II-2010, р. 1, пл. 1, кв. ОК-125-Б	Коллективное погребение, грунтовый могильник	Фрагмент кости животного	-	0,45	0,709429±30	Цвет белый, температура горения примерно от 800 градусов (verblehnungsstufe V)*.
10	Кладовка-I-2011, р.1., пл. 3, кв. БТ-90-В	Коллективное погребение, грунтовый могильник	Фрагмент длинной трубчатой кости нижней (?) конечности	Человек, adultus	0,94	0,714668±21	Цвет светло-бежевый, температура горения примерно от 800 градусов (verblehnungsstufe V)*, наличие деформационных трещин.
11	Кладовка-I-2011, р.1., пл. 2, кв. БУ-93-Г	Коллективное погребение, грунтовый могильник	Фрагмент кости животного	-	0,47	0,715678±18	Цвет белый, температура горения примерно от 800 градусов (verblehnungsstufe V)*, наличие деформационных трещин.

* В соответствии с градацией температурных режимов, по Wahl, 1981.

Рис. 1. Показатели $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ для образцов костной ткани из кремационных погребений. Расшифровка нумерации образцов в табл. 1

- иноэтничная группа, основавшая могильник Кладовка II, прибыла с относительно близкой территории;
- подросток, кость которого использовалась для анализа, родился уже на Крутике;
- даже относительно небольшие различия в соотношении стронция являются значимыми для интерпретации.

Показатели двух образцов расположены вне границ упомянутого выше интервала. Первый – фрагмент свода черепа человека из «домика мертвых» могильника Чагода-I, который отличается специфическими признаками массивности на фоне всех остальных индивидов этого могильника. Величина соотношения $0,718011 \pm 16$ соответствует категории высоких значений, которые типичны для более северо-западных районов (например, Финляндия) (*Grube et al.*, 2012. P. 331). Отметим, что два образца с аналогичными показателями (человек и барашек) были встречены в серии из средневекового Ярославля. Они были определены как выходцы из отдаленных территорий. Теперь мы получили дополнительные данные для суждения о том, что этот человек и животное были мигрантами с северных территорий. Другой образец – фрагмент костной ткани животного из могильника Кладовка II. Малый размер фрагмента не дает нам возможности

отнести его к скелету погребенного животного или плохо сохранившемуся изделию из кости. В любом случае можно констатировать тот факт, что образец происходит с территорий, удаленных от этого региона. Наиболее вероятна его связь с гораздо более южными районами (*Разуваев и др.*, 2013. С. 81). Впрочем, при раскопках поселения Крутик были обнаружены не только кости таких, скорее, южных животных, как косули, но и опиленное ребро зубра (*Андреева*, 1991).

Полученные данные свидетельствуют о том, что в одном погребальном комплексе могильника Чагода-I находятся останки людей, жизнь которых была связана с близкими, но не полностью совпадающими локальными условиями. Особый интерес вызывает «мигрантное» положения образца костной ткани животного из могильника Кладовка II.

Полученный нами опыт свидетельствует об актуальности оценки соотношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в материалах кремации для изучения локального расселения и миграционных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Т. И.*, 1975. Антропологический анализ костных остатков из могильников с трупосожжениями черняховской культуры. //СА. №1. С. 264–270.
- Андреева Е. Г.*, 1991. Фауна поселения Крутик (по остеологическим материалам из археологических раскопок) // Голубева Л. А., Кочуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик). Петрозаводск: КНЦ АН СССР. С. 182–186.
- Археология..., 2007. Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / Отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 1: Поселения и могильники. М.: Наука. 374 с.
- Башенькин А. Н.*, 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб. С. 3–29.
- Башенькин А. Н., Васенина М. Г.*, 2011. Могильник Чагода и его место в кругу древностей раннего железного века // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (24–29 октября 2011 г., Старая Русса – Великий Новгород) / Отв. ред.: Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. Т. II. СПб; М.; Великий Новгород: Новгородский технопарк. С. 8–10.
- Гусаков М. Г.*, 2010. К вопросу о происхождении обряда сожжения в урне и без нее: по материалам могильников Юго-Восточной Прибалтики эпохи Гальштата и Латена // КСИА. Вып. 224. С. 228–245.
- Добровольская М. В.*, 2010. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 85–97.
- Захаров С. Д., Меснянкина С. В.*, 2011. Крутик – новые открытия // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (24–29 октября 2011 г., Старая Русса – Великий Новгород) / Отв. ред.: Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. Т. II. СПб; М.; Великий Новгород: Новгородский технопарк. С. 32–33
- Захаров С. Д., Меснянкина С. В.*, 2012. Могильники поселения Крутик: первые результаты исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат. науч. семинара / Ред. Н. А. Макаров. Вып. 4. М.: ИА РАН; СПб: Нетор-История. С. 14–29.
- Клещенко Е. А.*, 2013. Кремационные погребения могильника раннего железного века Чагода I: предварительные итоги исследования // Новые материалы и методы археологического исследования: материалы II Международной науч. конф. молодых ученых (Москва, 19–21 марта 2013 г.) / Отв. ред.: В. Е. Родинкова, А. Н. Федорина. М.: ИА РАН. С. 184–186.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е.*, 2003. Средневековые могильники на Севере Древней Руси: новые исследования на Кубенском озере // АЭАЕ. № 2. С. 106–122.

- Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2013. Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополе: спустя 160 лет после раскопок раскопок А. С. Уварова // КСИА. Вып. 230. С. 219–233.
- Мастыкова А. В., Добровольская М. В., 2013. Палеоантропологические исследования и погребальный инвентарь Самбийско-Нагангской культуры // Археология Балтийского региона. Отв. Ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.; СПб; «Нестор-История». С. 74–79.
- Потемкина О. Ю., Сыроватко А. С., Клеценко Е. А., 2013. Соколова Пустынь – новый погребальный позднелевосточского времени // КСИА. Вып. 230. С. 260–266.
- Разуваев Ю. Д., Добровольская М. В., Решетова И. К., 2013. К этнокультурной характеристике населения донской лесостепи скифского времени (комплексные исследования бескурганых погребений) // Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия. 5-ая международная конференция «Алексеевские чтения» памяти академиков Т. И. Алексеевой и В. П. Алексеева: тезисы. М.: ИА РАН. С. 81.
- Сыроватко А. С., Добровольская М. В., Мальцева Е. А., Трошина А. А., 2012. Погребальный обряд Щуровского могильника: новые результаты междисциплинарных исследований // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: конференция 3 / [Ред.: А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин]. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 133–145.
- Сыроватко А. С., Клеценко Е. А., Свиркина Н. Г., 2013а. Типы кремаций некрополя Щурово (вторая половина I тыс. н. э.) // Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия. 5-я Международная конференция «Алексеевские чтения» памяти академиков Т. И. Алексеевой и В. П. Алексеева: тезисы. М.: ИА РАН. С. 93.
- Сыроватко А. С., Сидоров В. В., Клеценко Е. А., Трошина А. А., 2013б. Могильник Лужки Е – некоторые наблюдения над старыми коллекциями // АП. Вып. 9. С. 52–56.
- Engovatova A., Bogomolov E., Dobrovolskaya M., Zaitseva G., 2013. The first results of the analysis of the strontium isotopes content in human bone remains from Medieval burials in the city of Yaroslavl' (Central Russia) // Book of Abstracts 7th International Symposium «14C and Archaeology» (8–12 April 2013, Gent, Belgium). Gent: De Faculteit Letteren en Wijsbegeerte van de Universiteit Gent. P. 101–102.
- Grupe G., Eickhoff S., Grothe A., Jungklaus B., Lutz A., 2012. Missing in action during the Thirty Years' War? Provenance of soldiers from the Wittstock battlefield, October 4, 1636. An investigation of stable strontium and oxygen isotopes // Population dynamics in Prehistory and Early History / Eds.: E. Raiser, J. Burger, W. Schier. Berlin: De Gruyter. P. 323–335.
- Wahl J., 1981. Beobachtung zur Verbrennung menschlicher Leichname: über die Vergleichbarkeit moderner Krematorien mit prähistorischen Leichenbränden // Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd. 11. S. 271–279.
- Wahl J., Kokabi M., 1988. Das römische Gräberfeld von Stettfeld I: Osteologische Untersuchung der Knochenreste aus dem Gräberfeld. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag. 312 S.
- Walker P. L., Miller K. P., 2005. Time, temperature and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 40. P. 150.

Сведения об авторах

- Добровольская Мария Всеволодовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mk_ra@mail.ru;
- Клеценко Екатерина Андреевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: malzeva-ekaterina@mail.ru;
- Богомолв Евгений Сургеевич, Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского, Средний пр., 74. Санкт-Петербург, 199106, e-mail: e.bogomolov@mail.ru;

Захаров Сергей Дмитриевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: zsdbook@yandex.ru.

M. V. Dobrovolskaya, Ye. A. Kleshshenko, Ye. S. Bogomolov, S. D. Zakharov

An experiment of using isotope investigations
in research of cremation burials

Abstract. Research of cremation burials is important for understanding the context of archaeological sites. This relevant field is developing using modern methodical approaches. The paper discusses investigations of samples of cremated bone tissue from four archaeological sites – cemeteries Chagoda I, Varshavsky shlyuz, Kladovka I and II. The investigational tasks included obtaining data on correlation of isotopes $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, which mirrors specific of local geological conditions. The obtained data have revealed people of local origins and those who had come from distant territories.

Key words: cremation samples, isotopes of strontium, cemeteries of 1st mill. AD, migrations.

About the authors

Dobrovolskaya Mariya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mk_pa@mail.ru;

Kleshshenko Yekaterina A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: malzeva-ekaterina@mail.ru;

Bogomolov Yevgeniy S., A.P. Karpinsky Russian Geological Research Institute, Sredniy pr., 74, Sankt-Petersburg, 199106, Russian Federation ; e-mail: e.bogomolov@mail.ru;

Zakharov Sergey D., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: zsdbook@yandex.ru.

Е. Е. Антипина, Л. В. Яворская

РЕКОНСТРУКЦИЯ РАЗМЕРОВ
КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА ПО ОСТЕОЛОГИЧЕСКИМ
МАТЕРИАЛАМ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ И СЕЛИЩ
НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

Резюме. Рассмотрены возможности реконструкции относительных размеров крупного рогатого скота (КРС) на основе анализа промеров первой фаланги – наиболее многочисленной целой кости этого животного в остеологических коллекциях из средневековых поселений европейской части России. Материалы происходят из 13 городов, городища и селища лесной части Центральной России и лесостепного и степного Поволжья. Оценка средних значений длины первой фаланги коров и быков показала присутствие на этих памятниках двух различных по размерам морфотипов. А анализ длины первой фаланги по размерным группам

для каждого памятника дал более детальную и неоднозначную картину распределения животных разного роста на территории европейской части России с разными природными условиями.

Ключевые слова: средневековые поселения европейской части России, археозоологические исследования, крупный рогатый скот, реконструкция размеров животных, первая фаланга, пястная кость.

Одним из значимых для палеоэкономических построений блоков биологических данных о сельскохозяйственных копытных, получаемых по археологическим костным остаткам, является информация о размерах животных. Согласно зоотехническим законам главными факторами, от которых зависят нормальные размеры и вес животных, являются круглогодичные полноценные корма и их объемы. Система кормления связана, в свою очередь, с особенностями содержания животных соответственно их хозяйственной эксплуатации и наличием природных кормовых ресурсов. Эти биологические закономерности и экономические взаимосвязи лежат в основе интерпретации размерных характеристик древних домашних копытных. Но для того чтобы в полной мере реализовать это направление исследования, необходимы значительные по количеству массивы промеров целых элементов скелета многих особей, по которым и реконструируются рост и размеры животных.

Важнейшим сельскохозяйственным видом у средневекового населения на территории европейской части России, несомненно, был крупный рогатый скот. Поэтому при исследовании археозоологического материала из средневековых городов и селищ мы особое внимание уделяли морфометрическим оценкам его костей.

Для реконструкции размеров крупного рогатого скота из археологических памятников традиционно используются промеры его целых длинных трубчатых костей. По ним (в соответствии с биометрическими коэффициентами, установленными для скелетов современных представителей разных пород) рассчитывается рост животного в холке. Вместе с тем вычисляемые соотношения между ростом животного и длиной каждой из его трубчатых костей дают разные коэффициенты. Более того, общеизвестно, что эти коэффициенты даже для одноименных костей различаются у представителей разных пород и у животных разного пола.

После экспериментальных работ В. И. Цалкина (1960) по морфометрии костей современных коров и быков разных пород в отечественной археологической практике считается, что максимально приближенные к реальному росту животного показатели получаются по промерам пястной кости. Однако в остеологических коллекциях наиболее многочисленными оказываются совсем другие кости, и чаще всего – это первые фаланги. Соотношение размеров этих коротких трубчатых элементов скелета конечностей с ростом самого животного целенаправленно не изучалось. Априори принимается версия о широкой изменчивости их размеров вне какой-либо связи с ростом животного.

В исследованиях скотоводческой отрасли на средневековых поселениях мы столкнулись со специфичной анатомической структурой остатков крупно-

го рогатого скота (далее КРС), когда в коллекциях наиболее многочисленными из целых костей оказывались фаланги. Эта ситуация заставила нас рассмотреть возможность реконструкции относительных размеров животных этого вида на основе анализа промеров первой фаланги. Полученные нами результаты и выводы из них представлены ниже.

Для анализа были сформированы выборки промеров максимальной длины отдельно для целых первых фаланг и для пястных костей КРС, которые происходят из изученных нами остеологических материалов 13 средневековых поселений (городов, городища и селища), располагавшихся в двух различных природных зонах европейской части России – лесная зона и поволжская лесостепь и степь. Кроме того, мы использовали в данной работе лишь выборки из наиболее близких по хронологии культурных напластований указанных ниже городских памятников. И только в одном случае были проанализированы две достоверно хронологически далекие друг от друга выборки из одного памятника (Ярославль) для проверки наших представлений о связи размеров КРС с его ролью в хозяйственной системе и, соответственно, с условиями содержания (Антипина, Маслов, 1998).

По центральному региону лесной зоны привлекаются представительные выборки из коллекций четырех древнерусских городов¹ и одного небольшого городища²: Новгород (материалы XII–XIV вв.), Ростов Великий (XI–XII вв.), Ярославль (XII–XIII и XVII–XVIII вв.), Смоленск (XII–XIV вв.) и Ближнее Константиново (городище XV вв. в окрестностях Нижнего Новгорода).

По лесостепному и степному Поволжью рассматриваются крупные выборки из материалов золотоордынского времени из шести городов³ и одного селища⁴ золотоордынского времени: Болгар (материалы второй половины XIII–XIV вв.), Самосдельское городище (середина XIII в. – первое десятилетие XIV в.), Увек (последняя четверть XIII – первое десятилетие XIV в.), Водянское (рубеж XIII–XIV – XIV в.), Царевское (середина XIV в.), Селитренное (середина XIV в.) и Багаевское селище (конец XIII – первая половина XIV в.).

По всем памятникам археозоологические определения и промеры костей проведены авторами данной работы.

Показатель максимальной длины первых фаланг представлен по памятникам в виде вариационного ряда с шагом в 3 мм для каждой размерной группы (табл. 1). Следует подчеркнуть, что в этих выборках показана совокупная информация о максимальной длине первых фаланг как от передних, так и от задних конечностей, которые могут отличаться между собой даже у одной особи.

¹ Раскопки проводились экспедициями ИА РАН в 1995–1996 гг., а также в 2005–2013 гг. под руководством А. Е. Леонтьева, А. В. Энговатовой, О. М. Олейникова, Г. Н. Пронина.

² Раскопки 2003–2004 гг. Н. Н. Грибова (Нижегородский государственный университет).

³ Раскопки проводились в 2005–2012 гг. различными экспедициями в Поволжье под руководством А. Г. Ситдикова, В. Ю. Ковалю, Д. А. Кубанкина, Э. Д. Зиливинской, Д. В. Васильева, Е. П. Мыськова, А. А. Глухова, Р. Р. Валиева.

⁴ Раскопки 2009–2011 гг. Л. Ф. Недашковского (Казанский (Приволжский) Федеральный университет).

Таблица 1. Распределение максимальной длины первой фаланги КРС по размерным группам (данные по остеологическим коллекциям из памятников европейской части России)

Памятники, хронология выборки	Число фаланг	Вариационный ряд, шаг 3 мм										Среднее арифм. длины
		45-48	48,1-51	51,1-54	54,1-57	57,1-60	60,1-63	63,1-66	66,1-69	69,1-72		
Центральная часть лесной зоны												
Новгород XII-XIV вв.	42	1	11	16	7	4	1		2			53,7
Смоленск XII-XIV вв.	104	3	22	46	24	2	4	2		1		53,2
Ростов XI-XII вв.	142		16	45	51	23	6	1				54,6
Ярославль XII-XIII вв.	30	1	5	7	13	3	1					54
Ярославль XVII-XVIII вв.	35	2	19	10	2	2						50,7
Ближнее-Константиново XV в.	36	4	10	17	5							51,9
Лесостепное и степное Поволжье												
Болгар XIII-XIV вв.	213		7	20	53	47	48	31	6	1		58,9
Самосельское XIII в.	17		1		6	5	1	4				58,5
Увек XIII в.	20			3	5	4	5	2	1			58,8
Водянское XIV в.	86		4	15	22	26	14	4	1			57,1
Царевское XIV в.	52			7	8	14	16	4	2	1		59,2
Селигринное XIV в.	26		1	3	6	6	7	1	2			58,5
Багаевское XIII-XIV вв.	26	1			9	8	2	4	2			58,7

Мы проверили размах этих различий на скелетах современных коров и быков, и получили диапазон от 0 до 4 мм, вне зависимости от половой принадлежности особей. Это означает, что теоретически передние и задние первые фаланги одной особи могут оказаться как в одной, так и в двух группах вариационного ряда, и различия в 4 мм не могут считаться надежными. Но пределы вариационных рядов практически для всех выборок оказались существенно больше — разница в длине первой фаланги достигает 15–24 мм, а в выборке из Смоленска даже 27 мм (табл. 1), что позволяет считать установленные распределения вполне достоверными. Для самых многочисленных выборок можно утверждать, что эти распределения отражают наиболее реальную картину размеров коров и быков в исследуемой популяции.

По поселениям лесной зоны максимальная длина первой фаланги КРС оказалась чрезвычайно разнообразной. Как уже упоминалось выше, пределы полученного для этого показателя вариационного ряда охватывают 9 размерных групп. В выборках из городов этой зоны присутствуют как очень маленькие по размерам фаланги (размерная группа 45–48 мм: Новгород, Смоленск, Ярославль), так и фаланги от крупных особей (размерные группы 66,1–69 и 69,1–72 мм: Новгород, Смоленск; табл. 1). Для сравнения укажем, что минимальные показатели длины этих костей у голоценового тура попадают как раз в последнюю группу 69,1–72 мм. Самый малый разброс значений длины первой фаланги зафиксирован в материалах укрепленного городка Ближнее Константиново (всего 4 размерных группы). Вычисленное среднее арифметическое по показателю длины первой фаланги оказалось для выборок из городских напластований XII–XIV вв. почти одинаковым: 53,2–54,6 (табл. 1). Оно попало на границу двух смежных размерных групп 51,1–54 и 54,1–57. Средняя длина для фаланг КРС из Ближного Константиново также имеет меньший показатель, чем для выборок из городов лесной зоны. Единственным исключением в городских материалах лесной зоны являются фаланги из напластований XVII–XVIII вв. Ярославля. Они оказались чрезвычайно маленькими по размерам, а среднее значение их длины лежит всего лишь во второй размерной группе исследуемого вариационного ряда (48,1–51 мм, табл. 1).

Вариационные ряды длин первых фаланг КРС из золотоордынских поселений лесостепного и степного Поволжья оказались более короткими, чем в лесной зоне, за исключением двух городов (Болгар и Царевское), где они более длинные и охватывают восемь размерных групп (табл. 1). Сходство рядов между собой усиливается тем, что в них практически отсутствует самая первая размерная группа с наименьшей длиной первых фаланг. Только на Багаевском селище найдена одна фаланга КРС с длиной в 47,2 мм. Средние значения по длинам первых фаланг для всех выборок из поселений лесостепного и степного Поволжья также показали единообразие: все они оказались в одной и той же размерной группе (57,1–60 мм, табл. 1).

Если теперь сравнить информацию по длине фаланг КРС из поселений лесной зоны с данными по тем же костям из лесостепного и степного Поволжья, то выявляются достоверные различия между ними, явственно выраженные в средних значениях. Они указывают на присутствие двух, несомненно, различающихся по размерам морфотипов КРС. Отгалкиваясь от последней девятой размерной группы вариационных рядов, в которой наблюдается перекрывание

Таблица 2. Реконструированный рост коров и быков по пястным костям из остеологических коллекций памятников европейской части России

Памятники, хронология выборки	число пястных костей	Высота в холке, значения в см		
		МИН	МАК	Среднее арифм.
Центральная часть лесной зоны				
Новгород XI–XIV вв.	18	96	113	103
Смоленск XII–XIV вв.	13	96	110	104
Ростов XI–XII вв.	22	99	130	112
Ярославль XII–XIII вв.	17	96	112	105
Ярославль XVII–XVIII вв.	28	86	106	100
Ближнее-Константиново XV в.	6	97	118	105
Лесостепное и степное Поволжье				
Болгар XIII–XIV вв.	33	98	122	110
Самосдельское XIII в.	5	110	121	116
Увек XIII в.	3	105	117	111
Водянское XIV в.	3	105	119	110
Царевское XIV в.	1			114
Селитренное XIV в.	7	103	122	112
Багаевское XIII–XIV вв.	1			116

размеров самых крупных представителей КРС и дикого тура, можно утверждать, что коровы и быки лесостепного и степного Поволжья были особями средних размеров (табл. 1). Тогда как в популяции КРС на поселениях лесной зоны были обычны более мелкие животные.

Наличие двух морфотипов подтверждается промерами пястных костей коров и быков из тех же 13 исследуемых нами памятников. В табл. 2 приводится реконструируемый на их основе рост в холке этих животных. Максимальные различия по средним оценкам роста КРС между особями из лесных поселений (XII–XIV вв.) и животными из поселений на территории лесостепного и степного Поволжья того же хронологического отрезка оказались существенными – 13 см (табл. 2). Кроме того, средние оценки роста животных по поселениям из этих разных природных регионов не перекрываются. В результате, мы получаем подтверждение нашему суждению о том, что промеры первых фаланг КРС могут быть использованы для реконструкции относительных размеров коров и быков, экстраполируемых далее как их рост в холке.

Вместе с тем стоит подчеркнуть, что информация о размерах коров и быков, полученная нами по промерам фаланг и пястных костей различается в своих деталях. Так, данные об относительных размерах КРС на основе длины первой фаланги из материалов таких средневековых городов, как Ростов (лесная природная зона), Болгар и Царевское (лесостепь и степные районы Поволжья),

указывают на присутствие достаточно крупных животных, приближающихся по параметрам к их диким предкам. Однако реконструированный рост КРС на основе промеров пястных костей из тех же памятников не дает таких же высоких оценок ни по средним своим значениям, ни, особенно, по максимальным. Среди реконструированных размеров КРС по пястной кости только в одном случае (из выборки Ростова) значение 130 см в холке (табл. 2) приближается к росту малорослой самки тура, хотя по фалангам таких крупных особей не зафиксировано. Таким образом, данные о размерах КРС, получаемые по промерам первых фаланг, дают объективно более подробную информацию, тогда как промеры пястных костей позволяют реконструировать, как правило, средние размеры животных. При этом они, несомненно, дополняют друг друга и должны анализироваться параллельно.

Возвращаясь к продемонстрированным выше двум морфотипам КРС, укажем, что они соответствуют очерченным в свое время В. И. Цалкиным (1967) двум резко различным по его оценке породам этого сельскохозяйственного вида. Он обозначил их как (1) древнерусский лесной скот (малорослый и тонкокостный) и (2) степной скот кочевников Юго-Восточной Европы, более крупный и грубой конституции. В таком определении он подчеркнул два фактора: прежде всего, природный (лес и степь) с разными природными кормовыми ресурсами, а затем и хозяйственный (древнерусский и кочевнический) в вариантах оседлого и подвижного разведения домашних копытных. КРС промежуточных размеров (реконструированных для поселений Верхней Волги – Старая Рязань), он считал результатом обмена и торговли.

Наши данные показывают, что популяции средневекового крупного рогатого скота на территории таких разных в природном отношении регионов как лес и степь, конечно же, имели существенные различия по средним размерам животных. Но на конкретных памятниках из разных природных зон конституция коров и быков могла быть достаточно сходной. Например, реконструированные размеры КРС из Ростова достоверно не отличаются от размеров скота из Болгара (табл. 2). Более того, по материалам из Ярославля нам удалось показать, что морфотип КРС в одних и тех же окружавших поселение природных условиях может радикально меняться с течением времени. Анализ длины первых фаланг КРС и реконструированного по пястным костям роста этих животных из культурных напластований XII–XIII вв. и XVII–XVIII вв. наглядно демонстрирует это (табл. 1; 2). По-видимому, наиболее значимым фактором в формировании конституции КРС в средневековый период является его роль в хозяйственной системе, что и определяет систему его содержания и кормления (*Антипина, Маслов, 1998*).

Таким образом, промеры первых фаланг, как наиболее многочисленных на средневековых поселениях костей КРС, могут дать важную информацию не только о физическом облике животных, но и об особенностях их содержания и разведения. Однако подчеркнем, что эти биологические характеристики КРС могут быть использованы при реконструкции особенностей хозяйственной системы только вместе с другими экономически важными оценками остеологическим материалов и детальным археологическим контекстом поселения.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина Е. Е., Маслов С. П., 1998.* Системы земледелия и размер домашних животных Древней Руси //Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Том 4: Общество, экономика, культура и искусство славян / Редактор В. Седов. М.: Эдиториал УРСС. С. 52–60.
- Цалкин В. И., 1960.* Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии. Т. 65. Вып. 1. С. 109–126.
- Цалкин В. И., 1967.* Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии. Т. 72. Вып. 1. С.114–130.

Сведения об авторах

- Антипина Екатерина Евстафьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: bikanty@mail.ru;
- Яворская Лилия Вячеславовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: lilech kayavorska@list.ru.

Ye. Ye. Antipina, K. V. Yavorskaya

Reconstruction of cattle size on the base of osteological material
from medieval urban and rural sites in the territory of European Russia

Abstract. The authors consider the possibilities of reconstruction of cattle size on the base of ranging first phalanx length, this bone being the most numerous and preserved in osteological collections from medieval sites of European Russia. The material originates from 13 urban centres, fortified and non-fortified settlements, which represent both forest zone of Central Russia and forest-steppe and steppe zone of the Volga basin. The assessment of average size of the first phalanx length has revealed two cattle morphotypes different in size. And analysis of the first phalanx length for each site shows more detailed and varied picture of distribution of animals of different height and size by various native zones of European Russia.

Key words: medieval dwelling sites of European Russia, archaeozoological research, cattle, reconstruction of animal size, first phalanx, metapodium

About the authors

- Antipina Yekaterina Ye., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: bikanty@mail.ru;
- Yavorskaya Liliya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: lilech kayavorska@list.ru.

Е. Ю. Лебедева, Д. А. Кубанкин

УНИКАЛЬНЫЕ НАХОДКИ РЕДКИХ РАСТЕНИЙ В ЗОЛОТООРДЫНСКОМ ГОРОДЕ УКЕКЕ

Резюме. В статье рассматриваются уникальные археоботанические находки из Увекского городища (соврем. г. Саратов; средневековый г. Укек), указывающие на широкие торговые связи золотоордынского города. Здесь обнаружены фрагменты готового блюда из вареного риса *Oryza sativa*, семена нута *Cicer arietinum*, инжира *Ficus carica*, винограда *Vitis vinifera*, барбариса *Berberis vulgaris*, кориандра *Coriandrum sativum*, скорлупки грецких орехов *Juglans regia*, а также фрагменты хлебных изделий.

Ключевые слова: золотоордынский город Укек, археоботанические исследования, редкие растения.

Проводящиеся в последние годы активные археоботанические сборы в культурных слоях золотоордынских городов приносят свои плоды. В этой краткой статье речь пойдет преимущественно о растениях, которые до настоящего времени не были известны в археоботанических материалах не только золотоордынских, но и каких-либо других археологических памятников на территории России. Многие из них можно отнести даже к категории экзотических, в том смысле, что естественной экологической средой для их выращивания являются удаленные от Поволжья регионы.

Археологический контекст

В 2010–2013 гг. археологической экспедицией Саратовского областного музея краеведения под руководством Д. А. Кубанкина проводились раскопки в центральной части Увекского городища, в христианском квартале золотоордынского города Укека. Общая площадь двух раскопов (III и IV) составила 195 кв. м при мощности слоя до 3,5 м. На этой территории обнаружены остатки фундаментов двух одновременных храмов, а также многочисленные культовые предметы: крестики, иконки, лампада (Кубанкин, 2012. С. 184. Рис. 13, 14). Исследованный культурный слой отличается высокой концентрацией древнерусской керамики: в нижних горизонтах она достигает 26%, что для золотоордынских городов следует считать высоким показателем. Христианский квартал в целом датируется 1270–1360-ми гг. (Кубанкин, 2014. С. 392).

Интересующий нас в рамках этой статьи объект – храм 1 – исследовался в 2010–2011 гг. Интерпретировать данную постройку в качестве храма позволяют частично прослеженная алтарная часть фундамента, находка каменного блока с резным крестом, многочисленные фрагменты фресок (Кубанкин, 2012. С. 179. Рис. 2; 3; 2014. С. 389. Рис. 1, 1). Нумизматический материал датирует его строительство 1280-ми гг., но уже в конце 1290-х – начале 1300-х гг. сооружение прекращает существование после разрушительного пожара. На мо-

мент строительства здесь уже образовался культурный слой мощностью около 140 см. Исследована южная стена храма с частью апсиды, а также практически целиком южная пристройка. Площадь пристройки составляла не менее 40 кв. м, а под ней располагался крупный подвал, деревянные стены которого крепились к вкопанным в землю столбам; крупные дубовые столбы поддерживали также и потолочную конструкцию подземного сооружения.

Подвальное помещение изобиловало различного рода находками (*Кубанкин*, 2012. С. 172, 173, 180–183). Обнаружены многочисленные остатки обгоревших и частично сохранившихся деревянных изделий: ручка ковша из липы с протомой барса, кленовые резные пластины шкатулки, многочисленные кубки, чаши и прочие сосуды из ясеня, березы и липы. Парадный сервиз представлен импортными изделиями: не менее чем 15 кашинных сосудов из Передней Азии, четыре поливные чаши из Византии, светлоглиняный кувшин с бирюзовой глазурью по черепку из неизвестного центра, фрагменты стеклянного сосуда с позолотой и эмалью. Здесь же найдены хорезмийский тарный кувшин и «критский» пифос, фрагменты древнерусских горшков, куски обгоревшей ткани и меха, стеклянные и кашинные бусы, сердоликовая вставка. На некоторых из трапезундских амфор сохранились горелые подтеки или налипшая черно-бурая стекловидная масса, что указывает на возможное хранение в них вина и масла. Часть изделий, скорее всего, была изъята из подвала сразу же после пожара, остальные оказались в переотложенном виде разбросаны по площади всего помещения.

Визуальные археоботанические находки

В сгоревшем в пожаре подвале, помимо описанных выше находок, визуальное обнаружено большое количество зерна – преимущественно проса и мягкой пшеницы, хранившихся в деревянных ларях, амфорах и, возможно, в другой таре. Детальная публикация всех находок уже готовится к печати, но здесь мы остановимся лишь на самых редкостных археоботанических материалах.

Рис (*Oryza sativa*). Спекшиеся обгорелые комки, в которых отчетливо прослеживаются фрагментированные зерна злаков были собраны в кв. 2Д при разборке пласта 160–180 см. Внешне объекты походили на куски сгоревшей каши (рис. 1, 1, 2). Четыре из пяти обломков с максимальными размерами 4–5 см представляли собой пористую массу, в которой неравномерными включениями присутствовали зерна злаков, чаще – по поверхностям. Очень важно, что на этих фрагментах отчетливо засвидетельствованы следы обгорелой древесины, а на одном она хорошо сохранилась и производит впечатление обработанной (край деревянного блюда или миски). Самый крупный обломок (10 × 5 × 2,5 см) больше всего напоминал скопление спекшихся зерновых фрагментов, плотно прижатых друг к другу. Однако отколовшиеся от него кусочки обнаружили сходную матрицу – пористую массу, но представленную более тонким слоем. Обсыпавшиеся фрагменты зерен были совершенно аморфными, как будто оплавленными, со сглаженными сколами – признак того, что зерно, безусловно, было раздроблено в древности. Встречались и целые зерновки, но столь же аморфные, как и фрагменты (рис. 1, 3). Такая структура комков и отдельных зерен подтверждает предположение о том, что мы имеем дело с готовым блюдом из вареного риса (кашей?).

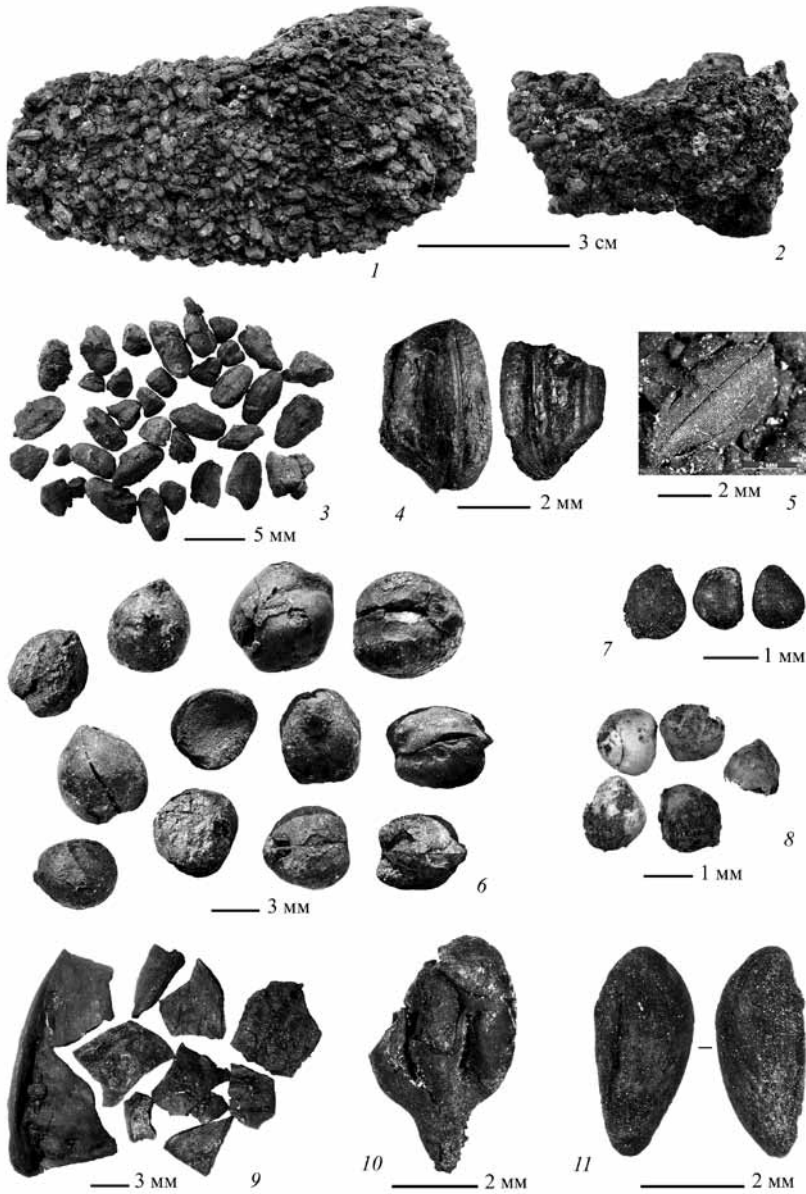

Рис. 1. Археоботанические находки из Увекского городища

1, 2 – фрагменты сгоревшей пищи (каши?) из вареного риса *Oryza sativa*; 3 – «оплавленные» целые и фрагментированные зерновки риса из каши; 4 – целая и фрагментированная зерновка риса, сгоревшие в чешуях; 5 – зерновка риса в чешуях из обломка каши; 6 – семена нута *Cicer arietinum*; 7 – карбонизированные семена инжира *Ficus carica*; 8 – некарбонизированные семена инжира; 9 – фрагменты скорлупок грецкого ореха *Juglans regia*; 10 – семя винограда *Vitis vinifera*; 11 – семя барбариса *Berberis vulgaris*

Таксономическая верификация зерна, раздробленного до сгорания, часто бывает весьма затруднительной (*Valamoti*, 2002), а в нашем случае оно было еще и вареным. Определить принадлежность найденных зерен рису *Oryza sativa* помогло то, что зерно было не слишком тщательно очищено от чешуй, благодаря чему одна целая зерновка и несколько фрагментов из числа обсыпавшихся из комков оказались не столь сильно деформированы варкой и сохранили характерные для этого злака морфологические признаки (рис. 1, 4). Кроме того, целая зерновка в чешуях, включенная в один из комков (рис. 1, 5), и несколько небольших фрагментов самих чешуй подтверждают это видовое определение.

Нут (*Cicer arietinum*), который иногда называют турецкий или бараний горох, был обнаружен визуально и представлен в пяти образцах (местонахождениях), собранных на разной глубине (в пластах 160–220 см) преимущественно в кв. 2Д, частично 2Г. Семена нута отличаются округло-угловатой формой, но близ зародыша вытягиваются, образуя своеобразный «клювик», поверхность в редких случаях гладкая, чаще – ямочно-бугорчатая (рис. 1, 6). Длина семян из Укека варьирует в диапазоне от 5,5 мм до 8,6 мм, в среднем – 6,7 мм (по измерению 91 семени). Лишь один образец содержал не менее 120 семян, тогда как остальные – от 4 до 7, что позволяет предполагать единственное место хранения, а рассеивание обугленных семян произошло при разрушении сооружения. Семядоля нута обнаружена также в одной из флотационных проб.

Археоботанические находки из флотационных образцов

Несмотря на то, что при раскопках было обнаружено множество зерновых скоплений, в 2011 г. по окончании работ из некоторых стенок раскопа было отобрано еще 20 образцов для флотации. Эти пробы охватывали все стратиграфические горизонты исследованного участка городища, хотя большинство из них оказались приуроченными к самому интересному объекту раскопок – подвалу в пристройке к храму 1.

Инжир (*Ficus carica*) зафиксирован в 5 из 20 образцов. Его семена обнаружены как в карбонизированном (3 экз.), так и в необугленном состоянии (7 экз.: рис. 1, 7, 8). Последние, на наш взгляд, также являются древними, а не интрузивными современными. Считается, что высушенные (dessicated) семена могли сохраняться в памятниках с сухим слоем в зоне умеренного климата при использовании их в строительных материалах (*Ernst, Jacomet*, 2005; *van der Veen*, 2007); имеются ввиду исключительно средневековые поселения. Возможно, и наши находки как-то связаны со строительной деятельностью и могли оказаться случайно в скрепляющих растворах: один образец с 5 необугленными семенами происходит из предматерикового слоя с внешней стороны стены храма, а вторая проба (2 семени) отобрана из слоя, перекрывавшего это сгоревшее сооружение и подстилающего построенное на его месте новое здание. Непосредственно к слою заполнения подвала относятся два карбонизированных семени инжира – то небольшое, что осталось от сгоревших плодов.

Грецкий орех (*Juglans regia*) обнаружен в двух образцах в виде 14 обугленных фрагментов скорлупок (эндокарпия). Все находки связаны с подвалом храма 1 (рис. 1, 9).

Виноград (*Vitis vinifera* ssp. *vinifera*). Два семени винограда – одно карбонизированное (рис. 1, 10), другое необугленное, но сильно фрагментированное, – найдены в той же пробе, что и пять некарбонизированных семян инжира.

Барбарис (*Berberis vulgaris*) представлен одним семенем из слоя пожара в подвале пристройки к храму 1 (рис. 1, 11).

Кориандр (*Coriandrum sativum*). Один полуплодик (мерикарпий) без плодовой оболочки обнаружен в той же пробе.

Нельзя не отметить еще одну редкостную для археологии находку – фрагменты **хлебных изделий**. Они зафиксированы в пяти местонахождениях и принадлежали как минимум двум, а возможно, и трем хлебным продуктам, различающимся по составу теста.

Обсуждение

Исключая виноград и грецкий орех, все перечисленные выше растения обнаружены в России впервые¹ и уже поэтому могут считаться уникальными. Но гораздо важнее, что большинство из них, без сомнения, были импортными. Ныне лишь барбарис и кориандр произрастают в Саратовской области, причем оба разводятся и дичают (*Еленевский и др.*, 2009). Скорее всего, и в Укеке XIII–XIV вв. они были импортными специями, хотя кориандр и могли выращивать на огородах. Рамки этой статьи не позволяют рассмотреть детально возможные регионы поставки каждого вида этих экзотических растений, заметим лишь, что это очень широкий ареал – от Китая на Востоке до Средиземноморья на Западе, включая Переднюю и Центральную Азию, Кавказ и Причерноморье.

Разнообразный товар, обнаруженный в подвале пристройки к храму 1, заставляет предположить, что это было крупное хранилище и, возможно, не только храма, но и всей общины. Известно, что купцы в средневековых городах сдавали свои товары на хранение в подвалы церквей (*Карпов*, 1997. С. 12). Примечательно, что помимо парадной и тарной посуды, тканей и украшений, здесь хранились припасы зерна и даже готовая пища – каша и хлеб. Последнее заставляет предполагать приготовление и потребление пищи в непосредственной близости от места их обнаружения. Попастъ же в подвальное помещение еда могла после разрушения в результате пожара расположенных над ним и ныне не сохранившихся помещений, типа трапезной.

Проведенные исследования показали важность и необходимость проведения работ по флотации культурного слоя в городских центрах. Они в очередной раз подтверждают, что археоботанические материалы – не менее значимый археологический источник, чем вещевые находки. Плоды и семена растений, найденных на Увекском городище, являются ярким свидетельством широких торговых связей золотоордынских городов.

¹ По сообщению Е. А. Сергушевой (ИИАЭ ДВО РАН), единственная зерновка риса найдена при флотации заполнения сосуда на поселении кроуновской культуры РЖВ (IV в. до н. э. – II в. н. э.) Приморского края (материал не опубликован).

ЛИТЕРАТУРА

- Еленевский А. Г., Буланый Ю. И., Радыгина В. И., 2009. Определитель сосудистых растений Саратовской области. Саратов: ИП Баженов. 248 с.: 15 ил.
- Карпов С. С., 1997. Когда и как возникла Тана? // Византийский временник. Т. 57. С. 5–18
- Кубанкин Д. А., 2014. Христианский квартал золотоордынского города Укек по материалам раскопок 2010–2013 гг. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани (20–25 октября 2014 г.) / Ред. А. Г. Ситдииков [и др.]. Т. III. Казань: Отечество. С. 388–393.
- Кубанкин Д. А., 2012. Русская община золотоордынского города Укека // Поволжская археология. №1. С 172–189.
- Ernst M., Jacomet S., 2006. The value of archaeobotanical analysis of desiccated plant remains from old buildings: methodological aspects and interpretation of crop weed assemblages // Vegetation History and Archaeobotany. Vol. 15. P. 45–56.
- Valamoti S. M., 2002. Food remains from Bronze Age Archondiko and Mesimeriani Toumba in northern Greece? // Vegetation History and Archaeobotany. Vol. 11. P. 17–22.
- van der Veen M., 2007. Formation processes of desiccated and carbonized plant remains – the identification of routine practice // Journal of Archaeological Science. Vol. 34. P. 968–990.

Сведения об авторах

- Лебедева Елена Юрьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: elena.archbot@mail.ru;
- Кубанкин Дмитрий Александрович, Саратовский областной музей краеведения, ул. Лермонтова, 34, г. Саратов, 410031, Россия; e-mail: kubankin2008@yandex.ru.

Ye. Yu. Lebedeva, D. A. Kubankin

Unique finds of rare plants in the Golden Horde city of Ukek

Abstract. In the paper there are published unique archaeobotanical finds from the excavations of the Ukek fortified settlement (medieval city of Ukek in modern Saratov). The materials point to the wide-scale trade relationships of this urban centre of the Golden Horde state. The remains of cooked dish of rice *Oryza sativa* have been found, chick-pea seeds *Cicer arietinum*, figs *Ficus carica*, vine *Vitis vinifera*, barberry *Berberis vulgaris*, coriander *Coriandrum sativum*, walnut *Juglans regia* shells, as well as fragments of baked bread.

Key words: Golden Horde city Ukek, archaeobotanical research, rare plants

About the authors

- Lebedeva Yelena Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: elena.archbot@mail.ru
- Kubankin Dmitry A., Saratov Regional Museum of Local Lore, ul. Lermontova, Saratov, 410031, Russian Federation; e-mail: kubankin2008@yandex.ru.

Л. Н. Соловьёва

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДРЕВЕСНЫХ ПОРОД ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА

Резюме. Статья посвящена результатам определения пород археологического дерева, применявшегося при строительстве оборонительных сооружений Албазинского острога во второй половине XVII в. в Амурской области, по анатомическим признакам. Выявлено, что при возведении несущих конструкций крепости (столбы, сваи) использовалась лиственница сибирская (*Larix sibirica*), в остальных случаях применялась сосна (*Pinus silvestris*). Статья содержит подробное описание анатомического строения древесины лиственницы и сосны, а также микрофотографии срезов полученных образцов.

Ключевые слова: Албазино, археология, строительная древесина, определение пород, анатомические признаки древесины, микроскопические срезы.

В ходе археологических работ Приамурской археологической экспедиции (Албазинская крепость) в 2013 г. были отобраны и переданы в лабораторию естественнонаучных методов ИА РАН на определение породы древесины фрагменты деревянных конструкций. Албазинский острог играл важную роль как в русско-китайских культурных и торговых отношениях, так и в вооруженных конфликтах с маньчжурскими войсками 1685-1689 гг. и известен как одно из крупнейших русских укрепленных поселений конца XVII в. на Амуре (*Черкасов, 2014*).

Поступившее дерево имело хорошую сохранность, сосуды не деформировались, его структура осталась прежней. Для каждого образца было изготовлено три среза в поперечном, радиальном и тангенциальном направлениях. Анализ строения древесины осуществлялся по подготовленным срезам при помощи бинокулярного микроскопа с целью выявления характерных признаков породы (*Вихров, 1959*).

Исследование срезов показало, что албазинские сооружения были построены из хвойных пород, а именно – из лиственницы сибирской и сосны обыкновенной (табл. 1). Их древесина идеально подходит по своим физико-механическим свойствам для строительства. Это ядровые породы, мало подверженные разрушению грибами и негативному влиянию внешней среды. Помимо этого, они легко доступны в данном регионе, строительный материал из них получается достаточно прочный и удобный в обработке. Древесина лиственницы характеризуется как тяжёлая, прочная и плотная. Эта неприхотливая порода занимает огромные площади в Сибири и на Дальнем Востоке. Сосна мягче лиственницы, она умеренно усыхающая и умеренно хрупкая, и также традиционно используется при строительстве.

Микроскопические признаки лиственницы сибирской (*Larix sibirica*)

Поперечный срез (рис. 1, 1). Переход от ранней древесины к поздней выражен очень резко. Поздние трахеиды толстостенные, у границы слоя сплющены,

Таблица 1. Результаты определения древесных пород оборонительных сооружений Албазинского острога

№ п/п	Год раскопок	Раскоп	Глубина	Квадрат	Сооружение	Деталь	Порода
1	2013	Раскоп I		кв. 1д	Сооружение 1		Лиственница
2	2013	Раскоп I		кв. 1д	Сооружение 1		Лиственница
3	2013	Раскоп I	яма 5, слой 1	кв. 2в		Доска	Сосна
4	2013	Раскоп I	яма 5	кв. 2в	Котлован	Западная доска с пола котлована	Сосна
5	2013	Раскоп I	яма 5, слой 1	кв. 2в			Сосна
6	2013	Раскоп I		кв. 1д	Сооружение 1		Лиственница
7	2013	Раскоп I		кв. А1	Сооружение 1	Свая фундамента	Лиственница
8	2013	Раскоп I			Сооружение 1	Столб 12	Лиственница
9	2013	Раскоп I		кв. А5	Сооружение 1	Деревянная стяжка фундамента	Сосна

с щелевидными полостями. Ранние трахеиды широкополостны и тонкостенны, имеют угловатое строение. Смоляные ходы в большинстве своём расположены в поздней древесине, имеют ширину в 3-4 клетки трахеид. Сердцевинные лучи однорядные.

Радиальный срез (рис. 1, 2). Ранние трахеиды имеют одиночные или расположенные в два ряда окаймлённые поры. Спиральные утолщения отсутствуют. Сердцевинные лучи гетерогенные. На полях перекрёста радиальные стенки трахеид несут по 2-6 пицеоидных поры. Горизонтальные трахеиды гладкие и волнистые. На тангенциальном срезе (рис. 1, 3) наблюдаются однорядные сердцевинные лучи высотой 6-10 клеток, а также многорядные лучи со смоляными ходами. Многорядные лучи веретеновидные, с длинным однорядным «хвостом» в 10 и более клеток. Смоляные ходы устланы 8-10 толстостенными клетками эпителия.

Микроскопические признаки сосны обыкновенной (*Pinus silvestris*)

На поперечном срезе (рис. 1, 4) представлены чётко выраженные годовичные слои. Поздняя древесина годовичного слоя хорошо видна. Поздние трахеиды имеют форму прямоугольников, чуть сдавленных в радиальном направлении, ранние трахеиды тонкостенные и широкополостные. Смоляные ходы размещаются преимущественно в поздней древесине. Они тонкостенны, их толщина меньше стенок окружающих трахеид. Сердцевинные лучи узкие, однорядные.

На радиальном срезе (рис. 1, 5) видны трахеиды без спиральных утолщений. Вертикальные ранние трахеиды на радиальных стенках несут крупные окайм-

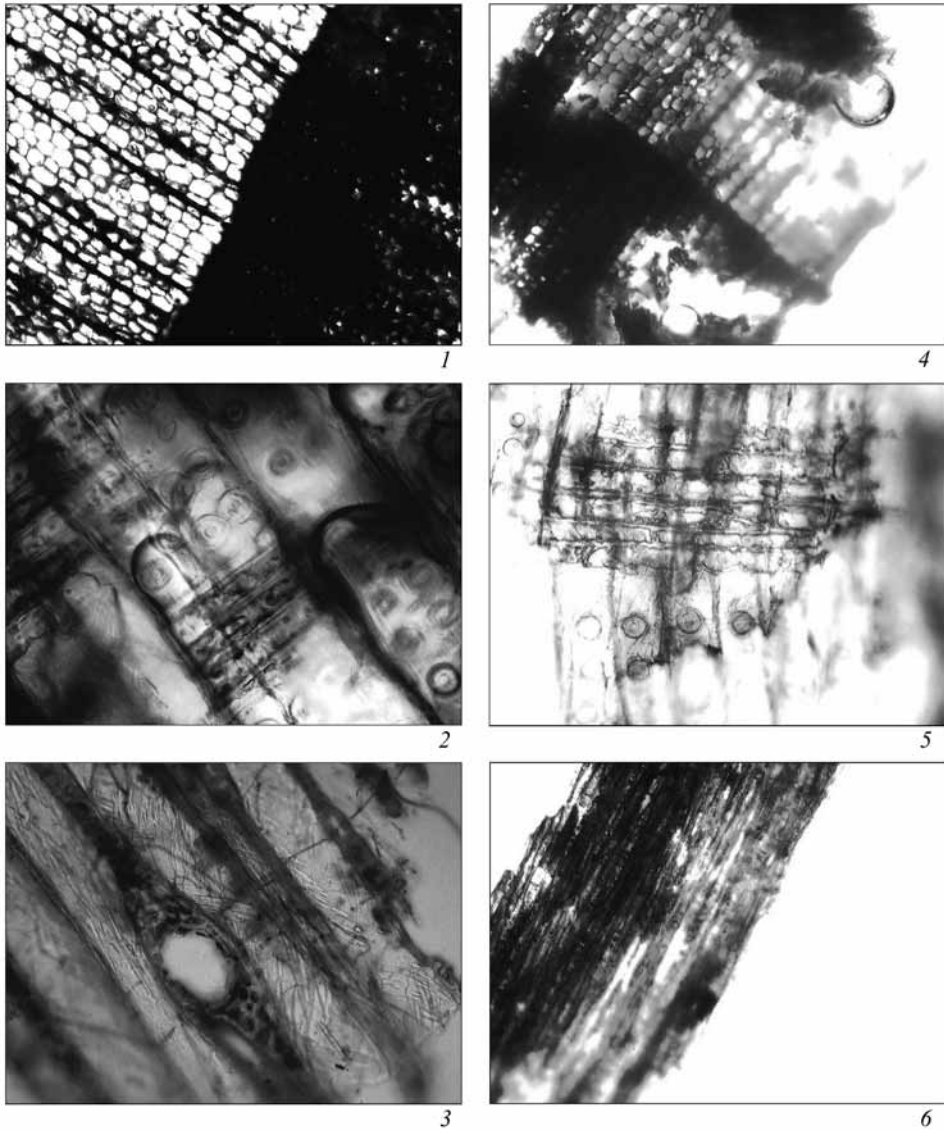

Рис. 1. Албазинский острог, 2013 г., раскоп I.

1 – соор. 1, кв. 1д. Лиственница сибирская (*Larix sibirica*). Поперечный срез, увеличение 10×; 2 – соор. 1, кв. 1д. Лиственница сибирская (*Larix sibirica*). Радиальный срез, увеличение 40×; 3 – соор. 1, кв. 1д. Лиственница сибирская (*Larix sibirica*). Тангенциальный срез, увеличение 40×; 4 – соор. 1, кв. А5. Деревянная стяжка фундамента. Сосна обыкновенная (*Pinus silvestris*). Поперечный срез, увеличение 10×; 5 – соор. 1, кв. А5. Деревянная стяжка фундамента. Сосна обыкновенная (*Pinus silvestris*). Радиальный срез, увеличение 40×; 6 – соор. 1, кв. А5. Деревянная стяжка фундамента. Сосна обыкновенная (*Pinus silvestris*). Тангенциальный срез, увеличение 10×

лённые поры округлой формы. Сердцевинные лучи гетерогенные. Внутренние паренхимные клетки сердцевинных лучей имеют крупные оконцовые поры, по одной на поле перекрёста пересекающих сердцевинный луч трахеид. Краевые трахеидные клетки сердцевинного луча расположены в два-три ряда, они несут маленькие окаймлённые поры и имеют волнистые стенки с зубчатыми утолщениями. Тангенциальный срез (рис. 1, б). Сердцевинные лучи однорядные и многорядные. В многорядных лучах располагаются смоляные ходы. Такие лучи имеют веретеновидную форму: сверху и снизу они однорядные, а к середине расширяются. Около смоляного хода сердцевинные лучи обычно двухрядные.

Таким образом, в результате проведения анализа по определению пород древесины было выявлено, что в ходе строительства крепости Албазино при возведении несущих конструкций, таких как столбы или сваи, использовалась более прочная лиственница сибирская, в остальных случаях, в частности – при настиле полов, бралась исключительно древесина сосны обыкновенной (табл. 1).

ЛИТЕРАТУРА

Вихров В. Е., 1959. Диагностические признаки древесины. М.: АН СССР. 132 с.

Черкасов А. Н., 2014. Работа Албазинской археологической экспедиции. Перспективы российско-китайского сотрудничества // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV Международной научно-практич. конф. (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 14–19 мая 2014 г.). Вып. 4 / Отв. ред.: Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск: БГПУ. С. 40 – 41.

Сведения об авторе

Соловьёва Лидия Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: lidia77-77@mail.ru.

L. N. Solovyova

Wood species determination from the fortifications of the Albazin fortress

Abstract. In the article the results of wood species determination are published. Archaeological wood samples were taken from the fortifications of the Albazin fortress of the second part of the 17th c. in the village Albazino, Amur Region. The determination was performed by the anatomic indications. It was established that Siberian larch (*Larix sibirica*) was used for building supporting constructions (posts and piles), but for the other constructions pine-tree (*Pinus silvestris*) was used. The paper contains detailed description of anatomic structure of larch and pine wood, as well as microphotos of the samples' microscopic sections.

Key words: Albazino, archaeology, construction timber, tree species determination, anatomic indications of wood, microscopic sections

About the author

Solovyova Lidiya N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: lidia77-77@mail.ru.

К. В. Воронин, А. В. Долгих, В. В. Мацковский

СРАВНИТЕЛЬНОЕ РАДИОУГЛЕРОДНОЕ И ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ДАТИРОВАНИЕ ИКОНЫ «БОГОМАТЕРЬ ИЕРУСАЛИМСКАЯ»

Резюме. В работе представлены результаты сравнительного дендрохронологического и радиоуглеродного датирования деревянной основы средневековой русской иконы XV в. Богоматерь Иерусалимская. Была поставлена задача сравнения полученных радиоуглеродных дат с результатами дендрохронологического анализа. Для выполнения дендрохронологических исследований верхние торцы иконных досок были зачищены, проведена их макрофотосъемка. Для проведения радиоуглеродного анализа были взяты образцы древесных колец из тех же торцов досок. Было отобрано и датировано 6 образцов. Дендрохронологическая дата иконы – 1524 г., радиоуглеродная – 1524–1546 гг. По данным искусствоведческого исследования икона датируется первой половиной XV в.

Ключевые слова: Богоматерь Иерусалимская, средневековье, изобразительное искусство, икона, радиоуглеродное датирование, ускорительная масс-спектрометрия, дендрохронологическое датирование, «wiggle-matching», Европейский Север России.

Русская средневековая икона как предмет изучения традиционно является объектом внимания историков искусства. Благодаря работам О. В. Лелековой и М. М. Наумовой в анализ памятников русской средневековой живописи были внедрены химико-технологические исследования (*Лелекова, Наумова, 1987; Наумова, 1998*). Но эти методы, касаясь вопросов датирования, оперируют эмпирически созданными относительными хронологиями, в качестве реперов для которых использованы немногочисленные исторически датированные или подписные памятники искусства, и, как правило, не позволяют получать конкретные даты создания для конкретных произведений или хотя бы узкие доверительные хронологические интервалы этих дат.

Вместе с тем, средневековая икона представляет собой объект, созданный в значительной степени из органических материалов, возрастом в несколько сотен лет, сопоставимый по древности с археологическими артефактами, пригодный для датирования методами дендрохронологии и радиоуглеродного анализа.

В данной работе представлены результаты сравнительного дендрохронологического и радиоуглеродного датирования средневековой русской иконы Богоматерь Иерусалимская.

Ранее нами датировалась икона Богоматерь Дексиократусса начала XV в., тогда были показаны недостатки жидкостно-сцинтилляционного метода радиоуглеродного датирования для данных объектов исследования (*Voronin et al., 2015*).

Объект исследования: русская икона XV в. «Богоматерь с младенцем типа Иерусалимской» (МОГ) из коллекции АНО «Наследие».

Цель исследования: провести дендрохронологическое и радиоуглеродное датирование деревянной основы иконы; соотнести полученные радиоуглеродные даты с результатами дендрохронологии.

Методы исследования

Для выполнения дендрохронологического анализа верхние торцы иконных досок были зачищены. Была проведена макрофотосъемка торцов досок с расстояния 10 см с последовательным наложением фотографий для панорамного изображения каждой доски. При помощи программы Lignovision по фотографиям была проведена разметка годовых колец и измерена их ширина. По общепринятой методике (Fritts, 1976; Cook, Kairiukstis, 1990) была проведена перекрестная датировка в программе TSAPWin (Rinn, 1996) с последующей проверкой качества в программе COFECHA (Holmes, 1983).

Для выполнения радиоуглеродного анализа проводился отбор образцов древесных колец из торцов иконных досок, зачищенных для дендрохронологического анализа. Отбор материала для одной датировки проводился из одного годовичного кольца, в случае узких колец – из двух годовичных колец. Было отобрано и продатировано 6 образцов с промежутком между образцами в 9 годовичных колец.

Отобранные образцы были датированы методом ускорительной масс-спектрометрии (УМС) в Центре прикладных изотопных исследований Университета штата Джорджии (г. Афины, США). Они были очищены от органических примесей последовательными процедурами с применением HCl и NaOH, в дальнейшем был получен графит, в котором на CAIS 0.5 MeV ускорителе было измерено содержание ^{14}C изотопа (Vogel et al., 1984).

Калибровка радиоуглеродных дат производилась в программе OxCal v4.1.7 (Bronk Ramsey, 1995) на основе калибровочной кривой IntCal 09 (Reimer et al., 2009). Статистический метод согласования радиоуглеродных дат («wiggle-matching») проводился также в программе OxCal v4.1.7 (Bronk Ramsey et al., 2001). Процедура wiggle-matching (метод согласования вариаций, или метод стыковки флуктуаций) использует уже известную разницу (шаг) в последовательности древесных колец и позволяет значительно сузить интервалы вероятностей получаемых калибровочных дат на основе постулатов байесовской статистики.

Результаты и их обсуждение

Икона написана на одной сосновой доске размером $65 \times 43 \times 2,5$ см (рис. 1, на вклейке, с. 399). Она относится к изводу Богоматери Иерусалимской, изображавшейся в прямом и зеркальном переводе, популярной в землях Великого Новгорода.

По иконографии, присутствию в декоре нимбов канфаренного узора, использованию гипсового грунта, а в красочных смесях редкого свинцово-оловянистого желтого пигмента, характерного для западноевропейской живописи, О. В. Лелекова и М. М. Наумова (ГосНИИР, г. Москва) отнесли икону к памят-

никам новгородского круга и датировали ее началом XV в. Опираясь на стиль живописи, Е. М. Саенкова (ГТГ, г. Москва) атрибутировала икону как памятник новгородских земель первой половины XV в. Под памятниками новгородского круга подразумеваются иконы, иконографически, стилистически и технологически написанные в русле новгородской традиции в каком-либо художественном центре обширных новгородских владений, но не обязательно в самом Великом Новгороде или его ближайших окрестностях.

Дендрохронологическое датирование иконы по Вологодской (1085–2009 гг.; *Соломина и др.*, 2011; *Карпунин, Мацковский*, 2014), Соловецкой (1185–2009 гг.; *Соломина и др.*, 2011; *Мацковский и др.*, 2013) дендрошкалам, а также по дендрошкале церкви в Пияле (Онежский р-н, Архангельская обл.; 1367–1652 гг.; *Черных, Сергеева*, 1997; неопубликованные материалы лаборатории дендрохронологии Института географии РАН) показало одинаковую дату для внешнего кольца (MOG 1) – 1524 год с высокими статистическими показателями (t -value 4,2–6,2). Датирование по дендрошкале из Великого Новгорода (1102–1514 гг.; *Колчин*, 1963; дополнено данными: *Пежемский, Мацковский*, 2013) не дало надежных результатов. Статистические показатели датировки внешнего кольца (MOG 1) для 1524 г. по этой шкале низкие (t -value = 2.4).

Более высокие статистические характеристики датирования, полученные для Соловецкой дендрошкалы, позволяют предположить происхождение древесины, из которой изготовлена доска иконы, с севера современной Архангельской области.

Калибровка полученных УМС-датировок показывает, что основная часть радиоуглеродных калиброванных дат пересекается с дендродатами (табл. 1). Однако временные интервалы калиброванных дат довольно велики (от 42 до 180 лет, 2σ 95,4%). В одном случае мы не получили пересечение между дендродатой и калиброванной радиоуглеродной датой (образец MOG 6: 1491–1492 гг. по дендрохронологии и 1520–1654 гг. по радиоуглероду, 2σ). Эти проблемы калибровки характерны для мест «изгибов» и «плато» радиоуглеродной калибровочной кривой. Для исходных дат с невысокой погрешностью (например, MOG 4: 350 ± 20 , рис. 2, на вклейке, с. 400) на калибровочной кривой может оказаться 2 и более пересечений. В связи с этим интервал калиброванной даты резко увеличивается до 150 и даже 300 лет во II тыс. н. э. Именно в районе 1530–1630 гг. отмечается крупный «изгиб», осложняющий калибровку радиоуглеродных дат для середины XV – середины XVII в.

Существенно сузить временной интервал вероятной радиоуглеродной датировки позволяет статистический метод согласования, применяющийся к последовательности радиоуглеродных дат для (одного) объекта с известным временным интервалом (числом годовых колец) между ними.

В нашем случае имеется серия из 6 образцов с шагом в 10 лет (MOG 1: 1442 г. – MOG 6: 1491–1492, табл. 1), охватывающая 50-летний период. Для всего ряда из 6 дат итоговая статистическая характеристика $A\sigma_{6b}$ оказалась невысокой (28,8%, для достоверной серии должно быть >60%). Это связано с невысокой длиной ряда, который на калибровочной кривой захватывает лишь участок как самого «изгиба», так и участок до «изгиба». Кроме того, на невысокие статистические показатели оказал влияние тот факт, что ра-

Таблица 1. Результаты УМСрадиоуглеродного датирования иконы
«Богоматерь Иерусалимская»

Образец	Дендро дата, AD	Лабораторный индекс (^{14}C)	^{14}C возраст, лет назад	Калиброванный возраст, AD 2σ (95,4%)
MOG 1	1442	UGAMS-15779	420 $\pm$ 20	1435-1488
MOG 2	1452	UGAMS-15780	440 $\pm$ 20	1427-1469
MOG 3	1462-1463	UGAMS-15781	33020	1487-1641
MOG 4	1472	UGAMS-15782	350 $\pm$ 20	1461-1529 (0,426) 1544-1634 (0,528)
MOG 5	1482	UGAMS-15783	370 $\pm$ 20	1450-1524 (0,627) 1572-1630 (0,327)
MOG 6	1491-1492	UGAMS-15784	290 $\pm$ 20	1520-1593 (0,62) 1619-1654 (0,334)

диоуглеродная дата образца MOG 6, полученная для годовых колец дендрохронологически датированных 1491–1492 гг., оказалась более поздней: интервалы 2σ 1520–1593 (0,62) и 1619–1654 (0,334). Таким образом, результаты радиоуглеродного датирования данного образца представляются явно омоложенными.

Известно, что единичные радиоуглеродные даты иногда сильно «выпадают» как из археологического контекста, так и из серии других дат, предположительно того же возраста. Дополнительную проверку надежности радиоуглеродной даты дает процедура согласования. Она позволяет сравнить дату с другими аналогичными датами, отстоящими от нее на известное число календарных лет. При этом, если часть дат выпадают из последовательности (о чем говорит низкое значение A_{comb}), появляется основание для их исключения – из-за несогласованности с другими датами серии. Успешная статистическая процедура согласования оказалась возможной для последовательности из трех дат: MOG 1: 1442 г., шаг 30 лет, MOG 4: 1472 г., шаг 10 лет, MOG 5: 1482 г. (рис. 3, на вклейке, с. 400), т. е. даты MOG 2, 3, 6 были исключены на основании несогласованности с другими тремя. В результате была получена высокая итоговая статистическая характеристика A_{comb} – 107,9%. Для образца MOG 5 (^{14}C 370 $\pm$ 20 л. н., калиброванные интервалы 2σ : 1450–1524 гг. (62,7%) и 1572–1630 гг., 32,7%), отобранного из древесного кольца с дендрохронологической датой 1482 г., получен итоговый интервал 1483–1504 гг. (с вероятностью 68,2%) или 1479–1516 гг. (с вероятностью 95,4%).

Итоговая радиоуглеродная дата для внешнего кольца (1524 г.), полученная на основе процедуры согласования – 1525–1546 гг. (1 σ ; 68,2%) или 1521–1558 (2 σ ; 95,4%).

Выводы

Сочетание дендрохронологического и радиоуглеродного датирования иконных досок является наиболее корректным подходом определения возраста памятников иконописи, т. к. эти методы, дополняя друг друга, позволяют получить наиболее достоверные результаты.

У каждого из этих методов имеются ограничения применения, но их совместное использование позволяет в некоторой степени их компенсировать и увеличить вероятность получения правильного результата.

Статистически достоверные результаты дендрохронологического датирования памятников искусства также позволяют определить регион произрастания дерева, из которого изготовлена доска иконы.

Для иконы Богоматерь Иерусалимская (1-я половина XV в. – по данным искусствоведческой атрибуции; начало XV в. – по данным технологического исследования) получены дендрохронологическая дата внешнего кольца иконной доски – 1524 г. (высокая статистическая достоверность), радиоуглеродная дата 1524–1546 гг. (68,2%). В этом случае дендрохронологическое датирование весьма достоверно и является основой для анализа погрешностей в результатах радиоуглеродного датирования.

Дендрохронологический анализ деревянной основы иконы показал, что сосна, из которой она изготовлена, произрастала на Русском Севере, наиболее вероятно – на севере Архангельской области. Этот географический регион, вероятно, можно рассматривать и как место написания этой иконы, так как импорт древесины с этих территорий в другие районы Руси в XV–XVI вв. был маловероятен и не упоминается в источниках.

ЛИТЕРАТУРА

- Карпухин А. А., Мацковский В. В.*, 2014. Абсолютная генерализированная дендрохронологическая шкала бассейнов рек Шексны и Сухоны (1085–2009 гг.) // РА. № 2. С. 76–87.
- Колчин Б. А.*, 1963. Дендрохронология Новгорода // Новые методы в археологии. М.: Наука. С. 5–103. (МИА; № 117).
- Лелекова О. В., Наумова М. М.*, 1987. К изучению материалов и техники средневековой живописи // Древнерусское искусство: исследования и атрибуции. СПб. С. 454–466.
- Мацковский В. В., Соломина О. Н., Бушуева И. С.*, 2013. Дендрохронология Соловецких островов // Соловецкий сборник. Вып. 9. Архангельск. С. 41–58.
- Наумова М. М.*, 1998. Техника средневековой живописи. М.: ГосНИИР. 87 с.
- Пежемский Д. В., Мацковский В. В.*, 2013. О датировке кладбища у Никольского собора на Ярославском Дворище в Великом Новгороде // Вестник антропологии. №3(25). С. 89–99.
- Соломина О. Н., Мацковский В. В., Жуков Р. С.*, 2011. Дендрохронологические «летописи» «Вологда» и «Соловки» как источник данных о климате последнего тысячелетия // Доклады Академии наук. Т. 439. № 4. С. 539–544.
- Черных Н. Б., Сергеева Н. Ф.*, 1997. Дендрохронология архитектурных памятников на севере России (бассейн Северной Двины и Онеги) // РА. №1. С. 109–124.
- Bronk Ramsey C.*, 1995. Radiocarbon calibration and analysis of stratigraphy: The OxCal program // Radiocarbon. Vol. 37. No. 2. P. 425–430.

- Bronk Ramsey C., van der Plicht J., Weninger B.*, 2001. «Wiggle matching» radiocarbon dates // Radiocarbon. Vol. 43. No. 2A. P. 381–389.
- Cook E. R., Kairiukstis L. A.*, 1990. Methods of Dendrochronology: applications in the environmental sciences. Dordrecht: Kluwer. 394 p.
- Fritts H. C.*, 1976. Tree rings and climate. London; New-York. 567 p.
- Holmes R. L.*, 1983. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // Tree-Ring Bulletin. Vol. 44. P. 69–78.
- Reimer P. J., Baillie M. G. L., Bard E. et al.*, 2009. IntCal09 and Marine09 radiocarbon age calibration curves, 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. Vol. 51. No. 4. P. 1111–1150.
- Rinn F.*, 1996. TSAP.Version 3.0. Reference manual. Computer program for time series analysis and presentation. Heidelberg. 262 p.
- Vogel J. S., Southon J. R., Nelson D. E., Brown T. A.*, 1984. Performance of catalytically condensed carbon for use in accelerator mass spectrometry // Proceedings of the 3rd International Symposium on Accelerator Mass Spectrometry. Nuclear Instruments and Methods in Physics Research / Eds.: W. Wolfli, H. A. Polach, H. H. Anderson. B5. P. 289–293.
- Voronin K., Dolgikh A., Matskovsky V., Cherkinsky A., Skripkin V., Alexandrovskiy A.*, 2015. Comparative dendrochronological and ^{14}C dating of 15th century Russian icon // Radiocarbon. In print.

Сведения об авторах

- Воронин Константин Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ooo.sab2001@gmail.com;
- Долгих Андрей Владимирович, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия; e-mail: dolgikh@igas.rus.
- Мацковский Владимир Владимирович, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия; e-mail: matskovsky@igras.ru. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ №МК-7865.2015.6.

K. K. Voronin, A. V. Dolgikh, V. V. Matskovsky

Comparative radiocarbon and dendrochronological dating of the icon «Mother of God, Jerusalem type»

Abstract. Russian icon «the Mother of God with the Child» of Jerusalem type from the North of Russia have been dated by radiocarbon AMS and dendrochronological methods. The dendrochronological date of the outer ring of the board of the icon is 1524 AD (high statistical reliability). AMS wiggle-matching modeled date for the same tree-ring is 1524–1546 (1 σ , 68,2%). According art-attribution and technological research the icon have been dated back to the 1st half of the 15th century.

Key words: Mother of God of Jerusalem type, Middle Ages, fine arts, icon, radiocarbon dating, AMS-spectrometry, dendrochronological dating, «wiggle-matching», North of European Russia.

About the authors

- Voronin Konstantin K., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ooo.sab2001@gmail.com;
- Dolgikh Andrey V., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetny per., 29, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: dolgikh@igas.rus.
- Matskovsky Vladimir V., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetny per., 29, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: matskovsky@igras.ru.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ, ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. А. Масленников, С. В. Меснянкина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В 2014 г. (СТАТИСТИКА И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Резюме. В публикации представлены статистические данные о археологических полевых работах на территории Российской Федерации в 2014 г. Показан рост числа заявок и выдаваемых разрешений (открытых листов) на проведение археологических полевых работ в РФ в последние пять лет. В 2014 г. из Министерства культуры в ИА РАН поступило 2032 заявки и было выдано 1845 разрешений (открытых листов). Археологические работы проводились на территории 85 регионов РФ. В их выполнении в 2014 г. приняли участие 369 учреждений и организаций (в 2013 – 350). Полевые исследования включали: раскопки, разведки и археологические наблюдения. В 2014 г. около 70% разведочных работ осуществлялось в связи с археологическим обследованием земельных участков, отводимых под хозяйственное освоение, две трети раскопочных исследований носили охранный характер. Приведенные данные демонстрируют определенные тенденции в полевой археологии России, и их следует учитывать в практической работе по координации и регламентации полевых исследований.

Ключевые слова: археологические полевые исследования, археологические работы, раскопки, разведки, археологические наблюдения, разрешения (открытые листы), РАН, регионы, статистика, научный отчет.

В настоящее время говорить о состоянии полевой археологии в России, можно исходя из информации, содержащейся в таких основных документах, как: заявления и прилагаемые к ним документы на проведение археологических полевых работ (далее заявки), экспертные заключения о научной обоснованности планируемых полевых археологических работ, разрешения (открытые листы) на право производства археологических полевых работ и научные отчеты о проведенных исследованиях, а также сопровождающая их иная документация. Как известно, фактически с 2010 г. в соответствии с действующим законодательством разрешения (открытые листы) выдаются Министерством культуры Российской Федерации (Департамент культурного наследия) на основании представленных исследователями пакетов документов и экспертных заключе-

ний Российской академии наук о необходимости и целесообразности заявленных полевых работ.

Как это не покажется на первый взгляд парадоксально, но в последние десятилетия в России происходит неуклонный рост объёма археологических полевых работ, числа экспедиций и организаций ведущих исследования. Что, естественно, ведёт и к росту соответствующей документации. В целом, этот процесс напрямую связан как с изменениями в законодательстве (ужесточение требований при планировании и проведении разного рода хозяйственных работ), так и собственно с хозяйственным освоением городских и сельских территорий. В какой-то степени возросла и финансовая поддержка традиционных, чисто научных археологических проектов различными государственными Научными фондами и целевыми программами РАН, Министерства культуры РФ и региональных центров. Она даёт возможность не только вести многолетние археологические исследования ключевых памятников археологии разных эпох, но и успешно реализовывать новые проекты с применением самых современных методов полевых изысканий, что в итоге обеспечивает сохранение объектов культурного наследия и постоянное развитие археологической науки.

Сбор и учет информации, статистика и анализ текущего состояния полевых работ, анализ структуры и динамики развития археологических полевых исследований в широких хронологических рамках осуществляется в настоящее время с использованием функционирующей в Институте археологии РАН, в частности, в отделе полевых исследований, автоматизированной информационной системы (АИС) «Комплекс программных средств автоматизированного учета информации по археологическим исследованиям «Листопад»». В данной заметке мы позволим себе привести соответствующую статистическую информацию, отражающую итоги археологических полевых работ лишь за фактически завершившийся период – 2014 г., привлекая по отдельным позициям некоторые сравнительные данные. Разумеется, более широкая «картина», построенная на анализе статистики за последние 5–10 лет в плане общей динамики и поиска некоторых причинно-следственных связей и тенденций развития современной полевой археологии была бы значительно полнее и интереснее, но это – задача следующей, более развернутой, публикации.

Итак, в 2014 г. из Министерства культуры РФ в Институт археологии РАН в истекшем году поступило 2032 заявления с прилагаемыми к ним документами на получение разрешений (открытых листов) на право производства археологических раскопок и разведок на территории Российской Федерации. О своем участии и организации процесса проведения археологических полевых исследований заявили 369 различных учреждений и организаций. Для сравнения – в 2013 г. было зарегистрировано 1978 заявок от 350 организаций, в 2012 – 1761 заявка от 334 организаций. Увеличение их числа в 2014 г. в определенной мере является следствием возвращения в состав Российской Федерации Республики Крым. К проведению археологических раскопок и разведок в текущем году подключились 7 научных учреждений и организаций из Крымского федерального округа: Керченский историко-культурный заповедник, Историко-археологический заповедник «Неаполь Скифский», Национальный заповедник «Херсонес Таврический», Таврический национальный универси-

тет им. В. И. Вернадского, Крымское отделение Института востоковедения, Институт археологии Крыма и Крымский региональный центр археологических исследований. Следует отметить, что, хотя крымские организации и увеличили количество участников, проводящих полевые археологические работы, в целом рост числа организаций, выполняющих полевые работы, является объективной тенденцией в современной полевой археологии. Не вдаваясь в рамки настоящей публикации в разбор причин этой тенденции, хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства. Имеющаяся статистика по категориям учреждений и организаций, обеспечивающих полевые исследования, показывает ежегодное увеличение в этих работах числа негосударственных организаций. Так, доля участия в полевых работах негосударственных организаций в период с 2010 г. по 2014 г. увеличилась с 28 до 38 %. В 2014 г. доля участия музеев в археологических раскопках и разведках составила 14,5%, ВУЗов – 18%, учреждений РАН и научно-исследовательских институтов – 11% (6 и соответственно 5%). Некоторый объем археологических работ выполняется органами охраны памятников, местной администрацией и госцентрами – 16% и иными самостоятельными учреждениями – 2,5%. Говоря о количественном составе организаций, следует отметить и отдельные качественные показатели. Так, учреждениями РАН и научными исследовательскими институтами (их число как учреждений стабильно) в совокупности осуществляется около 25 % всех полевых работ.

Ежегодно число непосредственных исполнителей археологических полевых работ (держателей открытых листов), пополняется специалистами, как правило, за счёт исследователей, недавно закончивших ВУЗы и, согласно новым требованиям, уже имеющих определенный опыт руководства и проведения работ в археологических экспедициях и подготовке научной отчетной документации. В 2014 г. впервые подали заявления на получение разрешений (открытых листов) 118 специалистов (для сравнения: в 2006 г. – 93, в 2007 г. – 121, в 2008 г. – 111, в 2009 г. – 105, в 2010 г. – 76, в 2011 г. – 75, в 2012 г. – 125, в 2013 г. – 137). В их числе 41 исследователь из числа участников и руководителей археологических экспедиции, ранее работавших на полуострове Крым.

В 2014 г. в соответствии с поступившими из Министерства культуры РФ заявлениями и прилагаемыми к ним документами Научным советом по археологическим полевым исследованиям РАН и отделом полевых исследований ИА РАН было подготовлено 2060 заключений о научной обоснованности планируемых полевых археологических работ. Доля отрицательных заключений при первичном рассмотрении поступивших заявок на выдачу разрешений (открытых листов) составила около 9,4% от их общего числа. На основании подготовленных Российской академией наук заключений о научной обоснованности планируемых полевых археологических работ МК РФ в 2014 г. было выдано 1845 разрешений (открытых листов) (также для сравнения: в 2013 г. таковых было 1723, в 2012 г. – 1572, в 2011 г. – 1245, в 2010 г. – 1245). Из них на работы в Республике Крым в истекшем году выдано 68 разрешений (открытых листов), в том числе 18 – на территории г. Севастополя. Необходимо отметить, что регистрация, рассмотрение необходимой документации и принятие Научным советом по археологическим полевым исследованиям РАН решений, касающихся исследователей, работавших

до 2014 г. в Крыму, проводилось с учетом выполнения ими требований Полевого комитета ИА НАНУ, а именно – обязательной сдачи научных отчетов за 2013 г. и предшествующие годы в Полевой комитет ИА НАНУ.

Из 68 разрешений (открытых листов), выданных для проведения раскопок и разведок на полуострове Крым, 18 получили исследователи из ведущих научных учреждений России, традиционно работающие на полуострове. В их числе Институт истории материальной культуры РАН, Государственный Эрмитаж, Московский Государственный университет, Институт востоковедения РАН, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Институт археологии РАН, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н.Толстого.

Постоянный рост количества выданных открытых листов свидетельствует как минимум об активности в проведении полевых исследований на протяжении последнего десятилетия. Распределение открытых листов по территории демонстрирует административно-географическую ситуацию с археологическими полевыми работами в России. В 2014 г. ими были охвачены 85 субъектов Российской Федерации, из всех федеральных округов, в том числе Республика Крым и г. Севастополь, включенные в Крымский федеральный округ. В числе регионов, на территориях которых в текущем году возобновились археологические исследования, укажем Ингушскую Республику и Магаданскую область, хотя количество выданных открытых листов тут минимально – 1 и 2.

Статистика открытых листов по федеральным округам представлена следующими данными: Центральный федеральный округ – 469 разрешений (открытых листов), Приволжский – 327, Южный – 303, Сибирский – 240, Северо-Западный – 169, Уральский – 140, Дальневосточный – 81, Крымский – 68 и Северо-Кавказский – 66. Эти цифры во многом отражают не только историко-географическую специфику указанных округов Российской Федерации, но и их современное экономическое развитие. Именно в наиболее динамично развивающихся регионах, вследствие выполнения договоров по обследованию земельных участков, отводимых под хозяйственное освоение и охранно-спасательных исследований на памятниках археологии, находящихся на участках строительства, и производится значительная часть археологических полевых работ. Количественный анализ открытых листов по их распределению по субъектам Российской Федерации позволяет выделить в пределах федеральных округов регионы, подвергнутые археологическому изучению в большей и меньшей степени.

Наиболее активно археологические полевые работы ведутся в следующих регионах (областях, краях и республиках): Краснодарский край – 173 разрешения (открытых листа); Тверская обл. – 96; Самарская обл. – 95; Ростовская обл. – 87; Московская обл. – 70; Республика Крым – 50; Оренбургская обл. – 46; Костромская обл. – 44; Ханты-Мансийском АО – 40; Республика Башкортостан – 39; Алтайский край – 34; Новгородская обл. – 36; Иркутская обл. – 33; Нижегородская обл. – 32; Пермский край – 30; Новосибирская обл. – 29; Приморский край – 35; Воронежская обл. – 33; Республика Татарстан – 29; Липецкая обл. – 28; Саратовская обл. – 28. Ямало-Ненецком АО – 28; Челябинская обл. – 30; Омская обл. – 27; Волгоградская обл. – 27; а также в г. Москва – 32; г. Санкт-Петербург – 19 и в г. Севастополь – 18.

Достаточно интенсивные археологические изыскания имеют место в Калининградской обл. – 26; Ярославской обл. – 25; Владимирской обл. – 23; Тюменской обл. – 23; Тульской обл. – 22; Ставропольском крае – 21; Курской обл. – 21; Ульяновской обл. – 19; Томской обл. – 19; Вологодской обл. – 19; Удмуртской Республике – 18; Псковской обл. – 17; Кемеровской обл. – 17; Республике Тыва – 17; Республике Саха (Якутия) – 17; Свердловской обл. – 16; Забайкальском крае – 14; Республике Дагестан – 13; Республике Адыгея – 13; Астраханской обл. – 13; Республике Хакасия – 12.

В последние пять лет наблюдается рост числа полевых исследований в ряде регионов, в которых в середине 2000-х гг. практически не велись археологические работы. Так, в текущем году для выполнения археологических работ в Тамбовской области было выдано 11 открытых листов, в Смоленской – 13, Республике Мордовия – 7, Орловской области – 6, Чеченской республики – 6. Тем не менее, по-прежнему малоисследованными в археологическом отношении остаются некоторые регионы Дальнего Востока, Крайнего Севера и Сибири, а также территория Ингушской республики.

Археологические исследования проводились на территории 218 городов Российской Федерации, включая города федерального значения: Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. В числе других городов, где постоянно проводятся археологические работы, отметим такие исторические центры как Великий Новгород, Переславль-Залесский, Тверь, Ярославль, Рязань, Казань, Нижний Новгород, Смоленск, Калининград, Тула и многие другие.

В 2014 г. в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 27 от 20 февраля 2014 г. археологические полевые работы включали следующие виды работ: археологические разведки, археологические раскопки и археологические наблюдения. На проведение археологических разведок было выдано 995 разрешения (открытых листа), на раскопки – 785 и на археологические наблюдения – 65. Приведенные данные, показывающие преобладание разведочных работ над археологическими раскопками, – следствие роста числа работ по археологическому обследованию земельных участков, т. н. землеотводов (до 70 % всех разведок), предворяющих их непосредственное хозяйственное освоение. Только около 9% разведочных открытых листов не предполагают выполнения локальных земляных работ. Как правило, такие работы осуществляются археологами, получившими свой первый открытый лист. Археологические наблюдения как самостоятельный вид полевых работ в текущем году проводись впервые, и выданные на них 65 открытых листа показывают определенную востребованность этого вида работ в полевых исследованиях.

В 2014 г. собственно археологические раскопки велись преимущественно на памятниках, разрушаемых в результате хозяйственно-строительной деятельности, а также природными процессами и кладоискательством, и носили, в сущности, охранно-спасательный характер. При этом раскопкам подвергались как небольшие (до 100 кв. м) участки памятников и культурного слоя, так и весьма значительные (до 1500–5000 кв. м) площади, нередко полностью охватывающие территорию памятников. В числе больших хозяйственно-строительных проектов, в ходе которых в 2014 г. осуществлялись масштабные археологические раскопки и разведки, отметим продолжавшиеся строительство газопровода

«Южный поток», Южно-Европейского газопровода, Гочатлинской ГЭС-1 (зона создания водохранилища ГЭС), начавшееся обследование территории под строительство моста через Керченский пролив.

Увеличение объемов археологических полевых работ и количества выдаваемых разрешений (открытых листов) напрямую отражается и в количестве сдаваемой исследователями научной отчетной документации. Так, в 2013 г. в Институт археологии РАН поступило 1472 научных отчета, из них 1048 отчетов были выполнены соответствии с открытыми листами, выданными в 2012 г., и 426 – по открытым листам, выписанным как непосредственно в 2013 г., так и в более ранние годы. В 2014 г. зарегистрировано 1408 научных отчетов, из которых 1018 были представлены в соответствии с открытыми листами, полученными исследователями в 2013 г. Процесс сдачи научных отчетов по результатам полевых работ 2014 г. в настоящее время еще далек от завершения (пока сдано 157 отчетов, выполненных в соответствии с открытыми листами, выданными в 2014 г.), но исходя из существующей тенденции, можно прогнозировать поступление в 2015 г. научной отчетной документации не меньшего объема, чем в предыдущие годы.

Представленные краткие статистические данные отражают текущее состояние полевой археологии в масштабах Российской Федерации и одновременно демонстрируют существующие тенденции в развитии полевой археологии в РФ, что, безусловно, следует учитывать в практической работе по координации и регламентации будущих археологических полевых исследований.

Сведения об авторах

Масленников Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: iscander48@mail.ru.

Меснянкина Светлана Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: msvla@yandex.ru.

A. A. Maslennikov, S. V. Mesnyankina

Field archaeological investigations in the territory of Russia in 2014 (statistics and preliminary analysis)

Abstract. The paper presents statistical data on archaeological field works realized in 2014 in the territory of the Russian Federation. It demonstrates increase of applications for the grants of licenses and issued permissions to carry out archaeological excavations in the Russian Federation in the last 5 years. In 2014 Institute of Archaeology RAS received totally 2032 applications from the Ministry of Culture, 1845 licenses were issued. Archaeological works were carried out in 85 regions of RF, 369 institutions and organizations participated in field works (in 2013 there were 350 participants). Field research works included full-scale excavations, field surveys, archaeological observations. In 2014 70% surveys were realized in relation with the archaeological inspections of the lands allotted for economic activity; two thirds of excavation projects were of rescue nature. The published data show certain trends in the field archaeology of Russia, they must be considered, when planning and regulating practical realization of archaeological field works.

Key words: archaeological field investigations, archaeological works, excavations, field surveys, archaeological observations, licenses, Russian Academy of Sciences, regions, statistics, scientific report

About the authors

Maslennikov Alexander A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: iscander48@mail.ru;

Mesnyankina Svetlana V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: msvla@yandex.ru.

И. А. Сорокина

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ НОРМ УЧЕТА И ХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В РОССИИ

Резюме. В российских музеях находятся коллекции артефактов, обнаруженных при полевом исследовании памятников археологии. От методов фиксации и отбора археологических находок зависит их информативность как исторического источника. Нормы, позволяющие выйти на уровень научного изучения коллекции, как в России, так в других странах, установились не сразу. Большая заслуга в этом принадлежит Императорской археологической комиссии. После смены власти в 1917 г. ее традиции не только не были утеряны, но были использованы новые возможности, возникшие после принятия охранного законодательства в России. Многие современные проблемы, связанные с археологическими коллекциями, обозначились еще во второй половине XIX в. Некоторые не решены и сейчас. Более ста лет в России вырабатывались принципы формирования, документирования и хранения археологических коллекций. Возобладал научный подход, делающий коллекцию археологического материала историческим источником.

Ключевые слова: археологические коллекции, учет, консервация, реставрация, хранение, музейные фонды.

В российских музеях находятся коллекции артефактов, обнаруженных при полевом исследовании памятников археологии. Иногда они составляют большую часть фондов. Для того чтобы эти артефакты стали полноценным историческим источником, необходимо знать место и условия их обнаружения, их взаимосвязь в системе объектов и слоев данного археологического памятника. От методов фиксации и отбора археологических находок зависит их информативность. Нормы, позволяющие выйти на уровень научного изучения коллекции, как в России, так в других странах, установились не сразу.

Есть два подхода к формированию археологических коллекций. Первый известен в Европе с эпохи Возрождения и состоит в приобретении эффектных находок.

Археологический памятник в этом случае рассматривается только как место добычи предметов древности, его культурно-исторический контекст не имеет значения. Такой подход господствовал практически повсеместно до середины XIX в. и сохранился и до нашего времени (столь распространенные ныне в России грабительские раскопки). При втором подходе раскопки памятника производятся с целью его изучения. Применяется научная методика (доступная на данный момент времени), находки связываются с археологическим контекстом и ценятся именно благодаря этому. Во второй половине XIX – начале XX в. российские археологи прилагали огромные усилия к изменению менталитета любителей древностей и формированию восприятия именно научной значимости археологических коллекций. Рассмотрим некоторые вехи в этом процессе, важные для понимания современного состояния проблем обработки и хранения археологического материала.

Одной из задач созданной в 1859 г. Императорской археологической комиссии (ИАК) был учет «предметов древности» в масштабах государства. На рубеже 1880–1890-х гг. объем полевых работ в России резко увеличился. Раскопки для добывания находок, оседавших в частных коллекциях или вывозимых для продажи за рубеж, стали массовым явлением. Следовало упорядочить деятельность многочисленных обществ любителей древности и частных лиц. Был поставлен вопрос о представлении отчетов о раскопках и передаче коллекций в государственные и общественные музеи. Наибольшие проблемы возникали при раскопках памятников, расположенных на частных землях. ИАК приходилось договариваться с владельцами на условиях паритетного дележа находок, причем наиболее интересные могли попасть именно в частную коллекцию. Ситуация значительно облегчилась с введением в 1889 г. системы регламентации полевых исследований посредством выдачи открытых листов на раскопки и обследование археологических памятников.

Чтобы коллекция стала источником получения научного знания о прошлом, необходим ряд мер: обеспечение ее физической сохранности; учет в контексте памятника; правильная организация хранения; обеспечение доступа специалистов для научного изучения. Возникает необходимость в инструкциях, определяющих порядок фиксации и хранения материала. В России первое такое руководство было написано в 1898 г. членом ИАК А. А. Спицыным (*Спицын*, 1898). В нем определены основные правила, положившие начало современной системе музейного хранения археологических коллекций и обеспечению научного подхода к их формированию. Дальнейшее развитие эта тема получила в работе В. А. Городцова, посвященной методике полевых исследований (*Городцов*, 1911. С. 45–47). Он уделил много внимания транспортировке археологических находок в музеи, их первичной очистке и консервации.

Несколько раньше, на XIV археологическом съезде (1908 г.) обсуждался вопрос о повсеместном создании «фондохранилищ» для археологических коллекций. Количество поступавших в музеи находок к тому времени намного превышало возможности их экспонирования. Необходимо было разрабатывать принципы организации фондов, что и делалось постепенно, не только в столичных музеях, но и в провинции. На съезде также были приняты правила работы с коллекциями, разработанные А. А. Спицыным. Это была важная веха, но, к сожалению, еще далеко не все понимали необходимость их введения. Дальнейше-

му развитию дела охраны археологических памятников чрезвычайно мешало отсутствие соответствующего законодательства.

Новый этап в формировании археологических фондов российских музеев наступил со сменой власти в 1917 г. Изменялись названия и функции учреждений, но сохранялось основное – централизованный контроль над полевыми исследованиями. При национализации объектов культурного наследия это означало и контроль над археологическими коллекциями. В 1918 г. в системе Наркомпроса РСФСР был образован Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины, при котором действовали Археологический и Музейный подотделы. В 1919 г. на базе ИАК и сменивших ее учреждений создана Российская академия истории материальной культуры (РАИМК, с 1926 г. – ГАИМК). Таким образом, вместо одного археологического ведомства (ИАК) появляются два: одно с административными функциями, другое – с научными.

Разрабатывалось советское законодательство, имеющее непосредственное отношение к археологическим коллекциям. Основные документы: декрет «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (1918 г.); декрет «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» (1924 г.). Все полномочия по учету и охране памятников археологии и археологических коллекций возложены на Отдел музеев Наркомпроса и его региональные подотделы. В то же время повысилась и роль региональных музеев.

С конца 20-х гг. XX в. систематически выпускались Инструкции по проведению полевых работ и представлению научных отчетов. Все они включали параграфы об археологических коллекциях. Одно из важнейших требований, сформулированное еще до 1917 г. – обязательное составление описей и сдача коллекций в музей, – было подтверждено уже первой советской Инструкцией в 1927 г. В 1949 г. впервые одним из оснований для ограничения объема работ по открытому листу признано отсутствие акта о сдаче коллекций на хранение. Не ослабевало и внимание к состоянию коллекций. При РАИМК-ГАИМК в 1920 г. был организован Институт археологической технологии, в течение последующих десяти лет издавший ряд инструкций по консервации и реставрации находок, не потерявших значения и в наши дни.

В 1930-х гг. развернулись масштабные полевые исследования в зонах новостроек, возобновившиеся после Великой Отечественной войны. Это способствовало увеличению притока археологических коллекций в центральные и региональные музеи. В 1970-х гг. объем новостроечных работ настолько возрос, что ситуация с непрерывно увеличивающимися коллекциями стала катастрофической. Обработать их должным образом оказалось очень трудно. Крупные экспедиции, работавшие на хоздоговорном финансировании, могли закладывать в смету расходы на камеральную обработку и реставрацию, но времени и сил не всегда хватало. Реставрационные лаборатории едва справлялись с объемом. Более всего обеспокоились сами археологи, особенно в центральных учреждениях Москвы и Ленинграда. Возникла даже идея создания временных коллективов для обработки и издания коллекций с последующей передачей в их музей, но для этого требовалось финансирование отдельно от полевых работ. Вместе с тем было признано,

что огромный размах новостроечных работ создал новые научные возможности для археологии как науки. Чтобы их реализовать, требуется не только совершенствование полевых методик, но и ввод информации в научный оборот, в том числе посредством создания экспозиций современного уровня в музеях. В настоящее время кризис в отношении первичной камеральной обработки археологических коллекций преодолен. Благодаря наличию средств и хорошей организации большинства экспедиций успевают если и не издавать, то, во всяком случае, обрабатывать коллекции. Но в музеях остались неразобранные, нереставрированные и неизданные коллекции прошлых лет. Сил и средств на приведение их в порядок уже нет ни у организаций, проводивших раскопки, ни у самих музеев.

Значительную трудность создает отсутствие централизованного источника информации об археологических коллекциях. Проблема обсуждалась еще на XV археологическом съезде в 1911 г. В 1939 г. археологической секцией Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы и Музейным отделом Наркомпроса был разработан проект сводного каталога археологических коллекций, находящихся в разных музеях. Подход очень современный, но, к великому сожалению, нереализованный. Создание государственного каталога Музейного фонда РФ предусмотрено Законом Российской Федерации «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (1998 г.). Однако до сих пор он не создан, отсутствуют нормативные документы, определяющие этот процесс.

Подводя итоги, отметим, что многие современные проблемы обозначились еще во второй половине XIX в. Некоторые не решены и сейчас. Более ста лет в России вырабатывались принципы формирования, документирования и хранения археологических коллекций. Возобладал научный подход, делающий коллекцию археологического материала историческим источником.

ЛИТЕРАТУРА

- Городцов В. А., 1911. Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала / По лекциям В. А. Городцова сост. С. И. Флях. М.: Печатня С. П. Яковлева, 64 с.
- Спицын А. А., 1898. Разбор, обработка и издание археологического материала // ЗРАО. Т. X. Вып. 1–2. СПб: Тип. И. Н. Скороходова. С. 346–357.

Сведения об авторе

Сорокина Ирина Анатольевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: iasorokina@yandex.ru.

I. A. Sorokina

Formation of modern standards of registration and preservation of archaeological collections in Russia

Abstract. Russian museums preserve numerous collections of archaeological artefacts recovered in the course of field research at the archaeological sites. Their information potential as historical sources directly depends on the methods of recording and selecting archaeological finds. Both in Russia and abroad standards regulating the level of scientific studying collections were worked out gradually. Great service in this field undoubtedly

belongs to the Imperial Archaeological Commission. After establishment of new regime in 1917 the Commission's traditions were preserved, moreover, after adoption of the Law on protection of cultural heritage in Russia there emerged new opportunities in this field. Many actual problems related with archaeological collections came into being as early as the second part of XIX century, and some of them have not been solved till now. Basic principles of formation, recording and preservation of archaeological collections in Russia were worked out for over a century. As a result, the scientific approach has prevailed, which turns an archaeological collection into true historical source.

Key words: archaeological collections, registration, conservation, restoration, preservation, museum stock

About the author

Sorokina Irina A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: iasorokina@yandex.ru.

Н. В. Лопатин

О ЗАДАЧАХ СОСТАВЛЕНИЯ СПРАВОЧНИКА ТЕРМИНОВ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ В АРХЕОЛОГИИ РОССИИ

Резюме. В статье рассматривается часть археологической терминологии – слова и словосочетания, обозначающие археологические культуры, эпохи, периоды. Определяются их свойства, варианты и особенности, как с точки зрения языкознания, так и на основе анализа археологических научных текстов – главным образом из ежегодника «Археологические открытия». Формулируются задачи составления словаря-справочника этих наименований, который должен иметь как обобщающее, так и прикладное значение.

Ключевые слова: археологическая культура, археологическая эпоха, атрибуция, словарь-справочник, терминология, научная номенклатура.

Система археологической терминологии в отечественной науке еще не может считаться досконально разработанной. Специальное внимание исследователей привлекала в основном та ее часть, которая связана с теорией науки, классификацией и другими базовыми понятиями (Классификация в археологии, 1990; Клейн, 1991. С. 342–395).

В то же время, недостаточно систематизирована часть археологической терминологии, обеспечивающая основную долю исследовательских операций, с которых начинается (и которыми часто заканчивается) большинство научных работ в археологии. Речь идет об определении положения предметов и явлений

в системе пространства и времени. Назовем эту сферу «культурно-хронологической атрибуцией» (или просто атрибуцией). В археологии принято, помимо чисто формальной регистрации географических координат и точек (отрезков) на шкале времени, разрабатывать систему пространственно-временных совокупностей разного охвата (эпох, периодов, культур и др.), применяемых в качестве четырехмерной матрицы для распределения анализируемых явлений. На данную область археологической терминологии было обращено внимание в специальной статье (*Красниенко, Субботин, 2000*), были также отмечены некоторые дискуссионные положения этой статьи (*Лопатин, 2000*).

Разумеется, культуры и эпохи перечисляются и характеризуются в обобщающих публикациях и справочниках энциклопедического характера, однако их система, варианты и способы построения, характеристика в качестве языковых единиц и необходимых элементов научного текста, как правило, не анализируются.

Область языкознания, изучающая научную терминологию, различает в ней несколько уровней: 1) собственно термины, обозначающие отвлеченные понятия; 2) номенклатурные слова (номены), обозначающие конкретные явления; 3) собственные имена единичных объектов (они́мы) (*Шелов, Лейчик, 2007. С. 44, 45*). Применительно к атрибуции в археологии к этим уровням относятся: 1) родовые понятия – *эпоха, культура* и т. д., 2) названия отдельных эпох и культур; 3) наименования памятников, подлежащих атрибуции. Лингвисты отмечают, что границы между терминами и номенами во многих случаях нечетки; последние всегда привязаны к терминам, группируясь вокруг родовых понятий (*Колясева, 2014. С. 152, 153*). Номены представляют собой следующий после создания собственно терминологии этап развития специальной лексики (*Гринева-Гриневиц, 2008. С. 43*).

В языкознании представлено также мнение, что термины-эпонимы (образованные от собственных имен) не входят в номенклатуру, а составляют самостоятельный класс слов (*Какзанова, 2010. С. 25*). Дискутируя с этой точкой зрения, В. М. Лейчик отмечает, что эпонимами могут быть слова всех трех вышеперечисленных уровней (*Лейчик, 2011. С. 137*). В составе археологической терминологии названия культур, их подразделений и объединений чаще всего представляют собой эпонимические прилагательные – например, *тушемлинская культура*. Вариант образования таких наименований – включение в их состав собственного имени памятника в неизменном виде: например, *культура типа верхнего слоя Тушемли*. Названия археологических культур, производные от собственных имен (чаще всего, топонимов), сами занимают некое промежуточное положение между именами собственными и нарицательными, поскольку обладают важнейшим свойством собственных имен – обозначать уникальный предмет или явление, выделяя его из ряда однотипных (*Лопатин, 2000. С. 152*). Однако установившаяся традиция написания названий культур со строчной буквы отделяет эту часть терминологии от имен собственных.

Отметив наличие трех уровней терминологии, в дальнейшем изложении всю совокупность обсуждаемой группы лексики будем для упрощения называть терминами атрибуции, помня о том, что в их число включены, строго говоря, также номенклатурные названия и термины-эпонимы.

Помимо задач обобщения, осмысления, оптимизации и стандартизации всей этой системы лексики, полезных для развития науки, возникает также задача прикладная – обеспечение разрабатываемых баз данных памятников археологии соответствующими терминологическими справочниками.

Исследование материала для составления справочника терминов культурно-хронологической атрибуции велось автором при составлении указателей к выпускам ежегодника «Археологические открытия» за 1994–2009 гг. Обобщение этих указателей показало, что в археологии для атрибуции используются термины и номенклатура как свои собственные (созданные в пределах самой археологии), так и заимствованные из смежных дисциплин. Термины эти обозначают понятия следующих семи основных групп:

- 1) эпохи и периоды археологические и исторические;
- 2) археологические культуры, их общности и подразделения;
- 3) эпохи и стили художественной культуры;
- 4) религиозные и культовые традиции;
- 5) древние государства и исторические территории, правители и династии;
- 6) этносы, расы, языковые семьи;
- 7) эпохи и периоды геологические.

Остановимся вкратце на терминах «первого уровня» (родовых), на которых построены термины собственно археологической атрибуции (первых двух групп).

Основными для первой группы являются: *эпоха* (и синонимичное *век* в данном значении: *эпоха бронзы*, *бронзовый век*) и *период* как подразделение эпохи: *период поздней бронзы*. Ведущий свою историю бытования в науке с момента появления «Системы трех веков», термин *эпоха* прижился и для обозначения подразделений основных «веков», подчеркивая, очевидно, значительность того или иного подразделения, напр. *эпоха ашеля*, *эпоха викингов*. Иногда в этом же значении используется термин *время* (например, *римское время*). Для отрезка истории, обеспеченного письменными источниками, на одном уровне с «тремя веками» археологи используют названия исторических эпох (*эпоха Античности*, *эпоха Средневековья* и др.). Как ни странно, термин *эпоха* (*век*) не попал в основополагающие терминологические словари, названные в начале статьи, хотя это понятие было и остается одним из фундаментальных в подразделении археологического материала.

Вторую группу обеспечивает довольно большое количество разнообразных терминов, которые в ряде случаев могут взаимозаменять друг друга или, наоборот, противопоставляться. Наряду с центральным термином *археологическая культура* применяются близкие по значению: *тип памятников* (напр., *памятники типа Узмень*), *группа древностей*, *культурно-хронологическая группа*. Последние могут пониматься и как составные части культур. Общепринятыми подразделениями культур являются также *локальные варианты*, *этапы*, *периоды* и др. Для обозначения совокупностей культур применяются термины: *культурная область*, *культурно-историческая общность*, *горизонт*, *культурный круг*, *технокомплекс* и др.

Следует отметить, что система атрибуции древностей и соответствующая ей терминология, традиционно сложившиеся в отечественной археологии, име-

ет специфику в международном контексте. Главным образом это выражается в более широком и последовательном использовании понятия археологической культуры, чем в европейской археологии, где во многих случаях для атрибуции используются в первую очередь обозначения эпох и периодов, а также хронологические системы. Данный подход реализован и в рамках современных систем описания и баз данных археологических объектов, например, *International Core Data Standard for Archaeological Sites and Monuments* (<http://archives.icom.museum/objectid/heritage/int6.html>) и БД *Arachne*, разрабатываемой в Германии (<http://arachne.uni-koeln.de/drupal/de>).

Несмотря на звучащую в отечественной археологии критику понятия археологической культуры, на практике укоренилось его активное применение для атрибуции, равно как и наличие обширного множества названий культур в научных текстах. Сводный указатель терминов атрибуции к ежегоднику «Археологические открытия» насчитывает, за исключением однокоренных вариантов, не менее 650 словарных входов, из которых около 370 принадлежит названиям археологических культур, их вариантов и общностей, при этом в подсчеты не включены отэтнонимические названия (типа *сарматская культура*).

Этот перечень не является полным и никогда не будет таковым – хотя бы потому, что новые культуры постоянно выявляются в ходе анализа археологических источников. Тем не менее, справочник должен стремиться к полноте, быть открытым и пополняемым. Неверно было бы ставить задачу выделить из всего данного массива терминологии ограниченный круг наиболее хорошо обоснованных и употребительных терминов, коль скоро справочник должен применяться для формализованного представления описаний из любых научных текстов.

В отличие от энциклопедий, в словаре не должно быть ни подробного, ни даже относительно краткого описания самих явлений, в том числе археологических признаков, выделяющих ту или иную культуру. В то же время необходима формулировка дефиниций каждого термина – с тем, чтобы термин выполнял роль знака, отсылающего к определенным территории, времени и эпохе. При этом придется учитывать, что смысловое наполнение многих терминов атрибуции варьирует в зависимости от употребления их разными авторами и меняется со временем. Поэтому каждый вариант дефиниции должен снабжаться ссылкой на источник.

Важными элементами каждой словарной статьи должны быть характеристики слов, обеспечивающие их правильное произношение, и в первую очередь – постановка ударения и последовательное употребление буквы «ё» в заголовках словарных статей. Также необходима словообразовательная характеристика слов – указание на исходную форму производящего слова, чаще всего топонима. Последнее требование вытекает из задачи предоставления материала для перевода терминов на иностранные языки, поскольку, в отличие от транслитерации, при переводе используется исходный топоним, а не форма прилагательного: *тушемлинская культура (от Тушемля) – Tushemlya culture*.

Справочник терминов атрибуции может существовать, с точки зрения структуры, как в алфавитном, так и в систематическом вариантах, а с точки зрения формы представления – в бумажном и электронном виде. Электронная форма публикации обеспечивает простой поиск термина в систематическом справочнике.

ЛИТЕРАТУРА

- Гринева-Гринева С. В., 2008. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия. 302 с.
- Каканова Е. М., 2010. Номенклатура и термины-эпонимы: обзор мнений // Вестник Московского государственного областного университета. Лингвистика. № 5. С. 21–25.
- Классификация в археологии, 1990. Терминологический словарь-справочник / Ред. В. С. Бочкарев. М.: Наука. 156 с.
- Клейн Л. С., 1991. Археологическая типология. Л.: АН СССР: Ленинградский филиал ЦЭНДИСИ. 448 с.
- Коляева А. Ф., 2014. Терминология в зеркале обыденного и профессионального языкового сознания: дис... канд. филол. наук. М. 330 с.
- Красниченко С. В., Субботин А. В., 2000. Археонимы, или о началах географической археологии // РА. № 3. С. 147–150.
- Лейчик В. М., 2011. Обсуждение проблем эпонимии в современной науке // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы Международной науч.-практич. Интернет-конференции. Ростов-на-Дону: Ростиздат. С. 134–142.
- Лопатин Н. В., 2000. О некоторых разрядах археологической терминологии // РА. № 3. С. 150–153.
- Шелов С. Д., Лейчик В. М., 2007. Номенклатурные наименования как класс научно-технической лексики. Состав и функции: учебное пособие. СПб: СПбГУ. 80 с.

Сведения об авторе

Лопатин Николай Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: n.lopatin@gmail.com.

N. V. Lopatin

Concerning the tasks of compiling a handbook of terms
on cultural-chronological attribution used in Russian archaeology

Abstract. In the paper there is considered a part of archaeological terminology, namely, words and word combinations used to denote archaeological cultures, epochs and periods. The terms' characteristics, variability and specifics are determined both from the standpoint of linguistics and analysis of scientific archaeological texts originating mostly from the year-book «Arkheologicheskiye otkrytiya» (Archaeological discoveries). The tasks of compiling a dictionary-handbook of the denominations are formulated, aimed at acquiring both generalizing and practical significance.

Key words: archaeological culture, archaeological epoch, attribution, dictionary-handbook, terminology, scientific nomenclature

About the author

Lopatin Nikolay V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: n.lopatin@gmail.com.

А. С. Смирнов

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Резюме. В статье анализируется развитие социальной базы отечественной до-революционной археологии. Археология, бывшая первоначально делом интереса высшей знати и аристократии империи, к началу XX в. имела сторонников в самых широких слоях российского общества, от крестьянства и мелкого чиновничества до представителей титулованной знати и крупных землевладельцев. Растущий интерес широких социальных слоев к изучению прошлого своей страны требовал создания системы археологического образования, которое отсутствовало в университетах. Подобные вызовы со стороны общества объясняют появление негосударственных высших учебных заведений археологического профиля. Наиболее полно подобным запросам удовлетворял Московский археологический институт, обладавший широкой сетью провинциальных отделений. Обучение в институте позволяло приобщиться к археологической науке многим лицам, по тем или иным причинам не имевшим возможности поступления в университеты. Хотя качество образования в институте уступало университетскому, многие выпускники МАИ стали известными учеными, активными деятелями в области охраны культурного наследия.

Ключевые слова: археология, дореволюционный период, социальная база науки, Русское археологическое общество, Московское археологическое общества, Губернские ученые архивные комиссии, Петербургский археологический институт, Московский археологический институт.

Изменение социальной базы дореволюционной отечественной археологии не новость для историков науки. А. А. Формозов даже предлагал выделить дворянский и разночинный периоды в развитии российской археологии (*Формозов*, 1995. С. 15–29). Но представляется, что проблема гораздо глубже и масштабнее. Следует говорить не об изменении, а о расширении социальной базы науки о древностях.

Как писал И. Е. Забелин, «археология началась с редкостей. Чтобы собирать редкости, нужны деньги. Поэтому археологические знания начались в богатых хорамах у аристократа» (*Забелин*, 2001. С. 89).

В 1851 г. в столице империи на основе кружка антиквариев возникло Археолого-нумизматическое общество, в дальнейшем получившее имя Русского археологического общества. Общество первоначально объединяло в своих рядах представителей родовой и служилой знати. Недаром первые выпуски «Mémoires» общества издавались на французском и немецком языках. РАО изначально финансировалось из государственной казны, что сближало его с казенными учреждениями.

Московское археологическое общество, учрежденное в 1864 г., спустя немногим более десяти лет после РАО, ставило задачей объединение максимально широко круга лиц, сочувствующих археологии, прежде всего, среди провинциальных деятелей. Хотя многолетний председатель МАО П. С. Уварова даже

в 1911 г. оставалась при мнении, что «археология – наука людей богатых», о чем и заявила в своем выступлении на XV археологическом съезде в Новгороде. Тем не менее, мелкопоместные дворяне, чиновники из разночинцев, сельские священнослужители были не редкостью среди членов общества.

Повсеместно возникавшие, начиная с 1884 г., Губернские ученые архивные комиссии объединили в своих рядах еще большее число неофитов от археологии, значительная часть которых была по происхождению из податных сословий.

Вовлечение в круг исследователей древностей столь большого числа желающих не могло не поставить на повестку дня вопрос об археологическом образовании. Эта проблема не раз поднималась на археологических съездах, но своего решения в рамках университетской системы так и не получила.

Ответом на запрос общества о необходимости специализированного археологического образования стали негосударственные археологические институты в Санкт-Петербурге и Москве, учрежденные в качестве частных высших учебных заведений. Формально их действительными слушателями могли стать только люди с высшим образованием. Но система вольнослушателей и некоторые лазейки в «Положениях» об институтах позволяли посещать лекции людям, не имевшим высшего, а нередко и гимназического образования. Все это давало шанс многим, чувствовавшим тягу к изучению прошлого своей страны, но, по ряду причин, лишенным права или возможности поступления в университеты, получить желанные знания.

В истории создания Петербургского и Московского археологических институтов отразились характерные черты своего времени. Петербургский археологический институт был учрежден в 1877 г. по инициативе одного из высших чиновников империи сенатора Н. В. Калачова. Первоначально число его слушателей было столь невелико, что чтение лекций происходило на квартире учредителя. Да и существовал он в первые годы во многом благодаря энергии Н. В. Калачева.

В этом плане показательна попытка создания сенатором археологического института в Москве в 1885 г. Для нового высшего учебного заведения были предусмотрены помещения в сооруженном Н. В. Калачовым новом здании архива министерства юстиции, где ныне размещается Архив древних актов. Над входом в залы института была выбита соответствующая надпись и начата закупка мебели для аудиторий. Но внезапная смерть Н. В. Калачова похоронила это практически созданное учебное заведение. Какой-либо широкой поддержки в обществе это начинание не получило.

Московский археологический институт был создан в 1907 г. двумя разночинцами, хотя и достигшими высот в своей карьере. Это были: помощник командующего войсками Московского военного округа генерал-лейтенант В. Г. Глазов, родившийся в семье врача в подмосковном Клину, и архивариус Московского отделения Общего архива императорского двора А. И. Успенский, сын сельского священника Тульской губернии. Именно благодаря им в институте появилось специализированное археологическое отделение, чего не было в Санкт-Петербурге. Одной из главных задач института провозглашалась популяризация археологических знаний (ОПИ ГИМ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 174. Л. 5 об.).

Идея создания Московского археологического института была полностью инициативой «снизу», изначально получившая широкую общественную подде-

ржку. В первый год деятельности института число его слушателей превысило 200 человек, а в последствие достигло 1000 (ОПИ ГИМ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 174. Л. 7 об.).

Обучение в Московском археологическом институте стоило 60 руб. в год, немалую по тем временам сумму. Тем не менее, в числе слушателей института были крестьяне, типографские рабочие, приказчики, купцы, чиновники, офицеры. Многие из них не имели высшего образования, да и со средствами на обучение у них было много проблем. И все же, разными способами добывая необходимые деньги, они продолжали слушание лекций.

Подобные настроения были характерны не только для первопрестольной. Отделения института появились в Смоленске, Калуге, Витебске, Нижнем Новгороде, Ярославле, Ростове Великом, Воронеже, Оренбурге. Велись переговоры об открытии отделений в Вильно, Орле, Курске и Рязани. Российская провинция была охвачена интересом к своему прошлому. Недаром именно в начале XX в. появилась новая форма организации археологической науки – областные археологические съезды, знаменовавшие качественное изменение в уровне профессионализации провинциальных научных деятелей.

Следует согласиться с тем, что уровень преподавания в Московском археологическом институте оставлял желать лучшего. Порядок обучения в этом, формально высшем, учебном заведении был весьма и весьма либеральным. Снисходительное отношение со стороны преподавателей к экзаменуемым было распространенным явлением. Далеко не всегда слушатели сдавали все предусмотренные учебным планом экзамены. Многих, не имевших гимназического образования, освобождали от предметов, связанных с изучением древних языков. Бывало и сами экзамены, по просьбам слушателей, переносились на следующий год.

Но люди, искренне стремившиеся к изучению археологии, получали в институте знания, позволившие им в дальнейшем стать известными учеными, заслужившими признание научного сообщества. Среди выпускников Московского археологического института Д. Н. Эдинг, Ф. В. Баллод, В. В. Гольмстен, Ю. Г. Гендуне, А. Н. Лявданский, Б. С. Жуков, С. Н. Замятин, М. Е. Фосс, П. С. Рыков. Из стен института вышли будущий профессор Латвийского университета и сотрудник Института истории материальной культуры АН Латвийской ССР Б. Р. Брежго, автор раскопок Афонтовой горы и иных памятников Сибири Н. К. Ауэрбах, исследователь памятников Крыма и Кавказа А. С. Башкиров, знатоки прошлого Урала В. П. Бирюков и А. А. Берс, один из корифеев археологии Средней Азии Г. И. Павильно-Пацевич.

Можно вспомнить: начинателя якутской археологии Е. Д. Стрелова; руководителя краеведческого движения на Витебщине в 1920-е гг. Д. М. Василевского; заместителя директора Витебского исторического музея Н. Н. Богородского; заместителя директора белорусского Центрархива М. В. Мелешко; профессора Белорусского государственного университета И. А. Сербова; директора Слонимского исторического музея И. И. Стабровского; декана исторического факультета Горьковского университета В. Т. Илларионова и многих других.

Интерес к прошлому привлекал в институт людей, которые не связывали свое профессиональное будущее с историей и археологией, но заслужили при-

знание на иных поприщах. В МАИ слушали лекции И. Д. Луцевич, получивший известность как поэт Янка Купала, И. Д. Иванов, впоследствии заслуживший всемирное признание скульптор Иван Шадр.

Выпускниками Московского археологического института в начале 1920-х гг. были укомплектованы многие местные просветительские и учебные организации. Поэтому, когда в 1922 г. было принято решение о закрытии Московского археологического института и его отделений, помимо учащихся, против были и многие руководители губернских управлений Наркомпроса и архивного ведомства, утверждая, что в противном случае невозможно будет укомплектовать подчиненные им учреждения квалифицированными сотрудниками (ГАРФ. Ф. А-298. Оп. 2. Д. 8. Л. 8, 12, 13, 16, 17).

Следует согласиться с тем, что упразднение Московского археологического института и слияние его с Московским университетом, с точки зрения уровня профессиональной подготовки ученых-археологов, было оправданным. Качество университетского образования, несомненно, выше, систематичнее и полнее, нежели было в МАИ.

Но с закрытием Московского археологического института исчезла та образовательная база, которая позволяла многим желающим приобщиться к тайнам изучения прошлого, формировала пласт подвижников изучения и сохранения древностей на местах, способствовала созданию когорты образованных краеведов. А главное – удовлетворяла потребности провинциального общества, проявлявшего недюжинный интерес к прошлому своей родины.

Недаром по образу и подобию Московского археологического института позднее были созданы археологические институты в Казани, Киеве, Ростове-на-Дону, Одессе. Но их история была недолгой, они разделили участь МАИ.

Все это свидетельствует о том, что за полвека, прошедшие со дня образования Русского археологического общества, интерес к археологии, бывший изначально делом узкого круга дилетантов-аристократов, в начале XX в. стал достоянием широких кругов не только столичного, но и провинциального общества. Расширение социальной базы археологической науки вызвало к жизни ряд негосударственных высших учебных заведений. Учреждение археологических институтов было реакцией на запрос общества, свидетельствующий о росте интереса к прошлому своей страны, проникшего во все социальные слои, формируя в дореволюционной России широкое внесловное сообщество людей, ставивших своей задачей изучение, охранение и пропаганду памятников археологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Забелин И. Е.*, 2001. Дневники. Записные книжки. М.: Изд-во имени Сабашниковых. 384 с.
Формозов А. А., 1995. Русские археологи до и после революции. М.: ИА РАН. 113 с.

Сведения об авторе

Смирнов Александр Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: assmirnov@mail.ru.

A. S. Smirnov

Formation of social base of pre-revolutionary Russian archaeology

Abstract. The article analyses evolution of the social base of the national pre-revolutionary archaeology. First archaeology was an occupation of the representatives of the Empire's higher nobility and aristocracy. By the beginning of XX century it had acquired supporters in the wide circles of Russian society ranging from peasantry and minor officials to the titled nobility and landlords. The increase of interest to the national history posed creation of special archaeological education (then absent in universities of Russia) as an important social task. Such challenges are responsible for establishing archaeological higher education in non-government structures. The Moscow Archaeological Institute (MAI) with its wide network of provincial branches fully met the demands. It gave opportunity to become a professional archaeologist to those who could not enter universities. The level of education in MAI was somewhat inferior as compared to universities, yet many known scientists active both in the field of protection of cultural heritage had graduated from MAI.

Key words: archaeology, pre-revolutionary period, social base of science, Russian Archaeological Society, Moscow Archaeological Society, Provincial scientific archive commissions, St. Petersburg Archaeological Institute, Moscow Archaeological Institute

About the author

Smirnov Alexander S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: assmirnov@mail.ru.

Ю. Б. Цетлин

ФОРМЫ СОСУДОВ КАК ОБЪЕКТ АНАЛИЗА И ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Резюме. С позиций историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским, в статье кратко излагается общий взгляд на формы глиняных сосудов как на объект научного анализа и источник исторической информации о прошлом непосредственных производителей и потребителей посуды.

Ключевые слова: историко-культурный подход, культурные традиции, анализ формы сосудов, исторический источник.

Данная небольшая статья посвящена краткому изложению с позиций историко-культурного подхода общих взглядов на формы глиняных сосудов, с одной стороны, как на объект научного анализа, а с другой стороны, как на источник исторической информации о прошлом непосредственных производителей и потребителей посуды.

1. Глиняные сосуды появляются в человеческом обществе для удовлетворения определенных потребностей людей. В одних случаях – это те потребности,

которые раньше удовлетворялись емкостями из других материалов, но глиняные делали это лучше, чем прежние. В других случаях – глиняные сосуды использовались для удовлетворения новых потребностей, которые неглиняные емкости удовлетворять не могли в принципе (например, контакт с открытым огнем).

2. Первоначальное формирование очертаний форм сосудов было связано с действием 5 основных факторов: 1) с развитием человеческих *потребностей* в емкостях; 2) с *копированием* форм более ранних неглиняных сосудов; 3) с общими закономерностями развития *структуры* форм сосудов; 4) с закономерностями развития *общей пропорциональности* сосудов, которые проявлялись в их дифференциации по этому признаку; и 5) дополнительное разнообразие форм сосудов возникло в результате взаимного влияния друг на друга четырех первых факторов.

3. *Функции сосудов*. Судя по данным этнографии, как в примитивных обществах, так и более развитых, глиняные сосуды имели достаточно узкие потребительские функции. По крайней мере, каждый гончар четко представлял, для чего должен служить сосуд, который он изготавливал. Изначальная функция сосуда влияла на его общую пропорциональность, естественную структуру и размер, которые поэтому могут служить источниками для ее изучения. При этом важно иметь в виду, что *исзначальная функция сосуда* не всегда совпадала с его *реальной функцией*, т. е. реальной сферой использования сосуда, которая реконструируется по особым «следам износа» на его поверхности и в изломах. Говоря о функции сосудов, важно учитывать, что в обществе, независимо от его этнокультурной принадлежности, формируется примерно одинаковый круг потребностей, который удовлетворялся разными глиняными или иными емкостями. К емкостям для удовлетворения основных потребностей человека относятся: 1) индивидуальные сосуды для питья (кружки, чашки, кубки); 2) сосуды для индивидуального или коллективного приема пищи (миски и горшки разного размера); 3) сосуды для приготовления пищи (горшки среднего размера); 4) сосуды для переноски и содержания жидкостей (кувшины); 5) сосуды для хранения продуктов (крупные горшки); 6) сосуды для удовлетворения культовых нужд и т. п. Богатство ассортимента форм сосудов зависит от детализации потребностей человека, т. е. в конечном счете – от степени развития общества. Но в любом случае *универсальными категориями посуды* остаются *мисковидные* (или низкие по общей пропорциональности), *горшковидные* (или средние) и *кувшиновидные* (или высокие) формы сосудов.

4. Здесь мы подходим к вопросу о степени связи культурных традиций создания форм сосудов с населением. Общеизвестно, что высокая эндогамность этнических групп – 85–90% (Бромлей, 1973. С. 115) – с неизбежностью вела к формированию *особенностей форм сосудов*, свойственных разным культурам. Помимо эндогамности этносов, это обусловлено действием еще 4 объективных факторов: 1) *постоянством* культурного состава гончаров; 2) передачей гончарных традиций между поколениями *по родственному каналу*; 3) *постоянством культурного состава потребителей посуды*, привыкших к сосудам определенных форм; и 4) *культурной родственности* гончаров и потребителей посуды (особенно в доремесленную эпоху).

5. Таким образом, с одной стороны, формы сосудов характеризуются некоторыми общими чертами, а с другой – они чрезвычайно разнообразны и имеют

свои особенности у разных групп древнего населения. В связи с этим можно выделить несколько уровней анализа форм сосудов, которые различаются по степени отражения в них культурных и этнокультурных особенностей разных групп древнего населения: I уровень (наиболее общий) – разнообразие форм по общей пропорциональности; II уровень (средний) – разнообразие структуры форм; III уровень (наиболее детальный) – особенности очертаний форм сосудов. Общая тенденция состоит в том, что чем глубже уровень анализа, тем в большей степени он связан с культурными и этнокультурными особенностями населения.

6. Пределы наших возможностей в изучении форм определяются как *объемом и содержанием историко-культурной информации*, содержащейся в этом источнике, так и имеющимися *методическими средствами выделения этой информации* из источника. Поскольку характер информации, которую содержит этот источник, мы знаем очень приблизительно, полезнее будет обратиться к обсуждению современных методических возможностей ее выделения.

При разработке системы историко-культурного анализа форм сосудов возникают три фундаментальные методические проблемы: 1) определение объективного предела детальности описания и анализа форм; 2) разработка приемов их анализа на количественном уровне; 3) разработка приемов перевода результатов количественного анализа на уровень качественных историко-культурных понятий.

7. *О пределах детальности анализа форм, который является необходимым и достаточным для историко-культурных выводов.* Выяснить это помогает обращение к этнографическим данным. В качестве такого объективного предела служит рубеж, за которым различия в формах сосудов возникают в *результате случайных колебаний, обусловленных физиологией труда гончаров*. Различия, которые находятся *выше* этого предела, отражают особенности культурных традиций коллектива, а различия *ниже* этого предела – характеризуют индивидуальные особенности физиологии труда гончаров. Анализ серий сосудов, изготовлявшихся гончарами ежегодно в течение нескольких лет, показал, что степень их сходства между собой у разных мастеров колеблется в интервале от 80 до 90%. Однако и гончар, и потребитель рассматривают эти сосуды как совершенно одинаковые, а отмеченные различия не препятствуют использованию их для традиционных хозяйственных и иных нужд. Таким образом, во всех случаях должна решаться задача *отделения случайных от неслучайных различий в формах сосудов*, которые мы изучаем.

8. *О содержании количественного уровня анализа форм сосудов и о переводе результатов количественного анализа на уровень качественных историко-культурных понятий.* Здесь выделяются три основных направления: 1) анализ *общей пропорциональности* форм, 2) анализ *естественной структуры* форм и 3) анализ *степени сформированности функциональных частей*, из которых состоит форма.

Учет *общей пропорциональности* форм позволяет выявить культурные традиции гончаров и потребителей, связанные с изготовлением и использованием в быту сосудов различных пропорций. По этому параметру выделяются 9 качественно разных состояний форм сосудов, выраженных количественно-

но: от *супернизких* до *средних* и далее до *супервысоких*. Анализ *естественной структуры* форм позволяет провести группировку сосудов по числу и составу функциональных частей, из которых состоит форма.

Наименее развитая структура включает три (губа+тулово+основание тулова), а наиболее развитая – 7 (губа+щека+шея+плечо+предплечье+тулово+основание тулова) функциональных частей. Каждая из функциональных частей может по степени развитости находиться в трех основных состояниях: *несформированном*, *частично-сформированном* и *полностью сформированном* (Бобринский, 1988).

Усложнение или упрощение естественной структуры форм и степени сформированности функциональных частей во времени отражает две разнонаправленные тенденции развития соответствующих культурных традиций в человеческих коллективах. Факты нарушения этих тенденций развития служат доказательством культурного смешения носителей разных гончарных традиций.

9. Одним из важнейших направлений исследования является *изучение механизма и закономерностей изменения форм сосудов во времени*. В настоящее время выделяются три основных уровня эволюционного развития форм сосудов.

I уровень – это микроэволюция. Он проявляется в постепенном изменении очертаний форм сосудов на протяжении жизни одного гончара. Здесь действует так называемый механизм *старения образа*. Дело в том, что изготавливая очередной сосуд, мастер каждый раз имеет в качестве образца для подражания мысленный образ предыдущего сосуда. Но так как он никогда не делает сосуды строго одинаковыми, он каждый раз подражает немного измененному образу. В течение жизни, с возрастом, эти изменения накапливаются, и сосуды изготовленные мастером в молодые и в старые годы уже заметно отличаются друг от друга. Этот измененный образ он и передает подросшим более молодым гончарам. У них происходит тот же процесс. Поэтому механизм *старения образа* действует не только в рамках одного поколения, но и между поколениями, продолжая влиять на изменение очертаний формы сосуда.

II уровень – это мезоэволюция. На этом уровне механизмом развития форм сосудов являются *культурные контакты* между носителями разных традиций создания форм. Эти культурные контакты проявляются, во-первых, через воспроизведение местными гончарами инокультурных сосудов, в результате чего возникают *формы-подражания*, имеющие синкретический облик, во-вторых, через непосредственное смешение носителей разных гончарных традиций в области формообразования.

III уровень – это макроэволюция. Она проявляется в виде двух процессов: дифференциации и универсализации форм сосудов. Дифференциация форм сосудов происходит а) по их общей пропорциональности, б) по ассортименту посуды, т. е. разнообразию их структуры и в) по размерным особенностям сосудов. Этот процесс обусловлен объективным ростом разнообразия и дифференциации человеческих потребностей. Универсализация форм сосудов проявляется в постепенном стирании культурных и этнокультурных различий в этой сфере у разных этнокультурных групп.

Таким образом, изучение форм сосудов с позиций историко-культурного подхода представляет собой целостную систему знаний, направленных на наиболее

полное использование возможностей этого источника для изучения древней истории населения в ее конкретных проявлениях. Как показывает накопленный сегодня опыт, возможности форм сосудов как источника исторической информации оказались практически неисчерпаемы.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А. А., 1988. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики / Отв. ред. А. А. Бобринский. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т. 1988. С. 5–21.

Бромлей Ю. В., 1973. Этнос и этнография. М.: Наука. 283 с.

Сведения об авторе

Цетлин Юрий Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: yu.tsetlin@mail.ru.

Yu. B. Tsetlin

Vessels' shapes as an object of analysis and source of historical information

Abstract. The publication presents a general view of investigations of clay vessels' shapes based on the historical-cultural approach worked out by A.A. Bobrinsky. Archaeological vessels are considered as an object of scientific analysis and the source of historical information on the past of the producers and consumers of clay pottery.

Key words: historical-cultural approach, cultural traditions, analysis of vessels' shapes, historical source

About the author

Tsetlin Yuriy B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: yu.tsetlin@mail.ru.

В. И. Гуляев

ОЛЬМЕКИ В ДОКОЛУМБОВОЙ МЕЗОАМЕРИКЕ: ВОЖДЕСТВО ИЛИ ГОСУДАРСТВО?

Резюме. Памятники культуры «ольмеков» конца II – середины I тыс. до н.э., занимавшие территорию Южного побережья Мексиканского залива, до сих пор вызывают споры по поводу их уровня социально-политического развития – вождество или раннее государство? Имеющиеся в настоящий момент данные заставляют большинство исследователей считать «ольмеков» сложным вождеством.

Ключевые слова: Мезоамерика, ольмекская культура, социально-политическое развитие, вождество, раннее государство.

В последние годы археологи демонстрируют все более растущий интерес к комплексным историческим исследованиям, чтобы попытаться объяснить зарождение и развитие сложных стратифицированных обществ в древнем мире. Особое внимание уделяется при этом изменениям в политической организации (Trigger, 1978), освещению тех факторов и причин, которые ведут к появлению государственности и цивилизации (Flannery, Marcus, 2012). Как правило, археологи определяют термины «цивилизация» и «государство» исходя из достижений обществ прошлого в области технологии и, особенно, по наличию монументальной архитектуры и каменной скульптуры. Вполне понятно, почему приоритет отдается именно этим *материальным* чертам исчезнувшей культуры: как раз они обычно лучше всего и представлены в археологических комплексах, выдержавших разрушительное воздействие времени. Нередко к числу определяющих признаков цивилизации относят наличие городов и письменности. Но, конечно, еще более важными для решения данной проблемы являются те социально-политические и экономические процессы, которые сопряжены с этими техническими достижениями. К сожалению, в большинстве своем эти процессы редко улавливаются на археологическом материале.

Следует отметить и огромные трудности в решении проблемы происхождения древнейших государств и наличие в научном сообществе серьезных споров по этому поводу. Что же породило, на мой взгляд, столь острую ситуацию? Прежде всего, поразительная скудость информации, касающейся переходного периода от уровня «вождества» (chiefdom), даже самого сложного, до уровня архаического государства. Здесь, как правило, вообще нет письменных источников, да и археологические часто находятся в явном дефиците.

Кроме того, теоретически наиболее существенным препятствием на пути успешного развития подобных исследований является широко распространенное непонимание того, что разрушение основ первобытнообщинного строя происходило, как правило, с помощью институтов и структур, уже существовавших в том же эгалитарном обществе. Другими словами, представители нарождающейся государственной власти использовали в своих целях традиционные институты и учреждения предшествующей эпохи, наполняя их новым содержанием. Теперь понятно, что причина многих дебатов о наличии или отсутствии государственной организации в том или ином регионе и в тот или иной период времени лежит в недопонимании одного ключевого момента: в обществах переходного типа, где новые элементы зарождающейся государственности спрятаны за старыми традиционными масками, во многих случаях совершенно невозможно точно определить, идет ли речь уже о появлении государства или же здесь продолжает существовать «вождество» (Аверкиева, 1970. С. 44). Этот процесс был длительным и сложным, и между обоими названными типами общественного устройства не стояло никакой четкой границы в духе Великой Китайской стены.

Для выявления археологических признаков вождества и раннего государства особо важное значение имеют материалы, происходящие из областей т. н. «первичных» цивилизаций – Месопотамия, Египет, Индия, Китай (в Старом Свете) и Мезоамерика и Перу (в Новом). Процесс социально-экономического и политического развития в этих случаях не подвергался влиянию со стороны бо-

лее развитых обществ и происходил в «чистом» виде: от первобытнообщинного строя к архаическому государству. Да и хронологически это самые ранние цивилизации на земле (конец IV – III тыс. до н. э.). В данной статье делается попытка проследить на основе археологических источников (письменные источники для рассматриваемого времени – конец II – первая половина I тыс. до н. э. – полностью отсутствуют) эволюцию социально-политической системы у «ольмеков», по поводу которых в научных кругах до сих пор ведутся ожесточенные дискуссии: существовала ли в стране «ольмеков» какая-то форма ранней государственности или же это общество находилось на уровне сложного вождества.

Первые памятники «ольмекской» культуры (Трес Сапотес и Ла Вента) на южном побережье Мексиканского залива, в мексиканских штатах Веракрус и Табаско, были открыты и предварительно исследованы довольно поздно – в конце 30-х – 40-х гг. XX в. Первых исследователей (археологов из США) поразил факт наличия многочисленной и оригинальной по стилю каменной скульптуры в виде гигантских базальтовых голов, алтарей и стел, а также изящных изделий из нефрита – топоров-кельтов, украшений, ритуальных масок и др. Возраст этих находок на фоне других археологических культур Мезоамерики с самого начала казался довольно ранним. Сначала в Трес Сапотес нашли обломки стелы «С» с календарной датой, соответствующей 31 г. до н. э. (Stirling, 1943). Затем анализы ¹⁴C образцов органики из Ла Венты в 1950-х гг. показали, что данный памятник существовал в 800–400 гг. до н. э. В этот период изучение раннеземледельческих поселений Доклассического периода (2000-0 гг. до н. э.) в Мезоамерике еще только начиналось, и поэтому «ольмекский» феномен с его монументальной каменной скульптурой и каким-то подобием ритуально-административных центров с земляными низкими платформами и пирамидами (Ла Вента, Сан Лоренсо, Теночтитлан, Трес Сапотес) заметно выделялся на фоне остальных земледельческих общин высоким уровнем своего развития. Тогда и родилась гипотеза о том, что «ольмеки» – создатели первой мезоамериканской цивилизации, оказавшей решающее влияние на происхождение всех более поздних высоких культур в регионе. В 60-е гг. XX в. археолог из США М. Д. Ко произвел раскопки еще одного крупного «ольмекского» центра – Сан Лоренсо, где помимо гигантских каменных голов (10 экз.) были открыты многочисленные антропоморфные и зооморфные скульптуры и ранняя керамика. Радиоуглеродные даты из этого нового памятника «ольмеков» укладывались в промежуток с 1150 по 900 гг. до н. э. (Coe, 1981. P. 117–146). И, вроде бы, идея об «ольмеках», как создателях «культуры-родоначальницы» в Мезоамерике, получила дополнительное подтверждение. Кроме того, на некоторых доклассических мезоамериканских поселениях встречались следы «ольмекских» импортов и влияний (нефритовые топоры и статуэтки, керамика, глиняные фигурки младенцев и людей-ягуаров), что считалось рядом ученых доказательством господства «ольмеков» над остальной Мезоамерикой, причем речь шла не просто о наличии у «ольмеков» простого государства, но даже о могущественной империи. Однако интенсивные археологические исследования последних десятилетий на всей территории Мезоамерики показали, что во второй половине II – начале I тыс. до н. э. вполне развитые и быстро прогрессирующие земледельческие общины с культовой архитектурой, каменной скульптурой и ритуально-административными центрами существовали тогда и в других районах – в Оахаке, Морелосе, Тер-

рере, долине Мехико, горных областях Чьяпаса и, особенно, на Тихоокеанском побережье Мексики и Гватемалы (*Flannery, Marcus*, 2000. P. 1–37).

Для решения вопроса о том, какого именно уровня развития достигло «ольмекское» общество в Доклассический период, очень важное значение имеют археологические признаки понятий «вождество» и «государство». К тому же для вождеств разного уровня мы имеем многочисленные этно-исторические источники по традиционным культурам Америки, Азии и Африки (*Березкин*, 2013; Политическая антропология, 2012). Историк-американист Д. Д. Беляев, ссылаясь на примеры из истории индейских племен бассейна р. Миссисипи на Юго-Востоке США, называет четыре признака «вождеств», частично улавливаемых археологами: различия в погребениях, поселенческая организация, характер ремесленного производства и система организации торговли (*Беляев*, 2012. С. 6). По мнению этнографа Ю. Е. Березкина, археологически видимые признаки вождества можно свести к четырём главным категориям:

1. общественно-культурные сооружения;

2. наличие изделий, производство или доставка которых объективно дороги, причем утилитарная полезность соответствующих предметов, если она вообще имеется, не оправдывает затраченного труда;

3. крупные поселения;

4. трехуровневая иерархия поселений (*Березкин*, 2013. С. 10–14).

Известные археологи из США К. В. Фланнери и Дж. Маркус для определения обществ с выраженным неравенством (от простого вождества и выше) используют следующие виды археологического материала: культовые сооружения (храмы и святилища), различия в погребальном обряде и наличие иерархии поселений (*Flannery, Marcus*, 2012). Если же обратиться к материальным признакам государства (имеются в виду государства архаичные или «первичные»), то еще со времен выдающегося английского археолога Г. В. Чайлда к их числу относятся письменность, города, монументальная архитектура (храм, дворец), неприкладное искусство, пышные гробницы царей и правителей (*Childe*, 1950).

Анализ археологических данных из региона «ольмеков» (южное побережье Мексиканского залива) показывает, что во II–I тыс. до н. э. там имелось всего четыре более или менее крупных ритуально-административных центра, частично синхронных во времени и отстоящих друг от друга на значительные расстояния. Все они имели монументальную каменную скульптуру (в том числе гигантские каменные головы: 10 – в Сан Лоренсо, 4 – в Ла Венте, 2 – в Трес Сапотес и 1 – в Лагуна де лос Серрос) и стояли во главе трехступенчатой иерархии поселений (сам центр, более мелкие вторичные центры и деревни). Погребальный обряд практически не известен, так как в очень влажном тропическом климате человеческие останки не сохраняются. Монументальной архитектуры нет. Городских поселений нет. Письменности тоже нет. Да и сами эти «крупные» центры «ольмеков» трудно при всем желании назвать городами: в них нет значительного населения, каменных храмов, жилищ элиты, дворцов, ремесленных мастерских и т. д. (*Hardoy*, 1973; *Sabloff*, 1984. P. 34–42).

Все вышесказанное заставляет предполагать, что в конце II – начале I тыс. до н. э. «ольмеки» достигли в своем развитии уровня сложного вождества.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкиева Ю. П.*, 1970. О месте «военной демократии» в истории североамериканских индейцев // СЭ. № 5. С. 33–45.
- Беляев Д. Д.*, 2012. Еще раз к вопросу о социально-политической организации ольмекской археологической культуры // Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конф. / [Отв. ред. Н. Н. Крадин]. Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т. С. 3–29.
- Березкин Ю. Е.*, 2013. Между общиной и государством: среднemasштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб: Кунсткамера. 255 с.
- Класен Х. Дж. М.*, 2006. Эволюционизм в развитии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л. Е. Гринина. Волгоград: Учитель. С. 37–52.
- Политическая антропология традиционных и современных обществ. Материалы международной конф., 2012. [Отв. ред. Н. Н. Крадин]. Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т. 363 с.
- Childe G. V.*, 1950. The Urban Revolution // *Town Planning Review*. Vol. 21, No. 1. P. 3–17.
- Coe M. D.*, 1981. San Lorenzo Tenochtitlan // Supplement to the Handbook of Middle American Indians. Vol. I: Archaeology / Ed. J. A. Sabloff. Austin: University of Texas Press. P. 117–146.
- Covarrubias M.*, 1957. The Indian Art of Mexico and Central America. New York: Knopf. 360 p.
- Flannery K. V., Marcus J.*, 2000. Formative Mexican Chiefdoms and the Myth of the «Mother Culture» // *Journal of Anthropological Archaeology*. Vol. 19. P. 1–17.
- Flannery K. V., Marcus J.*, 2012. The Creation of Inequality. Cambridge: Harvard University Press. 630 p.
- Hardoy J.*, 1973. Pre-Columbian Cities. New York: Walker and Company. 602 p.
- Sabloff J. A.*, 1989. The Cities of Ancient Mexico. Reconstructing a Lost World. London: Thames and Hudson. 224 p.
- Stirling M.*, 1943. Stone Monuments of Southern Mexico. Washington. 160 p. (*Bureau of American Ethnology Bulletin*; 138).
- Trigger B.*, 1978. Time and Tradition. New York: Academic Press. 273 p.

Сведения об авторе

Гуляев Валерий Иванович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: viguliaev@yandex.ru.

V. I. Gulyayev

Olmecs in pre-Columbian Mesoamerica: a chiefdom or a state?

Abstract. Monuments of cultural heritage spread in the southern coast of the Gulf of Mexico and associated with the Olmec people (late 2nd – mid 1st mill. BC) have been long discussed, mostly in relation with the level of their social and political development. The alternative views are: did it correspond to a chiefdom or early state model? At present the data at our disposal allow the majority of researchers to consider Olmec society as a complex chiefdom.

Key words: Mesoamerica, Olmec culture, social-political development, chiefdom, early state

About the author

Gulyayev Valeriy I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: viguliaev@yandex.ru.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук СССР.

АО – Археологические открытия. М.

АП – Археология Подмосквья: материалы научного семинара / Ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН.

АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.

БРЭ – Большая Российская энциклопедия. М.

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГЭ – Государственный Эрмитаж.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ЗРАО – Записки Русского археологического общества. СПб.

ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

ИАК – Императорская археологическая комиссия.

КИО – культурно-историческая общность.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН. М.

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (до 1959 г.)

ЛГУ – Ленинградский государственный университет.

МАИ – Московский археологический институт.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь, Крым.

МАО – Московское археологическое общество.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

МК РФ – Министерство культуры Российской Федерации.

ММК – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль».

НГОМЗ – Новгородский Государственный объединенный музей-заповедник.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РА – Российская археология. М.

РАИМК – Российская академия истории материальной культуры.

РАН – Российская академия наук.

РАО – Русское археологическое общество.

СА – Советская археология. М.

САЭ – Соловецкая (средневековая) археологическая экспедиция.

СГИАПМЗ – Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник.

СЛО – Соловецкий археологический отряд (ИА РАН).

СПбГУ – Санкт-Петербургский Государственный университет.

ЦМиАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, Москва, Спасо-Андроников монастырь.

Рис. 1. Пещера Двойная.
Костяное острие с орнаментом
из верхнепалеолитического слоя

Рис. 2. Мысхако I (Восточный холм). Керамика, орнаментированная вдавлениями
и различными видами штампов

Статья С. В. Кузьминых, В. И. Стефанова, С. А. Ханова (к с. 61)

Рис. 1. Таборинская бронзовая подвеска в виде миниатюрного кельта-топора

Статья А. А. Масленникова и др. (к с. 91)

Рис. 1. Поселение «Полянка». Общий вид. Аэрофотосъемка

Рис. 2. Разрез валообразной насыпи на восточном краю площадки городища.
Фото. Вид с севера

Статья И. Ю. Стрикалова, А. В. Чернецова (к с. 154)

Рис. 2. Ювелирные матрицы (А) и детали серебряных украшений (Б) из клада № 17, найденные в 2014 г. (номера на иллюстрации соответствуют номерам по описи)

Рис. 1. Наборы деталей поясной гарнитуры из могильника Шекшово 9 в Суздальском Ополье.

1-4 – цветной металл

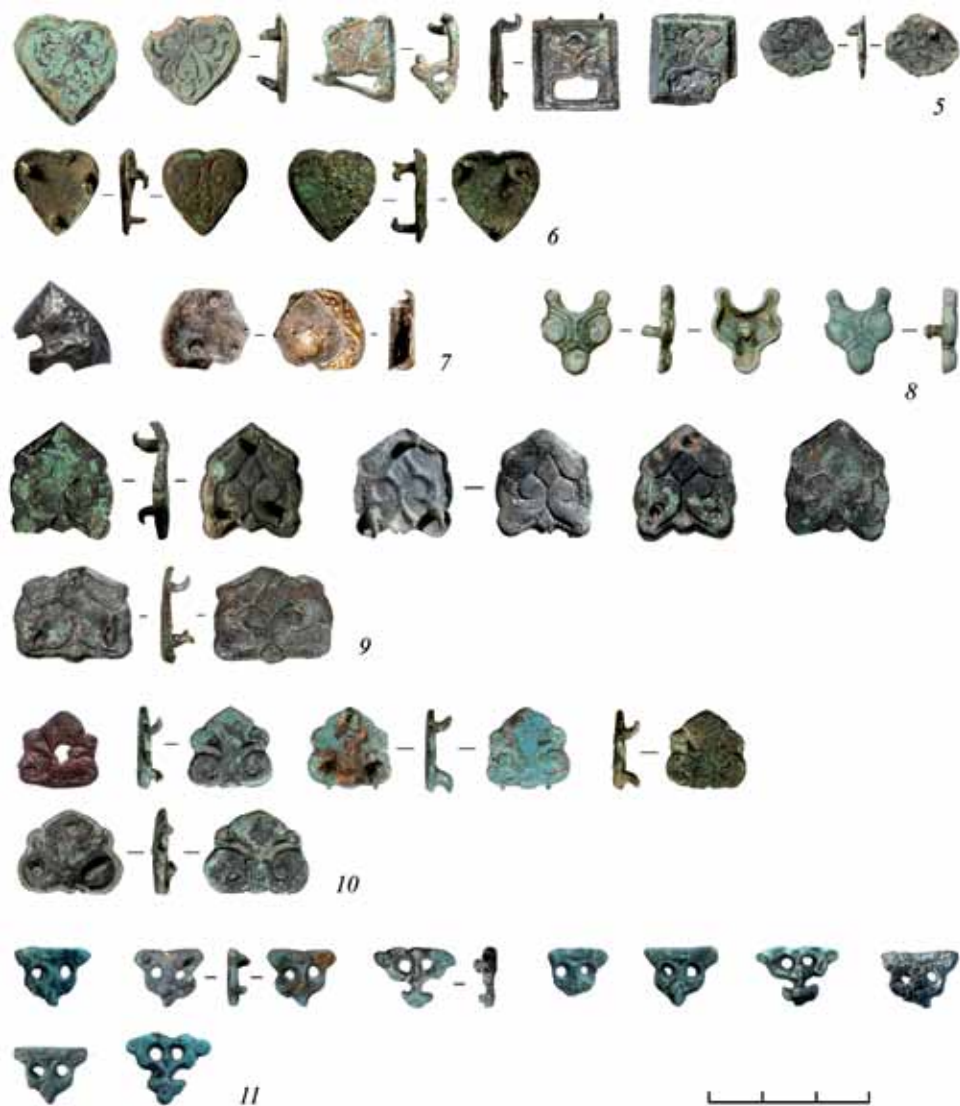

Рис. 1 (продолжение). Наборы деталей поясной гарнитуры из могильника Шекшово 9 в Суздальском Ополье.

5, 6, 8-11 – цветной металл; 7 – серебро

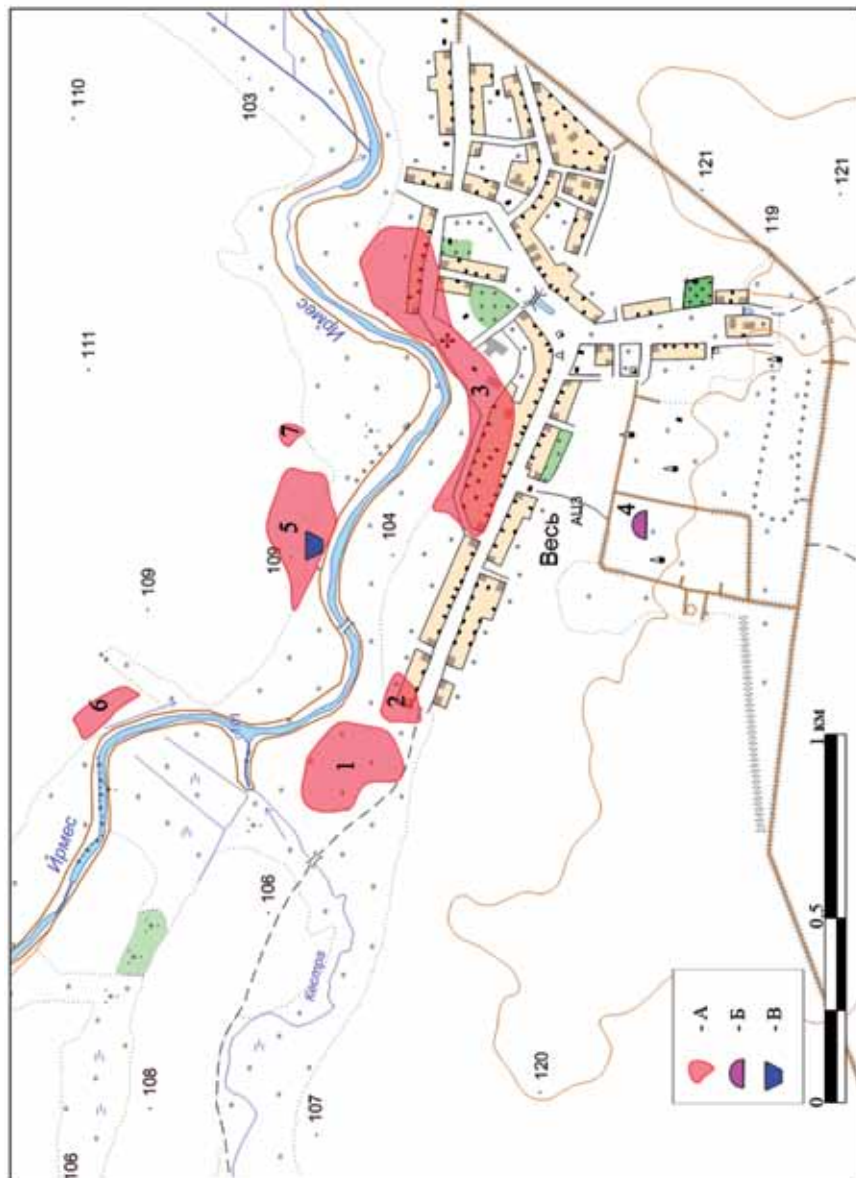

Рис. 1. Средневековые памятники в районе села Весь.

A – селище; *B* – курганный могильник; *B* – грунтовый могильник. 1 – селище Весь 1; 2 – селище Весь 2; 3 – селище Весь 3; 4 – курганный могильник Весь; 5 – селище и могильник Весь 5; 6 – селище Весь 6; 7 – селище Весь 8

Рис. 3. Подболотьевский могильник.

Погребальный инвентарь: 1 – топор (п. 67); 2 – удила (п. 19); 3 – стремена (п. 50); 4 – наконечник копья (п. 50); 5 – бусы (п. 45/2); 6 – бусы (п. 31); 7 – бусы (п. 28); 9 – нож (п. 11); 10 – калачевидное кресало (п. 11); 11 – лировидная пряжка (п. 11); 12, 13 – браслеты (п. 3); 14 – бусы (п. 3), 15 – пластинчатое кольцо (п. 3)

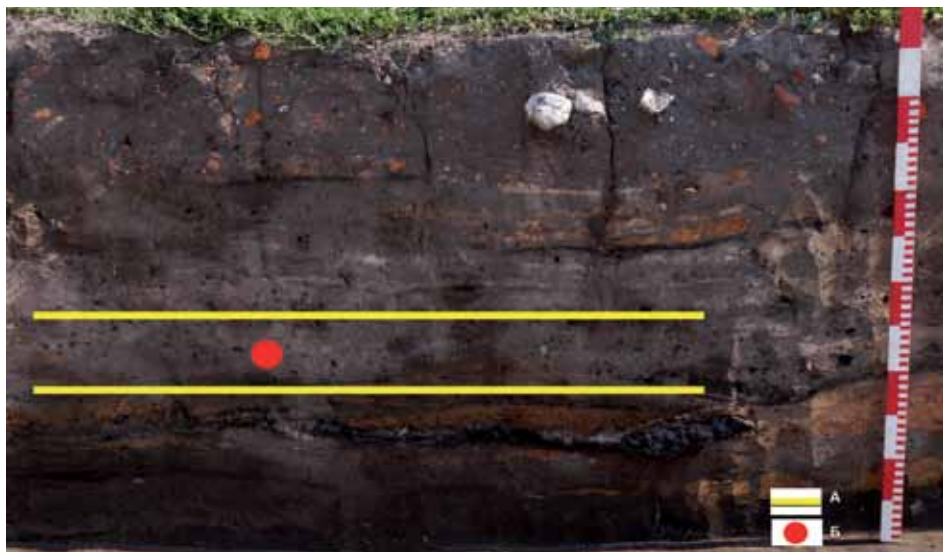

Рис. 3. Стратиграфическая позиция клада, обозначенная на южном профиле участка «Г» (линиями показаны границы раннезолотоордынского горизонта IV слоя)

Статья Л. А. Беляева (к с. 275)

Рис. 3. Рельефный полихромный изразец с изображением рака на листе кувшинки. 1656–1666 гг. (?)

Рис. 1. Изразцовый горн начала XVIII в. из Солодовых палат Ново-Иерусалимского монастыря. Вид с юго-востока. Фото

Рис. 2. Вид с севера. Фото

**Рис. 2. Остатки парамана в захоронении архимандрита Германа (†1682 г).
Шелковая ткань, золотное шитье**

Рис. 1. Фотоплан судна «Архенгел Рафаил», автор Р. Ю. Прохоров

Рис. 2. Расчистка трюма в центральной части корпуса судна

Рис. 3. Камзол после реставрации в Государственном Эрмитаже

Рис. 2. Кивер солдата 4-го полка линейной пехоты королевства Вестфалия

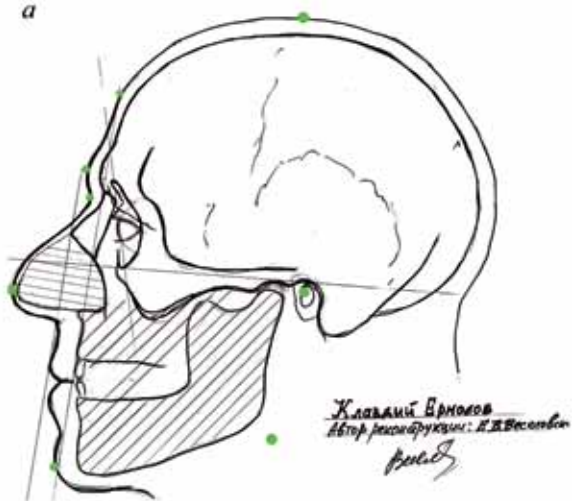
Рис. 3. Монеты 20 франков (золото) 1811 года чеканки, 5 франков (серебро) 1812 года чеканки из массовых госпитальных захоронений

а

б

в

Рис. 2. Локализация меток (ландмарков), использованных для сравнения профильных изображений представителей семьи Ермоловых:

а – финальная реконструкция по черепу Петра Алексеевича; б – портрет Алексея Петровича; в – этап реконструкции по черепу Клавдия Алексеевича

Рис. 1. Икона «Богоматерь Иерусалимская»

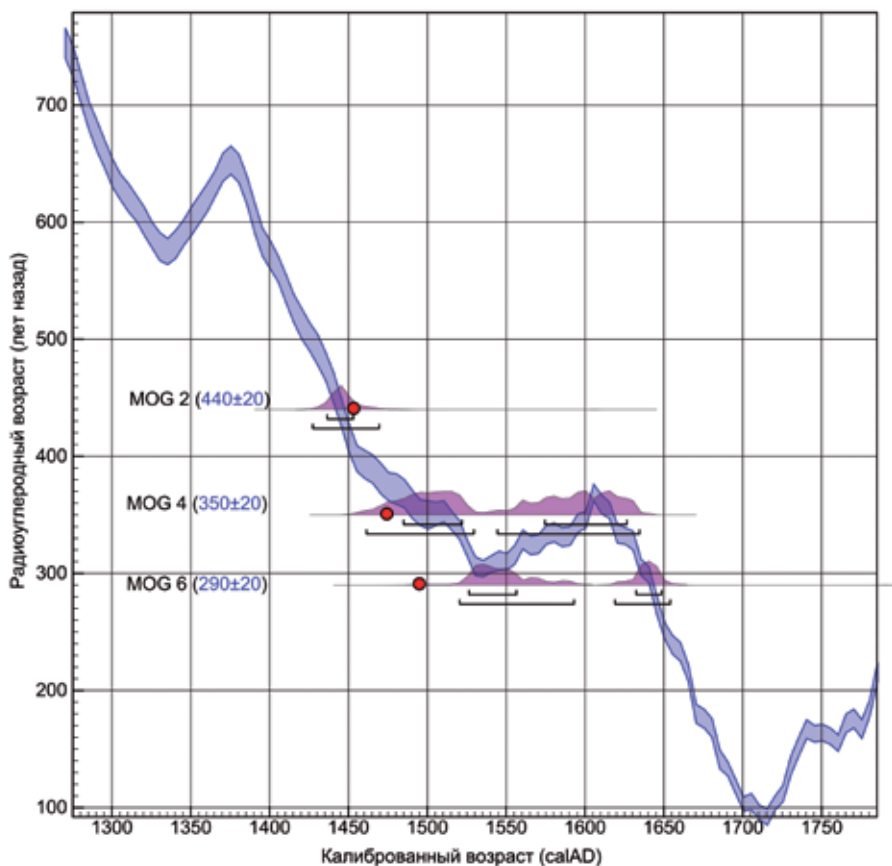

Рис. 2. Икона «Богоматерь Иерусалимская». Примеры расположения радиоуглеродных УМС дат на калибровочной кривой. Красные точки показывают соответствующие дендродаты

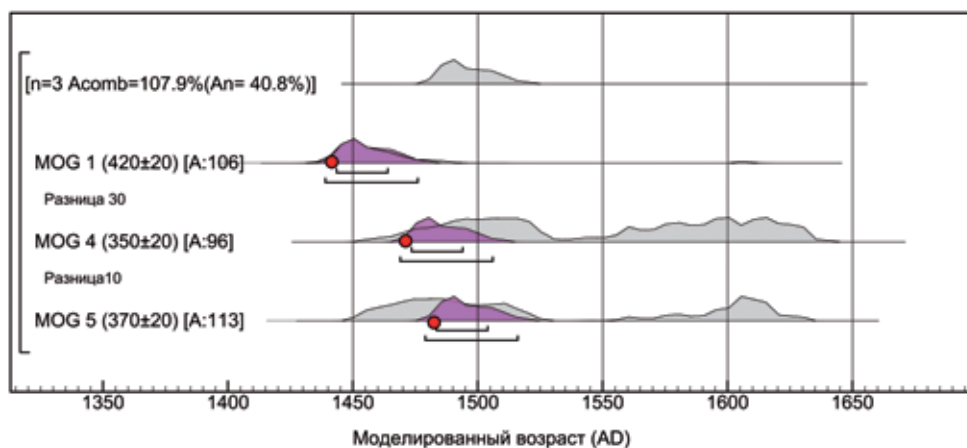

Рис. 3. Результаты процедуры согласования (wiggle-matching) для радиоуглеродных УМС дат. Красные точки показывают соответствующие дендродаты